УИЛЬЯМ САРОЯН

ДЖОЗЕФ ХЕЛЛЕР

БИБЛИОТЕКА
ЛИТЕРАТУРЫ

Поправка-22
Джозеф Хеллер

Аннотация
Джозеф Хеллер. Поправка-22
Глава первая. Техасец
Глава вторая. Клевинджер
Глава третья. Хавермейер
Глава четвертая. Доктор Дейника
Глава пятая. Вождь Белый Овсюг
Глава шестая. Обжора Джо
Глава седьмая. Маквот
Глава восьмая. Лейтенант Шайскопф
Глава девятая. Майор майор майор майор
Глава десятая. Уинтергрин
Глава одиннадцатая. Капитан Гнус
Глава двенадцатая. Болонья
Глава тринадцатая. Майор… де Каверли
Глава четырнадцатая. Кроха Сэмпсон
Глава пятнадцатая. Птичкард и Краббс
Глава шестнадцатая. Лючана
Глава семнадцатая. Солдат в белом
Глава восемнадцатая. Солдат, у которого двоилось в глазах
Глава девятнадцатая. Полковник Кошкарт

Глава двадцатая. Капрал Уиткум
Глава двадцать первая. Генерал Дридл
Глава двадцать вторая. Мило-мэр
Глава двадцать третья. Отец Нетли
Глава двадцать четвертая. Мило Миндербиндер
Глава двадцать пятая. Капеллан
Глава двадцать шестая. Аафрей
Глава двадцать седьмая. Мисс Даккит
Глава двадцать восьмая. Доббз
Глава двадцать девятая. Долбинг
Глава тридцатая. Дэнбар
Глава тридцать первая. Миссис Дейника
Глава тридцать вторая. Йо-йо и его соседи по палатке
Глава тридцать третья. Шлюха Нетли
Глава тридцать четвертая. День благодарения
Глава тридцать пятая. Мило-воитель
Глава тридцать шестая. Каземат
Глава тридцать седьмая. Генерал Шайскопф
Глава тридцать восьмая. Младшая сестра
Глава тридцать девятая. Вечный город
Глава сороковая. Поправка-22
Глава сорок первая. Снегги
Глава сорок вторая. Йоссариан

Аннотация

…Знаменитый антимилитаристский роман Дж. Хеллера «Поправка-22» в новом переводе.

«Поправка-22» — не просто антивоенный роман. Это всеобъемлющая сатира на американский образ жизни и его принципы, на американское общество, и особенно его высшие, «генеральские» слои…

(Из предисловия Г. Анджапаридзе «Лики Америки»)

Джозеф Хеллер
Поправка-22

Моей матушке, жене Шерли и детям
Эрике и Теду

БЫЛА ТОЛЬКО ОДНА ПОПРАВКА — ПОПРАВКА-22

Остров Пьяноса, расположенный в Средиземном море на восемь миль южнее острова Эльба, безусловно, чересчур мал, чтобы вместить описанные события. Как и окружающая обстановка, персонажи романа тоже вымышлены.

Глава первая
Техасец

Йоссариан полюбил капеллана мгновенно.

С первого взгляда и до последнего вздоха.

А в госпиталь он попал из-за болей в печени — хотя до желтухи его болезнь не дотягивала. Не дотягивала, к явному замешательству врачей, да и все тут. Если б она обернулась желтухой, они принялись бы ее лечить. Если б сошла на нет, отправили бы Йоссариана обратно в часть. Но желтуха не проявлялась, а Йоссариан не поправлялся, и это решительно сбивало их с толку.

Каждое утро они делали обход — трое деловито серьезных врачей, с уверенными речами и растерянными глазами, в сопровождении деловито серьезной мисс Даккит, одной из палатных сестер, которая недолюбливала Йоссариана. Изучив температурную карточку на спинке его госпитальной койки, они со скрытым нетерпением осведомлялись, как он себя чувствует. Их, видимо, раздражал его ответ, когда он говорил, что, мол, по-прежнему.

— И стула не было? — вопрошал врач в чине

полковника.

Йоссариан отрицательно качал головой. Врачи переглядывались.

— Дайте ему еще одну таблетку.

Мисс Даккит заносила распоряжение в свой блокнот и перемещалась вслед за врачами к следующей койке. Все палатные сестры недолюбливали Йоссариана. Печень у него уже прошла, но он предпочитал об этом помалкивать, и врачи вроде бы ни о чем не догадывались. Они, впрочем, догадывались, что со «стулом» он их дурачит, облегчаясь в уборной тайком и украдкой.

Йоссариану нравилась госпитальная жизнь. Кормили тут вполне сносно, и еду ему приносили прямо в палату. Больным полагалась дополнительная порция мяса, а когда наступала послеполуденная жара, им давали холодный фруктовый сок или шоколадный напиток. Кроме врачей и сестер, никто здесь не досаждал Йоссариану. По утрам он, правда, трудился часок-другой как военный цензор, зато уж потом с чистой совестью мог валяться на койке до самого вечера. Ему вольготно жилось в госпитале, причем выписки он ничуть не боялся, потому что температура у него устойчиво держалась градуса на полтора выше нормы. Ему было даже вольготней, чем Дэнбару,

который грохался временами в обморок — чтоб и его кормили прямо в палате, — а так ведь и морду расшибить недолго.

Решив проболеть до конца войны, Йоссариан написал всем своим знакомым, что попал в госпиталь, но почему — утаил. А потом его осенила блестящая идея. Он сообщил знакомым, что ему предстоит выполнить опаснейшее боевое задание. «Объявлен набор добровольцев. Риск смертельный, но ведь кто-то должен решиться. Я черкну вам пару строк, как только вернусь». И с тех пор он больше уж никому не писал.

Офицеры содержались в госпитале отдельно от унтер-офицеров и солдат, а по утрам досматривали их письма. Это была нудная работа, поскольку солдаты американской армии, как с досадой убедился Йоссариан, жили едва ли менее уныло, чем офицеры. Ему стало скучно в первый же день. Чтобы развлечься, он начал придумывать цензорские игры. Смерть определениям, решил он однажды — и принялся вымарывать из писем, которые проверял, все прилагательные и все наречия. На следующий день он объявил войну предлогам. А потом его посетило высокое вдохновение, и он решил оставлять в письмах только предлоги. Листки с разрозненными закорючками

предлогов обретали подспудный, внутренний драматизм, а сообщения становились гораздо универсальней. Когда и это ему надоело, он начал вычеркивать обращение и подпись, но текст письма оставлял нетронутым. А однажды, тщательно вымарав текст, оставил только зачин — «Дорогая Мэри» — и внизу приписал: «Тоскую по тебе безумно. Э. Т. Тапмэн, капеллан ВВС США». Тапмэн был их полковым священником.

Когда игры с письмами ему приелись, он занялся конвертами — начал вычеркивать адреса и фамилии, изничтожая, словно Всевышний, беспечным росчерком пера отдельных людей и целые семьи, дома, улицы, города и штаты. Поправка-22 предписывала, чтоб на каждом досмотренном письме ставилась фамилия цензора. Большинство писем Йоссариан теперь просто не читал. Только ставил на них свой росчерк. А прочитав письмо, назывался Вашингтоном Ирвингом или, для разнообразия, Ирвингом Вашингтоном. Вскоре его цензурные вымарки на конвертах привели к самым серьезным последствиям, заставив слегка взволноваться некие высочайшие военные сферы, и это легкое волнение выплеснуло к воротам госпиталя тайного агента военной прокуратуры из Отдела по борьбе

с преступностью. Агент ОБП, или в просторечии обэпэшник, водворился в офицерской палате как новый пациент. По желанию свести знакомство с Ирвингом или Вашингтоном и нежеланию досматривать письма — он отказался от этой унылой повинности на второй день — все сразу же поняли, кто он такой.

А вообще-то палата у них подобралась на славу, Йоссариан и Дэнбар никогда еще, пожалуй, в такой не лежали. Их соседом был, во-первых, двадцатичетырехлетний капитан с жидкими золотистыми усиками — летчик-истребитель, сбитый прошлой зимой над Адриатическим морем и даже не простудившийся. Сейчас-то стояло лето, но капитан, которого больше не сбивали, утверждал, что у него грипп. Справа от Йоссариана обессиленно покоился — всегда на животе — обомлевший офицер с малярийной инфекцией в крови и укусом комара на заднице. За проходом стояла койка Дэнбара, а возле Дэнбара лежал артиллерийский капитан, с которым Йоссариан отказался играть в шахматы. Игроком-то артиллерист был очень сильным, так что всякая партия превращалась у них в хитроумный поединок — хитроумный до идиотизма, как сказал Йоссариан, когда отказался с ним играть. А еще в их палате

обретался образованный техасец, выглядевший героем цветного фильма, и патриотическое чутье подсказывало ему, что состоятельный, то есть достойный, человек должен иметь на выборах больше голосов, чем какой-нибудь бродяга, мошенник, недоумок, атеист или, допустим, шлюха, то есть люди несостоятельные, а стало быть, и недостойные.

В тот день, когда к ним в палату принесли техасца, Йоссариан деловито выламывал из писем смысловую основу. Это был самый обычный, по-госпитальному бестревожный и жаркий летний день. Жара, тяжкой ладонью придавившая крышу, глушила все мирные дневные звуки. Дэнбар неподвижно лежал на спине, уставившись, будто кукла, в потолок. Он усердно удлинял время жизни. Он добивался этого, углубляя скуку. Он так успешно удлинял время жизни, что казался Йоссариану мертвым. Техасца положили на койку, и вскоре он обнародовал свои взгляды.

— Во-во! — стремительно привскочив, гаркнул Дэнбар. — То-то я думал — чего, думаю, нам не хватает, не хватает, да и все тут! А теперь, значит, понял. — Он шмякнул кулаком по ладони и удовлетворенно заключил: — Патриотизма у нас нету!

— Верна! — гаркнул ему в ответ Йоссариан. — Верна, верна и верна! Дедовы капиталы… да свои домашние причиндалы — вот что все защищают! А кто, спрашивается, защищает достойных людей? Кто воюет за их голоса? Нет у нас патриотизма! И даже матриотизма нету!

— А и наплевать, — безучастно сказал младший лейтенант, лежащий слева от Йоссариана. Высказавшись, он перевалился на другой бок с намерением уснуть.

Техасец оказался редкостно благородным, благодушным и благонравным. Дня через три его уже никто не мог выносить.

При встречах с ним зуд унылого раздражения охватывал человека, словно въедливая чесотка спинного хребта, и все шарахались от него — все, кроме солдата в белом, у которого не было выбора. Солдат этот был водворен к ним в палату контрабандой, под покровом ночной темноты, и они увидели его только утром — горизонтальный гипсово-марлевый кокон и четыре странные конечности, задранные к потолку с помощью свинцовых противовесов, угрожающе застывших в воздухе над неподвижным туловом. Конечности казались лишними, особенно задние. А в гипсовую оболочку передних, с внутренней

стороны на уровне локтей, были вставлены два шланга, по которым из прозрачного сосуда струилась вниз прозрачная жидкость. Между задними конечностями — там, где они отходили вверх от бедер, — в гипс была вмонтирована цинковая трубка, изогнутая плавной дугой и нисходящая к полу; недалеко от нижнего ее среза к ней примыкали две резиновые, для дренажа почек; объединенные таким образом отходы стекали в прозрачный сосуд, стоящий у койки на полу. Жизненный процесс длился непрерывно, и когда верхний сосуд пустел, а нижний наполнялся, их быстро и неприметно меняли местами. Общую стерильность солдата в белом нарушало одно-единственное темное пятно — размухренное от дыхания отверстие надо ртом.

Солдат в белом лежал возле техасца, и тот, сидя боком на своей койке, весь день благожелательно журчал, растягивая слова с приятной ленцой американских южан. Его не смущало, что собеседник молчит.

Температуру им меряли два раза в сутки. Ранним утром и под вечер сестра мисс Крэймер входила в палату и, неторопливо двигаясь от койки к койке, наделяла каждого больного градусником. Солдату в белом она вставляла градусник

туда, где под размухренной дырой в марлевой маске предполагался рот. Потом мисс Крэймер возвращалась к двери и делала второй обход, записывая температуру в карточки. И вот однажды, глянув на градусник, вынутый изо рта у солдата в белом, она обнаружила, что солдат умер.

— Убийца, — негромко проговорил Дэнбар.

На губах у техасца появилась неуверенная улыбка.

— Душегубец, — пояснительно обронил Йоссариан.

— О чем это вы, ребята? — с беспокойством спросил техасец.

— Ты убил его, — сказал Дэнбар.

— Погубил душу живу, — добавил Йоссариан.

— Да вы просто спятили, ребята, — пробормотал, отпрянув, техасец.

— Ты убил его, — повторил Дэнбар.

— Я слышал, как ты его приканчивал, — добавил Йоссариан.

— Ты убил его, потому что он черномазый, — сказал Дэнбар.

— Вы просто спятили! — выкрикнул техасец. — Нету здесь никаких черномазых! Их содержат отдельно.

— Сержант положил его сюда тайком, — сказал

Дэнбар.

— Сержант-то, он ведь красный, — пояснил Йоссариан.

— И ты это знал, — заключил Дэнбар.

Младшему лейтенанту, левому соседу Йоссариана, было наплевать на солдата в белом. Ему на все было наплевать, и он обычно молчал, а если и заговаривал, то исключительно чтобы выразить вслух свое раздражение.

Накануне встречи Йоссариана с капелланом в госпитальной столовой взорвалась газовая печь, и огонь мигом охватил одну из деревянных стен. По госпиталю медленно поползла волна удушливого жара. Даже в палате Йоссариана, футов за триста от столовой, слышался рев пламени и сухой треск полыхающих досок. Минут через пятнадцать с аэродрома приехали аварийные машины, и пожарные больше получаса не могли одолеть разбушевавшийся огонь. А когда победа была близка, небо над госпиталем привычно взбухло монотонным гулом бомбардировщиков, которые возвращались с очередного задания, и бойцы аварийной команды, торопливо скатав пожарные рукава, умчались восвояси, чтобы быть наготове, если какой-нибудь самолет грохнется при посадке и вспыхнет. Все самолеты

приземлились, однако, благополучно. Как только последний самолет сел, пожарные ринулись обратно в госпиталь. Когда грузовики одолели подъем — госпиталь стоял на холме, — оказалось, что пожар кончился, испустил дух сам по себе, и разочарованные пожарные, не отыскав ни одной головешки, которую стоило бы заливать, выпили остывший кофе, а потом долго слонялись по госпиталю, пытаясь утешиться с дежурными сестрами.

Капеллан появился на следующее утро. Йоссариан был погружен в работу — вычеркивал из очередного письма все, кроме любовных слов, — когда тот сел на стул между койками и спросил его, как он себя чувствует. Сел пришелец бочком, на краешек стула, и Йоссариан увидел поначалу только капитанские нашивки на вороте его рубахи. Не зная, кто к нему пришел, Йоссариан решил, что это новый врач или еще один сумасшедший.

— Прекрасно, — ответил он. — Печень слегка пошаливает и со стулом довольно туго, но в общем и целом я чувствую себя прекрасно.

— Это хорошо, — сказал капеллан.

— Да, — сказал Йоссариан, — это хорошо.

— Мне хотелось наведаться раньше, — снова заговорил капеллан, — да я неважно себя чув-

ствовал.

— А вот это плохо, — сказал Йоссариан.

— Просто насморк, — поспешно уточнил капеллан.

— А у меня температура, — так же поспешно уточнил Йоссариан.

— Это плохо, — сказал капеллан.

— Да, — сказал Йоссариан, — это плохо.

Капеллан поерзал на краешке стула.

— Может, вам что-нибудь нужно? — спросил он.

— Да нет, — вздохнул Йоссариан. — Врачи, по-моему, делают все возможное.

— Да нет, — слегка зардевшись, проговорил капеллан, — я не про это. Я про книги… или там сигареты… или, к примеру, игрушки…

— Да нет, — отозвался Йоссариан. — Большое спасибо. У меня вроде все есть — все, кроме здоровья.

— А вот это плохо, — сказал капеллан.

— Да, — сказал Йоссариан, — это плохо.

Капеллан опять немного поерзал. Потом несколько раз огляделся по сторонам, поднял взгляд к потолку и посмотрел на пол. А потом глубоко вздохнул и сообщил:

— Лейтенант Нетли шлет вам привет.

Йоссариана огорчило, что у них есть общий знакомый. Дело, значит, было не только в их обоюдной симпатии.

— Вы знаете лейтенанта Нетли? — разочарованно спросил он.

— Прекрасно знаю, — откликнулся капеллан.

— Он ведь немного того, правда?

Капеллан встревоженно улыбнулся.

— Вы думаете? — спросил он. — Я все же не настолько хорошо его знаю, чтобы об этом судить.

— Сомневаться тут не приходится, — уверил капеллана Йоссариан. — Он, как и все они, с большим приветом.

Капеллан веско помолчал, а потом вдруг отрывисто спросил:

— Вы ведь капитан Йоссариан, я не ошибся?

— У Нетли плохая наследственность. Он из хорошей семьи.

— Простите, бога ради, — испуганно сказал капеллан. — Возможно, я совершаю серьезнейшую ошибку. Вы действительно капитан Йоссариан?

— Да, — признал Йоссариан, — я действительно капитан Йоссариан.

— Из Двести пятьдесят шестой эскадрильи?

— Из Двести пятьдесят шестой боевой эскадрильи. И я не знаю другого капитана Йоссариана.

Насколько мне известно, я единственный капитан Йоссариан, которого я знаю, и больше мне про Йоссариана ничего не известно.

— Понятно, — с несчастным видом сказал капеллан.

— А если б нас было двое, то, возведенные в восьмую степень, мы составили бы номер нашей эскадрильи, — добавил Йоссариан, — это я на тот случай, если вы собираетесь писать про нас символическую поэму.

— Да нет, — промямлил капеллан, — я не собираюсь писать про вас символическую поэму.

Внезапно Йоссариан подобрался и выпрямился: он заметил серебряный крестик на вороте рубахи у своего собеседника — справа нашивки капитана, а слева крестик. Ему никогда не доводилось разговаривать с капелланом, и он радостно обалдел от подобной возможности.

— Так вы, стало быть, капеллан! — восторженно воскликнул он.

— В общем да, — откликнулся капеллан. — Так вы, стало быть, не знали, что я капеллан?

— В общем нет, — сказал Йоссариан. — Я, стало быть, не знал, что вы капеллан. — Он зачарованно смотрел на собеседника и широко улыбался. — Я раньше ни разу не видел капеллана.

Капеллан вспыхнул и смущенно опустил взгляд. Это был худощавый человек чуть за тридцать, с узким бледным лицом, рыжеватыми волосами и застенчивыми карими глазами. На щеках у него виднелись невинные оспинки — следы юношеских прыщей. Может, он в чем-нибудь нуждается, участливо подумал Йоссариан.

— Может, вы в чем-нибудь нуждаетесь? — участливо спросил капеллан.

Йоссариан, по-прежнему улыбаясь, отрицательно покачал головой.

— Да нет, — сокрушенно сказал он, — у меня вроде есть все, что мне нужно. Решительно все. Я ведь вообще-то даже и не болен.

— А вот это хорошо, — сказал капеллан. Его смутили собственные слова, и, обеспокоенно хихикнув, он прижал к зубам костяшки согнутых пальцев, но Йоссариан промолчал, и капеллан смутился еще сильней. — Мне надо навестить всех наших однополчан, — с ноткой вины в голосе после паузы выговорил он. — Я скоро опять к вам наведаюсь… может быть, даже завтра.

— А вот это хорошо, — сказал Йоссариан.

— Непременно наведаюсь, — повторил капеллан. — Но только если я и правда вам нужен, — застенчиво опустив голову, добавил он. — Если я

не буду вам в тягость… как многим другим.

— Не будете! — просияв от любовного расположения, заверил его Йоссариан. — Вы очень мне нужны, можете не сомневаться.

Лицо капеллана озарила благодарная улыбка, а потом он украдкой посмотрел на листок бумаги, который все время держал в руке, стараясь, чтоб Йоссариан этого не заметил. Пересчитав койки — Йоссариан видел, как у него шевелятся губы, — капеллан неуверенно воззрился на Дэнбара.

— Вы не скажете, — шепотом спросил он, — это лейтенант Дэнбар?

— Да, — громко ответил Йоссариан, — это лейтенант Дэнбар.

— Благодарю вас, — прошептал капеллан, — благодарю вас, вы очень любезны. Мне надо поговорить с ним. Мне надо поговорить со всеми воинами нашего полка, которые попали в госпиталь.

— Даже с теми, кто лежит в других палатах?

— Даже с теми, кто лежит в других палатах.

— Будьте осторожны в других палатах, святой отец, — предостерег его Йоссариан. — Это психические палаты. Там полно психов.

— Меня не обязательно называть «отец». Я анабаптист.

— Будьте осторожны, — мрачно повторил Йоссариан. — И не надейтесь на помощь военной полиции — там служат бесноватые маньяки. Я бы проводил вас, да сам боюсь их всех до смерти. Безумие заразительно. Наша палата единственное место, где собраны нормальные люди. Единственное место в госпитале, а может, и на всей земле.

Капеллан поспешно встал и бочком, бочком отступил от койки Йоссариана. Потом смущенно улыбнулся и пообещал вести себя с должной осторожностью.

— А теперь мне надо к лейтенанту Дэнбару, — заключил он. Однако не сдвинулся с места, и вид у него был немного виноватый. — Как он, по-вашему? Ничего?

— Нормальный парень, — заверил его Йоссариан. — Уникальный тип. И что самое замечательное — никакой самоотверженности.

— Да нет, я не об этом, — снова перейдя на шепот, заторопился капеллан. — Он очень болен?

— Да нет, не очень. Он и вообще-то не болен.

— А вот это хорошо. — Капеллан облегченно вздохнул.

— Да, — вздохнул и Йоссариан, — это хорошо.

— Капеллан! — воскликнул Дэнбар, когда тот поговорил с ним и ушел. — Представляешь себе?

Капеллан!

— А какова обходительность? — вопросительно утвердил Йоссариан. — Ему, пожалуй, должны дать не меньше трех голосов.

— Кто это ему должен? — подозрительно спросил Дэнбар.

В дальнем углу их палаты, за зеленой фанерной ширмой, трудился в поте лица своего на госпитальной койке представительный полковник лет сорока пяти, и его каждый день навещала миловидная молодая женщина со слегка волнистыми светло-пепельными волосами — не сестра милосердия, не дамочка из Красного Креста и не девица из Женского вспомогательного батальона, она тем не менее ежедневно приходила в госпиталь на Пьяносе, — грациозная молодая женщина в изящных платьях пастельных тонов, нейлоновых чулках с идеально прямыми швами и белых лодочках на невысоких каблучках. До болезни полковник был связистом, но, и заболев, трудился буквально с утра до вечера: получив очередной липкий рапорт о своем внутреннем состоянии, он методично запечатывал его в квадратный марлевый пакет и переправлял на низенький столик у койки, в белое ведерко с крышкой. Полковник этот поражал воображе-

ние. У него было темное, словно бы из тусклого серебра, лицо, провалившийся рот, впалые щеки и глубоко ввалившиеся, тоскливые, с мутной поволокой глаза. Он все время откашливался — негромко, сдержанно — и мешкотно, с привычным отвращением прижимал квадратики марли к бесцветным губам.

А вокруг волновалось море специалистов, которые специализировались на его недугах, пытаясь определить, в чем же с ним дело. Чтобы увидеть, как он видит, они высвечивали ему слепящими лучами глаза; чтобы почувствовать, как он чувствует, вгоняли в нервы иголки; а чтобы ощутить его ощущения — на латыни рефлексы, — лупили молотками по локтям и коленям. Психиатр исследовал у полковника психику, психолог — психологию, невропатолог — нервы, лимфатолог — лимфу, кистолог — кисту, а китолог — педантичный лысеющий доктор из Гарвардского университета, которого загребли на военную службу, потому что у компьютера в призывной комиссии сгорело сопротивление, и доктор биологии стал врачом, — пытался обсуждать с ним, хотя он едва дышал, художественность «Моби Дика».

Словом, обследовали полковника дотошно и

всесторонне. У него не было органа, который укрылся бы от внимания врачей. Их все до единого высветили и выследили, прослушали и прощупали, продезинфицировали и унифицировали, проанализировали и заанестезировали, вскрыли, удалили, умалили и пересадили. Хрупкая, опрятная и стройная, словно тростинка, женщина, сидя рядом с ним на стуле, часто дотрагивалась узкой ладонью до его плеча, а улыбка ее лучилась воплощением царственной печали. Сам он был высокий, худой и сутулый, а встав, сгибался почти пополам и двигался вперед будто высохший вопросительный знак, медленно, дюйм за дюймом передвигая по полу подошвы почти не гнущихся в коленях ног. Под глазами у него темнели фиолетовые мешки. Посетительница разговаривала с ним очень тихо — даже тише, чем он откашливался, — и никто в палате не знал, какой у нее голос.

Да и опустела вскоре палата, потому что их всех разогнал техасец. Первым сломался артиллерист, положив начало массовому исходу. Дэнбар, Йоссариан и летчик-истребитель выписались одновременно. Дэнбара перестали мучить головокружения, Йоссариан окончательно понял, что печень у него совсем не болит, а летчик-ис-

требитель вдруг напрочь избавился от насморка. Исцеление было всеобщим и безболезненным. Сбежал даже невозмутимый младший лейтенант. Меньше чем за десять дней техасец вернул их всех на боевые посты, к исполнению долга, — всех, кроме обэпэшника, который заразился от летчика-истребителя простудой и подхватил воспаление легких.

Глава вторая
Клевинджер

И все же обэпэшнику крупно повезло — ведь за пределами госпиталя продолжалась война. Люди обезумели и получали за это медали. По обе стороны линии фронта, рассекавшей мир, молодые парни шли на смерть — за родину, как им говорили, — и всем, похоже, казалось, что так и надо, особенно молодым парням, которые шли на смерть, не успев пожить. И не было, не предвиделось этому конца. Йоссариан-то, впрочем, предвидел конец — свой собственный; он мог бы отлеживаться в госпитале до второго пришествия, не явись туда техасец с его патриотизмом, взъерошенной башкой, почти упирающейся в пол челюстью и вечной, растянувшейся от уха до уха улыбкой. Ему хотелось осчастливить всех соседей по палате. Кроме Йоссариана с Дэнбаром. Больной, он и есть больной.

А впрочем, Йоссариан и сам не видел причин для счастья, так что техасец был тут ни при чем, он видел войну — и ничего веселого в этом не видел. За пределами госпиталя продолжалась

война, но никто ее, казалось, не замечал. Только Йоссариан с Дэнбаром. А когда Йоссариан пытался открыть людям глаза, когда он хотел образумить их, они шарахались от него и называли безумцем. Даже Клевинджер, который мог бы кое-что понять, но не понимал, сказал ему перед его отправкой в госпиталь, что он безумец, псих.

— Ты псих! — заорал Клевинджер, с лютым ожесточением глядя на Йоссариана и вцепившись обеими руками в столешницу.

— Клевинджер, ну чего ты пристаешь к людям? — устало спросил его Дэнбар, перекрыв на мгновение невнятный гомон офицерского клуба.

— Псих, — упрямо повторил Клевинджер.

— Они стараются меня убить, — рассудительно сказал Йоссариан.

— Да почему именно тебя? — выкрикнул Клевинджер.

— А почему они в меня стреляют?

— На войне во всех стреляют. Всех стараются убить.

— А мне, думаешь, от этого легче?

Клевинджер уже дернулся, полупривскочил со стула — глаза мокрые, губы выцвели и трясутся. Как и обычно, когда начинался спор о святых для него принципах, он был обречен закончить его,

яростно задыхаясь от негодования и смаргивая горькие слезы неразделенной веры. Клевинджера переполняла вера в святые принципы. Он был псих.

— Да кто «они»-то? — удалось все же выкрикнуть ему сквозь гневную одышку. — Кто, по-твоему, старается тебя прикончить?

— Каждый из них.

— Из кого «из них»?

— А как ты думаешь?

— Понятия не имею!

— А раз понятия не имеешь, так откуда ж ты знаешь, что они не стараются?

— Да ведь они… ведь я… — брызгая слюной, закудахтал было Клевинджер и безнадежно умолк.

Клевинджер искренне считал, что он прав, но Йоссариан опирался на неоспоримые доводы, поскольку совершенно незнакомые ему люди обстреливали его из зениток, стараясь прикончить, когда он сбрасывал на них бомбы, и в этом не было ничего веселого. Да и все остальное было не веселей. Ну можно ли веселиться, если живешь, будто бродяга, на диком острове, прижатый нагло раскорячившимися горами к безмятежно голубому морю, которое, однако, проглотит тебя при случае, так что ты и глазом не успеешь

моргнуть, а потом выплюнет через пару дней на берег — распухшего, лилового, осклизлого и свободного от житейских невзгод, со струйкой воды из каждой холодной ноздри?

К палатке, в которой он жил, почти вплотную подступали заросли тусклого мелколесья, отделявшего их эскадрилью от эскадрильи Дэнбара, а вдоль стены деревьев тянулась траншея заброшенной железной дороги с временным бензопроводом, из которого заправлялись на взлетном поле бензовозы. Благодаря Орру, его соседу по палатке, их жилище было самым роскошным в эскадрилье. Всякий раз, как Йоссариан возвращался после отдыха в госпитале или отпуска в Риме, он обнаруживал новые роскошества — камин, водопровод, бетонный пол, — появившиеся стараниями Орра, пока его не было. Место для палатки выбрал в свое время Йоссариан, а ставили они ее вместе — Орр, улыбчивый рыжий гномик с «крылышками» пилота и кудрявой густой шевелюрой, разделенной на прямой пробор, был главным распорядителем, а высокий, массивный, здоровенный и проворный Йоссариан покорно выполнял его распоряжения. Жили они вдвоем, хотя палатка вместила бы и шестерых. Когда настало лето, Орр поднял, скатав, боковые

стенки, чтоб застоявшийся внутри горячий воздух выдувало ветерком с моря, который никогда не дул.

Ближайшим соседом Орра и Йоссариана был Хавермейер, любитель козинака и ночной стрельбы по мышам: живя в двухместной палатке один, он еженощно пристреливал громадной крупнокалиберной пулей крохотную полевую мышь, для чего ему и понадобилось украсть у мертвеца из палатки Йоссариана пистолет сорок пятого калибра. Чуть дальше стояла палатка Маквота и Клевинджера, где Маквот коротал жизнь без прежнего напарника, потому что Клевинджер жил теперь отдельно — да его, впрочем, и не было, когда Йоссариан вернулся, — а переселившийся к Маквоту Нетли ухаживал в Риме за своей любимой сонной шлюхой, которой до смерти обрыдли и все мужчины вообще, и влюбленный Нетли в частности. Маквот был псих. Он летал над палаткой Йоссариана как можно чаще и как можно ниже — просто чтобы посмотреть, может ли его напугать, — а потом сворачивал, по-прежнему на бреющем, в сторону моря и с чудовищным, угрожающе близким ревом проносился над голыми солдатами, которые купались за песчаной косой возле деревянного плота, лениво покачивающе-

гося среди волн на пустых бочках из-под бензина. Жить в одной палатке с психом не так-то просто, но Нетли плевать на это хотел. Он тоже был псих и в свободное время строил офицерский клуб, куда Йоссариан не вложил ни капли труда.

Вообще-то существовало множество офицерских клубов, куда Йоссариан не вложил ни капли труда, но клубом на Пьяносе он особенно гордился. Это был могучий — и нерукотворный, если говорить о Йоссариане, — памятник его решительной непреклонности. Пока клуб строили, Йоссариана там никто не видел, а когда строительство завершилось, его практически только там в свободное время и можно было увидеть — очень уж нравился ему этот приземистый и крытый щепой, но вместительный и добротный дом. Дом был построен на совесть, а главное, Йоссариан проникался горделивым чувством полновесного свершения всякий раз, как он подходил к нему и вспоминал, что туда не вложено ни капли его труда.

А когда они с Клевинджером обзывали друг друга психами, их было четверо за столиком в офицерском клубе. Они сидели в глубине зала, у стола для игры в кости, на котором Эпплби неизменно выигрывал. Эпплби так же искусно

метал кости, как играл в пинг-понг, а играл в пинг-понг так же ловко, как делал любое дело. Ему превосходно удавалось все, за что бы он ни взялся, этому светловолосому парню из Айовы, который ухитрялся верить в Бога, Святое Материнство и Американский Образ Жизни, никогда не задумываясь о столь сложных понятиях, — причем каждый, кто его знал, относился к нему с искренней симпатией.

— Ненавижу поганца, — жалобно проворчал Йоссариан.

А спор с Клевинджером начался у них на несколько минут раньше, когда под руками у Йоссариана не оказалось пулемета. Народу было в клубе — не протолкнешься. К бару не протолкнешься, к столу для пинг-понга не протолкнешься, к столику для игры в кости не протолкнешься, а люди, которых Йоссариан хотел расстрелять из пулемета, беззаботно напевали, протолкавшись к стойке, старые чувствительные песенки — и никому, кроме него, эти песенки почему-то не надоедали. За отсутствием пулемета он со злобным сладострастием растоптал каблуком шарик для пинг-понга, подкатившийся ему под ноги.

— Ну Йоссариан, — ухмыльчиво перемолвились игроки и, покачав головами, достали из

коробки другой шарик.

— Ну Йоссариан, — тотчас же отозвался Йоссариан.

— Йоссариан, — шепотом предостерег его Нетли.

— Понял, про что я толковал? — спросил Клевинджер.

— Ну Йоссариан! — с откровенным смехом и гораздо громче повторили игроки, услышав, как он их передразнил.

— Ну Йоссариан! — эхом откликнулся Йоссариан.

— Ну пожалуйста, Йоссариан! — умоляюще прошипел Нетли.

— Понял, про что я толковал? — спросил Клевинджер. — У него антисоциальный психоз.

— Да уймись ты. — сказал Клевинджеру Дэнбар. Ему нравился Клевинджер, потому что тот наводил на него тусклое уныние и время тянулось медленней.

— Так ведь Эпплби-то здесь даже нет! — с торжеством уязвил Йоссариана Клевинджер.

— А кому здесь нужен Эпплби? — спросил Йоссариан.

— И полковника Кошкарта нет.

— А кому здесь нужен полковник Кошкарт?

— Да какого же поганца ты ненавидишь?

— А кто из поганцев здесь есть?

— Нет, с тобой бессмысленно разговаривать, — решил Клевинджер. — Ты даже не знаешь, кого ненавидишь.

— Прекрасно знаю, — возразил Йоссариан. — Того, кто пытается меня отравить.

— Никто тебя не пытается отравить.

— Два раза уже пытались — неужто не помнишь? Когда мы штурмовали Феррару и Болонью.

— Тогда всех чуть не отравили, — напомнил ему Клевинджер.

— А мне, думаешь, от этого легче?

— Так не отравили же! — лютея от беспомощности, выкрикнул Клевинджер.

Насколько ему помнится, принялся с терпеливой улыбкой растолковывать Клевинджеру Йоссариан, кто-то всегда пытается его прикончить. Кое-кому он по нраву, а все остальные его ненавидят — видимо, за то, что он ассириец, — и хотят сжить со свету. Да только ничего они с ним не сделают, потому что у него в невинном теле здоровый дух, а сил — как у буйвола. Ничего они с ним не сделают, потому что он Тарзан, Мандрэйк и Флеш Гордон. Он Билл Шекспир. Он Каин, Улисс

и Летучий Голландец. Он Лот в Содоме и Деирдре Печальница. Он Свинни в соловьином саду. Он таинственный элемент Зэт-247. Он…

— Псих! — завопил Клевинджер. — Законченный псих!

— …величайший из величайших. Грозный, неистовый, самый-распросамый трехкулачный победимчель. Я сверхчеловерх.

— Ты? Сверхчеловек? — вскинулся Клевинджер.

— Сверхчеловерх, — поправил его Йоссариан.

— Да прекратите вы, ради бога, — просительно забормотал Нетли. — Все и так уже на нас пялятся.

— Ты псих! — смаргивая злобные слезы, выкрикнул Клевинджер. — У тебя комплекс Иеговы, ты…

— Нафанаил?

— Это кто еще такой — Нафанаил? — с трудом обуздав свой пафос, подозрительно спросил Клевинджер.

— Какой Нафанаил? — невинно поинтересовался Йоссариан.

— Какой бы там ни был — Нафанаил так Нафанаил. А ты в каждом подозреваешь Иегову. Ты хуже Раскольникова…

— Какого Раскольникова?

— А такого Раскольникова, который…

— Раскольников?

— …который считал, что ему дозволено убить старуху…

— Даже хуже?

— …да-да, считал, что дозволено… топором!.. И я могу доказать! — Судорожно ловя ртом воздух, Клевинджер начал перечислять болезненные симптомы Йоссариана: бесноватая убежденность, что все вокруг психи, одержимость убийством нормальных людей из пулемета, навязчивая тяга к извращению прошлого, сумасшедшая подозрительность и мания преследования.

Но Йоссариан был уверен в своей правоте — потому что ему, как он объяснил Клевинджеру, еще ни разу не случалось ошибиться. А если вокруг разумного молодого человека безумствуют психи, он поневоле должен заботиться о своей безопасности. И заботиться как следует, иначе ему не выжить.

После госпиталя Йоссариан решил получше присмотреться ко всем в эскадрилье. Мило Миндербиндера на месте не было, он отправился в Смирну за финиками. Однако столовая прекрасно работала и без него. Еще сидя в госпитальной

машине, пока она тяжко скакала вниз по извилистой и бугристой, словно драная подтяжка, дороге, он с вожделением принюхивался к пряному аромату приправленного острыми специями барашка. На обед в тот день подавался шашлык — сочные куски мяса, аппетитно шипевшие над жаровней, будто сатанинские змеи, да еще и промаринованные до этого трое суток в особом растворе, рецепт которого Мило Миндербиндер выведал обманным путем у жуликоватого ливанского торговца, — а гарниром к шашлыку служил персидский рис и спаржа с пармезаном; после шашлыка можно было освежиться на десерт вишневым желе и чашечкой турецкого кофе с рюмкой ликера или бренди. Столы в столовой были застланы камчатыми скатертями, а еду, огромными порциями, разносили проворные итальяночки, которых завербовал в Италии майор… де Каверли и отдал на откуп Мило Миндербиндеру.

Йоссариан набивал брюхо, пока не почувствовал себя взрывоопасным, а потом в бессильном оцепенении откинулся на спинку стула, ощущая во рту сочный привкус только что съеденного обеда. С тех пор как Мило Миндербиндер стал начальником столовой, обыденные трапезы

превратились у них в роскошные пиршества, и на мгновение Йоссариану показалось, что все в мире не так уж плохо. Но потом он рыгнул, вспомнил об угрожающей ему насильственной смерти и, сорвавшись с места, помчался разыскивать доктора Дейнику, чтобы тот освободил его от полетов и отправил домой. Доктор Дейника грелся возле своей палатки на солнышке.

— Пятьдесят боевых вылетов, — сообщил он Йоссариану, покачав головой. — Пятьдесят боевых вылетов — приказ полковника.

— Вот-вот! А у меня только сорок четыре!

Доктор Дейника, унылый человек, напоминающий издали птицу, но с хищными, остренькими чертами откормленной крысы на лопатообразном лице, окинул Йоссариана равнодушным взглядом.

— Пятьдесят боевых вылетов, — качая головой, повторил он. — Пятьдесят вылетов — приказ полковника.

Глава третья
Хавермейер

Йоссариану не удалось присмотреться после госпиталя ко всем в эскадрилье, потому что на месте были только Орр да мертвец из их палатки. Мертвец из их палатки очень досаждал Йоссариану, хотя он никогда его не видел. Делить палатку с мертвецом никому не понравится, и Йоссариан даже ходил несколько раз в штаб — жаловался на мертвеца сержанту Боббиксу, который неизменно отказывался признать, что мертвец существует, и спорить с ним было трудно. Но еще труднее было спорить с майором Майором, высоким и костлявым командиром эскадрильи, немного похожим на удрученного Генри Фонду, который выскакивал из палатки в окно всякий раз, как Йоссариан прорывался к нему, сломив сопротивление сержанта Боббикса. А попробуй-ка уживись по-человечески с мертвецом! Мертвец этот портил жизнь даже Орру, с которым тоже нелегко было ужиться и который встретил Йоссариана, когда он вернулся из госпиталя, равнодушным «Привет», не отрываясь от

возни с форсункой для подачи топлива в печку, украсившую стараниями Орра их палатку, пока Йоссариан лечился.

— Чем это ты тут занимаешься? — осторожно спросил его Йоссариан, хотя все и так было ясно.

— Да вот форсунка, понимаешь ли, подтекает, — ответил Орр. — Надо починить.

— Прекрати, пожалуйста, — сказал Йоссариан. — Это действует мне на нервы.

— Когда я был мальчишкой, — тотчас же отозвался Орр, — я ходил с дынькой за пазухой. Пристрою под рубашкой и хожу.

Йоссариан отставил в сторону свой вещевой мешок и настороженно замер. Однако после минутной паузы все же не выдержал.

— Для чего? — спросил он.

— А чтоб не совать за пазуху арбуз, — победно хихикнув, ответил Орр.

Он стоял на коленях в глубине палатки и терпеливо, безостановочно возился с форсункой — разбирал ее, аккуратно раскладывал на бетонном полу маленькие детальки, внимательно считал их, потом брал каждую в руку и подолгу рассматривал, будто никогда ничего похожего не видел, а потом, тщательно собрав форсунку, принимался неторопливо разбирать — снова

и снова и снова и снова и снова и снова, — без устали и с большим интересом, споро, спокойно и методично. Йоссариан напряженно следил за этой бесконечной возней и понимал, что вскоре Орра придется убить. Он посмотрел на охотничий нож, подвешенный мертвецом в день приезда к раме противомоскитной сетки. Нож висел рядом с пустой кобурой, из которой Хавермейер украл мертвецов пистолет.

— Когда мне не удавалось добыть дыньку, — продолжал Орр, — я совал за пазуху небольшой арбуз. По размеру-то он примерно с дыньку, но форма у него гораздо хуже — хотя не в форме, конечно, дело.

— Для чего ты совал за пазуху дыню или арбуз? — спросил его Йоссариан. — Вот что мне хотелось бы узнать.

— А чтоб не ходить с камнем за пазухой, — объяснил ему Орр. — Что ж я, по-твоему, злодей?

— Для чего, — со злобным восхищением повторил Йоссариан, — ну скажи ты мне на милость, для чего тебе, треклятому золоторучному починяльному отродью, понадобилось ходить со всяким дерьмом за пазухой?

— Не с дерьмом, — отозвался Орр, — а с дынькой. Я ходил с дынькой за пазухой. Ну, правда,

когда у меня не было под руками дыньки, я ходил с арбузом. За пазухой.

Орр хихикнул. Йоссариан твердо решил молчать — и промолчал. Орр терпеливо выжидал. Йоссариан оказался терпеливей.

— Так и ходил — с дынькой, — сказал Орр.

— Зачем?

— За пазухой, за чем же еще! — радостно подхватил промашку Йоссариана Орр. — Я ж тебе говорил.

Йоссариан одобрительно усмехнулся, но смолчал.

— Странная штука, — снова углубившись в работу, пробормотал Орр.

— А чего тут странного?

— Да мне всегда хотелось…

— Ох и зануда, — сообразив, что опять попался, вздохнул Йоссариан. — Так зачем…

— За пазухой, сколько раз можно объяснять? Мне, понимаешь ли, всегда хотелось грудь колесом.

— Колесом?

— Опять ты за свое! Не в форме дело, я ж тебе говорил. Мне хотелось, чтоб у меня была могучая грудь. Мощная, понимаешь? На форму мне было наплевать. Я хотел выглядеть могучим и ста-

рался переупрямить природу, вроде тех психов, которые мнут с утра до ночи резиновые мячики в руках, чтобы у них выросли здоровенные кулаки. Я и мячики в руках мял…

— Для чего?

— Для рук, для чего же еще? Возьму в каждую руку по мячику и мну.

— Да зачем ты их мял?

— А затем, что мячики…

— Лучше арбуза?

Орр засмеялся и отрицательно покачал головой.

— Нет, мячики мне были нужны для сохранения репутации: если б кто-нибудь сказал, что у меня камень за пазухой, я бы раскрыл ладони, и он понял бы, что не камень, а мячики и не за пазухой, а в руках. Трудно не понять, верно? Только вот не уверен я, что меня понимали: иногда, бывало, поглядит человек на мои здоровенные кулаки — я ведь их здорово мячиками укрепил — и думает, что у меня камень за пазухой.

Йоссариан поглядел на крохотные кулачки Орра и решил, что у него за пазухой все же сердце, а не камень.

Сердце, правда, весьма скрытное и лукавое, так что продолжать с ним разговор не имело

смысла. Йоссариан прекрасно знал Орра — и знал, что черта с два от него добьешься, зачем ему нужна была грудь колесом. Так же в точности, как невозможно было от него добиться, почему случайная ночная партнерша лупила его однажды утром по башке своей туфлей в тесном коридорчике римского борделя, рядом с открытой дверью комнатенки, где ютилась обычно младшая сестра любимой шлюхи Нетли. Здоровенная и рослая, дебелая и длинноволосая, с ярко-голубыми венами под матово-золотистой кожей, она выкрикивала ругательства и высоко подпрыгивала, держа туфлю в правой руке и стараясь лупить его точно по макушке острым, как гвоздь, каблуком. Оба они были голые, да и те, кого взбудоражил поднятый ими шум, тоже стояли голые на порогах своих комнатенок — по голой паре в каждом дверном проеме, — и только два человека были среди них одеты: скромная старуха, которая укоряюще квохтала, да похотливый старикан, который сладострастно смотрел на них и радостно хохотал с видом завистливого, но чванливого превосходства. Девка вскрикивала, а Орр хихикал. Каждый раз, как она ударяла его острым каблуком по голове, он хихикал все громче, распаляя ее все пуще, и она подпрыгивала все

выше, так что ее пышные телеса сотрясались все страшней и роскошней, а звук от удара становился все короче и резче. Девка вскрикивала, а Орр хихикал, и она лупила его, пока наконец не угодила ему точнехонько в висок — звук получился отрывистый и четкий, как выстрел, — после чего хихиканье прекратилось, а Орра отправили на носилках в госпиталь с неглубокой ранкой на виске и легким сотрясением мозга, так что он избавился от полетов только на двенадцать дней.

Никто не смог дознаться, что же у них произошло, даже квохтавшая старуха и хохотавший старик, а уж им ли, казалось, было не знать обо всех происшествиях в этом громадном борделе с его бесконечными, дверь в дверь, комнатенками по обеим сторонам узких коридоров, разделенных просторной гостиной с одной-единственной лампой и зашторенными окнами. Встречая потом Орра, пышнотелая шлюха проворно задирала платье и презрительно материла его, а когда он прятался с опасливым хихиканьем за спину Йоссариана, принималась хрипло хохотать. Но что именно Орр сделал или хотел или не сумел сделать за плотно прикрытой дверью, так и осталось для всех тайной. Его партнерша не рассказала об этом ни своим товаркам по борделю, ни постоян-

ным посетителям вроде Нетли или Йоссариана. Орр, пожалуй, мог бы сейчас проговориться, однако Йоссариан твердо решил не вымолвить больше ни слова.

— Так хочешь узнать, для чего мне понадобилась могучая грудь? — спросил его Орр.

Йоссариан демонстративно промолчал.

— А помнишь, как та девица, которую от тебя воротит, долбила меня минут пятнадцать, если не все двадцать, по башке? Так хочешь узнать — почему?

Нет, невозможно было себе представить, за какие провинности она вдруг стала лупить его туфлей, но не разозлилась все же настолько, чтобы просто схватить за ногу да и шмякнуть башкой об стену. Сил у нее на это, безусловно, хватило бы. Гномик Орр с его заячьими зубами и глазами навыкат был даже меньше Хьюпла, который жил как дурак на территории административного отдела, где стояла палатка Обжоры Джо, регулярно будившего неистовыми воплями всех соседей.

Территория административного отдела, на которой Джо по ошибке разбил палатку, была зажата между траншеей заброшенной железной дороги с ее ржавыми рельсами и черным,

вьющимся вверх по склону холма асфальтовым шоссе. На шоссе всегда можно было подобрать девчонку, пообещав отвезти ее, куда ей нужно, — молодую грудастую и щербатую хохотушку, — а потом свернуть в поле и забавляться с ней сколько душе угодно на сухой жесткой траве, что Йоссариан и проделывал всякий раз, когда мог, но гораздо реже, чем хотелось бы Обжоре Джо, который в любое время умел добыть джип, да зато не умел его водить и постоянно канючил, чтоб Йоссариан составил ему компанию. Палатки солдат и унтер-офицеров стояли по другую сторону шоссе, рядом с полевым кинотеатром, где на складном экране для развлечения смертников лихо воевали ничего не знающие о них киногерои и где в тот вечер, когда Йоссариан вернулся, должна была выступать бригада артистов из армейского спецуправления отдыха и развлечений, а сокращенно АСОР.

Артистов рассылал по боевым частям генерал Д. Д. Долбинг, обосновавшийся со своим штабом в Риме и ничем другим, кроме рассылки артистов да интриг против генерала Дридла, не занимавшийся. Генерал Долбинг больше всего на свете ценил в подчиненных аккуратность. Это был подтянуто щеголеватый и занудливо обходительный

педант. Он знал *длину окружности Земли по экватору* — его собственное выражение, — и что-либо большое всегда оказывалось у него *значительных размеров.* Генерал Долбинг был болваном, и никто не понимал этого лучше генерала Дридла, который просто обезумел от ярости, узнав, что последний приказ генерала Долбинга предписывает разбивать палатки на *Средиземноморском театре военных действий* — тоже выражение генерала Долбинга — параллельными рядами, с входом, горделиво обращенным к памятнику Вашингтона за океаном. Для Дридла, боевого генерала, приказ этот звучал издевательским идиотизмом. Да и какого дьявола совал Долбинг свое тыловое рыло в дела боевых подразделений? Неистовый межведомственный спор двух высочайших военных властителей разрешил в пользу генерала Дридла рядовой экс-первого класса Уинтергрин, писарь из штаба Двадцать седьмой воздушной армии. Он просто стал выбрасывать послания генерала Долбинга в мусорную корзину. Они казались ему чересчур многословными. А депеши генерала Дридла, написанные не столь витиевато, он обрабатывал и отсылал высшему начальству с добросовестной исполнительностью дисциплинированного служаки. Генерал

Дридл стал победителем в споре из-за отсутствия возражений.

Чтобы восстановить полуутраченный престиж, генерал Долбинг принялся рассылать бригады АСОРов с удвоенной энергией, возложив на полковника Каргила персональную ответственность за должный энтузиазм зрителей на их выступлениях.

Но в эскадрилье Йоссариана их принимали без должного энтузиазма. В эскадрилье Йоссариана люди мрачно, по нескольку раз на дню шествовали нестройными рядами к сержанту Боббиксу, в надежде узнать, не получен ли приказ об их отправке домой. Они уже совершили положенные пятьдесят боевых вылетов, и ряды их постоянно пополнялись. Некоторые ждали приказа еще с той поры, как Йоссариана увезли в госпиталь. Их грызло беспокойство, и они грызли ногти. У них выработались повадки крабов — всегда бочком и сторонкой. Они карикатурно походили на отчаявшихся людей времен Великой депрессии. Они ждали, когда из штаба Двадцать седьмой армии в Италии придет утвержденный там приказ об их отправке домой, к безопасной жизни, а пока что их грызло беспокойство, и они грызли ногти и мрачно шествовали по нескольку раз на дню к

сержанту Боббиксу, чтобы спросить, не получен ли утвержденный приказ об их отправке домой, к безопасной жизни, — и больше им делать было нечего.

А время работало против них, и они это знали. Они знали по горькому опыту, что полковник Кошкарт в любую минуту может издать приказ об увеличении числа боевых вылетов, необходимых для отправки домой. У них не было иного дела, кроме необходимости ждать. И только Обжора Джо, отлетав положенное, отыскивал себе другие занятия. Он исходил воплями в ночных кошмарах и устраивал рукопашные схватки с кошкой Хьюпла. А когда к ним приезжали АСОРы, он делал снимки — ракурсом снизу, под подол, — желтоволосой певицы с такими женскими прелестями, что ее украшенное блестками платье не лопалось только чудом. Но хотя фотографировал он ее из первого ряда, снимки у него никогда не получались.

Могучий и румяный полковник Каргил, спецуполномоченный генерала Долбинга по энтузиазму, подвизался до войны — как напористый, расторопный администратор — на ниве сбыта продукции. Это был никуда не годный администратор. Настолько никуда не годный, что многие

фирмы в погоне за убытками для уменьшения налога наперебой зазывали его к себе в управляющие отделом сбыта. Он был известен всему цивилизованному миру, от Бэттери-парка до Фултон-стрит, как непревзойденный мастер по сокращению налогов. Ему платили огромные гонорары, потому что существенные убытки вовсе не всегда легко достижимы. Он должен был развалить процветающую фирму, а с благожелательными друзьями в правительстве это не так-то просто. Великая цель требовала многих месяцев каторжного труда и тяжелейших просчетов. Человек поминутно просчитывается и разбазаривает средства, дезорганизует и разваливает работу, промаргивает очевидные выгоды, не замечает элементарных опасностей и находит самые безысходные тупики, а когда дело близится к завершению, из Вашингтона ему подкидывают делянку строевого леса или нефтеносный участок земли, и все его титанические усилия идут кошке под хвост. Однако полковник Каргил справлялся с любыми трудностями и мог довести до краха любую фирму. Причем всеми своими славными неудачами он был обязан только себе.

— Вы американские офицеры, — тщательно вымеряя паузы между словами, начал он свою

речь в эскадрилье Йоссариана. — Никакая иная армия не могла бы дать вам подобного статуса. Подумайте об этом.

Сержант Найт подумал об этом и вежливо сообщил оратору, что тот выступает перед нижними чинами и что офицеры ждут его за шоссе. Полковник Каргил с достоинством поблагодарил его и отправился, излучая самодовольство, к офицерам. Он горделиво ощущал, что двадцать девять месяцев армейской службы ничуть не ослабили его способность всегда попадать впросак.

— Вы американские офицеры, — тщательно вымеряя паузы между словами, начал он во второй раз свою речь. — Никакая иная армия не могла бы дать вам подобного статуса. Подумайте об этом. — Помолчав, чтобы офицеры подумали об этом, он неожиданно заорал: — К вам приехали гости! Приехали за три тысячи миль, чтобы вас развлечь! Каково им будет, если вы не пожелаете развлекаться? Кто потом залечит их нравственные раны? Мне-то, в общем, наплевать. Но эта девушка, которая хочет сыграть для вас на аккордеоне, — она ведь в матери, можно сказать, годится! Каково вам было бы, если б ваша мать приехала за три тысячи миль кого-нибудь развлечь, а на нее даже не захотели бы смотреть?

Каково будет мальчонке, чью мать вы не желаете принять радушно, по-мужски, когда он вырастет и обо всем узнает? Ответ, по-моему, ясен. Прошу понять меня правильно. Посещение концерта — дело, разумеется, добровольное. И я далек от мысли приказывать вам идти на концерт и развлекаться, но пусть каждому из вас будет ведомо, что тот, кто не болен — а больные лежат, как известно, в госпитале, — обязан пойти на концерт и приятно развлечься, потому что это приказ!

Йоссариану стало худо и захотелось в госпиталь, а после трех боевых вылетов стало еще хуже — особенно когда доктор Дейника, меланхолически покачав головой, отказался освободить его от полетов.

— Это тебе-то худо? — грустно упрекнул он Йоссариана. — А что ж тогда сказать обо мне? Восемь лет перебивался я с хлеба на воду, чтобы стать врачом. И потом еще несколько лет едва-едва сводил концы с концами, пока не создал приличную практику. А когда дело наладилось и я собрался пожить как человек, меня загребли в армию. Так объясни мне, пожалуйста, ты-то на что жалуешься?

Доктор Дейника был приятелем Йоссариана и не сделал бы почти ничего возможного, чтобы

ему помочь. Йоссариан внимательно слушал рассказы доктора Дейники про командира полка Кошкарта, который хотел стать генералом, про командира бригады генерала Дридла с его сестрой милосердия и про всех других генералов из штаба Двадцать седьмой воздушной армии, считавших, что за сорок боевых вылетов пилот целиком и полностью выплачивает свой воинский долг.

— Тебе бы улыбаться да радоваться жизни, — уныло сказал доктор Дейника Йоссариану. — Почему ты не берешь пример с Хавермейера?

Йоссариан содрогнулся. Хавермейер был ведущим бомбардиром и всегда шел к цели без противозенитных маневров, чем во много раз увеличивал опасность для пятерки своих ведомых.

— Хавермейер, какого дьявола ты пер на цель без уклоняющихся маневров? — злобно спрашивали его, приземлившись, летчики.

— А ну перестаньте цепляться к Хавермейеру! — приказывал им полковник Кошкарт. — Он лучший бомбардир, чтоб ему провалиться, у нас в полку!

Хавермейер ухмылялся и норовил рассказать, как он надрезает охотничьим ножом пистолет-

ные пули, делая из них заряды дум-дум, чтобы расстреливать по ночам полевых мышей. Хавермейер и правда был у них лучшим, чтоб ему провалиться, бомбардиром, но пер от исходного пункта до цели без каких бы то ни было уклоняющихся маневров, на одной высоте и с постоянной скоростью, а впрочем, и отбомбившись, продолжал переть прямо, чтобы заметить, как легли бомбы, вздымавшие внизу оранжевые вспышки с густыми лохмами черного дыма, сквозь который фонтанировали, словно гейзерные струи, исчерна-серые, вдрызг искрошенные груды обломков. Он тянул за собой пять ведомых машин, превращая смертных — экипажи — в смертников, а сам с интересом следил за бомбами, позволяя стоящим у прицелов зенитчикам без спешки нажать спусковой рычаг, дернуть за шнур, или что они там делают, когда собираются прикончить людей, которых ни разу и в глаза не видели.

Хавермейер был ведущим бомбардиром, потому что никогда не мазал. А Йоссариана убрали из ведущих бомбардиров, потому что ему с некоторых пор стало наплевать, накрыта цель или нет. Он решил выжить или по крайней мере бороться за свою жизнь до последнего вздоха, и его единственной целью, когда он поднимался в воздух,

было вернуться на землю живым.

Люди любили выходить за ним к цели, поскольку он маневрировал как никто другой — то нырял, то резко набирал высоту, бросался вправо, уходил влево, пикировал чуть ли не до самой земли, а потом свечой карабкался в небо, так что пилоты ведомых самолетов едва успевали повторять его маневры и у них не оставалось времени для страха, а он обрывал горизонтальный полет, как только бомбы уходили вниз, и тогда уж закладывал такие виражи, выделывал такие немыслимые фортели, уходя из зоны заградительного огня, что его шестерка рассыпалась в небе, наподобие стайки ошалевших грачей, и любой самолет, окажись тут истребители, стал бы для них беззащитной добычей, но это не имело ни малейшего значения, поскольку истребители у немцев перевелись, и Йоссариан намеренно рассыпал строй, чтобы не угодить, чего доброго, под обломки, если кого-нибудь собьют зенитчики. И только вырвавшись из зоны огня, выдравшись из безумного *штурма и натиска*, он сдвигал со лба над взмокшими волосами тяжелую каску и прекращал орать бешеные команды Маквоту за штурвалом, который не находил ничего остроумней, чем спросить в такую блаженную минуту,

накрыли их бомбы цель или нет.

— Бомбы сброшены! — докладывал сержант Найт, сидящий у пулемета в хвостовом отсеке.

— Ну и как там мост? — осведомлялся Маквот.

— Я не видел, сэр, меня так болтало, что мне ничего не удалось рассмотреть. А сейчас ничего сквозь дым не увидишь.

— Эй, Аафрей, мы накрыли цель?

— Цель? — удивлялся капитан Аардваарк, пухлощекий навигатор с трубкой в зубах, сидевший возле Йоссариана над грудой карт, когда его назначали в полет вместо Аафрея. — Так мы у цели? А я и не знал.

— Йоссариан, накрыли наши бомбы мост?

— Какой еще мост? — переспрашивал Йоссариан, думавший только о зенитном огне.

— Эх, мать, — запевал Маквот, — двум смертям не бывать, на одну наплевать.

Йоссариану в отличие от Хавермейера и других ведущих бомбардиров было не важно, поражена цель или нет, так что второй раз под огонь зениток он никогда не совался. А Хавермейер вызывал иногда у летчиков такую злость, что, приземлившись, они лезли к нему драться.

— Сколько раз я вам говорил: перестаньте цепляться к Хавермейеру! — раздраженно осаживал

их полковник Кошкарт. — Сколько раз я вам говорил: он у нас лучший, чтоб ему провалиться, бомбардир; говорил или нет?

Хавермейер с ухмылкой выслушивал слова полковника Кошкарта и совал за щеку очередную порцию козинака.

Пистолет, который он украл у мертвеца из палатки Йоссариана, палил по ночам без промаха. Положив на пол конфету, Хавермейер заранее хорошенько прицеливался и держал пистолет в правой руке, так что в любую секунду мог нажать на спусковой крючок, а леску, привязанную к выключателю голой, без абажура, лампочки над головой, — в левой, и когда полевая мышь хватала зубами конфету, дергал и без того туго натянутую леску. Одного легкого движения пальцем было достаточно — и мощная лампа заливала слепящим светом крохотную дрожащую тварь. Хавермейер удовлетворенно хмыкал и с холодным интересом наблюдал, как мышь затравленно поводит глазами в поисках нарушителя уютной темной тишины. Когда их взгляды встречались, он разражался громким хохотом и одновременно нажимал на спусковой крючок, отсылая с дымным грохотом душу своей жертвы к Творцу и разбрызгивая по палатке микроскопи-

ческие останки ее смрадной шерстистой тушки.

Однажды ночью, в ответ на выстрел Хавермейера, Обжора Джо оголтело выскочил босиком из своей палатки и, пробегая с пронзительными воплями мимо, разрядил в него собственный пистолет сорок пятого калибра, а потом, преодолев на огромной скорости железнодорожную траншею, нырнул в одну из бомбовых щелей, возникших, словно по волшебству, возле каждой палатки наутро после того, как ночью стараниями Мило Миндербиндера на них обрушился бомбовый налет. Это случилось перед рассветом, во время Достославной осады Болоньи, когда ночная тьма кишела призрачно безмолвными мертвецами, а Обжора Джо, завершивший очередной раз боевые вылеты и освобожденный от завтрашней операции, чуть не рехнулся. Выуженный из промозглой щели, он нечленораздельно бормотал про полчища крыс, пауков и змей. Но когда щель осветили фонариками, там не обнаружилось ничего, кроме застоявшейся на дне дождевой воды.

— Убедились? — приставал ко всем Хавермейер. — Я же предупреждал. Я же предупреждал вас, что он псих, много раз предупреждал.

Глава четвертая
Доктор Дейника

Обжора Джо был, безусловно, псих, и никто не понимал этого лучше Йоссариана, который всячески старался ему помочь. Но Обжора Джо даже слушать его не хотел. Обжора Джо не хотел его слушать, считая, что он псих.

— А с чего б ему тебя слушать? — поинтересовался доктор Дейника, уставившись в землю.

— Так ведь плохо ему приходится, — сказал Йоссариан.

— Это ему-то плохо? — Доктор Дейника презрительно фыркнул. — А что ж тогда сказать обо мне? Я, конечно, не жалуюсь, — горестно усмехнувшись, добавил он. — Во время войны жаловаться не приходится. Во время войны многие должны обречь себя на страдания ради общей победы… Да только почему именно я?! Почему в армию загребли меня, а не одного из тех старых болтунов, которые публично горланят от лица врачей, что они, мол, готовы на великие жертвы? Я, может, не хочу делать из себя жертву. Я хочу делать деньги.

Доктор Дейника был опрятный чистюля и находил отраду только в нытье. Темноволосый и скорбный, под глазами на крысьем смышленом личике унылые мешки, он беспрестанно тревожился о своем здоровье и почти каждый день исследовал, нормальная ли у него температура, опасливо доверяя поставить себе градусник одному из двух солдат, Гэсу или Уэсу, которые орудовали за него в медпалатке — орудовали столь успешно, что ему самому практически нечего было там делать, и он целыми днями грел свой заложенный нос на солнцепеке, недоуменно размышляя, чем же это люди так обеспокоены. Гэс и Уэс довели древнее искусство врачевания до строгой научной безыскусности. Больных с температурой на три градуса выше нормы они срочно отправляли в госпиталь, а всем остальным, кроме Йоссариана, мазали десны и пальцы на ногах лиловым раствором горечавки, а потом давали слабительное, от которого следовало избавиться в ближайших кустах. И только Йоссариан, с его температурой, повышенной всего на полтора-два градуса, мог получить направление в госпиталь, когда ему вздумается, потому что не боялся подручных доктора Дейники.

Всех, похоже, устраивала эта прекрасно отрабо-

танная система, и доктор Дейника мог без помех целыми днями наблюдать, как впечатываются в землю подковы, которые метал на своей персональной площадке майор… де Каверли, так до сих пор и не снявший с глаза прозрачную нашлепку, сделанную для него доктором Дейникой из узкой полоски целлулоида, которую доктор по-воровски откромсал от целлулоидного окошка в штабной палатке майора Майора несколько месяцев назад, когда майор… де Каверли вернулся с поврежденной роговицей из Рима, где он снял две квартиры — нижним чинам и офицерам, — чтоб они проводили там отпускное время. Доктор Дейника заглядывал теперь в свою медпалатку, только когда чувствовал себя безнадежно больным — то есть ежедневно, — для осмотра, который проводили Гэс и Уэс. По их всегдашнему заключению, все у него было в порядке. Состояние нормальное, температура нормальная… «если, конечно, господин доктор не против». Господин доктор был решительно против. Он постепенно утрачивал доверие к своим избранникам и собирался отослать их обратно в автопарк, а потом заменить кем-нибудь, кто смог бы определить наконец, что же все-таки с ним не в порядке.

Да и о каком порядке можно было говорить,

если вокруг, по его наблюдениям, царил опаснейший беспорядок? Он ощущал острую тревогу, думая, помимо здоровья, про Тихий океан и летное время. За человеческое здоровье никто не мог поручиться надолго. Тихий океан, беспорядочное скопище зловещих волн, окружал со всех сторон берега, зараженные несметным количеством смертельных болезней, в самой гуще которых он рисковал оказаться, если б разгневал полковника Кошкарта, освободив Йоссариана от полетов. А летное время он должен был проводить на борту самолета, чтобы получать дополнительное жалованье. Доктор Дейника ненавидел самолеты. Он ощущал в полете полнейшую безысходность. На борту самолета, куда ни пойдешь, все равно останешься на том же самом борту. Доктор Дейника слышал, что человек, добровольно лезущий в самолет, просто поддается навязчивому желанию залезть обратно в материнское чрево. Он слышал об этом от Йоссариана, который помогал ему получать дополнительное жалованье без извращений с разными чревами. По просьбе Йоссариана Маквот записывал доктора Дейнику в бортовой журнал, когда они совершали тренировочные или транспортные полеты.

— Ты же все понимаешь, — льстиво, со свой-

ским подмигиванием говорил доктор Дейника Йоссариану. — Ну зачем без нужды рисковать?

— Незачем, — соглашался Йоссариан.

— Да и какая разница, в самолете я или нет?

— Никакой.

— Вот-вот. Живи, как говорится, и жить давай другим. Сперва ты протянешь мне руку, потом я тебе. Согласен?

Йоссариан был согласен.

— Да нет, я не про это, — сказал доктор Дейника, когда Йоссариан протянул ему руку. — Я про руку помощи. Про взаимную выручку. Сперва ты мне поможешь, потом я тебе. Соображаешь?

— Так помоги мне, — оживился Йоссариан.

— Невозможно, — отрезал доктор Дейника.

Чем-то жалким и жутеньким веяло от доктора Дейники, одиноко сидящего день-деньской на солнцепеке возле своей палатки в летней форменной одежде — рубахе с короткими рукавами и шортах, — вылинявшей из-за ежедневных стирок, составлявших особую заботу доктора Дейники, до цвета стерильной, но сероватой от долгого хранения ваты. Он походил на замороженного однажды ужасом, да так и не оттаявшего потом человека. Горестный и нахохленный, с головой, ушедшей в птичьи плечи, он зябко

поглаживал бледными ладонями — от плеч к локтям — сложенные на груди загорелые руки, и на пальцах у него тускло поблескивали холодные ногти. Но внутреннего тепла ему было не занимать: жаркая жалость к себе тлела в нем неугасимо.

— Почему именно я? — с горькой печалью вопрошал он, и вопрос этот звучал вполне здраво.

Йоссариан уважительно присоединил его к своей коллекции здравых вопросов, которыми он срывал общеобразовательные занятия, проводимые у них раньше два раза в неделю под надзором Клевинджера в палатке разведотдела очкастым капралом, про которого все знали, что он, видимо, подрывной элемент. Начальник разведотдела капитан Гнус знал это совершенно точно — а иначе почему капрал носил очки, произносил слова вроде **панацея** или **утопия** и поносил Гитлера, который сделал все возможное для истребления в Германии антиамериканской деятельности? Йоссариан посещал общеобразовательные занятия в надежде выяснить, отчего совершенно незнакомые ему люди только тем и занимаются, что норовят его убить. Народу на эти занятия сходилось не так уж много, зато вопросы были почти у каждого, причем вопросы

по-своему вполне здравые, что и обнаружилось, как только Клевинджер совершил после первого же занятия серьезнейшую ошибку, спросив, есть ли у присутствующих вопросы.

— Кто такая Испания?

— Что еще вдруг за Гитлер?

— Какой такой козырь в Мюнхене?

— Как это левые справа?

— А ху-ху не хо-хо?

— Да ты чего нам тут порешь-то?

Все эти свидетельства здравой воинской любознательности сыпались на капрала в очках как из рога изобилия, пока Йоссариан не задал вопрос, на который не было ответа:

— А где сейчас прошлогодние Снегги?

Вопрос прозвучал убийственно, потому что Снегги погиб в прошлом году над Авиньоном, когда опсихевший Доббз вырвал у Хьюпла штурвал.

— Что-что? — словно бы не расслышав, переспросил капрал.

— Где сейчас прошлогодние Снегги?

— Мне, простите, не совсем понятно…

— Où sont les Neiges d’autan?[1] — повторил для

---

[1] Примечания: 1

А где сейчас прошлогодние Снеги? *(франц.)*

пущей ясности по-французски Йоссариан.

— Parlez en anglais,[2] ради бога, — взмолился капрал. — Je ne parle pas français.[3]

— Я тоже, — отозвался Йоссариан, готовый допрашивать его на любых языках, лишь бы прорваться по возможности к истине, но в разговор поспешно вмешался Клевинджер — бледный, тощий, речь уже пресекается, а на малахольных глазах серебрятся крупные слезы.

В штабе полка тоже забеспокоились, потому что мало ли до чего могут люди доспрашиваться, если начнут задавать бесконтрольные вопросы. Полковник Кошкарт отрядил в эскадрилью подполковника Корна, и тот быстренько упорядочил непорядок с вопросами. Это был гениальный ход, как сообщил он в рапорте полковнику Кошкарту. По его инструкции право задавать вопросы получали только те, кто никогда их не задавал. Вскоре на занятия стали являться только те, кто имел право задавать вопросы, потому что никогда их не задавал. Из-за отсутствия вопросов занятия, как решили Клевинджер, капрал и подполковник Корн, потеряли смысл и были отменены, ибо у

---

[2] Примечания: 2
Говорите по-английски *(франц.)*.

[3] Примечания: 3
Я не говорю по-французски *(франц.)*.

людей, которые отказываются задавать вопросы, невозможно повысить общеобразовательный уровень.

Полковник Кошкарт, подполковник Корн и все остальные штабисты, кроме капеллана, жили в здании штаба. Это был огромный, выстроенный из розового песчаника и насквозь продуваемый сквозняками старинный дом, который постоянно содрогался от гулко клокочущей в канализационных трубах воды. Рядом со штабом, стараниями полковника Кошкарта, оборудовали тир для стрельбы по тарелочкам, и полковник Кошкарт намеревался допускать туда только штабных офицеров, а генерал Дридл обязал весь личный состав полка проводить там не меньше восьми часов в месяц.

Йоссариан охотно стрелял по тарелочкам — и всегда мазал. А Эпплби всегда попадал. Со стрельбой у Йоссариана было так же плохо, как с игрой в азартные игры. Особенно на деньги. Он неизменно мазал и неизменно проигрывался. Он проигрывался, даже если мухлевал, потому что люди, которых ему хотелось обмухлевать, всегда мухлевали лучше, чем он. Для него давно уже не было тайной — и он покорно смирился со своей судьбой, — что хорошим стрелком и денежным

мешком ему никогда не стать.

«Только человек с ясной головой способен не стать у нас денежным мешком, — вещал полковник Каргил в одном из своих поучительных посланий, предназначенных для распространения в боевых частях за подписью генерала Долбинга. — Любой дурак может стать сейчас денежным мешком, да так оно в большинстве случаев и происходит. А люди умные и талантливые? Назовите, к примеру, имя хоть одного поэта, который заработал бы много денег…»

— Т. С. Элиот, — сказал рядовой экс-первого класса Уинтергрин и повесил трубку. Он наткнулся на откровения полковника Каргила, разбирая почту в своей каморке при штабе Двадцать седьмой воздушной армии, где служил писарем.

Полковник Каргил был озадачен.

— Кто это звонил? — спросил генерал Долбинг.

— Понятия не имею, — ответил полковник Каргил.

— А что ему было нужно?

— Понятия не имею.

— А что он сказал?

— «Т. С. Элиот».

— Это что еще такое?

— Т. С. Элиот.

— Просто Т. С. Элиот?

— Да, сэр. Больше он ничего не сказал. Только «Т. С. Элиот».

— Что бы это, интересно, значило? — раздумчиво сказал генерал Долбинг. Полковнику Каргилу тоже было интересно.

— Т. С. Элиот? — с мрачным недоумением пробормотал генерал Долбинг.

— Т. С. Элиот, — замогильным эхом откликнулся полковник Каргил.

Генерал Долбинг немного помолчал, а потом елейно ухмыльнулся и встал. Лицо у него расцветилось утонченным коварством, а глаза озарились язвительным злодейством.

— Распорядись-ка соединить меня с генералом Дридлом, — приказал он полковнику Каргилу. — Да присмотри, чтоб ему не сообщили, кто его вызывает.

Полковник Каргил выполнил приказ генерала Долбинга, и на Корсике, в штабе генерала Дридла, раздался телефонный звонок.

— Т. С. Элиот, — сказал генерал Долбинг и повесил трубку.

— Кто это звонил? — спросил полковник Мудис.

Генерал Дридл не ответил. Полковник Мудис

был его зятем, и он дал ему возможность подключиться к своим военным занятиям по просьбе жены, хотя делать этого, конечно, не следовало. Он глянул на зятя с устоявшейся неприязнью. Ему был отвратителен весь облик полковника Мудиса, который служил у него адъютантом, а поэтому всегда торчал на виду. Генерал Дридл возражал против брака дочери и Мудиса, потому что не любил свадебных церемоний. Озабоченно и сурово нахмурившись, он подошел к большому зеркалу и бросил взгляд на свое отражение. Перед ним стоял коренастый, в генеральской форме человек с агрессивной квадратной челюстью, тускло-серыми клоками бровей и седоватыми волосами. На лице у него отпечаталось тяжкое раздумье — он размышлял о таинственном телефонном звонке. Потом, осененный удачной мыслью, генерал Дридл облегченно вздохнул и злонамеренно усмехнулся.

— Соедини меня с Долбингом, — приказал он полковнику Мудису. — Да проследи, чтоб этот выродок не понял, откуда его вызывают.

— Кто это звонил? — спросил в Риме полковник Каргил.

— Да все тот же тип, — встревоженно отозвался генерал Долбинг. — Добрался, стало быть, и до

меня.

— А что ему нужно?

— Понятия не имею.

— А что он сказал?

— То же самое, что и тебе.

— «Т. С. Элиот»?

— «Т. С. Элиот». И больше ничего. — Генерал Долбинг задумался, а потом с надеждой сказал: — Может, это новый шифр или сегодняшний пароль? Да-да, вполне может быть, проверь, пожалуйста, у связистов.

Связисты сообщили, что такого шифра и пароля нет.

— Позвоню-ка я в штаб Двадцать седьмой воздушной армии, — сообразил вдруг полковник Каргил, — может, они что-нибудь слышали. У меня есть там приятель, писарь Уинтергрин, он, между прочим, сказал мне однажды, что наша проза грешит многословием.

Рядовой экс-первого класса Уинтергрин уведомил полковника Каргила, что никаких сведений о Т. С. Элиоте в штабе Двадцать седьмой воздушной армии нет.

— А как наша проза? — решил заодно поинтересоваться полковник Каргил. — Не подсократила свое многословие?

— Все такая же многословная, — ответил Уинтергрин.

— Это, наверно, дридловские штучки, — решил наконец генерал Долбинг. — Вроде его штучек с тиром Кошкарта.

Генерал Дридл запустил в штабной тир полковника Кошкарта весь личный состав полка. Он хотел, чтобы офицеры и солдаты проводили там как можно больше времени. Стрельба по тарелочкам, на его взгляд, очень повышала их меткость. Она повышала их меткость при стрельбе по тарелочкам.

Дэнбар охотно стрелял по тарелочкам, потому что ненавидел это занятие, и каждая минута в тире растягивалась для него на целую вечность. Он считал, что час, проведенный в тире с людьми вроде Хавермейера или Эпплби, можно приравнять к семижды семидесяти годам.

— Вот и видно, что ты псих, — сказал ему Клевинджер.

— А кого это интересует? — откликнулся Дэнбар.

— Псих и есть, — упрямо повторил Клевинджер.

— А кого это волнует? — откликнулся Дэнбар.

— Да хотя бы меня. Я могу, пожалуй, допустить,

что жизнь кажется дольше…

— **Тянется** дольше…

— Ладно, тянется дольше… **Тянется?..** Ну хорошо, пусть тянется… если ее заполняют годы трудностей и невзгод…

— А ты вот угадай-ка: с какой быстротой…

— Чего — с быстротой?

— Да проходят они.

— Кто проходит?

— Годы.

— Годы?

— Они, — подтвердил Дэнбар. — Годы, годы и годы.

— Клевинджер, ну чего ты пристал к человеку? — вмешался Йоссариан. — Ему же чертовски тяжело.

— Ничего, — великодушно сказал Дэнбар. — Время у меня пока еще есть. Так знаешь ли ты, — снова спросил он Клевинджера, — с какой быстротой проходит год, когда он уходит?

— И ты тоже уймись, — осадил Йоссариан Орра, который начал подхихикивать.

— Да я просто вспомнил ту девицу, — объяснил Орр. — Из Сицилии. Девицу из Сицилии, с плешивой головой.

— Лучше уймись, Орр, — предостерег его Йос-

сариан.

— А все из-за тебя, — сказал Йоссариану Дэнбар. — Пусть бы он хихикал себе на здоровье. Лишь бы молчал.

— Ну ладно. Давай хихикай, если хочешь.

— Так знаешь ли ты, как быстро проходит год, когда он уходит? — снова спросил Клевинджера Дэнбар. — Вот как! — Он щелкнул пальцами. — Раз — и нету. Еще вчера ты поступал в колледж, юный и свежий, как наливное яблочко. А сегодня уже старик.

— Старик? — с изумлением переспросил Клевинджер. — Это про что это ты толкуешь?

— Конечно, старик.

— Вовсе я не старик.

— Не старик? Да тебя подстерегает смерть при каждом вылете, разве нет? Ты в любую секунду можешь отправиться на тот свет, как самый дряхлый старик. Минуту назад ты кончал школу и расстегнутый лифчик у твоей девушки наполнял тебя вечным блаженством. А за полминуты до этого ты был первоклашкой с двухмесячными каникулами, которые длились тысячелетия и все же пролетали как один миг. Хоп — и канули, а ты и мигнуть не успел… Так чем еще, скажи на милость, можно растянуть время?! — Последние

слова Дэнбар произнес почти гневно.

— Может, ты и прав, — хмуро уступил Клевинджер. — Может, невзгоды и правда удлиняют жизнь. Да только кому она такая нужна?

— Мне, — сказал Дэнбар.

— Зачем? — спросил Клевинджер.

— А что у нас еще-то есть?

Глава пятая
Вождь Белый Овсюг

Доктор Дейника жил в пятнистой вылинявшей палатке с индейцем по имени Вождь Белый Овсюг, которого он презирал и боялся.

— Могу себе представить, какая у него печень, — пробурчал однажды, разговаривая с Йоссарианом, доктор Дейника.

— А ты лучше представь себе, какая печень у меня, — посоветовал ему Йоссариан.

— Да у тебя-то с печенью все в порядке, — равнодушно сказал доктор Дейника.

— Вот и видно, что ты не в курсе, — блефуя, сказал Йоссариан и поведал доктору Дейнике про трудности со своей печенью, которая доставила немало трудных минут госпитальным врачам и сестрам, растерянно ждавшим, когда он поправится или дотянет до настоящей желтухи.

— Это у тебя-то трудности? — без всякого интереса спросил доктор Дейника. — А что тогда сказать обо мне? Эх, побывал бы ты у меня в приемной перед самой войной!

Доктор Дейника украсил свою приемную аква-

риумом с золотыми рыбками и обставил самым лучшим из дешевых мебельных гарнитуров. Все, что было можно, даже золотых рыбок, он купил в рассрочку, а на остальное обзаведение занял денег у алчных родственников, пообещав им долю в будущих барышах. Он обосновался на Стэйтен-Айленде, в нью-йоркском пригороде за Гудзоном, неподалеку от паромной пристани и по соседству с большим универмагом, тремя дамскими парикмахерскими — они, разумеется, именовались салонами красоты — и двумя аптеками, где орудовали фармацевты, прекрасно знавшие, как обделывать выгодные делишки. Дом, облюбованный доктором Дейникой для своей приемной, — двухквартирная ловушка, откуда невозможно выбраться при внезапном пожаре, — стоял на бойком перекрестке, но это ничуть не помогало. Население в нью-йоркском заречье почти не менялось, а коренные жители привычно лечились у проверенных многолетней практикой врачей. Пациентов не было, и деньги на счету у доктора Дейники быстро таяли. Вскоре ему пришлось распрощаться с любимой медицинской аппаратурой; сперва за неуплату очередного взноса у него отобрали купленный в рассрочку арифмометр, а потом и пишущую

машинку. Золотые рыбки издохли. Надвигалась катастрофа, от которой доктора Дейнику спасла война.

— Это был дар божий! — торжественно провозгласил доктор Дейника. — Многие местные врачи ушли в армию, и моя жизнь вдруг чудесно преобразилась. Бойкий перекресток наконец-то дал себя знать, и вскоре пациенты валом ко мне повалили — у меня даже не хватало времени как следует их обслужить. Фармацевты из соседних аптек стали мне платить в наших сделках гораздо больше. Салоны давали два-три аборта в неделю. Словом, жизнь моя устраивалась наилучшим образом… и ты только послушай, что потом вышло. Ко мне явился субчик из призывной комиссии. Я считался запасным четвертой категории. Я тщательно себя обследовал и установил, что не годен к военной службе. Казалось бы, все ясно — ведь меня высоко ценили и в Медицинском обществе нашего округа, и в районной Палате предпринимателей. Так нет же — им, видно, поперек горла встала моя ампутированная под самое бедро нога, не говоря уж про ревматический полиартрит, навеки приковавший меня к постели, и они прислали этого субчика… Таков наш век, Йоссариан, век тотального безверия и повсеместной утраты

духовных ценностей. А все же это ужасно, — дрожащим от волнения голосом заключил доктор Дейника. — Ужасно, когда страна, которую ты преданно любишь, сначала выдает тебе официальное разрешение быть врачом, а потом ни в грош не ставит твою добросовестность и профессиональную компетентность.

Доктора Дейнику призвали на военную службу, загнали в тесную каюту теплохода и отправили хирургом на Пьяносу в Двадцать седьмую воздушную армию, хотя он до смерти боялся летать.

— Как будто у меня мало трудностей на земле, — обиженно и близоруко помаргивая карими бусинами глаз, пожаловался доктор Дейника. — Мне просто незачем искать их в небе, они сами меня ищут. Вроде тех молодоженов, которые свалились мне на голову перед войной.

— А что молодожены? — поинтересовался Йоссариан.

— Да вот, понимаешь, явились однажды прямо с улицы, даже без предварительной записи. Он и она. Никогда мне ее не забыть! Юная, свеженькая, фигурка — во сне такой не увидишь, а на шее цепочка и медальон со святым Антонием. Святого-то Антония я, конечно, чуть попозже разглядел, когда увел ее в смотровой кабинет,

чтоб обследовать — они жаловались, что у них нет детей. Ну, все у нее было в порядке, и я пожелал им счастья, и они без всяких возражений заплатили мне сколько нужно, а прощаясь, я пошутил. «Нельзя, — говорю, — так страшно искушать святого Антония». «Это кто еще такой — святой Антоний?» — сразу же вцепился в меня ее муженек. «А вы спросите, — говорю, — жену, она вам объяснит». «Спрошу», — говорит, и они ушли. А через пару дней является он ко мне один и объявляет моей медсестре, что ему надо со мной повидаться — сию же минуту и без всяких промедлений. Ну, провела она его ко мне в кабинет, и, как только мы остались одни, он двинул меня по уху.

— Двинул по уху?

— По уху. Обозвал умником и двинул. «Так ты, стало быть, умник?» — спрашивает. И со всего размаха по уху бац! Я только на полу и опомнился. Без всяких шуток.

— Какие уж тут шутки, — сказал Йоссариан. — А за что?

— Откуда же мне знать — за что? — брюзгливо откликнулся доктор Дейника.

— Может, все дело в святом Антонии? — предположил Йоссариан.

— Да кто он, собственно, такой, этот святой Антоний? — с тупым недоумением спросил доктор Дейника.

— А я почем знаю? — сварливо отозвался Вождь Белый Овсюг, влезая в палатку с бутылкой виски, нежно прижатой к могучей груди. Пошатнувшись, он плюхнулся на койку между Йоссарианом и доктором Дейникой.

Доктор Дейника молча схватил стул и выбрался из палатки, горестный и сгорбленный под бременем вечных несправедливостей. Ему было невыносимо общество соседа.

Вождь Белый Овсюг считал его психом.

— Неведомо что у парня в башке, — с укором проворчал он. — Мозгов у него нету, что ли? Ему бы давно уж взяться за лопату, а он? И ходить никуда не надо — просто копай прямо в палатке, под моей койкой. Копнешь разок-другой — и наткнешься на нефть. Он что, не слышал, что ли, про того солдата, который наткнулся на нефть? Еще в Штатах. Этот, как его — крысенок-то недоделанный, сопляк из Колорадо…

— Уинтергрин.

— Во-во, Уинтергрин.

— Он боится, — сказал Йоссариан.

— Уинтергрин-то? — Вождь Белый Овсюг с яв-

ным восхищением покачал головой. — Ну нет, этот сопливый умник, он, стервец вонючий, никого не боится, даром что салажонок.

— Доктор Дейника боится, — объяснил ему Йоссариан. — В том-то все и дело.

— А чего ему бояться?

— Тебя и за тебя. Он боится, что ты умрешь от воспаления легких.

— Ну, тут-то у него правильно мозги работают, пускай боится, — одобрительно сказал Вождь Белый Овсюг, и в груди у него зарокотало могучее басовитое ржание. — Обязательно умру. Дай только срок.

Вождь Белый Овсюг, смуглый и красивый оклахомский индеец с массивным, словно бы высеченным из камня, лицом и вечно взъерошенными черными волосами, твердо решил умереть от воспаления легких, потому что так ему предписывала, как он объяснял, его вера. Это был вспыльчивый, мстительный и отнюдь не романтичный индеец, считавший, что все ненавистные ему чужаки вроде гнусов, корнов, кошкартов и хавермейеров должны убраться восвояси — туда, откуда явились их поганые предки.

— Ты не поверишь, Йоссариан, — доверитель-

но, но так, чтобы слышал и затравленный доктор Дейника, проговорил он, — до чего хорошо было в нашей стране, пока они не испоганили ее своим похабным благочестием.

Вождь Белый Овсюг вступил на тропу мщения белому человеку. Он читал по складам, а писать почти не умел, и капитан Гнус назначил его своим помощником по разведке.

— Некогда мне было учиться читать и писать, — распаляя, на страх доктору Дейнике, свою воинственную мстительность, рассказывал Вождь Белый Овсюг. — Ведь ихние нефтяники ровно стервятники вокруг нас кружили: только мы раскинем стойбище, они уже тут как тут и сразу начинали бурить. И, как только начинали бурить, сразу натыкались на нефть. А как только натыкались на нефть, сразу прогоняли нас в другое место. Мы были для них вроде волшебной лозы — даром что живые люди, — чтоб отыскивать им нефть. У нас ведь от рождения чутье на эту самую нефть, вот нефтяные фирмы со всего света за нами и охотились. Мы все время кочевали. Попробуй тут воспитай ребенка — ни шиша у тебя не получится. Я, пожалуй, никогда в одном месте больше недели и не жил.

Геологи помнились ему с самых первых мла-

денческих лет.

— Только, бывало, родится новый Белый Овсюг, — продолжал он, — нефтяные акции на бирже враз дорожают. И вот вскорости за нами повсюду стали таскаться ихние буровики со своим снаряжением, чтобы, значит, опередить друг друга, как только мы выберем место для стойбища. А нефтяные фирмы все время объединялись — им ведь было выгодно отряжать за нами поменьше людей, — да толпа-то вокруг нас все равно росла. Нам даже ночью не давали спокойно поспать. Только мы остановимся, останавливались и они. А когда мы сворачивали стойбище, они тащились за нами следом со всеми бульдозерами, буровыми вышками, походными кухнями да вспомогательными движками. И превратились мы в бродячих подсобников бизнесу, так что многие отели, даже из самых шикарных, стали присылать нам приглашения, чтоб мы, значит, оживляли у них в городах деловую жизнь. Ихние предложения сулили нам райскую благодать, да оказывались потом липой, потому что мы были индейцы, а индейцам в шикарные отели вход заказан. Расовые предрассудки страшная штука, Йоссариан. Страшней войны. Ты только подумай, как страшно, когда мирного

и приличного индейца не отличают от желторотого китаезы, бледнозадого итальяшки или черномазого негритоса! — Вождь Белый Овсюг с мрачным осуждением покачал головой. — И вот, Йоссариан, вскорости мы подошли к началу конца — да иначе-то и быть не могло. Им, значит, взбрело в голову преследовать нас впереди. Они норовили угадать, где мы раскинем стойбище, чтобы начать бурить, пока нас нет, и мы уж нигде не могли остановиться. Только нам, бывало, захочется отдохнуть, а они уже тут как тут и гонят нас прочь. У них прорезалась такая вера в наше чутье, что они гнали нас еще до ихней проверки, есть ли под нашей палаткой нефть. А мы так устали, что даже не всполошились, когда попали в последнюю передрягу. Однажды поутру они окружили нас кольцом, чтобы прогнать, куда бы мы, бедолаги, ни двинулись. Они отовсюду зорко следили за нами, будто индейцы перед атакой. Это был конец. Мы не могли остаться на месте, потому что нас гнали прочь. И не могли сдвинуться с места, потому что нас везде ждали, чтобы прогнать. Только война спасла мне жизнь. Она разразилась в последнюю секунду. Власти вызволили меня повесткой из этого гиблого кольца и отправили на призывной пункт в Колорадо.

Вот почему я остался жив — один-единственный из всей нашей семьи.

Йоссариан знал, что все это выдумки, но не перебивал Белого Овсюга, который навеки, как он сказал, потерял из виду родителей. Да не очень, впрочем, огорчился, потому что они были его родителями только по их собственным словам, а врали ему так часто, что и об этом вполне могли наврать. Зато про судьбу двоюродных братьев и сестер он знал гораздо лучше — они прорвались обманным маневром на север и забрели по ошибке в Канаду. Когда им захотелось вернуться, их задержали на границе американские иммиграционные власти. Им не разрешили жить в Штатах на том основании, что они красные.

Шутка получилась остренькая, но доктору Дейнике было не до смеха — и он ни разу не улыбнулся, пока Йоссариан, после следующего боевого вылета, опять не попросил его об освобождении от полетов. Тут доктор Дейника мимолетно усмехнулся и начал бубнить, как обычно, про собственные беды, среди которых первое место занимал Вождь Белый Овсюг, приставший к нему с предложением померяться силами в индейской борьбе, а последнее — Йоссариан, опсихевший, как считал доктор Дейника, до по-

тери сознания.

— Ты напрасно теряешь время, — сказал он.

— Неужели тебе трудно освободить от полетов психа?

— Почему же трудно? Я просто обязан это сделать. Такова инструкция.

— Так освободи меня. Я же псих. Спроси хоть у Клевинджера.

— А где он, твой Клевинджер?

— Да спроси кого угодно. Все они скажут, что я законченный псих.

— Так они сами психи.

— А почему ж ты не освобождаешь их от полетов?

— А почему они меня об этом не просят?

— Потому что психи, вот почему.

— Правильно, психи. И поэтому не им решать, псих ты или нет. Согласен?

Йоссариан пытливо посмотрел на доктора Дейнику и попытался начать с другого конца.

— Ну а Орр — псих? — спросил он.

— Разумеется, псих, — ответил доктор Дейника.

— И ты можешь освободить его от полетов?

— Разумеется, могу. Но он сам должен меня об этом попросить.

— Так почему ж он не просит?

— А потому что псих. Его ведь уже несколько раз сбивали, а он продолжает летать. Стопроцентный псих. Разумеется, я могу освободить его от полетов. Но он сам должен меня об этом попросить. Такова инструкция.

— Значит, по инструкции ты можешь его освободить?

— Не только могу, но просто обязан.

— И ты освободишь его?

— Нет. Не получится.

— А что, есть какая-нибудь закавыка?

— Да уж не без этого. Поправка-22. «Всякий, кто хочет уклониться от выполнения боевого задания, нормален», — процитировал на память доктор Дейника.

Была только одна закавыка — Поправка-22, — но этого вполне хватало, потому что человек, озабоченный своим спасением перед лицом реальной и неминуемой опасности, считался нормальным. Орр летал, потому что был псих, а будучи нормальным, отказался бы от полетов — чтоб его обязали летать, как всякого нормального пилота, по долгу воинской службы. Летая, он проявлял себя психом и получал право не летать, но, реализуя это право, становился нормальным

и отказаться от полетов не мог. Пораженный всеобъемлющей простотой Поправки-22, Йоссариан уважительно присвистнул.

— Да, поправочка что надо, — сказал он.

— Лучше не придумаешь, — подтвердил доктор Дейника.

Поправка-22, эллиптически замкнутая на себя — по образцу планетарной — система с нерасторжимо сбалансированными парами, была неумолимо логичной и абсолютно самодостаточной. Ее бесподобное совершенство казалось Йоссариану таким же устрашающе законченным, как совершенная бесподобность современного искусства, а современное искусство казалось ему порой таким же сомнительным, как темнота в глазах у Эпплби, про которую толковал ему Орр. Орр уверял его, что у Эпплби темно в глазах.

— Неужели не замечал? — сказал Орр, когда Йоссариан подрался в офицерском клубе с Эпплби. — Точно тебе говорю: у него темно в глазах, только сам он про это не знает. А настоящего-то мира и не видит.

— Как же он может не знать? — удивился Йоссариан.

— А как он может узнать? — с нарочитым терпением переспросил Орр. — Ну как он увидит, что

у него темно в глазах, если у него темно в глазах?

Это выглядело ничуть не бессмысленней, чем все остальное вокруг, и Йоссариан решил поверить Орру на слово — тем более что тот вырос в темной глухомани далеко от Нью-Йорка и знал о первобытной жизни с ее первозданной темнотой куда больше Йоссариана, а главное, никогда не врал ему про что-нибудь важное, как делали все йоссарианские свояки и кровные родственники, учителя и духовные наставники, приятели, соседи, газетчики и правители. Йоссариан внимательно обдумал сообщение Орра, а дня через два поделился своим секретом с Эпплби — просто чтобы сделать доброе дело.

— Эпплби, у тебя в глазах темно, — доброжелательно шепнул он, когда они столкнулись возле парашютной палатки перед плевым налетом на Парму.

— Чего-чего? — вскинулся Эпплби, подозревая подвох, потому что Йоссариан давно уже с ним не разговаривал.

— У тебя в глазах темно, — повторил Йоссариан. — Темно, понимаешь? Вот ты этого и не видишь.

Эпплби с неприязненным изумлением воззрился на Йоссариана, молча обошел его и молча залез

в джип, чтобы ехать на инструктаж, который проводил в инструктажной палатке суетливый майор Дэнби, собирая там перед вылетом всех ведущих пилотов, бомбардиров и штурманов. Когда джип выехал на прямую дорогу, Эпплби, стараясь, чтоб его не услышали водитель и капитан Гнус, развалившийся с закрытыми глазами на переднем сиденье, вполголоса обратился к Хавермейеру.

— Послушай, Хавермейер, — неуверенно пробормотал он, — у меня в глазах темно?

— Бревно? — удивленно сморгнув, переспросил Хавермейер.

— Да нет, я говорю — у меня в глазах темно?

— Темно? — Хавермейер опять удивленно сморгнул.

— Вот-вот, в глазах. Так посмотри — темно?

— Ты что — псих? — спросил его Хавермейер.

— Я-то не псих, это Йоссариан псих. А все-таки посмотри — темно или нет? Только не скрывай. Потому что мне надо знать.

Хавермейер слизнул с ладони последние крошки козинака, нагнулся к Эпплби и внимательно заглянул ему в глаза.

— Нисколько не темно, — объявил он.

Эпплби глубоко и с огромным облегчением

вздохнул. У Хавермейера к носу, щекам и губам прилипли крошки козинака.

— Вытрись, — посоветовал ему Эпплби. — У тебя от козинака даже в ноздрях черно.

— Лучше уж в ноздрях, чем в глазах, — буркнул Хавермейер.

Офицеров пяти ведомых экипажей каждого звена из всех трех эскадрилий возили в грузовиках на общеполковой инструктаж, который начинался получасом позже, а нижние чины — радисты и стрелки — инструктаж вообще не проходили, поэтому их доставляли прямо на аэродром и высаживали у тех самолетов, в которые они были назначены на очередной вылет; тут им и полагалось ждать — вместе с механиками наземного обслуживания — проходящих инструктаж офицеров, а когда те приезжали и, с грохотом откинув задние борта грузовиков, спрыгивали на землю, собравшиеся наконец в единое целое экипажи рассаживались по самолетам.

При заводке остывшие за ночь моторы, скрытые торпедообразными обтекателями, недовольно прокашливались и урчали как бы с ленцой, но потом, разработавшись на режиме прогрева, заливали аэродром ровно рокочущим гулом; самолеты вздрагивали, отползали от стоянок и,

сперва похожие на неповоротливых мастодонтов, медленно выруливали к взлетной полосе, стремительно разгонялись и уходили на взлет, чтобы, кружа над вершинами деревьев и низвергая вниз оглушительный рев, неспешно выстроиться в боевые порядки, скользнуть с чуть-чуть приподнятыми носами над лазурно сверкающим под ними морем и в плавном развороте взять курс на цель в Северной Италии или Южной Франции. Идя с пологим набором высоты, они пересекали линию фронта приблизительно в девяти тысячах футов от земли. Тут — и это всегда поражало — их охватывала бездонная всеобъемлющая тишина, нарушаемая лишь редкими репликами летчиков, монотонно звучащими в наушниках шлемофонов, короткими, для пробы, очередями пулеметов и под конец нарочито безучастным сообщением каждого бомбардира в каждом самолете, что они вышли на исходную точку и ложатся в разворот перед боевым курсом — последней прямой для бомбардировки цели.

Самолеты «Б-25», на которых они летали, были надежными, устойчивыми блекло-зелеными двухкилевыми и двухмоторными машинами с большой хордой крыла. Их единственный недостаток заключался, на взгляд Йоссариана, в том,

что плексигласовую, вынесенную вперед кабину, где сидели пилоты, навигатор и бомбардир, отделял от аварийного люка гибельно тесный лаз — узкий, темный, холодный туннель, начинающийся за креслами пилотов, — мрачная ловушка для массивного человека, вроде Йоссариана. Пухлый, с лунообразным лицом, плоскими глазками рептилии и вечной трубкой в зубах Аафрей тоже втискивался в него не без труда, и Йоссариан настойчиво гнал его из носового отсека, когда они, как сейчас, ложились на боевой курс.

Тогда наступали томительные минуты, в которые можно было только ждать — ничего не делая, не видя и не слыша, — пока зенитчики на земле прицелятся, чтобы распылить их для отправки к праотцам.

Туннель был узкой тропкой к спасению, но Йоссариан люто его проклинал, считая, что, если самолет будет сбит, туннель неминуемо обернется капканом, уготованным ему предательским провидением в давнем замысле сжить его со свету. И при этом он знал, что у него под ногами, в носовом отсеке «Б-25», было место для аварийного люка — место было, а люка не было. Вместо люка его ждал холодный лаз, и после нервотрепки при налете на Авиньон Йоссариан осознал,

что ему ненавистен каждый бесконечный дюйм в этом лазе, который отделял его — секундами и секундами — сначала от парашюта, слишком громоздкого, чтобы брать его с собой в носовую кабину, а потом — опять секундами и секундами — от люка, прорезанного в дюралевом полу между приподнятой передней кабиной и средним отсеком, где сидел стрелок — безголовый, если смотреть на него от люка. Йоссариан жаждал оказаться там, куда он гнал дурака Аафрея, жаждал свернуться в крохотный клубок прямо на крыше аварийного люка в двух, или трех, или четырех бронежилетах, которые он припрятал бы на борту самолета, и в готовой к использованию парашютной сбруе — одна рука мертвой хваткой сжимает красное вытяжное кольцо парашюта, а другая ежесекундно готова нажать рукоятку сброса аварийного люка, чтобы мгновенно вывалиться из самолета при страшной встряске от настигшего их снаряда. Вот где жаждал оказаться Йоссариан, раз уж судьба загнала его в самолет, а он болтался, дьяволу на радость, как божий, черт бы его побрал, одуванчик между небесами, провались они в преисподнюю, и далекой землей, откуда зенитчики, чтобы им сдохнуть, проклятым убийцам, посылали, ему

на погибель, снаряды, рвущиеся вокруг, словно адский фейерверк, — и спереди, и сзади, и сверху, и снизу — жаркими, кровожадными, угрожающе рявкающими, грозно грохочущими, плотоядно рычащими исчерна-грязновато-багровыми вспышками, которые сотрясали, швыряли из стороны в сторону, заставляли подпрыгивать и низвергали в ямы чудом не рассыпающийся на лету самолет, обреченный, как думал всякий раз Йоссариан, обратиться, вместе со всем экипажем, в ослепительно яркий сгусток пламени за сотую, даже тысячную долю секунды. Аафрей был вовсе не нужен Йоссариану — и как навигатор, и как кто бы то ни было, — поэтому он старался его прогнать, чтобы им не столкнуться возле узкого лаза, если туда потребуется лезть. Послушайся он Йоссариана, и ему никто бы не помешал притулиться там, где хотел быть Йоссариан, но Аафрей вместо этого торчал в кабине — прямой, как будто у него шомпол вместо хребта, — удобно положив свои пухлые руки, с зажатой в одной из них поганой трубкой, на высокие спинки пилотских кресел и ведя с Маквотом или вторым пилотом, который в тот день был назначен к ним в самолет, неторопливо-спокойную, словно бы светскую, беседу, а вернее, произнося шутливый монолог об

увиденных вокруг погодных банальностях вроде ажурных тучек у горизонта, даром что пилотам было некогда его слушать. Маквот был слишком занят пилотажем: сначала, повинуясь указаниям Йоссариана, он выводил самолет на боевой курс, а потом Йоссариан принимался вопить, выдирая самолет, руками Маквота, из дымной чащобы заградительного огня с помощью истошных, пронзительных приказаний, похожих на завывания Обжоры Джо во время мучивших его ночью кошмаров. Аафрей раздумчиво попыхивал трубкой, следя за гиблой свистопляской войны в лобовой пилотский иллюминатор Маквота со спокойным любопытством стороннего наблюдателя. Аафрей был предан студенческому братству, легко впадал в жизнерадостный экстаз, вызываемый режиссерами всевозможных сборищ, охотно ходил на встречи одноклассников и не нажил достаточно ума, чтоб бояться. А Йоссариан, который очень даже нажил, не покидал свой пост в носовой кабине — хотя, как только начинался обстрел, его так и подмывало уюркнуть в туннель, наподобие трусливой желтобрюхой крысы, — исключительно из боязни передоверить кому-нибудь противозенитные маневры на отходе от цели. Никто за него не смог

бы, как ему казалось, руководить этим жизненно важным делом. Никто не умел так бояться, как он. Йоссариан был лучшим специалистом в полку по уклоняющимся маневрам, и руководил им инстинкт.

Уклоняющийся маневр невозможно разработать. Чтобы его выполнить, нужно только бояться. А боялся Йоссариан как никто другой — и Орр, и Обжора Джо, и Дэнбар, смирившийся с мыслью, что когда-нибудь он умрет, боялись далеко не так истово, как Йоссариан. Йоссариан не смирился с мыслью о смерти и боролся за жизнь с неослабевающей силой во время каждого боевого вылета — начинал вопить, избавившись от бомб, КРУЧЕ, КРУЧЕ, КРУЧЕ, НЕДОНОСОК, или РЕЗЧЕ, РЕЗЧЕ, РЕЗЧЕ, УБЛЮДОК, первому пилоту, которым шел обычно Маквот, с такой страшной ненавистью, будто именно по его вине он сейчас оказался в зоне огня и какие-то совершенно незнакомые ему люди пытаются отправить его на тот свет, причем никто, кроме самого Маквота, этих его воплей обыкновенно не слышал, потому что остальные члены экипажа всегда переключались на внешнюю связь — всегда, за исключением того прискорбного случая, когда во время бомбардировки Авиньона Доббз опсихел

при уходе от цели и начал жалобно взывать о помощи.

— Помогите ему! Помогите! — надрывался Доббз.

— Кому? Кому? — заорал Йоссариан, воткнув штекер переговорного устройства, выдранный из гнезда, когда опсихевший Доббз неожиданно вырвал штурвал у Хьюпла и бросил машину в сумасшедшее пике, едва не вывернувшее их всех наизнанку и уткнувшее Йоссариана в потолок кабины, так что сначала он не мог пошевелиться, а потом беспомощно рухнул на пол — когда немного опомнившийся Хьюпл отобрал в свою очередь штурвал у Доббза и вывел их из пике под убийственный зенитный огонь, от которого они за минуту до этого ушли. ГОСПОДИГОСПОДИГОСПОДИГОСПОДИ, почти нечленораздельно причитал Йоссариан, прижатый головой к потолку кабины.

— Бомбардиру! Бомбардиру! — выкликнул Доббз, как только услышал голос Йоссариана. — Он не отвечает! Он не отвечает! Помогите бомбардиру! Помогите бомбардиру!

— Я и есть бомбардир! — заорал Йоссариан. — У меня все в порядке! У меня все в порядке!

— Так помоги ему! Помоги! — умоляюще вскри-

чал Доббз.

А Снегги умирал в хвостовом отсеке.

Глава шестая
Обжора Джо

Обжора Джо совершил пятьдесят боевых вылетов, но лучше ему не стало. Он опять сидел на чемоданах и ждал отправки домой. По ночам его донимали жуткие кошмары, так что он будил душераздирающими воплями всех соседей, кроме пятнадцатилетнего пилота Хьюпла, который наврал в призывной комиссии, сколько ему лет, а потом, отправляясь на войну, прихватил любимую кошку и жил теперь в одной палатке с Обжорой Джо. Хьюпл спал довольно чутко, но утверждал, что никогда не слышит воплей соседа. Обжоре Джо было очень худо.

— А мне, думаешь, хорошо? — возмущенно огрызнулся доктор Дейника, когда Йоссариан попытался ему об этом сказать. — Ты знаешь, как у меня шли дела? Я выколачивал по пятьдесят тысяч в год и почти не платил налогов, потому что брал с пациентов только наличными. Меня поддерживало самое могучее торговое сообщество в мире. А что потом вышло? Не успел я встать на ноги, как они изобрели фашизм и заварили

эту кровавую кашу, чтобы меня свалить. Да мне смеяться хочется, когда я слышу про всяких обжор, которые вывизгивают по ночам свои мозги! Просто смеяться хочется. Это ему-то худо? А он не хочет узнать, каково приходится мне?

Обжора Джо был слишком занят собственными бедами, чтобы узнавать, каково приходится доктору Дейнике. Взять, к примеру, звуки. Самые негромкие приводили его в ярость, и он сипло, до исступления орал на Аафрея за мягкие, словно бы влажные, причмокивания, когда тот посасывал трубку, на Орра, когда тот что-нибудь паял или мастерил, на Маквота, который звонко щелкал при сдаче картой о колоду, и на Доббза, когда тот клацал зубами, натыкаясь в бесцельных блужданиях по лагерю на всех и вся. Обжора Джо казался бесформенным, конвульсивным сгустком вечно клокочущего раздражения. Чуть слышное тиканье часов в тихой комнате терзало его, будто капающий на голое темя кипяток.

— Слушай, парень, — сказал он однажды вечером Хьюплу, — если хочешь со мной ужиться, делай по-моему, понял? Прячь свои часы в шерстяной носок и запихивай их к ночи на дно вещевого мешка, а мешок задвигай в самый дальний угол палатки, ясно?

Хьюпл воинственно выпятил нижнюю челюсть, чтобы показать свою независимость, и беспрекословно сделал как велено.

Лицо у Обжоры Джо — череп, обтянутый кожей, — постоянно подергивалось от пульсирующих жилок, сплетенных, словно клубок разозленных змей, где-то за черными провалами глазниц. Это было лицо опасного в своих несчастьях горемыки, темное от мрачной тревоги и тоскливое, как брошенный город. Ел Обжора Джо торопливо и жадно, беспрестанно покусывал подушечки пальцев на руках, все время потел, ежился и почесывался, говорил то ли заикаясь, то ли запинаясь, то ли отхаркиваясь, поминутно слизывал с подбородка слюну и всегда держал наготове дорогой фотоаппарат, чтобы снимать голых девиц. Снимки у него никогда не получались. Он постоянно забывал вставить пленку, или включить вспышку, или снять с объектива колпачок. Добиться, чтобы голые девицы позировали перед фотоаппаратом, не так-то легко, но Обжора Джо собаку на этом съел.

— Моя большой человек! — орал он. — Моя фотографировать для шикарный журнал! «Лайф» знаете? Твоя в «Лайф» на всю обложку — шикарно!

А потом в Голливуд. Si, si![4] Главная суперзвезда. Много-много чав-чав. Много-много мужья. Много-много чпок-чпок. Давай, становись!

Мало кто из женщин мог устоять против столь искусного натиска, и проститутки рьяно вскакивали на ноги, принимая самые фантастические позы, выдуманные Обжорой Джо. Женщины были для него гибелью. Они внушали ему благоговейное обожание. Эти сексуальные идолицы — прекрасные, удивительные, сводящие с ума сосуды для наслаждения, слишком глубокого, чтобы его измерить, слишком острого, чтобы вынести, и слишком утонченного, чтобы им наслаждаться, — были, конечно, созданы не для него, человека низменного и никчемного. Он воспринимал доступность их голых тел как оплошность небес, которая вот-вот будет исправлена, и стремился извлечь из этого дарованного ему по ошибке мгновения все, что возможно, прежде чем Всемогущий Некто опомнится и мгновение будет упущено. Он никогда не мог решить, фотографировать ли ему девиц или использовать по прямому назначению, потому что был не в силах делать и то и другое одновременно.

---

[4] Примечания: 4
Да, да! *(итал.)*

А в результате оставался ни с чем, раздираемый до полной несостоятельности противоречивыми чувствами и необходимостью страшно спешить. Снимки у него не получались, а на остальное не хватало времени. Интересно, что до войны он и правда работал фотографом в журнале «Лайф».

А сейчас был героем — величайшим, как считал Йоссариан, героем военно-воздушных сил, потому что совершил больше боевых вылетов, чем любой другой герой. Он уже шесть раз выполнил до конца свой воинский долг. Впервые он выполнил его, когда требовалось всего двадцать пять боевых вылетов, чтобы упаковать чемоданы, написать родным радостные письма и допекать потом сержанта Боббикса беззаботными вопросами про якобы утвержденный в штабе Двадцать седьмой армии приказ, который откроет Обжоре Джо путь домой. Он ждал приказа со дня на день, а пока его не было, бодро приплясывал у палатки оперативного отдела, весело осыпал всех проходящих язвительными шуточками и, завидев сержанта Боббикса, игриво обзывал его сученочком.

Обжора Джо совершил свой двадцать пятый боевой вылет в ту неделю, когда под Салерно высадился десант, а Йоссариан попал в госпи-

таль с триппером, подхваченным от девицы из Женского вспомогательного батальона во время транспортного рейса на Марракеш. Йоссариан твердо решил сравняться с Обжорой Джо и уже почти сравнялся, сделав, когда они поддерживали высадку десанта, шесть вылетов за шесть дней, но при налете на Ареццо — это был двадцать третий вылет Йоссариана — погиб полковник Неверс, и с тех пор Йоссариан никогда уже больше не подступал так близко к отправке домой. На следующий день до ушей переполненный суровой гордостью полковник Кошкарт ознаменовал свое новое назначение патриотическим новшеством, увеличив необходимое для отправки в Штаты количество боевых вылетов с двадцати пяти до тридцати. Обжора Джо распаковал чемоданы и переписал радостные письма родным. Ему расхотелось награждать игривыми прозвищами сержанта Боббикса. Он возненавидел его, сконцентрировав на нем всю свою горькую злобу, хотя прекрасно понимал, что тот непричастен к появлению Кошкарта и не виноват в штабной волоките с утверждением приказа, который мог открыть ему дорогу домой за семь дней до и пять раз после смены командира полка.

С тех пор, когда Обжоре Джо снова приходи-

лось ждать утверждения приказа об отправке домой, он напрочь терял человеческий облик, не в силах вынести напряженного бремени ожидания. Окончательно выполнив очередной раз воинский долг, он отмечал освобождение от боевых вылетов широкой попойкой в узком кругу друзей. После первого четырехдневного рейса на связном самолете с Пьяносы в Италию он выставлял друзьям купленные там бутылки с бурбоном и быстро напивался, а потом жизнерадостно пел, плясал, хохотал и горланил, пока не засыпал мирным сном прямо у стола. Как только Йоссариан, Нетли и Дэнбар укладывали его в постель, он принимался истошно вопить, оповещая эскадрилью о навалившихся на него во сне чудовищных кошмарах. Когда утром он вылезал из палатки — осунувшийся, страшный, с печатью безотчетной вины на темном лице, — у него был вид обреченного на вечные муки полупокойника.

Кошмары душили Обжору Джо с дьявольской пунктуальностью: каждая ночь, проведенная им в своей палатке после очередного освобождения от боевых вылетов, когда он дожидался, так ни разу и не дождавшись, утвержденного приказа об отправке домой, — буквально каждая ночь

оглашалась его душераздирающими воплями. Впечатлительные люди вроде Доббза и капитана Флума начали вскоре откликаться на его кошмарные вопли пронзительной разноголосицей собственных ночных кошмаров, и гулкая похабщина, гремящая в непроглядной тьме над расположением эскадрильи, романтично напоминала брачную перекличку ополоумевших от похоти певчих птиц. Подполковник Корн повел решительную борьбу с нездоровыми, как он выразился, тенденциями в эскадрилье майора Майора. По его приказу Обжору Джо назначили пилотом на связной самолет, так что он не ночевал у себя четыре раза в неделю, и это сразу же оздоровило обстановку, снова подтвердив действенность всех начинаний подполковника Корна.

Как только полковник Кошкарт повышал норму боевых вылетов и возвращал Обжору Джо к исполнению воинского долга, тот облегченно вздыхал и впадал в нормальное состояние смертельного страха, а ночные кошмары у него мигом прекращались. Йоссариан легко прочитывал на сморщенном лице Обжоры Джо последние новости. Если он выглядел плохо, то ничего плохого не намечалось, а если хорошо, то дела обстояли

очень скверно. Это вывернутое наизнанку восприятие жизни удивляло всех, кроме Обжоры Джо.

— Какие кошмары? — поинтересовался он, когда Йоссариан спросил его про ночные кошмары.

— Ты бы сходил к доктору Дейнике, — посоветовал Йоссариан.

— Зачем это я пойду к доктору Дейнике? — удивился Обжора Джо. — Что я — больной?

— А как насчет кошмаров? — напомнил ему Йоссариан.

— Нет у меня никаких кошмаров, — соврал Обжора Джо.

— Может, он их все-таки снимет.

— Да почему их надо снимать? У всех небось кошмары.

— Каждую ночь? — решив, что поймал его, спросил Йоссариан.

— Да хотя бы и каждую, — отозвался Обжора Джо.

И Йоссариан вдруг понял вполне осмысленную правоту Обжоры Джо. Именно, что хотя бы и каждую! Разве не прав, разве бессмысленно ведет себя человек, если он мучительно вопит каждую ночь? Обжора Джо был куда больше прав

и осмыслен, чем, например, Эпплби, который занудливо заботился об исполнении инструкций и приказал Крафту, чтобы тот обязал Йоссариана непременно принять атабрин перед их отправкой за океан, когда Эпплби и Йоссариан перестали разговаривать. Да и сам Крафт — какую правоту, какой смысл утвердил он своей смертью, бесславно отправившись над Феррарой прямо в преисподнюю, когда Йоссариан второй раз повел на цель свое звено из шести машин и зенитчики подорвали у Крафта двигатель? Их авиаполк не мог разбомбить мост под Феррарой семь дней подряд, а в бомбовый прицел у «Б-25» можно без труда разглядеть даже крохотную бочку на земле с высоты в сорок тысяч футов, но прошло уже семь дней с тех пор, как полковник Кошкарт вызвался послать своих людей на это задание, пообещав уничтожить мост за одни сутки, а они все еще ничего не сделали. Крафт был тощим и безобидным парнем из Пенсильвании, а стремился он всю жизнь только к тому, чтобы всем угодить, но даже и в этом убогом стремлении отнюдь не преуспел. Угождал, угождал да и угодил на тот свет — кровавая искорка в исковерканном самолете, никем не замеченная даже на грани гибели, в последнее мгновение, когда его самолет

с отвалившимся крылом, кувыркаясь, несся к земле. Он жил угодливо и недолго, а погиб над Феррарой в ослепительной вспышке пламени на седьмой день, когда господь отдыхал и когда Маквот уже ушел из-под обстрела, а Йоссариан снова послал его к мосту, потому что Аафрей ошибся в расчетах и Йоссариану не удалось точно вывести машину на цель.

— Так что — опять заходить? — хмуро спросил его по внутреннему переговорному устройству Маквот.

— Придется, — отозвался Йоссариан.

— Так заходить?

— Заходи.

— Двум смертям не бывать, на одну наплевать, — уныло пропел Маквот.

И они снова пошли к мосту, хотя машины других звеньев благоразумно кружили в стороне, так что все зенитки из дивизии Германа Геринга сосредоточили свою грохочущую ярость только на них.

Доблестный полковник Кошкарт никогда не упускал случая получить для своих людей какое-нибудь важное и рискованное боевое задание. Ни одна цель не казалась ему чересчур опасной, так же как ни одна подача не оказывалась чересчур

трудной для Эпплби, когда он играл в пинг-понг. Эпплби по праву считался превосходным пилотом и не имел равных за столом для пинг-понга. У него было темно в глазах, и ему требовалась ровно двадцать одна подача, чтобы нанести противнику позорное поражение. Он не терял ни одного очка и неизменно выигрывал — до тех пор, пока окосевший от коктейлей Орр не раскроил ему ракеткой лоб, проиграв предварительно все пять первых подач. Орр запустил в него ракетку, а потом вскочил на стол и раздрызганно, дико прыгнул ногами вперед, норовя влепиться Эпплби в морду обеими подошвами. Тому понадобилось не меньше минуты, чтобы выпростаться из кромешного ада бешено молотящих его по чему попало орровских рук и ног, а когда он ухитрился наконец встать и, вздернув Орра с пола за ворот рубахи, хотел размозжить ему кулачищем голову, к нему уже подоспел Йоссариан и отнял у него Орра, так что смертоубийства не произошло. Это был вечер сюрпризов для Эпплби, который не уступал Йоссариану ни ростом, ни силой и врезал ему от всей души, ввергнув Белого Овсюга в такое возбуждение, что он смачно саданул полковника Мудиса по носу; и охваченный благодарной радостью генерал Дридл приказал полковни-

ку Кошкарту выдворить из клуба капеллана, а Белого Овсюга обязал жить в палатке доктора Дейники, чтобы он находился под врачебным присмотром двадцать четыре часа в сутки и был бы в наилучшей форме, когда генералу Дридлу снова захочется посмотреть, как полковник Мудис получает по носу.

Вождь Белый Овсюг предпочел бы остаться в трейлере, где его соседом был капитан Флум из отдела социальной пропаганды — молчаливый и углубленный в себя офицер, который печатал вечерами снимки, сделанные днем, чтобы рассылать их со своими комментариями представителям прессы. Капитан Флум сидел в темной фотокаморке до глубокой ночи, а потом тихонько ложился на койку, скрестив для избавления от беды пальцы рук и проверив, не потерялся ли случаем спасительный талисман — кроличья лапка, висящая у него на шее, — ложился, чтобы как можно дольше не спать. Капитан Флум смертельно боялся своего соседа по жилью. Его преследовала навязчивая мысль, что однажды ночью, когда он будет крепко спать, тот подкрадется на цыпочках к его койке и вспорет ему горло от уха до уха. Мысль эту внушил капитану Флуму сам Белый Овсюг, подкравшийся однажды

ночью на цыпочках к его койке и зловеще прошипевший, что однажды ночью, когда капитан Флум будет крепко спать, он, Вождь Белый Овсюг, подкрадется на цыпочках к его койке и вспорет ему горло от уха до уха. Капитан Флум, который уже начал было задремывать, мгновенно очнулся, похолодел и замер, с ужасом глядя широко открытыми глазами в зрачки Белому Овсюгу, пьяновато поблескивающие и устрашающе близкие.

— За что? — сдавленно всхрипнул он.

— А вот за то самое, — был ответ.

С тех пор капитан Флум заставлял себя не спать по ночам как можно дольше. Ему очень помогали кошмарные вопли Обжоры Джо. Слушая ночь за ночью эти пронзительные вопли, он возненавидел Обжору Джо лютой ненавистью и очень хотел, чтобы Вождь Белый Овсюг подкрался однажды на цыпочках к его койке и вспорол бы от уха до уха горло *ему*. Но на самом-то деле капитан Флум спал по ночам как убитый и только видел во сне, что не спит. А проснувшись наутро, чувствовал себя таким изможденным от недосыпа, что сразу же засыпал опять.

Преображение капитана Флума наполняло Белого Овсюга дружелюбной гордостью. Капитан Флум лег однажды спать общительным бодряч-

ком, а встал унылым анахоретом, и Вождь Белый Овсюг горделиво считал нового капитана Флума своим творением. Он вовсе не собирался вспарывать ему горло от уха до уха. Он просто пошутил — как шутил, говоря, что умрет от воспаления легких, или предлагая доктору Дейнике померяться с ним силами в индейской борьбе, или смачно врезая по носу полковнику Мудису, — такие уж у него были шутки. Когда он притаскивался вечерами пьяный в свой трейлер, ему хотелось просто лечь и уснуть, а вопли Обжоры Джо поминутно его будили. Ему становилось муторно, и он был бы очень рад, если б кто-нибудь подкрался на цыпочках к палатке Обжоры Джо, снял у него с лица спящую там кошку Хьюпла и вспорол бы ему горло от уха до уха, чтобы все, кроме капитана Флума, смогли наконец спокойно уснуть.

Белого Овсюга не жаловали в эскадрилье, даром что он бил время от времени, на радость генералу Дридлу, полковника Мудиса по носу. Не жаловали и майора Майора, а выяснил он это, когда узнал, что его назначили командиром эскадрильи, — узнал от полковника Кошкарта, который примчался к ним в своем яростно рычащем форсированном джипе наутро после того, как при бомбардировке Перруджи сбили майора Дулуса.

Джип полковника Кошкарта замер, взвизгнув тормозами, у канавы, отделяющей шоссе от кособокой баскетбольной площадки, откуда майора Майора выгнали в конце концов — кулаками, пинками и камнями — его почти что друзья.

— Вас назначили командиром эскадрильи! — рявкнул ему через канаву полковник Кошкарт. — Да только ничего это не значит, не думайте, потому что вы будете только значиться командиром, а значит, ничего это не значит, понятно?!

Резко развернувшись, так, что у джипа пронзительно заскрипели шины, полковник Кошкарт с ревом умчался, а майор Майор даже не заметил, что лицо ему запорошило выброшенной из-под колес пылью. Его ошеломила сообщенная новость. Безмолвный и долговязый, стоял он с отвисшей челюстью у канавы, держа в длинных руках потертый баскетбольный мяч, а семена ядовитой злобы, посеянные полковником Кошкартом в благодатную, как вскоре выяснилось, почву, стремительно укоренялись в душах тех самых солдат, которые играли с ним в баскетбол и даже — небывалый для него случай! — почти дружили. Он судорожно екнул, тщетно пытаясь что-то сказать, а его растерянные глаза стали огромными и влажными, словно их застилал

непроглядно-едкий туман издавна знакомого ему одиночества.

Полковник Кошкарт, как и его штабисты, был заражен духом демократизма — он считал, что все люди сотворены равными, и третировал своих подчиненных с равным высокомерием. Однако он верил в своих людей. Он верил — и часто повторял это, приезжая на инструктаж, — что его пилоты по крайней мере на десять боевых вылетов превосходят всех остальных, а тот, кто с ним не согласен, может катиться к чертовой матери или куда глаза глядят. Катиться куда глаза глядят, как узнал Йоссариан, навестив рядового экс-первого класса Уинтергрина, он мог после десяти дополнительных боевых вылетов.

— Что-то я не совсем понимаю, — запротестовал Йоссариан. — Так прав доктор Дейника или не прав?

— А сколько он сказал?

— Сорок.

— Доктор Дейника сказал тебе правду, — признал рядовой экс-первого класса Уинтергрин. — Сорок боевых вылетов достаточно — так считают в штабе Двадцать седьмой армии.

Йоссариан возликовал.

— Значит, я могу отправляться домой? У меня

ведь уже сорок четыре.

— Ты что — псих? — осадил его рядовой экс-первого класса Уинтергрин. — Никто с тобой даже и разговаривать не будет об отправке домой.

— Да почему?

— Поправка-22.

— Поправка-22? — изумленно переспросил Йоссариан. — Она-то тут при чем?

— А при том, — терпеливо разъяснил ему доктор Дейника, когда Обжора Джо доставил его обратно на Пьяносу, — что ты всегда должен выполнять приказ своего непосредственного командира.

— Но ведь в штабе армии говорят, что после сорока вылетов я могу отправляться домой!

— Во-первых, про дом они ничего не говорят. А во-вторых, по уставу ты обязан выполнять каждый приказ командира. И даже если полковник Кошкарт самоуправствует, ты все равно должен ему подчиняться, а иначе тебя обвинят в невыполнении приказа. И тогда уж тебе несдобровать, штаб армии об этом позаботится, будь уверен.

Йоссариан сокрушенно сник.

— Стало быть, мне придется дотягивать до пятидесяти вылетов? — с горечью спросил он.

— До пятидесяти пяти, — поправил его доктор

Дейника.

— Каких еще пятидесяти пяти?

— А таких, которых требует теперь от вас полковник Кошкарт.

Услышав слова доктора Дейники, Обжора Джо облегченно вздохнул. Йоссариан сграбастал его за шиворот и заставил немедленно лететь обратно к Уингергрину.

— Что мне сделают, — по секрету спросил он, — если я наплюю на новый приказ Кошкарта?

— Возможно, мы тебя расстреляем, — ответил ему рядовой экс-первого класса Уинтергрин.

— Мы? — удивленно воскликнул Йоссариан. — С чего это ты вдруг решил затесаться в их шатию?

— А что мне, по-твоему, делать, когда речь заходит про расстрел? — огрызнулся рядовой экс-первого класса Уинтергрин.

Йоссариан окончательно сник. Полковник Кошкарт снова заставил его спасовать.

Глава седьмая
Маквот

Самолет Йоссариана пилотировал обычно Маквот, бривший по утрам в ярко-красной, неизменно чистой пижаме на свежем воздухе возле палатки и превосходно дополнявший в своей нелепой непостижимости безумную картину мира. Маквот, пожалуй, был среди них самым глубоким психом, потому что при всем его здравомыслии совершенно спокойно воспринимал войну. Коротконогий и широкоплечий, он постоянно насвистывал бодрые эстрадные мотивчики, а играя в покер или очко, звучно щелкал при сдаче картами о колоду, чем доводил Обжору Джо до исступленного отчаяния, так что он, злобно заикаясь, начинал поносить Маквота на чем свет стоит и даже норовил затеять с ним драку.

— Ты же щелкаешь, подлюга, только чтоб меня довести! — хрипло завывал он, пытаясь вырваться из цепких рук Йоссариана, который не пускал его к Маквоту. — Ему ж, распроподлюге, просто хочется послушать, как я ору! — хрипел, вырываясь, он.

Маквот виновато морщил свой веснушчатый нос и клялся, что больше не будет, но всегда об этом забывал. К пижаме у него полагались на ноги меховые шлепанцы, а спал он между свежевыглаженными цветными простынями, вроде той, половину которой вернул ему однажды Мило Миндербиндер, так и не отдав за нее улыбчивому воришке-сластене обещанные финики без косточек, взятые взаймы у Йоссариана. Он поразил воображение Маквота, этот Мило Миндербиндер, с выгодой покупавший, на диво капралу Снарку, яйца по семь и продававший их по пять центов за штуку. Но куда сильней, чем Миндербиндер Маквота, поразил самого Миндербиндера Йоссариан — запиской, полученной благодаря своей печени от доктора Дейники.

— Это еще что? — встревоженно воскликнул Мило Миндербиндер, увидев, как два рабочих-итальянца, заарканенные для него в Италии майором… де Каверли, выносят из столовой картонную коробку, набитую жестяными банками с фруктовым соком и пакетами вяленых фруктов.

— Это Йоссариану, сэр, — чванливо ухмыльнувшись, объяснил ему капрал Снарк. По службе он был повар, а по натуре — интеллектуальный сноб и, считая, что опередил свое время лет на два-

дцать, неохотно снисходил до стряпни простым пилотам. — У него записка от доктора Дейники, по которой он может получать любые фрукты и фруктовые соки в любом количестве.

— Это еще что? — воскликнул Йоссариан, увидев, как Мило Миндербиндер побледнел и пошатнулся.

— Это Мило Миндербиндер, сэр, — иронически подмигнув ему, сказал сержант Снарк. — Один из новых пилотов. Его назначили начальником столовой, когда вы последний раз были в госпитале.

— Это еще что? — воскликнул вечером Маквот, увидев, как Мило Миндербиндер протягивает ему половину его цветной простыни.

— Это половина простыни, которую украли сегодня утром из вашей палатки, — самодовольно, но немного нервно подрагивая невезучими бурыми усиками, объяснил Мило. — Могу поспорить, что вы об этом даже и не знали.

— А кому, интересно, понадобилось красть полпростыни? — спросил Йоссариан.

— Да нет, вы не поняли, — засуетился Мило Миндербиндер.

Йоссариан, кроме того, не понял, почему Мило так вцепился в записку доктора Дейники, где было сказано всего лишь о выдаче ему фруктов

и сока. «Настоящим предписывается, — написал доктор Дейника, — выдавать капитану Йоссариану любые фрукты и фруктовые соки в любом количестве, т. к. считается, что у него печень».

— Такое предписание, — озабоченно мямлил Мило Миндербиндер, — может разорить самую богатую столовую на земле. — Он, словно плакальщик, тащился за коробкой с утраченной провизией через всю эскадрилью — чтобы еще раз прочитать у Йоссариана в палатке предписание доктора Дейники. — Я, значит, обязан выдавать тебе любые фрукты, так? А в предписании даже не сказано, что ты должен их съедать.

— И правильно не сказано, — откликнулся Йоссариан. — Я никогда их не ем. У меня же печень.

— Ах да, печень, — уважительно понизил голос Мило Миндербиндер. — А я и забыл. Очень беспокоит?

— Достаточно, — бодро заверил его Йоссариан.

— Понятно, — сказал Мило. — И как же ты?

— А так, что надо б лучше…

— В каком смысле?

— …да было б хуже. Понимаешь?

— Понимаю, — сказал Мило Миндербиндер. — Только не совсем.

— Да ты особенно-то не беспокойся. Пусть уж

она меня беспокоит, моя печень, верно? У меня, впрочем, даже и не совсем печень. У меня синдром Гарнетта — Фляйшекера.

— Понятно, — сказал Мило Миндербиндер. — И что же это за синдром?

— Да все та же печень.

— Понятно, — сказал Мило Миндербиндер и принялся массировать лоб с видом человека, которого мучает какая-то внутренняя боль и он дожидается, когда она пройдет. — В таком случае, — заключил он, — тебе, видимо, надо быть очень осторожным с едой.

— Еще бы, — подтвердил Йоссариан. — Хороший синдром Гарнетта — Фляйшекера — редчайшая штука, к нему нельзя относиться легкомысленно. Вот почему я никогда не ем фруктов.

— Теперь понятно, — сказал Мило Миндербиндер. — Фрукты вредны для твоей печени.

— Да нет, фрукты полезны для моей печени. Поэтому-то я их и не ем.

— А что же ты с ними делаешь? — спросил Мило Миндербиндер, чтобы хоть на несколько секунд отсрочить вопрос, который все сильнее жег ему язык. — Продаешь?

— Просто отдаю.

— Кому? — ломким от испуга голосом вскричал

Мило Миндербиндер.

— А кому попало! — гаркнул в ответ Йоссариан.

Резко отшатнувшись, Мило Миндербиндер издал протяжный стон, и на мертвенно-бледном лице у него выступили бисеринки пота. Потом, дрожа всем телом, машинально дернул себя за невезучий ус.

— Например, Дэнбару, — сказал Йоссариан.

— Дэнбару? — тупо повторил Мило.

— Дэнбару. Ему, правда, от фруктов никакой пользы, сколько б он их ни ел. А вообще-то я просто оставляю коробку возле палатки, чтоб каждый, кто хочет, мог их брать. Аафрей, к примеру, таскается сюда за черносливом — он говорит, что в меню его почти нет. Тебе надо бы с этим разобраться, когда будет время, а то мне ведь вовсе не весело терпеть около своей палатки Аафрея. Ну и вот, а всякий раз, как коробка пустеет, капрал Снарк снова мне ее наполняет. Нетли мешками возит фрукты в Рим. Он любит там одну шлюху, которая меня терпеть не может, а его терпит. У нее есть младшая сестра, и она вечно мешает им забраться в постель, да и не только она, там целый выводок девок — даром что у каждой своя комнатенка, — а живут они

все под присмотром старика со старухой, и Нетли мешками таскает им фрукты.

— Он их там продает?

— Да нет, просто раздает.

— Щедрый, видно, парень, — хмуро проговорил Мило Миндербиндер.

— Это уж точно, — согласился Йоссариан.

— И все, стало быть, вполне законно, — заметил Мило, — раз на выдачу есть оправдательный документ. А со съестным там сейчас очень туго, и они, наверно, до смерти рады, когда он привозит им столько фруктов.

— Это уж точно, — подтвердил Йоссариан. — Его шлюха продает их со своей сестрой на черном рынке, чтобы покупать себе дешевые духи и побрякушки.

— Духи и побрякушки? — насторожившись, переспросил Мило Миндербиндер. — Этого я не знал. И сколько же они платят за дешевые духи?

— Старик тоже получает свою долю — на спиртное и порнографию. Он развратник.

— Развратник?

— Вот-вот. Просто удивительно.

— А хорошо идет в Риме порнография?

— Просто удивительно. Или взять, к примеру, Аафрея. Ведь никогда не подумаешь, верно?

— Что он развратник?

— Да нет, штурман. Ты ведь капитана Аардваарка знаешь? Милый такой парень, он наверняка подходил к тебе, когда ты прибыл к нам в эскадрилью. Подошел и представился: «Штурман Аардваарк, если вам не сказали: Аардваарком назвали, в штурманы призвали». Трубка у него будто приросла к губам, и еще он, я думаю, спрашивал, в каком колледже ты учился. Припоминаешь?

Но Мило не слушал.

— Возьми меня в компаньоны! — умоляюще выпалил он.

Йоссариан отказал ему, хотя превосходно понимал, что они смогут распоряжаться, как сочтут нужным, целыми грузовиками фруктов, полученных, по записке доктора Дейники, из запасов офицерской столовой. Мило Миндербиндер очень горевал, но с тех пор доверял Йоссариану все свои тайны, кроме одной, мудро рассудив, что человек, отказавшийся обворовывать любимую страну, не захочет обворовывать и кого бы то ни было из ее граждан. Он доверил ему все тайны, кроме одной: не открыл, где именно расположены среди холмов его тайники, куда он начал прятать свои деньги после возвращения из Смирны с грузом инжира — ему удалось до

отказа набить им самолет, — когда Йоссариан рассказал, что в госпитале объявился обэпэшник. Для Мило Миндербиндера, который по простоте душевной, как он считал, добровольно согласился стать начальником офицерской столовой, эта должность была священной.

А при первом разговоре они говорили о Снарке.

— Я и не знал, что у нас в меню почти нет чернослива, — признался Мило Миндербиндер Йоссариану, притащившись к нему в палатку, чтобы познакомиться с ним и прочитать записку доктора Дейники. — У меня еще не было времени как следует осмотреться. Но я обязательно обсужу этот вопрос с моим шеф-поваром.

— С каким таким шеф-поваром? — остро глянув на него, спросил Йоссариан. — Нету у нас в столовой шеф-повара.

— Да это я про капрала Снарка, — виновато отводя взгляд, сказал Мило Миндербиндер. — Он у нас единственный повар, а значит, он и шеф, хотя на самом-то деле мне хочется перевести его в административный отдел. Он, по-моему, слишком творчески относится к своему делу. Ему кажется, что стряпня — это искусство, и он все время разглагольствует про насилие над его та-

лантами. А зачем нам их насиловать? Вы, кстати, не знаете, за что его разжаловали и почему он до сих пор капрал?

— Знаю, — сказал Йоссариан. — Он отравил всю эскадрилью.

— Он… что? — опять побледнев, переспросил Мило Миндербиндер.

— Да намешал в сладкий картофель солдатского мыла, — объяснил Йоссариан. — Решил однажды доказать, что у людей нет вкуса и что они, вроде филистимлян, не способны отличить хорошее от плохого. Он всех здесь чуть не уморил. Даже боевые вылеты были отменены.

— Хорош, нечего сказать! — с осуждением поджав губы, воскликнул Мило Миндербиндер. — Ну а потом-то он хоть понял, что не прав?

— Наоборот, — сказал Йоссариан, — он понял, что абсолютно прав. Мы за обе щеки уплетали его стряпню и требовали добавки. Нам всем было потом очень худо, но жрали мы с наслаждением.

— Значит, его обязательно надо перевести в административный отдел, — дернув, словно испуганный заяц, невезучими усами, проговорил Мило Миндербиндер. — Я не могу допустить, чтоб такое повторилось при мне. Я, видите ли, хочу сделать нашу столовую образцовой, — довери-

тельно и серьезно сообщил он. — Это ведь вполне достойная цель, правда? А если у начальника офицерской столовой нет такой цели, ему лучше отказаться от этого поста. Вы согласны?

Йоссариан недоверчиво окинул собеседника пытливым взглядом, но увидел перед собой открытое и простодушное лицо человека, явно неспособного к обману или коварству, — это было по-своему честное и правдивое лицо с чуть косящими глазами, черными бровями, рыжеватой шевелюрой и невезучими бурыми усами. Мило Миндербиндер беспрестанно пошмыгивал резко свернутым набок носом, который был всегда направлен, тонкий и необычайно длинный, в противоположную взгляду сторону. Этот по-своему цельный облик соответствовал характеру Мило, решительно не способного нарушить своих устоявшихся нравственных принципов, как не способен человек по собственной прихоти превратиться в осклизлую жабу. Основываясь на своих принципах, Мило Миндербиндер считал, к примеру, грехом запрашивать в сделках меньше, чем можно сорвать. Его часто обуревали приступы нравственного негодования, и он бурно вознегодовал, узнав от Йоссариана, что за ним охотится обэпэшник.

— Да не в тебе тут вовсе дело, — успокоительно сказал ему Йоссариан. — Он охотится за цензором из госпитальных пациентов, который расписывается на досмотренных письмах как Вашингтон Ирвинг.

— Я никогда нигде не расписывался как Вашингтон Ирвинг.

— Вот именно.

— Так это просто уловка! Они хотят заставить меня признаться в махинациях на черном рынке. — Мило Миндербиндер со злостью дернул себя за всклокоченный бурый ус. — Ненавижу таких молодчиков! Всегда они травят людей вроде нас. Почему б им не прижучить Уинтергрина, если уж у них так чешутся руки творить добро? Он плюет на все инструкции и вечно сбивает мне цены.

Мило Миндербиндер никак не мог ровно подстричь свои невезучие усы. Поэтому-то они и были у него невезучие — вроде глаз, которые никогда не глядели в одно и то же время на один и тот же предмет. Вообще-то Мило видел куда больше других, но очень своеобычно. Его здорово испугал обэпэшник, зато приказ полковника Кошкарта о повышении нормы боевых вылетов до пятидесяти пяти он воспринял со спокойным мужеством.

— Ничего не поделаешь — война, — сказал он. — У нас нет права жаловаться на тяготы жизни. Если полковник считает, что пятьдесят пять вылетов — наш долг, мы должны его выполнить.

— Никому я ничего не должен, — твердо объявил Йоссариан. — Мне обязательно нужно увидеться с майором Майором.

— Как же ты с ним увидишься? Его никто никогда не видит.

— Значит, придется мне залечь в госпиталь.

— Ты ж вернулся из госпиталя всего десять дней назад, — с упреком напомнил ему Мило Миндербиндер. — Разве это дело — удирать в госпиталь, когда тебе что-нибудь не нравится? Нет, Йоссариан, лучше уж честно отлетать положенное. Ведь это наш долг.

Чуткая совесть не позволила Мило позаимствовать пакет фиников из запасов столовой, когда он хотел обменять их на украденную у Маквота простыню в день знакомства с Йоссарианом, потому что вся вверенная ему провизия была свято казенной.

— Зато я могу занять немного фиников у вас, — сказал он тогда Йоссариану, — ведь они законно выданы вам по предписанию врача. Вы вольны распоряжаться ими как вам заблагорассудится —

например, выгодно продавать их, а не раздавать. Хотите, будем торговать вместе?

— Да нет, спасибо.

— Тогда дайте мне пакет фиников взаймы, — не настаивая на совместной торговле, сказал Мило. — Я отдам. Честное слово, отдам, даже с процентами.

Мило Миндербиндер пунктуально сдержал свое слово. Вернувшись под вечер с улыбчивым жуликом-сластеной, который украл у Маквота желтую простыню, он вручил Йоссариану пакет фиников, обещанный жулику, и четверть Маквотовой простыни. Четверть простыни принадлежала теперь Йоссариану. Он заработал ее — хотя и не понял, каким образом, — когда мирно спал после обеда у себя в палатке. Маквот тоже не понял.

— Это еще что? — воскликнул он, остолбенело глядя на половину своей простыни.

— Это половина простыни, которую украли сегодня утром из вашей палатки, — объяснил ему Мило Миндербиндер. — Могу поспорить, что вы об этом даже и не знали.

— А кому, интересно, понадобилось красть полпростыни? — спросил Йоссариан.

— Да вы не поняли, — засуетился Мило. — Он

украл всю простыню, и я выменял ее на пакет фиников, который вы вложили в дело. И теперь на вашу долю приходится четверть простыни. Это значительная прибыль, тем более что вы и финики получили обратно. А вам, — обратился Мило Миндербиндер к Маквоту, — полагается половина простыни, как бывшему владельцу целой, и я не понимаю, на что вы жалуетесь, ведь, если б мы с Йоссарианом не позаботились в этом деле о ваших интересах, вы и вовсе ничего бы не получили.

— Да я не жалуюсь, — отозвался Маквот. — Я просто не могу сообразить, что мне делать с половиной простыни.

— О, с ней много кой-чего можно сделать, — заверил его Мило Миндербиндер. — Четверть простыни я выделил в уплату за мою инициативу, находчивость и работу. Не для собственного обогащения, а на торговую фирму. Вот и вы могли бы вложить половину вашей простыни в торговую фирму. На ее дальнейшее расширение.

— Какую еще торговую фирму?

— Торговую фирму, которую я собираюсь учредить, чтобы обеспечивать вас всех достойным питанием.

— Вы хотите учредить торговую фирму?

— Совершенно верно. Или, еще вернее, не торговую фирму, а торжище. Вы знаете, что такое торжище?

— Это место, где покупают?

— И продают, — поправил его Мило Миндербиндер.

— И продают, — послушно повторил Маквот.

— Я всю жизнь мечтал о хорошем торжище. Торжище открывает перед человеком величайшие возможности. Но его нужно с чего-то начать.

— Вам нужно торжище?

— Торжище нужно всем, — сказал Мило Миндербиндер, — чтобы каждый получал свою долю.

Разговор пошел о предпринимательстве, и Йоссариан почти перестал его понимать, потому что почти ничего не понимал в предпринимательстве.

— Давайте я вам снова все объясню, — утомленно и с легким раздражением проговорил Мило Миндербиндер. — Мне было известно, что финики ему нужнее, чем простыня. — Мило ткнул большим пальцем в сторону жулика-сластены, который по-прежнему стоял с ним рядом и улыбался. — Но английского он не знает, а я вел дело на английском…

— Да его бы просто треснуть за воровство по

башке, отобрать простыню, вот и все дело, — сказал Йоссариан.

— Это было бы насилие, — с достоинством поджав губы, отверг такой выход Мило Миндербиндер. — Насилие, как и воровство, — это зло, а от удвоенного зла добра не жди. Мой метод гораздо лучше. Когда я протянул ему финики и потянулся за простыней, он, возможно, подумал, что ему предлагают сделку.

— А что вы предлагали?

— Сделку и предлагал, да английского-то он не знает и доказать ничего не сможет.

— Ну а если он разозлится и все же потребует совершить сделку?

— Тогда мы просто треснем его по башке, — не задумываясь ответил Мило Миндербиндер, — вот и вся сделка. — Он перевел взгляд с Йоссариана на Маквота и обратно. — Ума не приложу, чем вы, собственно, недовольны. Ведь в барышах-то каждый из нас, кроме этого ворюги, а он даже человеческого языка не знает и вообще получил по заслугам, так чего о нем беспокоиться? Разве непонятно?

Но Йоссариану было непонятно еще и другое — как Мило Миндербиндер ухитрялся оставаться в барышах, покупая яйца на Мальте по семь цен-

тов за штуку и продавая на Пьяносе по пять.

Глава восьмая
Лейтенант Шайскопф

Даже Клевинджер не мог этого понять, а Клевинджер понимал и знал решительно все. Он знал все обо всем, включая войну, кроме ответа на вопрос, почему Йоссариану уготована смерть, а капралу Снарку — жизнь или почему Йоссариану уготована жизнь, а капралу Снарку — смерть. Это была дьявольская, чудовищная война, и Йоссариан прекрасно жил бы себе да жил без нее — может быть, целую вечность. Далеко не всем его соотечественникам суждено было умереть ради победы, и он вовсе не рвался разделить героическую судьбу погибших. Жить иль не жить — вот был вопрос, и Клевинджер чуть не свихнулся, пытаясь на него ответить. Безвременная смерть Йоссариана не изменила бы ход истории, а значит, для победы над врагом, торжества справедливости и дальнейшего прогресса вовсе не требовалось, чтобы он скоропостижно отправился на тот свет. Смерть, конечно, была необходимостью, но не случайная же смерть, и Йоссариану отчаянно не хотелось стать жертвой случайности. А разве на

войне застрахуешься от смертельного случая? И только дети, избавленные от пагубного влияния родителей, да хорошие заработки отчасти примиряли Йоссариана с войной.

Что же до Клевинджера, то это был гений с пламенным сердцем и бледным лицом, вот почему он знал решительно все. Долговязый, нескладный и вечно взволнованный юнец с лихорадочными от жажды знаний глазами, он шел в Гарварде одним из первых учеников и не стал просто первым, причем по всем дисциплинам, потому что беспрерывно подписывал, распространял и опровергал студенческие воззвания, вступал в дискуссионные группы и выступал на конгрессах молодежи, выходил из дискуссионных групп и ходил пикетировать конгрессы молодежи, а остальное время тратил на создание комитетов для защиты уволенных преподавателей. Никто не сомневался, что его ждет блистательная университетская карьера. Короче, он был широко образованным и глубоко безмозглым, о чем знали все, кроме тех, кому это предстояло вскоре узнать.

А еще короче — олух. Он часто напоминал Йоссариану оголтелых интеллектуалов с обоими глазами на одной стороне лица от постоянной

беготни по музеям современного искусства. Йоссариан поддавался этой иллюзии — воспринимал Клевинджера однобокозрячим из-за его неспособности посмотреть на что-нибудь хотя бы с двух разных сторон: Клевинджер неизменно видел только одну. В политике он придерживался строго либеральных взглядов и опасался сделать даже крохотный шажок вправо или влево, отвергая любые крайности. Он беспрестанно защищал своих левых друзей от правых врагов и правых друзей от левых врагов, а те в свою очередь никогда его не защищали, считая с единодушным презрением, что он просто олух.

Это был очень серьезный, очень искренний и очень добросовестный олух. После любого кинофильма он непременно пускался в рассуждения об Аристотеле и универсалиях, о сочувствии и сопереживании, о возможностях, правах и обязанностях кино, как вида искусства, в материалистическом обществе. Девушкам, с которыми он ходил в театр, нужно было дождаться первого антракта, чтобы узнать, хороший они смотрят спектакль или плохой, а уж в антракте они мигом начинали все понимать. Его воинствующему идеализму до обмороков претил расизм. Про литературу он знал все, кроме одного — как полу-

чать от нее удовольствие.

Став его соучеником по летному училищу в калифорнийском городке Санта-Анна, Йоссариан пытался ему помочь.

— Да не будь же ты олухом, — предостерегал Клевинджера йоссариан, сидя рядом с ним на трибунах учебного плаца и наблюдая за Шайскопфом, который метался внизу, словно безбородый король Лир.

— Нет уж, я скажу ему, — уперся Клевинджер.

— За что? — взывал к небу Шайскопф.

— Не умничай, балбес, — отечески посоветовал Клевинджеру Йоссариан.

— Ничего-то ты не понимаешь, — упрямо отозвался Клевинджер.

— Зато знаю, что бывает с умниками, — сказал Йоссариан.

Лейтенант Шайскопф рвал на себе волосы и скрипел зубами. Его каучуковые щеки страдальчески содрогались. Ему отравляли жизнь безнравственные курсанты его авиароты, не желавшие как следует маршировать на строевых смотрах, которые происходили у них в училище каждое воскресенье. Курсанты были безнравственные, потому что не желали как следует маршировать и протестовали, когда лейтенант

Шайскопф не разрешал им выбирать командиров из своей среды, а назначал их сам.

— Пусть мне кто-нибудь скажет! — умолял Шайскопф. — Если это моя вина, то вы обязательно должны мне сказать!

— Он хочет, чтоб ему сказали, — пуще прежнего взбодрился Клевинджер.

— Он хочет, чтоб никто не умничал, — отрезал Йоссариан.

— Да ты что — не слышишь? — запротестовал Клевинджер.

— Я-то слышу, — сказал Йоссариан. — А ты вот, похоже, не слышал, как он тыщу раз говорил нам, чтоб мы не умничали, если хотим спокойно жить.

— Я никого не накажу, — клялся Шайскопф.

— Он никого не накажет, — сказал Клевинджер.

— Он оторвет тебе уши, — сказал Йоссариан.

— Я никого не накажу, — клялся Шайскопф. — Я буду благодарен вам по гроб жизни, если вы откроете мне правду, клянусь!

— Он будет благодарен, — сказал Клевинджер.

— Он будет ненавидеть тебя по гроб жизни, — сказал Йоссариан. — Пока не загнется.

Лейтенант Шайскопф кончил в свое время кур-

сы по подготовке офицеров запаса и приветствовал войну, потому что она дала ему возможность облачаться ежедневно в офицерскую форму и отрывисто, мужественно вылаивать «Бойцы!» молодым парням, попавшим на восемь недель к нему в лапы перед отправкой на бойню. Это был лишенный чувства юмора, тщеславный лейтенант, который выполнял свои обязанности истово и серьезно, а улыбался, только узнав, что какой-нибудь его соперник из офицеров училища свалился в тяжкой болезни. Война казалась ему особенно волнующей, потому что близорукость и хронический гайморит гарантировали ему до поры до времени службу в тылу. Из всех его особенностей самой лучшей была жена, а из всех особенностей жены самой лучшей была ее подруга Дори Дамс, которая соглашалась, когда могла — а могла почти всегда, — и по первой просьбе одалживала свою униформу Женского вспомогательного батальона жене лейтенанта Шайскопфа, снимавшей ее по первой просьбе любого курсанта из роты своего мужа в любую субботу.

Дори Дамс, девица в хаки с золотистой головкой, особенно охотно соглашалась на автобусных остановках и в телефонных будках или заго-

родных сараюшках. Она многое испробовала и ничего не отвергала. Она была бесстыдной, ладной, девятнадцатилетней и боевитой. Десятки мужчин теряли из-за нее самоуважение и начинали себя презирать, вспоминая, как она подцепила их, взвалила на себя и бросила. Йоссариан любил ее. Она была очаровательной кошечкой и равнодушно сказала ему, согласившись всего один раз, что он «ничего». Страдая по ней, он с нетерпением смотрел, как жена лейтенанта Шайскопфа снимает для него по субботам ее униформу, и мстил таким образом Шайскопфу за Клевинджера, который страдал от мстительности Шайскопфа.

А жена лейтенанта Шайскопфа мстила мужу за его давнее преступление, которого не могла забыть, хотя не помнила, что и как он преступил. Розовая, томная и начитанная, она упрекала Йоссариана за его пошловатый, по ее мнению, выговор, а с книгой не расставалась даже в постели, когда на ней был только солдатский браслет Дори Дамс и Йоссариан. Он слегка утомлялся от нее, но все же любил. Кончая Управленческий колледж, она, по безумию своему, специализировалась на математике и теперь ежемесячно ошибалась, не в силах правильно сосчитать до

двадцати восьми.

— А знаешь, милый, у нас будет ребеночек, — говорила она каждый месяц Йоссариану.

— Совсем опсихела, — отзывался он.

— Да нет, я серьезно, — говорила она.

— Я тоже, — отзывался он.

— А знаешь, милый, у нас будет ребеночек, — говорила она мужу.

— Это с чего бы это? — ворчливо отзывался он. — На строевом смотру ребенка не сделаешь. А вот строевой смотр у нас будет.

Лейтенант Шайскопф жаждал отличиться на строевом смотру и обвинить курсанта Клевинджера в подстрекательстве к свержению назначенных Шайскопфом командиров, разобрав его поведение на заседании Дисциплинарного трибунала. Клевинджер был возмутитель спокойствия и грамотей. Лейтенант Шайскопф понимал, что за ним нужен глаз да глаз. Сегодня он баламутит училище, а завтра, глядишь, взбаламутит весь мир. Клевинджер был разгильдяй и грамотей, а лейтенант Шайскопф не раз замечал, что такие люди становятся иногда опаснейшими умниками. От них можно ждать чего угодно. Даже курсанты, выбранные по наущению Клевинджера командирами, дали бы против него

веские показания. Дело прекрасно слаживалось. Оставалось только найти, в чем его обвинить.

Со строевой подготовкой к нему придраться было невозможно, потому что он воспринимал смотры почти так же серьезно, как сам лейтенант Шайскопф. Каждое воскресенье курсанты сонно выползали после обеда из бараков и строились в шеренги по двенадцать человек. Покряхтывая с похмелья, они спотыкливо маршировали к парадному плацу и, заняв там свое обычное место среди шестидесяти или семидесяти других курсантских рот, неподвижно стояли по часу, а то и по два на послеполуденной жаре, пока в обморок не грохалось достаточно людей, чтобы день мог именоваться полновесно учебным. Сбоку вдоль плаца выстраивались машины «Скорой помощи», из них вылезали санитары с носилками и портативными рациями, а на крышах машин располагались наблюдатели с биноклями. Училищный писарь отмечал количество обмороков, а заправлял первым этапом смотра офицер-медик со склонностью к бухгалтерскому учету. Он считал удары пульсов и проверял подсчеты писаря. Когда машины «Скорой помощи» заполнялись, медик давал знак дирижеру оркестра, тот начинал марш, и строевой смотр быстро завершался.

Роты курсантов маршировали вдоль трибун, делали неуклюжий поворот кругом и тащились обратно в казармы.

А когда они проходили мимо трибун, их строевую выучку оценивали офицеры училища во главе с обрюзгшим усастым полковником. Лучшей роте каждого полка вручалось никому не нужное желтое знамя на деревянном древке. Лучшей роте училища вручалось никому не нужное бордовое знамя на очень длинном деревянном древке, и таскать его, из-за длинного древка, было еще муторней, чем желтое, а таскать приходилось всю неделю, до следующего воскресенья, пока знамя не доставалось очередной лучшей роте училища. Йоссариан считал такие награды сущей бессмыслицей. Денег они не приносили, привилегий тоже. Он мог сравнить их только с олимпийскими медалями и трофеями теннисных турниров, которые увенчивали награжденных дурацкой славой лучших мастеров никому не нужного дела.

Да и сами смотры представлялись ему откровенной бессмыслицей. Он их ненавидел. Они были до омерзения военными. Он ненавидел их музыку и топот, с ненавистью смотрел на них и с ненавистью принимал в них участие — поневоле.

Ему была ненавистна судьба курсанта авиароты даже и без солдатской строевой муштры на убийственном солнцепеке. Ему была ненавистна судьба курсанта авиароты, потому что война, вопреки его ожиданиям, не желала кончаться к завершению его учебы. А он стал курсантом только в надежде на это. Новобранец, согласившийся стать авиакурсантом, неделями и неделями ждал, пока освободится место в авиароте, потом неделями и неделями учился, а потом еще неделями и неделями проходил оперативную подготовку, прежде чем его отправляли за океан. Поначалу Йоссариан не мог себе представить, что война продлится так долго, ведь бог, как ему говорили, был на его стороне и направлял жизнь, как ему опять же говорили, по своему произволению, однако учеба Йоссариана подходила к концу, а конца войне не предвиделось.

Между тем лейтенант Шайскопф жаждал отличиться на строевом смотру и просиживал до глубокой ночи за теоретическими изысканиями, а жена пылко дожидалась его в постели, перечитывая на досуге любимые места из книги Крафта-Эбинга о половых извращениях, пока лейтенант Шайскопф пылко изучал строевые уставы. Сначала он манипулировал шоколадными солда-

тиками, но они быстро истаивали в его горячих ладонях, и он заказал по почте на вымышленное имя комплект пластмассовых ковбоев, чтобы расставлять их ночами в шеренги по двенадцать и прятать на рассвете от посторонних взглядов под замок. Анатомические исследования Леонардо он читал постоянно. А однажды почувствовал необходимость в живой модели и приказал жене пройтись по комнате строевым шагом.

— Голенькой? — с надеждой спросила она.

Лейтенант Шайскопф гневно прикрыл ладонями глаза. Это было тяжкое испытание для лейтенанта Шайскопфа — жена, которая думала только о своих похотливых прихотях, не замечая титанической борьбы мужа за недостижимый идеал, извечно привлекающий доблестных и благородных мужей.

— Почему ты никогда меня не выпорешь? — кокетливо надув губки, спрашивала его она.

— Это с чего бы это? — ворчливо отзывался он. — Мне некогда, понимаешь? У меня строевой смотр на носу.

И ему действительно было некогда. Наступало очередное воскресенье, и у него оставалось только семь дней для подготовки к следующему строевому смотру. Он просто не мог понять, куда

уходит время. Три раза подряд его рота занимала на смотре последнее место, и, удрученный дурной славой своих курсантов, которая бросала тень и на него, он обдумывал самые фантастические способы прорваться к победе — вплоть до приколачивания каждой шеренги из двенадцати человек к длинному дубовому брусу, чтобы курсанты надежно держали строй. Но для этого нужно было раздобыть никелевые медицинские вертлюги, без которых приколоченные к брусу курсанты не смогли бы сделать поворот кругом, а лейтенант Шайскопф сомневался, что начальник снабжения или хирурги из госпиталя согласятся выделить ему нужное количество никелевых вертлюгов.

Но однажды, последовав совету Клевинджера, лейтенант Шайскопф разрешил курсантам самим выбрать себе командиров, и через неделю авиарота выиграла желтое знамя. Лейтенант Шайскопф так взбодрился от этого нежданного успеха, что хряпнул супругу по башке древком полученного знамени, когда она попыталась затащить его ночью в постель, чтобы отпраздновать победу демонстрацией презрения к сексуальному пуританству мелких буржуа. В следующее воскресенье авиарота выиграла на

смотре бордовое знамя, и лейтенант Шайскопф был вне себя от восторга. А еще через неделю его авиарота вписала небывалую страницу в историю училища, снова выиграв бордовое знамя, второй раз подряд. Теперь лейтенант Шайскопф так уверовал в собственные возможности, что решился на показ своего великого новшества. Он открыл в ночных изысканиях, что человеку на марше не следует свободно размахивать руками, как это было принято раньше, а надобно отводить их вперед и назад от середины бедра не больше чем на три дюйма, то есть практически не размахивать руками вовсе.

Лейтенант Шайскопф готовился к демонстрации упорно и тайно. Все курсанты были приведены к присяге молчания и занимались строевой подготовкой только по ночам. Они выходили на учебный плац и маршировали в непроглядной тьме, поминутно натыкаясь друг на друга, но сохраняя спокойствие, и вскоре научились ходить в ногу, чтобы не наступать друг другу на пятки, и не махать руками, чтобы не выбивать друг другу глаза. Сначала лейтенант Шайскопф думал заказать у своего друга кровельщика никелевые штыри, вбить их каждому курсанту в тазобедренные кости и подвижно прикрепить к

ним запястья медной проволокой трех дюймовой длины, но на это не хватило времени — его всегда не хватало, — да и разжиться во время войны добротной медной проволокой было нелегко. Он, впрочем, отказался от этой мысли еще и потому, что скованные таким образом курсанты не могли бы эффектно грохаться в обморок на первой стадии смотра, снижая тем самым у начальства общее впечатление от своей безупречной строевой выучки.

Сидя днем в офицерском клубе, он всю неделю самодовольно ухмылялся. Его ближайшие друзья сгорали от любопытства.

— Хотел бы я знать, что затевает наш Дерьмокумпол, — рассуждал лейтенант Энгл.

— В воскресенье узнаете, — говорил им с таинственной ухмылкой лейтенант Шайскопф. — Да-да, вы у меня узнаете.

Настало воскресенье, и лейтенант Шайскопф явил изумленным коллегам свое новшество с виртуозным мастерством профессионального импресарио. Он спокойно смотрел, ни слова не говоря, как мимо трибун расхлябанно и рутинно маршируют роты его соперников. Он ничего не сказал, даже когда под испуганные возгласы встревоженных коллег мимо трибун прошли

первые шеренги его курсантов со свисающими по швам, будто полудохлые змеи, руками. Он молчал, пока обрюзгший усастый полковник не повернул к нему побагровевшее от ярости лицо, и только тогда произнес фразу, которая сделала его бессмертным.

— Как видите, никакой расхлябанности, полковник, — сказал он.

И вручил благоговейно замершим коллегам несколько должным образом заверенных фотокопий малоизвестной инструкции, которая послужила основой для его незабываемого триумфа. Это был звездный час лейтенанта Шайскопфа. Ему безоговорочно присудили первое место и навечно вручили переходящее бордовое знамя, положив конец воскресным строевым смотрам, потому что бордовое знамя так же трудно достать во время войны, как добротную медную проволоку. Лейтенанту Шайскопфу присвоили не сходя с места звание старшего лейтенанта, и с тех пор он стремительно пошел в гору. Мало кто из коллег сомневался теперь в его воинской гениальности.

— Да, у лейтенанта Шайскопфа мудрая голова, — заметил однажды лейтенант Треверс. — Военный гений, иначе не скажешь.

— Гений-то он, конечно, гений, — согласился

лейтенант Энгл. — Жаль только, что этот хмырь не желает хорошенько выдрать свою жену.

— Не вижу тут никакой связи, — холодно сказал лейтенант Треверс. — Лейтенант Бемис регулярно дерет свою жену, а курсанты маршируют у него как мокрые курицы.

— Ну и что? — отозвался лейтенант Энгл. — Кому она нужна, твоя маршировка?

На самом деле она никому не была нужна, кроме лейтенанта Шайскопфа, а меньше всех других — обрюзгшему усастому полковнику, который был председателем Дисциплинарного трибунала и накинулся с грозным рыком на Клевинджера, как только тот вошел робкими шагами в комнату, чтобы опровергнуть обвинения, возводимые на него лейтенантом Шайскопфом. Полковник стукнул кулаком по столу и, больно ударившись, так разозлился на Клевинджера, что стукнул по столу еще сильней — и разъярился еще больше. Лейтенант Шайскопф поджал губы и окинул Клевинджера суровым взглядом, но, заметив и без того суровую ярость полковника, немного смягчился.

— Через два месяца вы отправитесь бить макаронников! — прорычал обрюзгший усастый полковник. — А вам, значит, все это вроде шуто-

чек с усиками, да?

— Никак нет, сэр, для меня это вовсе не шуточки.

— А вы не перебивайте!

— Слушаюсь, сэр.

— И не забывайте «сэр», когда перебиваете, — вставил майор Меткаф.

— Слушаюсь, сэр.

— Вам приказано не перебивать? — холодно осведомился майор Меткаф.

— Да я же не перебиваю! — запротестовал Клевинджер.

— И не говорите «сэр». Приплюсуйте к его обвинениям, — скомандовал майор Меткаф капралу, который умел стенографировать. — Неперебивание без обращения «сэр».

— Меткаф, — сказал полковник, — вам известно, что вы болван?

— Так точно, сэр, — с трудом выдавил из себя майор Меткаф.

— А тогда помалкивайте. Чтоб я больше не слышал вашей треклятой околесины.

В состав Дисциплинарного трибунала входило три человека — обрюзгший усастый полковник, лейтенант Шайскопф и майор Меткаф, озабоченный выработкой стального взгляда. Как член

трибунала, лейтенант Шайскопф должен был оценить весомость обвинений, выдвинутых против курсанта Клевинджера. Обвинения против курсанта Клевинджера выдвинул лейтенант Шайскопф. Курсант Клевинджер имел право на защиту. Обязанности защитника в Дисциплинарном трибунале исполнял лейтенант Шайскопф.

У Клевинджера от всего этого голова пошла кругом, и он испуганно трясся, слушая полковника, который вдруг вскочил, словно гигантский огненный смерч, со стула и прорычал, что повыдерет у него, труса вонючего, руки и ноги, откуда они, зараза, растут. Однажды Клевинджер споткнулся в строю, и теперь его судили «за самовольный выход из строя, преступные умыслы, оскорбительные вылазки, провокационные выпады, изменнические замыслы, безответственную пропаганду классической музыки, подрывные высказывания умника» и т. д. и т. п. Иными словами, Клевинджер обвинялся по всем статьям армейских законов, и он с ужасом слушал полковника, который прорычал еще раз, что через два месяца его ждут бои с макаронниками, а потом едко поинтересовался, как ему понравится, если его отчислят из училища и пошлют на Соломоновы острова хоронить мертвецов. Клевинджер

почтительно ответил, что никак не понравится: будучи олухом, он предпочел стать потенциальным трупом, а не могильщиком. Внезапно успокоившись, полковник сел и неторопливо, с вкрадчивой вежливостью спросил:

— Так позвольте узнать: на каком основании вы утверждали, что мы не сможем вас наказать?

— Когда, сэр?

— Тут я задаю вопросы. А вы извольте отвечать.

— Слушаюсь, сэр. Мне…

— Или, по-вашему, вас вызвали сюда, чтоб вы задавали вопросы, а я отвечал?

— Никак нет, сэр. Мне…

— Так зачем вас сюда вызвали?

— Отвечать на вопросы.

— Именно, умник! — опять зарычал полковник. — Вот и отвечайте, да отвечайте поторопней, чтоб я не размозжил, так ее перетак, вашу треклятую башку! На каком основании, грамотейское отродье, вы утверждали, умник вонючий, что мы не сможем вас наказать?

— Мне никогда…

— А погромче можно? Я ничего не слышу.

— Слушаюсь, сэр. Мне…

— А погромче можно? Он ничего не слышит.

— Слушаюсь, мэр. Мне…

— Меткаф!

— Слушаю, сэр.

— Вам было сказано помалкивать?

— Так точно, сэр.

— Вот и помалкивайте, когда вам сказано помалкивать. Ясно? Так можно погромче? Я ничего не слышу.

— Слушаюсь, сэр. Мне…

— Меткаф, это ваша нога? На которую я наступил?

— Никак нет, сэр. Это, наверно, лейтенанта Шайскопфа.

— Это вовсе не моя нога, — сказал лейтенант Шайскопф.

— Стало быть, все же моя, — решил майор Меткаф.

— Так уберите ее.

— Слушаюсь, сэр. Только сначала вам придется убрать свою. А то она стоит на моей.

— Вы предлагаете мне убрать ногу?

— Что вы, сэр! Никак нет, сэр!

— Тогда убирайте вашу и помалкивайте. Чтоб никакой мне тут околесины. Ясно? Так можно погромче? Я ничего не слышу.

— Слушаюсь, сэр. Мне никогда не приходило

в голову утверждать, что вы не сможете меня наказать.

— Это про что же вы толкуете?

— Я просто отвечаю, сэр. Отвечаю на ваш вопрос.

— Что еще за вопрос?

— «Так на каком основании, грамотейское отродье, вы утверждали, умник вонючий, что мы не сможем вас наказать?» — прочитал свою запись капрал, который умел стенографировать.

— Ну ладно, — сказал полковник. — Так на каком таком растреклятом основании?

— У меня не было таких оснований, сэр.

— Когда?

— Что «когда», сэр?

— Опять вы задаете вопросы.

— Виноват, сэр. Я просто не понял, сэр.

— Когда у вас не было оснований? Теперь поняли?

— Никак нет, сэр. Не понял.

— Это вы уже говорили. А теперь отвечайте.

— Да как же я отвечу, сэр?

— Опять вопрос.

— Виноват, сэр. У меня никогда не было оснований.

— На что?

— Ни на что, сэр.

— Так-то лучше, мистер Клевинджер, — удовлетворенно сказал полковник. — Даром что это прямая ложь. Не далее как вчера вечером вы шептали в сортире, что мы не сможем вас наказать. Значит, вы считали, что основания-то у вас есть, тем более что этот грязный сукин сын, которого мы не одобряем… этот, как его…

— Йоссариан, — подсказал лейтенант Шайскопф.

— Вот-вот, Йоссариан. Теперь вспомнил… Йоссариан? Это что еще за фамилия такая — Йоссариан?

— Это у него такая фамилия, сэр, — всегда готовый ответить полковнику, пояснил лейтенант Шайскопф.

— Ладно, пусть фамилия. Так на каком основании вы нашептывали Йоссариану, что мы не сможем вас наказать?

— Виноват, сэр, но я же говорил Йоссариану совсем не то. Я говорил, что вы не сможете меня обвинить…

— Может, я, конечно, дурак, — перебил его полковник, — но мне что-то не видно разницы. Конечно же, я полный дурак — потому что не вижу разницы, да и все тут!

— М…

— А вы, значит, растреклятое грамотейское трепло, верно? У вас ведь никто не просит разъяснений, а вам, значит, не терпится. Я сказал, что сказал, а разъяснений у вас не просил. И вы, значит, позорное грамотейское трепло, так?

— Никак нет, сэр.

— *Нет, сэр?* Значит, трепло-то я?

— Что вы, сэр! Никак нет, сэр!

— А раз нет, значит, вы позорное трепло, верно?

— Никак нет, сэр.

— Вам что — хочется меня завести?

— Никак нет, сэр.

— Так трепло вы или нет?

— Никак нет, сэр.

— Значит, хочется. Ну так я перепрыгну сейчас через этот здоровенный вонючий стол и повыдергаю вам, трусу вонючему, руки и ноги, откуда они, зараза, растут!

— Повыдергайте, сэр! Обязательно повыдергайте! — подхватил майор Меткаф.

— Да и вы тоже трепло вонючее! — рявкнул на Меткафа полковник. — Говорил я вам, трусу дерьмовому, чтоб вы помалкивали, болван позорный?

— Так точно, сэр. Виноват, сэр.

— Вот и помалкивайте.

— Да я же именно и учусь помалкивать, сэр. Без ученья любое дело не дело, а мученье.

— Это кто так говорит?

— Все так говорят, сэр. Даже лейтенант Шайскопф.

— Вы так говорите, Шайскопф?

— Так точно, сэр, говорю. Да и все говорят.

— Ладно, Меткаф, надеюсь, вы научитесь помалкивать, если будете как следует учиться. Так на чем мы остановились? Прочитайте-ка мне последнюю фразу.

— «Прочитайте-ка мне последнюю фразу», — тотчас прочитал капрал, который умел стенографировать.

— Да, не *мою* последнюю фразу, болван! — заорал полковник.

— «Прочитайте-ка мне последнюю фразу», — тотчас прочитал капрал.

— Это *моя* последняя фраза! — взвыл полковник с побагровевшим от злости лицом.

— Никак нет, сэр, — поправил его капрал. — Это *моя* последняя фраза. Я вам только что ее сказал. Припоминаете, сэр? Пятнадцать секунд назад.

— Ох ты ж распрогосссподи Иисусе Христе! Да

прочитайте мне *его* последнюю фразу, болван! И назовите, кстати, свою вонючую фамилию, будь она неладна.

— Попинджей, сэр.

— Следующий вы, Попинджей. Этот разбор закончим и начнем ваш. Ясно?

— Так точно, сэр! А в чем меня будут обвинять?

— А какая, к дьяволу, разница, Попинджей? Вы слышали про ученье? Вот мы вас и научим — разберемся с Клевинджером и научим. Курсант Клевинджер, на каком… Вы ведь курсант Клевинджер, а не Попинджей?

— Так точно, сэр.

— Прекрасно. Так на каком…

— Попинджей — это я, сэр.

— Понятно, Попинджей. И вы, значит, сын миллионера, так? Или сенатора?

— Никак нет, сэр.

— Ну, тогда вы крепко вляпались, Попинджей. А может, ваш отец генерал или важный чин в Белом доме?

— Никак нет, сэр.

— Превосходно, Попинджей. Так чем занимается ваш отец?

— Он умер, сэр.

— Замечательно, Попинджей. Считайте, что вы

вляпались по самую макушку, вам и с лопатой теперь не выбраться, ясно? А почему вы, кстати, Попинджей? Что это еще за фамилия такая — Попинджей? Вот уж не одобряю.

— Это у него такая фамилия, сэр, — объяснил полковнику лейтенант Шайскопф.

— Ладно, Попинджей, я еще повыдергаю вам, трус вонючий, руки и ноги, откуда они, зараза, растут, дайте только срок. Ну, Клевинджер, отвечайте ясно и коротко: что вы говорили или не говорили в сортире Йоссариану, и на каком основании?

— Слушаюсь, сэр. Я сказал, что вы не сможете меня обвинить…

— Ну что ж, начнем отсюда. Итак, на каком основании вы утверждали, что мы не сможем вас обвинить?

— Я не утверждал, что вы не сможете меня обвинить, сэр.

— Когда?

— Что «когда», сэр?

— Вы снова решили меня допрашивать?

— Никак нет, сэр. Виноват, сэр.

— Тогда отвечайте на вопрос. Когда вы не утверждали, что мы не сможем вас обвинить?

— Вчера поздно вечером в сортире, сэр.

— Это был единственный раз, когда вы так не утверждали?

— Никак нет, сэр. Я никогда этого не утверждал. А в сортире я просто сказал Йоссариану…

— Никто вас пока не спрашивает, что вы сказали Йоссариану. Мы спрашиваем, чего вы ему не говорили. Нас пока не интересует, что вы сказали, ясно?

— Так точно, сэр.

— А теперь пойдем дальше. Так что вы сказали Йоссариану?

— Я сказал ему, сэр, что вы не сможете признать меня виновным в тех преступлениях, которые на меня возводятся, и остаться верным делу…

— Какому еще делу? Вы очень мямлите.

— Не мямлите!

— Слушаюсь.

— И не забывайте «сэр», когда мямлите.

— Да помалкивайте же, Меткаф! А вы продолжайте.

— Слушаюсь, сэр, — промямлил Клевинджер. — Делу справедливости, сэр. Что вы не сможете…

— Справедливости? — изумленно переспросил полковник. — А что такое справедливость?

— Справедливость, сэр, — это…

— Нет, Клевинджер, справедливость вовсе не

это, — насмешливо сказал полковник и принялся стучать по столу в такт своим словам обрюзгшей ладонью. — Я тебе сейчас растолкую, что такое справедливость, сосунок. Справедливость — это молча коленом в пах, под покровом ночи с финкой на склад, где хранятся боеприпасы, снизу в челюсть и по башке нежданно, втихую. Удавить, чтобы победить. Справедливость сейчас — это жестокость и стойкость, которые помогают нам бить макаронников. Стрельба с бедра в любого врага. Понял, молокосос?

— Никак нет, сэр.

— А ты меня не сэрь!

— И добавляйте «сэр», когда не сэрите, — распорядился майор Меткаф.

Клевинджер был, разумеется, виновен, иначе ему не предъявили бы обвинений, а доказать это можно было, только признав его виновным, что судьи и сделали во исполнение своего патриотического долга. Ему определили меру наказания в пятьдесят семь штрафных маршей с полной выкладкой. Попинджея посадили для острастки под арест. А майора Меткафа отправили на Соломоновы острова хоронить мертвецов. И вот Клевинджер маршировал каждую субботу по пятьдесят минут перед зданием военной по-

лиции, ощущая, что винтовка у него на плече наливается многотонной тяжестью.

Голова у него от всего этого шла кругом. Он видел много странного, но самой странной была для него ненависть — непреклонная, откровенная, остервенелая ненависть, неугасимо мерцавшая в узких, словно прорезь прицела, глазах его судей на глянцевито застывших, как маски мстительной злобы, лицах. Это открытие ошеломило Клевинджера. Им хотелось его растерзать. Трое вполне взрослых людей так ненавидели молодого парня, что желали ему смерти. Их ненависть воспламенилась еще до его появления в училище, полыхала, пока он учился, и не угасла с его отъездом — они люто лелеяли ее, будто заветную драгоценность, и сообща, и поодиночке.

Накануне суда Йоссариан всячески его предостерегал.

— Ты обречен, парень, — сказал он. — Они ненавидят евреев.

— Так я-то не еврей, — удостоверил Клевинджер.

— А это неважно, — предрек Йоссариан — и оказался прав. — Им все люди поперек горла.

От их ненависти хотелось отпрянуть, как от слепящей тьмы. Эти трое носили ту же форму, что

и Клевинджер, говорили на его языке, жили там же, где он, однако, вглядевшись в их безжалостные лица, сведенные судорогой непреложной враждебности, он внезапно понял, что нигде на свете — ни во вражеских танках, подлодках и самолетах, ни в укрытиях за пулеметными щитками или у артиллерийских орудий, ни среди знаменитых зенитчиков из дивизии Германа Геринга, ни в мюнхенских пивных, где собираются за кружкой пива поганые потатчики фашизма, — словом, нигде в мире не найдутся люди, которые будут ненавидеть его сильнее, чем эти.

Глава девятая
Майор майор майор майор

Майор Майор Майор Майор появился на свет с великим трудом.

Подобно Миниверу Чиви из стихотворения Робинсона, тосковавшему по минувшей эпохе, он родился слишком поздно — ровно на тридцать шесть часов позже, чем могла выдержать, без ущерба для здоровья, его матушка, кроткая и хворая женщина, настолько изможденная полуторасуточными родовыми муками, что у нее пропала всякая охота продолжать давний спор со своим мужем об имени нового младенца. А ее муж вышел в коридор с безулыбчивой решимостью человека, который точно знает, чего он хочет. Худой и долговязый, в массивных кожаных башмаках и плотном черном костюме, твердыми шагами приблизился он к дежурной сестре, недрогнувшей рукой заполнил свидетельство о рождении и с каменным лицом протянул ей заполненный бланк. Та молча взяла его и деловито ушла. Глядя ей вслед, он раздумчиво соображал, что у нее надето под халатом.

Когда он вернулся в палату, его жена обессиленно лежала под одеялом, похожая на дряблую репу — осунувшаяся, сморщенная, бесцветная, — и ее блеклое лицо казалось совершенно безжизненным. Она лежала возле внешней стены, у окошка с треснувшим, тусклым от въевшейся пыли стеклом. День был холодный и сумеречный, мутное небо истекало дождем. В других палатах белые как мел пациенты со старчески голубыми губами умирали без всяких проволочек. Отец новорожденного, прямой и мосластый, долго смотрел, стоя возле кровати, на свою жену.

— Я назвал мальчика Калебом, — помолчав, объявил он. — Твое желание исполнено. — Роженица не откликнулась, и он неспешно усмехнулся. Все у него было рассчитано до тонкости, ибо лежавшая в убогой палате женщина уже уснула и не узнала, что он ее обманул.

Столь бесславное начало породило в конце концов никудышного командира эскадрильи, который проводил большую часть своего рабочего дня на Пьяносе, подписывая официальные документы именем Вашингтона Ирвинга. Майор Майор предусмотрительно расписывался как Вашингтон Ирвинг не своим почерком, то есть левой рукой, надежно охраняемый от случайных

соглядатаев ненавистной ему должностью да темными очками и фальшивыми усами — на тот случай, если кто-нибудь все же заглянет в целлулоидное палаточное окно, из которого какой-то воришка вырезал прямоугольную полосу. Эти два удара судьбы — рождение и повышение — были разделены тридцатью одним годом одиночества и неудач.

Майор Майор родился с незаурядным опозданием и заурядными способностями. Заурядность бывает врожденной, приобретенной и навязанной. Майору Майору достались все три. Он выделялся особой безликостью даже среди самых безликих людей, и при встрече с ним у всех ярко запечатлевалась в памяти его полнейшая бесцветность.

Помимо тройственной заурядности, судьба дала ему в удел тройное проклятие — матушку, отца и роковое сходство с Генри Фондой, — дала с рождения. Он еще и понятия не имел, кто такой Генри Фонда, а его уже постоянно подвергали нелестным сравнениям. Любой незнакомец мог пригвоздить его к позорному столбу этого сходства, и он сызмальства привык бояться людей, покаянно осуждая себя за то, что он не Генри Фонда. Ему было тяжко нести по жизни

такое бремя, но сдаваться он даже не помышлял, унаследовав неистребимую стойкость от своего шутника отца.

А отец его, здравомыслящий и благочестивый человек, любил прилгнуть про свой возраст — так он представлял себе юмор. Это был фермер, долговязый и длиннорукий, богобоязненный, законопослушный, свободолюбивый и несгибаемый индивидуалист, убежденный, что государственная помощь кому-нибудь, кроме фермеров, подспудно сталкивает страну к социализму. Он проповедовал бережливость и неустанный труд, а распущенных женщин, которые ему отказывали, сурово осуждал. Все поля у него на ферме были отведены под люцерну, и он прекрасно кормился тем, что не засевал их. Правительство щедро платило ему за каждый бушель невыращенной люцерны. Чем больше люцерны он не сеял, тем больше денег получал — и бережливо вкладывал каждый незаработанный цент в покупку новых земель, чтобы не выращивать еще больше люцерны. Он трудился над этим успешливо и без устали. Долгими зимними вечерами он прилежно сидел дома, не починяя упряжь, и, едва прикорнув после обеда, спешил в поле, чтобы не засеять его как можно надежней. Он

умело вкладывал деньги в землю и вскоре стал не выращивать больше люцерны, чем любой другой фермер в его округе. Соседи приходили к нему за советами, ибо он выколачивал из земли гораздо больше всех прочих, а значит, был мудр.

— Не посеешь — не пожнешь, — уверенно утверждал он.

— Воистину так, — скрепляли соседи.

Этот благочестивый фермер истово приветствовал экономию государственных средств, пока правительство исправно выполняло свой священный долг по закупке у фермеров всей выращенной ими люцерны, которая была никому не нужна, или по оплате всей невыращенной ими люцерны, которую они могли вырастить на своих полях. С гордой независимостью отвергал он закон о пособии безработным и никогда не уставал выклянчивать, выпрашивать, выцыганивать или вымогать все, что возможно, у кого было можно, ибо взывать к людям о своих богоугодных нуждах он мог всегда и везде.

— Господь бог дал нам, добрым фермерам, две могучие длани, дабы загребали мы ими обеими все что можно, — вдохновенно провозглашал он со ступеней суда или перед дверьми магазинчика, принадлежащего концерну «Всеамериканская

бакалейная торговля», поджидая, когда молоденькая вздорная кассирша, за которой он ухлестывал, выйдет, с неизменной порцией жевательной резинки во рту, на улицу, чтобы наградить его сварливым взглядом. — Если бы господь наш не возжелал, дабы загребали мы, грешные, сколько сможем, — продолжал он, — нам не достались бы, его произволением, две добрые длани.

И присутствующие согласно бормотали:

— Воистину так.

Подобно кальвинистам, он верил в предопределение и без труда провидел, что любые несчастья, кроме его собственных, ниспосланы людям господом. Он курил и выпивал, а из бесед особенно ценил мудрые и глубокие, приправленные добрым юмором, особенно свои собственные, особенно когда он врал, ради доброй шутки, про свой возраст или шутил насчет господа бога и затяжных родов своей жены. Шутка про роды жены и господа заключалась в том, что бог сотворил за шесть дней весь мир, а его жена тужилась целых полтора дня, чтобы произвести на свет одного-единственного майора Майора. Человек нестойкий просто промаялся бы на его месте эти полтора дня в больничном коридоре, а человек непоследовательный успокоился бы на полумере

вроде Майера Незамайера или Майера Шмайера или, к примеру, дал бы сыну позорно куцее имя Майер Майер, чтобы крохоборно увековечить в нем себя и свой род, — да не на того напали: он ждал этого счастливого случая четырнадцать лет и не собирался его упустить. Тут наступало время для его коренной, как он считал, шутки. «Счастливый случай, он счастливый и есть: проморгай — и случаю настанет кончина». Эту шутку он повторял при каждом удобном случае.

А для его сына первая издевательская шутка судьбы — врожденное сходство с Генри Фондой — положила начало нескончаемой череде издевательских шуток, превративших его жизнь в горестное и унылое существование. Имя, данное отцом новорожденному, стало второй издевательской шуткой. О ней никто не знал, кроме его отца, пока сын не дорос до детского сада. При записи в детский сад имя открылось, и последствия были самые ужасные. Эта новость убила его матушку, которая потеряла волю к жизни, зачахла и скончалась, что очень воодушевило его отца, давно решившего жениться на кассирше из бакалейного магазина, если она по-прежнему будет проявлять строптивость, однако вовсе не уверенного, что ему удастся спровадить с фермы

жену без приличного денежного пособия или хорошей взбучки.

Ребенок выжил, но с трудом. Известие, обрушенное на него взрослыми в столь нежном возрасте, пристукнуло его и навсегда ошеломило — известие, что он вовсе не Калеб Майер, как его звали с рождения и как он привык думать о себе сам, а какой-то совершенно неведомый ему Майер Майер Майер Майер, про которого у них никто никогда даже слыхом не слыхивал. Ребятишки-приятели — а их и раньше-то было немного — навсегда отшатнулись от него, с детства приученные сторониться чужаков, не говоря уже о чужаке, который много лет их надувал, выдавая себя не за того, кем был. Никто не хотел иметь с ним дела. У него стали заплетаться ноги и все валилось из рук. С робкой надеждой относился он к любому новому знакомству, но надежды его никогда не сбывались. Он отчаянно нуждался в друге, а поэтому был обречен на одиночество. Постепенно он превратился в долговязого, неуклюжего, чудаковатого и мечтательного юношу с застенчивым взглядом и неуверенной, легко расцветающей на нежных губах улыбкой, которая мгновенно усыхала при очередной неудаче или обиде.

Он слушался старших, которые терпеть его не могли. Он делал все, к чему они его призывали. Они призывали его семь раз отмерить, прежде чем отрезать, и он отмерял. Они призывали его никогда не откладывать на завтра то, что можно было сделать вчера, и он не откладывал. Они призывали его почитать отца своего и мать, и он почитал. Они призывали его не убивать, и он не убивал — до войны. Потом его призвали в армию, чтобы убивать, и он убивал. Он безропотно подставлял при необходимости другую щеку и неизменно поступал с ближними так, как ему хотелось, чтобы поступили с ним. Когда он творил милостыню, его левая рука не знала, что делает правая. Ни единого раза не упомянул он всуе имя господа бога своего, не пожелал жены ближнего или осла его. Он любил ближних и даже никогда не лжесвидетельствовал против них. Старшие терпеть его не могли, потому что он был вопиюще инаковерующий или дерзостно более правоверный, чем они.

Поскольку ему не удавалось хорошо пожить, он хорошо учился. В университете своего штата он занимался так серьезно, что гомосексуалисты считали его интеллектуалом, а интеллектуалы — гомосексуалистом. Он специализировался в

английской истории, и это не прошло ему даром.

— Английская история? — разгневанно изумился сенатор их штата с густой серебряной гривой и сомнительной репутацией. — А почему не американская? Может, он думает, что она хуже других?

Незадачливый студент мигом переключился на американскую литературу, но ФБР уже внесло его в списки неблагонадежных. На захолустной ферме, которую он считал своим домом, жило шесть человек и шотландский терьер, причем пятеро из них, не считая терьера, оказались агентами ФБР. Вскоре они собрали на него достаточно компрометирующих материалов, чтобы сделать с ним все что угодно. А угодно им было призвать его в армию рядовым — ничего лучшего они придумать не сумели, — где через четыре дня он стал майором, чтобы конгрессмены, у которых ни на что другое не хватало ума, могли бегать взад-вперед по улицам Вашингтона, округ Колумбия, с возгласами «Кто произвел новобранца в майоры? Кто произвел новобранца в майоры?».

А произвела его в майоры счетно-решающая машина фирмы «Ай-Би-Эм», с почти таким же благочестивым чувством юмора, как у его отца. Решив, что слово «Майер», повторенное к тому же четыре раза, — это просто ляпсус нерадивого

писаря из призывной комиссии, который по небрежности исказил звание новоиспеченного офицера — майор, — а имя вставить забыл, она посчитала не слишком-то важным, как будет зваться человек, посылаемый на убой, и нарекла его воинским званием. Таким образом урожденный Майер Майер Майер Майер машинально стал майором по имени Майор Майор Майор.

Когда началась война, он все еще был покладистым и послушным. Его призвали в армию рядовым, и он покорно подчинился. Его призвали перейти в летное училище, и он почтительно повиновался, а накануне, в три часа утра, уже безропотно месил босыми ногами ледяную грязь, стоя в строю перед здоровенным воинственным сержантом, который угрожающе сообщал новобранцам, что он может выбить к такой-то матери дух из любого салажонка в своем подразделении и готов подтвердить слова делом хоть сейчас. Всего за несколько минут до этого новобранцев из его взвода растолкали подхватистые капралы и приказали им собраться у административной палатки. С неба лило. Новобранцы выстроились, где было указано, в гражданской одежде, которую надели на себя три дня назад, когда уходили в армию. Тех, кто немного задержался в своих

промозгло-темных палатках, чтобы торопливо обуться, отправили разуваться, и теперь они стояли босые в ледяной, раздрызганной их ногами грязи под беспощадным взглядом воинственного сержанта, который утверждал, что может выбить к такой-то матери дух из любого салажонка в своем подразделении. Им не захотелось с ним спорить.

Неожиданное производство одного из новобранцев в майоры тяжким грузом придавило воинственного сержанта к земле, потому что лишило его возможности выбить к такой-то матери дух из *любого* салажонка в своем подразделении. Несколько часов предавался он, как Саул, горестным раздумьям, сидя на койке в своей палатке и не желая никого видеть, а его отборная гвардия из подхватистых капралов уныло стояла у входа на карауле, преданно охраняя горький покой уединившегося командира. Однако к трем часам утра сержант разрешил-таки свое мучительное недоумение, и новобранцы опять были грубо подняты со своих волглых коек подхватистыми капралами, которые приказали им собраться босыми возле административной палатки, где их уже поджидал, воинственно подбоченясь, повеселевший сержант, настолько распираемый

желанием высказаться, что он весь извелся, пока они сонно ковыляли на очередное рассветное собеседование.

— Мы с майором Майором, — тем же угрожающим, что и накануне, тоном сообщил он, — можем выбить к такой-то матери дух из любого салажонка в нашем подразделении.

Офицерам тоже пришлось расхлебывать в этот день заваренную электронной машиной майорскую кашу. Как им вести себя с новоиспеченным майором? Относиться к нему пренебрежительно значило бы унижать майорский чин. А держаться с ним на равных было для них просто немыслимо. Однако им повезло — он послушно попросился в летное училище. Под вечер приказ о его отправке был готов, и на следующее утро, ровно в три часа, его грубо подняли с койки, воинственный сержант пожелал, чтоб дорога была ему скатертью, и он отбыл на самолете в Калифорнию.

Лейтенант Шайскопф побледнел, как беленая дерюга, когда перед ним предстал босой, с грязными ногами майор Майор. А тот был уверен, что его грубо растолкали в три часа утра для построения перед палаткой сержанта, и оставил носки с башмаками под своей койкой. Его гражданская одежда была замызганной и мятой. Лейтенант

Шайскопф, который тогда еще не завоевал славу великого мастера маршировки, онемело содрогнулся, представив себе босого майора Майора среди курсантов своей роты на очередном воскресном параде.

— Немедленно отправляйтесь в санчасть, — с трудом обретая дар речи, проблеял он, — и доложите, что вы больны. Лежите там, пока не получите свое денежное довольствие, чтобы купить себе военную форму. И башмаки. Обязательно купите башмаки.

— Слушаюсь, сэр.

— Вы не должны говорить мне «сэр», сэр, — почтительно указал майору Майору лейтенант Шайскопф. — Вы ведь выше меня по званию, сэр.

— Так точно, сэр, выше. Но вы мой командир, сэр.

— Так точно, сэр, — согласился лейтенант Шайскопф. — Я ваш командир, сэр. Поэтому выполняйте мои приказания, сэр, чтобы не нажить неприятностей. Отправляйтесь в санчасть, сэр, и доложите, что вы больны. Лежите там, пока не придет ваше денежное довольствие, а потом купите себе форму, сэр.

— Слушаюсь, сэр.

— И башмаки, сэр. Купите башмаки при первой

возможности, сэр.

— Слушаюсь, сэр. Будет исполнено, сэр.

— Благодарю вас, сэр.

Жизнь в летном училище складывалась у майора Майора, как и везде. Все от него хотели избавиться. Инструкторы постоянно уделяли ему повышенное внимание, чтобы поскорее сбыть его с рук. Не успев опомниться, он получил «крылышки» пилота и был отправлен в Европу — и вот там-то, впервые, неожиданно обнаружил, что судьба ему улыбается. Всю жизнь он страстно мечтал об одном — оказаться среди кого-нибудь своим, и на Пьяносе его поначалу приняли за своего. Общая боевая служба слегка стирает разницу в званиях среди военных, так что отношения между солдатами и офицерами неизбежно упрощаются и смягчаются. Люди, которых он почти не знал, бросали ему на ходу «Привет» и приглашали сыграть в баскетбол или сходить искупаться. Лучезарнейшие часы своей жизни провел он на баскетбольной площадке, где игра длилась иногда весь день и где победа была никому не нужна. За счетом никто не следил, а игроков на площадке собиралось от одного до тридцати пяти. Майор Майор никогда раньше не играл в баскетбол, да и вообще спортом не занимался, но

его высокий рост и великий энтузиазм отчасти заменяли ему и природное проворство, и спортивный опыт. Он ощущал полнейшее счастье на этой колдобистой баскетбольной площадке, перекидываясь мячом с малознакомыми офицерами и солдатами, которых определил для себя почти друзьями. О счете во время игры никто не думал, ни побежденных, ни проигравших там не бывало, и майор Майор остро наслаждался каждым своим жирафьим скачком, пока туда не прикатил в день гибели майора Дулуса на своем ревущем джипе полковник Кошкарт и не отнял у него эту радостную возможность навеки.

— Вы теперь командир эскадрильи, — грубо рявкнул ему через придорожную канаву полковник Кошкарт, — да только ничего это не значит, не думайте, потому что вы будете просто значиться командиром эскадрильи, а значит, ничего это не значит, понятно?

Майор Майор давно уже изводил полковника Кошкарта, как постоянно ноющий зуб. Лишний майор в списке личного состава нарушал идеальный воинский порядок у него в полку, а это было на руку интриганам из штаба Двадцать седьмой воздушной армии, которых он уверенно причислял к своим врагам и соперникам. Полковник

Кошкарт постоянно молил судьбу о какой-нибудь счастливой случайности вроде смерти майора Дулуса. Его уже окончательно допек лишний майор, и теперь наконец он мог от него избавиться. Назначив майора Майора командиром эскадрильи, он умчался в своем рычащем джипе так же стремительно, как приехал.

А майор Майор навеки выбыл из игры. Мучительно покраснев, он словно столб застыл на месте, не в силах осознать всю глубину своей беды. Потом обернулся к почти-друзьям на площадке, ища поддержки, но сразу же попал под обстрел тупо любопытных и угрюмо враждебных взглядов. Его прохватила дрожь стыда и тревоги. Через несколько минут игра, впрочем, возобновилась, но лучше ему от этого не стало. Когда он вел мяч, игроки перед ним расступались; когда требовал паса, все ему повиновались; когда мазал по корзине, никто не пытался перехватить мяч, пока он сам его не подхватывал. И ни единого слова вокруг — тишину нарушал лишь его собственный голос. На другой день все повторилось, а на третий он играть не пошел.

Да и в эскадрилье люди, будто по команде, перестали с ним разговаривать, но зато начали пристально разглядывать. Он ходил с опущенными в

землю глазами и горящими от смущения щеками — отверженный, ненавистный, презираемый и злобно подозреваемый во всех смертных грехах. Однополчане, которые раньше едва замечали его сходство с Генри Фондой, теперь, казалось, только об этом и говорили, причем некоторые из них едко намекали, что за сходство-то он и назначен их командиром. Капитан Гнус, давно метивший в командиры эскадрильи, утверждал даже, что майор Майор на самом-то деле вовсе не майор, а Генри Фонда, но по лживости характера не желает в этом признаться.

Зачумленный майор Майор мучительно барахтался среди бесчисленных несчастий. Ничего ему не сказав, сержант Боббикс перенес его пожитки в просторный трейлер, где раньше жил майор Дулус, а когда майор Майор, запыхавшись, ворвался в штабную палатку, чтобы подать рапорт о краже личного имущества, молоденький дежурный капрал напугал его почти до потери сознания, вскочив на ноги и рявкнув «Смир-р-рна!», как только он появился. Майор Майор замер по стойке «смирно» вместе со всеми остальными, лихорадочно пытаясь сообразить, что за важная птица влетела следом за ним в штабную палатку. Напряженная тишина нескончаемо длилась, и

они могли проторчать там, не смея пошевелиться, вплоть до Судного дня, если бы майор Дэнби, полковой штабист, заглянувший к ним примерно минут через двадцать, чтобы поздравить майора Майора с назначением, не вывел их всех из этого присмиренного столбняка, отменив приказ архидисциплинированного капрала.

Но муку еще того горше и страшней пришлось испытать майору Майору в офицерской столовой, когда лучащийся улыбчивыми морщинками Мило Миндербиндер повлек его прямо от входа в палатку, которая служила им столовой, к отдельно сервированному столику с вышитой скатертью и букетом цветов в розовой стеклянной вазочке под хрусталь. Майор Майор замер на мгновение от ужаса, однако не посмел протестовать под взглядами новых подчиненных и покорно смирился. А те и правда таращились на него во все глаза, даже Хавермейер чуть приподнял над тарелкой свою тяжелую, непомерно длинную нижнюю челюсть. В общем, майор Майор так и просидел до конца трапезы, съежившись от стыда, за отдельным столом. Еда напоминала ему раскаленные угли, но он безропотно ел, страшась оскорбить отказом кого-нибудь из кухонной обслуги. И только потом попытался выразить

Мило Миндербиндеру свой протест, объяснив ему, что не хочет есть за отдельным столом. Но Мило сказал, что так дело не пойдет.

— Да почему не пойдет? — удивился майор Майор. — Раньше-то ведь все вроде было в порядке.

— Раньше вы не были командиром эскадрильи.

— Майор Дулус был командиром эскадрильи, а ел вместе со всеми; разве нет?

— Так то майор Дулус, сэр.

— А какая разница?

— Мне бы не хотелось, чтоб вы меня об этом спрашивали, сэр, — сказал Мило Миндербиндер.

— Может, дело в том, что я похож на Генри Фонду? — отважился спросить его майор Майор.

— Кое-кто говорит, что вы и есть Генри Фонда, сэр, — уклончиво ответил Мило Миндербиндер.

— Да ведь это же чепуха! — дрожащим от досады голосом воскликнул майор Майор. — Да и не похож я на него! А если и похож, то какая разница?

— Никакой, сэр. Об этом-то я вам и толкую, сэр. Просто вы не майор Дулус, вот и все.

Мило Миндербиндер был прав, потому что, когда в следующий раз майор Майор поставил на поднос тарелки с едой и попытался сесть за

общий стол, его мгновенно остановила непреодолимая волна всеобщей враждебности, и он беспомощно топтался на месте, едва удерживая в трясущихся руках поднос, пока Мило Миндербиндер не спас его, безмолвно препроводив, окончательно смирившегося и ручного, к отдельному столику. Больше майор Майор не бунтовал и безропотно ел в одиночестве за своим столом, сидя спиной ко всем остальным. Они, как он был уверен, презирали его за чванство, считая, что, сделавшись их командиром, он стал есть отдельно по собственной воле. Никто теперь даже не разговаривал при нем в столовой. Многие ели исключительно в его отсутствие. И все вздохнули с явным облегчением, когда он перестал туда ходить, решив питаться у себя в трейлере.

А расписываться на официальных документах как Вашингтон Ирвинг он начал после появления первого обэпэшника, который пытался выведать, не известно ли ему, кто занимается этим в госпитале, что и подвигло его на следующий же день последовать тамошнему примеру. Ему давно уже обрыдла его новая должность. Он решительно не представлял себе, чего от него ждут в должности командира эскадрильи, если только начальство не считало, в чем он все же сомневался, что ему

достаточно ставить фальшивую роспись на официальных документах да уныло слушать, как брякаются об землю подковы майора… де Каверли за палаткой командного пункта эскадрильи, где для майора Майора был отгорожен крохотный закуток. Он постоянно терзался мыслью о невыполняемых — и, возможно, очень важных — должностных обязанностях, тщетно дожидаясь, что они вот-вот проявятся сами собой. Он все реже, и только при крайней нужде, выходил из палатки, не в силах привыкнуть к пристальным взглядам со всех сторон. Иногда его одиночное заключение нарушал случайный офицер или солдат, посланный к нему сержантом Боббиксом по какому-нибудь совершенно непонятному для него делу, и он неизменно отсылал их обратно, чтобы сержант Боббикс распорядился очередной раз по своему многоопытному сержантскому разумению. Если какие-то поступки и ожидались от командира эскадрильи, то совершал их не он. Его мучило мрачное уныние. Порой он серьезно подумывал, не обратиться ли ему со своими горестями к капеллану, но тот был настолько обременен собственными невзгодами, что было бы грешно наваливать на него еще и чьи-то чужие. А кроме того, майор Майор вовсе не был

уверен, что капелланы обслуживают командиров эскадрилий.

Да и про майора… де Каверли он тоже не был уверен. Майор… де Каверли постоянно отлучался — нанимать квартиры или иностранных рабочих, — а возвращаясь, занимался только тем, что швырял подковы за палаткой КП, стараясь набросить их на стальные колышки, специально для этого вбитые в землю. Майор Майор подолгу следил, как подковы смачно плюхаются на траву или с отрывистым звоном цепляются за стальные колышки. Часами глядя на майора… де Каверли, он немало дивился, что столь величественный человек не находит себе более достойного занятия. Иногда, впрочем, и у него мелькала мысль присоединиться к игре, но, поразмыслив, он решал, что швырять целый день подковы так же маятно, как ставить роспись майор Майор Майор Майор на официальных документах, да и царственная осанка майора… де Каверли внушала ему благоговейную робость.

Он часто думал об их взаимной субординации. Майор… де Каверли был в эскадрилье начальником штаба, но майор Майор недостаточно хорошо знал, кто по армейским законам главней — командир или начальник, — чтобы окончательно

решить, кем считать майора… де Каверли: кротким командиром или строптивым подчиненным. Ему не хотелось спрашивать об этом у сержанта Боббикса, которого он втайне побаивался, а больше спросить было некого, потому что всех остальных он боялся еще сильней, и майора… де Каверли в первую очередь. Да и не только он: мало кто решался обратиться с чем-нибудь к майору… де Каверли, а один самонадеянный офицерик, осмелившийся притронуться к его подкове, свалился на другой же день в страшной пьяносской горячке, про которую ни Гэс, ни Уэс, ни даже доктор Дейника и слыхом не слыхивали. Всем было ясно, что это возмездие глупцу за самонадеянную наглость, хотя, как оно сработало, никто толком не понимал.

Львиная доля документов, получаемых майором Майором, не имела к нему ни малейшего отношения. В большинстве из них то и дело встречались ссылки на прежнюю официальную переписку, которой майор Майор никогда не видел. Да в этом не было и нужды, потому что любая официальная инструкция непременно отменяла все предыдущие. Часто случалось так, что ему следовало одновременно расписаться на дюжине официальных документов, каждый из которых

обязывал его не принимать в расчет все остальные. Ежедневно приходили многословнейшие реляции за подписью генерала Долбинга, неукоснительно начинавшиеся жизнерадостными поучениями вроде «Медлительность стремительно приближает нас к смерти» или «Халатность — сестра распутности».

Читая корреспонденцию генерала Долбинга, майор Майор чувствовал себя халатным покойником и старался избавиться от нее как можно скорей. Вообще из официальных документов его интересовала только вялая переписка о несчастном лейтенанте, сбитом над Орвиетой через два часа после прибытия в эскадрилью, так что он даже не успел толком распаковать свои пожитки, оставленные на койке в палатке Йоссариана. Этот злосчастный лейтенант явился с рапортом о прибытии не к дежурному по эскадрилье, а в оперативный отдел, поэтому сержант Боббикс счел за благо отрапортовать начальству, что тот вовсе к ним не являлся, и по официальным данным он числился теперь как бы испарившимся среди бела дня в чистом небе — да и не без оснований. Но так или иначе, а майор Майор все же благодарил судьбу за проходящую через его руки официальную переписку, потому что сидеть

с утра до вечера в своей служебной палатке и расписываться на документах не так муторно, как сидеть там с утра до вечера без всякого дела. Переписка давала ему хоть какое-то занятие.

Всякий документ, на котором он расписывался, неизменно возвращался к нему самое большее через пять дней с новым листком для его новой росписи. Однако документ этот становился толще отнюдь не на один листок, потому что между двумя листками с его уже поставленной и еще только ожидаемой росписью к нему были подшиты листки для всех других офицеров, которые должны расписываться по своей воинской должности на официальных документах. Майор Майор со страхом наблюдал, как самое обычное официальное письмо превращается в толстенный фолиант. Сколько бы раз он ни расписывался на документе, тот обязательно возвращался к нему для новой росписи, и вскоре он начал опасаться, что каждый из документов будет возвращаться к нему вечно. Но однажды, на другой день после визита первого обэпэшника, майор Майор расписался именем Вашингтона Ирвинга — просто чтобы посмотреть, как это будет выглядеть. Получилось неплохо, очень даже неплохо, и, разохотившись, он до самого вечера

расписывался на всех официальных документах как Вашингтон Ирвинг, хотя и предполагал, что за это бунтарское, а главное, легкомысленное своеволие его ожидает суровая расплата. На следующее утро он явился в служебную палатку, с трепетом пытаясь предугадать, что же теперь случится. Но ничего не случилось.

Он согрешил, и согрешил, как оказалось, во благо, потому что ни один документ, подписанный именем Вашингтона Ирвинга, к нему не вернулся. Это был явный успех, и майор Майор с воодушевлением принялся его развивать. Он, конечно, понимал, что истинного успеха ему таким способом не добиться, но имя Вашингтон Ирвинг наводило на него все же меньшее уныние, чем майор Майор Майор Майор. Когда ему прискучил Вашингтон Ирвинг, он заменил его Ирвингом Вашингтоном и ставил эту роспись, пока не надоело. А суровая расплата обернулась милостивой амнистией, и подписанные этим именем документы **никогда уже к нему снова не приходили**.

Зато пришел обэпэшник, но не прежний, а другой, замаскированный под летчика. Все узнали, что он обэпэшник, из его собственных, всегда секретных сообщений, со строгим наказом каждому

никому об этом не сообщать.

— Никто, кроме вас, не знает, что я из отдела по борьбе с преступностью, — по секрету сообщил он майору Майору, — и нужно держать это в строжайшей тайне, чтоб мое расследование закончилось успешно.

— Сержант Боббикс знает.

— Да-да, я знаю, мне пришлось сообщить ему об этом — по секрету, разумеется, — чтобы он пропустил меня к вам. Но он ни при каких обстоятельствах никому об этом не сообщит.

— Мне сообщил, — сказал майор Майор. — Он сообщил мне, что меня хочет видеть агент ОБП.

— Вот ведь ублюдок! Надо будет послать на него запрос в отдел безопасности. И я бы на вашем месте не разбрасывал тут секретные документы. Хотя бы до тех пор, пока не завершится мое расследование.

— У меня нет секретных документов.

— Про них-то я и толкую. Пусть они хранятся в сейфе, чтоб сержант Боббикс не наложил на них лапу.

— Ключ от сейфа есть только у сержанта Боббикса.

— Боюсь, что мы даром теряем время, — холодновато проговорил второй обэпэшник. Это был

проворный, словно катышек, легковозбудимый субъект с уверенными и точными движениями. Явился он в кожаной пилотской куртке с аляповато намалеванными на ней самолетами среди оранжевых зенитных разрывов и аккуратными рядочками бомб, уведомляющих о пятидесяти пяти боевых вылетах владельца, а под курткой он прятал напоказ что-то довольно объемистое — как выяснилось, пухлый красный конверт. Вытащив из конверта несколько фотокопий исписанных от руки листков, он спросил: — Вам знакомы эти документы?

— Нет, — ответил майор Майор, рассматривая с притворным равнодушием фотокопии личных писем из госпиталя, на которых военный цензор расписывался то как Ирвинг Вашингтон, то как Вашингтон Ирвинг.

— А эти?

Теперь обэпэшник показал майору Майору фотокопии писем официальных, на которых он сам ставил те же росписи.

— Нет, — повторил майор Майор.

— Но в вашей эскадрилье есть такой человек?

— Вы про кого? — спросил майор Майор. — Тут ведь расписывались-то двое.

— Именно про него одного, — ответил обэпэш-

ник. — Мы полагаем, что он расписывается двумя разными фамилиями, чтобы сбить нас со следа. Это, знаете ли, обычный прием.

— Насколько мне известно, у нас в эскадрилье такие не значатся.

Лицо второго обэпэшника перекосила гримаса разочарования.

— Стреляный, значит, гусь, — определил он. — Пользуется третьей фамилией, чтобы выдать себя за кого-то другого. И мне кажется… да-да, я уверен, что знаю его третью фамилию. — С вдохновенным воодушевлением он выхватил из конверта еще одну фотокопию и показал ее майору Майору. — Ну а этот документ вам знаком?

Майор Майор слегка наклонился и увидел фотокопию солдатского письма, из которого Йоссариан вычеркнул все, кроме обращения «Дорогая Мэри!», а внизу приписал: «Тоскую по тебе безумно. Твой Э. Т. Тапмэн, капеллан ВВС США». Майор Майор покачал головой.

— Впервые вижу, — сказал он.

— А вам известно, кто такой Э. Т. Тапмэн?

— Это наш полковой священник.

— Все ясно, — сказал второй обэпэшник. — Ваш полковой священник — это Вашингтон Ирвинг.

— Наш полковой священник — это Э. Т. Та-

пмэн, — ощутив легкий укол тревоги, возразил майор Майор.

— Вы уверены?

— Вполне.

— А зачем полковому священнику такое писать?

— Так, может, это написал кто-то другой и просто подписался его именем, — предположил майор Майор.

— А зачем кому-то другому подписываться его именем?

— Ну, например, чтобы скрыть свое.

— Возможно, вы и правы, — немного поколебавшись, согласился второй обэпэшник и решительно чмокнул губами. — Возможно, тут орудует банда из двух человек с противоположно совпадающими именами. Да-да, я уверен, что так оно и есть. Один здесь, один в госпитале и один где-то возле капеллана. Так, выходит, их трое? Вы абсолютно уверены, что через ваш КП не проходили эти документы?

— На них же нет моей росписи.

— А как бы вы на них расписались? — с коварной вкрадчивостью спросил второй обэпэшник. — Как майор или Вашингтон Ирвинг?.. Или, может, как Ирвинг Вашингтон?

— Разумеется, как майор, — ответил майор Майор. — Откуда же мне знать имя Ирвинга Вашингтона или Вашингтона Ирвинга?

Обэпэшник расплылся в улыбке.

— Я рад, что вы тут ни при чем, майор. Значит, мы сможем работать вместе, а мне нужен каждый человек, на которого я могу положиться. Где-то в Европе скрывается тип, имеющий доступ к вашей корреспонденции. У вас нет предположений, кто это может быть?

— Нет, — отрезал майор Майор.

— Ну а у меня есть, — сказал обэпэшник и, конфиденциально склонившись к майору Майору, прошептал: — Это ублюдок Боббикс. А иначе зачем бы ему раззванивать про меня на всю эскадрилью? Ладно, смотрите тут в оба и немедленно дайте мне знать, если кто-нибудь обронит хотя бы словечко про Ирвинга Вашингтона. А я пошлю запрос на капеллана и все его окружение.

Как только второй обэпэшник ушел, в палатку через окно впрыгнул первый — майор Майор с трудом узнал его — и потребовал, чтобы он рассказал ему, кто у него только что был.

— Он из ОБП, — сказал майор Майор.

— Черта с два! — уверенно объявил первый обэпэшник. — Это я ваш куратор от ОБП.

Майор Майор с трудом узнал его, потому что он явился на этот раз в бордовом, вылинявшем и разодранном под мышками вельветовом халате, ветхой фланелевой пижаме и домашних тапочках с одной полуоторванной, звучно шлепающей по земле подошвой — то есть в обычной госпитальной одежде, как решил майор Майор. После первого своего визита обэпэшник фунтов на двадцать раздобрел и полыхал цветущим здоровьем.

— Я совсем разболелся, — жалобно прохныкал он. — Заразился в госпитале от летчика-истребителя простудой, и у меня теперь тяжелое воспаление легких.

— Мне очень жаль, — вежливо сказал майор Майор.

— От вашей жалости здоровья у меня не прибудет, — проскулил в ответ первый обэпэшник. — Да и не нужна мне ваша жалость. Про здоровье это я просто к слову — чтоб вы знали, каково мне вас всех курировать. А пришел я предупредить, что Вашингтон Ирвинг орудует теперь, по-видимому, в вашей эскадрилье. Вы случайно не слышали, не упоминал тут кто-нибудь это имя?

— Да вообще-то слышал, — сказал майор Майор. — От того человека, который только что ушел.

Он как раз про Вашингтона Ирвинга и говорил.

— В самом деле? — радостно вскричал первый обэпэшник. — Ну, теперь-то мы, пожалуй, запросто расколем этот чертов орешек. Только глядите тут в оба, пока я смотаюсь в госпиталь и запрошу у начальства дальнейшие инструкции. — Первый обэпэшник выпрыгнул в окно и мгновенно исчез.

А через минуту появился второй обэпэшник. Яростно отдуваясь, он торопливо откинул занавеску, отгораживающую закуток майора Майора, и, не успев перевести дух, заорал:

— Я только что видел какого-то типа в красной пижаме — он выпрыгнул из вашего окна и побежал по дороге. Вы случайно его не видели?

— Видел, — сказал майор Майор. — Он со мной разговаривал.

— То-то я и подумал: очень, думаю, подозрительный факт — человек выпрыгивает из окна в красной пижаме. — Обэпэшник деловитым колобком катался по крохотному закутку. — Сначала я заподозрил вас: ага, думаю, решил, стало быть, улепетнуть, голубчик, в Мексику. Но теперь вижу, что это не вы. Ну а тот тип — не упоминал он про Вашингтона Ирвинга?

— Да вообще-то упоминал, — сказал майор. — О

нем он со мной и разговаривал.

— В самом деле? — обрадованно вскинулся второй обэпэшник. — Прекрасно! Теперь-то мы, пожалуй, за милую душу расколем этот дьявольский орешек. А вы не знаете, где сейчас можно найти этого типа?

— В госпитале, — ответил майор Майор. — Он совсем разболелся.

— Великолепно! — воскликнул второй обэпэшник. — Туда-то я, стало быть, за ним и отправлюсь. Но лучше всего мне оказаться там инкогнито. Объясню-ка я у вас в санчасти, кто я такой, и пусть они отправят меня туда как больного.

— Они отказались послать меня в госпиталь как больного, пока я не заболею, — возмущенно проворчал он, вернувшись к майору Майору. — А я, знаете ли, окончательно разболелся. Мне давно уже надо было лечь на обследование, и вот подвернулся наконец подходящий случай. Пойду-ка я в санчасть, и пусть они отправят меня на обследование.

— Посмотрите, что они со мной сделали! — возмущенно проворчал он, вернувшись к майору Майору с лиловыми деснами. Его горе было безутешным. Носки с башмаками он держал в руках, а пальцы ног тоже полиловели у него от раствора

горечавки. — Скажите, слыхали вы хоть раз про агента ОБП с лиловыми деснами? — простонал он.

Он вышел из палатки КП, горестно опустив голову, но все же не заметил на пути противоналетную щель, скатился туда и сломал нос. Хотя температура у него не повысилась, Гэс с Уэсом, в виде исключения, выписали ему сопроводиловку в госпиталь и даже отправили его туда на машине «Скорой помощи».

Майор Майор солгал, и солгал во благо, но на этот раз уже не удивился. Он понял, что ложь, углубляя в человеке изобретательность и целеустремленность, помогает ему добиться успеха. Скажи он правду второму обэпэшнику, и ему несдобровать. Но он солгал — и мог теперь успешно продолжать свою работу.

Правда, после визита второго обэпэшника майор Майор стал работать гораздо осторожней. Расписывался исключительно левой рукой, всегда в темных очках и с фальшивыми усами, хотя ни очки, ни усы отнюдь не помогли ему вернуться к баскетбольным утехам. В виде дополнительной предосторожности он хитроумно переключился с Вашингтона Ирвинга на Джона Милтона. Это была краткая и выразительная роспись. А надо-

ев, могла быть преобразована наоборот, как и Вашингтон Ирвинг. Она позволила ему почти удвоить производительность, потому что была гораздо короче и майора Майора Майора Майора, и Вашингтона Ирвинга. К тому же он открыл в ней странную многозначность, и, расписываясь, мысленно задавал себе полусумасшедшие вопросы: «Я майор Джон Милтон, или Джон Милтон — майор Майор? Скажи, Джон, мил тон этой бумаги или не мил?», которые обещали изгнать скуку из его работы навеки. Когда Джон Милтон вместе с полусумасшедшими вопросами ему прискучил, он вернулся к Вашингтону Ирвингу.

Темные очки и фальшивые усы майор Майор купил в Риме, наивно решив раз и навсегда вырваться из трясины неудач, которая засасывала его с безжалостной неотвратимостью. Сначала он был жестоко унижен во время битвы за великую клятву верности, когда ни один из тридцати или сорока человек, распространявших конкурентные клятвы, не дал ему расписаться. Потом бесследно сгинул, словно бы растаяв среди бела дня в чистом воздухе, самолет Клевинджера вместе со всем экипажем, и вину за это таинственное несчастье целиком возложили на майора Майора, потому что он ни разу не подписал клятву

верности.

Очки были в массивной красной оправе, а усы — черные, как у типичного шарманщика-итальянца, и он нацепил их однажды, окончательно истомившись от одиночества, чтобы пойти на баскетбольную площадку. Он явился туда с нарочито развязной беспечностью, безмолвно моля Всевышнего, чтоб его не узнали. Мольба, казалось, была услышана, его приняли в одну из команд, и он уже радостно предвосхищал веселую череду будущих игр, успешно отвоеванных у судьбы с помощью невинного мошенничества, когда кто-то из игроков грубо толкнул его и он упал на колени. Вскоре его опять сбили с ног, и он заподозрил, что бывшие почти-друзья лицемерно не узнали его, чтобы безнаказанно шпынять, пинать и травить. Ему не было среди них места. Он еще не успел это как следует осознать, а игроки обеих команд уже инстинктивно объединились в сплоченную, ревущую, кровожадную толпу и обступили его со всех сторон, осыпая грязными ругательствами и злобными ударами. Он упал, и они пинали его, пока он лежал, и продолжали молотить кулаками, когда ему удалось встать. Он закрыл лицо ладонями и больше уже ничего не видел, а они роились вокруг, нетерпеливо от-

талкивая друг друга, в бешеной жажде пнуть его и прибить, замордовать, растерзать, растоптать, раздавить. Он слепо кружился на месте, а они лупили его, оттесняя к придорожной канаве, и в конце концов он сверзился туда головой вниз и сполз на дно. Выкарабкавшись кое-как из канавы, он, шатаясь, поплелся прочь под градом издевательских выкриков и камней, которыми они провожали его, пока он не скрылся за палаткой КП. Единственное, что ему удалось, а он только об этом и заботился, — это удержать, сохранить на лице темные очки и фальшивые усы, чтобы спасти себя от страшной необходимости предстать перед своими истязателями их командиром в полноте воинской власти.

Добравшись до служебного закутка в штабной палатке, он беззвучно заплакал; потом вытер слезы, смыл с кровоточащих ссадин грязь и вызвал сержанта Боббикса.

— Отныне, — сказал он, — сюда никто не должен входить, пока я здесь. Ясно?

— Так точно, сэр, — отозвался сержант Боббикс. — А меня это касается?

— Касается.

— Понятно, сэр. Это все?

— Все.

— А что я должен говорить людям, которые придут к вам, сэр, пока вы здесь?

— Говорите им, что я здесь, и пусть ждут.

— Слушаюсь, сэр. А до каких пор им ждать?

— Пока я не уйду.

— А что мне потом с ними делать, сэр?

— Что хотите.

— А можно мне пускать их к вам после вашего ухода, сэр?

— Можно.

— Но вас уже здесь не будет, правильно я понял, сэр?

— Правильно.

— Слушаюсь, сэр. Это все?

— Все.

— Будет исполнено, сэр.

— Отныне, — сказал майор Майор солдату средних лет, который убирался в его трейлере, — вы не должны входить сюда, пока я здесь, чтобы спросить, нет ли у меня для вас какого-нибудь задания. Ясно?

— Так точно, сэр. А когда я должен входить сюда, чтобы спросить, нет ли у вас для меня какого-нибудь задания, сэр?

— Когда меня здесь нет.

— Слушаюсь, сэр. А что я должен тут делать?

— То, что я скажу.

— Но вас ведь здесь не будет, чтобы сказать, сэр. Я правильно вас понял?

— Правильно.

— И что же мне делать?

— То, что нужно.

— Слушаюсь, сэр.

— Это все, — сказал майор Майор.

— Слушаюсь, сэр. Так это все?

— Нет, — сказал майор Майор. — И убираться тоже не приходите, пока я здесь. Вообще не приходите, пока не уверитесь, что я ушел. Ясно?

— Так точно, сэр. Только как же я уверюсь, что вы ушли?

— А вы считайте, что я здесь, если не уверены, что меня нет, и держитесь отсюда подальше, пока не уверитесь, что я ушел. Ясно?

— Так точно, сэр.

— Жаль, что мне необходимо так разговаривать с вами, но это совершенно необходимо. Всего хорошего.

— Всего хорошего, сэр.

— И спасибо вам. Спасибо за все.

— Благодарю вас, сэр.

— Отныне, — сказал майор Майор Мило Миндербиндеру, — я не буду ходить в столовую.

Распорядитесь, чтобы мне приносили еду в мой трейлер.

— Прекрасная мысль, сэр, — отозвался Мило Миндербиндер. — Теперь я смогу заказывать для вас особые блюда, так что другие офицеры даже знать ничего про них не будут. Надеюсь, вам понравится. Полковнику Кошкарту, к примеру, нравится.

— Не нужно мне никаких особых блюд. Присылайте мне только то, чем вы кормите остальных. Скажите посыльному, чтоб он стукнул один раз в дверь, когда придет, и оставил поднос на ступеньках. Ясно?

— Так точно, сэр. Совершенно ясно. У меня как раз припрятаны для особого случая живые омары из Ирландского моря, превосходный салат с рокфором и два замороженных эклера, тайно доставленных вчера вечером прямо из Парижа вместе с известным французским подпольщиком. Прислать вам это на ужин, сэр?

— Не надо.

— Слушаюсь, сэр. Мне все понятно.

На ужин Мило Миндербиндер прислал майору Майору свежих омаров из Ирландского моря, превосходный салат с рокфором и два замороженных эклера из Парижа. Майор Майор досадливо

разволновался. Отошли он ужин назад, все это пошло бы в помойку или кому-нибудь другому. А майор Майор очень любил приготовленных на открытом огне омаров. Мысленно каясь, он съел присланный ужин. К обеду на следующий день Мило прислал черепаховый суп по-мэриленд-ски и целую кварту португальского портвейна «Дом-Париньон» 1937 года, подвигнув майора Майора проглотить это все без каких бы то ни было угрызений совести.

Оставались еще подручные сержанта Боббикса в штабной палатке, и, чтобы не встречаться с ними, майор Майор залезал по утрам в свой закуток и выбирался оттуда вечерами через окно, закрытое тусклым целлулоидным прямоугольником на застежках. Довольно большое и расположенное невысоко над землей, оно вполне заменяло ему дверь. Выбравшись из окна, он осторожно огибал палатку и, если берег оказывался пустынным, торопливо пересекал открытое пространство, нырял в железнодорожную траншею и спешил, опустив голову, к спасительным зарослям мелколесья над ее откосами, а там, где траншея проходила мимо его трейлера, вылезал наверх и продирался прямо через низкорослый колючий подлесок. Единственным человеком, который

помешал однажды майору Майору незаметно попасть домой, был капитан Флум, изможденный до полубесплотности и напугавший майора Майора до полусмерти, когда материализовался вдруг перед ним в кустах ежевики с жалобой на Белого Овсюга, угрожавшего вспороть ему горло от уха до уха.

— Если вы еще раз так меня напугаете, — рявкнул майор Майор, — то я сам вспорю вам горло от уха до уха! Ясно?

Капитан Флум придушенно хакнул и сгинул с глаз майора Майора навеки.

Думая о достигнутом, майор Майор чувствовал горделивое удовлетворение. На крохотном пятачке чужой земли, тесно заселенной двумя сотнями вездесущих однополчан, он исхитрился стать отшельником. Его немудрящая, но дальновидная проницательность лишила возможности поговорить с ним решительно всех его подчиненных, нисколько, впрочем, как он обнаружил, не огорчившихся, потому что никому из них даже в голову не приходило с ним поговорить. Вернее, никому, кроме безумца Йоссариана, который свалил его на землю с помощью классической подсечки, когда он пробирался к себе в трейлер, чтобы поесть.

Ничего хуже, чем свалиться на землю с горних высот затворничества от подсечки Йоссариана, майор Майор и представить себе не мог. Ладно бы уж кто-нибудь другой из подчиненных, но только не Йоссариан с его скандальной репутацией, бесстыдными разговорами о мертвеце, который, мол, не дает ему житья, хотя по официальным данным мертвеца попросту не существовало, и совсем уж непристойным поведением после налета на Авиньон, когда он разделся донага и потом упрямо не желал одеваться, шляясь по эскадрилье в чем мать родила много дней подряд, так что генерал Дридл, приехавший вручать ему медаль за героизм при штурме Феррары, награждал абсолютно голого срамника. Никто не имел права убрать разбросанные пожитки мертвеца из палатки Йоссариана. Майор Майор лишил всех такого права, разрешив сержанту Боббиксу отрапортовать по начальству, что лейтенант, убитый над Орвиетой через два часа после прибытия в эскадрилью, вообще к ним не прибывал. Разве что Йоссариан, по мнению майора Майора, имел право убрать из своего жилища пожитки мертвеца, а впрочем, и у Йоссариана, по мнению майора Майора, не было такого права.

С коротким всхлипом упав на землю от под-

сечки Йоссариана, майор Майор попытался вскочить, но Йоссариан ему не дал.

— Капитан Йоссариан, — доложил сверху вниз Йоссариан, — просит разрешения немедленно поговорить с майором Майором о деле жизненной важности.

— Дайте мне встать, — жалобно приказал ему снизу вверх майор Майор. — А то я не могу ответить на ваше приветствие.

Йоссариан отпустил его, и он медленно поднялся. Потом Йоссариан вскинул руку в официальном приветствии и повторил свой рапорт.

— Пойдемте в штаб, — ответив на приветствие Йоссариана, сказал майор Майор. — Здесь, по-моему, не место для серьезного разговора.

— Слушаюсь, сэр, — сказал Йоссариан.

Они стряхнули с одежды гравий и в стесненном молчании отправились к штабной палатке.

— Дайте мне пару минут, чтобы прижечь ссадины, — приказал возле палатки Йоссариану майор Майор, — а потом пусть сержант Боббикс вас введет.

— Слушаюсь, сэр.

Майор Майор, глядя прямо вперед, с достоинством прошествовал мимо писарей за пишущими машинками к своему закутку. Потом неторо-

ливо откинул и аккуратно опустил за собой занавеску. А потом ринулся к окну, чтобы выскочить из палатки и удрать. Но когда он выскочил, дорогу ему заступил капитан Йоссариан. Он стоял по стойке «смирно» и, увидев майора Майора, вскинул руку в официальном приветствии.

— Капитан Йоссариан просит разрешения немедленно доложить майору Майору о деле жизненной важности, — твердо повторил он.

— Доклад запрещается, — отрезал майор Майор.

— Как бы не так, — опроверг Йоссариан.

Майор Майор сдался.

— Ну ладно, — устало сказал он. — Давайте поговорим. Лезьте в окно.

— После вас.

Они влезли в окно, и майор Майор сел за свой стол, а Йоссариан встал перед ним по стойке «смирно» и объявил, что отказывается продолжать боевые полеты.

Как тут поступить? — мысленно спросил себя майор Майор. Но поступить он мог только по инструкции подполковника Корна — с надеждой на благополучный исход.

— А почему? — спросил он вслух.

— Боюсь.

— Тут нечего стыдиться, — утешил Йоссариана майор Майор. — Мы все боимся.

— Я не стыжусь, — откликнулся Йоссариан. — Я боюсь.

— Все нормальные люди иногда ощущают страх, — сказал майор Майор. — Даже самые храбрые. Преодолеть его — вот одна из наших величайших задач на боевом посту.

— Бросьте, майор. Давайте-ка обойдемся без этой нудни.

Майор Майор в замешательстве опустил голову и принялся суетливо теребить собственные пальцы.

— А что вы хотели бы от меня услышать?

— Что я отлетал положенное и могу вернуться домой.

— Сколько у вас боевых вылетов?

— Пятьдесят один.

— Вам же осталось всего четыре.

— Он опять добавит. Каждый раз, как я приближаюсь к концу, он добавляет.

— Может, на этот раз не добавит.

— Да ведь он все равно никого не отпускает. Держит нас тут, якобы дожидаясь утвержденного приказа об отправке домой, а когда людей в экипажах начинает не хватать, просто уве-

личивает норму боевых вылетов, и нам снова приходится летать. Как явился сюда, так и начал эти штучки.

— Вы не должны винить полковника Кошкарта за проволочку с приказами об отправке домой. Их утверждают в штабе армии.

— Так он мог бы вовремя запрашивать пополнение и сразу же отправлять нас домой, когда приказ наконец утвердят. К тому же мне говорили, что штаб армии требует от летчика всего сорок боевых вылетов, а пятьдесят пять — это уж его собственные штучки.

— Я бы не хотел это обсуждать, — сказал майор Майор. — Полковник Кошкарт — наш непосредственный командир, и мы должны выполнять его приказы. Почему вы не хотите дотянуть до пятидесяти пяти — вам ведь осталось всего четыре вылета — и посмотреть, что получится?

— Не хочу, и все.

Как тут поступить? — опять спросил себя майор Майор. Как он мог поступить с человеком, который открыто смотрел ему в глаза и говорил, что готов на смерть, но не желает быть убитым в бою, — с таким же взрослым и разумным человеком, как он сам, хотя должность вынуждала его притворяться более зрелым и мудрым. Что он

мог сказать?

— А если мы дадим вам право выбирать и вы будете участвовать только в безопасных вылетах, чтобы, не рискуя жизнью, дотянуть до пятидесяти пяти? — спросил майор Майор.

— Не нужны мне безопасные вылеты. Я не хочу больше участвовать в этой войне.

— И вы готовы допустить, чтоб наша страна потерпела поражение?

— Да не потерпит она поражения! У нас куда больше людей, больше денег и материальных ресурсов. А главное, у нас есть миллионов десять вояк в тылу, которые могут меня заменить. У нас ведь один воюет и умирает, а десятеро обогащаются и живут в свое удовольствие. Нет уж, пускай теперь убивают кого-нибудь другого.

— А если каждый стал бы так рассуждать?

— Тогда-то я уж точно был бы полным кретином, если б рассуждал по-другому. Разве нет?

Как, ну как тут поступить? — горестно размышлял майор Майор. Не мог же он сказать, что помог бы ему, если б мог. Сказать такое значило бы признать, что подполковник Корн ошибается или творит несправедливость. Тот со всей определенностью объяснил ему это.

— К сожалению, — сказал он, — тут ничего

нельзя сделать.

Глава десятая
Уинтергрин

Клевинджер отправился на тот свет. И это событие мрачно высветило роковую порочность его мировоззрения.

Однажды под вечер, возвращаясь на базу после еженедельной, рутинно безопасной бомбардировки Пармы, восемнадцать самолетов нырнули у берегов острова Эльба в серебристое облачко — нырнули восемнадцать, а вынырнули семнадцать. Восемнадцатый бесследно исчез — ни дымной вспышки в небе, ни маслянистого всплеска над нефритной гладью воды. Просто пропал. Вертолеты кружили там до самого заката. Ночью облачко унес ветер, и Клевинджер окончательно сгинул.

Его исчезновение было совершенно необъяснимым, воистину таким же необъяснимым, как Великое лиходейство в Лауэри-Филде, где после выдачи денежного довольствия одновременно и, как потом выяснилось, навсегда пропало шестьдесят четыре человека — вся казарма. Пока столь таинственно не сгинул Клевинджер, Йоссариан

считал пропавших дезертирами. Его так воодушевило это массовое и единодушное попрание священного долга, что он сразу же помчался к рядовому экс-первого класса Уинтергрину.

— Ну а ты-то чего разъегозился? — глумливо спросил взволнованного Йоссариана рядовой экс-первого класса Уинтергрин, не снимая ноги в осклизлом от глины солдатском башмаке с лопаты, но устало распрямившись, чтобы привалиться в мрачном удовлетворении заслуженного роздыха к стене одной из ям, которые стали к тому времени его воинской специальностью.

Рядовой экс-первого класса Уинтергрин был злоехидный салажонок, навеки зараженный гаерским духом противоречия. Каждый раз, когда он удирал в самоволку, его ловили и приговаривали к хронометрированному — за определенный срок — рытью кубических, шесть-на-шесть-на-шесть футов, ям, которые он сам же должен был потом засыпать. Отработав приговор, он снова удирал в самоволку. Его вполне устраивала роль военного землекопа, и он исполнял ее не ропща и с усердием, как истинный патриот.

— Жизнь в общем сносная, — философски признавал он. — Тем более что кто-то все равно ведь должен делать эту работу.

Он мудро полагал, что рытье ям в Колорадо вполне сносное для военного времени задание. Поскольку ямы не пользовались особым спросом, он мог рыть их без спешки и редко перетруждался. Военный трибунал, правда, всякий раз лишал его солдатских отличий, и он горестно сожалел о потерянных привилегиях.

— Я ведь был не просто солдатом, а рядовым первого класса, — с грустью вспоминал он. — У меня было устойчивое общественное положение… если ты понимаешь, о чем речь. Я вращался в лучших кругах. — На лицо его легла печать хмурой покорности. — Но теперь все это позади. Теперь в самоволке я не буду отличаться от обычной солдатни — а это уже совсем не то. — Рытье ям не сулило ему жизненных перспектив. — Да и работа временная, — удрученно сетовал он. — Отработаешь приговор — и потерял. Стало быть, опять иди в самоволку, чтоб ее получить. А в самоволку-то мне больше нельзя. Есть, понимаешь ли, одна закавыка — Поправка-22. На этот раз после самоволки меня ждет каторжная тюрьма. Просто не знаю, что со мной теперь будет. Так ведь, пожалуй, можно и на фронт загреметь. — Ему вовсе не улыбалось рыть ямы до конца жизни, хотя до конца войны он вполне

согласился бы их рыть — раз уж это стало его воинской специальностью. — Такой у меня воинский долг, — размышлял он вслух, — а каждый из нас должен свято выполнять свой долг. Мой воинский долг — рыть ямы до конца войны, и я выполняю его безукоризненно, меня даже представляли к медали «За примерную службу». Твой долг — учиться летать, с надеждой, что это тоже до конца войны. А долг боевых частей за океаном — поскорее выиграть войну, и хотелось бы, чтоб они выполняли свой долг так же безукоризненно, как я. Ведь будет несправедливо, если меня заставят трудиться еще и за них, верно я говорю?

Однажды рядовой экс-первого класса Уинтергрин повредил при рытье ямы водопроводную трубу, и его едва успели выудить, уже полу захлебнувшегося и почти без сознания, из радужно-глинистой жижи. По училищу разнесся слух, что он наткнулся на нефть. Вождь Белый Овсюг тотчас же был изгнан, а все, кто мог держать в руках лопату, оголтело бросились копать землю. Жидкая грязь буквально затопила училище, и вскоре оно стало похожим на остров Пьяносу, когда семь месяцев спустя Мило Миндербиндер подверг его ночной бомбардировке, послав туда всю армаду обслуживающих его синдикат са-

молетов, которые нанесли удар по аэродрому, ремонтным мастерским, складу боеприпасов и палаткам личного состава, после чего все оставшиеся в живых кинулись рыть противоналетные щели, закрывая их сверху украденными из мастерских бронещитами или откромсанными от соседних палаток кусками брезента. Вождь Белый Овсюг навсегда был изгнан из Колорадо, и его прислали потом на Пьяносу, чтобы заменить лейтенанта Кумбса, который решил узнать, что такое боевой вылет, и напросился пассажиром в самолет Крафта, убитого вместе с ним над Феррарой. Всякий раз, вспоминая Крафта, Йоссариан чувствовал себя виноватым — виноватым потому, что тот погиб из-за его второго захода на цель, а задолго до этого оказался невольно втянутым в знаменитый атабринный мятеж, начавшийся над океаном сразу после вылета из Пуэрто-Рико в Европу и завершившийся через десять дней на Пьяносе, когда переполненный должностным рвением Эпплби явился в штабную палатку эскадрильи с рапортом об отказе Йоссариана принять таблетку атабрина. Сержант предложил ему сесть.

— Благодарю, сержант, — сказал Эпплби, — можно, пожалуй, и сесть. А сколько мне придется

ждать? У меня, знаете ли, масса дел — я хочу как следует подготовиться к завтрашним полетам, чтобы в любую секунду выполнить поутру свой воинский долг.

— Не понял, сэр.

— В каком смысле, сержант?

— Я не понял ваш вопрос.

— Сколько приблизительно времени мне придется ждать, чтобы увидеть командира эскадрильи?

— Вам придется ждать, пока он не уйдет обедать, сэр, — сказал сержант Боббикс. — Тогда вы сможете к нему войти.

— Но ведь его там не будет, правильно я вас понял, сержант?

— Правильно, сэр. Майор Майор не придет сюда, пока не кончится обед.

— Понятно, — с недоумением пробормотал Эпплби. — Так я, значит, вернусь, пожалуй, когда кончится обед.

Эпплби, слегка ошалелый, вышел из штабной палатки. И ему вдруг почудилось, что он заметил высокого, немного похожего на Генри Фонду темноволосого офицера, который выпрыгнул в окно и поспешно юркнул за угол. Эпплби замер и зажмурился. Его охватили тревожные подозрения.

А что, если он заболел малярией или, того хуже, объелся до галлюцинаций атабрином? Он ведь принял вчетверо больше атабриновых таблеток, чем было предписано, чтобы летать вчетверо лучше других пилотов. Когда сержант Боббикс легонько хлопнул его по плечу, он все еще стоял зажмурившись, но, услышав слова сержанта, снова обрел прежнюю уверенность.

— Вы можете войти, сэр, потому что майор Майор уже ушел.

— Благодарю, сержант. А когда он вернется?

— Сразу после обеда. И тогда вам придется выйти, чтоб дождаться его ухода на ужин. Майор Майор никого не принимает в служебной палатке, пока он в служебной палатке.

— Что-что? Повторите, что вы сказали, сержант!

— Майор Майор никого не принимает в служебной палатке, пока он в служебной палатке, — повторил сержант Боббикс.

Эпплби строго воззрился на сержанта Боббикса и решил испробовать суровый тон.

— Вы, значит, хотите выставить меня дураком, потому что я новичок? Так мне вас понимать, сержант?

— Что вы, сэр, — почтительно ответил ему

сержант Боббикс. — Я просто выполняю приказ. Можете спросить у майора Майора.

— Обязательно спрошу, сержант, не сомневайтесь. Так когда же я смогу его увидеть?

— Никогда, сэр.

Пунцовый от унижения, Эпплби написал рапорт об отказе Йоссариана принимать атабриновые таблетки на одном из листов блокнота, который протянул ему сержант Боббикс, и поспешил уйти, размышляя по дороге к своей палатке о том, что Йоссариан, весьма вероятно, не единственный безумец в офицерской форме.

Когда полковник Кошкарт повысил норму боевых вылетов до пятидесяти пяти, сержант Боббикс начал подозревать, что каждый человек в офицерской форме, весьма вероятно, безумец. Сержант Боббикс был худой и угловатый, с мягкими, почти до бесцветности светлыми волосами, впалыми щеками и крупными, словно белая пастила, зубами. Он заправлял делами эскадрильи и не получал от этого ни малейшего удовлетворения. Люди вроде Обжоры Джо поглядывали на него с достойной осуждения ненавистью, а Эпплби принялся мстительно досаждать ему, как только добился славы бесстрашного пилота и непобедимого игрока в пинг-понг. Сержант

Боббикс заправлял делами эскадрильи, потому что никто другой не хотел ими заправлять. Его не интересовала война и военная карьера. Его интересовала антикварная мебель и археологические черепки.

Незаметно для себя сержант Боббикс стал мысленно именовать мертвеца из палатки Йоссариана на йоссарианский манер — мертвецом из палатки Йоссариана, — хотя именовать его так значило уклоняться от официально утвержденной истины. Он прибыл из пополнения, и его отправили на тот свет, не успев зачислить в эскадрилью. Он остановился у палатки оперативного отдела, чтобы спросить, как найти КП, а его сразу же послали в бой, потому что многие пилоты завершили к тому времени боевые вылеты — их тогда требовалось тридцать пять — и капитану Птичкарду с капитаном Краббсом было трудно сформировать запланированное штабом полка количество боевых экипажей. Его не зачислили, а значит, не могли отчислить, и сержант Боббикс предчувствовал, что официальная переписка о нем будет продолжаться вечно, как вечен океанский прибой.

Да и фамилия у этого несчастного лейтенанта была Трупп. Сержант Боббикс, безусловно одоб-

ряя бережливость и осуждая насилие, не мог без отвращения думать про ужасную расточительность, при которой человека отправляют на самолете за тридевять земель, чтобы через два часа после прибытия разодрать в клочья. Никто не запомнил, каким он был по облику и характеру, а капитан Птичкард с капитаном Краббсом знали только, что новый офицер зашел к ним в оперативный отдел, чтобы сразу же быть посланным на смерть, и смущенно краснели, когда о нем заходил разговор. Единственные люди, которые могли его запомнить, — те, кто вылетел вместе с ним на задание, — тоже были разодраны в клочья.

Зато Йоссариан знал совершенно точно, кем был Трупп. Он был неизвестным солдатом, обреченным на смерть, потому что все неизвестные солдаты обречены на смерть и большего о них знать никому не дано. Они обречены, и этим все сказано. Трупп был никому не известен, даром что его пожитки все еще в беспорядке валялись на койке — почти в таком же беспорядке, как он оставил их три месяца назад, чтобы никогда не вернуться, — пожитки, насквозь пропитанные смертным духом, который он ощутил на мгновение два часа спустя и который пропитал

всю эскадрилью, когда через неделю началась Достославная осада Болоньи, пропитавшая тлетворным ядом даже сырой зеленоватый туман над палатками и осенившая каждого человека, назначенного в полет, удушливой пеленой уготованного ему тления.

Полет на Болонью стал для них неотвратимо реальным, когда полковник Кошкарт добровольно вызвался разбомбить силами своего полка склад боеприпасов, недоступный для тяжелых бомбардировщиков, базирующихся в Италии, потому что они могут вести бомбардировку только с большой высоты. Каждый день отсрочки лишь приближал неизбежное, углубляя всеобщую тоску. Въедливое, гнетущее предчувствие гибели непреодолимо усиливалось под шорох обложного дождя, проступая на лицах людей, словно безжизненная, похожая на коросту белизна смертельного, но затяжного недуга. Всепроникающая сырость явственно припахивала формалином. И бесполезно было обращаться куда-либо за помощью, даже за медицинской, в палатку санчасти, закрытую по приказу подполковника Корна, чтобы люди не могли пойти к врачу, как в первый же ясный день, еще до корновского приказа о закрытии медпалаток, когда весь летный состав

подкосила вдруг эпидемия диареи, что вызвало еще одну мучительную отсрочку. Избавленный от приема больных закрытой дверью медпалатки, доктор Дейника коротал промежутки между дождями на высокой табуретке, немо и безучастно, будто нахохлившийся коршун, впитывая в себя атмосферу всеобщего страха, а над ним висела пришпиленная к брезентовой двери картонка со зловещим объявлением, которое написал ради шутки капитан Гнус и которое доктор Дейника решил не снимать, потому что какие уж тут шутки. Объявление, написанное на картонке цветным мелком, гласило: «Закрыто по чрезвычайным обстоятельствам до особого извещения. Смерть в семье».

У себя в эскадрилье, доплыв однажды вечером на волнах всеобщего страха до медицинской палатки, Дэнбар неуверенно просунул голову в дверь и почтительно обратился к темному силуэту доктора Стаббза, сидевшего в полумраке перед бутылкой виски и грубой крышкой от какого-то медицинского сосуда, куда была налита продезинфицированная вода.

— Как вы себя чувствуете? — заботливо спросил его Дэнбар.

— Отвратительно, — ответил доктор Стаббз.

— А что вы здесь делаете?

— Сижу.

— Так приема-то вроде нет?

— Нет.

— Зачем же вы здесь сидите?

— А где мне еще сидеть? Не в офицерском же клубе, чтоб ему сгинуть, с Кошкартом и Корном? Вы знаете, что я здесь делаю?

— Сидите.

— Да не в палатке, а в эскадрилье. Бросьте со мной умничать. Что, по-вашему, делают врачи в эскадрильях?

— Сидят у закрытых дверей медпалаток, — ответил Дэнбар.

— Ну так вот, если ко мне придет больной, он без всяких проволочек получит освобождение от полетов, — клятвенно удостоверил доктор Стаббз. — И плевать я хотел на их трепотню.

— Нет у вас такого права, — напомнил ему Дэнбар. — Вы что — забыли приказ?

— А я вкачу больному такой укол, что он не только летать — ползать потом весь день не сможет, — сказал доктор Стаббз и ехидно хохотнул. — Надо же, до чего удумались — отменять приказами врачебный прием! Рылами, голубчики, не вышли. А-а, дьявольщина, опять! — Снова

начался дождь: зашелестел в листве деревьев, забулькотел в лужах и потом, словно бы успокоительно бормоча, приглушенно забарабанил по брезентовым скосам палатки. — Все, к дьяволу, отсырело, — с омерзением проговорил доктор Стаббз. — Даже сортиры переполнились и блюют на пол зловонной жижей. А мир смердит, как покойницкая.

Когда он умолк, воцарилась почти бездонная тишина. Наползла ночная темень. Палатка напоминала склеп.

— Зажгли бы вы свет, — предложил доктору Стаббзу Дэнбар.

— Нет у меня света, — откликнулся тот. — Лень заводить движок. Раньше я с огромной радостью спасал людям жизнь. А теперь вот думаю: ну какой в этом, к дьяволу, прок, если их все равно пошлют на убой?

— Есть прок, и очень даже большой, — заверил его Дэнбар.

— Думаете, есть? А какой?

— А такой, что чем успешней вы продлите им жизнь, тем будет лучше.

— Да зачем, если их все равно убьют?

— А тут весь фокус в том, чтобы об этом не думать.

— Плевать на фокусы. Прок-то в этом какой?

— А черт его знает, — подумав, отозвался Дэнбар.

Сам он не знал. Предстоящая бомбардировка Болоньи должна была вроде бы его радовать, потому что минуты ожидания тянулись как часы, а часы превращались в столетия. Но он извелся и замучился от предчувствия, что его убьют.

— Так вы и правда хотите еще кодеина? — помолчав, спросил Дэнбара доктор Стаббз.

— Да-да, это для моего друга Йоссариана. Он чувствует, что его убьют.

— Для какого, к дьяволу, Йоссариана? Кто такой Йоссариан? Что еще за дьявольская фамилия — Йоссариан? Это не тот ли тип, который упился на днях в офицерском клубе и затеял потасовку с подполковником Корном?

— Тот самый. Он ассириец.

— Псих он, а не ассириец.

— Ну нет, он-то не псих, — возразил Дэнбар. — Он клянется, что не полетит на Болонью.

— Так об этом-то я и толкую, — подхватил доктор Стаббз. — Он один тут не сумасшедший, даром что псих.

Глава одиннадцатая
Капитан Гнус

Капрал Колодный узнал об этом первый — когда в разведотдел позвонил дежурный полковой штабист — и был так ошарашен, что крался по палатке к столу капитана Гнуса на цыпочках, а услышанную новость сообщил ему невнятным от страха шепотом; однако капитан Гнус, который дремал до этого, взгромоздив тощие ноги на стол, воспринял весть Колодного с радостным оживлением.

— На Болонью? — весело заорал он. — Ну, чтоб меня… — Его одолел забористый хохот. — Так на Болонью? — между взрывами хохота выговорил он и в счастливом удивлении покачал головой. — Вот это да! Ух и хороши же будут у них у всех морды, когда они узнают, что им предстоит полет на Болонью! У-ху-ху-ху-хо!

Он хохотал от всей души — впервые с тех пор, как его обошел майор Майор, назначенный по приказу Кошкарта командиром эскадрильи, — а чтобы полнее насладиться своей радостью, он лениво поднялся и вплотную подступил к барьеру,

на который кладут перед полетом подготовленные для бомбардиров карты.

— Да-да, оглоеды, на Болонью, — без устали повторял он, радостно вглядываясь в лица бомбардиров, с недоверием спрашивающих его, действительно ли их посылают на Болонью. — Именно туда, оглоеды, у-ху-ху-ху-хо! Жрите что приказано, оглоеды, теперь-то уж вам не выкрутиться!

Когда последний бомбардир ушел, капитан Гнус вылез из своей служебной палатки, чтобы приятственно понаблюдать, как воспринимают эту новость остальные члены экипажей, собравшиеся с полетным снаряжением — касками, парашютами и бронежилетами — у четырех грузовиков, которые ждали их для доставки на аэродром. Капитан Гнус, высокий, плоский, угрюмо расхлябанный в движениях человек с рыжеватой щетиной на угловато-заостренном бледном лице и усами-недоростками под хрящеватым носом — он брился раз в три, а то и четыре дня, — совершенно правильно предугадал, что получит удовольствие. На лицах у назначенных в полет людей явственно проступал цепенящий страх, и капитан Гнус удовлетворенно позевывал, жизнерадостно стряхивал дремотную вялость

и сладострастно похохатывал, предлагая в очередной раз кому-нибудь из оглоедов жрать что приказано.

Бомбардировка Болоньи обернулась для капитана Гнуса первым по-настоящему радостным событием с того дня, когда, после гибели над Перуджей капитана Дулуса, его почти назначили командиром эскадрильи. Радиограмма о смерти Дулуса открыла перед ним самые радужные перспективы. Он сразу же логично рассудил, хотя никогда об этом раньше не думал, что преемником командира должен стать именно он. Во-первых, он был командиром разведотдела и, значит, неизмеримо превосходил мудростью тех офицеров, которые летали, постоянно рискуя жизнью, на боевые задания. Во-вторых, он не летал на боевые задания, а значит, был опять же мудрее всех других командиров эскадрилий, которые летали, и мог выполнять свой долг перед родиной сколь угодно долго. Чем больше капитан Гнус думал об этом, тем яснее ему становилось, что он прав. Оставалось только умело обронить в нужном месте нужное словечко — и как можно скорей. Он поспешил к себе в служебную палатку, чтобы наметить план действий. Усевшись в свое вращающееся кресло, взгромоздив ноги на

стол и закрыв глаза, он принялся размышлять, как прекрасно все устроится, когда его назначат командиром эскадрильи.

Пока капитан Гнус размышлял, полковник Кошкарт действовал, и почти-командир был потрясен тем проворством, с которым майор Майор, как ему представлялось, его обошел; изумленно узнав о назначении майора Майора, он не стал скрывать свою горькую озлобленность. Когда его коллеги удивлялись выбору полковника Кошкарта, он говорил, что творится нечто странное; когда при нем обсуждали странное сходство майора Майора с Генри Фондой, он утверждал, что тот и есть Генри Фонда — очень подозрительный тип; а когда заходила речь о странностях майора Майора, он прямо объявлял его коммунистом.

— Они скоро все приберут к рукам, — злобно утверждал капитан Гнус. — Вы, конечно, можете им потакать, но я-то сидеть сложа руки не буду. Я буду бороться. Отныне каждому оглоеду, который явится ко мне в разведпалатку, придется подписывать клятву верности. И я не буду церемониться, когда ко мне придет этот оглоед майор Майор, — он у меня не подпишет клятву верности, даже если захочет.

Самоотверженная борьба за клятву верности

почти мгновенно развернулась в грандиозную битву, и капитан Гнус почувствовал пылкое вдохновение, осознав себя ее идейным руководителем. Перед ним открылись широчайшие возможности. Все солдаты и офицеры, отправляясь на боевое задание, должны были подписать клятву верности — сначала в разведотделе у капитана Гнуса, чтобы получить маршрутные карты, потом в парашютной палатке, чтобы получить бронежилеты и парашюты, а потом еще и у лейтенанта Болкингтона, начальника автобазы, чтобы их доставили на аэродром. Клятва верности поджидала человека повсюду. Он предварительно подписывал ее, получая денежное довольствие, покупая что-нибудь в армейской лавке и даже подстригаясь или бреясь у парикмахеров-итальянцев. А для капитана Гнуса командир любого отдела, включившийся в грандиозную битву за клятву верности, оказывался досадным соперником, и он круглосуточно изобретал и планировал, как опередить новоявленных конкурентов. Ради безопасности отчизны он был готов на любые жертвы. Когда другие офицеры-администраторы, откликнувшись на его призыв, стали учреждать в своих подразделениях собственные клятвы верности, он переплевывал их, заставляя каждого

оглоеда, который являлся к нему в разведпалатку, подписывать две, три, четыре клятвы верности; вслед за этим последовала присяга на вечную преданность и была создана сначала одна, потом две, потом три, потом четыре хоровые группы, исполнявшие под развернутым знаменем государственный гимн. Всякий раз, оставив своих соперников позади, он свысока приводил им себя в пример и всякий раз, когда они успешно следовали его примеру, тревожно выискивал, чем бы их снова перещеголять, чтобы снова свысока привести им себя в пример.

Исподволь и незаметно боевые офицеры оказались под пятой у тыловых администраторов, которые вообще-то существуют, чтобы облегчить им воинский труд. Их беспрестанно запугивали и ругали, понукали и поучали. А когда они теряли терпение, капитан Гнус указывал им, что по-настоящему верные родине люди без возражений подпишут клятву верности — столько раз, сколько потребует от них долг. Когда его спрашивали, какой в этом толк, он разъяснял, что верные моральному долгу люди с гордостью подпишут клятву верности — столько раз, сколько потребует от них он. А когда его спрашивали, при чем тут мораль, он утверждал, что государственный гимн

— это великолепнейшая, высоконравственная музыка. Чем чаще подписывал человек клятву верности, тем вернее он был предан родине, тут у капитана Гнуса не возникало ни малейших сомнений, и капрал Колодный подписывал его именем клятву верности по нескольку сот раз на дню, чтобы он мог без труда доказать, что предан родине самоотверженней, чем кто бы то ни было другой.

— Важно, чтоб люди почаще клялись, — поучал единомышленников капитан Гнус, — и неважно, верят они своим словам или нет. Недаром детишки в школах ежедневно твердят по утрам перед уроками клятву верности своей стране, хотя они еще и понятия не имеют, что такое верность или, скажем, клятва.

Для капитана Птичкарда с капитаном Краббсом грандиозная битва за клятву верности была хуже грандиозной занозы в самом причинном месте, поскольку им становилось все труднее комплектовать боевые экипажи. Люди с утра до ночи пели, расписывались и клялись, так что подготовка к полетам отнимала теперь многие часы, а уж про срочный боевой вылет даже и заикаться не приходилось, но капитан Птичкард с капитаном Краббсом были слишком робкими,

чтобы возвысить голос протеста против мероприятий капитана Гнуса, который развернул тем временем широкую кампанию за непрерывную проверку верности под лозунгом «Верность наверняка», призванную выявить отступников, утративших верность долгу и родине после последнего подписания клятвы. Капитан Птичкард с капитаном Краббсом выбивались из последних сил, стараясь не сорвать очередной вылет, когда к ним явилась делегация, возглавляемая капитаном Гнусом, который твердо заявил им, что, прежде чем назначать людей в экипажи, они должны брать с них клятву верности.

— Дело, конечно, ваше, — сказал капитан Гнус, — и я не собираюсь оказывать на вас давление, но все остальные офицеры вспомогательных служб давно уже требуют у них письменную клятву верности, и Федеральному бюро расследований может показаться странным, что вы так легкомысленно относитесь к безопасности страны. Если вам наплевать на вашу репутацию, то дело, повторяю, ваше — я-то просто решил вас предостеречь.

Мило Миндербиндер был тверд и решительно отказался снять майора Майора с пищевого довольствия, даже если тот коммунист, чему он

не очень-то верил. Мило инстинктивно избегал любых новшеств, которые могли бы нарушить привычный порядок. Он твердо стоял на нравственной позиции и решительно отказывался включиться в грандиозную битву за клятву верности, пока капитан Гнус не явился со своей делегацией и к нему.

— Защита отечества — наш общий долг, — в ответ на возражения Мило Миндербиндера указал капитан Гнус. — Подпись под клятвой верности — дело, разумеется, добровольное, и забывать об этом не стоит. Люди вовсе не обязаны подписывать клятву, которую предлагают им капитан Птичкард и капитан Краббс. Но нам совершенно необходимо, чтоб ты уморил их голодом, если они откажутся ее подписать. Это как Поправка-22, понимаешь? Ты ведь, надеюсь, не против Поправки-22?

Доктор Дейника был непреклонен.

— Откуда вы взяли, что майор Майор коммунист?

— А разве он отрицал это, пока мы не вывели его на чистую воду? И разве он подписал хоть раз клятву верности?

— Так вы ему не даете.

— Само собой, не даем, — разъяснил капитан

Гнус. — Это свело бы на нет уже почти выигранную битву. Вы не обязаны нас поддерживать, решать тут, конечно, вам. Но подумайте, что станется с нашими усилиями, если вы согласитесь оказывать майору Майору медицинскую помощь, когда Мило Миндербиндер начнет воспитывать его голодом. И представьте себе, как отнесутся в штабе полка к человеку, который собирается угробить всю нашу систему безопасности. Они ведь, пожалуй, отправят его на Тихий океан.

Доктор Дейника поспешно отступил.

— Я скажу Гэсу с Уэсом, чтоб они выполняли все ваши пожелания, — сказал он.

Полковника Кошкарта слегка встревожило поднявшееся на Пьяносе волнение.

— Да это идиот Гнус устраивает патриотическую гульбу, — с ухмылкой доложил ему подполковник Корн. — И я думаю, что вам следует его поддержать, хотя бы на первых порах, поскольку именно вы назначили майора Майора командиром эскадрильи.

— Это была ваша идея, — раздраженно пробурчал полковник Кошкарт. — И зачем только я дал себя уговорить?

— А затем, что идея-то была превосходная, — напомнил ему подполковник Корн, — поскольку

вам удалось избавиться от лишнего майора, который торчал у вас как кость в горле и подрывал ваш административный престиж. Да вы не унывайте, он, я думаю, скоро выдохнется. Пошлите ему благодарственное письмо, и будем надеяться, что он свернет себе шею без особых для нас осложнений. Только вот… — У подполковника Корна вдруг возникло причудливое подозрение. — Только вот не попытался бы этот недоумок выгнать майора Майора из его трейлера.

— Теперь нам нужно выгнать этого оглоеда из его трейлера, — решил капитан Гнус. — Да и жену с детьми тоже было бы хорошо куда-нибудь к чертовой матери выгнать. Но ничего не получится. Нет у него жены и детей. Стало быть, остается он сам. Кто в эскадрилье отвечает за жилье?

— Майор Майор.

— Видите? Скоро они все приберут к рукам, абсолютно все. Ну нет, этого я не потерплю! Надо будет, так я к самому майору… де Каверли обращусь. Вот вернется он из Рима, и я отряжу Мило Миндербиндера с ним поговорить.

Капитан Гнус безоглядно верил в мудрость, могущество и справедливость майора… де Каверли, хотя никогда с ним не разговаривал, да и сейчас не мог на это решиться. Он поручил разговор

Мило Миндербиндеру и нетерпеливо ждал, когда вернется из Рима его кумир. Как и все в эскадрилье, он испытывал благоговейнейшее почтение к этому величественному седому майору с бугристым лицом и осанкой всемогущего Иеговы, который вернулся из Рима с целлулоидной нашлепкой на поврежденном глазе и мгновенно пресек грандиозную битву.

Встретив его у двери, Мило Миндербиндер благоразумно ничего ему не сказал, и когда он со своим обычным неприступно суровым достоинством энергично вошел в столовую, то обнаружил, что дорогу ему перегораживают вплотную стоящие друг за другом офицеры, которые ждут своей очереди, чтобы подписать перед едой клятву верности. У дальнего конца раздаточной стойки группа офицеров, пришедших немного раньше, приносила устную присягу на вечную преданность перед развернутым знаменем, чтобы получить разрешение сесть за стол, причем каждый из них изловчился держать поднос с тарелками одной левой рукой, а правую вскинул в официальном приветствии. Те офицеры, которые пришли еще раньше, пели, сидя за столом, государственный гимн, чтобы заслужить право на соль, перец и кетчуп. При появлении

майора… де Каверли общий гвалт начал постепенно стихать, а он, приостановившись, оглядел столовую с удивленным неодобрением, будто увидел экзотический зверинец. Потом двинулся прямо вперед, и очередь расступалась перед ним, как Красное море. Не глядя по сторонам, он подошел к стойке и со старческой хрипотцой, но зычно и отчетливо из-за многолетней привычки командовать приказал:

— Обед!

Вместо еды капрал Снарк протянул ему для подписи клятву верности. Он пренебрежительно отшвырнул ее, глянув на первые строки, и его здоровый глаз полыхнул слепящим презрением, а массивное, изрытое старческими морщинами лицо потемнело от тускло-огненной, как вулканическая лава, ярости.

— Обед, я сказал! — рявкнул он, и его приказ громоподобно раскатился по вмиг притихшей палатке, предвещая опасную грозу.

Капрал Снарк побледнел и задрожал. Он умоляюще посмотрел на Мило Миндербиндера в отчаянной надежде получить указующий совет. Несколько секунд длилось ужасное молчание. Потом Мило кивнул.

— Обед майору… де Каверли, — сказал он.

Капрал Снарк принялся выдавать майору… де Каверли еду. Тот взял поднос и шагнул к столу, но потом приостановился. Его взгляд обежал томящихся в очереди офицеров, которые немо взывали к нему о заступничестве, и он повелительно рыкнул, наполнив палатку грохотом воинственной справедливости:

— Обед всему офицерскому составу!

— Обед всему офицерскому составу, — с радостным облегчением повторил Мило Миндербиндер, и грандиозная битва за клятву верности лопнула словно мыльный пузырь.

Капитан Гнус едва устоял, получив предательский, по его мнению, удар от человека, на которого он возлагал столько патриотических надежд. Майор… де Каверли воткнул ему в спину зазубренный столовый нож.

— Все это ерунда, — отвечал он, однако, на утешения своих приспешников. — Битву мы выиграли. Нам надо было устранить врагов и указать людям на опасность, которую таит в себе майор Майор, а обе эти задачи мы выполнили блестяще. И клятву верности майор Майор подписать у нас не сумел, хотел он того или нет, так что мы и тут одержали внушительную победу.

Глядя на своих перепуганных врагов во время

Достославной осады Болоньи, которая длилась почти бесконечно и вымотала им все нервы, капитан Гнус грустно вспоминал добрые старые дни грандиозной битвы за клятву верности, когда он был самым влиятельным человеком в эскадрилье и даже такие важные шишки, как Мило Миндербиндер, доктор Дейника или капитан Птичкард с капитаном Краббсом, трепетали при его приближении и пресмыкались перед ним, забывая о своей важности. Ну а для подтверждения рассказов про свое былое могущество новичкам у него сохранилось благодарственное письмо полковника Кошкарта.

Глава двенадцатая
Болонья

Фактически Болонью превратил в страшный жупел не капитан Гнус, а сержант Найт, который молча спрыгнул с грузовика и отправился за вторым бронежилетом, как только узнал, куда их посылают, что послужило толчком к массовому повторному нашествию в парашютную палатку и лихорадочной панике из-за возможной нехватки запасных бронежилетов.

— Эй, что тут происходит? — с беспокойством спросил Кроха Сэмпсон. — Неужто над Болоньей так скверно?

Нетли, оцепенело сидя на полу кузова, ничего ему не ответил и безмолвно закрыл обеими ладонями свое печальное юное лицо.

Сержант Найт и серия мучительных отсрочек — вот из-за чего все вышло, потому что, когда экипажи уже рассаживались утром по самолетам, из штаба примчался джип с известием о дожде над Болоньей и, соответственно, первой отсрочке. К их возвращению в эскадрилью на Пьяносе тоже начался дождь, и они провели

этот день, тупо рассматривая линию фронта на карте в разведпалатке с унылой мыслью о невозможности спасения. Эта навязчивая мысль безусловно подтверждалась извилистой алой ленточкой, пересекавшей на карте Италию, — сухопутные войска союзников застряли в сорока двух неодолимых милях к югу от Болоньи, и не было ни малейшей надежды, что они овладеют городом, пока не кончится дождь. Подчиненные полковника Кошкарта были обречены на бомбардировку Болоньи. Ничто не могло их спасти.

Ничто, кроме бесконечного дождя, который, как они знали, неминуемо кончится. Кончившись на Пьяносе, он начинался в Болонье. Кончившись в Болонье, опять начинался на Пьяносе. А когда он кончался одновременно и тут и там, возникали другие, совершенно необъяснимые помехи, вроде повальной диареи или таинственно переместившейся линии фронта. Четырежды за первые шесть дней снаряжались они в полет и проходили инструктаж, а потом полет отменялся. Однажды они даже взлетели и, построившись, взяли курс на Болонью, но сразу же получили приказ вернуться. Чем дольше длился дождь, тем отчаянней они мучились. Чем отчаянней они мучились, тем исступленней молили судьбу,

чтобы дождь продолжался. Ночью их взгляды были прикованы к небу, и звезды внушали им суеверный ужас. Днем они бесконечно рассматривали недвижимую линию фронта и тоскливо слушали, как шуршит от ветра прикрепленная к деревянной рамке огромная карта; а потом опять начинался дождь, и карту уносили в разведпалатку. Линию фронта отмечала узкая атласная ленточка ярко-алого цвета, которая извилисто пересекала Италию, указывая расположение передовых частей союзных войск.

Наутро после рукопашного боя Обжоры Джо с кошкой Хьюпла дождь прекратился и на Пьяносе, и в Болонье. Взлетная полоса начала подсыхать. Окончательно высохнуть она могла разве что за сутки, но небо безнадежно расчистилось. Их тревожное раздражение переродилось в ненависть. Сначала они возненавидели сухопутные войска, потому что те не сумели взять Болонью. Потом их ненависть перекинулась на алую полоску линии фронта. Они опасливо рассматривали ее, проникаясь к ней безысходной враждой, потому что она не желала двигаться вверх. Когда пала ночная тьма, они стали собираться у карты с фонарями, продолжая свое безумное дневное бдение и тоскливо изнывая в ненавистных молитвах

к линии фронта, словно их угрюмый молебен мог передвинуть ее на север.

— Просто не верится! — обращаясь к Йоссариану, воскликнул Клевинджер, и его голос задрожал от удивленного негодования. — Они же вернулись к первобытным суевериям! Перестали различать причины и следствия. Им теперь остается только стучать по дереву и скрещивать на счастье пальцы. Они считают, что если кто-нибудь из них подкрадется в полночь на цыпочках к карте и передвинет линию фронта за Болонью, то завтрашний полет обязательно отменят. Можешь ты себе это представить? Похоже, что только ты да я не поддались у нас суеверной мистике.

В полночь Йоссариан бесшумно встал с койки, постучал по дереву, скрестил пальцы и, подкравшись на цыпочках к карте, передвинул линию фронта за Болонью.

Поутру капрал Колодный проник на цыпочках в палатку капитана Гнуса, просунул руку под противомоскитную сетку, нащупал костлявое плечо своего начальника и легонько его потеребил.

— Зачем ты меня будишь? — злобно захныкал капитан Гнус, открывая глаза.

— Болонья взята, сэр, — сказал капрал Колодный. — Я решил, что вам следует об этом узнать.

Полет отменяется?

Капитан Гнус сел на койке и принялся методично скрести ногтями тощие ляжки. Потом оделся и, щурясь, вылез из палатки — хмурый, злой и небритый. С ясного неба светило солнце. Капитан Гнус посмотрел на карту. Да, сомневаться не приходилось, Болонью взяли. Когда он пришел в разведпалатку, капрал Колодный уже вынимал из штурманских планшетов карты Болоньи. Капитан Гнус сел, смачно зевнул и, задрав ноги на стол, позвонил подполковнику Корну.

— Зачем вы меня будите? — злобно захныкал подполковник Корн.

— Сегодня ночью Болонья взята, сэр, — сказал капитан Гнус. — Полет отменяется?

— О чем вы говорите, Гнус? — рыкнул подполковник Корн. — С какой стати мы будем отменять полет?

— Так Болонью-то взяли, сэр. Разве полет не отменят?

— Разумеется, отменят. Что ж мы, по-вашему, своих будем бомбить?

— Зачем ты меня будишь? — злобно захныкал полковник Кошкарт, поднятый с постели подполковником Корном.

— Болонью взяли, — сказал ему подполков-

ник Корн. — Я решил, что тебе следует об этом узнать.

— Кто взял Болонью?

— Мы.

Полковник Кошкарт очень обрадовался, потому что смог отменить бомбардировку Болоньи без ущерба для своей репутации, которую замечательно укрепило его мужественное решение добровольно послать своих людей на это опасное задание. Генерал Дридл тоже был доволен, хотя и разозлился на полковника Мудиса, разбудившего его, чтобы сообщить ему эту новость. В штабе армии тоже были удовлетворены и решили наградить медалью того офицера, который провел операцию по захвату Болоньи, а когда не сумели его отыскать, дали медаль генералу Долбингу, сообразившему заявить на нее права.

Получив медаль, генерал Долбинг стал добиваться расширения своих полномочий. По его мнению, все войсковые авиачасти должны были подчиняться спецуправлению, которое он возглавлял. Если удары с неба по врагу не считать специальной службой, часто размышлял он вслух с привычно благожелательной улыбкой несколько утомленного постоянным благоразумием человека, то ему совершенно непонятно,

чем же их тогда считать. К своему искреннему сожалению, он не мог принять на себя командование каким-нибудь боевым соединением под начальством генерала Дридла.

— Летать на боевые задания, **подчиняясь** генералу Дридлу, — это не совсем то, о чем я веду разговор, — со снисходительно милой усмешкой пояснял генерал Долбинг. — Мне хотелось бы **заменить** генерала Дридла или, пожалуй, взять на себя ответственность, заняв соответствующий командный пост, по **надзору** и за ним, и за многими другими командирами крупных войсковых соединений. Я, видите ли, по природе своей администратор, и мне, безусловно, следует возглавлять общее административное руководство. У меня врожденный дар убеждать самых разных людей.

— У него врожденный дар убеждать самых разных людей, что он болван, — злонамеренно открыл по секрету рядовому экс-первого класса Уинтергрину полковник Каргил, надеясь, что тот распространит его нелицеприятное открытие среди штабистов Двадцать седьмой воздушной армии. — Если уж кто и заслужил этот боевой пост, то, разумеется, я, а не он. Мы и медаль-то получили, потому что мне пришло в голову заявить

на нее права.

— А что — хочется поучаствовать в боях? — спросил его рядовой экс-первого класса Уинтергрин.

— В боях? — растерянно переспросил полковник Каргил. — Да нет, это ты не то… это ты неправильно меня понял. Я, конечно, готов участвовать в боях, но мне лучше возглавлять общее административное руководство. У меня врожденный дар убеждать самых разных людей.

— У него врожденный дар убеждать самых разных людей, какой он болван, — со смехом открыл по секрету Йоссариану рядовой экс-первого класса Уинтергрин, прилетевший на Пьяносу, чтобы узнать, верны ли слухи про Мило Миндербиндера и египетский хлопок. — Если кто и заслуживает повышения, так это я. — Его, впрочем, уже и повысили — до экс-капрала, — потому что в штабе Двадцать седьмой воздушной армии он быстро сменил несколько званий, начав с почтальона и опять вскоре докатившись до рядового — за уничижительные, одна другой мерзее, характеристики штабных офицеров. Удачи вскружили ему голову, значительно укрепив его всегдашнюю тягу к нравственному совершенству и социальному преуспеянию. — Хочешь купить

партию зажигалок? — спросил он Йоссариана. — Их сперли прямо у начальника снабжения.

— А Мило знает, что ты торгуешь зажигалками?

— При чем тут Мило? Разве он тоже ими торгует?

— Конечно, — ответил Йоссариан. — И притом не краденными.

— Это *ты* так думаешь, — презрительно фыркнув, отозвался рядовой экс-первого класса Уинтергрин. — Я продаю свои по доллару штука. А он?

— На цент дороже.

— Вот-вот, я всегда его обставляю, — с победной ухмылкой похвастал Уинтергрин. — Ну а как насчет египетского хлопка, который ему некуда девать? Сколько он его купил?

— Весь.

— Вот это да! — Рядовой экс-первого класса Уинтергрин злорадно хихикнул. — Вот это балбес! А ведь в Каире-то он был с тобой. Почему ж ты его не отговорил?

— Я? — пожав плечами, переспросил Йоссариан. — Да разве он со мной советуется? А там все вышло из-за телетайпов, которые установлены у них в каждом приличном ресторане. Мило

никогда раньше не видел биржевого телетайпа, и, когда метрдотель объяснял ему, что это такое, как раз передавали сведения про египетский хлопок. «Египетский хлопок?» — спросил Мило. Знаешь небось, какой у него бывает при этом вид. «И почем его здесь продают?» Короче, не успел я опомниться, а он уже скупил весь урожай. И не знает теперь, куда с ним сунуться.

— У него просто нет воображения. Я могу устроить ему крупную распродажу, если он возьмет меня в долю. На черном рынке.

— Мило не хуже тебя знает черный рынок. Нету там сейчас спроса на хлопок.

— На хлопок нет, а на медицинскую продукцию есть. Я мог бы заворачивать в хлопок деревянные зубочистки и сбывать их как стерилизованные ватные тампоны. Продаст мне Мило часть своего хлопка, если я предложу ему неплохие деньги?

— Тебе — ни за какие деньги, — сказал Йоссариан. — Ты же его конкурент, и он давно уже на тебя злится. А сейчас он злится на всех — за диарею, которая, дескать, подорвала репутацию его столовой… — Внезапно Йоссариан крепко ухватил Уинтергрина за рукав. — Слушай-ка, — воскликнул он, — а ведь ты можешь нас спасти! У тебя ж наверняка есть возможность изготовить

на твоем мимеографе какой-нибудь липовый приказ, чтоб избавить наш полк от Болоньи.

Рядовой экс-первого класса и бывший капрал, неспешно отстранившись, окинул Йоссариана презрительным взглядом.

— Возможность-то у меня, конечно, есть, — горделиво признал он. — Но делать я этого даже под пистолетом не стану.

— Да почему?

А потому, что это не мое дело. Каждый должен делать свое дело, понимаешь? Мое дело — продавать зажигалки, и по возможности с выгодой, или, к примеру, покупать хлопок у Мило. А ваше дело — бомбить врагов.

— Так ведь убьют меня над Болоньей, — жалобно сказал Йоссариан. — Нас всех там перебьют.

— Значит, такая у вас судьба, — отозвался рядовой экс-первого класса Уинтергрин. — Я вот, например, фаталист, спокойно гляжу в глаза судьбе — и тебе того же желаю. Если мне суждено выгодно продавать зажигалки или недорого покупать у Мило хлопок, значит, это моя судьба, и я буду с достоинством делать свое дело. А если тебе суждено быть убитым над Болоньей, то от судьбы ты все равно не уйдешь и должен с достоинством сделать свое дело; поэтому отправляйся, куда

тебя посылают, и прими смерть как мужчина. Мне грустно это говорить, Йоссариан, но ты становишься хроническим нытиком.

Клевинджер согласился с Уинтергрином, тоже считая, что если Йоссариана убьют над Болоньей, значит, такая уж у него судьба, и даже полиловел от праведного негодования, когда Йоссариан признался, что это он передвинул линию фронта, вызвав наутро отмену полета.

— И правильно сделал! — окрысился Йоссариан, ощущая в глубине души свою неправоту. — Почему, собственно, я должен подставлять задницу немецким зенитчикам, чтобы наш полковник стал генералом?

— А как насчет пехотинцев? — тоже злобно ярясь, наседал на него Клевинджер. — Почему они должны подставлять под пули головы, чтоб ты поберег свою задницу? Они имеют право на поддержку с воздуха.

— Так неужто на мне вся наша авиация клином сошлась? Им ведь неважно, кто разбомбит эти склады. А Кошкарт гонит нас туда, только чтоб выслужиться.

— Ох, да знаю я это все! — воскликнул Клевинджер, и его честные карие глаза на изможденном от вечной праведности лице взволнованно

увлажнились. — Но беда-то в том, что склады до сих пор никто не разбомбил. Тебе прекрасно известно, что я тоже не одобряю полковника Кошкарта. — Губы у Клевинджера задрожали, и он на секунду умолк, а потом, словно бы подчеркивая свои слова, начал хлопать ладонью по спальному мешку. — Пойми, Йоссариан, не нам с тобой решать, какие объекты должны быть уничтожены, или кто это должен сделать, или…

— Или кого убьют, пока он это делает. И ради чего он будет убит.

— Да-да, не нам! У нас нет права спрашивать…

— Ты сумасшедший!

— …решительно никакого права…

— Значит, по-твоему, полковник Кошкарт может решать, как и ради чего отправить меня на тот свет, а я не имею права вмешаться? Ты что — серьезно так считаешь?

— Совершенно серьезно, — теряя уверенность, отозвался Клевинджер. — Существуют люди, которым доверено вести нас к победе, и они лучше нашего видят, куда нанести удар.

— Мы толкуем о разных вещах, — устало сказал Йоссариан, как бы вконец измученный тупостью Клевинджера. — Ты говоришь про взаимодействие воздушных и наземных войск, а я — про

мои отношения с полковником Кошкартом. Ты хочешь, чтоб мы победили любой ценой, а я хочу победить и остаться живым.

— Вот именно! — с возрожденной самоуверенностью подтвердил Клевинджер. — И что же, по-твоему, важнее?

— Для кого? — осадил Клевинджера Йоссариан. — Да открой же наконец глаза! Мертвец останется мертвецом, кто бы ни победил, ему твоя победа — что припарка дохлому псу.

Клевинджер умолк, словно от оплеухи. А когда опомнился и заговорил, его побелевшие, горестно поджатые губы напоминали тонкое стальное кольцо.

— Дорассуждался! — возмущенно воскликнул он. — Лучшей помощи врагу, чем твои рассуждения, даже и представить себе нельзя!

— Врагом, — с тяжкой непреклонностью сказал Йоссариан, — следует считать всякого, кто добивается твоей смерти, на чьей бы стороне он ни оказался, значит, и Кошкарта. Не забывай об этом, Клевинджер, потому что чем тверже ты это запомнишь, тем дольше, быть может, проживешь.

Однако Клевинджер пропустил его слова мимо ушей — и отправился на тот свет. А разговаривая перед смертью с Йоссарианом, он так

разволновался, что тот скрыл от него свою причастность к массовой диарее, которая вызвала очередную бессмысленную отсрочку. Мило Миндербиндер разволновался еще сильней — из-за предположения, что кто-то опять отравил всю эскадрилью, — и прибежал к Йоссариану просить помощи.

— Узнай, пожалуйста, у капрала Снарка, не добавил ли он снова какой-нибудь гадости в еду, — тайно поручил Мило Миндербиндер Йоссариану. — Капрал Снарк тебе доверяет и скажет правду, если ты пообещаешь никому об этом не говорить. А когда он тебе скажет, ты скажешь мне. Договорились?

— Конечно, добавил, — признался Йоссариану капрал Снарк. — Хозяйственного мыла в сладкий картофель. Я же всегда готов тебе удружить. А хозяйственное мыло — самое надежное средство.

— Он божится, что он тут ни при чем, — сообщил Мило Миндербиндеру Йоссариан.

Мило с сомнением оттопырил нижнюю губу.

— Дэнбар говорит, что бога нет, — сказал он.

И надежды у них тоже не было. К середине второй недели все они стали походить на Обжору Джо, который был освобожден от боевых полетов и орал по ночам во сне, будто его режут. Спать мог

только он один. Все остальные бродили до утра между палаток, словно немые призраки с сигаретами в зубах. Днем они собирались унылыми группками возле карты и мрачно разглядывали неподвижную линию фронта или угрюмо посматривали на доктора Дейнику, который безучастно сидел перед закрытой дверью медпалатки под шуточным, бросающим в дрожь объявлением капитана Гнуса. Да и собственные шутки получались у него отнюдь не веселыми, а слухи, которые они изобретали про Болонью, не оставляли им ни малейшей надежды.

Однажды вечером изрядно нагрузившийся Йоссариан нетвердо придвинулся в офицерском клубе к подполковнику Корну и сообщил ему, что у немцев появилась зенитная новинка.

— Какая новинка? — с любопытством спросил подполковник Корн.

— Скорострельный трехсотсорокачетырехмиллиметровый клеемёт Лепажа, — ответил ему Йоссариан. — Он склеивает на лету звено самолетов в одну вонючую кучу.

— А ну отойди от меня, дегенерат! — злобно взвизгнул подполковник Корн, с испугом выдернув свой локоть из цепких пальцев Йоссариана. Нетли бросился сзади к Йоссариану и оттащил

его, обхватив за шею, прочь, а подполковник Корн, одобрительно глянув на своего спасителя и немного отдышавшись, спросил: — Кто он, собственно, такой, этот психопат?

— Да это же пилот, которого мы наградили, по твоему представлению, медалью, — весело рассмеявшись, объяснил ему полковник Кошкарт. — За бомбардировку Феррары. И произвели, по твоему настоянию, в капитаны. Ну, и он, видно, решил выразить тебе свою благодарность.

Нетли с трудом доволок массивного, шатко стоящего на ногах Йоссариана до свободного столика.

— Ты что — спятил? — испуганно шипел он. — Это же подполковник Корн! Ты что — спятил?

Йоссариану хотелось еще немного выпить, и он пообещал Нетли, что спокойно уйдет, если тот принесет ему стаканчик виски. Потом потребовал еще два. А когда Нетли удалось наконец доставить его к выходу, в дверях, отряхиваясь, как утка, и громко шлепая по полу размокшими башмаками, появился капитан Гнус.

— Ну, оглоеды, теперь-то уж вам точно не выкрутиться, — жизнерадостно объявил он, выбираясь из лужи, которая натекла с его плаща. — Мне только что звонил подполковник

Корн. Знаете, чем вас встретят над Болоньей? Клеемётами Лепажа, у-ху-ху-ху-хо! Они склеивают на лету звено самолетов в одну вонючую кучу.

— Бог ты мой, так это, стало быть, правда? — пронзительно вскрикнул Йоссариан и в бессильном ужасе привалился к Нетли.

Откуда-то, пошатываясь, вынырнул Дэнбар.

— Бога нет, — наставительно сказал он.

— Помоги мне. Его надо отвезти в палатку:

— Кто сказал?

— Я сказал. Глянь-ка — вот это дождище!

— Надо добыть машину.

— Давайте угоним джип Гнуса, — сказал Йоссариан. — Я всегда так делаю.

— Да разве теперь угонишь машину? С тех пор как ты начал их угонять, когда тебе в голову взбредет, никто не оставляет в замке ключи.

— Загружайтесь, — предложил пьяный Вождь Белый Овсюг, подъехав к ним в крытом джипе. Они залезли в машину, и Вождь Белый Овсюг резко рванул с места, так что их придавило к спинке сиденья. Обруганный Овсюг весело заржал и, выехав со стоянки, сразу же уткнулся бампером в крутую насыпь на краю дороги. Осыпая его проклятиями, они беспомощной грудой повалились вперед. — Я забыл повернуть, — объяснил он.

— Ты бы поаккуратней, — предостерег его Нетли. — У тебя вон даже фары не включены.

Вождь Белый Овсюг воткнул заднюю передачу, развернулся и на предельной скорости помчался по дороге. Шины влажно шуршали, черная полоса асфальта стремительно неслась им навстречу.

— Да не гони ты как оглашенный! — крикнул ему Нетли.

— Гони сперва к вам, чтоб я помог уложить его в постель. А потом отвезешь меня.

— Это еще кто тут такой?

— Дэнбар.

— Эй, включи фары! — заорал Нетли. — И смотри на дорогу.

— С фарами у меня полный порядок. А Йоссариан здесь? Я ведь вас, оглоедов, только из-за него сюда и пустил. — Вождь Белый Овсюг неторопливо повернулся, чтобы взглянуть на заднее сиденье.

— Да смотри же ты на дорогу!

— Йоссариан, ты здесь? А, Йоссариан?

— Здесь, Овсюг, здесь. Жми давай домой. А тебе, Дэнбар, я должен задать один вопрос. Почему ты так уверен?

— Видите? Я же говорил вам, что он здесь!

— Это в чем же я уверен?

— А про что мы с тобой толковали?

— Думаешь, про что-нибудь важное?

— Вроде бы да. А там бог его знает.

— Бога нет.

— Вот, значит, про что мы толковали, — подхватил Йоссариан. — Ну и почему ж ты так уверен?

— Ты уверен, что включил фары? — вклинился Нетли.

— Ясное дело, уверен. И чего он от меня хочет? Это ж ему из-за дождика кажется с заднего сиденья, что впереди темно.

— Ох и лихой же дождик!

— А главное, затяжной. Дождик, дождик…

— Лей, лей, лей!

— На Йо-Йошку весе…

— …лей!

— Он с милашкой…

— …скок, скок, скок…

— …на лужочке под сто…

Вождь Белый Овсюг не заметил поворота и загнал джип на самый верх крутой насыпи, которая тянулась вдоль дороги. Мотор заглох, джип начал соскальзывать вниз и, перевернувшись набок, мягко плюхнулся в грязь. Настала тревожная тишина.

— Эй, все живы? — приглушенно осведомился

Вождь Белый Овсюг. Все были живы, и у него вырвался облегченный вздох. — Вот она, моя вечная беда, — пожаловался он. — Никогда я никого не слушаю. Меня, к примеру, уговаривают включить фары, а я не желаю слушать.

— Я уговаривал тебя включить фары.

— То-то вот и оно. Мне говорят, а я не желаю слушать, верно?.. Эх, нам бы сейчас выпить. Эге, да мы и выпьем! Глядите-ка, она, оказывается, не разбилась!

— А машина-то промокает, — сказал Нетли. — Меня мочит дождик.

Вождь Белый Овсюг откупорил бутылку с виски, отхлебнул из нее и передал назад. Нетли пить отказался — он безуспешно нащупывал ручку двери, — а все остальные выпили, выпрастывая кое-как руки и головы из общего клубка. Потом бутылка упала, раздался короткий стук — это она ударилась о голову Нетли, — и виски потекло ему за шиворот.

— Эй, надо выбираться отсюда! — конвульсивно дергаясь, заорал он. — Мы все здесь захлебнемся!

— Есть тут кто-нибудь? — встревоженно крикнул сверху Клевинджер, зажигая фонарь.

— Это Клевинджер! — весело завопили они и попытались втащить его через окно в машину,

когда он спустился с насыпи, чтобы им помочь.

— Полюбуйся на них! — с возмущением крикнул Клевинджер Маквоту, который сидел, ухмыляясь, за рулем штабной машины. — Лежат вповалку, как упившиеся дикари. И ты здесь, Нетли? Вот уж от тебя я этого не ожидал! Ну ладно, помоги мне вытащить их отсюда, пока они не поумирали от воспаления легких.

— А что, неплохая мысль, — рассудил Вождь Белый Овсюг. — Я, пожалуй, умру от воспаления легких.

— Это почему?

— А по тому самому, — откликнулся Вождь Белый Овсюг и, нежно прижимая к себе бутылку, улегся в лужу.

— Нет, вы полюбуйтесь на него! — с негодованием воскликнул Клевинджер. — Вставай, Овсюг, мы отвезем вас всех домой.

— Всех не выйдет. Кому-то надо остаться, чтобы помочь Овсюгу с машиной — она ведь из автопарка, а значит, он взял ее под расписку и должен вернуть.

— Это капитан Гнус должен ее вернуть, — горделиво оповестил их Вождь Белый Овсюг. Он откинулся на спинку сиденья и матерно заржал. — Я угнал ее от офицерского клуба, а ключи

у меня те самые, про которые Гнус думает, что сегодня утром он их потерял.

— Ах, чтоб меня! За это надо выпить.

— Может, хватит пить? — начал ворчать Клевинджер, как только Маквот тронулся с места. — Вам бы посмотреть на себя со стороны. Вы же скоро упьетесь до смерти или утонете в какой-нибудь луже.

— Если только не улетаемся до смерти в небе.

— Поддай, поддай газку! — принялся подзуживать Маквота Вождь Белый Овсюг. — И выключи фары. Без фар тут сподручней.

— Доктор Дейника прав, — продолжал ворчать Клевинджер. — Люди разучились беречь свою жизнь. На вас же просто страшно смотреть!

— А ну вылазь из машины, губошлеп, — скомандовал ему Вождь Белый Овсюг. — И все вылазьте, кроме Йоссариана. Где Йоссариан?

— Отстань, чумазый черт, — с хохотом оттолкнул его Йоссариан. — Ты же весь в грязи!

Клевинджер переключился на Нетли:

— А вот ты, признаться, меня удивил. От тебя за милю разит перегаром. Кто, скажи на милость, убережет Йоссариана от неприятностей, если ты будешь вместе с ним пить? Он же мог опять сцепиться с Эпплби. — Услышав смешок Йоссари-

ана, Клевинджер окинул их всех встревоженным взглядом. — Неужели-таки сцепился?

— Нет, на этот раз он к Эпплби не цеплялся, — сказал Дэнбар.

— Да уж, на этот раз я нашел кой-кого поинтересней.

— На этот раз он сцепился с подполковником Корном.

— Не может быть! — сдавленно пролепетал Клевинджер.

— Этот все может, — одобрительно объявил Вождь Белый Овсюг. — Стало быть, надо выпить.

— С ума можно сойти! — ужаснулся Клевинджер. — Ну зачем тебе понадобилось цепляться к подполковнику Корну?.. Эй, что там со светом? Почему впереди темно?

— А это я выключил фары, — объяснил ему Маквот. — Вождь Белый Овсюг, оказывается, прав. Без фар-то оно сподручней.

— Да ты что — спятил? — выкрикнул Клевинджер и торопливо нырнул вперед, чтобы включить потухшие фары. Потом, срываясь на истерику, злобно крикнул Йоссариану: — Ты видишь, что творится? Они же все тебе подражают. А если к утру дождь кончится и нас пошлют на Болонью? В хорошенькой вы будете форме!

— Где уж там кончится! Такой дождина может лить до скончания века.

— А дождя-то нет, — послышался чей-то голос, и все мгновенно умолкли.

— Ох и худо вам, оглоеды, — сочувственно пробормотал после тяжкой паузы Вождь Белый Овсюг.

— Так что — нету уже дождика? — смиренно спросил Йоссариан.

Маквот выключил стеклоочистители, чтобы все стало ясно. Дождь кончился. Небо начало расчищаться. Сквозь легкий туман ярко светила луна.

— Двум смертям не бывать, — трезвея, пропел Маквот и осекся. А потом совершенно трезво закончил: — На одну наплевать.

— Ничего, парни, — сказал Вождь Белый Овсюг. — Взлетная полоса здорово раскисла, сегодня все равно не взлетишь. А к завтрему, глядишь, опять соберется дождь.

— Ты позорный, пакостный, похабный ублюдок! — донесся до них пронзительный вопль Обжоры Джо, как только они приблизились к палаткам своей эскадрильи.

— Господи, так он, стало быть, уже здесь? Его же услали на связном самолете в Рим!

— Уухх! Уууухххх! Ууууууууххххххххх! — завывал в своей палатке Обжора Джо.

— От него ведь и заикой можно стать, — содрогнувшись, прошептал в унынии Вождь Белый Овсюг. — А где, интересно, капитан Флум?

— Вот от него-то уж точно можно стать заикой. Я столкнулся с ним на прошлой неделе в лесу, и он жрал какие-то дикие ягоды. У себя в трейлере он теперь никогда не ночует. А выглядит как жуткий леший.

— Обжора Джо боится, что его пошлют на Болонью, если кто-нибудь получит освобождение по болезни — даром что врачебного приема сейчас нет. Видели вы его той ночью, когда он попытался пристрелить Хавермейера и свалился у палатки Йоссариана в противоналетную щель?

— Уухх! Уууухххх! Ууууууууххххххххх! — завывал Обжора Джо.

— А хорошо все же, что Флум не шляется теперь в столовую. С этими своими «Сол, передай мне, пожалуйста, соль»…

— Или «Флетчер, можно попросить у вас кетчуп?»…

— Или «Фред, нельзя ли мне получить мой обед?»…

— А ну отойди! Отойди, тебе говорят, похабный

ублюдок! — завывал Обжора Джо.

— Теперь мы по крайней мере знаем, что ему снится, — кисло пробормотал Дэнбар. — Ему снятся похабные ублюдки.

Под утро Обжоре Джо приснилось, что кошка Хьюпла спит у него на лице, не давая ему дышать, и, проснувшись, он обнаружил, что она в самом деле спит у него на лице, не давая ему дышать. Он издал душераздирающий полузадушенный вопль, который перекатывался несколько секунд в гулкой ночной тьме над притихшей эскадрильей, как отголоски зловещего, всесокрушающего грома. А когда стихло многократное эхо, в палатке началась бешеная, с хриплыми подвываниями возня.

Йоссариан подоспел туда одним из первых. Ввалившись в палатку, он увидел, что Обжора Джо неистово отбивается от Хьюпла, пытаясь высвободить руку с пистолетом, на которой тот повис, как въедливый клещ, чтобы Обжора Джо не пристрелил кошку, а кошка, утробно шипя, старается выдрать Обжоре Джо глаза, чтобы он не пристрелил Хьюпла. Оба были в солдатском нижнем белье. Голая, даже не матовая лампочка, висящая на электрическом шнуре, беспорядочно дрыгалась, и по палатке метались черные тени,

создавая безумную иллюзию, что сама палатка скачет вокруг расхристанной потасовки. Йоссариан инстинктивно отпрянул, чтобы его не сбили с ног, а потом стремительно бросился вперед и подмял под себя всех троих. Спустя минуту он встал, держа за шкирку в каждой руке по одному воителю — кошку Хьюпла и Обжору Джо. Враги ненавистно вытаращились друг на друга, и кошка Хьюпла с диким шипом оплевала Обжоре Джо физиономию, а он попытался ее нокаутировать.

— Поединок будет честный, — объявил Йоссариан, и сбежавшаяся на шум испуганная толпа разразилась в радостном облегчении приветственными криками. — Поединок будет честный, — повторил, выбравшись из палатки, Йоссариан, все еще держа за шкирку и кошку Хьюпла, и Обжору Джо, которые явно хотели разодрать друг друга в клочья. — Только когти, клыки и кулаки. Без всяких пистолетов, — предупредил он Обжору Джо. — И чтоб больше у меня не плеваться! — строго наказал он кошке. — Когда я отпущу вас, начинайте. Из клинча выходить без удара и снова сходиться без команды. Бой!

Вокруг бойцов собралась толпа измученных тревогой людей, жаждущих хотя бы на минутку отвлечься от своих забот, но кошка позорно

струсила и задала стрекача, едва Йоссариан ее отпустил. Обжора Джо был объявлен победителем. Он удалился в свою палатку, как увенчанный лаврами чемпион, гордо подняв голову со сморщенным лицом и выпятив тощую грудь. Победно улыбнувшись, он уснул, и ему приснилось, что кошка Хьюпла спит у него на лице, мешая ему дышать.

Глава тринадцатая
Майор… де Каверли

Передвинутая линия фронта не сбила немцев с позиций, но зато сбила с толку майора… де Каверли, который собрал вещмешок, получил в свое распоряжение самолет и, решив, что Флоренция тоже взята союзниками, отправился туда нанимать квартиры — одну для офицеров, другую для нижних чинов, — чтобы люди могли проводить в них краткосрочные отпуска. Он еще не вернулся, когда Йоссариан выпрыгнул через окно из палатки майора Майора, решительно не представляя себе, к кому же теперь обратиться за помощью.

Майор… де Каверли был величественным старцем с массивной головой и львиной гривой седых волос, обрамлявших его суровое патриаршее лицо словно метельная заверть. Следя за его деятельностью, майор Майор и доктор Дейника пришли порознь к одинаковому выводу, что начальник штаба в военно-воздушной эскадрилье обязан только нанимать туземных рабочих да арендовать квартиры, если не считать должностной обязанностью метание подков, в чем

он добился такого же совершенства, как в найме квартир и рабочих.

Всякий раз, когда становилось очевидно, что какой-нибудь крупный город вроде Рима, Неаполя или Флоренции будет вскоре занят союзниками, майор… де Каверли собирал вещмешок, получал в свое распоряжение самолет — причем получал, не сказав ни слова, а лишь указав на него морщинистым пальцем, но указав с такой повелительной непреклонностью, что никто не смел его ослушаться, — и улетал выполнять свои должностные обязанности. Дня через два после захвата города он возвращался в эскадрилью с документами на аренду двух роскошных квартир — для офицеров и нижних чинов, — в которых отпускники неизменно обнаруживали расторопно-приветливых служанок и поварих. А еще дня через два в крупнейших газетах мира появлялись фотографии американских воинов, штурмующих объятый дымным пламенем полуразрушенный город, и среди них всегда оказывался майор… де Каверли: он сидел, прямой, как шомпол, в неизвестно где добытой машине, глядя прямо вперед и не обращая внимания на взрывы снарядов, а справа и слева от него бежали вдоль пылающих домов или падали, сражен-

ные вражескими пулями, гибкие пехотинцы с карабинами наперевес. Он казался абсолютно неуязвимым, этот всемирно известный и глубоко почитаемый в эскадрилье Йоссариана суровый старец с обликом праведного властителя.

А для немецкой разведки он был досадной загадкой, ибо американские военнопленные недоуменно умолкали, когда их начинали допрашивать про этого престарелого седовласого офицера с грозным бугристым челом и царственно пронзительным взглядом, бесстрашно и успешно возглавлявшего, как представлялось немцам, любое крупное наступление союзнических войск. Американскому командованию его личность тоже казалась весьма загадочной, и целый полк матерых обэпэшников рыскал по передовой, пытаясь разузнать, кто он такой, а целый батальон искуснейших офицеров из отдела социальной рекламы всегда был в боевой готовности, чтобы прославить его на весь мир, как только он будет обнаружен и опознан.

В Риме майор… де Каверли превзошел самого себя. Офицеры, летавшие отдыхать небольшими группами из четырех или пяти человек, получили громадную квартиру с тремя просторными ваннами, стены которых были выложены пере-

ливчато-аквамариновой плиткой, и с отдельной комнатой о двух кроватях на каждого отпускника; а худенькая смешливая горничная по имени Микаэла, нанятая для них майором… де Каверли, содержала всю квартиру в идеальном порядке. Этажом ниже жили подобострастные хозяева, а этажом выше — две очаровательные богатые брюнетки с графским титулом, сноха и свекровь, желавшие только Нетли, который был слишком застенчив, чтобы этим воспользоваться, да Аафрея, который отказывался из пуританства, постоянно уговаривая их хранить верность мужьям, решившим остаться на севере, чтобы блюсти деловые интересы семьи.

— Они славные малютки, — с достоинством поведал Аафрей Йоссариану, который распаленно мечтал уложить этих славных богатых черноволосых малюток с молочно-белой кожей в свою постель обеих одновременно.

Унтер-офицеры и солдаты прибывали в Рим ненасытными бандами по двенадцать, а то и больше человек, запасшись тяжелыми коробками консервированной еды — чтобы служанки готовили ее огромными порциями на всех и подавали им в столовой той квартиры, которую снял для них майор… де Каверли на верхнем

этаже шестиэтажного кирпичного дома с вечно громыхающим лифтом. Их квартира была гораздо оживленнее офицерской. Туда наезжало больше народу, и поэтому там хлопотало больше женщин, нанятых обслуживать ораву отпускников, да к тому же у них всегда толклись туповато веселые, охотно готовые на все девицы, которых приводил к ним Йоссариан, и шлюхи, подхваченные самими солдатами, а потом оставленные там для всеобщего пользования — когда после изнурительного семидневного разгула солдаты отправлялись обратно на Пьяносу. Всем этим девкам предоставлялся в солдатской квартире стол и кров, пока им самим не надоедало. А взамен они должны были ублажать вновь прибывающих отпускников, что казалось им вполне естественным и справедливым.

Порой, завершив очередной раз боевые вылеты, туда начинал врываться каждые три-четыре дня Обжора Джо — измученный, одичавший, осипший, — прилетая в Рим на связном самолете. Он почти всегда ночевал в солдатской квартире. Никто не знал, сколько комнат снял для солдат майор… де Каверли, — даже дородная, с утра до вечера затянутая в корсет хозяйка квартиры, живущая на первом этаже, — но они занимали

весь шестой этаж и часть пятого, как выяснил однажды Йоссариан, потому что обнаружил служанку в желтовато-зеленых трусиках и с вечной шваброй в руках именно на пятом этаже, в комнате Снегги, завернув туда в день бомбардировки Болоньи, после того как Обжора Джо наткнулся на него поутру в одной из комнат офицерской квартиры, где он проводил время с Лючаной и поспешно сбежал, когда Обжора Джо ворвался к ним, онемело глянул на Лючану и помчался сломя голову за своим фотоаппаратом.

Служанка в желтовато-зеленых трусиках была жизнерадостной и на диво покладистой толстухой лет тридцати пяти, которая уступала каждому, кто этого хотел. Широколицая и невзрачная, она не имела решительно никаких предрассудков, а потому уступала каждому, кто этого хотел, невзирая на расу, цвет кожи, мировоззрение или место рождения, и даровала себя с радушным гостеприимством там и тогда, где и когда ее находили, причем не заставляла людей ждать, даже чтобы раздеться и отложить швабру или тряпку. Ее главная прелесть заключалась в ее абсолютной доступности: подобно какой-нибудь знаменитой горной вершине, она всегда была наготове, если на нее хотели залезть.

Йоссариан любил ее, потому что она была единственной женщиной в мире, с которой он мог спать, не страшась взбудоражить собственную чувствительность. Даже лысая девка из Сицилии пробудила в нем довольно сильное чувство — чувство сожаления и стыда.

Несмотря на бесчисленные опасности, угрожавшие майору… де Каверли при найме квартир, он был ранен лишь раз, когда возглавлял триумфальное шествие союзных войск на улицах открытого города Рима, где ему чуть не выбил глаз жалкий пьяный старикашка, который сначала метнул в него с близкого расстояния розу, а потом запрыгнул, словно облезлый черт, к нему в машину и, злонамеренно хихикая, ухватил без всякого почтения обеими руками его царственно седую голову, притянул ее к своему зловонному рту, обдал винно-чесночно-сырным перегаром, шутовски чмокнул в обе щеки, проворно спрыгнул на мостовую и скрылся среди ликующих горожан, рассыпая вокруг себя отрывистые, словно хриплое тявканье, смешки. Майор… де Каверли не дрогнув выдержал это страшное испытание. И обратился за врачебной помощью, только вернувшись на Пьяносу, после завершения своих дел в Риме.

Он твердо решил сохранить полноценное зрение и обязал доктора Дейнику сделать ему прозрачную повязку на глаз, чтобы метать подковы, нанимать рабочих и снимать квартиры, глядя по-прежнему зорко и в оба. Для любого человека в эскадрилье он был кумиром, хотя никто не решался ему об этом сказать. Заговорить с ним решился однажды только Мило Миндербиндер, который подошел через неделю после прибытия в эскадрилью к его площадке для метания подков и неожиданно сунул ему под нос крутое яйцо. Изумленный дерзостью Мило, майор… де Каверли осанисто распрямился и обратил к незваному гостю свое ужасающее всех лицо с уступчатым, как растрескавшийся утес над пропастью, лбом и хищным, словно клюв у громадного ястреба, носом, который неистово выдавался вперед, грозя истребить любого собеседника. Мило, однако, не отступил, а лишь выдвинул вперед, будто магический талисман, крутое яйцо. Гроза прошла стороной, и опасность постепенно миновала.

— Это что? — прервав грозовое молчание, вопросил майор… де Каверли.

— Яйцо, — ответствовал Мило.

— Какое?

— Крутое.

— Свежее?

— Свежей некуда.

— Откуда?

— Из-под курицы.

— А курица?

— С Мальты.

— И много на Мальте кур?

— Достаточно, чтоб нести яйца для всех офицеров нашей эскадрильи по пять центов за штуку из фонда столовой, — удостоверил Мило Миндербиндер.

— Я люблю свежие яйца, — признался майор… де Каверли.

— Если б у меня в распоряжении был самолет, — сообщил Мило Миндербиндер, — я мог бы летать на Мальту и доставлять сюда раз в неделю свежие яйца. Мальта ведь не так уж далеко.

— Мальта недалеко, — определил майор… де Каверли. — Вы, пожалуй, могли бы летать туда раз в неделю и доставлять сюда свежие яйца.

— Мог бы, — подтвердил Мило Миндербиндер, — если б кто-нибудь посчитал это полезным и выделил в мое распоряжение самолет.

— Я люблю яичницу из свежих яиц, — припомнил майор… де Каверли. — На свежем сливочном масле.

— В масле тут недостатка нет, — сказал Мило Миндербиндер. — Его можно покупать на Сицилии по двадцать пять центов за фунт. Это совсем недорого. В фонде столовой денег хватит и на масло, так что мы сможем выгодно перепродавать его в другие эскадрильи, а значит, получать почти бесплатно.

— Как тебя зовут, сынок? — спросил майор… де Каверли.

— Меня зовут Мило Миндербиндер, сэр. Мне двадцать семь лет.

— Ты хороший начальник столовой, Мило.

— Я не начальник столовой, сэр.

— Ты хороший начальник столовой, Мило.

— Благодарю вас, сэр. Я постараюсь быть хорошим начальником столовой.

— Да благословит тебя господь, мой мальчик. Возьми подкову.

— Благодарю вас, сэр. И что мне с ней делать?

— Швырни ее.

— Выбросить, сэр? Она вам надоела?

— Да нет, ее надо набросить на колышек. Это такая игра. Швырнешь подкову, набросишь ее на колышек, а потом снова подбираешь. Понятно, сынок?

— Понятно, сэр. И почем же идут подковы?

Аромат свежих яиц, аппетитно шипящих в озерце сливочного масла, поплыл над Средиземным морем и приманил к ним в эскадрилью генерала Дридла, который прилетел на Пьяносу, подгоняемый волчьим аппетитом, со своими всегдашними спутниками — зятем Мудисом и медсестрой. Поначалу генерал Дридл истреблял пищу только в столовой Мило Миндербиндера. Но потом три другие эскадрильи из полка Кошкарта тоже отдали свои столовые под начальство Мило, предоставив ему по самолету для рейсов за свежими яйцами и маслом. Самолеты Мило Миндербиндера бороздили небо семь дней в неделю, потому что офицеры всех четырех эскадрилий оказались ненасытными пожирателями свежих яиц. Генерал Дридл требовал свежие яйца к завтраку, обеду и ужину — а между трапезами подкреплялся свежими яйцами дополнительно, — пока Мило Миндербиндер не установил прочные связи с поставщиками свежей телятины, говядины, утятины, молодой баранины, свинины и окороков, омаров и креветок, спаржи и грибов, клубники и винограда, артишоков, пудингов и многих сортов мороженого. Остальные три полка из авиабригады генерала Дридла не мешкая послали на Мальту за свежими яйцами

собственные самолеты, но обнаружили, что яйца там продаются по семь центов за штуку. Пятицентовые яйца Мило были, естественно, гораздо выгодней, и командиры трех других полков тоже отдали под начальство Мило Миндербиндера все свои офицерские столовые, выделив ему по самолету с пилотом от каждой эскадрильи, чтобы он мог доставлять им те свежие продукты, которыми пообещал их снабжать.

Довольны были все, а особенно полковник Кошкарт, твердо уверенный, что получил лакомый подарок судьбы. Всякий раз, встречаюсь с Мило, он весело его приветствовал — и в припадке покаянной щедрости представил к повышению майора Майора. Но его рапорт был грубо отклонен в штабе Двадцать седьмой воздушной армии рядовым экс-первого класса Уинтергрином, приславшим ему анонимный разнос, в котором указывалось, что среди офицеров армии есть всего один майор Майор Майор Майор и лишаться его по прихоти полковника Кошкарта командование не намерено. Получив столь унизительный нагоняй, полковник Кошкарт гневно затаился, выражая в безмолвном укоре свою мятежную виновность. Майор Майор опять застрял у него в горле, как острая кость, и он решил немедленно

разжаловать его в лейтенанты.

— Едва ли у тебя это получится, — снисходительно усмехнувшись и наслаждаясь в душе, сказал ему подполковник Корн. — Для них ведь сейчас понизить его — все равно что повысить. И подумай, как глупо ты будешь выглядеть, если попытаешься разжаловать человека в лейтенанты, когда тебе не разрешили повысить его до подполковника, то есть дать ему мой чин.

Полковник Кошкарт попал в заколдованный круг. И ему вспомнилось, как легко он добился медали для Йоссариана, когда при осаде Феррары мост через По все еще стоял целехонький на седьмой день после добровольного обещания полковника Кошкарта уничтожить его за одни сутки, а Йоссариан не стал бомбить его при первом заходе. Девять раз в течение семи дней посылал полковник Кошкарт своих людей на бомбардировку моста, и ничего у них не получалось, пока Йоссариан не повел свое звено из шести самолетов на цель во второй раз, угробив Крафта и весь его экипаж. Это был десятый вылет за семь дней; Йоссариан хладнокровно решился на второй заход, ибо тогда был храбр. Он приник к прицелу и расчетливо выжидал безошибочного мгновения для сброса бомб и только потом,

оторвавшись от прицела, заметил, что кабину его самолета затопило зловещее оранжевое зарево. Сначала он подумал, что горят именно они. Но тут же увидел прямо над головой машину с дымно пылающим двигателем и заорал в переговорное устройство Маквоту — тот вел его самолет — взять круто влево. А секунду спустя у машины Крафта подорвали прямым попаданием крыло, и она, разваливаясь, ухнула вниз — сперва фюзеляж, вслед за ним крыло, — а потом по кабине над головой Йоссариана, взрезая неумолчно глухое грохотанье рвущихся вокруг зенитных снарядов, застукотели градинки металлических обломков…

На земле, подойдя в унылом оцепенении под угрюмыми взглядами однополчан к капитану Гнусу, чтобы передать ему материалы воздушной разведки, — капитан Гнус стоял возле дощатого, выкрашенного зеленой краской барака, где они проходили предполетный инструктаж, — Йоссариан узнал, что внутри его дожидаются для серьезного разговора полковник Кошкарт и подполковник Корн. На пороге барака стоял пепельно-серый майор Дэнби и немо, безжизненным взмахом руки отсылал всех других прочь. Йоссариан ощущал тяжкую усталость, и ему

хотелось сбросить с себя липкую от испарины одежду. Он вступил в инструктажную со смутным чувством растерянности, не зная, как отнестись к смерти Крафта и остальных, потому что они погибли на мучительно проклятом, безмолвно уединенном от живого мира перевале, где едва не сгинул он сам и где, верша свою изначально порочную правоту, вечно сталкиваются верность долгу и верность собственной жизни. А полковника Кошкарта истерзало однозначное негодование.

— Неужто дважды? — спросил он.

— В первый раз я бы промазал, — опустив голову, негромко ответил Йоссариан.

Их голосам вторило в низком дощатом бараке чуть слышное эхо.

— Так неужто дважды? — со сварливым недоверием повторил полковник Кошкарт.

— В первый раз я бы промазал, — повторил Йоссариан.

— Зато Крафт остался бы жив.

— И мост был бы цел.

— Опытному бомбардиру не приходится дважды заходить на цель, — напомнил Йоссариану полковник Кошкарт. — Остальные пять бомбардиров отбомбились при первом заходе.

— И промахнулись, — напомнил полковнику Кошкарту Йоссариан. — Нам пришлось бы лететь туда еще раз.

— Зато, возможно, удалось бы уничтожить мост при первом заходе.

— Или вообще не удалось бы.

— Но возможно, у нас не было бы тогда потерь.

— Или было бы гораздо больше, а мост, возможно, остался бы цел. Я считал, что вы дали нам задание уничтожить мост.

— Прекратите со мной пререкаться, — сказал полковник Кошкарт. — Мы все попали в серьезную передрягу.

— Я не пререкаюсь, сэр.

— А что же вы делаете?

— Вы правы, сэр. Виноват.

Полковник Кошкарт, с остервенением нажав ладонью одной руки на согнутые пальцы другой, громко хрустнул суставами. Подполковник Корн, низкорослый и рыхлый человек с округлым брюхом и смуглым от загара лицом, безмятежно сидел на одной из скамеек в первом ряду, вольготно вскинув руки и положив ладони на загорелую лысину. В его глазах за стеклами очков без оправы проблескивало тайное удовлетворение.

— Нам надо объективно оценить это происше-

ствие, — сказал он полковнику Кошкарту.

— Нам надо объективно оценить это происшествие, — мгновенно вдохновившись, сказал Йоссариану полковник Кошкарт. — Дело, разумеется, не в сантиментах. Мне наплевать на потери. Но как я напишу рапорт? Как представлю в выгодном свете этот прискорбный случай?

— А почему бы вам не дать мне медаль? — застенчиво поинтересовался Йоссариан.

— За промах при заходе на цель?

— Вы же наградили медалью Обжору Джо, когда он угробил самолет.

— А почему бы нам не отдать вас под суд? — с оттенком издевательского сочувствия хмыкнул полковник Кошкарт.

— Так при втором-то заходе я ведь не промахнулся! — запротестовал Йоссариан. — Разве вы не хотели, чтоб мы уничтожили мост?

— Мало ли чего я хотел! — раздраженно вскинулся полковник Кошкарт. — Разумеется, мне хотелось, чтоб вы его уничтожили. Он торчал у меня бельмом на глазу с тех самых пор, как я вызвался его разбомбить. Но почему вы не могли покончить с ним при первом заходе?

— У меня не хватило времени. Мой штурман не был уверен, что мы вышли к нужному городу.

— К нужному городу? — изумленно переспросил полковник Кошкарт. — Так вы хотите свалить всю вину на Аафрея?

— Нет-нет, сэр! Я сам виноват, что дал ему сбить меня с толку. Мне просто хотелось сказать, что у каждого бывают ошибки.

— Разумеется, у каждого, — проворчал полковник Кошкарт. А потом, словно бы отвечая на собственные мысли, неопределенно добавил: — И каждого можно заменить.

Возражений не последовало. Подполковник Корн лениво потянулся и, обращаясь к полковнику Кошкарту, сказал:

— Нам надо принять какое-то решение.

— Нам надо принять какое-то решение, — обращаясь к Йоссариану, сказал полковник Кошкарт. — А все из-за вас! Ну зачем вы полезли туда второй раз? Почему не отбомбились при первом заходе, как другие?

— В первый раз я бы промазал.

— А вам не кажется, что теперь *мы* пошли на второй заход? — насмешливо перебил их подполковник Корн.

— Так что же нам делать? — с отчаянием воскликнул полковник Кошкарт. — И эти еще там ждут!

— А почему бы нам и правда не дать ему медаль? — предложил подполковник Корн.

— За промах при заходе на цель? Ну за что, скажи на милость, его награждать?

— За второй заход, — раздумчиво ответил подполковник Корн и самодовольно усмехнулся. — Я полагаю, надо обладать недюжинным мужеством, чтоб решиться на второй заход, когда все остальные звенья кружат в стороне и некому отвлечь на себя хотя быть часть зенитного огня. А кроме того, мост-то он все-таки разбомбил. Это ведь беспроигрышный трюк — гордиться тем, чего следует стыдиться, — на нем еще никто не споткнулся.

— Ты думаешь, сработает?

— Не думаю, а уверен. Особенно если мы заодно произведем его в капитаны, чтобы все выглядело по-настоящему солидно.

— А может, это уж слишком?

— Почему же слишком? Играть надо наверняка. Да и какая разница, капитан он или лейтенант?

— Ладно, — решил полковник Кошкарт. — Дадим ему медаль за его храбрость при втором заходе на цель и произведем в капитаны.

Подполковник Корн взялся за фуражку.

— Уходят улыбаясь, — шутливо сказал он, обнял

Йоссариана за плечи и двинулся с ним к выходу из барака.

Глава четырнадцатая
Кроха Сэмпсон

К Достославной осаде Болоньи Йоссариан стал настолько храбрым, что решился вообще не заходить на цель, а поэтому, когда они поднялись в воздух, нажал кнопку включения ларингов и спросил Кроху Сэмпсона, который вел его самолет:

— Так что у нас неладно с машиной?

— Что с машиной? В чем дело? — пронзительно вскрикнул Кроха Сэмпсон, и Йоссариан похолодел.

— Что-нибудь с машиной? — в ужасе заорал он. — Надо выбрасываться?

— Я не знаю! — нервозно взвыл Кроха Сэмпсон. — Кто-то сказал, надо выбрасываться! Кто это? Кто это говорит?

— Это Йоссариан, бомбардир! Говорит бомбардир Йоссариан! Что с машиной? Ты сказал, что-то неладно с машиной?

— Да мне послышалось, это ты сказал, что-то неладно с машиной. У меня-то все ладно. У меня полный порядок.

Йоссариану стало худо. Полный порядок привел его в полное уныние, потому что у них не было причин возвращаться. Мучительно поколебавшись, он крикнул:

— Я тебя не слышу!

— У меня полный порядок!

Голубоватая, как тонкий фарфор, вода и серо-серебристые плоскости самолетов, отражая солнечные лучи, сияли слепящей белизной. Йоссариан ухватил пучок разноцветных проводов переговорного устройства и вырвал пружинный штекер из контактного гнезда.

— Я ничего не слышу! — крикнул он.

Он ничего не слышал. Прихватив планшет с картами и три своих бронежилета, он пробрался через узкий лаз в пилотский отсек. Нетли заметил его, когда он выбирался из люка позади Крохи Сэмпсона, и следил за ним краем глаза из кресла второго пилота с вымученной, бледной улыбкой. Он выглядел удивительно юным, застенчивым и хрупким в громоздких пилотских доспехах — каска со шлемофоном, ларингофон, бронежилет и парашют. Йоссариан склонился сзади к Крохе Сэмпсону.

— Я тебя не слышу! — крикнул он ему в ухо под ровный гул двигателей.

Кроха Сэмпсон удивленно оглянулся. У него было угловатое шутовское лицо с выгнутыми дугой бровями и щеточкой белесых усов.

— Что-что? — спросил он через плечо Йоссариана.

— Я тебя не слышу! — отозвался Йоссариан.

— Говори громче! — крикнул Кроха Сэмпсон. — Я тебя не слышу!

— Я тебя не слышу! — рявкнул Йоссариан.

— Ничего не поделаешь! — крикнул ему в ответ Кроха Сэмпсон. — Я ору изо всех сил!

— Я не слышу тебя по переговорному устройству! — завопил, теряя всякую надежду, Йоссариан. — Надо возвращаться!

— Из-за переговорного устройства? — недоверчиво прокричал Кроха Сэмпсон.

— Надо возвращаться! — остервенился Йоссариан. — Поворачивай, пока я не свернул тебе башку!

Кроха Сэмпсон, ища моральной поддержки, глянул на Нетли, но тот, не желая вмешиваться, отвел взгляд. Йоссариан был старше по званию, чем оба пилота. Строптиво помедлив, Кроха Сэмпсон с удовольствием сдался, и кабину огласил его торжествующий вопль.

— Так я же не против! — радостно заорал он

и весело засвистал на разные лады, топорща усы. — Нет-нет, сэр, старичок Сэмпсон вовсе не против! — Он еще немного посвистал, а потом крикнул в переговорное устройство: — Внимание, птенчики! Говорит адмирал Сэмпсон! Говорит адмирал Сэмпсон, орел воздушного адмиралтейства! Мы поворачиваем, цыплятки, **поворачиваем**, чтоб я треснул!

Нетли одним движением сдернул каску вместе со шлемофоном и начал жизнерадостно раскачиваться в пилотском кресле, словно милый малыш на своем высоком стульчике. Сержант Найт ссыпался в пилотскую кабину из пулеметного бронеколпака наверху и принялся ликующе хлопать их всех по спинам. Кроха Сэмпсон плавно отвалил от боевого строя, совершил неторопливый разворот с малым креном и взял курс обратно на Пьяносу. Вставив штекер переговорного устройства в одно из аварийных гнезд, Йоссариан услышал, как два хвостовых стрелка дуэтом горланят «Кукарачу».

Когда они приземлились, веселье, однако, мигом угасло. В самолете воцарилась неловкая тишина. Спускаясь на землю и залезая в джип, который уже поджидал их у взлетной полосы, Йоссариан смущенно молчал. По дороге в эс-

кадрилью никто из них не нарушал глубокое, гипнотическое безмолвие, окутавшее и море, и горы, и заросли кустарника вдоль шоссе. Чувство крайнего одиночества сгустилось вокруг них еще плотней, когда они свернули к палаткам. Йоссариан вылез из машины последним. Через минуту или две он вдруг обнаружил, что только его шаги да шелест шелковистого ветерка нарушают тягучий, словно дурман, покой над палатками почти безлюдной эскадрильи. Она казалась вымершей, и лишь доктор Дейника сидел возле закрытой медпалатки, как скорбный коршун на солнцепеке, в тщетной надежде, что жаркое солнечное марево подсушит наконец его вечно заложенный нос. Йоссариан знал, что купаться доктора Дейнику не заманишь. Доктор Дейника никогда теперь не ходил купаться: купаясь, человек мог потерять сознание или подвижность из-за сердечного приступа или закупорки вен и утонуть на мелководье у самого берега, его могло утащить в открытое море подводное течение, мог подкосить полиомиелит или менингит от переохлаждения или перенапряжения — да мало ли что могло с ним приключиться! Всеобщий страх перед Болоньей преобразился у доктора Дейники в еще более острую, чем обычно, тревогу о своей

безопасности. По ночам ему теперь постоянно мерещились бандиты.

В лиловатом сумраке штабной палатки Йоссариан заметил Белого Овсюга, который торопливо, но аккуратно крал виски из казенных запасов, подделывая подписи непьющих и разливая вожделенное пойло в отдельные бутылки, чтобы накачиваться им потом до бесчувствия — особенно если ему удавалось украсть достаточно много, прежде чем его спугивал капитан Гнус, воровавший виски для собственных нужд.

Джип негромко заурчал мотором и тронулся с места. Нетли, Кроха Сэмпсон и другие бесшумно разбрелись, незаметно скрывшись в знойной солнечной мгле. Фыркнув, укатил джип. Над Йоссарианом сомкнулась тяжкая первозданная тишина. Темная зелень отливала чернью, а все остальное казалось желтовато-гнойным. Прозрачный ветерок сухо шуршал листвой. Йоссариан ощущал тупую сонливость и тревожное беспокойство. Глаза у него смыкались, словно под веки ему насыпали золы. Он добрел до парашютной палатки с ее длинными столами из гладких досок, безуспешно пытаясь избавиться от назойливых, как безвредные, но надоедливые мухи, сомнений в собственной правоте. Оставив

на столе бронежилеты и парашют, он двинулся мимо цистерны с водой к разведпалатке, чтобы сдать летный планшет. Капитан Гнус, который дремал, по обыкновению взгромоздив тощие ноги на стол, спросил с вялым любопытством, почему они возвратились. Не удостоив его ответом, Йоссариан положил планшет на барьер и ушел.

В своей палатке он избавился от парашютной сбруи, а потом скинул с себя одежду. Орр должен был вернуться к вечеру — он проводил в Риме отпуск, полученный за вынужденную посадку на воду у берегов Генуи, где он утопил очередной самолет. Нетли наверняка уже собирал вещички, чтобы его сменить, радуясь вновь обретенной жизни и нетерпеливо предвкушая продолжение бесплодно тягостного романа со своей римской проституткой. Раздевшись, Йоссариан присел на койку передохнуть. Без одежды он почувствовал себя гораздо лучше. Его всегда стесняла одежда. Через несколько минут он надел чистые трусы, сунул ноги в тапочки и, перекинув через плечо серо-зеленое махровое полотенце, отправился на берег.

Тропинка огибала непонятно зачем оборудованную в лесу огневую точку; двое из троих прикомандированных к ней солдат спали на

мешках с песком, а третий ел буровато-багровый гранат, методично откусывая от него большие куски и смачно сплевывая жвачку из косточек в кусты. Когда он кусал, по его подбородку змеился темно-алый сок. Миновав огневую точку, Йоссариан снова углубился в лес, поглаживая время от времени свой живот, чтобы радостно ощутить его вполне реальную сущность. Между делом он вытащил из пупка набившийся туда одежный сор. Внезапно его поразило великое множество грибов, проклюнувшихся из-под сочной после дождей земли с обеих сторон тропинки, — их увенчанные тугими шляпками ростки так походили на мертворожденную плоть и торчали над влажной землей в таком изобилии, что вырастали, казалось, прямо у него на глазах. Они пестрели вокруг под нижними ветвями кустарника чуть ли не тысячами, зримо, как ему мерещилось, размножаясь и увеличиваясь в размерах. Суеверно вздрогнув, он брезгливо заторопился прочь и поспешно шагал, не глядя по сторонам, пока у него под ногами не захрустел песок, а жутенькая скороспелая поросль осталась позади. Тут он остановился и опасливо глянул назад, как бы предполагая, что мелкая мясистая нежить тайно крадется за ним по пятам или, сплотившись в

змееподобную массу, преследует его над землей по веткам деревьев.

Берег был пустынным. В спокойной тишине приглушенно журчал неподалеку полноводный от ливней ручей, шелестела за спиной Йоссариана листва и глухо шуршала высокая трава да негромко вздыхали у берега ленивые прозрачные волны. Прибой здесь всегда был слабый, вода прохладная и чистая. Йоссариан оставил одежду с полотенцем на прибрежном песке и шел навстречу медленным низким волнам, пока его не окатило по плечи. Впереди, почти сливаясь с линией горизонта, темнела, окутанная туманом, неровная полоска земли. Йоссариан лениво доплыл до плота, немного отдохнул и поплыл обратно. Возле берега, там, где в море выдавалась песчаная коса, он встал на ноги и несколько раз окунул лицо в зеленоватую воду, а потом, чувствуя себя освеженным и бодрым, лег у кромки прибоя лицом вниз на песок и спал, пока вернувшиеся из Болоньи самолеты не разбудили его могучим хоровым ревом моторов, от которого дрожала земля.

Он проснулся с легкой тяжестью в голове и нехотя открыл глаза на ввергнутый в привычный хаос мир, где царил сейчас идеальный

порядок. У него даже перехватило дыхание, когда он увидел над собой двенадцать шестерок самолетов, спокойно идущих в ровном боевом строю к аэродрому. Это было так неожиданно, что сначала он просто не поверил своим глазам. Невероятное, фантастическое зрелище — безукоризненный строй самолетов после тяжелого боевого задания: ни одной машины, рвущейся вперед на бешеном форсаже, чтобы срочно доставить в госпиталь раненых, ни одной безнадежно отставшей и едва дотягивающей до аэродрома из-за повреждений в бою. Ни один самолет не волочил за собой по небу дымного хвоста, и все до единого одновременно возвращались домой — все, кроме него. На мгновение он решил, что сошел с ума. Но потом вдруг понял, и короткий приступ горького хохота едва не завершился у него злобными рыданиями. Объяснение напрашивалось само собой: цель закрыли тучи и ему еще предстоял полет на Болонью.

Он ошибся. Солнце светило весь день, и бомбардировка состоялась. Это был плевый налет. Зенитная артиллерия не прикрывала Болонью.

Глава пятнадцатая
Птичкард и Краббс

Офицеры оперативного отдела капитан Птичкард с капитаном Краббсом, оба мягкие и покладистые, оба чуть ниже среднего роста и доверительно спокойные в разговорах, наслаждались каждым боевым вылетом, не требуя от жизни и полковника Кошкарта ничего, кроме возможности летать на боевые задания. Оба совершили множество боевых вылетов, и оба мечтали о множестве новых. Они назначали себя в каждую боевую операцию. Оба считали войну самым выдающимся событием в своей жизни и опасались, что ничего подобного на их долю потом уже не выпадет. Они выполняли свои обязанности молчаливо, скромно и без лишней суеты, никому не желая зла и стараясь жить со всеми в ладу. На их лицах всегда была готова вспыхнуть улыбка. Говорили они вполголоса и мучительно мямлили. Легко им было только друг с другом, этим жизнерадостным, осмотрительным и предупредительным офицерам, которые не смотрели людям в глаза, даже обращаясь к ним

с каким-нибудь делом, — никогда и никому, даже Йоссариану, обращаясь к нему с выговором по поводу его приказа Крохе Сэмпсону вернуться домой из-за неполадок в переговорном устройстве.

Они созвали собрание на открытом воздухе, и капитан Птичкард, тихий улыбчивый человек с темными редеющими волосами, неловко усмехнувшись, промямлил:

— Парни, — промямлил он, — вы это… вы, когда возвращаетесь из-за чего-нибудь с полдороги, — вы старайтесь, чтоб только из-за чего-нибудь серьезного. А не это… ну, например, не из-за переговорного устройства или там еще чего несерьезного. Ладно? А теперь капитан Краббс хочет вам кой-чего про это сказать.

— Капитан Птичкард, он это… он совершенно прав, вот что я хотел вам, парни, сказать, — промямлил капитан Краббс. — Мы, значит, добрались наконец сегодня до Болоньи, и оказалось, что там и защиты-то никакой нет. Ну а мы, конечно, все немного это… немного психовали и мало чего там уничтожили. Ну и вот, значит, а полковник Кошкарт, он получил для нас разрешение на еще один полет. И завтра, я считаю, мы снесем эти склады. Как вы думаете, парни?

Чтоб доказать свою непредвзятость, капитан

Птичкард с капитаном Краббсом, формируя экипажи для повторной бомбардировки Болоньи, назначили Йоссариана ведущим бомбардиром головного звена, дав ему в пилоты Маквота. Йоссариан самоуверенно попер вперед, как делал Хавермейер, — без уклоняющихся маневров — и у цели попал в кровавую баню.

От зенитных разрывов не было спасения. Его убаюкали, заманили в ловушку и прихлопнули крышкой кромешного огня, а когда он вышел на боевой курс, ему не оставалось ничего другого, как бездеятельно сидеть под плексигласовым колпаком и стараться не замечать багровые вспышки, вспухающие вокруг, чтоб его угробить. Ему не оставалось ничего другого — до сброса бомб, — как смотреть в прицел, где паутинное перекрестье наводки мучительно медленно совмещалось с точкой, которую он наметил для бомбометания: двориком перед фасадом первого из строений, за которым виднелись несколько других — складские помещения, выкрашенные так, что они казались обычными домами. Самолет полз на боевом курсе, неизменном по скорости, направлению и высоте; Йоссариана колотила мерная дрожь. Он слышал глухое, с перекатами громыханье почти одновременно

рвущихся снарядов и порой — отрывистый, резкий грохот отдельных, угрожающе близких разрывов. В его голове отчаянно мельтешилось множество самых разноречивых желаний, сливающихся в мольбу: ну скорей же, скорей, — обращенную к медленно ползущему самолету. Наконец тонкие паутинки в прицеле скрестились на выбранной им заранее точке, а автоматический бомбосбрасыватель послал к земле — одну за другой — восемь пятисотфунтовых бомб. Облегченную машину подбросило вверх. Йоссариан скособоченно перегнулся влево и, когда стрелка на индикаторе сброса бомб уткнулась в ноль, закрыл бомболюк, пронзительно выкрикнув:

— Резко вправо!

Маквот послушно выполнил команду. Он резко положил машину на крыло, увернувшись в отчаянно крутом вираже, так что двигатели неистово взвыли, от двойной радужно-огненной полосы едва не настигших их трассирующих снарядов, которые вовремя заметил Йоссариан. Довернув, Маквот, по команде Йоссариана, ввел самолет в набор высоты, и они упорно карабкались вверх, пока вдруг не вырвались на солнечный простор ослепительно голубого спокойного неба, затканного в отдалении кружевными узорами

серебристых, уплотняющихся к горизонту облачков. Приказав Маквоту прекратить набор высоты, Йоссариан, под свист воздушного потока, рассекаемого плексигласовым колпаком кабины, блаженно откинулся на спинку сиденья и, когда машина набрала скорость, послал Маквота влево и вниз, мимолетно с радостной гордостью глянув на целый букет зенитных разрывов, расцветший чуть выше и правей самолета — именно там, где они оказались бы, продолжая горизонтальный полет по прямой. Потом он вывел самолет из пике, рявкнул Маквоту: «Резко влево и вверх!», снова выровнялся и глянул на землю, где уже начали рваться их бомбы. Первая легла точно во дворик, а следующие — и его, и пятерки ведомых — аккуратно накрыли остальные строения каскадом быстрых оранжевых вспышек, под которыми дома мгновенно оседали, а на их местах космато вздымались исчерна-серовато-розовые шапки, зримо вздрагивающие, когда в их недрах вспыхивали багровые или серебристые молнии.

— Вот это да! — восхитился Аафрей, и на его округло пухлощеком лице ясно выразилась веселая зачарованность; он смотрел вниз, стоя рядом с Йоссарианом.

— А ну проваливай! — гаркнул Йоссариан,

позабывший, что тот ошивается рядом. — Проваливай из кабины в средний отсек!

Аафрей улыбнулся и компанейским жестом предложил Йоссариану поглядеть вниз. Йоссариан, хлопая его по плечу и даже легонько подталкивая в спину, настоятельно гнал его к зеву туннеля.

— Проваливай! — крикнул он. — Проваливай в средний отсек!

— Не слышу! — дружелюбно пожав плечами, громко крикнул ему Аафрей.

Йоссариан ухватил его за парашютную сбрую и резко подтолкнул к темному лазу, но тут самолет так страшно встряхнуло, что у Йоссариана на мгновение замерло сердце и как бы задребезжали внутри все кости. Он сразу решил, что всем им крышка.

— Круто вверх! — сообразив, что жив, скомандовал он в следующее мгновенье Маквоту. — Круче, ублюдок! Круче! КРУЧЕ!

С надсадным воем самолет полез вверх и лез — на полной мощности двигателей, — пока Йоссариан не гаркнул Маквоту, чтоб тот перешел в горизонтальный полет, а потом послал его в крутой вираж, выполненный Маквотом с сорокапятиградусным креном, так что Йоссариана чуть

не вывернуло наизнанку, и он, полуоглохший, как бы почти бесплотный, выровнял Маквота, чтоб опять загнать в поворот — на этот раз левый — и послать круто вниз. Маквот вошел в крутое пике — Йоссариан потерял и дыхание, и вес, — а машина с воем понеслась к земле сквозь черные призрачные завихренья дыма, липнущие к прозрачному колпаку кабины, словно сырая сатанинская сажа к ничем не защищенным щекам Йоссариана. Сердце у него неистово стучало, сжимаясь на переменах режима от боли, а он все посылал, посылал Маквота — то вверх, то вниз, то вправо, то влево, — уворачиваясь от слепящих вспышек снарядов, которые взрывались, чтоб его убить, а потом, когда он успевал проскочить, расплывались по небу вялыми кляксами. Выступающая у него на шее испарина ручейками стекала по груди и спине, подобная тошнотно тепловатой слизи. Один раз он мимолетно и смутно подумал, что давно растерял пятерку ведомых, а потом уж думал только о себе. Горло он ощущал как ссохшуюся рану, раздираемую до крови каждой командой, которую он истошно выкрикивал Маквоту. Всякий раз, как тот менял направление, гул моторов превращался в рев — оглушительный, надсадный, выматываю-

щий душу. А впереди, явно на многие мили, их спокойно ждали садисты зенитчики, заранее пристрелявшиеся к любой высоте. Внезапно перед ними, чуть ниже кабины, с грохотом взорвался очередной снаряд, вздыбивший, почти опрокинувший самолет, и Йоссариана окутал голубоватый дым. *Горим,* с ужасом подумал Йоссариан. Он резко повернулся, чтоб нырнуть в спасительный лаз, и наткнулся на Аафрея со спичкой в руке, который безмятежно раскуривал трубку. Йоссариан потрясенно вытаращил глаза на своего пухлощекого улыбающегося штурмана. Кто-то из них, без сомнения, спятил.

— Господи боже мой! — воскликнул Йоссариан, в мучительном изумлении глядя на Аафрея. — Проваливай к дьяволу! Ты что — псих? Проваливай к чертовой матери из кабины!

— Что? — доброжелательно спросил Аафрей.

— Уматывай отсюда! — истерически взвыл Йоссариан и начал беспорядочно молотить Аафрея по пухлым плечам и жирной груди. — Уматывай из кабины, тебе говорят!

— Я ничего не слышу! — простодушно заорал тот с выражением недоуменного укора на лице. — Говори громче, я ничего не слышу!

— Уматывай из кабины! — завопил Йоссари-

ан. — Выбирайся к люку! Нас пытаются уничтожить! Неужели непонятно? Нас пытаются уничтожить!

— Курс, так тебя к дьяволу и не так! — заорал в переговорное устройство Маквот срывающимся голосом. — Куда мне идти?

— Резко влево! Влево, паскудник! Резче, пакостный поганец! РЕЗЧЕ!

Аафрей подполз вплотную к Йоссариану и ткнул его в ребра черенком своей трубки. Болезненно вскрикнув, Йоссариан отпрянул, но сразу же ухитрился встать на колени — белый как полотно и трясущийся от злости. Аафрей ободрительно ему подмигнул, потом указал большим пальцем на Маквота и презрительно осклабился, не поворачивая головы.

— А этот чего психует? — со смешком спросил он.

Йоссариану почудилось, что ему снится сон, нелепый и жуткий. Он умоляюще завопил:

— Ты уберешься отсюда в средний отсек?! — и яростно пхнул Аафрея к туннелю. А потом, истошно, Маквоту: — ВНИЗ!

И они опять ринулись к земле сквозь грохочущий, визгливый, шипящий свист разлетающихся при взрывах раскаленных осколков, но Аафрей

опять подобрался к Йоссариану и снова ткнул его в ребра трубкой. Йоссариан всхлипнул и попытался вскочить.

— Я так и не расслышал, о чем ты мне говорил! — пригнувшись к нему, прокричал Аафрей.

— Я говорил — проваливай! — взвизгнул Йоссариан, и по его щекам покатились слезы. Он принялся злобно молотить Аафрея — изо всех своих сил и обоими кулаками, — но только по корпусу. — Проваливай отсюда! Проваливай, слышишь?

Молотить Аафрея было так же легко — или, вернее, так же бессмысленно, — как слабо надутый резиновый мешок. Кулаки почти не встречали сопротивления в его непробиваемо пухлом теле, и вскоре Йоссариан окончательно отчаялся, а руки у него беспомощно опустились. Он ощутил унизительное бессилие и едва не разрыдался от жалости к себе.

— Так о чем ты мне говорил? — спросил его Аафрей.

— Проваливай, — умоляюще промямлил Йоссариан. — Проваливай отсюда в средний отсек!

— Я опять ничего не слышу!

— Не слышишь — и не надо. Оставь меня в покое, — простонал Йоссариан.

— Чего не надо? — спросил Аафрей.

Йоссариан принялся молотить себя по лбу. Потом ухватил Аафрея за рубаху, поднялся для тягового усилия на ноги, оттащил Аафрея от пилотских кресел и пхнул его к черной дыре туннеля, как дряблый, но тяжелый и неуклюжий мешок. Когда он возвращался к лобовому стеклу, мимо его уха просвистел осколок, мгновенно прошивший кабину насквозь, и Йоссариан, напрягая остатки соображения, удивился, почему их всех не убило. Самолет опять набирал высоту. Двигатели ревели с мучительной натугой, кабину наполнял удушливый чад и запах перегретого машинного масла. *А потом ее словно бы захлестнула метель!*

Тысячи обрывков белой бумаги кружили, как снежные хлопья, по кабине — причем столь густо, что когда он моргал, то ощущал ресницами их кружащийся хоровод, а когда вдыхал, они назойливо липли к уголкам его губ или крыльям носа. В изумлении оглянувшись, он разглядел Аафрея, с горделивой, от уха до уха улыбкой поднявшего кверху, чтоб Йоссариан увидел, пачку пробитых осколком карт: осколок едва не задел и Аафрея, так что он возомнил вдруг себя героем, а поэтому излучал идиотский восторг.

— Вот это номер! — гордо прокаркал он, тыча в Йоссариана два пухлых пальца сквозь неровную дырку одной из карт, продранной осколком. — Вот это номер!

Йоссариан был огорошен его безумием. Он походил на неистребимого пухлого великана, от которого невозможно убежать или спрятаться — как в страшной сказке и кошмарном сне, — Йоссариан боялся его по многим причинам, но сейчас он был чересчур утомлен и взвинчен, чтобы обдумывать каждую отдельно. Ветер, врываясь в маленькие пробоины, оставленные осколком на потолке и в полу, кружил по кабине мириады белых клочков, казавшихся в своем бесконечном кружении неподвижными, раз и навсегда застывшими, подобно маленьким белым вкраплениям в стеклянном прессе для бумаг на столе, что придавало их вкруговую остекленной кабине навеки замерший, нереальный вид. Все в ней виделось безмолвно кричащим, недвижимо хаотичным и причудливо призрачным. Голова у Йоссариана болезненно ныла от пронзительного, как звук бормашины, зудения. Неожиданно он понял, что это голос Маквота, ввинчивающийся ему в уши из наушников шлемофона, — Маквот с остервенением требовал курс. Но Йоссариан

ошалело и немо рассматривал щекасто лунообразное лицо Аафрея с широкой, бессмысленно невозмутимой ухмылкой, обрамленное неподвижным бумажным бураном, и думал, что тот, очевидно, спятил… но вдруг он увидел справа от самолета восемь почти одновременных взрывов и сразу вторую такую же очередь скорострельной зенитки и, слева, третью: они попали в пристрелочную вилку.

— Резко влево! — рявкнул Йоссариан, тут же забыв об ухмылке Аафрея, и Маквот мгновенно выполнил команду, но зенитчики предвосхитили их ответный маневр и тоже перенесли огонь резко влево, и Йоссариан принялся рявкать, как автомат: — Резче! Резче! Резче, ублюдок! РЕЗЧЕ, РЕЗЧЕ, РЕЗЧЕ, РЕЗЧЕ!

Маквот, почти перевернувшись через крыло, бросил самолет в немыслимый вираж, и заградительный огонь внезапно угас — они чудом вырвались. Их не убили.

Но другие еще не ушли от смерти. Растянувшись в небе на многие мили, то теряющие, то вновь обретающие строй среди ослепительных и тускло-багровых и расплывшихся сероватo-черных шаров, многие поврежденные еще при подходе, самолеты начинали боевой курс —

гиблую прямую для бомбометания, — рвались, сквозь вспышки новых разрывов и дымные кляксы старых, к цели, похожие в своих стремительных прорывах, кажущихся летчикам медлительно бесконечными, на стайки крыс в безумной побежке среди массы взвихренных ветром с земли округлых катышков собственных экскрементов. Одна машина, объятая пламенем, тянула вперед, отстав от строя, наподобие гигантской мерцающей звезды. Через несколько секунд она накренилась и пошла неровными кругами на снижение, волоча за собой, словно тяжкий шлейф, длинный хвост багрового пламени, затемняемого клочьями черного дыма. Внезапно к земле устремились парашюты — один… второй… третий… четвертый… — а потом машина сорвалась в штопор, рухнула на землю и быстро сгорела, коробясь, как обрывок оберточной бумаги, в пышном зареве своего погребального взрыва.

Йоссариан равнодушно вздохнул. Его работа на сегодня была завершена. Липкий от испарины, он обессиленно слушал успокоительный гул моторов — Маквот завис на малой скорости, чтобы подтянулись ведомые. Внезапное спокойствие вокруг казалось неестественным и странным,

даже слегка зловещим. Йоссариан расстегнул бронежилет и снял каску. Потом вздохнул еще раз и закрыл глаза, пытаясь расслабиться. Но тут в его наушниках, включенных на внутреннюю связь, прозвучал чей-то вопрос:

— А где Орр?

Йоссариан привскочил и хрипло вскрикнул, пораженный мыслью о единственно, как он считал, возможном объяснении убийственного огня над не защищенной раньше Болоньей — Орр! Торопливо подавшись вперед, он глянул поверх прицела вниз, чтобы отыскать взглядом самолет Орра, который притягивал зенитную артиллерию словно магнит и стянул сегодня к Болонье все отборные батареи Германа Геринга, где бы они, треклятые, ни таились вчера, когда Орр был в Риме. Почти одновременно с Йоссарианом вперед нагнулся и Аафрей, стукнув его по переносице твердым ободком каски. Йоссариан мгновенно ослеп от слез и, зажмурившись, принялся матюгать Аафрея.

— Вон он, — перебив Йоссариана, с театральной скорбью объявил тот и указал драматическим жестом вниз, на большой воз сена и пару лошадей, стоящих у сарая возле фермерского дома из серого камня. — Разбился, бедняга, вдребезги. Их

всех уж нет.

Обложив Аафрея еще раз, Йоссариан открыл глаза и, холодея от сочувственного ужаса, продолжал искать взглядом самолет своего соседа по палатке — крохотного деятельного чудика с заячьими зубами, который раскроил однажды над столом для пинг-понга Эпплби лоб, а теперь вот, пропав, сводил с ума Йоссариана. Однако вскоре Йоссариан разглядел далеко внизу двухмоторный бомбардировщик — он медлительно вынырнул из-за леса и полз над желтеющим полем. Один пропеллер у него неподвижно застыл с развернутыми по ветру лопастями, что не мешало Орру постепенно набирать высоту и тянуть вперед верным курсом.

Йоссариан вознес нечленораздельную благодарность господу, а потом принялся неистово проклинать Орра, ощущая громадное облегчение и радостную злость.

— Ну, недоросток! — зычно зарокотал он. — Ну, растреклятое отродье крысенка, чтоб ему провалиться, щекастому, вонючему, краснорожему, кучерявому золоторучнику, так его распротак!

— Что? — спросил Аафрей.

— Да щекастый, говорю, пучеглазый, психованный, поганый недомерок с заячьим грызлом,

чтоб его расклямчило, смехунчика позорного, так и эдак!

— Чего-чего?

— Неважно!

— Я тебя не слышу! — прокричал Аафрей.

Йоссариан неторопливо повернулся и смачно зарокотал ему в лицо:

— Ну ты…

— Я?

— Ты, ты — чванливый, жирный, самодовольный, великодушный…

Аафрей невозмутимо чиркнул спичкой и начал шумно раскуривать трубку — не человек, а воплощенное спокойствие и всепрощение. Он дружелюбно улыбнулся и хотел что-то сказать, но Йоссариан, прижав ладонь к его полуоткрытому рту, устало оттолкнул его, а потом закрыл глаза и до самого аэродрома притворялся, что спит. Ему было тошно слушать и видеть Аафрея.

Доложив капитану Гнусу данные воздушной разведки, Йоссариан остался вместе со всеми на аэродроме и заглушал тревогу ожидания пустопорожней болтовней, пока из-за леса не вынырнул с надсадным ревом самолет Орра, героически ползущий на одном движке. Все затаили дыхание. Как только Орр посадил самолет

— на брюхо, потому что шасси у него, конечно же, заклинило, — Йоссариан спер первый попавшийся джип с не вынутым из замка зажигания ключом и помчался в эскадрилью, чтобы собрать вещи, а потом затребовать внеочередную увольнительную для отдыха в Риме, где он встретился вечером с Лючаной и вскоре увидел ее шрам.

Глава шестнадцатая
Лючана

Он обнаружил Лючану в офицерском клубе союзнических войск, и ее спутник, пьяный майор из австралийско-новозеландского корпуса, дал ему возможность с ней познакомиться, потому что ушел, дурак, к своим приятелям у стойки, которые пели там хором какую-то похабщину.

— Потанцевать с вами я не откажусь, — сказала Лючана, прежде чем Йоссариан успел открыть рот, — но в постель вам затащить меня не удастся.

— А кому это нужно? — спросил Йоссариан.

— Вы не хотите уложить меня в постель? — с удивлением воскликнула Лючана.

— Да и танцевать с вами не хочу.

Она взяла его за руку и повела на танцевальную площадку. Танцевать она умела еще хуже, чем он, но отдавалась музыке с таким естественным удовольствием, какого он никогда ни у кого не видел, и они отплясывали лихой джиттербаг под завывание музыкального автомата, пока у Йоссариана не начали подкашиваться ноги, и

тогда он утащил ее с танцевальной площадки, чтобы сесть за столик, где подвыпившая девица, которая по всем статьям была словно бы предназначена для него судьбой, сидела в распахнутой атласной блузке, обняв Аафрея, и вела нарочито постельный разговор с Хьюплом, Орром, Крохой Сэмпсоном и Обжорой Джо. Когда они уже подходили к этой теплой компании, Лючана вдруг резко толкнула Йоссариана, так, что их обоих пронесло мимо, и они сели за соседний столик одни. Высокая, пышногрудая и грубоватая, но удивительно миловидная и кокетливая, Лючана весело сказала:

— Пообедать с вами я не откажусь, но в постель вам затащить меня не удастся.

— А кому это нужно? — с удивлением спросил Йоссариан.

— Вы не хотите уложить меня в постель?

— Да и обедом вас кормить не хочу.

Она вывела его на улицу, и они спустились в подвальчик со множеством хорошеньких, явно давно знающих друг дружку девиц, которые весело щебетали, обращаясь к своим спутникам — слегка смущенным роскошной обстановкой офицерам из самых разных стран. В этом ресторане получали продукты с черного рынка,

кормили посетителей шикарно и задорого, а завсегдатаями тут были скоробогатые, весело возбужденные молодцы, все, как на подбор, лысоватые, дородные и решительные. Здесь царила атмосфера развратного уюта и порочной непринужденности.

Йоссариана поразило, как откровенно Лючана перестала его замечать, управляясь — обеими руками — с едой. Она ела, словно рабочая лошадь, пока не опустела последняя тарелка, а потом, отложив нож и вилку, будто бы по завершении первостепенно важного дела, откинулась на спинку стула в дремотной радости блаженного, но краткого пресыщения. На губах у нее сонно заиграла ласковая полуулыбка, она удовлетворенно вздохнула и окинула Йоссариана любовным взглядом искристо-темных глаз.

— Ну что ж, Джо, — лучась благодарностью, промурлыкала она, — теперь тебе, пожалуй, удастся уложить меня в постель.

— Йоссариан, а не Джо, — сказал Йоссариан.

— Ну что ж, Йоссариан, — чуть виновато усмехнувшись, отозвалась Лючана, — теперь тебе, пожалуй, удастся уложить меня в постель.

— А кому это нужно? — спросил Йоссариан.

— Ты не хочешь уложить меня в постель? —

ошарашенно воскликнула Лючана.

Йоссариан, хохоча, кивнул и мгновенно запустил руку ей под юбку. Она вздрогнула и отпрянула. Потом, смятенно закрасневшись, поправила юбку, искоса огляделась и добродетельно, с опасливой снисходительностью проговорила:

— Теперь ты можешь уложить меня в постель. Но здесь ведь нет постели, так что не сейчас.

— Я понимаю, — сказал Йоссариан. — Когда мы придем ко мне.

Лючана покачала головой, глядя на него с явным недоверием и плотно сжав колени.

— Нет, — сказала она, — сейчас я должна идти домой, к маме, потому что моя мама не позволяет мне танцевать в клубах с военными, а потом принимать от них угощение и будет очень сердиться, если я не явлюсь вечером домой. Но ты можешь дать мне свой адрес, и я приду к тебе завтра утром перед работой в моей французской конторе, и мы заберемся с тобой в постель. Capisci?[5]

— Ничего себе! — разочарованно буркнул Йоссариан.

— Почему ничего? Мне тоже будет хорошо.

Йоссариан громко расхохотался и добродушно

---

[5] Примечания: 5
Понимаешь? *(итал.)*

сказал:

— Ну а мне будет хорошо, если я провожу тебя сейчас, куда б ты ни надумала отправиться, хоть к черту в зубы, а потом успею перехватить Аафрея, пока он не увел из клуба свою девицу: мне ведь надо, чтоб она подумала насчет какой-нибудь подружки или, может, тетушки под стать ей самой.

— Come?[6]

— Subito, subito,[7] — мягко поддразнил он Лючану. — Мама ждет.

— Si, si. Мама ждет.

Йоссариан покорно шел рядом с ней по улицам вешнего Рима, и минут через пятнадцать они оказались на суматошной автобусной станции, где вспыхивали желтые фары, мелькали красные огоньки стоп-сигналов, надрывались автомобильные гудки и хрипло раскатывалась душераздирающая ругань небритых шоферов, которые проклинали на чем свет стоит и друг друга, и пассажиров, а еще страшней — пешеходов, невозмутимо пробирающихся через площадь по своим делам и замечающих автобусы, только чтобы обложить шоферов ответными проклятиями,

---

[6] Примечания: 6
Чего? *(итал.)*

[7] Примечания: 7
Быстрей *(итал.)*.

когда те подталкивали их в спины бамперами своих машин. Йоссариан распрощался с Люча-ной у маленького зеленого автобуса, а сам почти бегом отправился обратно к ночному клубу, надеясь еще застать там крашеную блондинку в оранжевой, расстегнутой до пояса блузке и с затуманенным взглядом. Она, похоже, увлеклась Аафреем, и Йоссариан возносил на бегу молит-вы, чтобы у нее нашлась для него аппетитная тетушка или подружка, а может, сестра или мать, которая была бы столь же распутной и поро-чной. Лучше-то всего ему подошла бы она сама — развратная, распатланная, вульгарная, грязная потаскуха, — именно о такой мечтал он многие месяцы. Он считал ее идеалом. Она платила за себя в кабаках, у нее была машина и квартира, а на пальце она носила кольцо с розовым камнем, которое приводило Обжору Джо в блаженный экстаз из-за мастерски вырезанных на камне нагих фигурок юноши и девушки. Увидев кольцо, Обжора Джо мигом начал истекать слюной, рыть копытами пол и храпеть, и скулить, и молить, но она отказалась его продать, хотя Джо предлагал ей все их наличные деньги и в придачу свой дорогой фотоаппарат. Ее не интересовали деньги и фотоаппараты. Ее интересовал блуд.

Вернувшись, Йоссариан обнаружил, что она уже ушла. Все они уже ушли, и он побрел в мрачном унынии по темным, пустеющим улицам к офицерской квартире. Ему редко бывало одиноко наедине с собой, но сейчас он был одинок в едкой зависти к Аафрею, который наверняка уже лежал в постели с вожделенной для Йоссариана девкой, а главное, мог, если б только пожелал, заполучить в любую минуту — хоть вместе, хоть порознь — обеих стройных, неимоверно шикарных аристократок, живущих над их квартирой и возбуждающих, как никто другой, сексуальные фантазии Йоссариана. Он любил их всех, пробираясь по ночным улицам, до безумия — и смешливую Лючану, и распутную пьяную девку в расстегнутой блузке, и прекрасных темноволосых богатых графинь с чуткими влажно-алыми губами, сноху и свекровь, которые никогда не стали бы с ним кокетничать, а уж прикоснуться к ним, по их желанию, он даже и не мечтал. Они шаловливо ластились к Нетли и преданно льнули к Аафрею, а Йоссариана почитали психом и презрительно, с оскорбительным ужасом отшатывались от него, когда он делал им на лестнице непристойные предложения или пытался любовно их приласкать. Это были высшие,

недосягаемые существа с плотными, яркими, юрко заостренными язычками и жаркими, многообещающими ртами, похожими на сочные, сладостно перезрелые сливы. В них безошибочно угадывался высший шик; Йоссариан не очень хорошо понимал, что такое высший шик, но это было как раз то, чего не было у него, и обе графини, как он чувствовал, прекрасно видели его ущербность. Он представил себе на ходу их белье — матово-черное или опалово-переливчатое, отороченное дорогими кружевами, шелковистое и невесомое, но плотно облегающее их гибкие, соблазнительные тела и напоенное томительным, одурманивающим ароматом изнеженной плоти, — его чуть не задушил этот мучительный аромат, и ему опять захотелось оказаться на месте Аафрея, который грубо ласкал сейчас похотливую, ненасытную, распутную шлюху, использующую его, чтобы удовлетворить свою жадную чувственность, а потом забыть о нем и никогда не вспоминать.

Но к приходу Йоссариана Аафрей уже вернулся, и Йоссариан вытаращился на него с тем же мучительно злобным недоумением, какое он ощутил утром в самолете над Болоньей, когда тот злокозненно и упрямо и устрашающе торчал

рядом с ним в кабине самолета.

— А ты что тут делаешь? — спросил он.

— Вот-вот, спроси у него, что он тут делает! — в ярости промычал Обжора Джо.

Театрально застонав, Кроха Сэмпсон приставил к виску воображаемый пистолет и спустил курок, размозжив себе череп. Хьюпл, чавкая жевательной резинкой, допивал остатки спиртного, которое нашлось в квартире, и на лице у него застыла невинная обида обманутого в лучших надеждах пятнадцатилетнего юнца. А наслаждающийся всеобщим волнением Аафрей самодовольно расхаживал по комнате и неторопливо выбивал о ладонь чубук своей трубки.

— Так ты что — не пошел к ней домой? — спросил его Йоссариан.

— Как это не пошел? — отозвался тот. — Уж не думаешь ли ты, что я отпустил ее блуждать по улицам одну?

— И она тебя выставила?

— Как это выставила? — Аафрей с достоинством хмыкнул. — Она меня просила остаться, будь спокоен. Да только старина Аафрей не так воспитан, чтоб набрасываться на приличных девушек, когда они немного перепьют. Уж не думаешь ли ты, что я насильник?

— Насильник?! — изумленно взревел Йоссариан. — Да ей же до смерти хотелось с кем-нибудь переспать! Она только об этом весь вечер и трепалась!

— Потому что немного перепила, — объяснил ему Аафрей. — А я ей кое-что растолковал, и она пришла в себя.

— Ну, выродок! — воскликнул Йоссариан, обессиленно плюхнувшись рядом с Крохой Сэмпсоном на диван. — Почему ж ты, поганец, кому-нибудь из нас-то ее не оставил, раз она тебе не нужна?

— Вот-вот, — подхватил Обжора Джо. — Что-то с ним неладно, верно?

Йоссариан кивнул и окинул Аафрея любопытным взглядом.

— Послушай-ка, Аафрей, — сказал он. — А ты вообще-то с ними когда-нибудь спал?

— Будь спокоен, — снова самодовольно хмыкнув, уверил его Аафрей. — Спал, и не меньше твоего. Да только я никогда не трогаю достойных девушек. У меня нюх на достойных девушек, и я никогда их не трогаю, понял? А она вполне приличная девчушка. У нее обеспеченные родители, ты же знаешь. И я, между прочим, добился, чтоб она выбросила свое кольцо — прямо из окна

машины, когда мы ехали к ней домой.

— Что-что? — возопил Обжора Джо, подпрыгнув высоко в воздух от непереносимой муки. — Повтори, что ты сделал, мразь! — Едва не плача, он принялся лупить Аафрея по груди и плечам обоими кулаками. — Да я тебя сейчас убью, греховодная сволочь! Он извращенец, вот он, оказывается, кто! Извращенец, да и все тут. Разве нет?

— Злостный извращенец, — подтвердил Йоссариан.

— О чем вы, парни, толкуете? — с искренним удивлением спросил Аафрей, неловко полуприкрывая лицо пухлыми плечами. — Да уймись же ты, Джо! — кротко взмолился он. — Перестань, пожалуйста, меня колотить!

Но Обжора Джо махал кулаками, пока Йоссариан не утащил его из комнаты. Кое-как успокоив Джо, он устало ушел к себе, разделся и уснул. А спустя мгновение настало утро, и кто-то принялся трясти его за плечо.

— Зачем ты меня будишь? — злобно захныкал он.

Это была Микаэла, худенькая горничная с жизнерадостным нравом и невзрачным лицом, которая разбудила его, потому что к нему при-

шли. Лючана! — с радостной недоверчивостью подумал он. А когда за Микаэлой закрылась дверь, Лючана осталась с ним наедине — миловидная, крепкая, статная и вся вибрирующая от неистощимо пылкой энергии, хотя, как только Микаэла ушла, она сразу же замерла и нахмурилась, устремив на него сердитый взгляд. Этакая юная великанша в изящном зеленом платье, из-под которого виднелись могучие, словно колонны, но стройные ноги в белых летних сапожках на каблуках-рюмочках, великанша с огромной плоской сумкой из белой кожи в сильных руках — сумкой-то она и треснула его по роже, когда он выскочил из постели, чтобы ее облапить. Ошеломленно отшатнувшись, так что второй раз она его не достала, он в изумлении прижал ладонь к пылающей щеке.

— Свинья! — презрительно прошипела Лючана, и ее ноздри гневно затрепетали от свирепого негодования.

Гортанно, с обидным пренебрежением обругав его, она распахнула все три высоких окна, и душную комнату мигом освежил искристо солнечный, как бодрящий душ, вешний воздух. Она положила свою сумку на стул и принялась наводить порядок — собрала его разбросанную

повсюду одежду, покидала нижнее белье, носки и носовые платки в один из пустых ящиков комода, а рубашки и брюки аккуратно повесила в платяной шкаф.

Йоссариан выскочил за дверь и ринулся в ванную. Он вымыл руки и почистил зубы, сполоснул физиономию и наскоро причесался. А прибежав обратно, увидел аккуратно убранную комнату и почти раздевшуюся Лючану. Она уже не хмурилась. Ее серьги лежали на комоде, а сама она, босая и в короткой розовой комбинации из искусственного шелка, подходила к кровати. На мгновение остановившись, Лючана хозяйственно огляделась, как бы проверяя, все ли убрано, потом откинула одеяло, юркнула в постель и уютно улеглась, похожая на дожидающуюся ласки кошку. С хрипловатым, словно мурлыканье, смешком она подозвала к себе Йоссариана молчаливым кивком головы.

— Ну вот, — нетерпеливо раскрывая ему объятия, прошептала она, — теперь ты можешь лечь со мной в постель.

Она быстренько наврала ему про одну-единственную ночь с женихом, которого вскоре убили, потому что он служил в итальянской армии, и эта ложь, как сразу же понял по ее неопытности

Йоссариан, оказалась правдой…

Он закурил сам и прикурил вторую сигарету для нее. Она с восхищением разглядывала его ровный загар. А свою короткую комбинацию с узкими бретельками снимать отказалась. Комбинация скрывала шрам у нее на спине, который она не пожелала ему показать, хотя и призналась, что не снимает комбинацию именно из-за него. А когда Йоссариан осторожно ощупывал его сквозь комбинацию кончиком пальца — неровно зарубцевавшийся, протянувшийся от лопатки до поясницы, — все ее тело напряглось, как стальная струна. Йоссариан с ужасом представил себе мучительные ночи, проведенные ею под наркозом или в бессонных страданиях, на больничной койке, припомнил неистребимый, всепроникающий запах эфира, гниющей плоти, экскрементов и хлорки, шорох резиновых подошв и белые халаты медсестер, гулкие ночные коридоры с тускло тлеющими до рассвета жутковатыми светильниками — и содрогнулся. Ее ранило во время воздушного налета.

— Где? — спросил он по-итальянски и тревожно затаил дыхание, боясь услышать ответ.

— Napoli.[8]

— Немцы?

— Americani.[9]

У него екнуло сердце, и он почувствовал, что любит ее. И, не раздумывая, сделал ей предложение.

— Tu sei pazzo,[10] — мило рассмеявшись, проговорила она.

— Почему сумасшедший? — удивился он.

— Perché non posso sposare.[11]

— Почему на тебе нельзя жениться?

— Потому что я не девственница, — сказала она.

— А кого это интересует?

— Да кто на мне женится? Кому нужна невеста, если она не девственница?

— Мне нужна. Я на тебе женюсь.

— Ma non posso sposarti.[12]

---

[8] Примечания: 8
Неаполь *(итал.).*

[9] Примечания: 9
Американцы *(итал.).*

[10] Примечания: 10
Ты сумасшедший *(итал.).*

[11] Примечания: 11
Потому что мне нельзя жениться *(итал.).*

[12] Примечания: 12
Я не могу выйти за тебя замуж *(итал.).*

— Почему ты не можешь выйти замуж?

— Perché sei pazzo.[13]

— Почему я сумасшедший?

— Perché vuoi sposarmi.[14]

Йоссариан недоуменно нахмурился и с добродушной насмешкой спросил:

— Так ты, значит, не хочешь выйти за меня замуж, потому что я сумасшедший, а сумасшедший я потому, что хочу на тебе жениться, да?

— Si.

— Tu sei pazza![15] — громко сказал он.

— Perché?[16] — возмущенно вскрикнула она и резко села, так, что ее упругие круглые груди затрепетали под тонкой комбинацией, словно в припадке гневного возмущения. — Почему это я сумасшедшая?

— Потому что не хочешь выйти за меня замуж.

— Stupido![17] — заорала она и размашисто

---

[13] Примечания: 13
Потому что ты сумасшедший *(итал.).*

[14] Примечания: 14
Потому что хочешь на мне жениться *(итал.).*

[15] Примечания: 15
Ты сумасшедшая! *(итал.)*

[16] Примечания: 16
Почему? *(итал.)*

[17] Примечания: 17
Глупый! *(итал.)*

шлепнула его тыльной стороной ладони по груди. — Non posso sposarti! Non capisci? Non posso sposarti![18]

— Конечно, понимаю. А почему ты не можешь выйти за меня замуж?

— Perché sei pazzo!

— Да почему сумасшедший?

— Perché vuoi sposarmi.

Стало быть, потому что хочу на тебе жениться. Carina, ti amo,[19] — сказал он и нежно потянул ее вниз. — Ti amo molto.[20]

— Tu sei pazzo, — польщенно пробормотала она.

— Perche?

— Так ты же сказал, что любишь меня. А разве можно полюбить не девственницу?

— Можно. Если нельзя на ней жениться.

Лючана оскорбленно привскочила, готовая задать ему трепку.

— Почему это на мне нельзя жениться? — угро-

---

[18] Примечания: 18

Я не могу выйти за тебя замуж! Не понимаешь? Не могу выйти за тебя замуж! *(итал.)*

[19] Примечания: 19

Дорогая, я люблю тебя *(итал.)*.

[20] Примечания: 20

Очень тебя люблю *(итал.)*.

жающе воскликнула она. — Только потому, что я не девственница?

— Да нет, вовсе не поэтому, милая, успокойся. Но разве можно жениться на сумасшедшей?

Она было опять возмутилась, но потом поняла и, опустив голову на подушку, жизнерадостно расхохоталась. А потом окинула его одобрительным взглядом, и ее смуглые щеки расцветились жарким румянцем, а глаза чувственно затуманились. Йоссариан торопливо загасил обе их сигареты, и они молча прильнули друг к другу в упоительном поцелуе — как раз когда Обжора Джо, бесцельно слонявшийся по квартире, не постучав, отворил дверь, чтобы предложить Йоссариану отправиться с ним на поиски девочек. Увидев их, он остолбенел, но тут же опомнился и стремительно выскочил за дверь. Йоссариан еще стремительней выскочил из кровати и стал орать Лючане, чтоб она немедленно одевалась. Лючана огорошенно молчала и не двигалась. Тогда он рывком выволок ее за руку из-под одеяла и толкнул к стулу, на который она повесила свою одежду, а сам метнулся к двери и попытался захлопнуть ее перед носом у Обжоры Джо, уже подбегавшего к ней по коридору с фотоаппаратом в руках. Но тот успел выставить вперед ступню,

и дверь не захлопнулась.

— Пустите меня! — судорожно извиваясь и корчась, возопил он. — Пустите меня! — Его надрывные вопли огласились нотками истошной мольбы. Потом он умолк и замер, глядя в щель на Йоссариана с обольстительной, как ему казалось, улыбкой. — Моя не Обжора Джо, — пылко объявил он. — Моя великий фотограф из шикарный американский журнал. «Лайф» знаешь? Шикарный большой снимок на шикарная большая обложка! Пусти, Йоссариан, и я сделаю из тебя шикарная большая кинозвезда. Голливуд знаешь? Много-много чав-чав! Много-много чпок-чпок!

Тут Обжора Джо на мгновение отступил, чтобы сфотографировать одевающуюся Лючану, и Йоссариан захлопнул дверь. Обжора Джо с маниакальным неистовством набросился на прочную деревянную преграду, потом ненадолго притих для мобилизации всех своих сил, а потом с новым неистовством ринулся вперед. В перерывах между атаками Йоссариан исхитрился натянуть на себя одежду. Лючана тоже надела свое зелёное платье, и при мысли о том, что она исчезает под платьем навеки, Йоссариана охватило жалобное отчаяние. Он поманил ее к себе и страстно обнял.

В ответ она всем телом прильнула к нему и замерла. Йоссариан принялся романтически целовать ее закрытые глаза, и она уже чувственно замурлыкала, когда Обжора Джо, собрав последние силы, снова обрушил свое тщедушное тело на дверь и едва не сбил их с ног. Йоссариан оттолкнул Лючану и бешено заорал:

— Vite! Vite![21] Запихивайся в свое шмотье!

— Про что это ты треплешься? — удивленно спросила Лючана.

— Скорей! Да скорей же! Одевайся, тебе говорят!

— Stupido! — огрызнулась она. — Vite — это по-французски. А по-итальянски — subito. Понимаешь?

— Si, si. Понимаю. Subito! Скорей!

— Si, si, — послушно откликнулась она и побежала надевать сережки и сапожки.

Обжора Джо прекратил свои бешеные атаки и принялся снимать их сквозь дверь — Йоссариан явственно слышал щелканье фотозатвора. Когда они оба оделись, он подождал нового натиска и резко распахнул дверь. Обжора Джо стремительно ввалился в комнату и плюхнулся на пол, будто

---

[21] Примечания: 21
Скорей! *(франц.)*

лягушка. Йоссариан торопливо проскользнул мимо него к выходу и, ведя за собой Лючану, поспешно выбрался из квартиры на лестницу. С дробным стуком и громким хохотом устремились они по ступеням вниз, изнеможенно склоняя друг к другу головы, когда у них перехватывало от смеха дыхание и они на секунду приостанавливались, чтобы прийти в себя. Внизу им встретился Нетли, и они мигом перестали смеяться. Он был осунувшийся, чумазый и несчастный. Галстук у него съехал набок, мятая рубаха неопрятно топорщилась, а руки он засунул в карманы. Его, казалось, унизили и довели до отчаяния.

— В чем дело, парень? — сочувственно спросил Йоссариан.

— Да опять я, понимаешь, промотался, — со смущенной и горестной улыбкой ответил Нетли. — Просто не знаю, что мне теперь делать.

Йоссариан тоже не знал. Нетли провел последние тридцать два часа — по двадцать долларов за час — со своей любимой бесчувственной шлюхой, истратив до последнего гроша и собственное офицерское жалованье, и все деньги, которые присылал ему ежемесячно его богатый щедрый отец. А это значило, что он не сможет проводить с ней время. Она запрещала ему идти рядом, когда

подыскивала на улицах других клиентов-военных, и впадала в ярость, заметив, что он тащится за ней поодаль. Он, конечно, мог дежурить возле ее жилья, но у него не было уверенности, что она туда вернется. Да она и не разрешила бы ему к ней зайти, если б он не заплатил. Секс без оплаты ее не интересовал. Нетли, впрочем, хотел просто увериться, что она не подцепила какого-нибудь его знакомого или совсем уж грязного поганца. Капитан Гнус, например, всегда покупал ее, оказавшись в Риме, чтобы травить потом Нетли рассказами о том, как он с ней спал и какие унизительные непотребства заставлял ее совершать.

Лючану растрогал несчастный Нетли, но на улице она снова жизнерадостно расхохоталась, потому что с неба ласково светило ясное солнышко, а вывесившийся из окошка Обжора Джо потешно зазывал их вернуться и раздеться, утверждая, что он фотограф из журнала «Лайф». Лючана весело топала по асфальту каблучками и тащила за собой Йоссариана с той же безудержно простодушной радостью, какую она излучала на танцевальной площадке, а потом каждую минуту, пока они были вместе. Йоссариан прибавил шагу и, поравнявшись с ней, обнял ее за талию, но, когда они подошли к оживленной улице, она

решительно отстранилась и, вынув из сумки зеркальце, пригладила волосы и подкрасила губы.

— Почему ты не попросишь у меня мой адрес и фамилию, чтоб записать их на листке бумаги и встретиться со мной, когда снова будешь в Риме? — спросила она.

— А и правда, почему б тебе не дать мне свой адрес и фамилию, чтоб я их записал? — согласился Йоссариан.

— Почему? — воинственно воскликнула она, сверкнув глазами и презрительно усмехнувшись. — Да потому что ты ведь небось разорвешь листок и выбросишь, как только я уйду!

— С чего бы это мне его выбрасывать? — озадаченно запротестовал Йоссариан. — Про что ты, собственно, толкуешь?

— Обязательно выбросишь! — упрямо повторила Лючана. — Разорвешь на мелкие клочки да и выбросишь, как только я уйду, а сам будешь потом чваниться, будто важная шишка, что вот, мол, молодая красивая девушка вроде меня спала с тобой без всяких денег.

— А сколько ты хочешь денег? — спросил Йоссариан.

— Stupido! — с искренним негодованием вскричала она. — Да не нужно мне от тебя никаких

денег! — Она топнула ногой и гневно взмахнула рукой, так что у Йоссариана мелькнуло опасение, не собирается ли она снова треснуть его по физиономии сумкой. Но она вместо этого написала на листке бумаги свой адрес и сунула ему в руку. — Вот, — с горькой язвительностью сказала она и закусила чуть дрожащую нижнюю губу. — Значит, не забудь. Не забудь разорвать его, как только я уйду.

Потом она ясно улыбнулась, на мгновение прижалась к нему, с сожалением шепнула: «Addio»[22] — и ушла.

Как только она скрылась из глаз — преисполненная неосознанного достоинства и естественной грации юная великанша, — Йоссариан разорвал ее листок на мелкие клочки и отправился в другую сторону, ощущая себя до изумления важной шишкой, потому что красивая молодая девушка вроде нее спала с ним без всяких денег. Он был доволен собой, пока не осознал, безотчетно оглядевшись, что сидит за завтраком в столовой Красного Креста среди нескольких дюжин военных из самых разных стран, а Лючаны с ним нет, и неожиданно их утренняя встреча

---

[22] Примечания: 22
Прощай *(итал.).*

заслонила для него весь мир. Он даже подавился, сообразив, что бесповоротно потерял ее гибкое, статное, юное нагое тело вместе с обрывками записки, которую она дала ему при прощании, а он в чудовищном самодовольстве разорвал на мелкие клочки и преступно выбросил в сточную канаву. Его уже мучила острая тоска по ней. Ему хотелось остаться с нею наедине, а вокруг сидело множество безликих военных со скрипучими голосами, и, порывисто вскочив, он побежал обратно к офицерской квартире в надежде найти обрывки выброшенной записки, но их уже смыл из брандспойта поливавший улицу дворник.

Ему не удалось отыскать ее тем вечером ни в ночном клубе союзнических войск, ни в шикарном душном притоне с весело щебечущими красотками и плывущими, словно по волнам, над головами посетителей деревянными подносами, на которых громоздились изысканные блюда из продуктов прямо с черного рынка. Ему даже этого притона не удалось отыскать. А ночью, когда он лежал один в своей кровати и его мучили кошмары, ему приснилось, что он снова уходит над Болоньей из-под зенитного обстрела, а за плечами у него в бомбардирской кабине устрашающе торчит гнусно ухмыльчивый Аа-

фрей. Наутро он бросился разыскивать Лючану по всем французским конторам, которые сумел обнаружить в Риме, потому что, обещая прийти к нему перед работой, она упомянула про французскую контору, но никто не понимал там, о чем он толкует, и тогда, задерганный полубезумными самообвинениями до такой степени, что ему было страшно остановиться, он помчался, убегая от собственного страха, в солдатскую квартиру, где его утешила приземистая служанка в буром свитере, темной юбке и желтовато-зеленых трусиках, на которую он наткнулся, а вернее, упал в комнате Снегги на пятом этаже. Снегги был еще жив, и Йоссариан понял, что попал именно в его комнату, по фамилии на голубом парусиновом саквояже, об который он запнулся, рванувшись в творческом озарении бешеной муки к приземистой служанке с пыльной тряпкой в руках. Он едва не упал, и она радушно приняла его на себя и, отступая под его тяжестью, повалилась на кровать, а пыльная тряпка у нее в руке вознеслась над ними, как знамя…

Когда все было кончено, он сунул ей в руку сколько-то денег, и она благодарно его обняла, и они упали на кровать, а когда все было кончено снова, он опять сунул ей в руку сколько-то денег

и торопливо отступил к двери, чтобы на этот раз она уже не успела его обнять. Добравшись до офицерской квартиры, он быстро собрал свои отпускные пожитки, оставил Нетли все не истраченные во время отпуска деньги и вернулся с транспортным самолетом на Пьяносу, чтобы извиниться перед Обжорой Джо за утреннюю сцену, когда он не дал ему сфотографировать Лючану. Однако извиняться Йоссариану не пришлось, потому что Обжора Джо был в лучезарнейшем настроении без всяких извинений. Его широченная, от уха до уха, ухмылка могла значить только одно, и Йоссариану сразу стало худо.

— Сорок боевых вылетов, — не дожидаясь вопроса Йоссариана, радостно объявил тот. — Полковник опять издал новый приказ.

Йоссариану показалось, что его треснули пыльным вещмешком по голове.

— Так у меня-то уже тридцать два, чтоб оно все провалилось, — простонал он. — Еще три вылета, и я бы свое отлетал.

— Полковник требует сорок боевых вылетов, — равнодушно пожав плечами, сказал Обжора Джо.

Йоссариан смел его, будто пушинку, с дороги и ринулся в госпиталь.

Глава семнадцатая
Солдат в белом

Йоссариан ринулся в госпиталь с твердым намерением лучше проваляться там всю жизнь, чем совершить хотя бы один боевой вылет сверх своих тридцати двух. Через десять дней, когда он передумал и вернулся в эскадрилью, полковник повысил число боевых вылетов до сорока пяти, и Йоссариан ринулся обратно в госпиталь с твердым намерением лучше проваляться там всю жизнь, чем совершить хотя бы еще один вылет сверх тех шести, которые он налетал, вернувшись.

Йоссариану ничего не стоило лечь в госпиталь на лечение из-за его печени и глаз, потому что врачи не могли определить, в каком состоянии у него печень, и не могли смотреть ему в глаза, когда он говорил им, в каком состоянии у него печень. Он с удовольствием терпел госпитальную жизнь, пока к нему в палату не попадал по-настоящему тяжелобольной. Его организм был настолько крепок, что он без труда переносил чью-нибудь малярию или, скажем, простуду.

Тонзиллитники не причиняли ему после операции особых неудобств, а больные с удаленными геморроидальными шишками или грыжей вызывали у него легкий приступ отвращения и тошноты. Но большего он вынести не мог, и ему приходилось выписываться. Он прекрасно отдыхал в госпитале, поскольку там надо было просто лежать. Единственное, что от него требовалось, — это умирать или выздоравливать, а поскольку он поступал туда вполне здоровым, то мог тянуть с этим сколь угодно долго.

В госпитале было неизмеримо лучше, чем над Болоньей или Авиньоном, особенно когда за штурвалами его самолета сидели Хьюпл с Доббзом и в хвостовом отсеке умирал Снегги.

В госпитале было гораздо меньше больных, чем за его стенами, а тяжелобольные туда и вообще почти не попадали. Процент смертности был там куда ниже, чем в других местах, да и умирали там куда гигиеничней. Почти никто, например, не умирал в госпитале напрасно. Медики неплохо научились бороться со смертью, и делали это весьма профессионально. Окончательно победить ее они, конечно, не могли, но призвать к порядку умели. Она знала у них свое место. Изгнать из госпиталя ее было невоз-

можно, но вела она себя вполне пристойно. В госпитале люди испускали дух с достоинством и без грубого, отвратительно обнаженного натурализма, столь частого в миру. Их не раздирало на куски взрывами, как Крафта или мертвеца из палатки Йоссариана, они не замерзали до смерти под ослепительным летним солнцем, подобно Снегги, который замерз до смерти, выплеснув на Йоссариана все, что у него было сокровенного, в хвостовом отсеке самолета.

— Мне холодно, — стонал Снегги. — Мне холодно.

— Ничего, ничего, — пытался утешить его Йоссариан. — Ничего, ничего.

Под присмотром врачей люди не исчезали таинственным образом в прозрачном облачке, как Клевинджер, и не рассеивались над землей прахом при артобстреле. Их не сжигали молнии, не гробили обвалы в горах, не рубили на куски заводские механизмы. Их не убивали грабители, не приканчивали насильники, не запарывали ножами друзья или враги, не расчленяли топорами дети или родители, не уничтожали беспощадные природные катаклизмы, мор, обжорство и голод. Люди благопристойно исходили кровью на операционных столах или смирно задыхались,

получив кислородную подушку. У них не было обыкновения играть в коварную игру «утром здесь — к ночи там» или бесследно исчезать прямо на глазах, как за пределами госпиталя, им не грозили гибельные наводнения и смертельные засухи. Дети здесь не попадали под грузовики, не задыхались в родительских холодильниках или, с помощью родителей, в собственных колыбелях. Никто не умирал от зверских побоев. Никто не совал голову в духовку газовой плиты, предварительно открыв газ, не кидался под колеса поездов подземки и не выпрыгивал из окон гостиниц, чтобы устремиться к земле с ускорением тридцать два фута в секунду за секунду и публично шмякнуться на тротуар, подобно розовато-кровавому, облепленному человечьими волосами куску клубничного мороженого, из которого криво торчат перешибленные кости.

Все это частенько заставляло Йоссариана прятаться в госпиталь, хотя и там, конечно, отнюдь не все ему нравилось. Госпитальные порядки, если им подчиняться, надоедливо и порой совершенно бессмысленно ограничивали его свободу, а врачебная помощь нередко оборачивалась бестактной назойливостью. Поскольку госпиталь предназначался для больных и ра-

неных, Йоссариан не всегда мог рассчитывать на молодых приятных соседей по палате, да и с развлечениями в госпитале было негусто. Кроме того, приходилось признать, что чем дольше длилась война, тем хуже становилась госпитальная жизнь, а по мере приближения к передовой с ее боевыми мерзостями катастрофически ухудшались и пациенты. Они делались все увечней и увечней, а завершил этот неостановимый процесс, когда Йоссариан очередной раз удрал на лечение, солдат в белом, который по состоянию здоровья мог только умирать, что он вскоре и сделал.

Это был горизонтальный марлево-гипсовый кокон с темной дырой, под которой предполагался рот, и медсестры мисс Крэймер и мисс Даккит украшали его два раза в день термометром, пока однажды вечером мисс Крэймер не обнаружила, посмотрев на термометр, что украшение ему больше ни к чему, поскольку он умер. Теперь-то Йоссариан считал, оглядываясь назад, что солдат в белом отправился на тот свет по вине мисс Крэймер, а не техасца, ведь если б она не доложила, глянув на термометр, о своем открытии врачам, то солдат в белом мог бы по-прежнему лежать на койке, загипсованный и упрятанный в бинты

от макушки до кончиков пальцев на странных негнущихся и бесполезных руках и ногах, которые были задраны у плечей и бедер к потолку с помощью стальных тросов и поразительно длинных свинцовых противовесов, угрожающе застывших над неподвижным туловом. Возможно, такое существование не походило на полнокровную жизнь, но другой у него не было, и мисс Крэймер, по мнению Йоссариана, едва ли имела право решать, как с ней поступить.

Солдат в белом напоминал неразвернутый рулон бинта с дырой или осколок мола на мелководье в порту с кривым обломком цинковой трубы. Он был водворен к ним под покровом ночи, тайком, и все, кроме техасца, с сочувственным отвращением старались его не замечать. Они собирались в дальнем углу палаты и негромко, но возмущенно негодовали, судача о нем, потому что он был оскорбительным и недопустимо ярким напоминанием о тошнотворной правде, которая вызывала у них болезненную ненависть. Больше всего они опасались его стонов.

— Я просто не знаю, что сделаю, если он начнет стонать, — горестно говорил лихой летчик-истребитель с золотистыми усиками. — Его ведь и ночь, наверно, не уймет, потому что как он

определит время?

Пока солдат в белом лежал у них в палате, он не издал ни звука. Размухренная круглая дыра над его ртом без каких бы то ни было признаков губ, десен, зубов или языка казалась бездонной и непроглядно-черной. Близко, правда, подходил к нему только душевный техасец, который подходил к нему несколько раз на дню, чтобы поболтать про добавочные голоса для достойных избирателей, и неизменно начинал разговор с двух дежурных фраз: «Ну так что, парень, скажешь? Как жизнь?» Остальные пациенты в вельветовых госпитальных халатах и заношенных фланелевых пижамах избегали их обоих, мрачно раздумывая про себя, кем был солдат в белом, почему он к ним попал и как выглядел под гипсовой оболочкой.

— Он в полном порядке, ребята, — бодро объявлял им техасец после очередного дружеского визита. — Вы по внешности-то не судите, внутри он прекрасный парень. Ему просто неудобно из-за того, что он с вами незнаком и не может поговорить. А вы бы подошли сами да и представились. Он ведь вас не укусит.

— Что за хрень ты нам тут несешь? — угрюмо спросил его однажды Дэнбар. — Он же ничего не

соображает.

— Прекрасно соображает. С ним же все в порядке. И он вовсе не дурак.

— По-твоему, он тебя слышит?

— Не знаю, слышит он меня или нет, но прекрасно понимает, про что я толкую.

— Ну а дыра-то у него надо ртом действует?

— Вот уж дурацкий вопрос, — обеспокоенно сказал техасец.

— А если не действует, так откуда ты знаешь, что он дышит?

— И почему это именно *он?*

— Есть у него прокладка между гипсом и глазами?

— Шевелит он когда-нибудь пальцами на руках или ногах?

— Ну что опять за дурацкие вопросы? — с растущим беспокойством пробормотал техасец. — Вы что, ребята, сдурели или отроду пустомели? Вам бы подойти да и познакомиться с ним — он же прекрасный парень!

Солдат в белом больше походил на стерилизованную мумию, чем на прекрасного парня. Мисс Крэймер и мисс Даккит содержали его в идеальной чистоте. Они чистили ему бинты щеточкой и дезинфицировали гипсовые доспехи

мыльной водой, а темную цинковую трубку доводили до глянцевого блеска с помощью пасты для полировки металла. Они протирали влажными полотенцами черные резиновые шланги, ведущие к двум закрытым стеклянным сосудам — у тумбочки и на высокой специальной стойке возле кровати, — один из которых, верхний, наполнял солдата в белом через отверстие на руке в бинтах прозрачной жидкостью, а другой, нижний, стоящий у тумбочки на полу и почти незаметный, служил для стока. Стеклянные сосуды были всегда хрустально чистыми. Обе медсестры гордились солдатом в белом, словно домашней утварью. Особенной заботливостью отличалась мисс Крэймер, хорошо сложенная, не возбуждающая желаний девушка с милым, цветущим и мило интересным лицом. У нее был правильный носик, а на искрящихся румянцем щеках красовались очаровательные, ненавистные Йоссариану веснушки. Она сердечно сочувствовала солдату в белом. Ее огромные, добродетельно-голубые глаза очень часто, но всегда совершенно неожиданно источали гигантские слезы, что вызывало у Йоссариана ядовитую злобу.

— Ну и какой же умник вам сказал, что внутри там кто-нибудь есть? — спрашивал он мисс

Крэймер.

— Не смейте так со мной разговаривать! — возмущенно отзывалась она.

— И все же кто вам сказал-то? — не отставал Йоссариан. — И почему вы думаете, что там именно он?

— Кто «он»?

— Да тот, кого упрятали под этот гипсовый панцирь. Может, вы и рыдаете-то вовсе не о нем. Откуда у вас уверенность, что он живой?

— А вы чудовище! Ложитесь немедленно на койку и прекратите отпускать про него ваши шуточки.

— Так я вовсе не шучу. Там же может быть кто угодно. Например, Трупп.

— О чем вы говорите? — Голос у мисс Крэймер дрожал.

— Да-да, вполне вероятно, что это мертвец.

— Какой такой мертвец?

— Мертвец из моей палатки, от которого никто меня не может избавить. Про него известно только, что он Трупп.

— Скажите ему, чтоб он прекратил говорить такие ужасы! — повернув побледневшее лицо к Дэнбару, взмолилась мисс Крэймер.

— Возможно, там вообще никого нет, — с готов-

ностью пришел ей на помощь Дэнбар. — Возможно, эти бинты принесли сюда ради шутки.

— Вы сумасшедшие! — крикнула, со страхом отступая, мисс Крэймер. — Оба сумасшедшие!

Появившаяся в это мгновение мисс Даккит разогнала их по своим койкам, а мисс Крэймер поменяла солдату в белом прозрачные сосуды. Менять ему сосуды было совсем не трудно, потому что одна и та же прозрачная жидкость снова и снова вливалась в него изо дня в день. Когда верхний сосуд почти пустел, нижний наполнялся почти до краев, и надо было, отсоединив шланги, быстро поменять их местами, чтобы вливание продолжалось непрерывно. Поменять солдату в белом сосуды было нетрудно — что и делали медсестры приблизительно через каждый час или около того, — трудно было без удивления на это смотреть.

— Почему бы им не соединить сосуды напрямик? — поинтересовался однажды артиллерийский капитан, с которым Йоссариан отказался играть в шахматы. — Для чего им нужен переходник?

— Хотел бы я знать, чем он это заслужил? — грустно спросил младший лейтенант с укусом комара на заднице и малярийной инфекцией в

крови, когда мисс Крэймер, посмотрев на градусник, обнаружила, что солдат в белом умер.

— Наверно, согласием воевать, — предположил летчик-истребитель с золотистыми усиками.

— Мы все согласились воевать, — напомнил ему Дэнбар.

— Так об этом-то я и говорю! — воскликнул младший лейтенант с малярийной инфекцией в крови. — Почему именно он? Где тут, спрашивается, логика наград и наказаний? Возьмите, к примеру, меня. Если б за пять минут наслаждения я подхватил сифилис или триппер, а не эту проклятую малярию, тогда, пожалуй, можно было бы говорить про справедливость. А малярия-то здесь при чем? Вы только подумайте — малярия как возмездие за блуд! — Младший лейтенант в немом изумлении покачал головой.

— Или взять меня, — включился Йоссариан. — Я вышел однажды вечером в Марракеше из палатки, чтобы купить себе плитку шоколада с орехами, и подхватил предназначенный тебе триппер, когда девица из Женского вспомогательного батальона, которую я раньше никогда не видел, заманила меня в лес. Мне хотелось шоколаду, а что я получил?

— Да, похоже, ты действительно подхватил мой

триппер, — согласился младший лейтенант. — Но ведь и я мучаюсь чьей-то чужой малярией. Хотелось бы мне, чтоб хоть раз все стало на свои места и каждый получил по заслугам. Тогда нам было бы, наверно, легче примириться с этим миром.

— А мне достались чьи-то чужие триста тысяч долларов, — признался лихой летчик-истребитель с золотистыми усиками. — Я всю жизнь валял дурака. Кое-как кончил колледж и с тех пор только тем и занимался, что морочил головы милым девочкам, которые надеялись превратить меня в хорошего мужа. Я всегда плевал на честолюбие. И все, что мне нужно после войны, — это жениться на девочке, у которой будет больше денег, чем у меня, и морочить потом головы другим милым девочкам — важно только, чтоб их было как можно больше. А триста тысяч долларов оставил мне, еще до моего рождения, дед, нажив-ший состояние на торговле всяким дерьмом в международном масштабе. Я знаю, что получил эти деньги не по праву, но лучше удавлюсь, чем кому-нибудь их отдам. И все же интересно, кто на самом-то деле их заслужил?

— Возможно, мой отец, — сказал Дэнбар. — Он всю жизнь вкалывал до седьмого пота и не мог послать нам с сестрой ни цента, когда мы учи-

лись в колледже. Он уже умер, так что оставь свои деньги при себе.

— Может, если б мы узнали, кто заслужил мою малярию, все бы постепенно распуталось? Мне-то она ничуть не мешает — какая разница, на чем косить? Но я просто чувствую, что совершается несправедливость. Почему, собственно, меня должна донимать чья-то чужая малярия, а тебя — мой триппер?

— Если б только триппер, — сказал Йоссариан. — Я ведь из-за твоего триппера должен летать на боевые задания, пока меня не убьют.

— Ну вот, еще того хуже. Какая же в этом, к черту, справедливость?

— У меня был приятель Клевинджер, который утверждал две с половиной недели назад, что видит в этом высшую справедливость.

— Вот она, высшая справедливость, — расхохотавшись и даже хлопая от удовольствия в ладоши, сказал тогда Клевинджер. — Мне часто вспоминается Еврипидов «Ипполит», где рассказывается, как распущенность Тезея обернулась изуверским аскетизмом у его сына, что и привело к трагедии, которая всех их погубила. А этот твой эпизод с девицей из ЖВБ должен убедить тебя по крайней мере, что блуд — великое зло.

— Он убедил меня, что шоколад — великое зло.

— Неужели тебе непонятно, что в твоих несчастьях ты сам отчасти и виноват? — с нескрываемым удовлетворением продолжал Клевинджер. — Если б ты не провалялся десять дней в североафриканском госпитале с дурной болезнью, то тебе, вполне вероятно, удалось бы совершить двадцать пять боевых вылетов и отправиться домой до гибели полковника Неверса, и Кошкарт не успел бы тебя задержать.

— Ну а ты? — осведомился Йоссариан. — На тебя-то за что сыплются мои несчастья, если ты не подхватывал, как я, дурную болезнь?

— Не знаю, — с оттенком шутовской тревоги признался Клевинджер. — Возможно, я совершил когда-то что-нибудь очень дурное.

— И ты действительно в это веришь?

— Да нет, конечно, — рассмеявшись, ответил Клевинджер. — Мне просто хотелось тебя немного подразнить.

Вокруг Йоссариана кишели смертельные враги. Гитлер, Муссолини и Тодзио, например, которые требовали от своих солдат, чтобы он был убит. Или лейтенант Шайскопф, одержимый убийственными для курсантов марш-парадами, и обрюзгший усастый полковник, с его крово-

жадной жаждой всех покарать, — оба они тоже хотели, чтобы он погиб. К тому же, безусловно, стремились Эпплби, Хавермейер, Гнус и Корн, мисс Крэймер и мисс Даккит, желавшие, как он считал, ему смерти, техасец и обэпэшник, про которых сомневаться уж точно не приходилось, вражеские солдаты и отечественные коммерсанты, зенитчики и буфетчики, летчики и лакеи, грабители, кондукторы и водители во всем мире, патриоты, предатели, линчеватели и злопыхатели — все они норовили сжить его со свету. Именно эту тайну — что все желают ему смерти — выплеснул на него Снегги во время бомбардировки Авиньона, разбрызгав свое сокровенное естество по всей кабине.

Йоссариану угрожали гибелью собственные лимфатические железы, красные кровяные шарики, почки и печень. Он не был застрахован от малокровия и белокровия, от опухоли мозга, рассеянного склероза и прогрессирующего паралича. Существовали болезни кожи, костей, легких, кишечника и сердца. Существовали заболевания рук и ног, шеи и головы, спины, живота, груди и промежности, не говоря уж о носе, глазах, зубах и ушах. Существовала даже ногтоеда. Миллионы клеток, добросовестно окисляясь, без устали

работали в нем, словно трудолюбивые муравьи, чтобы он был жив и здоров, но каждая из них могла в любую секунду стать предательницей и убийцей. На свете существовало такое великое множество болезней, что только воистину больной, как у Йоссариана или Обжоры Джо, рассудок мог столь часто обращаться к этому и оставаться жизнеспособным.

Обжора Джо составил список смертельных болезней, расположив их в алфавитном порядке, чтобы без промедления находить ту, которая, на его взгляд, угрожала ему в данный момент. Он очень расстраивался, если болезнь оказывалась не на месте или если список его долго не пополнялся, и в холодном поту бежал за помощью к доктору Дейнике.

— Расскажи ему про опухоль Юинга, — предложил Йоссариан, когда доктор Дейника решил посоветоваться с ним, чем помочь Обжоре Джо, — и добавь, пожалуй, меланому. Обжора Джо обожает затяжные недуги, но молниеносно смертельные любит еще больше.

Доктор Дейника уважительно вслушивался в незнакомые ему названия.

— Откуда ты знаешь столько редчайших болезней? — с острым интересом профессионала

спросил он.

— А я наткнулся на них, листая в госпитале журнал «Коротко обо всем».

Йоссариану приходилось опасаться столь многих недугов, что его нередко одолевало искушение навсегда залечь в госпиталь, обложиться кислородными подушками и отгородиться от мира заслоном из медиков — медсестры и врача по внутренним болезням с лекарствами на любой случай по одну сторону койки, а хирург со скальпелем наготове по другую. Случись у него, к примеру, острое расширение аорты, как его спасут, если он окажется за пределами госпиталя? В госпитале Йоссариан чувствовал себя гораздо спокойней, чем где бы то ни было, хотя хирургов с их скальпелями ненавидел гораздо сильнее, чем кого бы то ни было. В госпитале он мог истошно заорать, и люди кинулись бы к нему на помощь — сумели бы они его спасти или нет, это уж другое дело, — а начни он за пределами госпиталя орать о том, про что каждый разумный человек должен орать на весь мир, и его немедленно упекли бы в тюрьму или в госпиталь. Первое, о чем Йоссариану хотелось истошно заорать на весь мир, был хирург со скальпелем, который почти наверняка был уготован и ему самому, и всякому,

кто исхитрился одолеть порядочную часть дороги к смерти. Он опасался, что не сумеет вовремя распознать первый приступ озноба, лихорадки, колотья, судорог, одышки, посинения, потери памяти, ориентировки или сознания, когда наступит неизбежное начало неизбежного конца.

Он опасался, что доктор Дейника опять откажется ему помочь, когда выпрыгнул через окно из палатки майора Майора, и его опасения полностью подтвердились.

— Ты думаешь, у тебя есть основания чего-нибудь опасаться? — с укором спросил его доктор Дейника, на мгновение приподняв свою всегда опущенную стерильно-прилизанную голову с темными волосами, бледным лицом и горестно слезящимися глазами. — А что же тогда сказать обо мне? Мое бесценное профессиональное мастерство бессмысленно пропадает на этом вшивом островке, пока другие врачи вовсю наживаются. Думаешь, мне приятно сидеть тут день за днем без всякой возможности тебе помочь? Мне было бы не так тяжко, если б я сидел, без всякой возможности помочь, где-нибудь в Штатах или, например, в Риме. Но мне и здесь трудно тебе отказывать.

— Сколько раз можно повторять одно и то

же? — уныло вымолвил доктор Дейника. — Не могу я освободить тебя от полетов.

— Нет, можешь. Майор Майор сказал, что только ты один в эскадрилье и можешь.

Доктор Дейника не поверил своим ушам.

— Майор Майор сказал тебе об этом? Когда?

— Когда я поймал его в железнодорожной траншее.

— И он сказал тебе об этом? В траншее?

— Он сказал мне об этом у себя в служебном закутке, когда мы вылезли из траншеи и запрыгнули к нему в палатку через окно. Но он просил меня никому не говорить, что он мне об этом сказал, а значит, и ты держи язык за зубами, ладно?

— Грязный *лживый* интриган! — вскричал доктор Дейника. — Ну кто его уполномочивал трепаться? А сказал он, *как* я могу освободить тебя от полетов?

— Ты должен написать бумажку с указанием, что у меня возможен нервный срыв, и отослать ее в штаб полка. Доктор Стаббз постоянно освобождает людей от полетов, так почему бы тебе не последовать хоть раз его примеру?

— Ну, освобождает он их от полетов, и что потом? — со злобным ехидством осведомился доктор Дейника. — Разве им дают уехать домой?

Их возвращают в строй, а доктора Стаббза норовят сжить со свету. Разумеется, я могу написать бумажку, что ты не в состоянии летать. Но есть одна закавыка.

— Поправка-22?

— Разумеется, она. Если я освобожу тебя, штаб полка должен утвердить мое решение, а этого не будет. Они возвратят тебя в строй — и что, ты думаешь, сделают потом со мной? Пошлют, скорее всего, на Тихий океан. Нет уж, спасибо. Я не желаю из-за тебя рисковать.

— А может, все же попробовать? — продолжал упрашивать Йоссариан. — Медом тебе, что ли, намазали Пьяносу?

— Пьяноса мне хуже горькой редьки. Но все-таки лучше, чем Тихий океан. Меня не испугала бы какая-нибудь цивилизованная дыра, где я смог бы иногда заработать доллар-другой абортами. А на тихоокеанских островах есть только джунгли, дожди да сырые ветры. Я там сгнию.

— Ты и здесь гниешь.

— Гнию? — злобно вскинулся доктор Дейника. — Смотри, как бы тебе самому не сгнить в земле еще до окончания войны, а я-то, даст бог, выживу.

— Так про это я и говорю, будь оно все прокля-

то! — воскликнул Йоссариан. — Ты же можешь спасти мне жизнь!

— Не мое это дело — спасать жизни, — огрызнулся доктор Дейника.

— А какое у тебя дело?

— Откуда я знаю, какое у меня дело! Мне с юности долдонили, что главное дело в нашей профессии — это свято соблюдать профессиональную этику и не давать показаний против других врачей. Послушай-ка, уж не думаешь ли ты, что только тебе угрожает опасность? Я вот, например, до сих пор не могу добиться от этих двух шарлатанов, которые пристроились у меня работать, что именно со мной неладно.

— Может, у тебя опухоль Юинга? — саркастически пробормотал Йоссариан.

— Ты думаешь? — в ужасе вскричал доктор Дейника.

— Некогда мне об этом думать, — отрезал Йоссариан. — Я вот думаю, что откажусь от боевых вылетов. Не расстреляют же меня за это, как ты считаешь? Я летал на бомбардировку пятьдесят один раз.

— А почему б тебе не дотянуть до пятидесяти пяти и потом уж поставить точку? — предложил доктор Дейника. — Ты ведь еще ни разу

не отлетал положенное, даром что постоянно собачишься.

— Да разве тут отлетаешь положенное, если всякий раз, как я приближаюсь к концу, полковник набавляет?

— Ты не можешь налетать положенное из-за непрерывных отлучек то в госпиталь, то в Рим. Тебе было бы гораздо легче стоять на своем, если б ты совершил пятьдесят пять вылетов, а потом уж уперся. Тогда, может, я и подумал бы, чем тебе помочь.

— Ты обещаешь?

— Обещаю.

— А что ты обещаешь?

— Я обещаю, что подумаю, чем тебе помочь, если ты совершишь пятьдесят пять боевых вылетов и уговоришь Маквота снова записать меня в бортовой журнал, чтобы мне заплатили летную надбавку без всяких полетов. Я боюсь летать, понимаешь? Читал ты об аварии самолета в Айдахо три недели назад? Шестеро убитых. Это какой-то ужас! Просто не понимаю, почему они так хотят загнать меня каждый раз на четыре часа в самолет, чтобы выдать мне летную надбавку. У меня и без того уйма тревог, не могу я еще тревожиться, что мне придет конец, когда угробится самолет.

— Я тоже тревожусь, что мне придет конец, когда угробится самолет, — заметил Йоссариан. — Не ты один.

— Да, но меня еще тревожит моя опухоль Юинга, — с горестной гордостью напомнил ему доктор Дейника. — Как ты думаешь, не поэтому ли у меня постоянный насморк и озноб? Попробуй-ка, прощупывается у меня пульс?

Йоссариана тревожила не только опухоль Юинга, но еще и меланома. Гибель подстерегала его со всех сторон, и уберечься от нее, даже при самой чуткой осмотрительности, было невозможно. Когда он размышлял об угрожавших ему смертельных болезнях и гибельных случайностях, его поражало, что он до сих пор жив и здоров. Это было чудо. Всякий новый день приносил новые опасности. А ему тем не менее удалось дожить до двадцати восьми лет.

Глава восемнадцатая
Солдат, у которого двоилось в глазах

Йоссариан был здоров благодаря подвижному образу жизни, свежему воздуху и активному отдыху в спортивном коллективе; чтобы избавиться от всего этого, он и решил впервые залечь в госпиталь. Однажды утром, когда инструктор по физкультуре в Лауэри-Филде приказал курсантам выходить на зарядку, Йоссариан отправился в санчасть и пожаловался на боли в правом боку.

— Гони его, — сказал капралу дежурный врач, разгадывавший кроссворд.

— Мы не можем его выгнать, — отозвался капрал. — По новой инструкции всех, кто жалуется на боли в области живота, надо держать под наблюдением не меньше пяти суток, потому что, когда их выгоняешь, они мрут, симулянты несчастные, как мухи.

— Ну-ну, — пробормотал, не отрываясь от кроссворда, дежурный врач. — Стало быть, гони его через пять дней.

У Йоссариана отобрали одежду и водворили

его в госпитальную палату, где он превосходно проводил время, если никто из его соседей не храпел. Наутро молодой и внимательный практикант-англичанин обратился к нему с вопросом о его печени.

— По-моему, у меня аппендицит, — сказал Йоссариан.

— Аппендицит — это чепуха, — авторитетно объявил ему практикант. — С аппендицитом вы у нас не задержитесь — прооперируем и быстренько отправим обратно в часть. А вот с печенью вы могли бы надолго здесь застрять. Ведь мы практически ни черта не знаем про печень. Нам точно известно, что она существует, и мы неплохо осведомлены, какие у нее функции, когда она функционирует нормально. Но на этом наши знания кончаются. Что такое, в сущности, печень? Мой отец, например, умер от рака печени и прекрасно себя чувствовал, пока она его не убила. Он так и дожил до смерти без всяких болезненных ощущений. Меня это в какой-то степени удручало, потому что я его ненавидел. Эдипов, понимаете ли, комплекс.

— А чем здесь должен заниматься английский военный врач? — поинтересовался Йоссариан.

— Об этом я расскажу вам завтра утром, — по-

смеиваясь, ответил ему практикант. — А вы пока выбросьте этот дурацкий пузырь со льдом, чтоб не умереть, чего доброго, от воспаления легких.

Йоссариан ни разу его больше не видел. Это была одна из чудесных особенностей госпиталя — Йоссариан никогда не встречался дважды с одним и тем же врачом. Они бесследно исчезали после первого визита. На другой день к его койке подошла группа врачей, которых он раньше никогда не видел, с вопросом о его аппендиксе.

— С аппендиксом у меня все в порядке, — сообщил им Йоссариан. — Мой доктор объяснил мне вчера, что у меня печень.

— Возможно, это печень, — решил старший из вновь прибывших врачей. — Что у него с количеством лейкоцитов и эритроцитов?

— Ему не делали количественный анализ крови.

— Пусть сделают незамедлительно. Мы должны быть крайне осторожны с пациентом в его состоянии. Нам надо иметь прикрытие на случай летального исхода. — Он записал что-то в свой блокнот и обратился к Йоссариану: — Не забывайте про пузырь со льдом. Это очень важно.

— У меня нет пузыря со льдом.

— Так получите его. А впрочем, он наверняка

где-нибудь здесь лежит. И дайте нам знать, если боль станет нестерпимой.

Через десять дней к Йоссариану подошла группа незнакомых ему врачей с убийственной новостью — он был совершенно здоров и подлежал выписке. Но в последний момент его спас сосед по палате, у которого двоилось в глазах. Он вдруг сел на своей койке и пронзительно вскрикнул:

— У меня двоится в глазах!

Палатная медсестра испуганно взвизгнула, а санитарка упала в обморок. Со всех сторон к больному кинулись врачи, держа наготове шприцы, рефлекторы, клистирные трубки, резиновые молотки и вибрамассажеры. Кроме того, они вкатили в палату множество замысловатых приборов на колесах. Сложные заболевания были в госпитале редкостью, и врачи-специалисты, переругиваясь, окружили интересного пациента плотной толпой, причем задние раздраженно кричали передним, чтобы те поторапливались и уступили им место. Вскоре явился высоколобый полковник в очках с роговой оправой, чтобы поставить диагноз.

— Это менингит! — с пафосом объявил он, торопливо оттолкнув своих коллег. — Хотя у меня

нет ни малейших оснований так считать.

— А тогда не лучше ли считать, что это, скажем, острый нефрит? — вкрадчиво улыбаясь, предложил врач в чине майора.

— Не лучше, — отрезал полковник. — Я специалист по менингитам и не уступлю своего больного всяким ретивым почечникам. За мною право первенства — я раньше всех поставил диагноз.

В конце концов, однако, врачи приняли совместное решение. Они решили, что им неясно, чем болен солдат, у которого двоится в глазах, и наложили на его соседей по палате двухнедельный карантин, а его самого перевели в изолятор.

День благодарения Йоссариан благополучно и бестревожно провел в госпитале. Ему не очень понравилось, что на обед им дали индейку, но индейка понравилась. Это был самый благонамеренный День благодарения в его жизни, и он дал обет всегда затворяться на этот день в госпиталь. А нарушил он свой обет на будущий год, коротая благодарственный праздник в гостиничном номере с женой лейтенанта Шайскопфа, на которой красовались по такому случаю солдатские браслеты Дори Дамс и которая нравоучительно корила его за циничную неблагодарность, хотя

считала себя последовательной атеисткой.

— Я не верую, быть может, еще тверже, чем ты, — с гордостью сказала она Йоссариану, — и, однако, чувствую, что мы должны ощущать благодарность, которую было бы глупо скрывать.

— А за что, собственно, я должен ощущать благодарность? — равнодушно отозвался Йоссариан. — Попробуй-ка приведи мне хоть один пример.

— Ну... — Жена лейтенанта Шайскопфа на мгновение задумалась, но сразу нашлась: — Например, за меня.

— Вот уж действительно, — глумливо сказал Йоссариан.

— Ты не благодарен за меня судьбе? — с удивлением вздернув брови, спросила она. И, сразу же нахмурившись, оскорбленно сказала: — А мне, между прочим, вовсе не обязательно с тобой спать. У меня в распоряжении целая рота курсантов моего мужа, и любой из них почтет за счастье спать с женой командира, чтобы получить дополнительный стимул к выполнению долга.

Йоссариан решил сменить тему разговора.

— Ты подменяешь тему разговора, — дипломатично сказал он. — Готов поспорить, что на каждое событие, за которое мне нужно быть

благодарным, приходится по крайней мере два, которые можно только проклинать.

— Ты должен быть благодарен за меня.

— Я и благодарен, милая, не волнуйся. Но при этом я проклинаю потерю Дори Даме. А разве сотни других девушек и женщин, которых я увижу за свою короткую жизнь, но не смогу уложить к себе в постель, не адское проклятие для меня?

— Будь благодарен за хорошее здоровье.

— Которое обязательно испортится.

— Будь благодарен за жизнь.

— Которую неминуемо оборвет смерть.

— Все могло быть гораздо хуже! — пылко вскричала она.

— И в тысячу раз лучше! — горячо возразил он.

— У тебя всякий раз находится только одно возражение. А ты говорил про два.

— И не уверяй меня, — пропустив ее последние слова мимо ушей, наседал Йоссариан, — что пути господни неисповедимы. Очень даже исповедимы. Он же постоянно над нами издевается. В эту сторону все его пути и ведут. А может, он и вообще про нас позабыл. Ведь если верить людям, то бог у них — неуклюжий, бездарный, злобный, грубый, самодовольный и тщеславный плебей! Господи, ну можно ли преклоняться перед всевышним,

который в своем божественном произволении сотворил мир, где гниют зубы и текут из носа сопли? Что за извращенный и злоехидный рассудок обрек стариков на недержание кала? И зачем он создал боль?

— Боль? — победно подхватила жена лейтенанта Шайскопфа. — Боль человеку необходима. Как симптом болезни.

— А кто создал болезни? — подхватил в свою очередь Йоссариан. Он язвительно рассмеялся. — Да-да, боль нам дана по великому милосердию его. А почему б ему не снабдить нас вместо боли сигнальным колокольчиком? Или индивидуальным — для каждого человека — небесным хором? Или красно-синим сигнализатором из неоновых трубочек во лбу? Любой фабрикант музыкальных автоматов справился бы с этой пустяковой задачей без всякого труда. А почему не справился он?

— Люди выглядели бы очень глупо с красными трубочками во лбу.

— Зато они прекрасно выглядят, когда корчатся от боли или бессмысленно костенеют под наркозом, правда? Вот уж поистине вселенская бездарность! Просто диву даешься, как при его-то возможностях он исхитрился сотворить столь ничтожное безобразие вместо мира, — это же аб-

солютная сверхъестественная недееспособность! Он явно никогда не кормился своей работой. Да ни один уважающий себя работодатель не взял бы его даже на самую мизерную должность.

Жена лейтенанта Шайскопфа стала пепельно-серой и, зачарованно глядя ему в глаза, слушала его с боязливой тревогой.

— Ты бы лучше не говорил о нем так, — враждебно и укоризненно прошептала она. — Он ведь может тебя покарать.

— А то он меня не карает! — возмущенно фыркнул Йоссариан. — Мы не должны, знаешь ли, все ему спускать. Да-да, нельзя безвозмездно спускать наши горести. Когда-нибудь я обязательно потребую у него расплаты. И я даже знаю — когда. В Судный день. Вот-вот, именно тогда я окажусь достаточно близко, чтобы ухватить этого бездарного плебея за горло и…

— Прекрати! — взвизгнула жена лейтенанта Шайскопфа и принялась неумело колотить Йоссариана кулаками по голове. — Прекрати! Прекрати! Прекрати! — взвизгивала она.

Йоссариан прикрыл голову рукой, но она продолжала истерично колотить его по руке, и тогда, решительно ухватив ее за запястья, он потянул ее вниз, уложил рядом с собой и удивленно

спросил:

— Да какого черта ты так взъерепенилась? — Ему даже стало ее немного жалко. — Я ведь думал, что ты и правда неверующая.

— Неверующая, — всхлипнула она и злобно разрыдалась. — Так ведь тот бог, в которого я не верую, — он же хороший бог, справедливый бог, милосердный бог, а не глупый и жестокий и гнусный, как у тебя.

Йоссариан расхохотался и отпустил ее.

— Давай-ка, милая, введем у нас свободу совести, — предложил он. — Пусть каждый не верит в такого бога, какой ему нравится, ладно?

Это был самый неблагонамеренный День благодарения в его жизни, и он с удовольствием вспоминал теперь свой безмятежный карантин, который кончился, однако, через две недели отнюдь не безмятежно, потому что ему объявили, что он абсолютно здоров, и хотели отправить его на войну. Услышав эту ужасную новость, Йоссариан сел на кровати и пронзительно вскрикнул:

— У меня двоится в глазах!

Их палату опять захлестнула волна сумятицы. К Йоссариану торопливо сбежались из всех закоулков госпиталя врачи-специалисты и окружили его для срочного осмотра столь тесным кольцом,

что он с неприязнью ощущал на коже влажное дыхание из низко склонившихся к нему носов. Специалисты стали совать свои носы ему и в уши, и в глаза, высвечивая их яркими лампа ми, принялись лупить его резиновыми молотками по пяткам и коленям, тыкали ему в ребра вибрационные вилки об одном зубе и показывали все, что попадалось им под руку, с самых разных сторон, чтобы проанализировать его периферийное зрение.

Предводителем этой бригады был величественный и внимательный джентльмен, который вдруг показал ему один палец и спросил:

— Сколько вы видите пальцев?

— Два, — ответил Йоссариан.

— А теперь? — спросил предводитель, показав ему два.

— Два, — ответил Йоссариан.

— Ну а теперь? — убрав пальцы, спросил предводитель.

— Два, ответил Йоссариан.

— Он видит все в двойном ложном свете, — глубокомысленно заключил предводитель врачей.

Йоссариана укатили в изолятор, где уже лежал солдат, у которого двоилось в глазах, а на его соседей по палате наложили двухнедельный

карантин.

— У меня двоится в глазах! — громко выкрикнул солдат, когда к нему вкатили Йоссариана.

— У меня двоится в глазах! — так же громко выкрикнул Йоссариан и незаметно для врачей подмигнул своему новому соседу.

— Стены! Стены! — закричал тот. — Отодвиньте стены!

— Стены! Стены! — закричал Йоссариан. — Отодвиньте стены!

Один из врачей сделал вид, что отодвигает стены.

— Достаточно? — заботливо спросил он.

Солдат, у которого двоилось в глазах, обессиленно кивнул и откинулся на подушку. Йоссариан тоже обессиленно кивнул и, когда врачи ушли, со смиренным восхищением оглядел талантливого соседа. Он понимал, что перед ним истинный мастер своего дела, достойный внимательного изучения и всемерного подражания. Ночью сосед Йоссариана умер, и Йоссариан решил, что подражать ему больше не стоит.

— У меня уже не двоится в глазах! — садясь на постели, выкрикнул он.

Новая группа врачей, громко топоча, окружила койку Йоссариана, чтобы проверить с помощью

разнообразных приспособлений, не обманывают ли его глаза.

— Сколько вы видите пальцев? — подняв один палец, спросил их предводитель.

— Один.

— А теперь? — выставив еще один палец, спросил он.

— Один.

— Ну а теперь? — выставив еще восемь, спросил он.

— Один.

— Ему и правда лучше, — удостоверил предводитель, изумленно глянув на своих коллег. — Он видит все в единичном ложном свете, но у него перестало двоиться в глазах.

— И как раз вовремя, — заметил оставшийся в палате врач, когда остальные ушли. Это был торпедообразный дружелюбный человек с рыжеватой щетиной на щеках и пачкой сигарет в нагрудном кармане рубахи, которые он машинально курил одну за другой, небрежно привалившись к стене. — Потому что вас хотят повидать родственники. Нет-нет, не ваши родственники, успокойтесь, — с усмешкой добавил он. — Это мать, отец и брат того парня, который только что умер. Они приехали из Нью-Йорка,

чтобы повидаться с умирающим, и вы, по-моему, самый подходящий для них человек.

— Про что это вы толкуете? — подозрительно спросил Йоссариан. — Я вроде бы пока не умираю.

— Как не умираете? — удивился врач. — Мы все потихоньку движемся к смерти. Другой дороги у нас нет.

— Они приехали повидаться со своим сыном, — уперся Йоссариан. — А вовсе не со мной.

— Им придется удовольствоваться тем, что у нас есть, — сказал врач. — Для медиков все умирающие одинаково хороши — или, если хотите, одинаково плохи. С научной точки зрения умирающие не отличаются друг от друга. У меня к вам предложение. Вы на несколько минут превращаетесь в их родственника, а я никому не говорю про ваше вранье насчет болей в печени.

— Вы знаете об этом? — отпрянув на своей койке, спросил Йоссариан.

— Разумеется, знаю. Не считайте нас дураками. — Врач добродушно хмыкнул и закурил очередную сигарету. — Ну можно ли предполагать, что вам поверят про боли в печени, когда вы лапаете при каждом удобном случае всех медсестер подряд? Нет, надо распрощаться с мыслями

о сексе, если вы хотите убедить врачей, что у вас больная печень.

— Это дьявольски дорогая плата за жизнь. А почему, кстати, вы не выдали меня, догадавшись, что я притворяюсь?

— Да на кой черт мне вас выдавать? — с удивлением воскликнул врач. — Мы же все тут завязаны в общий узел притворства. Я всегда готов помочь путнику на дороге к спасению — если он готов отплатить мне тем же. Эти люди приехали издалека, и я не хотел бы, чтоб их труды пропали впустую. У меня, знаете ли, сентиментальная слабость к старикам.

— Но они приехали повидаться с сыном.

— И немного опоздали. А мы попытаемся им помочь, и возможно, они даже не заметят подмены.

— А вдруг они начнут плакать?

— Скорей всего, так и случится. Для этого они, в частности, и приехали. Но я буду стоять за дверью и, если почувствую, что вам невтерпеж, сразу же войду.

— Хотелось бы мне знать, кто из нас тут псих, — раздумчиво проговорил Йоссариан. — Ну а эти-то — зачем им, по-вашему, смотреть, как умирает их сын?

— Понятия не имею, — признался врач. — Все родственники этого хотят, и я никогда не понимал — зачем. А вам и понимать не к чему. От вас ведь просто требуется поумирать при них несколько минут, и дело с концом. Разве это трудно?

— Ладно, — сдался Йоссариан. — Если всего на несколько минут и вы обещаете стоять за дверью, то я согласен. — Он уже начал входить в роль. — А почему бы вам как следует меня не забинтовать для пущего эффекта? — спросил он.

— Прекрасная мысль, — одобрил врач.

Йоссариана укутали в бинты. Бригада санитаров укрепила на окнах жалюзи, и, когда их приспустили, в изоляторе воцарился тоскливый полумрак. Йоссариану вспомнилось, что не помешали бы цветы, и отряженный доктором санитар принес откуда-то два полуувядших букетика, которые затопили сумрачный изолятор пряным ароматом умирания. Йоссариан улегся на койку, и посетителям разрешили войти.

Они вошли на цыпочках, со смиренным и виноватым видом незваных гостей — сначала удрученные старики, а вслед за ними молодой и здоровенный, но хмурый матрос. Родители двигались бок о бок, с напряженными и парад-

ными лицами, напоминая оживший семейный дагерротип, — гордые, маленькие, поблекшие, словно бы отлитые из тусклого металла и облаченные в почерневшие от времени одежды. Мать скорбно поджала тонкие губы, удлиненно-овальное лицо у нее было цветом в жженую умбру, а черные, гладко зачесанные назад и разделенные прямым пробором жесткие волосы — никаких парикмахерских ухищрений она явно не признавала — казались присыпанными золой из-за седины. Отец держался подчеркнуто прямо, и старомодный двубортный пиджак с подложенными плечами был ему узковат. Вокруг привычно прищуренных, обожженных солнцем глаз змеились у него мелкие морщинки, а большие пушистые усы на иссеченном крупными морщинами лице серебрились густой сединой. Маленький, но крепкий и кряжистый, он выглядел трагически скованным, когда одеревенело замер посреди изолятора с прижатой к лацканам пиджака черной фетровой шляпой в натруженных, старчески смуглых руках. Нужда и тяжкий труд наложили на обоих стариков свою уродливую печать. А молодой матрос приготовился к бою. Его белая бескозырка была залихватски сдвинута на ухо, он сжимал кулаки и злобно, затравленно озирался.

Все трое, войдя в комнату, на мгновение приостановились, а потом нерешительно и медленно, плечом к плечу и даже как бы в ногу, начали подступать похоронной шеренгой к койке. Приблизившись к ней вплотную, они молча уставились сверху вниз на Йоссариана. Настала надрывная, непереносимая тишина. Она мучительно длилась, и, чтобы хоть чем-нибудь ее нарушить, Йоссариан сдавленно кашлянул.

— Он жутко выглядит, — проговорил наконец старик.

— Ему худо, отец.

Старушка опустилась возле койки на стул и, будто от физической боли, стиснула на коленях заскорузлые, с венозными узлами пальцы.

— Джузеппе, — сказала она.

— Меня зовут Йоссариан, — сказал Йоссариан.

— Его зовут Йоссариан, мать. Ты узнаешь меня, Йоссариан? Я твой брат Джон. Ты ведь помнишь меня, Йоссариан?

— Конечно, помню, — сказал Йоссариан. — Ты мой брат Джон.

— Он узнал меня, отец! Он помнит, кто я такой. А это отец, Йоссариан. Поздоровайся с отцом.

— Здравствуй, отец, — сказал Йоссариан.

— Здравствуй, Джузеппе, — откликнулся отец.

— Его зовут Йоссариан, отец.

— Он жутко выглядит, — сказал отец. — На него страшно смотреть.

— Ему очень худо, отец. Доктор говорит, что он умирает.

— Мало ли кто чего говорит. Я сроду им, жуликам, не верил.

— Джузеппе! — в невыразимой муке сказала мать.

— Его зовут Йоссариан, мать. Она последнее время неважно соображает, что к чему. Ну а как тебя тут лечат, малыш? Взаправду хорошо?

— Взаправду хорошо, — эхом откликнулся Йоссариан.

— Вот и хорошо. Ты им не давай себя ущемлять. Ты здесь не хуже любого другого, даром что итальянец. У тебя тоже есть права.

Йоссариан сморгнул и закрыл глаза, чтобы не смотреть на своего брата Джона. Ему было нехорошо.

— Нет, вы посмотрите, как он жутко выглядит! — сказал отец.

— Джузеппе, — сказала мать.

— Его зовут Йоссариан, мать, — указал ей матрос. — Неужели трудно запомнить?

— Да мне все равно, — указал матросу Йоссари-

ан. — Пусть называет меня Джузеппе.

— Джузеппе, — сказала она ему.

— Не унывай, Йоссариан, — сказал брат. — Все будет хорошо.

— Не унывай, мать, — сказал Йоссариан. — Все будет хорошо.

— А священник у тебя был? — осведомился брат.

— Был, — соврал Йоссариан, снова закрывая глаза.

— Это хорошо, — решил брат. — Пока ты получаешь все, что положено, жизнь катится как надо. А нам вот надо было аж из Нью-Йорка к тебе прикатить. Мы боялись, что не успеем.

— Чего не успеете?

— Увидеть тебя, пока ты не умер.

— А зачем вам это понадобилось?

— Чтоб ты не умер, пока нас нет.

— А зачем вам это понадобилось?

— У него начинается бред, — сказал брат. — Он повторяет одно и то же.

— Чудно это все, — сказал отец. — Я всегда называл его Джузеппе, а теперь он, оказывается, Йоссариан. Очень это все чудно.

— Подбодри его, мать, — предложил матери брат. — Скажи ему доброе слово.

— Джузеппе, — сказала мать.

— Это не Джузеппе, мать. Это Йоссариан. Мы же двадцать раз тебе говорили.

— А зачем вам это понадобилось? — опустив голову, печально сказала она. — Он ведь все равно умрет.

Из ее заплаканных глаз хлынули слезы, а руки, словно неподвижные темные мотыльки, застыли на коленях, хотя сама она, не вставая со стула, принялась горестно раскачиваться взад и вперед: Йоссариан боялся, что она начнет громко рыдать. Брат с отцом беззвучно заплакали. Йоссариан вдруг вспомнил, почему они плачут, и тоже расплакался. Врач, которого он раньше никогда не видел, вошел в палату и вежливо сказал посетителям, что пора уходить. Отец приосанился для последнего прощания.

— Джузеппе, — начал он.

— Йоссариан, — поправил его брат.

— Йоссариан, — сказал отец.

— Джузеппе, — поправил его Йоссариан.

— Скоро ты умрешь, — проговорил отец.

Йоссариан опять расплакался. Незнакомый врач пакостно посмотрел на него, и он взял себя в руки.

— Когда ты окажешься там, — с мрачной тор-

жественностью и низко опустив голову сказал отец, — то передай, пожалуйста, кой-чего от меня. Передай, что неправильно людям умирать, когда они молодые. Неправильно, да и все тут. Передай, что если уж им обязательно нужно умирать, то пусть умирают, когда состарятся. Только передай прямо Самому. Сам-то этого, видать, не знает, потому что он милосердный, а все идет, как оно сейчас идет, уже давно, очень давно.

— И не давай там себя ущемлять, — посоветовал ему брат. — Потому что ты и на небе будешь не хуже любого другого, даром что итальянец.

— Оденься потеплее, — сказала мать, которая, видимо, понимала, что к чему.

Глава девятнадцатая
Полковник Кошкарт

Полковник Кошкарт был пронырливым, преуспевающим, неряшливым и несчастным завистником с расхлябанной походкой и цепкой мечтой о генеральстве. Напористый и трусоватый, задиристый и осмотрительный, уравновешенный и неуверенный в себе интриган, он жаждал отличиться перед начальством и опасался, что его мелкие административные уловки могут обернуться крупными служебными неприятностями. Это был благообразный и неприятный, брюзгливый и обрюзгший, самодовольный и недовольный жизнью фанфарон с вечными приступами дурных предчувствий. Он был доволен собой, потому что к тридцати шести годам стал, в чине полковника, командиром полка, и недоволен жизнью, потому что ему уже исполнилось тридцать шесть лет, а он дослужился только до полковника.

Полковник Кошкарт не имел представления об абсолютных величинах. Он мог измерять свой успех исключительно достижениями соперников

и почитал совершенством только то, что делал так же умело, как все остальные люди его возраста, которым это удавалось даже лучше. Тысячи его сверстников были всего лишь капитанами, и при мысли о них он испытывал телячий восторг превосходства; но тысячи других его сверстников уже дослужились до генералов, и, вспоминая про них, он ощущал мучительную неполноценность, что заставляло его грызть ногти в таком неизбывном беспокойстве, какого никогда не чувствовал даже Обжора Джо.

Полковник Кошкарт был крупным, широкоплечим и чванливым самодуром с черными, коротко подстриженными, начинающими седеть курчавыми волосами и аляповато инкрустированным мундштуком, который он купил за день до отправки на Пьяносу, когда его назначили командиром полка. Он демонстрировал свой мундштук при всяком удобном случае, и научился делать это весьма изощренно. Мундштук ярко выделял полковника Кошкарта из общей массы американских офицеров — по крайней мере в его воображении. Насколько он знал, его мундштук был единственным на средиземноморском театре военных действий, и эта мысль внушала ему тревожную радость. Он радостно предполагал,

что такой высокоутонченный интеллектуал, как генерал Долбинг, наверняка одобрял, когда они встречались, его мундштук, хотя встречались они довольно редко, и полковника Кошкарта это радовало, поскольку генерал Долбинг мог вообще не одобрять мундштуки. Думая о подобной возможности, полковник Кошкарт едва подавлял рыдания, и ему хотелось выбросить к чертовой матери эту пакость, однако его останавливала непоколебимая убежденность, что мундштук придает особый лоск тому героическому облику прирожденного и мужественного воина, который, как он был уверен, неизмеримо возвышал его над всеми полковниками американской армии, вступившими с ним в борьбу за генеральский чин. Только вот не ошибался ли он?

Этот вопрос беспрестанно донимал полковника Кошкарта — ловкого и до самозабвения рьяного военного стратега, который без устали, хитроумно и въедливо трудился с утра до вечера на ниве собственного преуспеяния. Дерзновенный и ревностный дипломат, он старательно загонял себя в могилу, ненавистно проклиная свои промахи и покаянно оплакивая упущенные возможности. Он всегда был запальчиво взвинчен, обеспокоен и раздражен. Доблестно и

безоглядно пускался он в замысловатые предприятия, разработанные для него подполковником Корном, и с горестным отчаянием дожидался потом непоправимых бедствий. Он жадно собирал сплетни и кропотливо коллекционировал слухи. Он никому не доверял и верил всему, что слышал. Он был неизменно начеку и безошибочно ориентировался в событиях, происшествиях и человеческих взаимоотношениях, которых не существовало. Он знал решительно все и упорно тщился хоть что-нибудь по-настоящему осознать. Он был неустрашимо агрессивен и безутешно горевал, думая, как плохо относятся к нему влиятельные люди, которые о нем едва ли слышали. Все желали ему зла. Он жил на грани гибели, то заедая, чтоб не подавиться до смерти, застрявшие в горле кости лакомыми дарами судьбы — их взаимокалькуляция доводила его порой до зыбучего полузабытья, — то подсчитывая великие воображаемые победы и катастрофические, тоже воображаемые, утраты. Воображение ежечасно возносило его на высочайшие вершины торжества и ввергало в бездонные пучины отчаяния. Никто не знал, когда он спит. Если ему доводилось от кого-нибудь услышать, что генерал Дридл или генерал Долбинг нахмурился или улыбнулся,

он мог до бесконечности строить догадки, почему это произошло, и сомнамбулически бормотал себе под нос фантастические предположения, пока подполковник Корн не убеждал его отдохнуть и расслабиться.

Подполковник Корн был преданный, незаменимый и досадный союзник. Полковник Кошкарт мгновенно проникался к нему вечной благодарностью за его хитроумные стратегемы и моментально впадал в ярость, решив, что они могут не сработать. Полковник Кошкарт был многим обязан подполковнику Корну и переносил его с огромным трудом. Они были очень близки. Полковник Кошкарт завидовал интеллекту подполковника Корна, и ему постоянно приходилось напоминать себе, что тот, хотя и был старше его на десять лет, дослужился, однако, только до подполковника, а образование получил в безвестном провинциальном университете. Полковник Кошкарт беспрестанно сетовал на судьбу, давшую ему в помощники столь ординарного человека. Его унижало, что он целиком и полностью зависит от выпускника захолустного университетишки. Если уж кто-то должен был стать для него совершенно незаменимым, сокрушался полковник Кошкарт, то ему, конечно же, следовало оказать-

ся куда более богатым, утонченным и зрелым, чем подполковник Корн, который происходил из ничем не примечательной семьи, а главное, как подозревал с тайным негодованием полковник Кошкарт, с тайным пренебрежением относился к его мечте дослужиться до генерала.

Полковнику Кошкарту отчаянно хотелось стать генералом, ради этого он был готов использовать любые средства, даже религию, и однажды утром, через неделю после его приказа об увеличении нормы боевых вылетов до шестидесяти, он вызвал к себе капеллана и ткнул пальцем в лежащий перед ним на столе журнал «Сатэрдэй ивнинг пост». Ворот его форменной рубахи был широко распахнут, и под пухлым подбородком с оттопыренно дряблой нижней губой, на яично-белой шее, виднелась уже пробивающаяся после утреннего бритья будущая темная щетина. Кожа у полковника Кошкарта никогда не загорала, и ему приходилось тщательно беречься от солнца, чтобы не обгореть. Он был на голову выше и вдвое массивней, чем капеллан, весь его облик источал напыщенное, тяжкое, уничижительное для капеллана высокомерие, и тот чувствовал себя в его присутствии болезненно хрупким.

— Ознакомьтесь, капеллан, — приказал пол-

ковник Кошкарт, мясисто развалившись в своем вращающемся кресле за письменным столом и всовывая в мундштук сигарету. — Ознакомьтесь и доложите, что вы об этом думаете.

Капеллан послушно заглянул в журнал и увидел редакционную статью на целый разворот, где рассказывалось об одном из американских бомбардировочных полков, базирующихся на территории Англии, капеллан которого перед каждым боевым вылетом совершал в инструктажной молебен. Сообразив, что полковник не собирается его распекать, капеллан ощутил жаркую благодарность. Он только мельком видел полковника с тех пор, как тот выставил его по приказу генерала Дридла из офицерского клуба, когда Вождь Белый Овсюг врезал по носу полковнику Мудису. И вот, вызванный сегодня утром к полковнику Кошкарту, капеллан думал, что получит нагоняй за самовольное посещение клуба накануне вечером. Его пригласили туда, неожиданно нагрянув к нему в палатку на опушке леса, Йоссариан с Дэнбаром. До полусмерти запуганный полковником Кошкартом, он все же решился лучше еще раз навлечь на себя его гнев, чем отклонить радушное приглашение двух новых приятелей, которые взяли его под свое

покровительство, как только он познакомился с ними две или три недели назад, явившись в госпиталь, чтобы навестить раненых, и потом всячески ограждали его от бесчисленных злоключений, связанных с выполнением пасторского долга, предписывающего капеллану по-дружески общаться чуть ли не с тысячью практически незнакомых ему солдат и офицеров, считавших его бескрылой белой вороной в их боевом летном полку. Капеллан суетливо склонился над журналом. Он дважды рассмотрел каждую фотографию и прочитал все подзаголовки в статье, пытаясь придать своим мыслям упорядоченную форму, чтобы ответить на вопрос полковника; но ему пришлось несколько раз преобразовывать и повторять в уме ту единственную фразу, которую он наконец решился произнести.

— Мне кажется, что молебен перед боевым вылетом — это высоконравственное и весьма похвальное деяние, сэр, — робко вымолвил капеллан и выжидающе умолк.

— Оно конечно, — сказал полковник. — Но мне-то надо, чтоб вы решили, сработает ли эта штука у нас.

— Да, сэр, — после мгновенного замешательства откликнулся капеллан. — Надо полагать,

что да.

— В таком случае я, видимо, попробую! — На мучнистых щеках полковника внезапно вспыхнули пятна румянца. Он вылез из-за стола и принялся возбужденно шагать по комнате. — Подумайте, какое великое благо принесло это нашим летчикам в Англии! Тут дана фотография полковника, у которого капеллан возносит перед каждым вылетом молитвы. Если молитвы сработали там, они должны сработать и здесь. Может, если мы начнем возносить молитвы, моя фотография тоже появится на страницах «Сатэрдэй ивнинг пост».

Полковник снова сел и сдержанно улыбнулся своим щедрым надеждам. Капеллан не понимал, какой реплики ждет от него полковник. На его бледном, слегка удлиненном лице застыла приличествующая случаю задумчивость, и он рассеянно скользнул взглядом по рядам высоких корзин с красными помидорами, которые тесно стояли вдоль стен. Кажется, такой сорт называется «сливки», мелькнуло у него в голове. Ему надо было как-то отозваться на последнюю фразу полковника, но он вдруг обнаружил, что пристально рассматривает ряды корзин, пытаясь догадаться, почему корзины с помидорами

оказались в служебном кабинете у командира полка; он так заинтересовался этим, что молча пялился на корзины, совершенно позабыв о теме их разговора, пока полковник, тоже по-дружески уклонившись от главной темы, не спросил:

— Может, хотите купить, капеллан? Их собрали на нашей ферме в горах — она принадлежит нам с подполковником Корном, — и я могу уступить вам корзинку по оптовой цене.

— Нет-нет, сэр, не надо! Благодарю вас, сэр.

— Как хотите, капеллан, — благодушно сказал полковник. — Вы вовсе не обязаны их покупать. Мило с радостью выхватывает у нас из-под рук каждую созревшую партию. Эти-то собраны только вчера. Обратите внимание, какие они зрелые и плотненькие — как груди у молодой девушки, правда?

Капеллан вспыхнул, и полковник моментально догадался, что совершил ошибку. Опустив со злобным смущением голову, он почувствовал, что щеки у него стали пунцовыми, а пальцы на руках — непристойно громоздкими. Капеллан внушал ему сейчас ядовитую ненависть — за то, что был капелланом и превратил в грубую бестактность его изящную шутку, которая, как он знал, вызвала бы у любого нормального, на его взгляд, человека

веселое восхищение. Он чувствовал себя несчастным и жалким, тщетно придумывая, как же им обоим выбраться теперь из этого безысходного тупика. Но вдруг вспомнил, что капеллан-то всего-навсего капитан, и резко выпрямился, едва не задохнувшись от праведной злости. При мысли о том, что он загнан в унизительную ловушку вместе со своим сверстником, дослужившимся только до капитана, его щеки окаменели, и он уставился на капеллана с такой убийственной враждебностью, что тот задрожал. Несколько бесконечных минут полковник мстительно язвил капеллана угрюмым, зловещим, безжалостным и откровенно ненавидящим взглядом.

— Но мы говорили о другом, — насладившись своей безмолвной местью, едко сказал он. — Мы говорили не про груди прекрасных девушек, у нас была совсем другая тема. Мы обсуждали ваши должностные обязанности. Так есть у вас какие-нибудь возражения против религиозного обряда в инструктажной перед каждым боевым вылетом?

— Нет, сэр, — промямлил капеллан.

— Тогда начнем сегодня же — перед дневным вылетом, — сказал полковник. Перейдя к деталям, он постепенно смягчился: — Но я хочу, чтоб

вы тщательно обдумали выбор молитв. Нам не нужны мрачные и горестные напутствия. Они должны быть светлыми и бодрыми, вселяющими в наших ребят боевой дух. Вы понимаете, о чем я говорю? Нам не нужны все эти божьи царствия и долины смертной тени. От них веет безнадежностью… Что это у вас такое кислое лицо?

— Прошу прощения, сэр, — с запинкой сказал капеллан. — Я как раз думал о двадцать втором псалме.

— Это какой?

— Тот, где говорится про долину смертной тени, сэр. Господь пастырь мой, я…

— Вот-вот, именно тот. О нем не может быть и речи. Что еще вы хотели бы предложить?

— Спаси меня, Боже: ибо воды дошли…

— Про воды тоже не годится, — решил полковник. Он выбросил окурок в пепельницу и раздраженно продул мундштук. — Почему бы вам не взять что-нибудь музыкальное? Как насчет арф на вербах?

— Там говорится о реках Вавилонских, сэр, — напомнил ему капеллан. — При реках Вавилонских мы сидели, когда вспоминали о Сионе…

— О Сионе? Забудьте раз и навсегда! Он туда и попал-то, я думаю, по ошибке. Постарайтесь

вспомнить что-нибудь веселое, без вод и долин и господа. А лучше всего вообще без библейских тем.

— Прошу прощения, сэр, — твердо, хотя и виновато, сказал капеллан, — но все молитвы, которые известны мне, довольно суровы по тону и обращены так или иначе к господу.

— Значит, надо найти новые. Люди и так проклинают боевые задания, на которые я их посылаю, незачем забивать им головы мыслями про господа, смерть и ад. Почему бы нам не разработать принципиально новый подход к молебну? Почему не помолиться о чем-нибудь по-настоящему благом — вроде кучного бомбометания, например? Разве мы не можем помолиться о кучном бомбометании?

— Я думаю, сэр… — нерешительно отозвался капеллан. — Думаю, что можете, сэр. Но тогда… если б вам захотелось молиться только об этом, я был бы просто не нужен. Вы могли бы молиться сами.

— Я знаю, что мог бы, — желчно проговорил полковник. — Ну а вы-то здесь, по-вашему, для чего? Я, к примеру, мог бы сам заботиться о своем питании, но это обязанность Мило Миндербиндера, вот почему именно он руководит всеми

столовыми в нашей бригаде. А ваша обязанность — руководствовать нас в молитве, и отныне вы будете руководствовать нас в молитве о кучном бомбометании перед каждым боевым вылетом. Ясно? Кучное бомбометание, на мой взгляд, стоит того, чтобы о нем помолиться. Это будет нам всем лакомый дар судьбы — или, скажем, господа, — особенно если вспомнить о пристрастиях генерала Долбинга. Генерал Долбинг считает, что аэрофотоснимки смотрятся гораздо лучше, когда бомбы ложатся кучно.

— Генерал Долбинг, сэр?

— Именно, капеллан, — подтвердил полковник и снисходительно усмехнулся, видя удивление капеллана. — Не надо пока болтать, но похоже, что дни генерала Дридла в нашей бригаде сочтены и на смену ему придет генерал Долбинг. Я, откровенно говоря, не стану горевать, если так и случится. Генерал Долбинг — замечательный человек, и нам всем, по-моему, будет с ним гораздо лучше, чем раньше. Хотя возможно, это дело заглохнет, и мы останемся с генералом Дридлом. Я, откровенно говоря, не стану горевать, если так и случится, потому что генерал Дридл тоже замечательный человек, и нам всем, по-моему, будет с ним гораздо лучше, чем раньше. Надеюсь,

вы сохраните наш разговор в тайне, капеллан. Мне бы не хотелось, чтоб у кого-нибудь из них создалось впечатление, что я поддерживаю другого. Вы меня понимаете?

— Безусловно, сэр.

— Вот и прекрасно, — бодро вставая, заключил полковник Кошкарт. — Однако все эти разговоры вряд ли помогут нам с публикацией в «Сатэрдэй ивнинг пост» — как вы считаете, капеллан? Стало быть, нужно хорошенько подумать, чем их можно пронять. Кстати, капеллан, пока ни слова подполковнику Корну. Вы меня понимаете?

— Безусловно, сэр.

Полковник Кошкарт начал задумчиво прохаживаться по узкому коридорчику между столом в центре комнаты, возле которого стояло несколько деревянных стульев, и корзинами у стен. Потом снова обратился к капеллану.

— Поскольку вы не допущены к секретной информации, — сказал он, — вам придется ждать около палатки, когда кончится инструктаж. Мы будем запускать вас во время сверки часов — точное время едва ли можно считать военной тайной — и отведем вам полторы минуты. Вы уложитесь в полторы минуты?

— Думаю, что да, сэр. Но для этого вам придется

заранее выпустить из палатки атеистов и впустить туда солдат и унтер-офицеров.

— Каких еще атеистов? — застыв на месте, взревел полковник Кошкарт, и все его повадки мигом изменились: теперь перед капелланом стоял воинственно добродетельный, оскорбленный в святых чувствах человек. — У меня в полку нет атеистов! Атеизм — это же противозаконное мировоззрение, разве нет?

— Нет, сэр.

— Нет? — Полковник удивился. — Но уж во всяком случае антиамериканское, верно?

— Не уверен, сэр.

— А я уверен, — объявил полковник. — И мы не позволим кучке вшивых атеистов подрывать отправление наших священных обрядов. Они у меня не получат никаких привилегий. Пусть стоят, где стояли на инструктаже, и молятся вместе с нормальными людьми. А что еще за болтовня насчет нижних чинов? Они-то тут при чем?

— Прошу прощения, сэр, — покраснев, сказал капеллан. — Я думал, вы хотите, чтоб солдаты и унтер-офицеры тоже присутствовали на молебне — ведь задание-то они будут выполнять вместе с офицерами.

— Еще чего! У них есть собственный бог и свой

капеллан — разве не так?

— Нет, сэр, не так.

— О чем вы толкуете, капеллан? Значит, по-вашему, они молятся тому же богу, что и мы?

— Да, сэр, тому же.

— И он их слушает?

— Надо полагать, что да, сэр.

— Дьявольски занятно! — весело изумился полковник. Однако сразу приувял и нервно провел рукой по своим седовато-черным, коротко подстриженным кудрям. — И вы считаете, что это было бы правильно — допускать на молебны нижних чинов? — с беспокойством спросил он.

— По-моему, это было бы справедливо, сэр.

— А по-моему, лучше б их держать подальше, — откровенно сказал полковник и принялся необычайно громко хрустеть суставами пальцев, бодро, стремительно вышагивая по узким коридорам вокруг стола, обставленного со всех сторон корзинами. — Поймите меня правильно, капеллан! Я вовсе не считаю нижних чинов грубыми, грязными и неполноценными существами. Просто у нас в инструктажной мало места. Хотя, по правде-то говоря, оно вроде бы и ни к чему, чтоб наши офицеры панибратствовали с нижними чинами. Они и так слишком тесно соприкасаются

во время бомбардировочных полетов. У меня у самого есть близкие друзья из нижних чинов — так ведь степень-то близости устанавливаю все-таки я. Скажите честно, капеллан, разве вы захотели бы, чтоб ваша сестра вышла замуж за какого-нибудь унтер-офицера?

— Моя сестра сама унтер-офицер, сэр, — сказал капеллан.

Полковник опять застыл на месте и вперился в капеллана подозрительным взглядом, прикидывая, не издевается ли тот над ним.

— Это о чем же вы толкуете, капеллан? Или, может, у вас такие шуточки?

— Нет-нет, что вы, сэр! — неловко заторопился капеллан. — Просто она служит старшим сержантом в морской пехоте.

Капеллан всегда был неприятен полковнику, а сейчас вдруг показался двуличным и зловещим. Полковника томило острое предчувствие опасности, и он старался понять, не замышляет ли капеллан какой-нибудь ловкой интриги против него, тая под невыразительной, молчаливой личиной хитроумное, предприимчивое и коварное честолюбие. Что-то в нем было странное, и, внимательно посмотрев на него, полковник с облегчением догадался, в чем дело. Тот стоял

навытяжку, потому что он забыл сказать ему «вольно». Постой, постой «смирно», мстительно решил полковник, чтобы яснее подчеркнуть, кто хозяин положения, и не подорвать престиж, признав свою оплошность.

Он уныло уставился в окно, с горечью размышляя о своей судьбе. От нижних чинов всегда одни неприятности, думал он. Внизу, рядом со зданием штаба, виднелся тир для стрельбы по тарелочкам, который он приказал оборудовать, чтобы там совершенствовались в меткости только штабные офицеры, а генерал Дридл, устроив ему грубый разнос при майоре Дэнби и подполковнике Корне, распорядился допустить туда весь личный состав полка, даже нижние чины. Это был жуткий вечер, а тир так и торчит с тех пор у него в горле, как острая кость, горестно думалось полковнику. Генерал Дридл постоянно об этом помнил, ужасался он, прекрасно понимая, что тот давно и думать об этом забыл, а значит, совершилась вопиющая несправедливость, поскольку растреклятый тир должен был принести ему лакомые дары судьбы, хотя застрял вместо этого у него в горле, как острая кость. Полковник Кошкарт не мог сам решить, на благо себе оборудовал он тир или во вред, и очень жалел, что рядом нет

подполковника Корна, который снова растолковал бы ему истинное положение дел, утихомирив на какое-то время его вечную тревогу.

Жизнь была очень сложной, очень трудной. Полковник вынул изо рта мундштук, опустил его стоймя в нагрудный карман рубахи и принялся удрученно грызть ногти на пальцах обеих рук. Все старались ему навредить, и он тоскливо думал, что только подполковник Корн мог бы вразумить его, объяснив ему в эту тяжкую минуту, как поступить с молебнами. Он почти не доверял капеллану, который был всего-навсего капитаном.

— Стало быть, вы считаете, что, если мы не допустим на молебен нижних чинов, это может сказаться на результатах? — спросил он.

Капеллан, чувствуя, что не понимает, о чем говорит полковник, растерянно замялся.

— Да, сэр, — немного помолчав, ответил он. — Боюсь, что такой поступок может неблагоприятно отразиться на нашей молитве о кучном бомбометании.

— Что-что? — неистово хлопая глазами, вскричал полковник. — Об этом я даже не подумал. Вы считаете, что бог способен рассеять, мне в наказание, наши бомбы?

— Да, сэр, — ответил капеллан. — Боюсь, что да.

— Так пропади они тогда пропадом, ваши молитвы! — в припадке гневной независимости воскликнул полковник. — На кой, спрашивается, черт устраивать молебны, от которых может быть хуже? — Презрительно хмыкнув, он снова сел за стол, сунул в рот пустой мундштук и задумчиво умолк. — А ведь, если здраво-то рассудить, — пробормотал он через несколько секунд себе под нос, — мыслишка с молитвами получается вшивая. В «Сатэрдэй ивнинг пост» на них и внимания могут не обратить.

Полковник Кошкарт с досадой отказался от своего плана, потому что разработал его самостоятельно и надеялся ярко продемонстрировать, когда тот будет успешно завершен, что вовсе не нуждается в подполковнике Корне. А отказавшись, почувствовал приятное облегчение, потому что боялся браться за него, не обсудив предварительно с подполковником Корном. Ему стало очень хорошо. Он значительно возвысился в собственных глазах, потому что, отвергнув сомнительный план, принял необычайно мудрое, на свой взгляд, решение, а главное, принял его без подсказки подполковника Корна.

— Это все, сэр? — спросил капеллан.

— Все, — ответил полковник Кошкарт. — Если вы не можете предложить что-нибудь другое.

— Да нет, сэр. Только…

— Вы хотите что-то сказать, капеллан? — словно бы оскорбленный подобной вероятностью, высокомерно осведомился полковник Кошкарт.

— Сэр, я должен довести до вашего сведения, что некоторые люди в полку очень удручены повышением нормы боевых вылетов до шестидесяти, — сказал капеллан. — Они просили меня поговорить с вами об этом.

Полковник молча смотрел на капеллана. Тот залился краской до корней своих рыжеватых волос. Не прерывая молчания, полковник довольно долго пытал его пристальным, холодным, ничего не выражающим взглядом.

— Скажите им, что идет война, — безучастно выговорил он наконец.

— Благодарю вас, сэр, я так и сделаю, — переполненный благодарностью за отмену пытки молчанием, пролепетал капеллан. — Но они-то хотели узнать, почему вы не затребуете новые экипажи из частей пополнения, которые стоят в Африке, — ведь тогда вам удалось бы без проволочек отправить их домой.

— Это административный вопрос, — отозвался полковник, — и не им его решать. — Он лениво указал рукой на корзины у стены. — Отведайте помидорчик, капеллан. Угощайтесь, угощайтесь, платить не нужно.

— Благодарю вас, сэр. Сэр…

— О, не стоит благодарности, капеллан. А вам, стало быть, нравится жить в лесу? Надеюсь, у вас там полный порядок?

— Благодарю вас, сэр. Сэр…

— Не стоит благодарности, капеллан. Известите нас, если вам что-нибудь понадобится.

— Благодарю вас, сэр. Сэр…

— Спасибо, что заглянули, капеллан. А сейчас меня ждет кой-какая важная работа. Не сочтите за труд сообщить мне, если вам придет в голову, как нам попасть на страницы «Сатэрдэй ивнинг пост».

— Безусловно, сэр. — Капеллан сделал над собой нечеловеческое усилие и, словно бросаясь в омут, бесстрашно сказал: — Меня особенно беспокоит один из наших бомбардиров, сэр. Йоссариан.

— Кто? — тревожно переспросил полковник, и в глазах у него промелькнуло смутное воспоминание.

— Йоссариан, сэр.

— Йоссариан?

— Да, сэр, Йоссариан. Ему очень худо. Боюсь, как бы он не совершил от отчаяния что-нибудь воистину непоправимое.

— Ему действительно очень худо, капеллан?

— Да, сэр, боюсь, что очень.

Полковник задумался, и в комнате опять воцарилась тяжкая тишина.

— Посоветуйте ему положиться на бога, — помолчав, сказал он.

— Благодарю вас, сэр, я так и сделаю, — пролепетал капеллан.

Глава двадцатая
Капрал Уиткум

В небе мутновато плавилось утреннее солнце, стояла безветренно-душная предсентябрьская жара. Подавленный и удрученный, капеллан медленно шел по галерее. Неслышно выбравшись из кабинета полковника Кошкарта — его коричневые, на мягкой резиновой подошве и с резиновыми каблуками башмаки позволяли ему двигаться почти бесшумно, — он сразу же начал горько проклинать себя за трусость. Его совесть требовала, чтобы разговор с полковником о шестидесяти боевых вылетах был решительным и твердым. Он собирался говорить независимо, убедительно, смело, он растерялся и отступил, как только почувствовал отпор. Он всегда постыдно отступал перед самоуверенными людьми, и его охватило привычное презрение к самому себе.

Он растерялся, однако, еще сильней, когда заметил буровато-серую бочкообразную фигуру подполковника Корна, который поднимался, неторопливо поспешая, ему навстречу по широкой лестнице, дугообразно возносящей

желтокаменные ступени из громадного круглого вестибюля с темными, в сетке трещин мраморными стенами и темным, выложенным растрескавшейся плиткой затоптанным полом. Подполковник Корн страшил капеллана даже сильнее, чем полковник Кошкарт. Не молодой и не старый, в холодно поблескивающих очках без оправы на смуглом лице и абсолютно лысый, он откровенно не жаловал капеллана и часто бывал с ним груб. Капеллан панически боялся его отрывистых, едких реплик, а еще того больше — проницательно-циничного взгляда и, встречаясь с ним, мгновенно отводил глаза. Зато будто завороженный смотрел, как он то и дело нежно поглаживает широкими сплющенными пальцами свой куполообразный бугорчатый череп, или невольно рассматривал его брюхо с вечно выбивающимися из-под незатянутого ремня полами рубахи, отчего он казался противоестественно пузастым и преувеличенно приземистым, хотя роста был среднего. Лицо у него сально лоснилось, а от крыльев носа к раздвоенному квадратному подбородку тянулись глубокие, почти вертикальные морщины, словно бы подтверждавшие, что человек он ядовитый, надменный и неопрятный. Угрюмо глянув на

капеллана, подполковник Корн, казалось, его не узнал, но, когда они поравнялись, бесстрастно проговорил:

— Приветствую вас, отец. Как дела?

— Доброе утро, сэр, — откликнулся капеллан, мудро полагая, что ничего другого от него не ждут.

Подполковник Корн продолжал подниматься, и капеллан подавил искушение напомнить ему, что он анабаптист, а не католик, и поэтому его необязательно или, верней, неправильно называть отцом. Он был почти уверен, что подполковник Корн превосходно все помнит и говорит ему «отец», да еще с таким вежливо-невинным видом, чтобы лишний раз принизить его веру.

Тот уже миновал капеллана, но вдруг повернулся к нему с такой свирепой подозрительностью, что капеллан оцепенел.

— Где вы взяли этот помидор, капеллан? — резко спросил он.

Капеллан удивленно посмотрел на зажатый в собственном кулаке помидор, которым одарил его полковник Кошкарт.

— Я взял его из корзины в кабинете у полковника Кошкарта, сэр, — пробормотал он.

— А полковник об этом знает?

— Знает, сэр. Он сам мне его дал.

— Тогда все в порядке, — успокоенно проговорил подполковник Корн. Он холодно улыбнулся и принялся затискивать большими пальцами обеих рук полы рубахи под ремень. Его глаза самодовольно блеснули тайным ехидством. — А зачем полковник Кошкарт вызывал вас, отец? — спросил он.

— Я не знаю, сэр, должен ли я… — на секунду онемев, начал капеллан.

— Чтобы вознести молитву издателям «Сатэрдэй ивнинг пост»?

— Да, сэр, — едва не усмехнувшись, ответил капеллан.

— Вот-вот, я так и думал, что он загорится этой шальной идеей, когда увидит последний номер журнала, — сказал подполковник Корн. Чутье не обмануло его, и он пренебрежительно рассмеялся. — Надеюсь, вы объяснили ему всю пагубную беспочвенность его затеи, капеллан?

— Он сам отказался от нее, сэр.

— Вот и хорошо, капеллан. Значит, вам удалось убедить его, что издатели не станут публиковать дважды одну и ту же историю ради прославления какого-то безвестного полковника? Прекрасно, капеллан. А как дела у вас в лесу? Трудностей

нет?

— Нет, сэр. Все постепенно налаживается.

— Вот и хорошо. Я рад, что у вас нет жалоб. Обязательно сообщите нам, если возникнут какие-нибудь осложнения. Мы все желаем вам добра.

— Благодарю вас, сэр. Я так и сделаю.

Внизу разрастался многоголосый гул. Приближалось время обеда, и первые посетители уже наполняли два зала штабной столовой — для офицеров и нижних чинов, — расположенные друг против друга по разные стороны старинной ротонды. Подполковник Корн согнал с лица улыбку.

— Вы ведь обедали у нас пару дней назад, я правильно помню, капеллан? — многозначительно спросил он.

— Да, сэр, позавчера.

— Стало быть, правильно, — удовлетворился подполковник Корн. — Вы не беспокойтесь, отец. Я извещу вас, когда вам настанет время снова навестить штабную столовую.

— Благодарю вас, сэр.

Капеллан не был уверен, в какой из десяти офицерских и солдатских столовых ему следовало сегодня обедать, потому что график посещения

разных столовых, составленный для него подполковником Корном, казался ему чрезвычайно замысловатым, а бумажку со своими записями он забыл у себя в палатке. Капеллан, единственный из офицеров, приписанных к штабу полка, жил не на территории штаба, где вокруг главного штабного здания — ветхого, но поместительного краснокаменного дома — размещалось еще несколько беспорядочно сгрудившихся строений, а в четырех милях от штаба, на опушке леса, между офицерским клубом и палатками одной из четырех эскадрилий, которые базировались на острове Пьяноса. Капеллан жил в просторной квадратной палатке, считавшейся и жильем, и служебным помещением. Шум офицерских попоек часто не давал ему по ночам спать, и он беспокойно ворочался на койке в своем почти бездеятельном полудобровольном изгнании. Принимая порой успокоительные таблетки, чтобы покрепче уснуть, он никогда не умел выбрать правильную дозу, а потом его несколько дней подряд грызла совесть.

Рядом с капелланом на поляне в лесу жил один-единственный человек — капрал Уиткум, его ординарец. Капрал Уиткум, атеист, был необычайно строптивым ординарцем, поскольку не

сомневался, что может выполнять обязанности капеллана гораздо лучше, чем сам капеллан, а поэтому считал себя жертвой социальной несправедливости. Его палатка ничем не отличалась от палатки капеллана. Он начал относиться к своему начальнику с откровенно грубым презрением, как только удостоверился, что тот его не одернет. Палатки капеллана и капрала Уиткума стояли на расстоянии четырех или пяти футов друг от друга.

Жизнь капеллана была обустроена и регламентирована подполковником Корном. Подполковник Корн отселил его от остальных штабистов, полагая, что если он будет жить в палатке, как большинство его прихожан, то ему будет легче с ними сойтись — это во-первых. А во-вторых, постоянное присутствие капеллана при штабе создавало бы для офицеров уйму неудобств. Одно дело — быть связанным через капеллана с господом, считал подполковник Корн, против этого никто, разумеется, не возражал; и совсем другое — постоянно жить у него на глазах. В общем, как объяснял подполковник Корн майору Дэнби, пучеглазому и нервозному начальнику оперативного отдела, капеллан неплохо приуютился у них в полку: ему ведь надо только выслушивать

рассказы о чужих бедах, хоронить мертвых, навещать увечных да совершать религиозные обряды. Причем похороны теперь случаются довольно редко, говорил подполковник Корн, потому что истребителей у немцев почти не осталось, а девяносто процентов из тех немногих летчиков, которых мы все же теряем, погибают за линией фронта или развеиваются прахом в облаках, куда капеллану доступ закрыт. Что же до богослужений, то они тоже не требуют от капеллана особых хлопот, поскольку совершаются раз в неделю и посещаются отнюдь не густо.

Постепенно капеллан приучил себя к мысли, что ему нравится жить на лесной поляне. Он был обеспечен всем необходимым, а поэтому не мог, так же как и капрал Уиткум, проситься на жительство в штабное здание. Он питался поочередно во всех полковых столовых — их было восемь, по две на эскадрилью, — а кроме того, делил каждую пятую трапезу с нижними чинами и каждую десятую с офицерами штаба. У себя дома, в штате Висконсин, капеллан очень любил садовничать, и его восхищало могучее плодородие здешней природы, когда он смотрел на густые заросли высокой, по пояс ему, травы, колючего мелколесья и непролазного кустарни-

ка, которыми он был отделен от мира, словно стеной. Весной он с удовольствием посадил бы вокруг палатки цветы — бегонию и циннию, например, — но не сделал этого, опасаясь злобных нападок капрала Уиткума. Капеллан искренне радовался своему лесному затворничеству, которое помогало ему проводить жизнь в созерцании и размышлениях. Сейчас к нему приходило гораздо меньше людей со своими горестями, чем раньше, и это наполняло его благодарностью. Капеллан не умел легко сходиться с людьми, и ему было трудно вести задушевные разговоры. Он скучал по своему семейству — жене с тремя маленькими детьми, — и жена тоже скучала по капеллану.

Помимо веры в бога, капеллан больше всего раздражал капрала Уиткума полным отсутствием предприимчивости и напористости. Если б дело поручили ему, размышлял капрал Уиткум, на богослужения ломился бы весь полк. В голове у него полыхал буйный фейерверк дерзновенных идей духовного возрождения — утренние трапезы, общественные мероприятия, коллективное лото «бинго», цензура, официальные письма родственникам убитых и раненых, — творцом которого он видел в мечтах себя. Но ему мешал

капеллан. Эта помеха доводила его до бешенства, потому что он видел вокруг безграничные возможности для улучшений. Именно из-за таких людей, как капеллан, думал капрал Уиткум, религия пользуется столь дурной репутацией, и они оба живут на положении отверженных. В отличие от капеллана капрал Уиткум ненавидел их затворническую жизнь. Заместив капеллана, он собирался первым делом перебраться на жительство обратно в штаб, чтобы оказаться среди людей и в гуще событий.

Когда капеллан вернулся после вызова полковника Кошкарта на свою поляну, капрал Уиткум, стоя возле палатки в душновато-прозрачном мареве знойного дня, беседовал нарочито приглушенным голосом со странным пухлощеким человеком в бордовом вельветовом халате и серой фланелевой пижаме. Капеллан сразу понял, что это форменная госпитальная одежда. А оба собеседника сделали вид, что не поняли, кого они видят. Десны у пришельца были лиловые, на халате сзади красовался бомбардировщик «Б-25» среди оранжевых зенитных разрывов, а спереди виднелись шесть рядков бомб, означавших, что владелец халата совершил шестьдесят боевых вылетов. Капеллана так поразил его облик, что

он сразу же отвел глаза. Собеседники оборвали разговор и напоказ молчали. Капеллан поспешно юркнул к себе в палатку. Повернувшись к ним спиной, он услышал — или вообразил, что услышал, — их ехидные смешки.

Следом за капелланом в его палатку вошел капрал Уиткум.

— Что нового? — требовательно спросил он.

— Да все по-старому, — глядя в сторону, ответил капеллан. — А ко мне никто не приходил?

— Притаскивался опять этот чокнутый — Йоссариан. Вот уж вредоносный тип, верно?

— Мне кажется, он вовсе не чокнутый, — возразил капеллан.

— Правильно, выгораживайте его, — оскорбленно сказал капрал Уиткум и, чеканя шаг, удалился.

Капеллану не верилось, что он опять оскорбил капрала Уиткума и тот действительно ушел. Едва он об этом подумал, капрал Уиткум вошел снова.

— Вы всегда защищаете чужаков, — осудил он капеллана. — А своих не поддерживаете. Вот в чем ваша беда.

— Я его вовсе не защищаю, — попытался оправдаться капеллан. — Просто высказал свое мнение.

— Ну а зачем вас вызывал полковник Кошкарт?

— Так, ничего важного. Он хотел поговорить со мной насчет молебнов перед боевыми вылетами, — сказал капеллан.

— Правильно, мне ничего не полагается знать, — пробурчал капрал Уиткум и вышел из палатки.

Капеллан пал духом. Он всегда старался вести себя как можно тактичней, но всегда, похоже, обижал капрала Уиткума. Он покаянно опустил голову и заметил, что навязанный ему подполковником Корном ординарец — навязанный, чтобы убирать у него в палатке и следить за чистотой одежды, — опять не вычистил ему башмаки.

Капрал Уиткум снова вошел в палатку.

— Ничего-то вы мне не рассказываете, — настырно прохныкал он. — У вас нет никакого доверия к своим. Вот в чем ваша беда.

— Совсем наоборот, — виновато возразил капеллан. — Я полностью вам доверяю.

— А как будет с письмами? — тотчас же спросил капрал Уиткум.

— Ох, не надо! — раболепно взмолился капеллан. — Я не могу сейчас говорить про письма. Прошу вас, не навязывайте мне этот разговор. Я

обязательно скажу вам, если переменю решение.

— Вот, значит, как? — взъярился капрал Уиткум. — Правильно, сидите тут, утопайте в сомнениях, пока я делаю всю работу. А видали вы парня с картинками на халате?

— Он хочет со мной поговорить? — спросил капеллан.

— Нет, — сказал капрал Уиткум и ушел.

В палатке сгущалась душная жара, и капеллан почувствовал, что покрывается испариной. Он обессиленно сидел за шатким складным столиком, который служил ему письменным столом, и, не желая подслушивать, все же слышал конспиративно приглушенные голоса. Губы у него были плотно сжаты, взгляд ничего не выражал, а желтовато-коричневое, с неглубокими крапинками давних прыщей лицо напоминало по фактуре и цвету скорлупу недозревшего миндаля. Он мучительно пытался отыскать глубинные корни того угрюмого ожесточения, с которым относился к нему капрал Уиткум, но, так и не отыскав, снова решил, что когда-то непростительно его уязвил. Нельзя же было поверить, что тот навеки ожесточился из-за отвергнутых капелланом писем, которые он предлагал посылать родственникам убитых, или отказа капеллана развлекать по

воскресеньям молящихся игрой в лото. Капеллан горько проклинал свое неумение ладить с людьми. Он давно уже собирался по-дружески расспросить капрала Уиткума, чем не угодил ему, но заранее стыдился того, что мог узнать.

Между тем разговор на поляне оборвался, и капрал Уиткум хихикнул. Пришелец прыснул приглушенным смешком. Несколько тревожных секунд капеллан с дрожью ощущал необъяснимую, ничем не обоснованную уверенность, что однажды он уже это пережил — в нынешней или прошлой жизни. Он попытался удержать, не упустить мимолетное ощущение, чтобы предугадать или даже предопределить дальнейшие события, но оно, как он и предчувствовал, бесследно истаяло. Déjà vu.[23] Почти неуловимое, чреватое повторами смешение иллюзорного с реальным издавна преследовало капеллана, и он уже кое-что об этом знал. Знал, к примеру, что так проявляется парамнезия, и его очень занимали оптические следствия этого явления: jamais vu — никогда не виденное, и presque vu — почти увиденное. Иногда он вдруг пугливо замечал, что усвоенные им с детства представления, окру-

---

[23] Примечания: 23
Виденное раньше *(франц.)*.

жающие предметы или даже люди, которых он прекрасно знал, неузнаваемо изменяются, приобретая на мгновение чуждый, совершенно незнакомый для него облик — jamais vu. А порой ему почти открывалась в мгновенных прозрениях почти абсолютная истина, которую он почти видел — presque vu. Однако эпизод при захоронении Снегги, когда капеллан увидел на дереве голого человека, полностью сбивал его с толку. Déjà vu тут не подходило, поскольку у капеллана не было ощущения, что он уже видел голого человека на дереве при захоронении Снегги. Не подходило и jamais vu, поскольку нельзя было сказать, что капеллану привиделось нечто знакомое в незнакомом обличье. А поскольку он явственно видел голого человека, то presque vu не подходило тоже.

Где-то поблизости заурчал и с рокотом укатил джип. Так что же — галлюцинацией был голый человек на похоронах Снегги? Или он сподобился истинного откровения? От такой мысли его бросило в дрожь. Ему отчаянно хотелось открыться Йоссариану, но, начиная думать об этом происшествии, он всякий раз решал больше никогда о нем не думать, хотя сейчас, когда он все же подумал о нем, он не мог с уверенностью сказать,

что когда-нибудь действительно о нем думал.

В палатку, как-то по-новому мстительно сияя, вошел капрал Уиткум и картинно оперся локтем на центральный столб.

— Знаете, кто этот парень в красном халате и с перебитым носом? — самодовольно спросил он. — Агент ОБП, вот он кто. Его прислали сюда с официальным заданием. Он приехал из госпиталя, чтобы провести расследование.

— Надеюсь, вам ничто не угрожает? — услужливо забеспокоился капеллан. — Или, может, нужна моя помощь?

— Мне-то не угрожает, — с ухмылкой сказал капрал Уиткум. — А вот вам угрожает. Они собираются взгреть вас за подпись «Вашингтон Ирвинг» на всех тех письмах, где вы подписывались как Вашингтон Ирвинг. Что вы на это скажете?

— Я никогда не подписывался как Вашингтон Ирвинг, — сказал капеллан.

— Со мной вы можете не темнить, — разрешил ему капрал Уиткум. — Вам не меня надо убеждать.

— Мне незачем темнить.

— Мое-то дело сторона. А они собираются уконтрапупить вас еще и за перехват корре-

споненции майора Майора. Она же почти вся секретная.

— Да я-то тут при чем? — с горестным озлоблением удивился капеллан. — Ну как, скажите на милость, попадет ко мне его корреспонденция?

— Со мной вы можете не темнить, — повторил капрал Уиткум. — Вам не меня надо убеждать.

— Мне незачем темнить! — запротестовал капеллан.

— Ну а кричать-то на меня зачем? — оскорбленно окрысился капрал Уиткум. Он подошел к капеллану и с укоризной погрозил ему пальцем. — Я вас, можно сказать, спас, никто за всю вашу жизнь не оказал вам такой великой услуги, а вы не желаете это понять. Каждый раз, когда он пытался письменно доложить о вас своему начальству, какой-то цензор в госпитале вымарывал из его доклада все подробности. Он чуть не свихнулся, строча свои доклады. А я даже читать его письмо не стал — просто поставил на нем подпись цензора, и дело с концом. Вы только выиграете от этого во мнении его начальства из ОБП. Они сразу поймут, что нам незачем скрывать про вас правду.

— Но вы же вроде не имеете права досматривать письма, — в замешательстве пробормотал

капеллан.

— Правильно, — подтвердил капрал Уиткум. — Досматривать письма имеют право только офицеры. Поэтому я расписался от вашего лица.

— Да ведь и у меня, по-моему, нет такого права.

— Все предусмотрено, — успокоил капеллана капрал Уиткум. — Я расписался от вашего лица, но не вашей фамилией.

— А разве это не подлог?

— И тут все предусмотрено, не волнуйтесь. Единственный, кто может обжаловать подделку подписи, — это тот, чью подпись подделали, так что я ради вашей безопасности выбрал имя умершего — подписался как Вашингтон Ирвинг. — Капрал Уиткум внимательно посмотрел на капеллана, будто в ожидании буйного протеста, а потом доверительно, со скрытой насмешкой сказал: — Мне пришлось быстро соображать, вы согласны?

— Ох, не знаю, — дрожащим полушепотом жалобно отозвался капеллан, искоса глядя в мучительном недоумении на своего ординарца. — Мне что-то непонятен ход ваших мыслей. Ну как я могу выиграть в чьем-нибудь мнении, если вы подписались за меня именем Вашингто-

на Ирвинга?

— Так они же уверены, что вы и есть Вашингтон Ирвинг. Неужели вам не ясно? А теперь они окончательно убедятся, что это вы.

— Да ведь именно в этом их и надо вроде бы разубедить, — неуверенно пролепетал капеллан. — А вы дали им в руки доказательство моей мнимой вины. Разве нет?

— Если б я знал, что вы такой злостный формалист, то даже не подумал бы вам помогать, — с негодованием заявил капрал Уиткум и вышел из палатки. Через несколько секунд он вошел снова. — Я вас, можно сказать, спас, никто за всю вашу жизнь не оказал вам такой великой услуги, а вы не желаете это усвоить. Вы не желаете усвоить, как надо выражать признательность. Вот в чем ваша беда.

— Простите, капрал, — сокрушенно извинился капеллан. — Простите, ради Христа. Мне, признаться, и самому непонятно, что я плету, — так меня ошеломил ваш рассказ. Я вам очень благодарен.

— А как насчет писем родственникам убитых? — немедленно осведомился капрал Уиткум. — Я бы прямо сразу сделал первые наброски.

У капеллана отвисла челюсть.

— Ох, нет, — простонал он. — Только не сейчас.

Капрал Уиткум рассвирепел.

— Я ваш лучший друг, а вы не желаете это осознать, — возмущенно прорычал он и вышел из палатки. — Я хочу вам помочь, — входя в палатку, объявил он, — а вы не желаете это замечать. Вам же угрожает страшная опасность. Агент ОБП помчался в госпиталь, чтоб написать про вас новый доклад в связи с помидором.

— О чем вы говорите? — испуганно сморгнув, спросил капеллан.

— О том помидоре, который вы прятали в кулаке, когда появились на поляне. Да вот же он! Вы и сейчас его прячете.

Капеллан разжал пальцы и удивленно воззрился на обретенный в кабинете полковника Кошкарта помидор. Он торопливо положил его на стол.

— Мне дал этот помидор полковник Кошкарт, — объяснил он, с ужасом понимая, как смехотворно звучит его объяснение. — Он долго настаивал, чтоб я его взял.

— Со мной вы можете не темнить, — сказал капрал Уиткум. — Мне-то безразлично, украли вы его или нет.

— Украл? — изумленно воскликнул капеллан. — Да зачем стал бы я красть помидор?

— Вот и нас это сначала поставило в тупик, — признался капрал Уиткум. — А потом агент ОБП решил, что вы, возможно, спрятали в помидоре какие-то важные секретные документы.

Капеллан так и осел под тяжестью этого невыносимого обвинения.

— Не прятал я в помидор секретных документов! — с простотой отчаяния выкликнул он. — Да если уж на то пошло, я и брать-то его не хотел. Вот он, перед вами, возьмите его, если хотите. Возьмите и проверьте.

— Не хочу я его брать.

— Возьмите, пожалуйста, — еле слышно попросил капеллан. — Мне хочется от него избавиться.

— Не хочу я его брать! — рявкнул капрал Уиткум и с гневным лицом вышел из палатки, едва сдерживая ухмылку ликующего торжества, потому что он завел себе с помощью подлога могучего союзника — агента ОБП — и опять сумел притвориться перед капелланом глубоко удрученным.

Бедный Уиткум, вздохнув, подумал капеллан и снова решил, что болезненные странности ординарца лежат на его совести. Он молча, уныло и бездумно сидел за столом, дожидаясь возвраще-

ния капрала Уиткума. А когда его преувеличенно твердые шаги затихли в отдалении, пригорюнился еще сильней. Ему ничего не хотелось делать. Он решил подкрепиться вместо обеда двумя плитками шоколада с орехами из своего армейского сундучка и запить их тепловатой водой из походной фляги. Ему казалось, что вокруг клубится плотный туман мрачной безысходности, и он не видел ни малейшего просвета впереди. Его очень беспокоило, кем он предстанет в глазах полковника Кошкарта, когда тот узнает, что он взят под подозрение как Вашингтон Ирвинг, и кем он уже предстал в его глазах, когда завел с ним разговор о шестидесяти боевых вылетах. Мир утопал в несчастьях, и при мысли об этом капеллан тоскливо поник головой, понимая, что он никому не способен помочь, а себе и вовсе умеет только вредить.

Глава двадцать первая
Генерал Дридл

В глазах полковника Кошкарта капеллан был ничтожным пустяком, о котором он мгновенно забыл, потому что его внезапно ослепил новый угрожающий жупел — Йоссариан.

Йоссариан! При мерзостных звуках этого уродливого слова у полковника Кошкарта леденела в жилах кровь и жарко перехватывало дыхание. Когда капеллан неожиданно упомянул это безобразное имя — Йоссариан, — оно всколыхнулось в памяти полковника Кошкарта подобно звону зловещего колокола. А когда за капелланом захлопнулась дверь, воспоминания о голом человеке в строю нахлынули на полковника Кошкарта буйными волнами невообразимо унизительных для него подробностей. Он задрожал и взмок. Открывшееся совпадение было столь чудовищным и невероятным, что оно поневоле воспринималось как дьявольское знамение. Ведь голый человек, получивший в парадном строю «Боевой летный крест» из рук генерала Дридла, тоже звался Йоссарианом! А теперь некий

Йоссариан угрожал ему осложнениями из-за его недавнего приказа об увеличении нормы боевых вылетов до шестидесяти. Хотелось бы ему знать, был ли это один и тот же Йоссариан!

Полковник Кошкарт встал и принялся в тяжкой тоске бродить по комнате. Его угнетала непостижимость происходящего. Голый человек в строю, безрадостно размышлял он, застрял у него в горле, как зазубренная кость. То же самое следовало сказать про таинственно переместившуюся на карте линию фронта перед бомбардировкой Болоньи и семидневную проволочку с уничтожением моста у Феррары, хотя уничтоженный в конце концов мост, бодро припомнил полковник Кошкарт, обернулся для него благодатным даром судьбы, несмотря на то что потерянный тогда при втором заходе самолет приходилось признать торчащей у него в горле костью, чего нельзя было сказать про медаль, полученную по его представлению бомбардиром, который повел свое звено на второй заход, — медаль, данная бомбардиру его полка, была для полковника Кошкарта благотворным даром судьбы, в отличие от самого бомбардира, навеки застрявшего у него в горле, словно пакостная кость, поскольку из-за второго захода был сбит самолет. И звался этот

бомбардир, как вдруг с ужасом вспомнил полковник Кошкарт, тоже Йоссарианом! Так, значит, их было трое? Его глянцевитые глаза изумленно выпучились, и он судорожно оглянулся — мало ли что могло твориться у него за спиной! Всего час назад в его жизни не было ни одного Йоссариана, а теперь они начали выскакивать один за другим, будто черти из табакерки. Он попытался успокоиться. Ему пришло в голову, что Йоссариан — редкое имя, поэтому, возможно, не существовало трех Йоссарианов, а было только два Йоссариана или даже всего один Йоссариан… *но это не имело никакого значения!* Его подстерегал неотвратимый рок. Чутье подсказывало ему, что он приближается к необоримой вселенской катастрофе, и его мясистые, весьма объемистые телеса задрожали, словно встряхиваемое желе, когда ему представилось, что Йоссариан, кем бы он ни оказался, сыграет в его жизни роковую роль.

Полковник Кошкарт не был суеверен, однако своим предчувствиям, как правило, доверял; он сел за стол и кратко закодировал в памятном блокноте мучающие его сомнения, чтобы посмотреть на подозрительную историю с Йоссарианами непредвзятым взглядом. Он сделал

запись твердой, решительной рукой, отметив некоторые подробности понятными только ему знаками препинания и дважды подчеркнув зашифрованное сообщение самому себе прямой чертой:

ЙОССАРИАН!!!(?)!

Завершив работу, полковник Кошкарт откинулся на спинку кресла, по праву удовлетворенный действенным и безотлагательным поступком в минуту крайней опасности. Йоссариан — это воплощенное на листе бумаги имя снова заставило его содрогнуться. Оно свирепо свиристело сдвоенным «с» и раскатистым «р». Оно было созвучно страшному термину *подстрекатель.* Оно прыскало россыпью подрывных словес вроде *эсэсовский* и *неприятельский, иностранный, красный* и даже *бунтарский.* Это было гнусное, отвратное, враждебное имя, которое не вызывало ни малейшего доверия. Оно в корне отличалось от таких истинно американских, бодрых, солидных и честных имен, как Долбинг, Дридл или Кошкарт.

Полковник Кошкарт медленно вылез из-за стола и опять начал слоняться по комнате. Машинально ухватив помидор, он с жадностью впился в него зубами. Лицо у него мгновенно пе-

рекосилось, и он злобно швырнул надкушенный помидор в корзину для бумаг. Ему не нравились помидоры, даже свои собственные, а эти он никак не мог назвать своими. Они были куплены через подставных лиц подполковником Корном на разных рынках Пьяносы, доставлены ночью к ним на ферму и переправлены утром в штаб для продажи Мило Миндербиндеру, который платил за них дороже, чем они стоили на рынке. Полковник Кошкарт иногда тревожно размышлял, законны ли их торговые манипуляции с помидорами, но подполковник Корн говорил ему, что законны, и он почитал за благо верить своему партнеру. Он не знал даже, законно ли владеет фермой в горах, потому что сделку оформлял подполковник Корн. Полковник Кошкарт не знал, у кого она куплена или, может, арендована и какова ее стоимость. Подполковник Корн был по образованию юристом, и если б он стал утверждать, что мошенничество, вымогательство, присвоение чужого, уклонение от уплаты налогов и валютные махинации вполне законны, то полковник Кошкарт решил бы, что не ему это опровергать.

Твердо он знал только одно — что у него есть ферма в горах, которая ему ненавистна. Примерно каждые две недели он с тоской проводил

там по два или три дня для поддержания слухов о том, что этот сырой, продуваемый сквозняками каменный дом служит кое-кому золотым дворцом жарких чувственных утех. Офицерские клубы полнились неясными, но, как считалось, достоверными легендами о безудержных кутежах и разнузданных оргиях, о тайных, только для избранных гостей ночах с ослепительно прекрасными, мучительно притягательными, пылко ненасытными и пламенно щедрыми к чужой жажде итальянскими куртизанками, кинозвездами, натурщицами и аристократками. Ничего подобного в этой сырой лачуге никогда не происходило. Полковник Кошкарт, пожалуй, устроил бы там что-нибудь разгульно-забубенное, если б генерал Дридл или генерал Долбинг напросились к нему в гости; но генералы в гости к нему не напрашивались, а он был не из тех, кто тратит силы и время на безумные ночи с прекрасными женщинами без надежды заполучить при этом социально осязаемый, способствующий преуспеянию навар.

Его до ужаса удручали одинокие ночи и пустопорожние дни на ферме в горах. Ему было неизмеримо лучше в штабе, где он сам мог нагонять ужас на всех, кого не боялся. Однако

подполковник Корн регулярно ссылал его туда, объясняя, что их ферма потеряет в глазах людей романтический ореол, если ее не посещать. Отправляясь на ферму, он всякий раз горестно себя жалел. Сунув в джип дробовик, он убивал на ферме время, постреливая в птиц и расстреливая помидоры, которые действительно там росли — такие неухоженные и выродившиеся, что их не стоило собирать.

Кое-кому из офицеров, не дослужившихся до полковника, он считал полезным оказывать некоторые знаки уважения — в частности, уважительно разговаривал с майором… де Каверли, хотя делал это весьма неохотно и без всякой уверенности, что так и нужно. Майор… де Каверли казался загадочным и полковнику. Кошкарту, и майору Майору, и всем, кто с ним сталкивался. Полковник Кошкарт не мог решить, сверху вниз ему смотреть на майора… де Каверли или снизу вверх. Тот был гораздо старше его, а дослужился только до майора; однако он вызывал у однополчан столь глубокое благоговение, что поневоле приходилось опасаться, не знают ли они какой-нибудь возвышающей его над другими тайны. Его внушительный, даже зловещий облик заставлял полковника Кошкарта всегда быть при

нем начеку — тем более, что и подполковник Корн вел себя с ним весьма осмотрительно. Все его боялись, и никто не знал — почему. Никто даже имени майора… де Каверли не знал, и ни у кого не хватало смелости спросить, как его зовут. Поначалу полковник Кошкарт радовался его частым отлучкам, но однажды заподозрил, что он отлучается для каких-нибудь тайных интриг против него, и с тех пор чувствовал себя спокойным, только когда майор… де Каверли возвращался в свою эскадрилью, где ему и надлежало быть — под постоянным присмотром.

Вскоре от непрерывной ходьбы у полковника Кошкарта заболели ноги. Он снова уселся за стол и решил оценить боевую обстановку не спеша, систематически и углубленно. С сосредоточенным видом человека, который знает, как делаются серьезные дела, он отыскал карандаш, подвинул к себе большой блок вставленной в рамку белой промокательной бумаги, разделил верхний лист напополам прямой вертикальной линией и перечеркнул ее вверху горизонтальной, так что получилось две колонки одинаковой ширины. Потом немного передохнул, критически рассматривая свое творение. А потом принагнулся вперед и над левой колонкой вывел витиевато-

неразборчивую надпись — «Кости в горле!!!». Над правой колонкой он написал: «Лакомые дары судьбы!!!» — и, откинувшись в кресле, восхищенно оглядел плоды своего труда объективным взглядом, со стороны. Несколько секунд у него заняли дальнейшие раздумья, а потом он тщательно послюнил карандаш и, делая передышку после каждой записи, начал заполнять левую колонку, чтобы подсчитать застрявшие у него в горле кости:

«Феррара;

Болонья (перемещенная на карте линия фронта — при осаде);

Тир для стрельбы по тарелочкам;

Голый человек в парадном строю (после Авиньона)».

Немного подумав, он приписал:

«Отравление пищи (Болонья, при осаде)».

И после дополнительных размышлений добавил:

«Оханье (эпидемия перед полетом на Авиньон — при инструктаже)».

А потом добавил еще:

«Капеллан (постоянно околачивается вечерами в офицерском клубе)».

Не желая предвзято судить о капеллане, хотя

тот и вызывал у него раздражение, он вписал в правую колонку, где должны были значиться лакомые дары судьбы:

«Капеллан (постоянно околачивался вечерами в офицерском клубе)».

Капеллан, таким образом, сам себя нейтрализовал. Рядом с пунктами «Феррара» и «Голый человек в парадном строю (после Авиньона)» полковник Кошкарт написал:

«Йоссариан!»

А рядом с пунктами «Болонья (перемещенная на карте линия фронта — при осаде)», «Отравление пищи (Болонья, при осаде)» и «Оханье (эпидемия перед полетом на Авиньон — при инструктаже)» уверенно и четко вывел: «?» Это означало, что ему следует немедленно начать расследование, не замешан ли тут Йоссариан.

Внезапно у него задрожали руки, так, что писать он больше не мог. Ему стало невыносимо страшно; липкий от испарины и словно бы распираемый изнутри от страха, он вскочил на ноги и бросился к открытому окну, чтобы глотнуть свежего воздуха. Увидев под окном тир для стрельбы по тарелочкам, он страдальчески вскрикнул, стремительно повернулся к окну спиной и начал обшаривать лихорадочным взглядом стены ком-

наты, как если бы они кишели Йоссарианами.

Никто его не любил, а генерал Дридл ненавидел, и только генерал Долбинг относился к нему хорошо, хотя и в этом он не был уверен, потому что полковник Каргил, адъютант генерала Долбинга, наверняка вынашивал собственные честолюбивые замыслы и, значит, вполне мог выставлять его в дурном свете перед генералом Долбингом. Хорошим полковником можно назвать только мертвого полковника, подумал он, — если не считать его самого. А достойным доверия он решился бы назвать только полковника Мудиса, которому, однако, тоже не мог полностью доверять из-за его родственных связей с генералом Дридлом. Мило Миндербиндер был, конечно, для него благословенным даром судьбы, но бомбовый удар, обрушенный самолетами Мило на их полк, застрял у него в горле, как зловредная кость, хотя Мило искусно свел все обвинения на нет, обнародовав гигантские прибыли, полученные синдикатом от сделки с врагом, и убедив каждого, что бомбардировка собственных однополчан и самолетов чрезвычайно выгодна, а значит, способствует расцвету частного предпринимательства. Но все же полковник Кошкарт не мог полностью положиться на Мило, поскольку его

норовили сманить другие полковники, а ведь у него в полку служил еще и этот вшивый Вождь Белый Овсюг, про которого этот вшивый лодырь капитан Гнус утверждал, что именно он, и никто другой, передвинул на карте линию фронта во время Достославной осады Болоньи. Вождь Белый Овсюг нравился полковнику Кошкарту, поскольку всякий раз бил по носу этого вшиваря полковника Мудиса, когда он попадался ему под пьяную руку. Он, правда, нравился бы полковнику Кошкарту еще больше, если бы бил по жирным мордасам и подполковника Корна. Подполковник Корн был вшивый умник. Это ярило кого-то в штабе Двадцать седьмой воздушной армии, и все его доклады возвращались обратно с издевательским разносом, а он давал взятки хитроумному штабному писарю Уинтергрину, чтобы тот узнал, кто из армейских штабистов точит на него зуб. Потеря самолета во время второго захода на цель при бомбардировке Феррары не способствовала воинской славе полковника Кошкарта — так же, как и сгинувший в прозрачном облачке самолет, — *а ведь его он даже не записал!* Полковник Кошкарт попытался припомнить, не сгинул ли вместе со сгинувшим самолетом и Йоссариан, но сразу понял, что тот, к сожалению, не мог сгинуть

вместе со сгинувшим самолетом, раз все еще был жив и угрожал ему гнусной склокой из-за каких-то вшивых пяти дополнительных вылетов.

Возможно, шестьдесят боевых вылетов и правда чересчур много, подумал полковник Кошкарт, однако тут же сообразил, что, обязав своих людей совершать больше вылетов, чем другие, добился значительного превосходства над соперниками в борьбе за генеральский чин. Недаром подполковник Корн постоянно повторял, что армия наводнена командирами полков, которые добросовестно выполняют свой долг, и необходим какой-нибудь истинно драматический жест, вроде резкого увеличения нормы боевых вылетов, чтобы обратить всеобщее внимание на свои выдающиеся способности к руководству людьми. Ни один из генералов не возражал, как заметил полковник Кошкарт, против его действий, но и особого значения никто им тоже, по-видимому, не придавал, и получалось, что шестьдесят боевых вылетов — незначительное достижение, а стало быть, норму надо повысить до семидесяти, восьмидесяти, сотни, тысячи или, лучше всего, сразу до шести тысяч вылетов, думал полковник Кошкарт.

Полковник Кошкарт был уверен, что под на-

чальством утонченного интеллектуала вроде генерала Долбинга ему служилось бы гораздо лучше, чем у такого бесчувственного грубияна, как генерал Дридл, поскольку генерал Долбинг в силу своего происхождения и воспитания — элитарные традиции Новой Англии служили тому порукой — обладал достаточной проницательностью, чтобы заметить и оценить особые достоинства полковника Кошкарта, хотя генерал Долбинг никогда не показывал, что заметил их или оценил. Однако полковник Кошкарт чувствовал, что между усложненно восприимчивыми, уверенными в себе людьми существует тайное взаимопонимание, которое не выставляет себя напоказ. Они с генералом Долбингом люди одного круга, а этим уже решительно все сказано, и полковник Кошкарт не сомневался, что если у него хватит выдержки мудро дождаться своего часа, то он будет выделен и отмечен, хотя его самолюбие тяжко страдало, когда он видел, что генерал Долбинг, блистая эрудицией или остроумием, не старается произвести на него большее впечатление, чем на всех других, включая нижние чины. Тут могло быть два объяснения: или полковник Кошкарт не сумел должным образом себя зарекомендовать, или генерал Долбинг

только притворялся одухотворенным, тонким и проницательным интеллектуалом, а по-настоящему блистательной личностью был генерал Дридл, обаятельный, дальновидный, отзывчивый командир, у которого полковнику Кошкарту и следовало служить, а значит, он окончательно запутался, с кем он заодно, и единственным выходом в таком случае было остервенело долбить по кнопке звонка на столе, чтобы прибежавший к нему в кабинет подполковник Корн рассказал, как все его любят, успокоил насчет Йоссариана и обстоятельно доложил о его успехах на доблестном пути к званию генерала.

На самом-то деле у полковника Кошкарта не было ни малейшей возможности стать генералом. Во-первых, из-за рядового экс-первого класса Уинтергрина, который тоже хотел стать генералом и всегда уничтожал, уничижал, искажал, клал под сукно или отправлял не по адресу любой доклад, положительно характеризующий полковника Кошкарта. А во-вторых, из-за генерала Дридла, который уже занял генеральскую должность и знал о замысле генерала Долбинга спихнуть его с этой должности, но не знал, как ему противостоять.

Генерал Дридл, коренастый, с бочкообразным

торсом грубоватый человек чуть за пятьдесят, командовал авиабригадой. Нос у него был широкий и красный, а морщинистые массивные белесые веки, наподобие дряблых жирных окороков, обрамляли маленькие серые глаза. При нем постоянно обретались медсестра и зять, с которыми он почти не разговаривал, потому что, когда был сравнительно трезвым, чаще всего мрачно молчал. Генерал Дридл угробил слишком много времени на добросовестную армейскую службу и понимал, что упущенного не наверстать. Он отстал от времени, и его не принимали в новые подспудные группировки, негласно объединявшие молодых преуспевающих офицеров. Когда он думал, что вокруг никого нет, на его резко очерченном, хмуром лице появлялось выражение подавленного уныния. Он истово пил. Подчиненные знали его как непредсказуемого самодура. «Война — дьявольская мерзость», — частенько говаривал он и пьяный, и трезвый, да так в самом деле и думал, что не мешало ему умело обделывать прибыльные дела вместе со своим зятем, хотя они постоянно поносили друг друга.

— Видели вы недоноска? — с презрительным, похожим на хрюканье смешком вопрошал присутствующих генерал Дридл, расположившись в

офицерском клубе за стойкой бара. — Я поставил его на ноги, этого недоношенного сукина кота. Он всем обязан мне. У него нет мозгов, чтобы жить по собственному разумению.

— Видели вы всезнайку? — мрачно вопрошал у другого конца стойки полковник Мудис. — Слова не скажи ему поперек, он просто не способен услышать разумный совет.

— Все, на что он способен, — это давать дурацкие советы, — со скрипучим фырканьем продолжал генерал Дридл. — Ему бы и до капрала не дослужиться, если б не я.

Генерала Дридла всегда сопровождали зять и медсестра, усладительнейшая, на взгляд всех, кто ее видел, девица. Это была невысокая полненькая блондинка с аккуратно завитыми локонами, неизменно счастливыми глазами и круглыми ямочками на пухлых щеках. Она всех одаривала лучезарной улыбкой и, пока к ней не обращались, молчала. У нее была свежая кожа и пышный бюст. Короче, она была неотразимой, и люди предпочитали держаться от нее подальше. Хорошенькая, сочная, смиренная и молчаливая, она всех, кроме генерала Дридла, мгновенно сводила с ума.

— Вы бы посмотрели на нее голую, — хрипел, весело фыркая, генерал Дридл, а она, с гордо-

стью улыбаясь, молча стояла рядом. — У меня в штабной квартире хранится ее униформа из пурпурного шелка — такая облегающая, что все, как говорится, наружу. Под нее даже бюстгальтер не подденешь. А шелк добыл Мило Миндербиндер. И я, стало быть, иногда обряжаю ее по вечерам в эту униформу — чтобы Мудис лишился последнего ума. — Генерал Дридл хрипато хохотал. — Вы бы посмотрели, что у нее делается под блузкой, когда она переступает с ноги на ногу! Мудис, можно сказать, просто теряет башку. А я, стало быть, жду, и, как только этот кобель прикоснется к ней — или к любой другой бабе, — разжалую его в солдаты и сошлю на год в кухонную обслугу.

— Он держит ее при себе, чтобы сводить меня с ума, — страдальчески обвинял у другого конца стойки полковник Мудис генерала Дридла. — Он хранит в своей штабной квартире ее униформу из пурпурного шелка — такую облегающую, что все, как говорится, наружу. Под нее даже бюстгальтер не подденешь. Вы бы послушали, как шуршит этот проклятый шелк, когда она переступает с ноги на ногу. Я просто теряю голову. А он, стало быть, ждет, и, стоит мне прикоснуться к ней — или к любой другой женщине, — разжалует меня в солдаты и сошлет на год в кухонную обслугу.

— Он только облизывается на баб с тех пор, как мы отчалили из Штатов, — конфиденциально сообщал генерал Дридл, и его серовато-седая квадратная голова злорадно тряслась от садистского хохота. — Я же никуда его не отпускаю. Представляете, каково приходится этому несчастному сукину коту?

— У меня не было ни одной женщины с тех пор, как мы отчалили из Штатов, — слезливо хныкал полковник Мудис. — Представляете, каково мне приходится под начальством этого садиста?

Раздражаясь, генерал Дридл свирепо мордовал не только полковника Мудиса. Сдержанности, тактичности и терпимости он решительно не признавал, а его взгляд на воинскую субординацию был универсально лаконичен и прост: он твердо верил, что молодые люди, которые ему подчиняются, должны с готовностью отдавать жизнь за идеалы, симпатии и антипатии тех стариков, которым подчиняется он сам. Офицеры и солдаты были для него не личностями, а единицами воинского контингента. Он требовал от них только выполнения приказов, а помимо этого они были вольны делать все, что им угодно. Они были вольны, как полковник Кошкарт, наваливать на подчиненных по шестьдесят боевых вылетов, и

они были вольны, как Йоссариан, становиться в строй голыми, хотя, увидев это зрелище, генерал Дридл невольно разинул рот и, четко печатая шаг, источая необоримую властность, но с отвисшей челюстью, подошел к Йоссариану вплотную, а подойдя, бесповоротно удостоверился, что перед ним для получения от него медали замер по стойке «смирно» человек в одних тапочках. Генерал Дридл онемел. Полковника Кошкарта шатнуло, и подполковник Корн, сделав шаг вперед, крепко ухватил его сзади за локоть, чтобы он не рухнул без сознания на землю. Воцарилась чудовищная тишина. С моря бесшумно подувал теплый ветерок; через несколько секунд зацокали копыта осла, который тащил по шоссе громыхающую телегу; в телеге на грязной соломе сидел местный фермер в буром выгоревшем комбинезоне и старой шляпе с обвислыми полями; он проехал мимо, даже не глянув на маленькую прямоугольную поляну справа от шоссе, где выстроилась парадная шеренга.

Наконец генерал Дридл заговорил.

— Ступай в машину, — приказал он через плечо своей медсестре, которая подошла вместе с ним к голому Йоссариану. Медсестра, не спеша и улыбаясь, удалилась на край поляны,

где генерала Дридла поджидал штабной джип — в двадцати примерно футах от застывших по стойке «смирно» летчиков. Генерал Дридл сурово безмолвствовал, пока не захлопнулась дверца джипа, а потом грозно вопросил: — Это кто же такой?

— Это Йоссариан, папа, — торопливо пробежав глазами свой список, ответил ему полковник Мудис. — Он награжден медалью «Боевой летный крест».

— Ну, чтоб меня… — пробормотал генерал Дридл, и его красное глыбовидное лицо смягчилось от веселого изумления. — Почему вы ходите голый, Йоссариан? — спросил он.

— Потому что хочу.

— Что значит «хочу»? Как это вы так хотите, черт бы его расподрал?

— Хочу, и все, сэр.

— Почему он ходит голый? — спросил через плечо у полковника Кошкарта генерал Дридл.

— Он тебя спрашивает, — шепнул сзади полковнику Кошкарту подполковник Корн и ткнул его локтем в спину.

— Почему он ходит голый? — спросил через плечо у подполковника Корна полковник Кошкарт и со страдальческим видом осторожно

погладил то место, куда его ткнули локтем.

— Почему он ходит голый? — спросил подполковник Корн у капитана Птичкарда и капитана Краббса.

— В его самолете при бомбардировке Авиньона убили на прошлой неделе стрелка, и ему забрызгало кровью всю одежду, — ответил капитан Краббс. — Он утверждает, что никогда больше не наденет военную форму.

— В его самолете при бомбардировке Авиньона убили на прошлой неделе стрелка, и ему забрызгало кровью всю одежду, — отрапортовал генералу Дридлу через голову полковника Кошкарта подполковник Корн. — Его форма еще не пришла из прачечной, сэр.

— А куда он дел другие комплекты?

— Они тоже в прачечной, сэр.

— Ну а белье? — спросил генерал Дридл.

— Все его белье тоже в прачечной, сэр, — отрапортовал подполковник Корн.

— Ох и бредовая же трепотня, — проворчал генерал Дридл.

— Именно бредовая, сэр, — подтвердил Йоссариан.

— Не беспокойтесь, сэр, — угрожающе посмотрев на Йоссариана, сказал полковник Кошкарт. —

Я даю вам слово, что этот человек будет сурово наказан.

— Да на кой мне черт, чтоб его наказывали? — раздраженно удивился генерал Дридл. — Он заслужил медаль. И если ему хочется получить ее в голом виде, вам-то какое, к дьяволу, дело?

— Решительно никакого, сэр! — с энтузиазмом подхватил полковник Кошкарт и промокнул лоб влажным платком. — Однако можем ли мы так считать в свете последней инструкции генерала Долбинга о мерах по обеспечению строгого соблюдения военной формы в районе боевых действий, сэр?

— Долбинга? — с потемневшим лицом спросил генерал Дридл.

— Так точно, сэр, — подобострастно подтвердил полковник Кошкарт. — Генерал Долбинг распорядился, чтобы экипажи самолетов вылетали на боевые задания в полной летной форме с целью произведения достойного впечатления на неприятеля, если самолет будет сбит.

— Долбинг? — недоуменно хмурясь, переспросил генерал Дридл. — А при чем тут Долбинг?

Подполковник Корн снова ткнул полковника Кошкарта локтем в спину.

— Решительно ни при чем, сэр! — браво от-

чеканил полковник Кошкарт, сморщившись от боли и бережно потирая то место на спине, куда его ткнули локтем. — Поэтому-то я и не предпринимал никаких действий, считая, что предварительно должен проконсультироваться с вами, сэр. Так вы рекомендуете не обращать на него внимания?

Не обращая на него внимания, генерал Дридл пренебрежительно отвернулся, чтобы вручить Йоссариану медаль.

— Вызовите из машины мою девочку, — брюзгливо приказал он полковнику Мудису и, стоя на месте, хмуро смотрел в землю, пока не явилась его медсестра.

— Срочно передай в штаб, чтоб они уничтожили мою последнюю директиву с приказом надевать галстук при вылете на бомбардировку, — шепнул, стараясь не шевелить губами, полковник Кошкарт подполковнику Корну.

— Я же говорил тебе, чтоб ты ее не издавал, — насмешливо ухмыляясь, прошептал ему в ответ подполковник Корн. — Никогда-то ты меня не слушаешь.

— Тсссс! — предостерег его полковник Кошкарт. — И послушай, Корн, какого дьявола ты истыкал мне всю спину?

Подполковник Корн молча ухмыльнулся.

Медсестра генерала Дридла следовала за генералом Дридлом, куда бы он ни пошел, она явилась даже в инструктажную перед полетом на Авиньон и, стоя с бессмысленной улыбкой возле генерала Дридла, светилась в унылом бараке, словно розовато-зеленый оазис. Йоссариан посмотрел на нее и влюбился до полного отчаяния. Его душа казалась ему немой и опустошенной. Плотоядно глядя на ее полные алые губы и пухлые, с ямочками щеки, он вполуха слушал басовитую, монотонно многозначительную трепотню майора Дэнби, который толковал о плотном заградительном огне в районе Авиньона, и вдруг, неожиданно для самого себя, тоскливо застонал, подумав, что рискует навеки потерять эту очаровательную, мучительно желанную для него женщину, с которой ему не удалось перекинуться даже парой слов. Он пожирал ее глазами, трепеща от вожделения, ужаса и горя, — она была так прекрасна! Он боготворил пол, на котором она стояла. Он облизал шершавым языком свои запекшиеся, жаждущие губы и застонал в отчаянии опять — на этот раз достаточно громко, чтобы привлечь к себе испуганно вопрошающие взгляды летчиков, сидевших вокруг него

на грубых деревянных скамьях в коричневых комбинезонах и парашютной сбруе из простроченных суровыми нитками белых ремней.

— Что с тобой? — встревоженно повернувшись к нему, спросил Нетли. — В чем дело?

Йоссариан его не слушал. Он мучительно хотел ее и зачарованно страдал. Она была пикантно полненькая, и он почувствовал, что весь каменеет из-за яростного прилива крови, почти ощущая, как к нему прикасаются ее золотистые волосы, мягкие пальчики и цветущая, пышная, свежая плоть, полускрытая от него под розовой армейской рубахой с широко распахнутым воротом и зелеными — в обтяжку — габардиновыми брюками. Он ненасытно ласкал ее глазами — от светлых волос до наманикюренных ноготков на ногах. Его ужасала возможная разлука. «Ооох!» — простонал он опять, и в этот раз его надрывный, трепетный стон всколыхнул всю инструктажную. Офицеры, стоявшие на командном помосте, явно забеспокоились, и даже майор Дэнби, который в это время считал секунды, сверяя часы, почти что сбился со счета и чуть было не начал синхронизацию заново. Нетли проследил за взглядом Йоссариана и, догадавшись, какие у того трудности, испуганно побледнел.

— Прекрати, слышишь! — невнятно прошипел он.

— Ооооооооохххххх! — простонал в четвертый раз Йоссариан, и теперь уже все явственно услышали его стон.

— Ты что — спятил? — шепнул ему, ужаснувшись, Нетли. — Он же со свету тебя сживет!

— Ооооооооохххххх! — откликнулся Йоссариану сидящий в отдалении Дэнбар.

Нетли узнал голос Дэнбара. Он понял, что теперь уже ничего не изменишь, и, отвернувшись, негромко простонал:

— Оох!

— Ооооооооохххххх! — будто затяжное эхо, отозвался Дэнбар.

— Ооооооооохххххх! — раздраженно застонал Нетли, сообразив, что он и сам только что простонал.

— Ооооооооохххххх! — эхом отозвался Дэнбар.

— Ооооооооохххххх! — простонал из дальнего угла кто-то еще, и Нетли почувствовал, что волосы у него на макушке встали торчком.

Йоссариан с Дэнбаром по очереди откликнулись новому стенателю, а Нетли, съежившись от страха, судорожно соображал, нельзя ли как-нибудь провалиться сквозь пол, чтобы спастись

самому и спасти Йоссариана. Кое-кто из летчиков приглушенно захихикали. Когда наступило временное затишье, Нетли, словно бы одержимый злоехидным бесенком, издал полнозвучный стон. Тотчас же послышался чей-то отзыв. Следующую секундную паузу опять урвал для своего стона Нетли, властно подхваченный волной всеобщего бунтарства. Ему откликнулся еще один новый голос. Инструктажную неудержимо захлестывало буйное помешательство. Жутковатый многоголосый гул нарастал. Люди шаркали по полу подошвами и роняли все, что держали в руках, — карандаши, счетные машинки, планшеты, стальные каски. Те немногие, кто не заразился стенальной горячкой, открыто хохотали, и трудно предугадать, как далеко зашел бы этот стихийный бунт, если б за дело не взялся генерал Дридл, который решительно двинулся к середине помоста, и его внушительная фигура заслонила майора Дэнби, упорно считавшего секунды на своих ручных часах. «…Двадцать пять… двадцать… пятнадцать…» — бубнил он. Массивное, красное и деспотическое лицо генерала Дридла искривилось морщинами крайнего недоумения, но вместе с тем задубело в устрашающей твердости — глаза полыхнули холодным неодобрением,

а челюсть как бы стала еще тяжелей, квадратней и агрессивней, чем обычно.

— Хватит! — коротко рявкнул он, и этого вполне хватило. — Я командую боевым соединением, — безапелляционно объявил генерал Дридл, когда тишина углубилась до мертвенного безмолвия, а люди виновато съежились на своих деревянных скамьях, — и, пока я командир, у вас в полку не будет никаких стенаний. Ясно?

Это мгновенно сделалось ясно всем, кроме майора Дэнби, углубленно считавшего вслух секунды на своих часах. «...Четыре... три... две... одна...» — монотонно бормотал он, а провозгласив: «Отсчет!», удовлетворенно поднял голову и обнаружил, что никто его не слушал, а значит, ему надо начинать синхронизацию сначала.

— Ооохх! — сокрушенно простонал он.

— Это еще что? — с грозным недоверием прорычал генерал Дридл и, стремительно повернувшись к майору Дэнби, бросил на него такой кровожадный взгляд, что тот испуганно отшатнулся, а лицо его покрылось каплями пота. — Это кто?

— М-м-майор Дэнби, сэр, — с трудом выдавил из себя полковник Кошкарт. — Начальник оперативного отдела полка.

— Вывести и расстрелять! — приказал генерал Дридл.

— С-с-сэр?

— Вывести и расстрелять, я сказал! У вас уши есть?

— Т-т-так точно, сэр! — поспешно пролепетал полковник Кошкарт, сглотнув застрявший в горле ком, и, четко повернувшись к своему шоферу, рядом с которым стоял полковой синоптик, сказал: — Вывести майора Дэнби из инструктажной и расстрелять!

— С-с-сэр? — с трудом выдавили из себя односложным дуэтом синоптик и шофер.

— Вывести майора Дэнби и расстрелять, я сказал! — рявкнул полковник Кошкарт. — У вас уши есть?

Два молоденьких лейтенанта подавленно кивнули и тупо, с тайным нежеланием повиноваться уставились друг на друга — в обоюдной надежде, что процедуру вывода и расстрела майора Дэнби начнет другой. Ни одному из них раньше не приходилось выводить и расстреливать майора Дэнби. Они неохотно двинулись к нему с двух разных сторон. Он стоял молча и совершенно белый. Внезапно ноги у него подкосились, и он начал падать; лейтенанты поневоле бросились вперед

и подхватили его под руки, чтобы он не грохнулся на помост. Теперь, когда первый шаг был сделан, остальное казалось не таким уж трудным, однако у лейтенантов не было оружия. Майор Дэнби заплакал. Полковник Кошкарт едва не кинулся к нему со словами утешения, но вовремя сообразил, что генерал Дридл может принять его за слабонервного слюнтяя, и остался на месте. Ему припомнилось, что Хавермейер и Эпплби брали с собой в полет свои автоматические пистолеты сорок пятого калибра, и он принялся обшаривать взглядом ряды летчиков, чтобы найти их.

Когда майор Дэнби заплакал, полковник Мудис, малодушно не принимавший до этого участия в событиях, преодолел кое-как свое малодушие и на подгибающихся от страха ногах шагнул к генералу Дридлу с видом человека, который решился принести себя в жертву.

— Тут есть одно затруднение, папа, — робко выговорил он. — Боюсь, что ты не имеешь права его расстрелять.

— Как это, дьявольщина, не имею? — сварливо взревел, разъяренный вмешательством зятя, генерал Дридл, и от раскатов его громоподобного рева задрожали стены инструктажной. Боязливо раскрасневшийся полковник Мудис принялся

шепотом увещевать генерала Дридла. — Почему это, дьявольщина, не имею? — зарычал генерал Дридл. Склонившись к его уху, полковник Мудис продолжал шептать. — Так, по-твоему, я не имею права расстрелять кого захочу? — с яростным негодованием спросил генерал Дридл. Однако он уже начал прислушиваться к шепоту полковника Мудиса. — Это точно? — осведомился он, и его ярость почти растворилась в искреннем удивлении.

— Да, папа, боюсь, что так.

— А ты, стало быть, хитрозадый умник? — неожиданно гаркнул генерал Дридл. Щеки у полковника Мудиса сделались ярко-пунцовыми.

— Видишь ли, папа, дело в том… — начал он.

— Ладно, отпустите этого наглого сукина сына, — с горечью отвернувшись от зятя и брюзгливо глядя на молоденьких лейтенантов, проворчал генерал Дридл. — Только гоните его в шею, и пусть держится отсюда подальше. Да закругляйтесь наконец с этим чертовым инструктажем, пока не кончилась война. Никогда не видел такого разгильдяйства!

Полковник Кошкарт суетливо кивнул и с неуклюжей поспешностью дал знак лейтенантам, чтоб они увели майора Дэнби. Когда его уволокли,

оказалось, что некому продолжать инструктаж. Все глазели друг на друга в тупом недоумении и молчали. Генерал Дридл злобно побагровел. Полковник Кошкарт решительно не знал, как быть. С губ его уже готов был сорваться громкий стон, но тут ему на выручку пришел подполковник Корн, решительно выступивший вперед и взявший все остальное под свой контроль. Полковник Кошкарт издал вместо стона почти окропленный слезами вздох, и его почти переполнила горячая благодарность.

— Итак, приступим к сверке часов, — четко, напористо и властно проговорил подполковник Корн, кокетливо скосив глаза на генерала Дридла. — Сверка часов будет произведена один, и только один, раз, а если у кого-нибудь часы останутся не синхронизированы, нам с генералом Дридлом придется пристально проверить, почему так получилось. Ясно? — Он опять покосился на генерала Дридла, проверяя, попал ли в цель его снайперский, как он считал, выстрел. — Итак, сейчас ровно девять часов восемнадцать минут.

Подполковник Корн без каких бы то ни было проволочек синхронизировал часы и умело повел инструктаж к благополучному завершению. Он объявил пароль дня, а потом лаконично, все-

объемлюще и щеголевато дал характеристику погодных условий, украдкой, но с удовлетворением посматривая через каждые несколько секунд на генерала Дридла и укрепляясь всякий раз в уверенности, что у того складывается о нем самое благоприятное мнение. Преисполненный гордого самодовольства, расхаживал он, осанисто красуясь, по дощатому помосту, и его обычное чванство беспредельно разрасталось; он повторил пароль дня и ловко переключился на патриотическую «накачку» с разглагольствованиями о важности авиньонского моста для хода военных операций и рассуждениями о том, что любовь к родине должна превалировать над любовью к жизни. Исчерпав патриотическую тему, он еще раз назвал пароль дня, повторил угол атаки при заходе на цель и опять обрисовал погодные условия. Подполковник Корн ощущал себя всемогущим. Он был истинным хозяином положения — и по праву.

Немного успокоившись, полковник Кошкарт заподозрил неладное, а потом его подозрения преобразились в уверенность, и он потерял дар речи. С вытягивающимся лицом наблюдал он, испытывая едкую зависть, за предательским лицедейством подполковника Корна, и ему было

почти страшно услышать слова генерала Дридла, который подошел к нему и на всю инструктажную прошептал:

— Это кто такой?

Самые черные предчувствия терзали полковника Кошкарта, когда он отвечал генералу Дридлу, и самая светлая радость осветила его лицо, когда он услышал, как отреагировал на его ответ генерал Дридл. Подполковник Корн этого не слышал, но заранее трепетал от безудержного восторга. Не присвоил ли ему генерал Дридл — прямо здесь, в инструктажной, — звание полковника? Тревожная радость ожидания жгла его, словно сладостная жажда. С витиеватой ловкостью завершив инструктаж, он повернулся, в надежде принять пылкие поздравления, к генералу Дридлу, который уже выходил из инструктажной, ведя за собой свою медсестру и полковника Мудиса. Генерал Дридл даже не оглянулся, и это горько разочаровало подполковника Корна — но всего лишь на мгновение. Он отыскал взглядом застывшего в улыбчивом столбняке полковника Кошкарта и, проворно подскочив к нему, принялся дергать его за рукав.

— Что он обо мне сказал? — горделиво предвкушая блаженный ответ, с нетерпением осве-

домился подполковник Корн. — Что тебе сказал генерал Дридл?

— Он спросил, кто ты такой.

— Это-то я слышал. Это я слышал. А что он обо мне сказал? Что он сказал?

— Он сказал, что ты тошнотворный тип.

Глава двадцать вторая
Мило-мэр

В тот день Йоссариан навеки потерял хладнокровие.

Он потерял хладнокровие при бомбардировке Авиньона, потому что Снегги потерял жизнь, а Снегги потерял жизнь, потому что первым пилотом шел у них тогда Хьюпл, которому было только пятнадцать лет, а вторым — Доббз, причинявший Йоссариану даже больше хлопот, чем Хьюпл, и предложивший ему убить на пару полковника Кошкарта. Йоссариан знал, что Хьюпл неплохой пилот, но он был всего лишь мальчишкой, и Доббз тоже ему не доверял, а поэтому, как только они отбомбились, он вдруг вцепился мертвой хваткой в штурвал, отжал его от себя и бросил машину вниз; это остервенелое, леденящее душу, выматывающее жилы смертельное пикирование, когда самолет с ревом мчался к земле, швырнуло беспомощного Йоссариана вверх так, что он уткнулся головой в колпак, выдрав штекер с проводами от наушников из пружинного гнезда на щитке приборов.

ГОСПОДИ, беззвучно вопил Йоссариан, чувствуя, что все они низвергаются в тартарары. ГОСПОДИГОСПОДИГОСПОДИГОСПОДИ, умоляюще и неслышно вопил Йоссариан, лишенный членораздельной речи и веса, но опомнившийся через несколько секунд Хьюпл отобрал в свою очередь штурвал у Доббза и вывел самолет из безумного пике, подставившись под бушующий, бешеный, беспрерывный, оглушительно грохочущий заградительный огонь, от которого им только что удалось уйти, набрав, по команде Йоссариана, высоту, а теперь снова предстояло уходить. Едва они выровнялись, осколок снаряда прошил плексигласовую кабину насквозь. Йоссариан ощутил на своих щеках остренькое покалывание от плексигласовой крошки. Но крови не было, и он завопил:

— Что происходит? Что происходит? — не слыша в наушниках собственных воплей. Его накрыла мертвая тишина, и, стоя на четвереньках, дрожа от ужаса, словно угодившая в мышеловку мышь, он не дышал и страшился пошевелиться, пока не заметил у себя перед носом блестящий, дрыгающийся на шнуре штекер от собственных наушников и не вставил его в гнездо. — Господи, — пронзительно причитал он, все еще не

оправившись от смертельного ужаса и глядя на дымные вспышки разрывов, грохочущих вокруг самолета, — господи!

Воткнув штекер и вынырнув из безмолвия, Йоссариан услышал рыданья Доббза.

— Помогите ему! — всхлипывал Доббз. — Помогите!

— Кому? Кому? — заорал Йоссариан.

— Бомбардиру! Бомбардиру! — прорыдал Доббз. — Он не отвечает! Он не отвечает!

— Я бомбардир! — заорал Йоссариан. — У меня все в порядке! У меня все в порядке!

— Так помоги ему! Помоги ему! — взмолился Доббз.

— Кому? Кому? — заорал Йоссариан.

— Стрелку-радисту! Стрелку-радисту!

— Мне холодно, — чуть слышно жаловался Снегги измученным голосом. — Мне холодно! Помогите!

Йоссариан поспешно нырнул в туннель и пробрался над бомбовым отсеком в хвост, где, лежа в лужице солнечного света, насмерть замерзал израненный Снегги, а рядом с ним лежал без сознания белый, как снег, хвостовой стрелок, впервые посланный в боевой полет.

Хуже Доббза не было на свете пилота, и ни-

кто не знал этого лучше, чем Доббз, — сильный, молодой, безнадежно сломленный человек, он постоянно тщился уверить начальство, что больше не способен водить самолет. Никто ему не верил, и в тот день, когда норма вылетов была поднята до шестидесяти, а Орр отлучился добывать какие-то сальнички, он пробрался тайком в палатку Йоссариана и предложил ему убить на пару полковника Кошкарта. Без помощи Йоссариана у него ничего не получалось.

— Ты хочешь, чтоб мы совершили преднамеренное убийство? — поинтересовался Йоссариан.

— Именно, — с жизнерадостной улыбкой подтвердил Доббз, ободренный понятливостью Йоссариана. — Мы пристрелим его из «люгера», который я добыл на Сицилии, и никто не знает, что он у меня есть.

— Боюсь, не смогу я тебе помочь, — молчаливо взвесив сказанное, отозвался Йоссариан.

— Почему? — изумился Доббз.

— Да вот видишь ли, я до смерти обрадуюсь, если этот сукин сын сломает себе шею или гробанется или если кто-нибудь его пристрелит. А самому его убить… нет, не смогу.

— Ну так он тебя убьет! Послушай, ты же сам говорил, что он всех нас убивает приказами о

добавочных боевых вылетах, — ведь говорил?

— Нет, Доббз, не смогу. У него тоже есть право на жизнь.

— Да ведь он-то отнимает у нас это право! — Доббз был ошарашен. — Ты просто не в себе! Вспомни, как с тобой спорил Клевинджер. А где теперь Клевинджер? Только его и видели… в прозрачном облачке.

— Не ори, — предостерег его Йоссариан.

— Я не ору! — заорал громче прежнего Доббз, багровея от своей мятежной правоты. Веки у него подергивались, ноздри гневно трепетали, с дрожащей нижней губы слетали пузырчатые брызги слюны. — В полку, наверно, было около сотни людей, которые сделали по пятьдесят пять боевых вылетов, когда он вздрючил норму до шестидесяти. Да еще около сотни таких, как ты, которым оставалось по два-три вылета. Он всех нас угробит, если мы дадим ему волю. Нам надо его опередить.

Йоссариан, ничего не обещая, уклончиво кивнул.

— Думаешь, получится? — спросил он.

— Так у меня же все разработано! У меня…

— Только не ори!

— Я не ору! У меня…

— Да не ори же ты, ради бога!

— У меня все разработано, — зашептал Доббз, ухватившись обеими руками с побелевшими костяшками пальцев за койку Орра, чтобы унять в них дрожь. — Он должен приехать со своей треклятой фермы в четверг, и вот я проберусь утром по лесу к тому крутому повороту дороги, где все машины сбрасывают скорость, засяду у обочины в кустах и буду его ждать. Ему придется притормозить, а я уже нашел там одно место, откуда дорога хорошо просматривается в обе стороны, так что мне будет видно, пустая она или нет. Когда он покажется, я пихну, прямо с обочины, на дорогу бревно, чтобы он остановился и вылез. Ну а тут уж вылезу из кустов и я — с «люгером» наготове — и буду палить ему в башку, пока он не подохнет. Сделаю свое дело, закопаю «люгер», вернусь, опять же лесом, в эскадрилью и займусь как ни в чем не бывало своими делами. Ну что — хорош план?

Йоссариан внимательно следил за каждым этапом предполагаемого убийства.

— А я-то тебе зачем? — удивленно спросил он.

— В одиночку у меня ничего не получится, — объяснил ему Доббз. — Мне надо, чтоб ты послал меня на это дело.

— Только-то? — не веря своим ушам, воскликнул Йоссариан. — Чтоб я тебя послал?

— Больше мне ничего не нужно, — заверил его Доббз. — Пошли меня, и послезавтра я повыбью ему мозги. — От возбуждения Доббз говорил все быстрее и громче. — Я бы и подполковнику Корну с удовольствием прострелил башку, раз уж мы за это взялись, хотя Дэнби, если ты не возражаешь, оставил бы в покое. Потом хорошо бы прикончить Эпплби с Хавермейером, а там, глядишь, и Маквота.

— Маквота? — едва не подпрыгнув от испуга, вскричал Йоссариан. — Он же мой друг! Чем, скажи на милость, не угодил тебе Маквот!

— Да так, вообще, — в замешательстве отозвался Доббз. — Я просто решил, что раз уж мы разделаемся с Эпплби и Хавермейером, то заодно надо прикончить и Маквота. А ты не хочешь?

— Послушай, — твердо сказал Йоссариан, — я, возможно, подумаю о твоем предложении, если ты перестанешь орать на весь остров и ограничишься убийством Кошкарта. Но если тебе хочется устроить здесь кровавое побоище, то забудь про меня раз и навсегда.

— Да ограничусь я, ограничусь, успокойся, — надеясь уломать его, смирно согласился

Доббз. — Так убить мне полковника Кошкарта? Ты посылаешь меня на это дело?

Йоссариан покачал головой.

— Боюсь, Доббз, что не смогу я послать тебя на такое дело, — сказал он.

Доббза охватило отчаяние.

— Ну хорошо, давай тогда договоримся по-другому, — сокрушенно уступил он. — Тебе не надо меня посылать. Скажи просто, что это хорошее дело. Идет? Так хорошее это дело?

Йоссариан снова покачал головой.

— Это было бы великое дело, если б ты сделал его без всяких разговоров. А теперь уже поздно. Боюсь, что ничего я не могу тебе сказать — по крайней мере сейчас. Но возможно, потом и передумаю.

— Тогда-то уж точно будет поздно.

Йоссариан еще раз покачал головой. На мгновение Доббз горестно оцепенел. Потом стремительно вскочил и бросился к доктору Дейнике в надежде добиться наконец с помощью очередной психической атаки, чтобы тот освободил его от полетов. По пути он едва не свернул умывальник и чуть не упал, споткнувшись о топливопровод к плите, который мастерил в свободное время Орр. Доктор Дейника без труда выдержал буйную

атаку Доббза, отвечая на осатанелые вопли и негодующие жесты только нетерпеливыми кивками головы, а потом послал его в медпалатку, наказал описать свои симптомы Гэсу и Уэсу, которые вымазали ему десны лиловым раствором горечавки, как только он открыл рот. Они выкрасили ему лиловым раствором и пальцы на ногах, а когда он попытался заявить протест, искусно запихали ему в глотку таблетку слабительного и спровадили.

Доббз чувствовал себя даже хуже, чем Обжора Джо, способный все же летать на боевые задания, когда его не мучили по ночам кошмары. Доббз был почти так же плох, как Орр, казавшийся неизменно счастливым, будто жизнерадостный жаворонок-недоросток, хотя зубы у него были заячьи, да еще и кривые, а улыбка — психовато дерганая. Получив краткосрочный отпуск, он полетел вместе с Йоссарианом и Мило Миндербиндером в Каир, где Мило купил вместо яиц, за которыми отправился, партию хлопка, а потом вылетел на рассвете в Стамбул, причем самолет у него оказался загруженным аж до пулеметных туррелей экзотическими пауками и зелеными бананами. Орр, на взгляд Йоссариана, был самым уютным и привлекательным чудиком в

мире. Вокруг его обветренного щекастого лица со светло-карими, немного выпученными, напоминающими детские мраморные шарики, глазами курчавились густые пегие волосы, а над затылком торчал, вроде остроконечного башлычка, напомаженный хохолок. Чуть ли не каждый боевой вылет кончался у Орра вынужденной посадкой в море, где самолет, естественно, тонул, и лишь изредка ему удавалось дотянуть до базы на одном моторе, потому что второй почти всегда оказывался у него подбитым, а когда они втроем полетели в Неаполь и приземлились на аэродроме в Сицилии, Орр принялся неистово дергать Йоссариана за руку, увидев злонамеренного десятилетнего сводника с сигарой во рту и двумя двенадцатилетними сестрами-девственницами, которые встретились им возле гостиницы, где свободный номер нашелся только для Мило. Не обращая на Орра внимания, Йоссариан слегка оторопело рассматривал открывшуюся ему вместо Везувия Этну и безуспешно пытался сообразить, почему, отправившись в Неаполь, они прилетели на Сицилию, а задыхающийся, заикающийся, хихикающий Орр умолял его, в припадке нетерпеливой похоти, пойти вместе с ним за злонамеренным десятилетним сводником

к невинным двенадцатилетним сестрам, которые оказались вполне зрелыми шлюхами без всяких родственных связей, но все же никак не старше двадцати восьми лет.

— Иди с ним, — лаконично обязал Йоссариана Мило Миндербиндер. — Помни о своей миссии.

— Ладно, — вздохнув, согласился Йоссариан, помня о своей миссии. — Но сначала мне надо найти номер в какой-нибудь гостинице, чтобы как следует потом выспаться.

— Ты прекрасно выспишься у девочек, — сказал с видом заговорщика Мило Миндербиндер. — Помни о своей миссии.

Они не спали всю ночь. Йоссариан вскоре окончательно ошалел и перестал замечать на одной из проституток бежевый тюрбан, украшавший ее голову до тех пор, пока злонамеренный десятилетний сводник с кубинской сигарой в зубах не сдернул его поутру у нее с головы прямо на площади — такая уж пришла ему в голову зловредная блажь, — обнажив для всеобщего обозрения ее безобразно уродливый голый череп. Она спала с немцами, и мстительные соседи наголо выбрили ей голову. Издавая хриплые вопли, она гонялась вперевалку за злонамеренным десятилетним сводником, и зрелище это было омерзительно

смехотворным, потому что ее дебелое тело желеобразно колыхалось, темное лицо кривилось от ярости, а голая кожа на гнусном сероватоглянцевом осквернённом черепе волнообразно морщилась дряблыми складками, как мертвая плевра — химически обесцвеченная и абсолютно непристойная. Раньше Йоссариан никогда не видел у людей столь голых поверхностей. Сводник, подняв руку вверх, вертел на пальце бежевый тюрбан, словно добытый в бою трофей, а бритая проститутка торопливо трусила за ним следом с вытянутыми вперед руками — ей казалось, что она вот-вот дотянется до своего истязателя, — как бы совершая по площади круг позора. Многолюдная утренняя площадь булькотела злорадным хохотом, и зеваки глумливо показывали на Йоссариана пальцами, пока откуда-то не вынырнул Мило Миндербиндер с озабоченным видом спешащего по делам человека. Строго поджав губы, он безмолвно осудил своих спутников за порочную распущенность, из-за которой они дали вовлечь себя в непристойную площадную сцену, а вслух сказал, что им надо немедленно лететь на Мальту.

— Мы хотим спать, — захныкал Орр.

— Сами и виноваты, — укоряюще заметил Мило

Миндербиндер, неколебимо уверенный в своей правоте. — Меня тут никак нельзя винить. Если б вы не потащились за этими безнравственными девицами, а провели ночь у себя в отеле, то были бы сейчас такими же бодрыми, как я.

— Да ведь ты сам настаивал, чтоб мы пошли к ним, — злобно упрекнул его Йоссариан. — И номера у нас не было. Номер-то удалось добыть только тебе одному.

— Тут никого нельзя винить, а меня тем более, — высокомерно возразил Мило Миндербиндер. — Я же не знал, что в город нахлынут скупщики кормового горошка.

— Прекрасно знал, — отверг его возражения Йоссариан. — Потому-то мы и оказались в Сицилии. И ты уже наверняка набил свой треклятый самолет этим скотским кормом.

— Тссс! — шикнул на него Мило Миндербиндер, многозначительно скосив глаза в сторону Орра. — Помни о своей миссии.

Когда они добрались до аэродрома, чтобы лететь на Мальту, самолет уже был набит мешками с кормовым горошком сверх всякой меры.

Миссия Йоссариана заключалась в том, чтобы помочь Мило скрыть от Орра, где он покупает яйца, хотя Орр был членом синдиката и, как

всякий член синдиката, участвовал в прибылях. Йоссариан не понимал, зачем ему навязана эта дурацкая миссия, поскольку решительно все знали, что Мило покупает яйца на Мальте по семь центов за штуку и перепродает их столовым синдиката по пять.

— Я ему не доверяю, — хмуро сказал в самолете Мило, указав кивком головы назад, где Орр, скрутившись в жалкий узелок, мучительно пытался выспаться на мешках с горошком. — Я предпочел бы покупать яйца, когда он куда-нибудь отлучится, чтобы не выдавать ему своих деловых тайн. А чего еще ты не понимаешь?

— Я не понимаю, зачем ты покупаешь яйца по семь, а продаешь по пять центов за штуку, — сказал ему, сидя в кресле второго пилота, Йоссариан.

— Как это зачем? Чтобы получить прибыль.

— Да разве так можно получить прибыль? Ведь ты теряешь два цента на каждом яйце.

— Зато получаю три с четвертью цента прибыли на каждом яйце, продавая их по четыре с четвертью цента за штуку тем самым мальтийским торговцам, у которых закупаю по семь. Вернее, не я, а синдикат. И каждый получает свою долю.

— Так-так, — чувствуя, что начинает понимать, оживился Йоссариан, — и, значит, люди, которым ты продаешь яйца по четыре с четвертью цента за штуку, получают на каждом яйце цент и три четверти прибыли, продавая их тебе за семь? Верно? А тогда почему бы тебе не продавать яйца напрямую себе самому, чтобы исключить тех, у кого ты их покупаешь?

— Да потому что я покупаю их у самого себя, — объяснил ему Мило. — Я получаю три с четвертью цента прибыли на каждом яйце, когда продаю, и три с четвертью цента, когда снова покупаю. А поскольку я каждый раз имею дело с самим собой, то получаю в общей сложности шесть центов прибыли на каждом яйце. В убыток у меня идет всего два цента — при продаже яиц столовым по пять центов за штуку. Понимаешь теперь, как я получаю прибыль, покупая яйца по семь и продавая их по пять центов штука? Ведь в Сицилии-то мне приходится платить всего один цент за яйцо.

— На Мальте, — поправил его Йоссариан. — Ты же покупаешь яйца на Мальте.

— Я не покупаю яйца на Мальте, — горделиво хмыкнув, признался Мило Миндербиндер. В его смешке прозвучало веселое удовлетворение

— это был единственный случай, когда он вдруг утратил на секунду трезвую сверхосмотрительность дельца. — Я покупаю их в Сицилии по центу штука и тайно переправляю на Мальту, где продаю самому себе по четыре с половиной цента за штуку, чтобы потом, когда туда являются покупатели, продавать им по семь.

— А почему люди пытаются покупать яйца на Мальте, если это обходится им втридорога?

— Потому что они всегда так делали.

— А почему бы им не покупать яйца в Сицилии?

— Потому что они никогда так не делали.

— Подожди-ка, теперь я окончательно запутался, — сказал Йоссариан. — Ну а ты-то — почему ты не продаешь яйца столовым по семь центов за штуку вместо пяти?

— Потому что тогда у них не будет во мне нужды. Каждый ведь может продавать семицентовые яйца по семь центов за штуку.

— А почему бы им не выкинуть одно звено, чтобы покупать у тебя яйца прямо на Мальте по четыре и три четверти цента за штуку?

— Потому что я не продал бы им ни одного яйца.

— А почему ты не продал бы им ни одного

яйца?

— Потому что получилось бы меньше прибыли. При нынешней постановке дела я добиваюсь прибыли и для себя лично — как посредник.

— Стало быть, ты стараешься и для себя самого?

— Конечно, стараюсь. И кое-что выколачиваю. Но выигрывает от этого синдикат. И каждый получает свою долю. Неужели тебе непонятно? То же самое происходит, когда я продаю помидоры полковнику Кошкарту.

— Покупаешь, а не продаешь, — поправил его Йоссариан. — Ты же покупаешь помидоры у полковника Кошкарта и подполковника Корна.

— Продаю, а не покупаю, — поправил Йоссариана Мило. — Я распродаю помидоры через подставных лиц на разных рынках Пьяносы, чтобы полковник Кошкарт с подполковником Корном скупали их, тоже через подставных лиц, по четыре цента за штуку и продавали потом их мне для синдиката по пять. У них прибыль цент, у меня — три с половиной цента за штуку, а выгодно это всем.

— Всем, кроме синдиката, — насмешливо уточнил Йоссариан. — Синдикат платит по пять центов за помидор, который обходится тебе в

полтора. Какая же ему от этого выгода?

— Синдикат получает выгоду, когда получаю выгоду я, — объяснил Йоссариану Мило Миндербиндер, — потому что он существует на паях и каждый получает свою долю. А кроме того, синдикат пользуется поддержкой полковника Кошкарта с подполковником Корном, и у меня появляется возможность совершать путешествия вроде нынешнего. Ты убедишься, как это выгодно, через пятнадцать минут — когда мы приземлимся в Палермо.

— На Мальте, а не в Палермо, — поправил его Йоссариан. — Мы же летим на Мальту.

— Мы летим в Палермо, — возразил Мило. — Мне надо договориться там с одним экспортером цикория насчет отправки партии грибов, которые немного заплесневели, в Берн.

— Послушай, Мило, как тебе это удается? — восхищенно рассмеявшись, с изумлением спросил Йоссариан. — В маршрутном листе у тебя одно, а на деле совсем другое — ты же летаешь, куда тебе вздумается. Ведь контрольно-диспетчерские посты должны бы поднять адскую тревогу.

— Там дежурят члены синдиката, — объяснил ему Мило Миндербиндер. — И они знают, что процветание синдиката оборачивается процве-

танием всей нашей страны. Выгода — вот что движет поступками людей. У каждого дежурного есть свой пай, поэтому они должны заботиться о благе синдиката.

— Ну а у меня есть пай?

— У каждого есть пай.

— И у Орра есть пай?

— У каждого есть пай.

— А как насчет Обжоры Джо? У него тоже есть пай?

— У каждого есть пай.

— Занятно, черт бы его побрал, — с интересом сказал Йоссариан, впервые подумав, что все они повязаны одной веревочкой совместных паев.

— Я разработал верный план, как отхватить у федерального правительства шесть тысяч долларов, — посмотрев на Йоссариана, негромко проговорил Мило, и в глазах у него засветился злокозненный огонек. — Мы с тобой могли бы получить без всякого риска по три тысячи. Хочешь?

— Нет.

— Это-то мне в тебе и нравится! — уважительно воскликнул Мило Миндербиндер. — Ты честный. Из всех, кто меня окружает, я могу довериться только тебе. Ты один способен мне помочь.

Вот почему я не хотел, чтоб ты тащился к этим шлюхам.

— Послушай, Мило, тебе же очень хотелось, чтоб я к ним пошел, — глядя на него с насмешливым недоумением, сказал Йоссариан. — Ты что — забыл?

— Меня нельзя за это винить, — с достоинством отозвался Мило Миндербиндер. — Мне было необходимо отделаться от Орра, когда мы добрались до города. В Палермо все будет совсем по-другому. Я хочу, чтоб вы поехали к девочкам прямо из аэропорта.

— К каким таким девочкам?

— Я связался по радио с Палермо и все заранее организовал. Вас будут ждать две юные девственницы полуиспанки. Садитесь к ним в машину, как только мы выйдем из самолета, и поезжайте развлекаться.

— Нет уж, — покачав головой, твердо отказался Йоссариан. — Как только мы выйдем из самолета, я поеду спать.

Мило Миндербиндер даже полиловел от негодования, а его вездесущий тонкий нос мелко задергался между черными бровями и неровно подстриженными буроватыми усами, словно бледное пламя свечи на порывистом ветру.

— Йоссариан, помни о своей миссии! — проникновенно проблеял он.

— Да отстань ты от меня со своей миссией, — равнодушно сказал Йоссариан. — И со своим синдикатом тоже, даром что у меня есть пай. А на девственниц, будь они хоть дважды полуиспанки, я и смотреть больше не желаю.

— Что ж, тебя можно понять, — сказал Мило. — Но этим девочкам всего по тридцать два года, и они не полуиспанки, а только на треть эстонки.

— Не нужны мне никакие девочки.

— Да они и не девочки, — примирительно подхватил Мило Миндербиндер. — У той, которая предназначена тебе, муж был престарелый учитель и спал с ней только по воскресеньям, а стало быть, ей все в новинку.

Но Орр с Йоссарианом едва держались на ногах и уехали из аэропорта вместе с Мило, а добравшись до города, обнаружили, что номера им здесь тоже, по всей видимости, не удастся снять и что Мило в этом городе — мэр.

Фантастическая, неправдоподобно пышная встреча началась прямо на аэродроме, где все служащие побросали свои занятия, чтобы показать Мило Миндербиндеру, как трудно им сдерживать благоговейное обожание. Весть о его прибытии

распространялась гораздо быстрее, чем двигался открытый грузовичок, в котором он ехал, и уже на подступах к городу вдоль шоссе теснились ликующие толпы. Орр с Йоссарианом ничего не понимали и на всякий случай молча жались поближе к Мило.

В городе приветственные клики становились все громче по мере приближения к центру. Детей распустили из школ, и они стояли на тротуарах в праздничных костюмчиках, весело размахивая маленькими флажками. Если поначалу Йоссариан с Орром удивленно молчали, то сейчас они просто потеряли дар речи. Радостные горожане буквально запрудили улицы, а над головами у них реяли громадные транспаранты с изображением Мило. Он был изображен в блекло-коричневой крестьянской блузе, и на его щепетильном, по-отечески строгом лице застыла проницательно мудрая, требовательная терпимость, которую подчеркивали глядящие в разные стороны глаза и встопорщенные разновеликие усы. Инвалиды, стоящие одной ногой в гробу, посылали ему из окон прочувствованные поцелуи. Торговцы, застыв на пороге лавочек, безудержно ликовали. Оглушительно ревели медные трубы. Кое-где люди падали из-за толчеи под ноги

сограждан, которые затаптывали их насмерть. Плачущие от счастья старухи протискивались, отпихивая друг друга локтями, к медленно ползущему грузовичку, чтобы пожать Мило руку или хотя бы дотронуться до его рукава. Мило принимал буйные восторги горожан с благосклонной любезностью. Он изящно помахал вялой ладонью и рассыпал ею в толпу конфетные поцелуйчики. Вдоль улиц, взявшись за руки, стояли юноши и девушки с остекленевшими от обожания взглядами, хрипло скандируя при его приближении: «Ми-ло! Ми-ло! Ми-ло!»

Теперь, когда Йоссариан и Орр узнали о его невиданной популярности, он держался с ними свободно и сдержанно величаво. Щеки у него горделиво порозовели. Он был избран мэром Палермо — и почти всех остальных сицилийских городков — за ввоз на Сицилию шотландского виски.

— Сицилийцы так любят шотландское виски? — недоверчиво спросил Йоссариан.

— Они даже не знают его вкуса, — ответил Мило Миндербиндер. — Здесь ведь живет очень бедный народ, а шотландское виски весьма дорогой напиток.

— А тогда зачем ты его сюда ввозишь?

— Чтобы поднять цены. Я привожу его с Мальты и продаю через подставных лиц самому себе для увеличения прибыли. Мне удалось создать здесь абсолютно новую торговую индустрию. Сицилия занимает сегодня третье место в мире по экспорту шотландского виски. Вот почему меня избрали мэром.

— Ну а как насчет гостиничного номера для нас, если уж ты здесь такая важная персона? — с грубоватой прямолинейностью и еле шевеля языком от недосыпа спросил Орр.

— Ах да, — сокрушенно спохватился Мило. — Разумеется, мне надо было заказать вам номер по радио. Но мы это сейчас исправим, — пообещал он. — Пойдемте ко мне в кабинет, и я попрошу моего помощника все устроить.

Кабинет Мило Миндербиндера помещался в парикмахерской, а помощником мэра был толстенький цирюльник, вспенивающийся благоговейными приветствиями так же пышно, как мыльная пена, которую он взбалтывал помазком, собираясь брить Мило.

— Ну, Витторио, рассказывайте, как шла у вас жизнь, пока меня не было, — лениво развалясь в кресле, предложил Мило Миндербиндер.

— Очень печально, синьор Мило, очень пе-

чально, — затараторил цирюльник. — Но теперь, когда вы вернулись, люди опять чувствуют себя прекрасно.

— А почему на улицах столько народу? И как получилось, что в гостиницах нет свободных номеров?

— Да ведь народ съехался к нам со всей Сицилии, чтобы посмотреть на вас, уважаемый синьор Мило. И чтобы принять участие в аукционе по продаже артишоков.

— Это что еще такое — артишоки? — настороженно выпрямившись и ухватив цирюльника за руку с помазком, спросил Мило Миндербиндер.

— Артишоки, синьор Мило? Это очень вкусные овощи, которые пользуются спросом везде, где о них знают. Вам обязательно надо их попробовать, пока вы здесь. У нас выращивают лучшие артишоки в мире.

— Вот как? И почем нынче идут артишоки?

— Нынешний год будет, по-видимому, очень удачным для продажи артишоков. Урожай небывало скудный.

— В самом деле? — заинтересовался Мило Миндербиндер и тут же исчез, так стремительно выскользнув из-под простыни, что она еще хранила пару секунд очертания его тела после

того, как он пропал. Когда Йоссариан с Орром выскочили на улицу, Мило уже скрылся.

— Следующий! Кто следующий? — деловито крикнул им вслед цирюльник.

Йоссариан и Орр уныло поплелись куда глаза глядят. Брошенные Мило, они тщетно искали приюта, чтобы отоспаться. Йоссариан валился от усталости с ног. В голове у него пульсировала тупая, изматывающая боль, а тут еще Орр купил где-то маленький арбуз, сунул его за пазуху и ходил с непристойно выпятившейся грудью, пока обозленный Йоссариан не поставил перед ним ультиматум — или он, или арбуз. Арбуз Орр выбросил, но вскоре засунул за пазуху еще какую-то дрянь и, когда Йоссариан стал на него орать, объяснил ему, что это не дрянь, а дынька и что если Йоссариану она представляется камнем у него за пазухой, то пожалуйста, он может ее вынуть. Потом, таща дыню под мышкой, Орр принялся яростно потирать костяшками пальцев лоб, и в глазах у него зажглось бесноватенькое заревце, а на губах появилась скабрезная ухмылка.

— Ты помнишь ту девку… — начал он и скабрезно хихикнул. — Ты помнишь ту девку, которая долбила меня туфлей по башке, когда мы выкатились, оба голые, из комнатенки любимой

шлюхи Нетли в римском борделе? — хитренько глянув на Йоссариана, спросил он и, дождавшись настороженного кивка, сказал: — Мне неудобно тащить дыньку под мышкой, поэтому давай-ка я суну ее обратно за пазуху и, если ты не будешь собачиться, расскажу тебе, как было дело. Договорились?

Йоссариан рассеянно кивнул, и Орр, проворно сунув дыньку за пазуху, принялся рассказывать, из-за чего голая проститутка лупила его в римском борделе туфлей по голове, но нагромождал при этом столько причудливых подробностей, а главное, так смущал Йоссариана своей округлой, словно у женщины, грудью, что тот, затравленно озираясь по сторонам, фактически пропустил его рассказ мимо ушей и, когда Орр умолк, злобно рассмеялся, сообразив, что этот малахольный чудик опять его надул — заморочил ему голову туманом фантастических подробностей и недомолвок. Между тем суровая реальность, обернувшись поздним вечером в совершенно незнакомом им городе, загнала их для подкрепления угасающих сил в гнуснейший ресторан, где они с омерзением съели никуда не годный ужин, а потом доехали на попутной машине до аэродрома, залезли в свой самолет и ворочались

на холодном дюралевом полу в зябком полузабытьи часа, наверно, полтора — пока их не выгнали оттуда шоферы грузовиков, чтобы набить самолет ящиками артишоков. При погрузке начался проливной дождь. Вскоре шоферы уехали, а Йоссариану с Орром, до нитки промокшим, не оставалось ничего другого, как снова втиснуться в самолет и дрожать между угловатыми ящиками, наподобие сплюснутой в консервной банке хамсы, пока утром на аэродром не явился по-всегдашнему бодрый Мило Миндербиндер, который без промедления вылетел курсом на Неаполь и заменил там груз артишоков коробками ванили, гвоздики, корицы и перца, чтобы вернуться в тот же день на Мальту, где, как выяснилось, он был заместителем генерал-губернатора, а номера в гостинице для Йоссариана с Орром, конечно, не нашлось. Майор сэр Мило Миндербиндер обделывал на Мальте свои дела в огромном кабинете генерал-губернаторского здания. Его стол из красного дерева казался необозримым, как аэродром. На одной из облицованных дубовыми панелями стен красовалась под скрещенными британскими флагами импозантнейшая фотография сэра Мило Миндербиндера в форме майора Уэльского королевского полка фузилеров. Усы

у него на фотографии были тщательно и ровно подстрижены узкой полосой, подбородок остро выдавался вперед, а глаза пронизывали зрителя, будто ослепительные прожекторы. Мило получил дворянское звание, чин майора фузилеров и должность заместителя генерал-губернатора за превращение Мальты в крупный международный центр по торговле яйцами. Он милостиво разрешил Йоссариану и Орру переночевать у себя в кабинете на мягком толстом ковре, но вскоре после его ухода их выгнал из генерал-губернаторского здания часовой, конвоировавший подозрительных нарушителей до самого вестибюля со штыком наперевес, и они поехали, измученные, словно военные беженцы, на такси в аэропорт, причем угрюмый таксист нагло их обсчитал, а самолет, где они опять устроились на ночлег, оказался набит мешками какао и свежемолотого кофе с таким одуряющим запахом, что приехавший поутру в машине с шофером Мило обнаружил их на бетонной площадке под самолетом в полуобморочном состоянии, но это, разумеется, не помешало ему, прекрасно отдохнувшему и рассветно свежему, сразу же взять курс на Оран, где он преобразился в вице-шаха, а Йоссариан и Орр опять не смогли найти гости-

ничный номер. У Мило здесь имелись шикарные апартаменты в роскошном розовато-оранжевом дворце, куда Йоссариана с Орром не пустили на том основании, что они неверные. Их остановили у ворот и прогнали прочь вооруженные устрашающими ятаганами слоноподобно громадные стражники-берберы. Простудившийся Орр шмыгал носом и чихал. Йоссариана скрючили прострел и радикулит. Он охотно свернул бы Мило шею, но тот, как вице-шах Орана, был лицом неприкосновенным. Вскоре выяснилось, что он к тому же калиф багдадский, имам дамасский и шейх аравийский. В глубинных районах, где еще сохранились первобытные, с грубыми суевериями, племена, скромно поведал он, ему поклонялись как богу дождя и хранителю зерновых урожаев, а в джунглях Африки его высеченное из камня усатое лицо можно было увидеть над обагренными человеческой кровью примитивными каменными алтарями. Куда бы они ни прибывали, Мило Миндербиндеру воздавались воистину царские почести, и триумфальное шествие по Ближнему Востоку, который они пересекли два раза из конца в конец, завершилось перелетом на Африканский континент и скупкой в Каире всего египетского хлопка, на

который нигде в мире не было тогда ни малейшего спроса, что поставило Мило Миндербиндера на грань полнейшего банкротства. Зато для Йоссариана и Орра в Каире нашлись гостиничные номера. С большими пухлыми подушками на мягких кроватях и хрустящими от свежести накрахмаленными простынями. С платяными шкафами, куда можно было повесить одежду. И главное, с водой, чтобы наконец-то вымыться. Они распарили свои полу-протухшие, измученные тела до розового свечения и, отправившись вместе с Мило есть, получили на ужин филе «миньон» и недурной коктейль в прекрасном ресторане, где имелся даже биржевой телетайп, который как раз отстукивал данные о египетском хлопке, когда Мило спросил у метрдотеля, что это за машина. Мило никогда не видел такую замечательную машину, как биржевой телетайп, и она показалась ему настоящим чудом.

— В самом деле? — воскликнул он, выслушав объяснения метрдотеля. — И почем же идет нынче египетский хлопок? — Метрдотель сказал ему, и он закупил весь урожай.

Но гораздо больше, чем хлопок, закупленный Мило, испугали Йоссариана гроздья зеленых бананов, которые Мило приобрел на местном

рынке, когда они поехали в город, — и правильно, как оказалось, испугали, потому что Мило растолкал его глубокой ночью и сунул ему для пробы полуочищенный банан. Йоссариан придушенно всхлипнул и попытался спрятать под подушку искаженное усталостью лицо.

— Нет, ты попробуй, — требовал Мило, настырно пихая ему в рот зеленый банан.

— Отстань, выродок! — промычал Йоссариан. — Должен же я хоть немного поспать!

— Да ты только попробуй, вкусный он или нет, — приставал Мило. — И не говори Орру, что я дал его тебе бесплатно. Ему-то банан обошелся в два пиастра.

Йоссариан покорно сжевал банан и, сказав, что он вкусный, закрыл глаза, но Мило опять его разбудил и велел быстро одеваться, чтобы немедленно лететь на Пьяносу.

— Тебе и Орру надо загрузить самолет, — объяснил он. — Только будьте осторожны с пауками, когда берете в руки гроздь, — так сказал продавец.

— Послушай, Мило, неужели нельзя подождать с этим до утра? — взмолился Йоссариан. — Должны же мы хоть немного поспать!

— Они дозревают почти мгновенно, — ото-

звался Мило, — и нам нельзя терять ни минуты. Подумай, как обрадуются наши однополчане, когда получат свежие бананы.

Но однополчане даже не увидели бананов, потому что их можно было выгодно сбыть на рынках Стамбула, а в Бейруте почти даром продавался тмин, который Мило и закупил, избавившись от бананов, чтобы переправить его в Бенгази, где он стоил гораздо дороже, а на Пьяносу они прилетели только через шесть дней, к концу орровского отпуска, с грузом превосходных сицилийских яиц, купленных, по свидетельству Мило, в Каире и проданных от его щедрот столовым синдиката всего лишь по четыре цента за штуку, после чего командиры полков, давно уже ставшие членами синдиката, наказали Мило немедленно снова мчаться в Каир, куда он и полетел за новой партией зеленых бананов, которые потом выгодно продал на турецких рынках, чтобы купить по дешевке бейрутский тмин, пользующийся повышенным спросом в Бенгази. И каждый получил свою долю.

Глава двадцать третья
Отец Нетли

Правда, одному их однополчанину все же удалось увидеть бананы Мило, потому что, созрев, они стали просачиваться обычными путями на итальянский черный рынок, и влиятельный офицер из квартирмейстерского отдела уступил две штуки своему приятелю по студенческому братству Аафрею, который получил краткосрочный отпуск и оказался вместе с Йоссарианом в римской офицерской квартире, когда Нетли привел туда свою любимую шлюху и двух ее сотоварок, пообещав по тридцати долларов каждой из боязни снова потерять возлюбленную, которую он нашел после многотрудных и многонедельных поисков на улицах Рима.

— По тридцати долларов каждой? — неторопливо осведомился Аафрей, похлопав и потыкав с видом привередливого знатока всех трех статных девиц. — Дороговато, на мой взгляд. Тем более что я-то никогда в жизни не платил за это деньги.

— Да не нужно мне от тебя никаких денег, — заверил его Нетли. — Я сам им заплачу. Мне нужно,

чтоб вы провели с ними время. Неужели вам трудно меня выручить?

— Старина Аафрей за чужой счет время не проводит, — самодовольно покачав своей чванливой круглой головой, с гордостью провозгласил Аафрей. — Я и сам могу получить все, что хочу, как только захочу. А сейчас у меня просто нет настроения.

— Да ты заплати всем трем и оставь у себя только эту, твою, — предложил Нетли Йоссариан.

— Так ведь она меня со свету сживет, — испугался Нетли, — потому что ей одной придется отрабатывать свои деньги. — Он тревожно посмотрел на возлюбленную, которая отозвалась невнятным бормотанием и сварливым взглядом. — Она говорит, что если б я по-настоящему ее любил, то переспал бы с одной из двух других, чтобы дать ей отдохнуть.

— А я, ребята, могу предложить вам кое-что получше, — хвастливо объявил Аафрей. — Нам надо продержать их здесь до комендантского часа и пригрозить им потом, что мы выгоним их на улицу — прямо в лапы военной полиции, — если они не отдадут нам все свои деньги. Мы даже можем пригрозить им, что выкинем их на улицу в окно.

— Аафрей! — с ужасом воскликнул Нетли.

— Да я ведь хочу тебе помочь, — смиренно сказал Аафрей. Он всегда лез к Нетли со своей помощью, потому что у того был богатый и влиятельный отец, который мог помочь Аафрею после войны. — Тоже мне, цацы, — ворчливо добавил он. — Мы в школе еще и не такое, бывало, творили. Зазвали, например, однажды двух дур старшеклассниц из города к себе в школьный клуб да и пригрозили, что расскажем по телефону их родителям, как они нас всех обслуживают, если они откажутся нас всех обслужить. А когда они попытались кобениться, мы им дали немножко по мордашкам — чтобы знали свое место. Попользовались, вытряхнули у них мелочишку да жевательную резинку, какая нашлась в карманах, и выкинули вон… Да, здорово мы проводили времечко в нашем клубе, — с безмятежной мечтательностью припомнил Аафрей, и его пухлые щеки ностальгически зарумянились. — Мы всех тогда травили, даже друг друга.

Помощь Аафрея чуть не обернулась бешеным скандалом, потому что возлюбленная, которую Нетли почти боготворил, неожиданно взорвалась остервенелыми проклятиями и стала поносить его так люто и страшно, как если бы он был ей злейшим врагом, но тут в квартиру вломился, к

счастью, Обжора Джо, и обстановка разрядилась, хотя через минуту после Обжоры Джо пришел, пошатываясь, пьяный Дэнбар и сразу же начал обнимать одну из хихикающих девиц, так что теперь им не хватало одной партнерши, а поэтому, оставив Аафрея дома, они всемером выкатились на улицу и залезли в кабриолет к наемному извозчику, который безучастно стоял на месте, пока девицы требовали плату вперед. Нетли вручил им с галантной торжественностью девяносто долларов, позаимствовав двадцать долларов у Йоссариана, тридцать пять у Дэнбара и семнадцать у Обжоры Джо. Дружелюбно заулыбавшись, девицы сказали извозчику адрес, и его лошаденка повлекла их неторопливой трусцой на другой конец города, в район, где они никогда не бывали, а когда им уже почудилось, что путешествие продлится до скончания века, остановилась на глухой и темной улице возле высокого старого дома. Поднявшись вслед за своими спутницами по крутой скрипучей лестнице с деревянными ступенями на четвертый этаж, они очутились в блистательной, мгновенно поразившей их воображение квартире, которая явила им толпу словно бы все время умножающихся гибких, голых и юных девиц, среди которых

вертелся уродливый порочный старик с богомерзким, на слух Нетли, кудахчущим смехом да сновала почтенная старуха в светло-сером свитере, осуждающая горестным квохтаньем любую неблагопристойность и без устали устраняющая всяческую грязь.

Поразительная квартира оказалась плодороднейшим рассадником голых девиц. Пришельцев препроводили в тускло освещенную, с буроватыми стенами гостиную, которая размещалась на скрещении трех темных коридоров, уходящих в таинственные недра этого странного и замечательного борделя. Три их девицы сразу же стали раздеваться, причем то и дело на мгновение замирали, чтобы горделиво продемонстрировать свое аляповато-яркое белье, и без умолку щебетали, обмениваясь добродушными колкостями с похотливым, истасканным, плешевато длинноволосым белобрысым стариком в небрежно расстегнутой белой рубахе, который встретил гостей сардонически вежливым приветствием, а потом все время хихикал и сладострастно пялился на девиц из голубого засаленного кресла, стоящего почти точно посредине гостиной. Добродетельная старуха в сером свитере отправилась, скорбно опустив голову, за партнершей

для Обжоры Джо и вскоре вернулась с двумя пышногрудыми красотками, одна из которых была совершенно голая, а вторая пришла в розовато-прозрачной коротенькой комбинации и проворно избавилась от нее, садясь на кушетку. Потом из разных коридоров появились еще три нагие обитательницы борделя и остановились в гостиной поболтать, а следом за ними пришли еще две. Четыре новые, занятые оживленной беседой, профланировали через гостиную не останавливаясь; три из них были не только голые, но и босые, а на четвертой красовались танцевальные серебряные туфельки, принадлежащие, если судить по ее разлапистой походке, явно не ей. Спустя минуту возникла еще одна полураздетая дива, так что их собралось уже одиннадцать.

Гостиная неуемно полнилась обнаженной плотью, и Обжора Джо начал погибать. Ошалело окаменев, он с немым ужасом смотрел на беспрерывно впархивающих в комнату девиц, которые вели себя естественно и непринужденно. Внезапно опомнившись, он издал душераздирающий вопль и стремительно рванулся к двери с намерением совершить молниеносный марш-бросок в солдатскую квартиру, где остался его фотоаппарат, однако, не сделав и пары шагов, издал еще

один пронзительный вопль, исторгнутый из его души леденящим кровь предчувствием, что он навеки потеряет этот чудесный, огненно сладостный, искристо опаляющий сердце языческий рай, если решится хотя бы на мгновение отсюда уйти. Он мертво застыл у двери, исходя в невнятном бормотании брызгами слюны, а жилы на его лбу и шее выпукло вздулись и зримо затрепетали, будто яростно натянутые канаты. Старик следил за ним с победоносным злорадством, похожий в своем засаленно-голубоватом кресле на грязное, сатанински всемогущее божество с развратным лицом, тощим торсом и худосочными ногами, которые были укутаны, чтобы его не прохватила простуда, украденным у американцев армейским одеялом. Он негромко посмеивался, и в его провалившихся, многоопытно циничных глазах светилось растленное удовольствие. Было заметно, что он основательно выпил. Этот непотребный антипатриотичный старик вызывал у Нетли острейшую неприязнь, потому что напоминал ему по возрасту его отца и отпускал про Америку уничижительные шуточки.

— Америка проиграет войну, — злорадно предрек старик. — А Италия выиграет.

— Америка — самая могущественная и про-

цветающая держава в мире! — с высокомерной горячностью осадил его Нетли. — А ее вооруженные силы непобедимы.

— Вот-вот, — охотно согласился старик, и в его голосе прозвучало ядовитое удовлетворение. — А Италия — хиреющая страна, и ее вооруженные силы давно уже обходятся без кровопролитных побед. Поэтому-то она и благоденствует в нынешней войне — не то что Америка.

Нетли удивленно захохотал, но, сразу же осудив себя за невежливость, смущенно покраснел.

— Простите меня, я не хотел вас оскорбить, — простодушно сказал он и с почтительной снисходительностью добавил: — Но ведь Италию оккупировали немцы, а теперь оккупируем мы. Надеюсь, вы не это называете благоденствием?

— Именно это! — радостно подхватил старик. — Немцев отсюда гонят, а мы живем себе и здравствуем. Через пару лет вы тоже уйдете, а мы будем жить-поживать и горя не знать. Италия, видите ли, очень слабая страна, и в этом наша сила. Итальянские солдаты больше не гибнут. А немецкие и американские — многими тысячами. Разве это не благоденствие для нас на сегодняшний день? Да-да, я уверен, что Италия переживет и нынешнюю войну, и вашу Америку.

Нетли едва верил своим ушам. Он никогда не сталкивался с таким чудовищным кощунством, и его удивляло, почему фэбээровцы позволяют этому вероломному старикашке разгуливать на свободе.

— Америка будет жить вечно! — страстно вскричал он.

— Вечно? — с мягкой подначкой спросил старик.

— Ну… — Нетли осекся.

Старик снисходительно усмехнулся, явно подавив желание презрительно расхохотаться. Но он травил Нетли исподтишка.

— Рим погиб, Греция погибла, Персия погибла, Испания погибла, — со скрытым торжеством объявил он. — Все великие державы погибли. А ваша, значит, особенная? И сколько же она протянет? Вы говорите, вечно? А я вам напомню, что и сама Земля погибнет от взрыва Солнца через двадцать пять миллионов лет.

— Ну, вечно… это, пожалуй, и правда многовато, — неловко уклонился Нетли.

— А сколько? — с глумливым пылом наседал старик. — Миллион лет? Полмиллиона? Жаба, к примеру, существует на земле пятьсот миллионов лет. Можете вы утверждать, что ваша

Америка, со всем ее процветанием и могуществом, с непобедимыми вооруженными силами и самым высоким в мире уровнем жизни, просуществует так же долго, как, скажем, жаба?

Нетли с наслаждением закатил бы этому гнусному наглецу хорошую оплеуху. Он беспомощно огляделся в поисках союзника, который помог бы ему защитить будущее его страны от увертливого и бесстыжего нечестивца. Но никто не пришел ему на помощь. Йоссариан и Дэнбар деловито уединились в дальнем углу гостиной с четырьмя или пятью игривыми девицами и шестью бутылками красного вина, а Обжора Джо давно уже скрылся в одном из таинственных коридоров, гоня перед собой, вроде плотоядного властелина, столько крутобедрых проституток, сколько могли загрести его машущие, как крылья ветряной мельницы, тощие руки.

Нетли чувствовал себя потерянно и неловко. Его возлюбленная, мешковато нахохлившись, сидела в тупом оцепенении на горбатой кушетке, и он тоскливо думал, что она относится к нему с таким же вялым безразличием, как и в тот незабываемо яркий, мучительно-горестный для него день, когда он увидел ее за игрой в «очко», мимоходом завернув на минуту в солдатскую

квартиру, а она не обратила на него ни малейшего внимания. Ее безвольно приоткрывшийся рот напоминал округло очерченную букву «О», и одному богу было известно, куда направлен ее затуманенный в бездумном остекленении взгляд. Старик терпеливо ждал, посматривая на Нетли с проницательно пренебрежительной, но сочувственной ухмылкой. Бесстыжая и пластично гибкая в движениях блондинка с прелестными ногами и медовой кожей, по-кошачьи притулившись на подлокотнике кресла возле старика, принялась растленно обласкивать ладонями его угловатое, бледное и похотливое лицо. Нетли весь одеревенел от враждебного негодования при виде столь откровенного распутства у такого дряхлого старика. Он подавленно отвернулся, с удивлением размышляя, что же ему, собственно, мешает загнать в постель свою собственную девицу.

Омерзительный, похожий на дьявольского стервятника старик напоминал Нетли отца по абсолютнейшему несходству. Его отец в отличие от этого распатланного, распущенного скользкого циника был благообразно седым, всегда безупречно одетым джентльменом с твердыми принципами и здравыми суждениями; его обра-

зованность и сдержанность казались особенно благородными по сравнению с грубой неотесанностью этого старого похабника. Отец Нетли свято верил, что честь превыше всего, и мог ответить на любой вопрос, а у гнусного старикашки явно не было ничего святого, но зато имелась уйма безответственных вопросов. Почтенные седые усы у отца Нетли всегда были аккуратно подстрижены, что резко отличало его от старика, у которого вообще не было усов. Отец Нетли — как и все отцы его знакомых — служил ему примером благородного достоинства, а старик олицетворял собой мерзостное распутство, и Нетли очертя голову пустился с ним в спор, преисполненный суровой решимости пригвоздить его подлую логику к позорному столбу, чтобы отомстить ему за гнусные инсинуации и завоевать расположение угрюмо равнодушной к нему девицы, которую он полюбил беззаветно и навсегда.

— Ну, откровенно говоря, я, конечно, не знаю в точности, сколько просуществует Америка, — храбро признался он. — По-видимому, не вечно, раз когда-то должен погибнуть весь мир. Но наше замечательное существование продлится очень, очень долго, тут у меня нет никаких сомнений.

— А все-таки сколько? — со злорадной издевкой

спросил его мерзостный старик. — Уж до жабы-то вам наверняка, я думаю, не дотянуть.

— По крайней мере дольше, чем проживете вы или я! — нескладно выкрикнул Нетли.

— Только-то? Да ведь это же пустяки — особенно если учесть вашу опрометчивую юношескую доблесть и мой весьма преклонный возраст.

— А сколько вам лет? — поневоле заинтригованный и как бы обольщенный стариком, спросил Нетли.

— Сто семь, — ответил старик, заранее радуясь досадливому смущению Нетли. — А вы, я вижу, и этому не верите?

— Да я ни одному вашему слову не верю, — преодолевая застенчивость, отозвался Нетли. — Зато твердо верю, что войну Америка выиграет.

— Дались же вам эти военные выигрыши, — издевательски хмыкнул расхристанный старый гнуснец. — А на самом-то деле вся штука в том, чтобы уметь войны проигрывать, чтобы чувствовать, какую войну можно проиграть. Италия проигрывала войны много веков подряд — и всегда жила припеваючи. А Франция выигрывала — и все время барахталась в кризисах. Зато Германия проигрывала — и процветала. А теперь гляньте-ка на нашу новейшую историю.

Италия выиграла войну в Эфиопии — и сразу же наткнулась на гиблые беды. Нас охватила такая сумасшедшая мания величия, что мы ввязались в мировую бойню без всякой надежды на победу. Но теперь, когда мы опять проигрываем, положение понемногу исправляется, и, если нам удастся потерпеть полное поражение, мы снова заживем прекрасно.

Нетли изумленно уставился на старика, даже не скрывая, что он окончательно сбит с толку.

— Хоть убейте, не понимаю, — жалобно сказал он. — Вы же рассуждаете как безумец.

— Ну а живу как нормальный человек. Я был фашистом, когда у власти стоял Муссолини, и сделался антифашистом, как только его свергли. Я был настроен прогермански, пока Германия защищала нас от Америки, и настроился проамерикански, едва американцы пришли сюда, чтобы спасти нас от немцев. Могу твердо заверить вас, мой неистовый юный друг, — пренебрежительно мудрый взгляд старика искрометно разгорался, отражаясь в глазах у Нетли тускло тлеющим страхом, — что вы и ваша страна не найдете здесь более ревностного сторонника, чем я, — но только пока вас отсюда не спровадили.

— Так вы же… — недоверчиво вскричал Нет-

ли, — вы же перебежчик! Оборотень! Позорный приспособленец и злостный ренегат!

— Мне сто семь лет, молодой человек, — вкрадчиво напомнил ему старик.

— Неужели у вас нет никаких принципов?

— Конечно, нет.

— И вас не угнетает ваша безнравственность?

— О, я сугубо нравственный человек, — уверил его с насмешливой серьезностью аморальный старик, поглаживая нагое бедро полногрудой брюнетки, которая обольстительно полулежала на втором подлокотнике его кресла. Он сидел, словно самодовольный владыка, в убогой роскоши своего голубовато-облезлого трона и разглядывал Нетли с ехидной ухмылкой, по-хозяйски положив обе руки на бедра голых девиц.

— Что-то не верится, — с трудом выговорил Нетли, заставляя себя не смотреть на руки старого греховодника. — Решительно не верится.

— А ведь это полнейшая правда. Когда немцы вошли в Рим, я приплясывал на улицах, вроде молоденькой танцовщицы, выкрикивая «Хайль Гитлер!», пока окончательно не охрип. И даже размахивал нацистским флажком, который выхватил у маленькой девочки, пока ее мамаша пялилась в другую сторону. А когда немцы ушли,

я выскочил на улицу встречать американцев с бутылкой прекрасного бренди и корзиной цветов. Бренди-то я припас для себя, а цветы — чтобы швырять в наших освободителей. И первая моя роза досталась одному майору — черствому и чопорному на вид, но наверняка доблестному, потому что он ехал в первой машине. Мой бросок оказался на редкость удачным — я попал ему прямо в глаз. Видели бы вы, как он зажмурился и отпрянул!

— Майор… де Каверли! — задохнувшись от изумления и вскакивая с побелевшим лицом на ноги, воскликнул Нетли.

— Вы его знаете? — радостно спросил старик. — Замечательное совпадение, верно?

— Так вот кто ранил майора… де Каверли! — не услышав из-за удивленного возмущения последней реплики старика, в ужасе вскричал Нетли. — Да как же вы посмели это сделать?

— Вам бы следовало спросить меня, мог ли я этого не сделать, — хладнокровно сказал ему старый злодей. — Поглядели бы вы, с каким идиотским чванством восседал в машине этот майор — голова огромная, лицо надменное, — ну просто бог Саваоф на престоле, а не человек. Я засветил ему в глаз розой «американская чудная». По-моему,

очень подходящий к случаю сорт. А по-вашему?

— Это было чудовищное злодеяние, — гневно осудил старика Нетли. — Преступный и воистину непростительный поступок. Майор… де Каверли служит у нас начальником штаба.

— Вот оно что, — с насмешкой отозвался бесстыжий старик и ущипнул себя, в припадке гаерского раскаяния, за остренький подбородок. — А вы еще говорили, что у меня нет нравственных принципов. Я сделал это ради справедливости, потому что, когда в Рим вступали немцы, мне почти удалось выбить глаз одному обер-лейтенанту черенком эдельвейса.

Нетли был возмущен и потрясен неспособностью старого преступника осознать свою вопиющую вину.

— Так вам, значит, наплевать на ваше злодейство? — грубо выкрикнул он. — Майор… де Каверли — достойнейший, замечательный и всеми почитаемый человек!

— Он старый дурак, хотя и вел себя как молодой осел, что в его возрасте выглядит полнейшим идиотизмом. А где он сейчас? Его убили?

— Никто этого не знает, — с глубоким благоговением понизив голос, ответил Нетли. — Он исчез.

— Вот видите? Ну можно ли рисковать в столь

почтенном возрасте остатками жизни за ерундовину вроде родины?

Тут Нетли внезапно опять обрел под ногами почву.

— Ничего я не вижу! — с пафосом отпарировал он. — Родина — это вовсе не ерундовина, и бывает так, что человек просто должен умереть за родину.

— Вы думаете? А что такое родина? Участок земли, окруженный со всех сторон границами, причем, как правило, искусственными. Англичане умирают за Англию, американцы за Америку, немцы за Германию, русские за Россию — в этой войне дерутся пятьдесят или шестьдесят стран, и каждая для кого-то родина. Так неужто все они стоят того, чтоб за них умирать?

— Ради продолжения жизни иногда приходится идти на смерть, — сказал Нетли.

— Ради продолжения жизни надо жить, — возразил старый святотатец. — Вы такой невинный и простодушный юноша, что мне, пожалуй, надо бы вас немного просветить. Сколько вам лет? Двадцать пять? Двадцать шесть?

— Девятнадцать, — ответил Нетли. — В январе исполнится двадцать.

— Если только вы доживете до января. — Ста-

рик нахмурился и покачал головой — с тем же укоряющим сочувствием, какое Нетли заметил у благочестивой старухи. — Вам надо поостеречься, иначе вас обязательно убьют, но вы, насколько я понимаю, остерегаться не собираетесь. А почему бы вам все же не поучиться у меня здравому смыслу? Тогда и вы, быть может, дожили бы до ста семи лет.

— Потому что лучше умереть стоя, чем жить на коленях! — с возвышенной уверенностью провозгласил Нетли. — Надеюсь, вы слышали такое речение?

— Слышать-то слышал, — раздумчиво протянул вероломный старик и пакостно осклабился. — Да сдается мне, что вы его здорово переиначили. «Лучше жить стоя, чем умереть на коленях» — вот как звучит это речение.

— Вы уверены? — серьезно усомнился Нетли. — А мне кажется, что у меня оно звучит правильней.

— Правильней моего не скажешь. Спросите хоть ваших друзей.

Нетли обернулся, чтобы спросить своих друзей, но их не было. Йоссариан и Дэнбар исчезли. Старик зловредно расхохотался, откровенно потешаясь над горестным изумлением Нетли. А тот

нерешительно замер, и лицо у него потемнело от стыда. Потом он сорвался с места и бросился в ближайший коридор, надеясь отыскать, пока не поздно, своих друзей, чтобы вернуть их в гостиную для обсуждения сногсшибательной новости про драматическую встречу майора… де Каверли с гнусным стариком. В коридоре стояла темень. И ни единой полоски света под закрытыми дверьми. Было уже очень поздно. Нетли прекратил безнадежные поиски. Он решил, что ему не остается ничего другого, как вернуться к возлюбленной и отправиться с нею в постель, чтобы после деликатных, обоюдонежных утех подумать о совместном будущем, но, когда он вернулся в гостиную, она уже ушла спать, и ему не оставалось ничего другого, как возобновить бесплодный спор с омерзительным стариком, который, однако, поднялся, едва он вошел, из своего кресла, насмешливо извинился за поздний час и тоже исчез, оставив Нетли в обществе двух смутноглазых девиц, не знавших, где ночует его любимая шлюха, и удалившихся на покой после неудачных попыток завести с ним платный роман, так что ему не оставалось ничего другого, как лечь спать в опустевшей гостиной одному — на узкой, короткой и кочковатой кушетке.

Нетли был привлекательный, чувствительный и богатый юноша девятнадцати лет с темными волосами и доверчивыми глазами, проснувшийся утром на кушетке с вывихнутой шеей и глухим непониманием, куда его занесло. Он был деликатен и вежлив. Он прожил почти двадцать лет без травм, надрывов, неврозов и ненависти, что служило для Йоссариана безусловным доказательством его ненормальности. Ему досталось в удел совершенно безоблачное детство, хотя никто его особенно не баловал. Он прекрасно ладил с братьями и сестрами и обошелся без ненависти к родителям, даром что они всегда желали ему добра.

Он сызмальства был приучен порицать людей вроде Аафрея, которых его матушка называла пролазами, и Миндербиндера, которых его отец называл пронырами, но как они выглядят — он не знал, потому что их даже близко к нему не подпускали. Насколько он мог припомнить, у них дома — будь то в Филадельфии, Нью-Йорке, Мэйне, Саутгемптоне, Лондоне, Довиле, Париже или где-нибудь на юге Франции — появлялись только леди и джентльмены, коих нельзя было отнести к выскочкам и пронырам. Его матушка, происходившая из старинного рода Торнтонов,

древних уроженцев Новой Англии, была дочь Американской революции, а отец — сукин сын.

— Помни, — частенько говаривала ему матушка, — что ты Нетли. Не Вандербилт, чье состояние начинал когда-то скапливать по крохам грубый шкипер грязного буксира, не Рокфеллер, получивший деньги, нажитые беспардонной спекуляцией нефтяными участками, не Дьюк, у которого предки продавали доверчивым людям продукты с канцерогенными примесями, не Астор, до сих пор, кажется, сдающий квартиры, а Нетли. Твердо помни, что Нетли ничего не делают ради денег.

— Твоя матушка имеет в виду, — вставил однажды со своим обычным изяществом, которое так восхищало Нетли, его отец, — что старые состояния почитают гораздо больше новых и что скоробогатых уважают гораздо меньше, чем медленно обнищавших. Правильно я передал твою мысль, дорогая?

Отец Нетли был бездонным кладезем глубокомысленных премудростей вроде этой. Розовый и кипучий, как только что сваренный глинтвейн, он неизменно вызывал у Нетли восхищение, хотя глинтвейн вызывал у него тошноту. Когда разразилась война, на семейном совете решили

определить Нетли в армию, поскольку для дипломатического поприща он был еще слишком юн, и его отец авторитетно утверждал, что Россия лопнет через несколько недель или месяцев, а Гитлер, Черчилль, Рузвельт, Муссолини, Ганди, Франко, Перон и японский император подпишут мирный договор, чтобы жить в счастливом согласии до скончания века. По совету отца Нетли послали в летнюю школу, где ему предстояло учиться вплоть до полной капитуляции России и где, как офицер, он должен был жить среди джентльменов.

А Нетли вместо этого проводил время с Йоссарианом, Дэнбаром и Обжорой Джо в римском борделе, любовно тоскуя на кочковатой кушетке по равнодушной к нему шлюхе, с которой ему удалось утром лечь в постель, куда буквально через секунду забралась вломившаяся к ним без предупреждения младшая сестра его возлюбленной, ревниво пожелавшая, чтобы он обнял и ее. Любимая шлюха Нетли влепила ей трескучий подзатыльник и выволокла за волосы из постели. Неисправимая двенадцатилетняя девчонка напоминала Нетли общипанного цыпленка или жалкую веточку с обглоданной корой; ее тщедушное тельце вызывало у всех чувство неловкого

смущения, и, хотя она всячески пыталась подражать взрослым, ее постоянно выгоняли из гостиной, наказав ей одеться и пойти погулять — чтобы она подышала свежим воздухом и поиграла на улице с детьми. А сейчас сестры принялись бешено ругаться, шипя и брызгая слюной, словно разъяренные кошки, что немедленно собрало к ним в комнату весело гомонящую толпу заинтересованных зрителей. Нетли устал бороться за свое счастье. Он предложил возлюбленной одеться и пойти позавтракать. Младшая сестра потащилась вместе с ними, и Нетли горделиво ощущал себя главой респектабельного семейства, пока они завтракали в ближайшем уличном кафе под открытым небом. Однако, позавтракав, его шлюха снова прониклась к нему тупым раздражением и решила поискать клиентов на улице в обществе двух своих подруг. Нетли и ее младшая сестра смиренно поплелись за ними следом на расстоянии около двадцати шагов: сестра — чтобы учиться полезным навыкам, а он — чтобы кусать локти и проклинать судьбу; когда трех шлюх увезли в штабной машине подобравшие их солдаты, они печально побрели обратно к кафе.

Нетли кормил девчонку шоколадным мороженым, пока у нее снова не исправилось настроение,

а потом вернулся вместе с ней в бордель, где Дэнбар и Йоссариан, развалившись на горбатой кушетке, весело разглядывали изнуренного Обжору Джо, сохранявшего на своей изрядно помятой физиономии ту онемело блаженную улыбку победителя, с которой он выбрался поутру из своего временного гарема, пошатываясь, как до полусмерти избитый. Растрескавшиеся губы и черные синяки у него под глазами явно забавляли растленного старика. Старик приветливо поздоровался с Нетли, а тот угрюмо отметил про себя, что его внутренняя распущенность вполне соответствует внешней расхристанности, и потом, приходя в бордель, тщетно мечтал увидеть старика прилично одетым, аккуратно причесанным, гладко выбритым и со щегольскими седыми усами, чтобы не испытывать стыдливого отвращения, когда при взгляде на этого порочного нечестивца ему вспоминался отец.

Глава двадцать четвертая
Мило Миндербиндер

Апрель был наилучшим месяцем для Мило. В апреле цвела сирень и зрел виноград. Юные сердца бились чаще, влюбленные души трепетали слаще, и старые аппетиты по-новому разгорались. Апрель нес на землю весну, а весна привнесла в голову Мило Миндербиндера мысли о мандаринах.

— Мандарины?

— Да, сэр.

— Мои люди обрадуются мандаринам, — признал на Сардинии полковник, командующий четырьмя эскадрильями бомбардировщиков «Б-26».

— Ваши люди получат столько мандаринов, чтобы есть их досыта, сколько вы сможете оплатить из фонда столовых, — заверил его Мило.

— А как насчет дынек?

— Продаются за бесценок в Дамаске.

— Я люблю дыньки. Всегда, знаете ли, их любил.

— Предоставьте мне по одному самолету от

каждой эскадрильи — всего по одному, — и вы получите столько дынек, чтобы есть их в полное удовольствие, сколько сможете оплатить.

— Мы будем закупать их у синдиката?

— И каждый получит свою долю.

— Удивительно, просто удивительно! Как вам это удается?

— Оптовая торговля все колоссально меняет. Возьмите, к примеру, телячьи отбивные в сухарях…

— Мне не очень-то нравятся телячьи отбивные, — скептически пробурчал полковник на севере Корсики, командующий полком бомбардировщиков «Б-25».

— Телячьи отбивные чрезвычайно питательны, — с уважением открыл ему Мило Миндербиндер. — В них помимо мяса содержится яичный желток и пшеница, из которой приготовляются сухари. Их ведь делают по тем же рецептам, что и бараньи.

— Бараньи? — эхом откликнулся полковник. — Хорошие бараньи отбивные?

— Наилучшие, — ответил Мило, — из имеющихся на черном рынке.

— А барашки молодые?

— Почти новорожденные, — ответил Мило. —

Причем каждая отбивная на косточке и в розовой рубашечке из нежнейшей бумаги. Продаются за бесценок в Португалии.

— Я не могу послать туда самолет. Это выше моих полномочий.

— Зато я могу — если вместе с самолетом вы дадите мне пилота. И не забывайте про генерала Дридла.

— Думаете, ему опять захочется побывать в нашей столовой?

— А куда он денется? Особенно если вы будете кормить его яичницей из моих лучших яиц, поджаренных на моем свежем сливочном масле. Кроме того, у вас появятся и мандарины, и дыни разных сортов, и филе из камбалы, и картофель «Аляска», и мидии, и даже устрицы.

— А вы действительно уверены, что каждый получит свою долю?

— Так на этом-то все и держится, — сказал Мило.

— Не желаю, — отрезал командир истребительного полка, не желавший иметь дело с Мило.

— Не желает сотрудничать, да и все тут, — пожаловался на него Мило Миндербиндер генералу Дридлу. — А ведь порой достаточно одного человека, который начинает совать палки в колеса,

чтобы угробить всю колесницу. И тогда уж мы не сможем доставлять масло и яйца для ваших яичниц.

Генерал Дридл отправил несговорчивого командира истребителей на Соломоновы острова хоронить мертвецов, заменив его дряхлым полковником с бурситом, который любил орехи и представил Мило Миндербиндера командующему авиабригадой в Италии, готовому отдать все на свете за круг краковской колбасы.

— Ее можно выменять в Кракове на земляные орехи, — сообщил ему Мило.

— Если бы, — с грустью вздохнул генерал. — Да я отдал бы все что угодно за круг краковской колбасы.

— Вам незачем отдавать все. Дайте мне по одному самолету на каждую столовую и обяжите пилотов выполнять мои приказы. Ну и маленький аванс — в знак вашего доверия к нашему будущему сотрудничеству.

— Но ведь до Кракова сотни миль над оккупированной врагом территории. Как же вы туда доберетесь?

— В Женеве есть международный центр по торговле польскими продуктами. Я доставлю туда земляные орехи и обменяю их на колбасу

исходя из расценок свободного рынка. Потом орехи переправят в Краков, а вы получите вашу любимую снедь. Причем покупать ее — сколько вам заблагорассудится — вы будете у синдиката. Синдикат снабдит вас и мандаринами, придав им цвет естественной зрелости, и яйцами с Мальты, и шотландским виски из Сицилии, а платить при покупке вы будете самому себе, потому что станете членом синдиката, где каждый получает свою долю. Разве это не разумно?

— Больше чем разумно — гениально! И откуда у вас такой замечательный дар?

— Меня зовут Мило Миндербиндер, сэр. Мне двадцать семь лет.

Самолеты Мило Миндербиндера — истребители, бомбардировщики, транспортные машины, — управляемые пилотами, которые безоговорочно выполняли его приказы, слетались на полевой аэродром полковника Кошкарта со всех концов земли. Эмблемы многочисленных эскадрилий, символизирующие такие достойные понятия, как Доблесть, Честь, Могущество, Справедливость, Любовь, Свобода и Патриотизм, механики Мило тут же закрашивали двойным слоем белой краски, а на их месте появлялась ярко-пурпурная, выведенная по трафарету над-

пись «Предприятие „М и М“ — феноменальные фрукты и пищевые продукты», где два «М» обозначали имя и фамилию Мило, а союз «и» был вставлен, по его чистосердечному признанию, чтобы не вызывать у людей мысли о единоличном правлении. Самолеты прибывали к Мило не только с военных аэродромов Италии, Англии и Северной Африки, но и с баз авиатранспортного управления в Либерии, Каире, Карачи и на острове Вознесения. Истребители служили для срочной связи или мелкотоварных отправлений, а грузовики и танки, предоставляемые Мило командованием сухопутных войск, использовались для коротких наземных перевозок. Каждый получал свою долю, и у лениво отяжелевших, с постоянно сальными губами людей всегда теперь торчала во рту зубочистка. Мило управлял разрастающимся синдикатом в одиночку. На лице у него залегли желтовато-коричневые морщины глубокой озабоченности, а в глазах мерцала мудрая подозрительность. Все, кроме Йоссариана, считали Мило Миндербиндера тупицей — за добровольное согласие стать начальником столовой и чересчур серьезное к этому отношение, — но Йоссариан, который тоже не сомневался в его тупости, знал, кроме того, что он гений.

Однажды Мило отправился на самолете в Англию за турецкой халвой, а вернулся через Мадагаскар, возглавляя четыре германских бомбардировщика, с грузом ямса, кормовой капусты, зеленой горчицы и черного горошка. Его негодованию не было предела, когда, приземлившись, он обнаружил на аэродроме отряд военной полиции, который прислали туда, чтобы арестовать немецких летчиков и конфисковать их самолеты. Конфисковать!.. Это слово звучало для Мило как чудовищное проклятие, и он бешено тряс обвиняющим перстом перед покаянно смущенными лицами полковника Кошкарта, подполковника Корна и капитана военной полиции с многочисленными боевыми шрамами и автоматом в руках.

— У нас здесь что — тоталитарный режим? — не желая ничего слушать, истошно завывал Мило Миндербиндер. — Конфисковать? — как бы не веря своим ушам, пронзительно выкрикивал он. — С каких это пор американское правительство стало отнимать у своих граждан их частную собственность? Позор! Позор на ваши головы за столь чудовищные помыслы!

— Так мы ведь воюем с Германией, — смиренно возражал ему майор Дэнби, — а это германские

самолеты, Мило.

— Да ничего похожего! — рявкнул Мило Миндербиндер. — Самолеты принадлежат синдикату, и у каждого есть пай! Конфисковать? Как, интересно, вы сможете конфисковать ваше собственное имущество? Нет, это надо же додуматься — конфисковать! Я, пожалуй, никогда в жизни не сталкивался с таким извращенным сознанием.

И Мило, конечно, был прав, потому что, оглянувшись, они обнаружили, что его механики уже закрашивают двойным слоем белой краски черные свастики на самолетах, заменяя их выведенной по трафарету надписью «Предприятие „М и М“ — феноменальные фрукты и пищевые продукты». Им довелось увидеть, как Мило Миндербиндер превращает свой синдикат в международный картель.

Огромные армады его воздушных кораблей бороздили небо. Самолеты прибывали из Норвегии, Дании, Франции, Германии, Австрии, Италии, Югославии, Румынии, Болгарии, Швейцарии, Финляндии, Польши — практически почти из всех стран Европы, кроме России, с которой он опасался иметь дело. Когда каждый, кто хотел, вступил в его картель, он учредил полностью подконтрольный ему синдикат «Предприятие

„М и М“ — кондитерские изделия», получив от столовых дополнительные средства и самолеты для доставки сдобных коржиков и сухого печенья с Британских островов, голландского сыра и восточных сладостей из Копенгагена, эклеров, слоеных булочек, наполеонов и птифура из Парижа, Реймса и Гренобля, ржаных кексов и пирожных с перцем из Берлина, берлинского печенья и чешских тортов из Вены, венских рулетов из Будапешта и пахлавы из Анкары. Самолеты Мило ежедневно отправлялись в самые отдаленные уголки Европы и Северной Африки, таща за собой на буксире громадные рекламные транспаранты с надписями, оповещающими о последних продуктовых новинках: «Круглая вырезка — 79 центов/фунт», «Тресковое филе — 21 цент/фунт». Мило умножал доходы синдиката, сдавая рекламные транспаранты в аренду фирмам «Молочко для кисы», «Собачий фарш» и «Нокзема — кремы», а кроме того, уважительно чтя общественные интересы, регулярно выделял часть транспарантов генералу Долбингу, который поучал с воздуха людей своими обычными сентенциями: «Чистота — наилучшая красота», «Поспешишь — людей насмешишь» или «Совместная молитва крепит семью». Чтобы объединить — с пользой

для синдиката — расколотую войной планету, он арендовал время для рекламы своих товаров у радиостанции в Берлине, которая вела подрывные передачи на английском языке голосами певички Сэлли и лорда Хо-Хо, как его прозвали американцы. Деловая жизнь процветала по обе стороны линии фронта.

Самолеты синдиката стали привычной приметой времени. Они имели свободный доступ во все европейские страны, и однажды Мило Миндербиндер заключил двойной контракт: с американским командованием — о бомбардировке шоссейного моста у Орвието, а с германским — о его зенитной защите против налета. Кроме возмещения расходов на бомбардировку и защиту он должен был получить за услуги шесть процентов от этой суммы с каждой стороны, а от германского командования еще и по тысяче долларов за каждый сбитый американский самолет. Победа в сделке, как указывал Мило, досталась частному предпринимательству, потому что враждующие армии со всем их снаряжением и оборудованием были государственными. Синдикат не истратил на это предприятие ни гроша, а заработал кучу денег — всего лишь двойным росчерком пера гениального Мило при подписании

контрактов, — потому что воюющие клиенты обладали достаточными ресурсами и нетерпением, чтобы броситься в бой, не дожидаясь вмешательства подрядчика.

Условия договора были обоюдочестными. С одной стороны, самолеты Мило могли беспрепятственно летать куда угодно, так что пробраться к мосту, не возбудив никаких подозрений у немецких зенитчиков, им ничего не стоило; а с другой стороны, Мило прекрасно знал о своем внезапном налете, и немецким зенитчикам ничего не стоило вовремя открыть убийственный прицельный огонь. Условия договора оказались идеальными для всех, кроме мертвеца из палатки Йоссариана, которого убили над Орвието еще до зачисления в полк.

— Не убивал я его! — с глубоким чувством собственной правоты отвергал Мило Миндербиндер злобные нападки Йоссариана. — Говорю тебе, меня там даже не было в тот день. Что ж я, по-твоему, палил из немецкой зенитки в собственные самолеты?

— Но ведь организовал-то все это ты! — не унимался Йоссариан, пробираясь вместе с Мило по узкой тропинке мимо застывших в бархатистой тьме машин автопарка к полевому кинотеатру

под открытым небом.

— Да при чем тут я? — гневно возражал Мило, с тонким присвистом втягивая своим бледным подергивающимся носом черную тьму. — Ведь немцы стали бы защищать этот мост, а мы постарались бы его разбомбить совершенно независимо от моего участия, верно? Ну, и я просто увидел прекрасную возможность получить прибыль — и получил ее. Так что тут плохого?

— Что тут плохого? Пойми, Мило, он был убит — погиб, не успев распаковать свои пожитки!

— Так я-то его не убивал!

— Ты получил за это тысячу долларов.

— А убивать не убивал. Повторяю тебе, меня там даже не было. Я был в Барселоне — покупал оливковое масло и потрошеные сардины без костей, у меня до сих пор сохранились накладные, чтобы это доказать. Не говоря уж о том, что тысячу долларов заплатили синдикату, а не мне, и каждый получил свою долю — в том числе и ты. — Мило со страстной искренностью взывал к Йоссариану: — Пойми, Йоссариан, войну начал не я, что бы ни трепал этот авантюрист Уинтергрин. Я просто пытаюсь ввести ее в деловое русло. Ну что тут плохого? Тысяча долларов, знаешь ли, приличная плата за сбитый бомбардировщик с

экипажем. Если немцы согласятся платить мне по тысяче долларов за каждый сбитый самолет, то почему я должен от этого отказываться?

— Потому что ты вступаешь в сделку с врагом, вот почему. Неужели тебе не понятно, что идет война? А на войне убивают. Глянь же ты, ради бога, чуть дальше своего носа!

— Тут как ни гляди, а немцы — наши торговые партнеры, Йоссариан, — с усталой снисходительностью покачав головой, откликнулся Мило. — Да-да, я прекрасно знаю, что ты мне начнешь сейчас петь. Правильно, мы ведем с ними войну. Но они, кроме всего прочего, пайщики синдиката, и я обязан защищать их законные интересы. Возможно, они начали эту войну и убивают миллионы людей — а по счетам платят куда аккуратней, чем многие наши союзники. Неужели тебе не понятно, что я должен выполнять свои священные обязанности по договорам с Германией? Неужели ты не можешь посмотреть на это с моей точки зрения?

— Не могу, — свирепо отрезал Йоссариан.

Мило был уязвлен до глубины души и даже не пытался скрыть оскорбленных чувств. Душная лунная ночь кишела мошкарой, москитами и мотыльками. Внезапно Мило патетически

вскинул руку и указал ею на киноплощадку, где молочно-белый, с пляшущими пылинками конусообразный луч из проектора ярко высветил гипнотически застывших людей, вперившихся взглядами в серебристый экран. Глаза у Мило влажно поблескивали чистосердечной обидой, а безыскусное, открытое лицо матово лоснилось от пота и репеллента.

— Посмотри на них! — прерывающимся голосом воскликнул он. — Это мои соотечественники, однополчане, товарищи по оружию. Лучших друзей и представить себе нельзя. Так неужели ты думаешь, что я способен нанести им хоть какой-нибудь вред без крайней нужды? Мало у меня, по-твоему, других забот? Мало у меня хлопот с египетским хлопком, который лежит мертвым грузом на причалах? — Тут голос Мило раздробленно пресекся, и он, словно утопающий, цепко ухватил Йоссариана за ворот рубахи. — Скажи, Йоссариан, как мне быть с этими горами хлопка? Ведь я купил его из-за тебя — ты же меня не отговорил.

Хлопок загромождал египетские причалы, и мечты о его выгодной распродаже обернулись химерой. Приобретая весь урожай на корню, Мило не подозревал, что долина Нила окажется столь

разорительно плодородной, а спроса не будет вовсе. Столовые, входящие в его синдикат, решительно отказывались ему помогать — напрочь отвергли предложение распределить стоимость хлопка среди пайщиков, чтобы каждый оплатил свою долю. Да и немцы, самые верные союзники синдиката, не помогли — они предпочитали эрзац. А столовые даже отказались предоставить Мило свои склады, и плата за хранение хлопка, обрастая чудовищными процентами, сожрала все его денежные резервы, включая доход от бомбардировки и защиты моста. Мило написал отчаянное письмо в Штаты с просьбой срочно перевести ему все деньги, которые он посылал раньше домой, но и от них вскорости не осталось почти ничего. А на причалы Александрии постоянно прибывали новые партии хлопка, и каждый раз, когда Мило удавалось продать — себе в убыток — хотя бы ничтожную часть, ловкие перекупщики, расхватывая хлопок почти даром, снова приступали к Мило с требованием выплатить им за него полную стоимость по условиям первоначального контракта, так что положение только ухудшалось.

Предприятие «М и М» оказалось на грани катастрофы. Мило Миндербиндер горестно проклинал

свою близорукую жадность, которая втравила его в покупку всего урожая египетского хлопка на корню, однако договор есть договор и по счетам надо платить, а поэтому однажды, после роскошного ужина, все самолеты Мило Миндербиндера поднялись в воздух, построились прямо над Пьяносой в боевые порядки и принялись бомбить расположение полка. Мило пришлось подписать еще один контракт с немцами — о бомбардировке собственного подразделения. Заходя на цель со всех четырех сторон в прекрасно скоординированной атаке, самолеты Мило нанесли удар по складам горючего и боеприпасов, по ремонтным ангарам и стоянкам бомбардировщиков. Они пощадили только столовые да взлетно-посадочную полосу — чтобы безопасно приземлиться после выполнения боевого задания и хорошо подкрепиться перед заслуженным отдыхом. Они атаковали с включенными посадочными фарами, потому что им не грозил заградительный огонь. Кроме складов, ангаров и самолетов они подвергли бомбардировке жилые территории всех четырех эскадрилий, офицерский клуб и здание, в котором размещался штаб полка. Обезумевшие от страха люди выскакивали из палаток и не знали, куда бежать. Отовсюду слышались

пронзительные стоны раненых. Несколько фугасных бомб разорвалось во дворе офицерского клуба, так что осколки испещрили рваными дырами деревянные стены и тела толпившихся у стойки офицеров. Раненые и убитые, согнувшись на миг в мучительной агонии, попадали на пол, а уцелевшие панически бросились к двум выходам и застряли беспорядочной толпой в дверях, намертво отрезав себе путь к спасению, словно живая, отчаянно вопящая плотина из человеческой плоти.

Полковник Кошкарт кое-как продрался сквозь эту плотину и, оказавшись на дворе, с оцепенелым ужасом уставился в небо. Самолеты Мило по-хозяйски кружили над Пьяносой, а их ослепительные посадочные фары сверкали, будто пронзительные, бешено выпученные хищные глаза, — ничего кошмарней ему видеть не приходилось. Издав хриплый вопль, он ринулся к своему джипу и, почти рыдая, плюхнулся на сиденье. Потом вслепую включил зажигание, выжал до конца педаль акселератора и помчался на аэродром — его большие дряблые руки так остервенело стискивали руль, что казались бескровно-белыми. Ему все время приходилось неистово сигналить, а один раз он чуть не угро-

бился и почти оглох от предсмертного верещания шин, резко свернув на полном ходу к обочине, чтобы не врезаться в плотную толпу полуголых людей, которые бежали, прикрывая руками головы, к отдаленным холмам. Желтые, оранжевые и багровые пятна пламени колыхались по обеим сторонам шоссе. Деревья и палатки ярко пылали, а самолеты Мило со слепящими посадочными фарами и открытыми бомбовыми люками снова и снова заходили на цель. Джип полковника Кошкарта едва не перевернулся, когда он бешено тормознул, не закончив разворота, у башни диспетчерского поста. Выпрыгнув из скользящего по инерции джипа, полковник Кошкарт взлетел по лесенке в диспетчерский пункт, где три человека деловито работали у приборов радиосвязи. Отшвырнув двоих, попавшихся ему по пути, он судорожно схватил никелированный микрофон и, срываясь в истерику — глаза горят и блуждают, лицо мучительно перекошенное, — визгливо заорал:

— Мило, так тебя и не так, где твои мозги? Что ты, сучий выродок, творишь? Немедленно на землю! Немедленно на землю!

— Да зачем же так истошно вопить? — откликнулся Мило, стоявший, тоже с микрофоном в

руках, на расстоянии полутора шагов. — Я же здесь, рядом. — Окинув полковника Кошкарта укоряющим взглядом, Мило продолжал руководить операцией. — Неплохо, парни, совсем неплохо, — забубнил он в микрофон. — Но один склад боеприпасов до сих пор цел. Это не работа, Пэрвис, я много раз говорил тебе, что ты халтурщик… Да-да, заходи снова, Пэрвис, прямо сейчас… Правильно, только не торопись, Пэрвис, не торопись… Поспешишь — людей насмешишь. Да-да, Пэрвис, поспешишь — людей насмешишь. Ты что — не помнишь, сколько раз я тебе это повторял?

Внезапно заклекотал громкоговоритель общей связи:

— Мило, Мило, говорит Элвин Браун. Я отбомбился. Что дальше? Прием.

— Атакуй пулеметным огнем на бреющем, — приказал Мило.

— Пулеметным на бреющем? — ошарашенно переспросил Элвин Браун.

— Да, Браун, таков договор, — словно бы покоряясь обстоятельствам, подтвердил Мило.

— Ну что ж, раз договор, то я захожу, — неохотно подчинился Элвин Браун.

Однако на этот раз Мило позволил себе слишком много. Бомбардировку собственных одно-

полчан не смогли оправдать даже самые рьяные его защитники, и ему, как все считали, пришел конец. Целая толпа высокопоставленных правительственных чиновников явилась на Пьяносу для расследования. Газеты пестрели грозными заголовками, а конгрессмены громогласно трубили про его злодеяния, гневно требуя самых суровых кар. Матери военнослужащих объединялись в воинственные братства, взывая о мщении. И никто — ни один человек на земле — не возвысил голос в его защиту. Все порядочные люди были глубоко возмущены, и ему приходилось очень туго, пока он не обнародовал свои бухгалтерские отчеты, явив миру огромные барыши, которые получил его синдикат. Он мог выплатить правительству компенсацию за все потери в людях и технике, а на оставшиеся деньги продолжать покупку дозревающего египетского хлопка. И каждый, разумеется, получил свою долю. Но главная победа Мило Миндербиндера состояла в том, что выплачивать правительству компенсацию ему не пришлось.

— При демократическом правлении властвует народ, — пояснял он. — А мы и есть народ. Стало быть, нам надо убрать для простоты расчетов посредника — то есть правительство — и оста-

вить все деньги себе. Да откровенно-то говоря, правительству уже давно пора отстраниться от военных действий, чтобы не сковывать частную инициативу. Соглашаясь на все, что оно требует, мы содействуем тоталитарному контролю над личностью, который ущемляет наше индивидуальное право бомбить собственные самолеты и, если понадобится, людей. А это ведет к потере материального стимула в войне.

И Мило, конечно, был прав, как согласились вскоре все, кроме самых ожесточенных неудачников вроде доктора Дейники, который мрачно пыхтел и злобно бухтел про безнравственность коммерческого предприятия Мило, пока тот не пожертвовал ему от имени синдиката легкий складной алюминиевый шезлонг, дав ему возможность выносить его всякий раз из палатки, когда туда входил Вождь Белый Овсюг, и вносить обратно, когда Вождь Белый Овсюг уходил по своим делам. Доктор Дейника потерял голову во время организованного Мило бомбового удара и, вместо того чтобы бежать со всех ног к укрытию, ползал по земле среди рвущихся бомб, наподобие вороватой ящерицы, накладывая пострадавшим жгуты и шины, присыпая им раны антисептиками и перевязывая их со скорбным,

даже страдальческим выражением лица, но без лишних слов, потому что при виде чужих мучений немо представлял себе собственную мучительную смерть. Он довел себя за ночь до полного изнеможения, а к утру, когда бомбардировка завершилась, свалился в жесточайшей простуде, но мужественно заставил себя встать и с горестными причитаниями явился к Гэсу и Уэсу, чтобы они смерили ему температуру, поставили горчичники и дали ингалятор.

А накануне доктор Дейника оказывал помощь раненым с той же удрученной жалостью к самому себе, что и в день бомбардировки Авиньона, когда голый Йоссариан молча спустился из самолета на землю в состоянии оцепенелого ужаса и заляпанный от макушки до кончиков пальцев на руках и ногах кровавыми внутренностями Снегги, а спустившись, молча показал знаком доктору Дейнике, чтобы тот лез в самолет, где на дюралевом полу лежал юный, но уже смертельно холодный стрелок-радист — рядом с еще более юным хвостовым стрелком, который грохался в глубокий обморок всякий раз, как, придя на секунду в сознание, видел размазанного по полу Снегги.

После выноса останков Снегги из самолета —

их переправили на носилках в машину «Скорой помощи» — доктор Дейника почти нежно укутал плечи Йоссариана одеялом и проводил его под руку к своему джипу. С другой стороны Йоссариана поддерживал Маквот, и они безмолвно подъехали к медпалатке, посадили Йоссариана на стул и стерли с него внутренности Снегги влажными тампонами из гигроскопической ваты. Потом доктор Дейника дал Йоссариану таблетку и сделал ему укол, усыпив его на двенадцать часов. Проснувшись в своей палатке, Йоссариан сразу же отправился к доктору Дейнике, который дал ему еще одну таблетку и сделал еще один укол, усыпив его еще на двенадцать часов. Когда Йоссариан проснулся снова и снова пришел к доктору Дейнике, тот вознамерился дать ему очередную таблетку и сделать очередной укол.

— До каких пор ты будешь морить меня этими таблетками и уколами? — спросил его Йоссариан.

— Пока тебе не станет лучше.

— Ну так мне уже лучше.

Темный от загара лобик доктора Дейники подернулся морщинками искреннего недоумения.

— А почему ж ты не оделся? Почему шляешься нагишом?

— Я не хочу больше надевать военную форму.

— Ты уверен, что тебе лучше? — спросил его доктор Дейника, но только для порядка. На самом деле он удовлетворился объяснением Йоссариана и убрал шприц.

— Я прекрасно себя чувствую, — сказал Йоссариан. — Только вот слегка одурел от твоих уколов и таблеток.

Он расхаживал по эскадрилье голым до самого вечера, и когда Мило Миндербиндер, сбившись в поисках с ног, нашел его перед обедом на следующий день, он сидел, по-прежнему голый, на дереве неподалеку от странного крохотного кладбища, где хоронили в это время Снегги. Мило был одет как обычно — зеленовато-коричневые брюки, зеленовато-коричневая рубаха со звездочкой младшего лейтенанта на вороте, темный галстук и форменная фуражка с твердым кожаным козырьком.

— Я везде тебя разыскиваю, — укоряюще крикнул Йоссариану Мило.

— А надо было сразу поискать меня на этом дереве, — отозвался Йоссариан. — Я с утра тут сижу.

— Ну так слезай скорей и попробуй одну штуку. Это очень важно.

Йоссариан отрицательно покачал головой. Он сидел в чем мать родила на одном из нижних суков, ухватившись для страховки обеими руками за ветку над своей головой. Не сумев сманить его вниз, Мило Миндербиндер с отвращением обнял древесный ствол и принялся карабкаться вверх. Он довольно долго лез, громко ворча и пыхтя, к Йоссариану, а когда забрался достаточно высоко, чтобы сесть на нижний сук и немного отдышаться, его аккуратно выглаженная форменная одежда превратилась в мятое тряпье. Фуражка съехала ему на ухо и, не удержи он ее в последний момент, свалилась бы на землю. Вокруг его усов поблескивали, словно прозрачные жемчужины, крупные капли пота, а под глазами испарина собиралась в мутноватые слезинки. Йоссариан безучастно смотрел на суетню Мило. Тот боязливо перекинул ногу через сук и, обретя равновесие, сел на него лицом к Йоссариану. Потом бережно развернул клочок упаковочной бумаги и протянул ему нечто буроватое, мягкое и округлое.

— Попробуй, пожалуйста, и скажи, нравится тебе или нет, — предложил он. — Мне хочется заранее узнать, как люди примут в столовой мое новшество.

— А что это такое? — спросил Йоссариан, откусывая большой кусок.

— Хлопок в шоколаде, — ответил Мило.

Йоссариана тошнотно передернуло, и он выплюнул откушенный кусок хлопка Мило в лицо.

— Чтоб ты подавился своим дерьмом! — яростно взвился он. — Господи, ну и псих! Даже семена поленился вынуть!

— Да ты попробуй как следует, — принялся уговаривать его Мило. — Не могу я поверить, чтоб это было так уж плохо! Неужто так плохо?

— Хуже некуда, — уверил его Йоссариан.

— А мне надо, чтоб людей кормили этим в столовых.

— Никому твоя дрянь не полезет в глотку, — сказал Йоссариан.

— Авось полезет, — предрек Мило и едва не сверзился с ветки, попытавшись погрозить будущим смутьянам укоряющим перстом.

— Подсаживайся ко мне, — пригласил его Йоссариан. — Тут гораздо удобней и все прекрасно видно.

Ухватившись обеими руками за ветку над своей головой, Мило начал опасливо и медленно перебираться поближе к Йоссариану. Лицо у него от напряжения морщинисто окаменело. Он

почувствовал себя в безопасности и облегченно вздохнул, только когда оказался наконец возле Йоссариана.

— Прекрасное дерево, — любовно погладив ладонью кору, с восхищением собственника объявил он.

— Это древо жизни, — пошевеливая пальцами на ногах, сообщил ему Йоссариан. — А кроме того, древо познания добра и зла.

— Да нет, — окинув ближние ветви взглядом, возразил Мило. — Это каштан. Уж я-то знаю. Мы частенько торгуем каштанами.

— Ну, знаешь так знаешь, — отозвался Йоссариан.

Они посидели несколько секунд молча — ноги болтаются в воздухе, руки вскинуты почти вертикально вверх к ветке над головой, один — совершенно голый, если не считать сандалий с рифленой каучуковой подошвой, а другой — в полной воинской форме из плотной шерстяной материи и с туго повязанным галстуком на шее. Мило исподтишка оглядел Йоссариана и, поколебавшись, заговорил снова.

— Мне хочется задать тебе один вопрос, — смущенно сказал он. — Ты вот ходишь второй день голый. Не мое, конечно, дело, а все же, знаешь

ли, интересно. Почему ты больше не надеваешь форму?

— Не хочу.

— Понимаю, понимаю, — часто и быстро, будто клюющий воробей, кивая головой, подхватил ничего не понимающий Мило. — Прекрасно понимаю. Я слышал краем уха, как Эпплби и капитан Гнус говорили, что ты спятил, да решил разузнать все сам. — Он опять ненадолго смолк, тактично взвешивая свой следующий вопрос. — Так ты что — и не собираешься ее надевать?

— Думаю, что нет.

Мило энергично кивнул, чтобы еще раз показать свое полное понимание, недоуменно размышляя о странностях Йоссариана. Птаха с ярко-красным хохолком проворно проюркнула сквозь листву у них под ногами. Мило и Йоссариан сидели как бы в ажурной беседке, укрытые сверху многоярусной зеленью косо склоняющихся к земле ветвей и окруженные со всех сторон голубыми елями и серебристыми каштанами. Солнце стояло почти в зените, а сапфирно-голубое небо у них над головой расцвечивали ярко-белые крапины редких облачков. В безветренной тишине с неподвижно застывшими листьями ничто не нарушало мирного покоя, кроме Мило

Миндербиндера, который внезапно встрепенулся и, приглушенно вскрикнув, нервически указал рукой на крохотное кладбище.

— Посмотри-ка! — встревоженно воскликнул он. — Там вроде кого-то хоронят. Да это же, наверно, кладбище!

— Там хоронят парня, которого убили в моем самолете над Авиньоном, — безучастно и нарочито размеренно объявил Йоссариан. — Его фамилия Снегги.

— Что, ты говоришь, с ним сделали? — почти беззвучным от благоговейного ужаса голосом переспросил Мило.

— Убили, — сказал Йоссариан.

— Ужасно, — с горечью пробормотал Мило, и его большие карие глаза наполнились слезами. — Бедный парнишка. Это просто ужасно. — Он закусил дрожащие губы и на секунду умолк, а когда заговорил снова, в его голосе звонко звучало неподдельное волнение. — Но будет еще ужасней, если столовые откажутся покупать мой хлопок. Что с ними стряслось, Йоссариан? Неужели они не понимают, как это гибельно для нашего синдиката? Неужели забыли, что у каждого есть пай?

— А у мертвеца из моей палатки тоже есть

пай? — желчно спросил Йоссариан.

— Разумеется, есть, — щедро откликнулся Мило. — У каждого в нашей эскадрилье есть пай.

— Его убили до зачисления в эскадрилью, — сказал Йоссариан.

— Прекратил бы уж ты меня травить этим проклятым мертвецом из твоей палатки, — обиженно нахмурившись, возмутился Мило. — Сколько раз тебе повторять, что я тут ни при чем? Мне бы вот выбраться из беды с огромным урожаем никому не нужного хлопка, который я закупил на корню. Ну откуда мне было знать, что рынок затоварится? Я и слова такого — затоварится — тогда не знал. А стать монополистом на международном рынке удается очень-очень редко, и меня следовало бы назвать круглым дураком, если б я упустил эту возможность. — Мило невольно проглотил сокрушенный стон, увидев, как шесть гробоносцев осторожно вытащили из машины «Скорой помощи» простой сосновый гроб и аккуратно поставили его на край глубокой, как узкая рана, ямы в красновато-каменистой земле. — А теперь я не могу продать его ни на грош, — простонал, чуть помедлив, он.

Йоссариан остался равнодушным и к утратам Мило, и к театрализованному ритуалу

погребения. Голос капеллана, стоявшего у могилы, доносился до него будто невнятное, почти неслышное и даже словно бы призрачное бормотание. Йоссариан узнал долговязого майора Майора и, как ему показалось, майора Дэнби, который беспрестанно вытирал платком лоб. После стычки с генералом Дридлом его непрерывно трясло. Две шеренги безжизненных, будто деревянные чурбаки, солдат замерли полукругом вокруг троих офицеров, а четверо могильщиков в полосатых робах лениво отдыхали, опираясь на лопаты, возле отвратительной медно-красной кучи свежевырытого грунта. Йоссариану почудилось, что поднявший голову капеллан испуганно посмотрел ему прямо в глаза; потом капеллан скорбно прижал большой и указательный пальцы к провалам глазниц, провел по лицу пальцами до подбородка, опять мельком глянул на Йоссариана и, опустив голову, приступил к завершающему — самому патетическому, как понял Йоссариан, — этапу похоронного обряда. Когда он замолчал, четверо могильщиков осторожно опустили на канатах гроб в могилу. Мило трясла крупная дрожь.

— Я этого не вынесу! — страдальчески возопил он и отвернулся. — Я не могу спокойно

наблюдать, как они губят мой синдикат. — Он возмущенно заскрежетал зубами и негодующе затряс головой. — Если б эти предательские столовые имели хоть каплю верности, они покупали бы у меня хлопок до посинения, до черноты в их бесстыжих зенках, чтобы спасти синдикат. Они развели бы костры и сожгли все солдатское белье, всю летнюю форму — лишь бы увеличить спрос. А им пальцем пошевелить лень. Йоссариан, умоляю тебя, доешь мой хлопок в шоколаде — может, он теперь покажется тебе на диво вкусным.

— Смирись, Мило, — небрежно оттолкнув его руку, сказал Йоссариан. — Люди не могут питаться хлопком.

Лицо у Мило хитрецки заострилось.

— Да это же вовсе не хлопок, — льстиво забормотал он. — Я просто пошутил. Это хлопковый шоколад. Попробуй, и ты убедишься, что так оно и есть.

— Ох и лгун!

— Я никогда не лгу, — с достоинством приосанился Мило.

— Сейчас, например, лжешь.

— Я никогда не лгу без крайней нужды, — отводя глаза и суетливо помаргивая, залебезил Мило. — Эта штука даже вкуснее, чем обычный

хлопковый шоколад, честно тебе говорю. Она изготовлена из натуральнейшего продукта. Йоссариан, ты должен подать людям пример, чтобы они стали есть в столовых, что им дают. Ведь египетский хлопок — самый высококачественный хлопок на всей земле!

— Высококачественный, да несъедобный, — уперся Йоссариан. — Людям станет от него плохо. Почему ты сам-то не питаешься хлопком, если он у тебя такой качественный?

— Я пробовал, — уныло признался Мило. — И мне стало от него плохо.

Издали кладбище казалось желтовато-зеленым, словно вареная капуста. Через несколько минут капеллан отступил от могилы, и полукольцо солдат распалось, будто разъеденная ржавчиной цепь. Все неспешно и безмолвно двинулись к стоящим возле ухабистой дороги машинам. Капеллан, майор Дэнби и майор Майор шагали, опустив головы, словно отщепенцы, к своим джипам, причем каждый держался на расстоянии нескольких шагов даже от двух других офицеров, как бы охраняя свое добровольное одиночество.

— Все кончено, — объявил Йоссариан.

— Кончено, — с горечью согласился Мило. — Не

осталось никакой надежды. А все потому, что я дал им право свободного выбора. Это послужит мне хорошим уроком на будущее.

— А почему бы тебе не продать хлопок правительству? — равнодушно поинтересовался Йоссариан, наблюдая, как могильщики ссыпают на гроб полные лопаты красноватой земли.

— Из принципа, — твердо отверг подобную возможность Мило Миндербиндер. — Правительству нет никакого дела до моего торгового дела, и я ни за что не дам ему вмешиваться в мои дела. Хотя… дело правительства — это ведь тоже своего рода коммерческое дело, — вдруг оживленно припомнил он. — Так говорил Кэлвин Кулидж, а Кэлвин Кулидж был президентом и прекрасно знал свое дело. У правительства есть твердые обязанности по отношению к подданным, и оно обязано купить у меня весь египетский хлопок, который никто другой не желает покупать, — разве нет? — Однако лицо Мило помрачнело так же внезапно, как за минуту до этого просветлело, и он грустно сказал: — Только вот каким образом заставлю я правительство это сделать?

— Подкупом, — тотчас же нашелся Йоссариан.

— Подкупом? — гневно переспросил Мило Миндербиндер и едва не свалился от возмущения

с дерева. — Стыдись, Йоссариан! — бранчливо выкрикнул он, мертвой хваткой вцепившись в ветку над своей головой и задыхаясь в клубах праведного пламени, которое почти зримо полыхало между его трепещущими ноздрями и бурыми усами. — Подкуп, или взятка, карается законом, и ты прекрасно это знаешь, — наставительно сказал он. — Но ведь получение прибыли — вполне законное деяние, верно? А значит, подкуп ради получения честной прибыли не может караться законом. Разумеется, не может, — окончательно утвердил он и тут же скорбно, чуть ли не со слезами на глазах задумался снова. — Но как я определю, кого надо подкупить?

— О, это не должно тебя беспокоить, — успокоительно ухмыльнувшись, заверил его Йоссариан, глядя, как машина «Скорой помощи» и джипы выезжают, вспугнув сонную тишину, задним ходом на дорогу. — Если взятка будет достаточно солидной, тебе не придется никого искать. Только делай все совершенно открыто. Говори, не таясь, чего ты хочешь и сколько собираешься за это заплатить. Но учти: как только тебя начнет одолевать совесть или чувство вины, ты сразу пойдешь ко дну.

— А может, мы обстряпаем это вместе? — с на-

деждой спросил Мило Миндербиндер. — Я боюсь растеряться среди взяточников. Они ведь сродни самым обычным жуликам.

— Не растеряешься, — снова успокоил его Йоссариан. — Если тебя прижмут, объяви во всеуслышание, что безопасность страны требует режима строжайшей правительственной скупки египетского хлопка.

— Да ведь так оно и есть, — веско сообщил ему Мило Миндербиндер. — Монопольная правительственная скупка египетского хлопка значительно укрепит обороноспособность Америки.

— Разумеется, укрепит. А если этого окажется недостаточно, добавь, что доход огромного большинства американских семей зависит от правительственной скупки египетского хлопка.

— А как же иначе? Именно от этого их доход и зависит.

— Вот видишь? — сказал Йоссариан. — Ты же плаваешь в таких делах как рыба в воде — и, уж конечно, гораздо ловчее, чем я. У тебя все это звучит истинной правдой.

— Так это и есть истинная правда, — с возрожденной надменностью указал Йоссариану Мило Миндербиндер.

— Вот-вот, — сказал Йоссариан. — Ты даже сам

веришь в то, что говоришь.

— А все-таки, может, мы состряпаем это на пару? — вопросительно предложил Мило.

Йоссариан покачал головой.

А Мило уже охватила деловая лихорадка. Он сунул остатки хлопковой конфеты в карман рубахи и осторожно пополз вдоль ветки к серовато-серебристому гладкому древесному стволу. Добравшись до ствола, он коряво сжал его в цепком объятии и боязливо поехал к земле, причем его ноги в башмаках с резиновыми подошвами то и дело не находили опоры, так что несколько раз он едва не ухнул вниз, рискуя свернуть себе шею. Одолев половину пути, он внезапно передумал и снова вскарабкался наверх. К его бурым усам прилипли кусочки серой коры, а изможденное лицо багрово налилось кровью.

— Ты все же надел бы форму, — доверительно попросил он, прежде чем окончательно спуститься и поспешно исчезнуть. — А то ведь, если с тебя начнут брать пример, я вовек не избавлюсь от этого распроклятого хлопка.

Глава двадцать пятая
Капеллан

С некоторых пор капеллан начал серьезно задумываться о жизни. Есть ли, к примеру, на свете бог? Как ему в этом достоверно убедиться? Служба у священника-анабаптиста в американской армии и при самых благоприятных обстоятельствах нелегка, а когда теряется ортодоксальная вера, она превращается в пытку.

Громкоголосые люди внушали капеллану тихий страх. А предприимчивые и напористые, вроде полковника Кошкарта, вызывали у него чувство робкой беспомощности и полнейшего одиночества. Он всегда ощущал себя в армии чужаком. Мало того, что солдаты и офицеры относились к нему совсем не так, как ко всем другим солдатам и офицерам, — даже военные священники иных вероисповеданий выказывали друг другу гораздо больше дружелюбия, чем ему. В мире, где преуспевание считалось единственной добродетелью, он был обречен на жалкое прозябание. Ему, как он страдальчески понимал, не хватало душевной убежденности и духовной

изощренности, которые помогали его коллегам добиваться успеха. Ему было не под силу стать истинным пастырем. Он считал себя уродом и постоянно мечтал вернуться домой, к жене. А на самом деле многие назвали бы капеллана при первой встрече почти привлекательным. У него было бледное, словно бы вырубленное из хрупкого песчаника, лицо и открытый миру, чутко восприимчивый ум.

Возможно, он и правда был Вашингтоном Ирвингом, который подписывался как Вашингтон Ирвинг в письмах, о которых он ничего не знал. Подобные провалы памяти были издавна известны медицине, насколько он знал. При этом он, однако, знал и о невозможности что-нибудь по-настоящему знать; он знал даже о невозможности знать, что ничего не знаешь. Он прекрасно помнил — или по крайней мере так ему мнилось — свое ощущение при первой встрече с Йоссарианом, когда он робко вошел в госпитальную палату и присел у его койки на краешек стула: ему показалось, что они встречаются отнюдь не впервые. И он помнил, что испытал такое же ощущение две недели спустя, когда Йоссариан явился к нему в палатку с просьбой освободить его от полетов. Впрочем, на этот раз ощущение имело

реальную основу, потому что он в самом деле видел Йоссариана за две недели до этого — в той удивительной, на редкость странной палате, где решительно все обитатели выглядели злостными симулянтами, а единственный нормальный пациент, загипсованный от макушки до кончиков пальцев на руках и ногах, вскоре умер с градусником во рту. Но капеллану чудилось, что была еще одна встреча — куда более важная, сокровенная и таинственная, чем при посещении госпиталя, — ему казалось, что он встречался с Йоссарианом в какую-то весьма отдаленную, почти небывалую или, если так можно выразиться, духовную эпоху их существования, когда он впервые сказал, навеки предопределив свое дальнейшее бытие, то же самое, что промямлил при их встрече в своей палатке: дескать, он ничем, решительно ничем не способен помочь Йоссариану.

Мучительные сомнения подобного рода постоянно подтачивали хрупкий организм капеллана. Реально ли существовала только одна истинная вера и загробная жизнь? Сколько — действительно сколько — ангелов могло уместиться на острие иглы и чем занимался господь в бесконечно длившуюся эру до первого дня творения? Для чего потребовалась Каинова печать, если вокруг

не было людей, которых следовало предостеречь? Рождались ли дочери у Адама и Евы? Эти величайшие, неразрешимые тайны изводили теперь капеллана день за днем. И, однако, даже они бессильно меркли перед самым страшным вопросом — о доброте и хороших манерах. Он корчился, словно посаженный на кол сомнения преступник, не в силах разрешить или отвергнуть — как неразрешимые — коренные проблемы жизни. Он постоянно раздваивался, ибо не мог преодолеть отчаяния и расстаться с надеждой.

— Скажите, у вас когда-нибудь возникало ощущение, что события, в которых вы, как вам известно, участвуете первый раз, уже случались? — Этот вопрос капеллан задал Йоссариану, когда тот пришел к нему в палатку с просьбой освободить его от полетов, а он предложил ему бутылочку тепловатой кока-колы, ибо никакого иного утешения предложить не мог. Держа бутылочку в обеих руках, Йоссариан рассеянно кивнул, и у капеллана радостно участилось дыхание, потому что его обуяла надежда сорвать непроглядные покровы с вечных тайн бытия, воздействуя на них двойным волевым усилием. — А сейчас у вас нет такого ощущения? — спросил он.

Йоссариан отрицательно покачал головой и

объяснил капеллану, что déjà vu возникает у человека из-за краткого запаздывания в работе одного из двух нервных центров, которые должны реагировать на раздражитель одновременно. Капеллан пропустил его слова мимо ушей. Он огорчился, но не очень-то поверил Йоссариану, считая, что ему дан великий знак — тайное и таинственное знамение, про которое он пока не решался упомянуть вслух. Знамение это говорило о его боговдохновенных прозрениях или болезненных галлюцинациях: он был либо блаженным, либо безумным. Оба предположения нагоняли на него боязливую тревогу. Déjà vu, presque vu и jamais vu тут явно приходилось отбросить. Возможно, он столкнулся с неизвестным для него vu, вызвавшим те удивительные события, в которых он принимал участие как деятель и свидетель. Но возможно, событий, про которые он думал, что они приключились, вовсе и не было, а он просто стал жертвой аберрации памяти, и сейчас ему только казалось, что некогда он думал о чем-то как об увиденном, поскольку его преследовала двойная иллюзия: ему сегодня чудилось, что когда-то ему почудилось, что он увидел голого человека, сидящего на дереве неподалеку от кладбища.

Капеллан понимал, что он плохо приспособлен для своей воинской должности, и часто размышлял, не лучше ли ему служилось бы, если б он стал рядовым пехотинцем, или артиллеристом, или даже десантником. У него не было настоящих друзей. До встречи с Йоссарианом он ни с кем из однополчан не чувствовал себя легко, да и с Йоссарианом ему было не слишком легко, потому что бешеные йоссарианские выходки, особенно со старшими по званию, все время держали капеллана в напряжении, доставляя ему остренькое, но весьма тревожное удовольствие. И тем не менее он считал, что ему ничто не угрожает, когда сидел в офицерском клубе с Йоссарианом и Дэнбаром или хотя бы с Нетли и Маквотом. Когда он сидел с ними, его не терзал мучительный вопрос, где бы ему сесть, а это многого стоило, потому что он был избавлен от компании любых других офицеров, которые приветствовали его, если он к ним подсаживался, с подчеркнутым радушием и потом ждали его ухода с плохо скрытым нетерпением. Многие, очень многие ощущали при нем скованность и неловкость. Почти все вроде бы относились к нему хорошо, и никто не проявлял истинной сердечности; каждый был готов с ним поговорить, и ни от кого не слышал

он теплого человеческого слова. Другое дело Йоссариан и Дэнбар: они-то явно вели себя при нем вполне свободно, а ему было с ними почти легко. По крайней мере однажды они действенно доказали, что он состоит под их защитой, — это случилось, когда полковник Кошкарт опять вознамерился выгнать его из офицерского клуба и Йоссариан свирепо вскочил, чтобы вмешаться, а Нетли прошипел ему театральным шепотом «Йоссариан!», чтобы его остановить. При звуках йоссариановской фамилии полковник Кошкарт побелел ко всеобщему изумлению как мел и в ужасе попятился назад, пока не наткнулся на генерала Дридла, который брезгливо оттолкнул его локтем и приказал, чтобы тот обязал капеллана каждый вечер являться в клуб.

Капеллану было так же трудно понять, каков его статус в офицерском клубе, как упомнить, в какой из десяти полковых столовых он должен очередной раз есть. Клуб стал для него доступной радостью из-за возможности проводить там время с новыми друзьями. Кроме клуба, ему было решительно некуда деваться по вечерам. Он просиживал весь вечер за столиком Йоссариана и Дэнбара над почти непочатым бокалом густого сладкого вина, застенчиво и, если к нему не об-

ращались, молча улыбаясь, постоянно теребя в руках маленькую трубку из кукурузного початка или неумело набивая ее табаком, чтобы покурить, хотя курить ему хотелось редко. Он любил слушать сентиментальные сетования Нетли, которые отзывались в его душе созвучными им размышлениями о собственном одиночестве и бередили горьковато-сладостные мечты увидеться с женой и детьми. Он подбадривал Нетли молчаливыми кивками согласия или понимания, не уставая радоваться его простодушной, по-юношески наивной искренности. Нетли вовсе не афишировал, что его возлюбленная занимается проституцией, и капеллан понял это по глумливым репликам капитана Гнуса, который всякий раз фамильярно подмигивал капеллану и говорил Нетли что-нибудь ехидно похабное, когда тащился своей развинченной походкой мимо их столика. Капеллану было очень трудно не желать капитану Гнусу зла, потому что одобрить его поведение он, конечно, не мог.

Все его однополчане, решительно все, даже Нетли, как-то упускали из виду, что он, капеллан Элберт Тэйлор Тапмэн, не только священник, но еще и человек, что дома его может ждать прелестная, пылкая, до безумия любимая жена и

трое славных голубоглазых детишек с полузабытыми, странно отчужденными лицами, которые когда-нибудь поймут, что он убогий урод, и, быть может, не простят ему социальных осложнений, предстоящих им, по-видимому, на жизненном пути из-за выбранного их отцом профессионального поприща. Почему, ну почему решительно никто не хотел заметить, что он не урод, а самый обычный одинокий взрослый человек, пытающийся жить как все самые обычные одинокие взрослые люди? Если его уколоть,[24] разве не будет он кровоточить? И если пощекотать, разве не станет он хохотать? Разве у него, как у всех людей, нет членов тела и органов чувств, глаз, ног и рук, страстей и пристрастий, разве его не ранит то же оружие, что и всех других, не согревают и не студят те же самые ветры, не питает, как всех, та же самая пища, хотя ему и приходится есть ее каждый раз в разных столовых? Единственным человеком, который, очевидно, понимал, что и он обладает естественными для всех обычных людей чувствами, был капрал Уиткум, ухитрявшийся ранить их гораздо больней, чем кто бы то ни было другой, когда обращался, например,

[24] Примечания: 24

Со слов «Если его уколоть…» — перефраз монолога Шейлока из пьесы У. Шекспира «Венецианский купец».

через голову капеллана к полковнику Кошкарту с предложением посылать официальные письма соболезнования родственникам убитых и раненых.

Жена была единственным человеком, на которого он мог полностью положиться, и, если бы его оставили в покое, дав ему возможность никогда не разлучаться с нею, он чувствовал бы себя совершенно счастливым. Его жена была миниатюрной застенчивой и добросердечной женщиной чуть за тридцать, очень черноволосой и очень привлекательной, с тонкой талией, спокойным всепонимающим взглядом, белыми, как остренькие жемчужины, зубками и по-детски жизнерадостным, всегда оживленным лицом; а как выглядят его детишки, он почему-то постоянно забывал и, рассматривая семейные фотографии, всегда словно бы заново их узнавал. Он так безумно любил жену и детей, что ему порой хотелось в отчаянии броситься на землю и рыдать, оплакивая судьбу, как если бы он был отверженный, изгнанный из своей страны, потерпевший кораблекрушение калека. Его вечно терзали чудовищные предчувствия страшных болезней и кошмарных несчастий, которые могли с ними приключиться. Ему чудилось, что их

подкосил какой-нибудь смертельный недуг вроде опухоли Юинга или лейкемии; дважды, а то и трижды в неделю он почти воочию видел, как его младший сын — совсем еще младенец! — умирает от артериального кровотечения, останавливать которое он так и не научил свою жену; ему то и дело представлялись его домашние, дергающиеся в предсмертных корчах у розетки, поскольку он не объяснил жене, что человеческое тело электропроводно; все четверо почти еженощно сгорали перед его внутренним взором из-за короткого замыкания, мгновенно спалившего дотла их деревянный двухэтажный домик; а закрыв глаза, он видел во всех подробностях — невыносимо отвратительных и отвратительно реальных, — как хрупкое тело его жены размазывается о кирпичную ограду рынка бампером словно бы озверевшего автомобиля, в котором сидит за рулем полупьяный монстр, а пятилетнюю дочку уводит с места происшествия седовласый джентльмен средних лет — чтобы завезти на своей машине в какой-нибудь заброшенный песчаный карьер, садистски изнасиловать и зверски убить, причем остальные дети медленно умирают потом с голоду, потому что мать его жены, услышав по телефону о случившемся, скоропо-

стижно отправляется на тот свет от сердечного приступа…

Жена капеллана была милой, заботливой, неизменно деликатной женщиной, и ему страстно хотелось дотронуться до ее тонкой руки, или нежно пригладить ей и без того, впрочем, всегда гладко причесанные черные волосы, или хотя бы услышать ее ласковый, неизменно умиротворяющий его голос. Она была куда более стойкой к жизненным невзгодам, чем он. Дважды, иногда трижды в неделю посылал он ей короткие бодрые письма, хотя с наслаждением писал бы целые дни напролет, перемежая мелкобисерные рассказы о своей томительной тоске и отчаянной, на грани почтительного обожания любви подробными указаниями, как делать искусственное дыхание. Ему хотелось излить ей в бесконечном потоке слов свое невыносимое одиночество, а заодно и предостеречь ее от беспечного отношения к борной кислоте — не дай бог, до пузырька доберутся дети! — и переходу улиц на красный сигнал светофора. Но ему не хотелось ее тревожить. Она была чуткой, нежной, сострадательной и отзывчивой. Его мечты о возвращении к ней почти всегда завершались подробной сценой в постели.

Тяжелее всего капеллан страдал, совершая очередной обряд захоронения, казавшийся ему венцом собственного ханжества, и его ничуть не удивило бы, узнай он, что нагой человек на дереве в день похорон Снегги ему просто-напросто привиделся — в знак божьего осуждения его нечестивой гордыни. Притворяться торжественно степенным, печально многозначительным и богоданно осведомленным о загробной жизни в таком устрашающем и непостижимом таинстве, как похороны, казалось ему непростительным грехом. Он прекрасно помнил — или был почти убежден, что прекрасно помнит, — обстановку на кладбище. Ему достоверно помнились майор Дэнби и майор Майор, застывшие справа и слева от него, словно мрачные каменные истуканы, помнились, причем вплоть до точного количества и мест, на которых они стояли, солдаты почетного караула, четверо неподвижных могильщиков с лопатами в руках, уродливый сосновый гроб, омерзительная, как огромная надувшаяся кровавая жаба, куча свежевырытой буровато-красной земли и тяжко бездонный купол почти безоблачного неба — столь однотонно-голубого, что оно казалось мертво искусственным и словно бы глушило все живые звуки. Ему теперь, как он

понимал, вовек не удастся забыть подробности этих похорон, потому что в тот день он оказался наблюдателем и участником удивительного — то ли чудесного, то ли гибельного для него — события: увидел на дереве абсолютно голого человека. Как такое истолкуешь? Jamais vu, или никогда не виденное, тут явно не годилось — он видел; presque vu, почти увиденное, и déjà vu, виденное раньше, — тем более. Так, может, это был призрак? Душа умершего? Ангел с небес или нечистый из преисподней? А может, весь эпизод — лишь иллюзия его больного воображения, вымысел распадающегося рассудка, фантом исступленного ума? Поверить в реальную обыденность голого человека на дереве капеллан, конечно, не мог — тем более, что их было двое: к первому, обнаженному, вскоре присоединился второй, облаченный с головы до ног в зловещее темное одеяние да еще и с бурыми, явно культово-бутафорскими усами, — он уселся на ветку и, склонившись в ритуальном поклоне, предложил нагому какое-то буроватое снадобье.

Капеллан был очень отзывчивый человек, не способный отозваться действенной помощью на просьбу любого ближнего своего, будь то даже Йоссариан, хотя в случае с Йоссарианом он твердо

решил помочь, обязав себя тайно сходить к майору Майору, чтобы узнать, действительно ли, как утверждал Йоссариан, полковник Кошкарт заставляет своих людей совершать больше боевых вылетов, чем все другие полковники Двадцать седьмой воздушной армии. Это было доблестное импульсивное решение, принятое капелланом после очередного спора с капралом Уиткумом и одинокого обеда в своей палатке, если две плитки шоколада с орехами да несколько глотков тепловатой воды из походной фляги можно назвать обедом. Он отправился к майору Майору пешком, чтобы ускользнуть от капрала Уиткума потихоньку, и, углубившись в лес, так что их палатки на поляне скрылись из глаз, поспешно спустился в траншею заброшенной железной дороги, где идти было гораздо удобней, чем продираться через лесные заросли. Он торопливо шагал по окаменевшим шпалам, и его бунтарский гнев опасно нарастал. Он претерпевал унижения все утро: сначала его ругал и запугивал полковник Кошкарт, потом подполковник Корн, а потом еще и капрал Уиткум. Ему было просто необходимо вернуть себе самоуважение! Его впалая грудь вскоре заходила от одышки ходуном. Он почти бежал, опасаясь, что растеряет решимость, если

хоть немного замедлит шаг. Через некоторое время он увидел, что навстречу ему движется между ржавыми рельсами какой-то военный. Он тотчас же вскарабкался по откосу железнодорожной траншеи наверх, нырнул, чтобы скрыться, в густые заросли низкорослых деревьев и побрел по узенькой, затененной листвою мшистой тропе, которая хоть и петляла, но вела в нужную ему сторону. Идти здесь было трудней, и все же он упорно поспешал вперед, подгоняемый тревожной, но решительной отвагой, спотыкаясь, оскользаясь и обдирая голые руки об упругие, перегородившие кое-где узкую тропинку ветви, пока заросли не расступились, открыв его взгляду изжелта-буровато-коричневый военный трейлер, стоящий на шлакобетонных блоках. Капеллан прокрался по краю лужайки мимо трейлера, миновал палатку, возле которой нежилась в солнечных лучах дымчато-голубоватая кошка, потом еще один трейлер и вступил на административную территорию эскадрильи Йоссариана. Солоноватые росинки пота запеклись в уголках его губ. Он вышел на поляну, не останавливаясь пересек ее и заглянул в палатку эскадрильного КП, где его вежливо встретил сухопарый, немного сутуловатый, скуластый и до изумления белобрысый штабной сержант

с длинными волосами, который сказал ему, что он может войти к майору Майору, поскольку тот как раз ушел.

Коротко кивнув сержанту в знак благодарности, капеллан двинулся по узкому проходу между канцелярскими столами к отгораживающему кабинет майора Майора брезентовому пологу, откинул его и оказался в крохотном пустом закутке. Опустившийся за его спиной полог отгородил капеллана от сержанта и писарей. После быстрой ходьбы он весь взмок и тяжело дышал. Майора Майора не было. Капеллану показалось, что он слышит за пологом приглушенный шепот. Прошло минут десять. Капеллан гневно огляделся и неукротимо сжал зубы, но внезапно вспомнил слова сержанта — «Вы можете войти, поскольку майор Майор как раз ушел» — и мгновенно раскис. Штабная солдатня во главе с коварным сержантом решила над ним подшутить! Он испуганно выпрямился, и его глаза наполнились едкими слезами, а с губ непроизвольно сорвался жалобный стон. Майор Майор куда-то отлучился, и он стал мишенью для грубых солдатских насмешек. Он почти видел их, выжидающе сгрудившихся за брезентовым пологом, — стая жадно охочих до чужих унижений шакалов, готовых

наброситься на него, как только он к ним выйдет, с гнусным подшучиванием и злорадным подкусыванием. Он проклял себя за доверчивость и горько пожалел, что у него нет в запасе чего-нибудь вроде темных очков и фальшивых усов, чтобы сделаться неузнаваемым, или начальственно рыкающего, как у полковника Кошкарта, баса, или широких плеч, мощных бицепсов и могучих кулаков, позволивших бы ему бесстрашно выйти к своим будущим палачам и заставить их трусливо ползать перед ним на брюхе с поджатыми по-шакальи хвостами. Но у него не хватало храбрости оказаться под обстрелом их злоехидных взглядов. Оставалось окно. Этот путь был свободен, и он выпрыгнул из палатки в окно, торопливо прокрался вдоль брезентовой стены, свернул за угол и нырнул в спасительную железнодорожную траншею.

Он улепетывал по шпалам, низко пригнувшись и скорчив беззаботно-добродушную улыбку на случай неожиданной встречи с кем-нибудь из однополчан, а когда увидел, что кто-то идет ему навстречу, поспешно вылез из траншеи и, вломившись в дремучие заросли мелколесья, пугливо побежал с горящими от стыда щеками напрямую к своему жилью, будто за ним гнались

кровожадные преследователи. Ему слышались бешеные раскаты издевательского хохота и мерещились омерзительно самодовольные хари, глумливо глядящие на него отовсюду сквозь листву. Внезапно легкие у него в груди сжала невыносимая боль, и ему пришлось тащиться дальше мелкими, неверными шажками. Он заставлял себя плестись вперед, пока совсем не обессилел, и тогда попытался привалиться к корявой яблоне-дичку, но не удержался на ногах и, падая, искросыпительно треснулся об ствол головой, хотя и успел крепко уцепиться за него обеими руками. Собственное прерывистое дыхание отдавалось у него в черепе громоподобным грохотом. Прошло несколько бесконечных, как часы, минут, прежде чем он сообразил, что оглушительный гром, который слышался ему со всех сторон, грохочет в его собственной голове. Боль в груди немного утихла. Ему удалось распрямиться, и он чутко прислушался. Вокруг было тихо, омерзительные хари исчезли, никто не гнался за ним по пятам и не оглушал его сатанинским смехом. Однако он чувствовал себя таким чумазым, усталым и удрученным, что даже не обрадовался внезапному спасению. Приводя в порядок одежду, он заметил, что пальцы у него

онемели и трясутся. Оставшийся до палатки путь он проделал нарочито неспешно, тщательно контролируя свои ощущения. Последнее время ему часто приходило в голову, что его может хватить инфаркт.

Джип капрала Уиткума по-прежнему стоял на опушке леса. Капеллан пугливо прокрался краем поляны, чтобы не попасться капралу Уиткуму на глаза и уберечься от неминуемых оскорблений. Пробравшись незамеченным, он облегченно вздохнул, вошел в свою палатку и обнаружил, что капрал Уиткум лежит на его койке с поджатыми ногами и торчащими вверх коленями. Грязные башмаки капрала Уиткума нагло попирали подошвами одеяло, а сам он жевал капелланов шоколад и с ухмылкой листал, слюнявя палец, одну из его библий.

— Где это вас носит? — грубо, но равнодушно осведомился капрал Уиткум, не глядя на капеллана.

— Да так, прошелся немного по лесу, — покраснев и отводя взгляд, ответил капеллан.

— Правильно, не доверяйте мне, — проворчал капрал Уиткум. — И понаблюдайте потом, как это отразится на моей нравственности. — Он впился зубами в плитку шоколада, откусил большой

кусок и прошамкал с набитым ртом: — А к вам тут приходил посетитель. Майор Майор.

— Майор Майор? — крутанувшись на месте, будто волчок, изумленно вскричал капеллан. — Майор Майор был здесь?

— А про кого же я, по-вашему, толкую-то, как не про него?

— И куда он пошел?

— Он спрыгнул в траншею и удрал вроде испуганного зайца, — насмешливо хмыкнув, отозвался капрал Уиткум. — Ох и артист!

— Он сказал вам, зачем приходил?

— Да ему, видите ли, понадобилась ваша помощь в каком-то очень важном деле.

— Он так и сказал? — ошеломленно спросил капеллан.

— Не сказал, — с презрением поправил капеллана капрал Уиткум, — а написал. И оставил свою писульку в запечатанном конверте на вашем столе.

Капеллан поспешно повернул голову к своему складному столику, но увидел на нем только омерзительный оранжево-красный и удлиненный, будто слива, помидор, который он получил утром в кабинете полковника Кошкарта, а потом забыл на своем столе как неизбывный символ

собственной неполноценности.

— Так где же письмо? — спросил он.

— Я вскрыл его, прочитал и выбросил, — ответил капрал Уиткум. Он шумно захлопнул Библию и резко соскочил с койки. — А в чем, собственно, дело? Вам что — мало моего доклада? — С этими словами капрал Уиткум ушел. Он сразу же вошел опять и почти столкнулся с капелланом, который бросился за ним следом, чтобы снова бежать к майору Майору. — Вы не умеете распределять обязанности, — угрюмо сообщил капеллану капрал Уиткум. — Вот в чем ваша беда.

Капеллан покаянно кивнул и бросился мимо капрала Уиткума к выходу из палатки, не в силах заставить себя остановиться, чтобы обстоятельно попросить у него прощения. Он понял, что уже дважды за сегодняшний день не послушался указаний мудрого провидения. Два раза встречался ему в траншее майор Майор, и оба раза он глупо оттягивал предопределенную судьбой встречу, поспешно удирая в лес. И вот, проклиная себя на чем свет стоит, он снова торопливо шагал по растрескавшимся от времени, разъехавшимся под рельсами шпалам, почти сбиваясь на бег. Песок и гравий, попавшие в носки, до крови обдирали ему пальцы и пятки. Его бледное, измученное

лицо кривилось неосознанной гримасой страдания. Августовский полдень наливался знойной духотой. От жилища капеллана до эскадрильи Йоссариана было около мили пути. Его светло-коричневая рубаха насквозь промокла от пота, когда он добрался во второй раз до палатки КП и был повелительно остановлен тем же самым коварно почтительным сержантом в круглых очках и со впалыми щеками, который первый раз пустил его к майору Майору, а теперь сказал, что не может этого сделать, поскольку майор Майор находится у себя, и капеллану придется ждать, когда он уйдет, чтобы войти к нему снова. Капеллан обескураженно уставился на сержанта, мучительно пытаясь понять, из-за чего тот проникся к нему ненавистью. Его землисто-бледные губы дрожали, и ему очень хотелось пить. Что творилось с людьми? Мало им было мировой трагедии? Сержант вытянул руку и дружелюбно поддержал неожиданно пошатнувшегося капеллана.

— Мне очень жаль, сэр, — негромко, уважительно и опечален-но проговорил сержант, — но таков приказ майора Майора. Он никого не хочет видеть.

— Он хочет меня увидеть! — умоляюще воскликнул капеллан. — Пока я здесь ждал его, он

сам ко мне приходил.

— Майор Майор приходил к вам? — недоверчиво спросил сержант.

— В том-то и дело! Пожалуйста, доложите ему, что я хочу его увидеть!

— Боюсь, что не смогу, сэр. Он и меня не хочет видеть. Вот если бы вы оставили ему записку…

— Не хочу я оставлять записку. Ведь с кем-то он, наверное, все же видится?

— Только в исключительных случаях, сэр. Последний раз он выходил на люди, когда хоронили убитого солдата, а принимал посетителей у себя в кабинете, когда его к этому принудили. Некий бомбардир по фамилии Йоссариан…

— Йоссариан? — взволнованно вскричал капеллан, пораженный еще одним удивительным совпадением. Удивительным, а может, и чудесным, мелькнуло у него в голове. — Так именно про Йоссариана-то я и хотел поговорить с майором Майором! — окончательно воодушевился он. — Они не обсуждали количество боевых вылетов, которые должен совершить Йоссариан?

— Да, сэр, это они и обсуждали. Капитан Йоссариан совершил пятьдесят один боевой вылет и обратился к майору Майору с просьбой освободить его от четырех оставшихся. Тогда полковник

Кошкарт требовал всего пятьдесят пять боевых вылетов.

— И что сказал Йоссариану майор Майор?

— Майор Майор сказал Йоссариану, что ничего не может для него сделать.

— Так и сказал? — с удрученным лицом переспросил капеллан.

— Да, сэр. И он посоветовал Йоссариану обратиться за помощью к вам. Вы уверены, что не хотите оставить майору Майору записку? А то у меня есть и бумага, и карандаш.

Капеллан отрицательно покачал головой, в унынии закусил пересохшую нижнюю губу и вышел из штабной палатки. Сколько событий меньше чем за полдня! В лесу дышалось чуть легче. Но горло у капеллана болело, будто опаленное. Он медленно тащился по тропинке, и едва ему пришло в голову, что сегодняшние несчастья еще, возможно, не кончились, как из тутовых зарослей выскочил ему навстречу явно сумасшедший лесной отшельник. Капеллан пронзительно вскрикнул.

Услышав его пронзительный вскрик, страшный, словно труп, безумец в ужасе отшатнулся и дико завопил:

— Пощадите меня!

— Кто вы такой? — испуганно заорал капеллан.

— Пощадите! — заорал в ответ незнакомец.

— Да я же священник!

— А тогда почему вы хотите меня погубить?

— Не хочу я вас губить! — постепенно приходя в себя и раздражаясь, но по-прежнему не в силах сдвинуться с места от страха, гаркнул капеллан. — Скажите же наконец, кто вы такой и что вам от меня нужно?

— Мне нужно узнать, не загнулся ли уже Вождь Белый Овсюг! — торопливо заклекотал ему в ответ незнакомец. — Больше мне ничего не нужно. Я здесь живу. Моя фамилия Флум. Я числюсь в эскадрилье, а живу здесь. Можете спросить кого угодно.

Внимательно рассматривая жалкую съежившуюся фигуру несчастного лесовика, капеллан медленно обретал утраченное самообладание. Две изъеденные ржавчиной звездочки на разодранном воротнике форменной рубахи удостоверяли капитанское звание бедолаги из леса. В носу у него чернела волосатая родинка, а под носом топорщились неряшливые и зеленовато-серые, как тополевая кора, усы.

— А почему вы живете в лесу, раз числитесь

в эскадрилье? — с любопытством спросил капеллан.

— Приходится, — брюзгливо ответил незнакомец, как если бы капеллану полагалось это знать. Он выпрямился, но все еще с опаской присматривался к капеллану, хотя был выше его чуть ли не на две головы. — Неужто вы про меня не слышали? Вождь Белый Овсюг поклялся вспороть мне горло от уха до уха, когда я буду крепко спать, и у меня нет возможности жить в расположении эскадрильи, пока он не умрет.

— Что за чепуха! — выслушав явно бредовый, по его мнению, рассказ незнакомца, воскликнул капеллан. — Это же было бы преднамеренное убийство. Почему вы не доложили о его угрозе майору Майору?

— Майор Майор, — печально отозвался капитан Флум, — сказал, когда я попытался ему об этом доложить, что сам вспорет мне горло, если я опять с ним заговорю. — Капитан еще опасливей глянул на капеллана. — А вы тоже собираетесь вспороть мне горло?

— Ох нет, конечно же, нет, — уверил его капеллан. — Ни в коем случае. А вы и правда живете в лесу?

Капитан кивнул, и капеллан с уважительным

состраданием посмотрел на его бледное, ноздревато-пористое, изможденное постоянным недоеданием лицо. Тело капитана напоминало бесплотный костяк, облаченный в несколько неопрятно обвисших на нем, измятых и затрепанных мешков, а к мешкам прилипли сухие травинки. Он очень давно не стригся, и глаза у него были обведены широкими темно-синими кругами. Ощущая, что готов расплакаться от жалости, капеллан с глубоким уважением смотрел на замызганного капитана и сочувственно соображал, сколько же невзгод испытывает ежедневно этот несчастный изгнанник. Приглушенным от смущения голосом он спросил:

— А кто вам стирает?

— Женщина с близлежащей фермы, — деловито поджав губы, ответил ему капитан. — Я храню свои вещи в трейлере и тайно пробираюсь туда через каждые два-три дня, чтобы взять чистый носовой платок или сменить белье.

— А как вы собираетесь зимовать?

— Ну, к зиме-то я, очевидно, переселюсь в эскадрилью, — со страдальческой уверенностью сказал капитан Флум. — Вождь Белый Овсюг обещает всем и каждому умереть от воспаления легких, так что мне, видимо, надо набраться

терпения и подождать, когда установится прохладная, сырая погода. — Он окинул капеллана удивленным взглядом. — Неужто вам это неизвестно? Неужто вы не слышали, как все обо мне толкуют?

— По-моему, я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь о вас упоминал.

— Трудно поверить, — сказал уязвленный капитан Флум, стараясь, однако, не показать своей обиды и выглядеть оптимистом. — Скоро сентябрь, и, значит, ждать осталось недолго. Когда вас кто-нибудь спросит, говорите, что я, мол, впрягусь в свою старую телегу общественной информации, как только Вождь Белый Овсюг загнется от воспаления легких. Стало быть, не забудьте. Говорите, что я вернусь к зиме, когда Вождь Белый Овсюг выполнит наконец свое обещание. Так не забудете?

Завороженный уверенностью капитана Флума, капеллан добросовестно напряг память, чтобы в ней навеки отложились его пророческие слова.

— Вы питаетесь ягодами и кореньями? — спросил он.

— Еще чего! — удивленно воскликнул капитан Флум. — Обычно я пробираюсь в столовую через черный ход и ем на кухне. Мило Миндербиндер

снабжает меня бутербродами и молоком.

— А что вы делаете во время дождя?

— Промокаю, — откровенно признался капитан Флум.

— А где вы спите?

— Так вы, стало быть, тоже? — испуганно съежившись и отступая, возопил капитан Флум.

— Да нет же! — воскликнул капеллан. — Клянусь вам, нет!

— Да-да, вы тоже хотите вспороть мне горло! — окончательно уверился капитан Флум.

— Даю вам слово!.. — умоляюще вскричал капеллан, но было уже поздно, поскольку невзрачный призрак с косматой гривой так искусно и быстро растаял среди многоцветных бликов света, тени и листьев, что капеллан поневоле усомнился в его реальности. За последнее время он был участником и свидетелем стольких удивительных событий, что практически перестал понимать, какие из них считать невероятными и чудесными, а какие — обыденными и реальными. Первым делом ему хотелось узнать, правду ли говорил безумный отшельник, то есть проверить, числится ли в эскадрилье майора Майора капитан Флум, но прежде всего, нехотя напомнил он себе, нужно извиниться перед капралом

Уиткумом за свое нежелание возлагать на него должностные обязанности. Он медленно тащился по извилистой лесной тропе, до такой степени замученный жаждой и усталостью, что у него почти не было сил идти. А когда он вспомнил про капрала Уиткума, его стала мучить еще и совесть. Он молил бога, чтобы к его возвращению капрал Уиткум куда-нибудь ушел и он смог бы спокойно раздеться, утолить жажду, вымыться до пояса прохладной водой, улечься освеженным на койку и, может быть, даже немного вздремнуть, однако его сегодняшние мытарства и разочарования отнюдь не кончились, потому что, войдя в свою палатку, он обнаружил там даже не капрала, а *сержанта* Уиткума, который сидел, по пояс голый, в его кресле и пришивал его иголкой и ниткой сержантские нашивки к рубахе. Уиткум был произведен в сержанты полковником Кошкартом, передавшим через него капеллану, что он хочет немедленно повидаться с ним для разговора насчет писем.

— Ох нет! — в отчаянии опускаясь на свою койку, простонал капеллан. Его походная фляга оказалась, разумеется, пустой, а про висящий в тени между их палатками мешок Листера с питьевой водой он от смятения совсем позабыл. — Не

могу поверить. Просто не могу поверить, что кто-нибудь способен серьезно подозревать меня в попытке укрыться под именем Вашингтона Ирвинга.

— Да не об этих письмах речь, — указал ему Уиткум, откровенно наслаждаясь его испуганным возмущением. — Он хочет поговорить с вами насчет писем родственникам убитых и раненых.

— Ах насчет этих писем? — в недоумении пробормотал капеллан.

— Вот именно, — злорадно подтвердил бывший капрал Уиткум. — И он собирается как следует взгреть вас, чтобы вам было неповадно душить полезную инициативу. Жаль, что вы не видели, как он уцепился за мою идею, когда я сказал ему, что письма можно отправлять с его подписью. Поэтому-то он и произвел меня в сержанты. Он уверен, что про него напишет «Сатэрдэй ивнинг пост».

— Да откуда он узнал, что мы обсуждали эту идею? — совсем потерявшись, спросил капеллан.

— Я ему доложил.

— Что-о-о? — пронзительно завопил капеллан, вскакивая на ноги в необычной для него ярости. — Вы хотите сказать, что обращаетесь к полковнику Кошкарту через мою голову, даже не

поставив меня об этом в известность?

— Именно, капеллан, — нагло ответил ему, с презрением ухмыльнувшись, сержант Уиткум. — И вам, для вашего же блага, лучше всего проглотить это молча. — Он вызывающе хихикнул. — Полковнику Кошкарту здорово не понравится, если он узнает, что вы сводите со мной счеты за мой доклад. Да будет вам известно, капеллан, — сержант Уиткум звучно перекусил нитку и принялся надевать рубаху, — что этот остолоп считает мою идею с письмами на редкость удачной.

— Про меня, если дело наладится, напишут, я думаю, в «Сатэрдэй ивнинг пост», — хвастал полковник Кошкарт, расхаживая с веселой улыбкой по своему кабинету, куда явился для очередного разноса капеллан. — А у вас не хватает мозгов, чтобы это понять. Ваш капрал Уиткум — чрезвычайно полезный человек, капеллан. Надеюсь, у вас хватит мозгов, чтобы понять хоть это?

— Сержант Уиткум, — не успев одуматься, ляпнул капеллан.

— Я и сказал «сержант Уиткум», — нахмурившись, отозвался полковник Кошкарт. — Может, вы все же будете иногда прислушиваться к словам командиров, а не ловить их на ошибках? Вам

ведь, наверно, вовсе не хочется быть всю жизнь капитаном, а, капеллан?

— Простите, сэр?

— Ну, я, видите ли, не понимаю, как вы добьетесь повышения, если будете вести себя по-прежнему. Капрал Уиткум считает, что ваша братия вот уже целых тысячу девятьсот сорок четыре года живет без всяких новых идей, и я склонен с ним согласиться. Он весьма шустрый малый, этот капрал Уиткум. Да, пора нам все переиначить. — Полковник Кошкарт с решительным видом уселся за свой стол и, расчистив на блоке промокательной бумаги в деревянной рамке свободное место, уткнул туда палец. — С завтрашнего дня, — объявил он, — я обязываю вас и капрала Уиткума составлять письма ближайшим родственникам всех убитых, раненых или пропавших без вести. И письма эти должны быть по-настоящему искренние. Их необходимо оживлять множеством личностных подробностей, чтобы каждое слово, которое вы напишите, говорило о моем воистину дружеском отношении к подчиненному. Вам ясно?

— Но это же невозможно, сэр! — машинально делая шаг вперед, чтобы подчеркнуть свой протест, выкрикнул капеллан. — Со многими из них

я даже незнаком!

— Ну и что? — рявкнул полковник Кошкарт, но тут же весело усмехнулся. — Капрал Уиткум принес мне образец письма, пригодного на любой случай. Послушайте-ка: «Уваж. миссис, мистер, мисс или мистер и миссис такие-то! Слова не могут выразить всю глубину моей скорби при мысли о том, что ваш муж, сын, отец или брат погиб, ранен или пропал без вести при исполнении своего воинского долга». Ну и так далее. По-моему, первая фраза превосходно передает мои чувства. И знаете, капеллан, я бы на вашем месте целиком и полностью передал это дело капралу Уиткуму — раз уж вы не можете справиться сами. — Полковник Кошкарт вынул свой длинный мундштук и принялся вертеть его, слегка выгибая, в руках, словно сделанную из слоновой кости и выложенную ониксом рукоять верхового хлыста. — Капрал Уиткум сообщил мне, что вы не умеете распределять должностные обязанности. Вот в чем ваша беда, капеллан. А кроме того, он сказал, что вы лишены инициативности. Надеюсь, вам не придет в голову мне возражать?

— Нет, сэр. — Капеллан отрицательно покачал головой, ощущая себя никчемным ничтожеством, потому что был лишен инициативности,

не умел распределять обязанности, и с трудом подавил искушение злобно возразить полковнику Кошкарту. Разум у него мутился. За окном стреляли по тарелочкам, и каждый выстрел отдавался у него в голове как взрыв. Он до сих пор не мог привыкнуть к стрельбе. Его окружали высокие корзины с помидорами, и ему чудилось, что когда-то очень давно он уже стоял при схожих обстоятельствах в кабинете полковника Кошкарта и его окружали те же самые корзины с теми же помидорами. Опять déjà vu. Вся обстановка в кабинете казалась ему удивительно знакомой, но виделась как-то чрезвычайно смутно. А собственную одежду он ощущал как омерзительно грязную, драную ветошь и до смерти боялся, что от него воняет.

— Вы чересчур серьезно ко всему относитесь, капеллан, — сказал ему полковник Кошкарт с грубоватой прямолинейностью бывалого человека. — Вот в чем беда. Ваша вечно вытянутая физиономия нагоняет на людей тоску. Покажите мне, что вы умеете иногда смеяться, капеллан. Попробуйте, не стесняйтесь. Если вы докажете, что способны беззаботно хохотать, я тут же подарю вам целую корзину помидоров. — Полковник Кошкарт умолк и несколько секунд выжидающе

смотрел на капеллана, а потом победно хмыкнул и сказал: — Вот видите, капеллан? Я абсолютно прав. У вас не получается беззаботный смех, верно я говорю?

— Совершенно верно, сэр, — покорно согласился капеллан, с видимым усилием проглотив ком тягучей слюны. — Не получается. По крайней мере сейчас, когда меня мучает жажда.

— Так выпейте, капеллан! Подполковник Корн хранит у себя в столе бутылку с кукурузным виски. Да и наш офицерский клуб вам следует иногда посещать — просто чтобы немного развеяться. Скажу вам по секрету, капеллан, что даже и за галстук как следует заложить иной раз бывает полезно. Надеюсь, вы не считаете, что мы вам неровня, раз вы духовное лицо?

— Что вы, сэр, конечно, нет! — смущенно заверил его капеллан. — А последние дни я каждый вечер приходил в клуб.

— Вы ведь всего-навсего капитан, — не слушая капеллана, продолжал полковник Кошкарт. — Лицо-то, конечно, духовное, а по званию всего-навсего капитан?

— Вы правы, сэр. Я знаю.

— Вот и прекрасно. А что смеяться вы не стали, так и правильно, пожалуй, сделали. Я все равно

не дал бы вам корзину помидоров. Капрал Уиткум сказал мне, что сегодня утром вы унесли из моего кабинета помидор.

— Сегодня утром, сэр? Но вы же сами мне его дали!

— А разве я говорю, что не давал? — Полковник Кошкарт с явным подозрением вздернул голову. — Разве говорю, капеллан? Я просто сказал, что вы его унесли. И мне непонятно, почему вас так испугали мои слова, если вы действительно его не украли. Так я его вам дал?

— Дали, сэр! Клянусь!

— Что ж, придется поверить вам на слово, капеллан. Хоть я, признаться, и не понимаю, с чего бы это мне пришло в голову давать вам помидор. — Полковник Кошкарт деловито переставил стеклянный пресс для бумаг с правой стороны своего стола на левую и взял в руку остро отточенный карандаш. — Ну хорошо, капеллан. Если у вас все, то я займусь насущными делами. А вы известите меня, когда капрал Уиткум разошлет примерно дюжину писем, — чтобы нам связаться с редакцией «Сатэрдэй ивнинг пост». — Внезапно лицо полковника Кошкарта вдохновенно просияло. — А я тем временем опять выдвину наш полк на добровольную бомбардировку Авиньона. Это

наверняка пришпорит развитие событий.

— На бомбардировку Авиньона? — Сердце капеллана замерло, дыхание пресеклось, а по хребту побежали мурашки.

— Именно, капеллан, — жизнерадостно подтвердил полковник Кошкарт. — Чем скорей у нас появятся потери, тем быстрей раскрутится это дело. Было бы хорошо, если б мы попали в рождественский номер. На рождество тираж, говорят, значительно увеличивается.

И, к ужасу капеллана, полковник Кошкарт поднял телефонную трубку, чтобы выдвинуть свой полк на добровольную бомбардировку Авиньона, а вечером попытался выгнать капеллана из офицерского клуба, и когда пьяный Йоссариан, злобно отшвырнув свой стул, яростно вскочил на ноги, чтобы устроить мстительный мордобой, а Нетли громко прошипел его имя, надеясь, что он опомнится, полковник Кошкарт вдруг побледнел от ужаса и малодушно пятился, пока не наступил на ногу генералу Дридлу, который раздраженно его оттолкнул и приказал ему обязать капеллана ежевечерне являться в клуб. Все это вызвало у полковника Кошкарта удрученную злобу — и страшная фамилия Йоссариана, опять прозвучавшая как сиплое предостережение надтреснутого

колокола судьбы, и отдавленная нога генерала Дридла, за которую полковник Кошкарт тоже возлагал вину на капеллана, виноватого еще и в том, что невозможно было предугадать, как отреагирует очередной раз генерал Дридл на этого растреклятого божьего прислужника. Полковник Кошкарт ясно помнил — и будет помнить теперь до могилы, — что, впервые заметив капеллана в офицерском клубе, генерал Дридл поднял свое красное, распаренное от жары, навеки отравленное алкоголем лицо и долго смотрел тяжелым взглядом сквозь желтовато-дымное марево на одиноко притулившегося у стены пастыря полковых душ.

— Чтоб мне провалиться! — прохрипел генерал Дридл, грозно насупив свои клокасто-седые брови в медленном узнавании. — Это ведь капеллан там у стены? Да, не каждый день увидишь служителя божия в таком месте — среди картежной шушеры и грязной пьяни.

Полковник Кошкарт строго поджал губы и начал вылезать из-за стола.

— Совершенно с вами согласен, сэр, — обрадованно подхватил он в тоне нарочитого осуждения. — Просто непонятно, что нынче творится с духовенством.

— Оно становится лучше, вот что с ним творится, — одобрительно пророкотал генерал Дридл.

— Вы совершенно правы, сэр, — громко поперхнувшись, круто осадил себя полковник Кошкарт. — Оно становится лучше. Именно это я и хотел сказать, сэр.

— Тут-то, среди однополчан, и должен проводить свободное время полковой священник — ему надо видеть, как они упиваются и просаживают друг другу деньги, чтобы войти к ним в доверие и настроиться на их волну. А иначе как он внушит им веру в бога?

— Именно это я и хотел сказать, сэр, когда приказал ему явиться сюда, — дипломатично сказал полковник Кошкарт, с дружеской фамильярностью обняв капеллана за плечи и отводя его в уголок, где холодно приказал ему каждый вечер являться на дежурство в офицерский клуб, чтобы, пока люди упиваются и просаживают друг другу деньги, войти к ним в доверие и настроиться на их волну для успешного внушения им веры в бога.

Капеллан повиновался и регулярно приходил на дежурство в клуб, чтобы завоевывать доверие людей, которым хотелось поскорее от него избавиться, и его дежурства продолжались вплоть до

того вечера, когда у стола для пинг-понга разразилась пьяная драка и Вождь Белый Овсюг так врезал без всякой причины полковнику Мудису по носу, что тот с размаху шлепнулся задом на пол, а генерал Дридл, ко всеобщему удивлению, радостно расхохотался — и хохотал, пока не увидел капеллана, глазевшего на него с отвисшей от ужаса челюстью. При виде служителя божия генерал Дридл окаменел. Он рассматривал его несколько секунд, стремительно теряя чувство юмора и быстро наливаясь угрюмым неодобрением, а потом опять повернулся к стойке бара и начал переминаться с ноги на ногу, как пьяный матрос. Полковник Кошкарт уже испуганно трусил к нему, отыскивая взглядом подполковника Корна в тщетной надежде получить от него какой-нибудь указующий знак.

— Да, не каждый день увидишь служителя божия в таком месте, — проворчал у стойки бара генерал Дридл, не глядя на полковника Кошкарта и вертя в громадной лапе пустой стакан. — Да, тут уж всякие сомнения побоку: далеко не каждый день увидишь служителя божия в таком месте — среди картежной шушеры и грязной пьяни.

Полковник Кошкарт с облегчением вздохнул.

— Да уж, сэр, — с гордостью подтвердил он. —

Далеко не каждый.

— Ну а вы-то какого дьявола сидите тут сложа руки?

— То есть как, сэр? — удивленно помаргивая, спросил полковник Кошкарт.

— Вы думаете, вас украшает, что ваш капеллан шляется сюда каждый вечер? Когда бы я ни пришел, и он, дьявольщина, тут как тут!

— Вы правы, сэр, совершенно правы, — отозвался полковник Кошкарт. — Это меня нисколько не украшает. Но больше уж я сидеть сложа руки не буду и приму меры прямо сейчас.

— А разве не вы приказали ему сюда ходить?

— Нет, сэр, это подполковник Корн. Я и его сурово накажу.

— Не будь он церковником, — проворчал генерал Дридл, — я приказал бы вывести его отсюда и расстрелять.

— Да он вовсе не церковник, сэр, — услужливо сообщил генералу Дридлу полковник Кошкарт.

— Не церковник? А тогда какого дьявола у него на вороте серебряный крест?

— Это не крест, сэр. Это серебряный лист. Он подполковник.

— Ваш капеллан — подполковник? — с удивлением спросил генерал Дридл.

— Что вы, сэр! Он всего-навсего капитан.

— А тогда какого дьявола у него на вороте серебряный лист, если он всего-навсего капитан?

— У него на вороте не серебряный лист, сэр. У него на вороте серебряный крест.

— Ну-ка вали отсюда к чертовой матери, сукин сын, пока я не приказал вывести расстрелять ТЕБЯ!

— Слушаюсь, сэр!

Полковник Кошкарт, тяжко поперхнувшись, отошел от генерала Дридла и выгнал капеллана из офицерского клуба, выгнал почти так же, как два месяца спустя, когда капеллан попытался склонить его к отмене приказа об увеличении нормы боевых вылетов до шестидесяти и тоже потерпел полнейший крах, а сейчас капеллан не поддался безнадежному отчаянию только благодаря верной любви к жене, которую он обожал, страстно тоскуя по ней в разлуке, душой и телом, да любовной вере в мудрость и справедливость всеблагого, всемогущего, всеведущего, вездесущего, бессмертного, человечного, англосаксонского, англоязычного, проамериканского бога, который отчасти утратил, к ужасу капеллана, всеобъемлющее совершенство в его глазах. Очень уж многими испытаниями проверялась его вера.

Существовала, конечно, Библия, но Библия была всего лишь книгой, печатной продукцией вроде «Холодного дома», «Острова сокровищ», «Этана Фрома» или «Последнего из могикан». Не удивительно ли — как спросил однажды Дэнбар, а капеллан по случайности услышал, — что глубочайшие тайны миротворения разъясняются людьми, которые не способны, из-за своего невежества, понять механизм выпадения дождей на земле? И мог ли Всеблагой Господь, в безграничной мудрости Своей, опасаться шесть тысяч лет назад, что люди сумеют построить башню до небес? Да и где они, эти проклятые небеса? Наверху? Внизу? Так ведь не было, не могло быть «верха» и «низа» в бесконечно расширяющейся вселенной, где даже огромное, величественное, ослепительно пылающее солнце постепенно угасало, предопределяя таким образом гибель земли. Настоящих чудес давным-давно не случалось, молитвы оставались без ответа, несчастья с одинаковой беспощадностью преследовали и достойных и недостойных — вот почему капеллан, человек разумный, подчинился бы доводам здравого смысла и утратил бы заповеданную отцами веру в Бога — наверняка утратил бы, отказавшись и от воинского звания, и от жизненного призва-

ния, чтобы испытать судьбу рядового пехотинца, или артиллериста, или, быть может, капрала десантных войск, — не окажись он свидетелем таких таинственных явлений, как нагой человек на дереве в день похорон Снегги и загадочное, незабываемое, обнадеживающее пророчество лесного отшельника Флума через несколько недель после похорон: *«Я вернусь к зиме».*

Глава двадцать шестая
Аафрей

Виноват во всем был отчасти Йоссариан, потому что, если б он не передвинул на карте линию фронта во время Достославной осады Болоньи, майор… де Каверли, возможно, не сгинул бы и помог ему спастись; а если б Йоссариан не приводил в солдатскую квартиру бездомных девиц, Нетли, возможно, не полюбил бы до беспамятства свою шлюху, увидев ее, обнаженную от талии и ниже, в одной из комнат солдатской квартиры, где шла азартная карточная игра и никто не обращал на будущую возлюбленную Нетли ни малейшего внимания. Сидя в жестком кресле, Нетли украдкой поглядывал на нее и немо восхищался тем спокойным мужеством, с которым она переносила всеобщее пренебрежение. Она утомленно зевнула, и Нетли был покорен навеки. Он никогда не встречал столь героического самообладания.

Она притащилась на пятый этаж, чтобы продаться банде пресыщенных солдат, которых всячески ублажали за стол и кров живущие в квартире девицы, а поэтому платная девка была

им не нужна, даже и по дешевке, даже после того, как она, словно бы нехотя, исполнила перед ними стриптиз в надежде соблазнить кого-нибудь своим телом — большим, поскольку она была довольно полной и высокой, но статным, упругим и чувственно роскошным. Никто не обратил на нее внимания, и она, скорей усталая, чем разочарованная, начала одеваться, но потом села в кресло и сколько-то времени сидела неподвижно, без всякого интереса посматривая, как идет игра, и собираясь с силами, чтобы завершить нудный обряд одевания для дальнейших поисков клиентуры на панели. Немного отдохнув, она пошевелилась и замерла опять. Потом тяжело вздохнула, надела остальную одежду и ушла. Нетли выскользнул следом за ней, и когда Йоссариан с Аафреем явились часа через два в офицерскую квартиру, она кончала одеваться, почти точно повторяя последний этап ее пребывания у солдат, так что Йоссариан смог бы воочию представить себе, каково приходится капеллану с его мучительным ощущением постоянной повторяемости событий, если бы общую картину не нарушал Нетли, который стоял, засунув руки в карманы, и казался глубоко несчастным.

— Она собирается уходить, — невнятно про-

мямлил Нетли. — Она не хочет оставаться.

— Так приплати ей и пользуйся до самого вечера, — посоветовал ему Йоссариан.

— Да она вернула мне все деньги, — признался Нетли. — Я ей надоел, и она решила поискать кого-нибудь другого.

Надев туфли, девица на мгновение замерла, предлагая себя угрюмым взглядом Йоссариану и Аафрею. Тонкий свитер соблазнительно облегал ее массивную, но высокую грудь и крутые бедра. Ненавистно отдающийся взгляд разбудил в Йоссариане страстное желание. Он встряхнул головой.

— Грязную подстилку и выкинуть не жалко, — равнодушно заметил Аафрей.

— Не говори так о ней! — просительно, но с гневным укором запротестовал Нетли. — Я не хочу ее отпускать.

— А что в ней такого особенного? — дурашливо осклабился Аафрей. — Шлюха, она шлюха и есть.

— И не называй ее шлюхой!

Девица безучастно пожала плечами и, чуть помедлив, легко шагнула к выходу из комнаты. Нетли суетливо бросился вперед и распахнул перед ней дверь. Когда она ушла, он горестно оцепенел, и на его выразительном лице явственно

проступила глубокая печаль.

— Не горюй, Нетли, — с нарочитым сочувствием сказал Йоссариан. — Ее, наверно, можно будет найти. Мы же знаем, где ошиваются римские шлюхи.

— Пожалуйста, не называй ее так, — чуть не плача, взмолился Нетли.

— Прости, парень, — пробормотал Йоссариан.

— На улицах полно таких же смазливых шлюх, — бодро объявил Аафрей. — Хотя эту даже и смазливой не назовешь. — В его самодовольном смешке продребезжало многоопытное презрение. — А ты бросился открывать ей дверь, будто влюбленный.

— Я, наверно, и правда влюбился, — смутившись, но как бы думая о чем-то другом, сказал Нетли.

— Хо-хо-хо-хо! — звучно захохотал Аафрей. Он сморщился так, что его розовато-округлый лоб набух широкими мягкими складками, и принялся в шутовском изумлении смачно хлопать себя ладонями по бокам, обтянутым дорогой материей зеленоватого с прожелтью мундира. — Сильно сказано, малыш! Ты — влюбился — в эту? Ох и сильно же сказано, малыш! — У Аафрея было назначено на этот вечер свидание с девицей из

службы Красного Креста, которая окончила шикарный аристократический колледж в Америке, а ее отец владел крупным химическим заводом. — Вот девушка для любви, — наставительно проговорил Аафрей, — не то что твоя потаскуха. К тому же она, похоже, всю войну не мылась.

— А мне наплевать! — в отчаянии вскричал Нетли. — И вообще заткнись! Я и разговаривать с тобой об этом не хочу!

— Заткнись, Аафрей, — сказал Йоссариан.

— Хо-хо-хо-хо! — продолжал веселиться Аафрей. — Представляю, что сказали бы тебе отец и мать, если б узнали про твои шашни с грязными проститутками вроде этой. Ведь родители у тебя чрезвычайно почтенные люди.

— А они не узнают, — решительно объявил Нетли. — Верней, узнают только после нашей свадьбы.

— Вашей свадьбы? — вконец развеселился Аафрей, и его солидное похохатывание обрело снисходительный оттенок. — Совсем, глупенький, зарапортовался. Да в твоем возрасте человек еще не способен понять, что такое истинная любовь, а разве без этого можно жениться?

Он считал себя серьезным знатоком истинной любви, поскольку истинно возлюбил Нетли-

старшего и ту высокую административную должность, которую тот предоставит ему в своей фирме после войны в награду за дружескую любовь к Нетли-младшему. Аафрей был ведущий штурман и не мог определиться в жизни после окончания колледжа вплоть до начала войны. Добродушный и великодушный, он беззлобно прощал ведомым яростные проклятия, заблудившись на пути к цели и подставив их под плотный заградительный огонь. В тот вечер, когда Нетли полюбил безучастную шлюху, он заблудился на улицах Рима и не сумел встретиться с достойной любви девушкой из Красного Креста, которая окончила аристократический колледж и должна была унаследовать химический завод. В тот день, когда сбили Крафта, он заблудился на пути к Ферраре, а потом заблудился во время еженедельного плевого налета на Парму и попытался вывести самолеты к морю у Ливорно — это случилось почти сразу после того, как Йоссариан беспрепятственно сбросил все бомбы на не защищенный зенитками объект, а потом с удовлетворением закрыл глаза, расслабленно откинулся на бронеспинку своего кресла и уже совсем было собрался прикурить давно зажатую в кулаке сигарету. Но внезапно вокруг стали рваться снаряды, и Маквот

заорал в переговорное устройство:

— Нас накрыли зенитки! Где мы? Что происходит?

Йоссариан мгновенно открыл глаза и с тревогой увидел, что впереди по курсу вспыхивают дымные шары разрывов, а на круглом, змееглазом лице Аафрея застыло самодовольно-спокойное любопытство. Перепуганный Йоссариан ошалело замер. У него как-то странно одеревенела нога. Маквот резко дернул штурвал на себя, и в наушниках Йоссариана задребезжал его голос, требующий команд по уходу из-под обстрела. Йоссариан попытался вскочить и оглядеться, но остался на месте. Он не смог пошевелиться! Он глянул вниз, и его стало мутить. Багровое пятно, быстро разрастаясь, устрашающе всползало по его рубахе вверх, как монстр из преисподней, готовый его сожрать. Он был ранен, да так, что страшней не придумаешь. Капельно взбухающие струйки крови, в нескольких местах пропитав штанину, медленно змеились на затоптанный пол, извиваясь и сплетаясь, словно мерзкие черви. Сердце у Йоссариана дало сбой. Страдая и содрогаясь от брезгливой дурноты, Йоссариан позвал Аафрея на помощь.

— Мне оторвало мошонку! Оторвало… Аа-

фрей! — Аафрей не слышал, и, нагнувшись вперед, Йоссариан испуганно дернул его за руку. — Аафрей! На помощь! — чуть не плача, заорал он. — Я ранен! Я ранен!

— Что? — спросил Аафрей, глядя на Йоссариана с рассеянной улыбкой.

— Я ранен! На помощь!

— Я ничего не слышу! — кротко пожав плечами и дружески улыбаясь, откликнулся Аафрей.

— Да ты посмотри! — простонал Йоссариан, показывая на плещущуюся в кресле лужу и свежее багровое пятно на полу. — Я ранен, Аафрей! Помоги, ради Христа!

— Я не слышу! — терпеливо повторил Аафрей. Он приставил ладонь к своему пухлому уху, повернулся к Йоссариану в профиль и спросил: — Что ты говоришь?

— Неважно, — сказал Йоссариан, внезапно уставший от собственного крика и бессмысленной, безнадежной, обессиливающей злости. Он умирает, и никто этого не замечает… — Неважно.

— Что? — прокричал Аафрей.

— Мне оторвало мошонку! Ты что — не слышишь? Я ранен в промежность!

— Ну ничегошеньки не слышно! Что ты ска-

зал?

— Я сказал — неважно! — выкрикнул Йоссариан, чувствуя себя вялым, но лихорадочно продрогшим.

Аафрей огорченно покачал головой и чуть ли не прижал к лицу Йоссариана свое похабное, как белая клецка, ухо.

— Громче, дружище! — крикнул он. — Громче!

— Проваливай, ублюдок! — всхлипнул Йоссариан. — Проваливай, проклятый помешанный ублюдок! — Ему захотелось прибить Аафрея, но не было сил, чтобы сжать кулаки. Он решил поспать — и потерял сознание.

Йоссариана ранило осколком в бедро, и, придя в себя, он увидел Маквота, который стоял рядом с ним на коленях и что-то успокоительное делал с его ногой. Йоссариан ощутил благодарное облегчение, хотя и заметил за спиной у Маквота херувимски пухлую ряшку Аафрея, глядящего на него с безмятежным любопытством. Йоссариан вымученно улыбнулся Маквоту и спросил, кому он доверил их корыто. Маквот, по-видимому, его не услышал; сердце у Йоссариана тревожно заколотилось, и, набравши в легкие побольше воздуха, он повторил свой вопрос как можно громче.

— Слава богу, ожил! — посмотрев на Йоссариана, с облегченным вздохом воскликнул Маквот. Смешливые морщинки, разбегающиеся в стороны от уголков его глаз, устало углубились, а лицо лоснилось от пота и копоти. Он заботливо обматывал ногу Йоссариана длинным бинтом из бортовой аптечки; а на внутренней стороне бедра, где саднила рана, Йоссариан ощущал мягкий ватный тампон. — За штурвалом Нетли, — сказал Маквот. — Он чуть в голос не разрыдался, узнав, что ты ранен. Ему померещилось, да и сейчас небось чудится, что рана смертельная, ну, он и распсиховался. У тебя задета на бедре артерия, но мне удалось остановить кровь. Я вколол тебе небольшую дозу морфина.

— Вколи еще.

— Немного попозже. Когда рана снова начнет болеть.

— Да она у меня и сейчас уже болит.

— Двум смертям не бывать, — пробормотал Маквот и вколол Йоссариану в руку ампулу морфина.

— Скажи Нетли… — начал Йоссариан, но мир перед его глазами багрово помутился, баритонно загудел, и он опять потерял сознание.

Очнувшись в машине «Скорой помощи», он

ободряюще улыбнулся доктору Дейнике, чтобы хоть немного развеять его мрачное уныние, но мир опять розовато замутился, стал быстро темнеть, и он погрузился в бездонную тьму небытия.

Вынырнув из черной бездны, он открыл на секунду глаза, удостоверился, что лежит в госпитальной палате, и тут же уснул. Проснувшись — на этот раз по-прежнему в госпитале, — он ощутил, что запах эфира улетучился, и обнаружил на соседней койке, отделенной от него проходом, Дэнбара, утверждавшего, однако, что он вовсе не Дэнбар, а какое-то *фортиори.* Тронулся, подумал про него Йоссариан и попытался скорчить скептическую мину, но уснул опять, а проснулся окончательно то ли через ночь, то ли через сутки — с подсчетом времени у него тогда не очень-то ладилось, — и поскольку сестер в палате не было, он осторожно вылез из кровати без посторонней помощи. Пол под ним качался, словно плотик у берега на Пьяносе, а когда он ковылял через проход к койке Дэнбара, швы на внутренней стороне бедра подергивали ему кожу, будто кусачие хищные рыбки; он подошел к изножию Дэнбаровой койки и убедился, что тот сказал ему правду: на температурном листе он значился лейтенантом

Энтони Ф. Фортиори.

— Что за дьявольщина, Дэнбар?

Лейтенант Э. Фортиори слез со своей койки и знаком предложил Йоссариану выйти в коридор. Опасливо хромая и хватаясь по дороге за все, что попадалось ему под руки, Йоссариан выбрался из своей палаты и притащился в соседнюю, где Фортиори остановился возле койки какого-то весьма затравленного на вид пациента с прыщавым лицом и скошенным подбородком. При их появлении он приподнял голову и, подперев ее рукой, искательно глянул на Фортиори. Тот показал ему через плечо большим пальцем на дверь и лаконично скомандовал:

— Сгинь, гнида!

Затравленный пациент вскочил и поспешно сгинул. Фортиори лег на его койку и превратился, судя по температурной карточке на спинке койки, в Дэнбара.

— Это был Фортиори, — объяснил он Йоссариану. — У тебя в палате не оказалось свободной койки, поэтому я использовал воинское звание в личных целях и прогнал его на мое место. Использовать воинское звание в личных целях очень, знаешь ли, приятно. Советую попробовать и тебе. Причем советую попробовать прямо сейчас, а то

ты валишься, насколько я понимаю, с ног.

Йоссариан действительно валился с ног. Он глянул на худосочного пациента с желтовато-задубевшим лицом, лежащего справа от Дэнбара, ткнул через плечо большим пальцем и сказал:

— Сгинь, гнида!

Сосед Дэнбара злобно напыжился и угрюмо нахмурился.

— Он майор, — пояснил Йоссариану Дэнбар. — Я бы на твоем месте выбрал гниду рангом пониже и заделался бы, к примеру, младшим лейтенантом Гомером Ламли. Тогда твой отец стал бы членом Законодательной ассамблеи штата, а сестра — невестой чемпиона по лыжам. Скажи ему, что ты капитан.

— Я капитан, — сказал Йоссариан, повернувшись к левому соседу Дэнбара, который испуганно затаился на своей койке. — Сгинь, гнида! — приказал ему Йоссариан, ткнув большим пальцем через плечо.

Пациент поспешно вскочил и задал стрекача. Йоссариан лег на освободившуюся койку, чувствуя, что его мутит и прошибает липкий пот. Он обессиленно уснул, а когда через час проснулся, снова захотел стать Йоссарианом. Выяснилось, что отец-законодатель и сестра

— невеста чемпиона по лыжам не приносят ему особого удовлетворения. Дэнбар пришел вместе с ним в его палату и послал Э. Фортиори на свое место. Гомер Ламли в их палате не появлялся. Зато появилась медсестра мисс Крэймер, которая принялась радостно шипеть на них, как сырая головешка. Она приказала Йоссариану немедленно лечь, но загородила проход к его койке, и он не смог ей подчиниться. Ее миловидное лицо стало еще гаже, чем было. Чувствительная и добросердечная, она бескорыстно радовалась чужим помолвкам, свадьбам, дням рождения и юбилеям, даже если это случалось с абсолютно незнакомыми ей людьми.

— Вы в своем уме? — гневно осведомилась она у Йоссариана, с негодованием тряся перед его глазами осуждающим пальчиком. — Мы не позволим вам загнать себя на тот свет!

— Я сам себе хозяин.

— А ваши ноги? Мы не допустим, чтоб вы потеряли ногу!

— Я сам хозяин своей ноги.

— Ничего похожего! — вскинулась мисс Крэймер. — Это государственное имущество. Как любой другой инвентарь, вроде клизмы или клистира. Пока вы учились на летчика, в вас

вложили огромные деньги, и мы не позволим вам разбазаривать правительственные капиталовложения.

Йоссариан не считал себя государственным имуществом, а свои ноги — правительственными капиталовложениями. И не мог подойти к своей кровати, потому что мисс Крэймер загораживала ему дорогу. У него отчаянно разболелась голова, а мисс Крэймер лезла к нему с какими-то вопросами. Он ткнул большим пальцем через плечо и сказал ей:

— Сгинь, гнида!

Она влепила ему зубодробительную оплеуху, и он едва не упал, а когда размахнулся, чтобы дать ей сдачи, ноги у него подкосились, и если б не подоспела сестра мисс Даккит, неминуемо упал бы. Поддержав его, мисс Даккит сурово спросила:

— Что у вас тут происходит?

— Он не желает ложиться! — ревностно отрапортовала мисс Крэймер. — И унижает мое достоинство при исполнении служебных обязанностей.

— Она назвала меня клистиром, — невнятно пожаловался Йоссариан.

— Вы будете ложиться? — холодно спросила его мисс Даккит. — Или мне надо взять вас за ухо и

самой уложить в постель?

— Попытайтесь, — вызывающе сказал Йоссариан.

Мисс Даккит взяла его за ухо и уложила в постель.

Глава двадцать седьмая
Мисс Даккит

Медсестра Сью Энн Даккит была рослая, худощавая, зрелая женщина с прямой спиной, округлым задом, маленькими грудями и угловато аскетическим, типичным для уроженки Новой Англии лицом, которое могло показаться и очень красивым, и очень противным. Кожа у нее была розовато-белая, глаза как буравчики, а нос и подбородок — удлиненно остренькие. Искусная, исполнительная, благоразумная и строгая, она не боялась ответственности и сохраняла рассудок в любой самой трудной ситуации. На нее всегда можно было положиться, а она во всех критических случаях полагалась только на себя и ни у кого не просила помощи. Йоссариан искренне ей сочувствовал и решил, что должен помочь.

На следующее утро, когда она наклонилась у изножия его койки, чтобы расправить ему простыню, он воровато и сноровисто запустил руку ей под юбку. Она звонко взвизгнула и конвульсивно подпрыгнула, но недостаточно высоко, чтобы сразу освободиться, и дергалась, дрыгалась,

извивалась и вырывалась не меньше пятнадцати секунд, прежде чем ей удалось наконец обрести свободу и в ужасе отступить с пепельным, судорожно дрожащим лицом к койке Дэнбара, который внимательно следил за происходящим и, когда она оказалась достаточно близко, привскочил на своей койке и обнял ее сзади, как пылкий любовник. Она опять пронзительно взвизгнула и отпрыгнула к Йоссариану, чтобы снова оказаться на крючке и опять отскочить, вроде теннисного мячика с ногами, к Дэнбару, бдительно поджидающему удобного мгновения, чтобы облапить ее снова. Однако на этот раз она вовремя вспомнила о нем и успела отшатнуться в сторону, а он, промахнувшись, нырнул, словно пловец, головой вперед в проход между койками, глухо стукнулся черепом об пол и отключился.

Очнулся он на полу, с расквашенным носом и теми самыми мучительными симптомами — тошнота и головокружение, — которые постоянно симулировал. Палата гудела, словно растревоженное гнездо шершней. Мисс Даккит рыдала, а Йоссариан, притулившись рядом с ней на краешке койки, виновато ее утешал. Начальник госпиталя, полковник медицинской службы, гневно рычал, глядя на Йоссариана, что не поз-

волит пациентам приставать с непристойными вольностями к своим сестрам.

— Ну чего вы привязались к человеку? — печально спросил полковника Дэнбар, морщась на полу от боли в висках, которая пульсировала в такт его словам. — Что он вам сделал?

— Я про вас говорю! — сановито рявкнул ему тощий полковник. — Вы думаете, вам разрешат здесь такое вытворять?

— Ну чего вы привязались к человеку? — осанисто рыкнул ему в ответ здоровенный Йоссариан. — Он же не нарочно разбил себе голову — он просто упал.

— Я и про вас говорю! — разъяренно взвился полковник. — Вы у меня заречетесь хватать моих сестер за… за разные места!

— Я не хватал сестер за заразные места, — отрекся Йоссариан.

— А где у них заразные места? — поинтересовался Дэнбар.

— Вы что — психи? — взвизгнул, отступая, побледневший полковник.

— Он-то определенно псих, — уверил полковника Дэнбар. — Ему, например, снится по ночам, что он держит в руке живую рыбу.

— Ему… что? — словно бы споткнувшись на бе-

гу, переспросил полковник и с чуть брезгливым изумлением глянул в наступившей тишине на Йоссариана.

— Ему снится по ночам, что он держит в руке живую рыбу.

— Какую именно рыбу? — въедливо подхватил полковник, повернувшись к Йоссариану.

— Не могу вам сказать, — ответил Йоссариан. — Я не различаю рыбьих пород.

— А в какой руке вы ее держите?

— В разных, — сказал Йоссариан.

— Это зависит от породы, — услужливо уточнил Дэнбар.

— От породы? — нахмурившись, пробормотал полковник и подозрительно уставился на Дэнбара. — Ну а вы-то откуда знаете такие подробности?

— Как же мне не знать, — с рассудительной заботливостью сказал Дэнбар, — если я ему тоже снюсь и все вижу?

Полковник растерянно покраснел, но тут же мобилизовался и глянул на приятелей по сновидениям с холодной непримиримостью.

— Поднимайтесь-ка и ложитесь в постель, — приказал он сквозь зубы Дэнбару. Потом покосился на Йоссариана и с легкой гадливостью

добавил: — А про ваши идиотские сны я слушать не намерен. У нас найдется специалист, который выяснит, что с вами творится во сне.

— Как вы думаете, — осторожно обратился к Йоссариану майор Сэндерсон, кряжистый и мягко улыбчивый специалист по психиатрии, к которому приказал отвести Йоссариана полковник, — почему ваши сновидения показались полковнику Ферриджу несколько… хм… непристойными?

— Я думаю, — уважительно ответил Йоссариан, — что это случилось из-за специфических особенностей моих сновидений или самого полковника Ферриджа.

— Превосходно сказано! — возрадовался ответу майор Сэндерсон с черной, как вакса, щеткой волос на голове и в скрипучих солдатских башмаках. — По определенным причинам, — доверительно сообщил он, — полковник Ферридж издавна напоминает мне глупыша. Он, знаете ли, не очень-то верит в психиатрию.

— А вы, вероятно, без особой симпатии относитесь к этой породе птиц? — предположил Йоссариан.

— Что верно, то верно, — признался со скрипучим смешком майор Сэндерсон и любовно

потянул себя за отвислый второй подбородок, словно это была бородка. — А вот ваш сон кажется мне прелестным, и надеюсь, он снится вам достаточно часто, так что мы сможем постоянно его обсуждать. Не хотите ли сигаретку? — Йоссариан отказался, и майор Сэндерсон понимающе улыбнулся. — Как вы думаете, — поинтересовался он, — почему у вас возникло столь острое нежелание взять у меня сигарету?

— Я только что докурил свою. Вон мой окурок, еще дымится в вашей пепельнице, видите?

— Весьма остроумное объяснение, — усмехнувшись, заметил майор Сэндерсон. — Однако вскоре, надеюсь, мы выясним и настоящую причину. — Он небрежно завязал шнурок на башмаке и переложил свой желтый линованный блокнот со стола к себе на колени. — Ну а рыба, которую вы видите во сне? Давайте поговорим о вашей рыбе. Это всегда одна и та же рыба?

— Трудно сказать, — ответил Йоссариан. — Я не очень-то разбираюсь в рыбах.

— А что она вам напоминает?

— Другую рыбу.

— А другая рыба?

— Еще какую-нибудь рыбу.

Майор Сэндерсон с некоторым разочарованием

откинулся на спинку стула.

— Вам нравится рыба? — спросил он.

— Не особенно.

— А как вы думаете, — торжествующе вопросил майор Сэндерсон, — почему у вас возникло столь болезненное отвращение к рыбе?

— Да она какая-то квелая, — объяснил ему Йоссариан, — ни то, как говорится, ни се. И к тому же костлявая.

— Весьма искусное объяснение, — понимающе закивал майор Сэндерсон, растянув губы в льстивой и неискренней улыбке. — Но вскоре, надеюсь, мы выясним и настоящую причину. Ну а рыба из вашего сна? Она вам нравится?

— Да нет, пожалуй.

— Значит, не нравится? Вы испытываете к ней вражду? У вас возникают агрессивные эмоции?

— Да нет. Она мне, пожалуй, скорее нравится.

— Значит, она вам нравится.

— Да нет. У меня, собственно, не возникает никаких чувств. Я в этом отношении и сам как рыба.

— Однако минуту назад вы утверждали, что она вам нравится. Это же явное противоречие. Вы согласны?

— Да, сэр. Тут у меня явное противоречие, вы

безусловно правы.

Майор Сэндерсон горделиво записал толстым черным карандашом у себя в блокноте — «Противоречие».

— А как вы думаете, — подняв на Йоссариана взгляд, спросил он, — почему два ваших утверждения о рыбе содержат в себе очевидное противоречие?

— По-видимому, во мне уживаются амбивалентные чувства к рыбе.

Услышав слова «амбивалентные чувства», майор Сэндерсон радостно вскочил на ноги.

— Так вы понимаете? — хлопнув от счастья в ладоши и крепко прижимая их друг к дружке, воскликнул он. — Ах, вы не представляете себе, в каком я прозябаю одиночестве из-за необходимости врачевать людей — а ведь для этого мне надо с ними разговаривать! — которым глубоко наплевать и на психиатрию, и на мою работу, и на меня. Я почти физически ощущаю, как во мне зреет комплекс неполноценности. — Его лицо тревожно исказилось. — И у меня нет сил, чтобы перебороть этот комплекс.

— В самом деле? — сочувственно промямлил Йоссариан, поспешно придумывая, что бы еще сказать. — Но почему, собственно, вы обвиняете

себя, видя пробелы в образовании у других?

— Это глупо, я понимаю, — по-девичьи хихикнув, согласился майор Сэндерсон. — Но мне, знаете ли, всегда было очень важно, чтобы меня уважали. Я достиг половой зрелости немного позже, чем другие юноши моего возраста, и постоянно испытывал… хм… все связанные с этим фактом трудности. А сейчас испытываю горячее желание обсудить их с вами как можно скорей и подробней. Я охотно начал бы именно с меня… но боюсь, что не имею на это права. Полковник Ферридж наверняка осудит нас, если узнает, что мы обсуждали мои затруднения за счет ваших. Итак, я покажу вам сейчас несколько чернильных пятен, чтобы выяснить, о чем напоминают вам различные конфигурации и цветовые оттенки.

— Не утруждайте себя, доктор. Мне всё напоминает о сексе.

— Правда? — воскликнул осчастливленный майор Сэндерсон, как бы боясь поверить своим ушам. — Ну, теперь-то мы многое поймем. А вам снятся иногда полноценные сексуальные сны?

— Мои сны о рыбах — это сексуальные сны.

— Нет-нет, я имею в виду истинно сексуальные сны — с истязаниями и насилием, с надрывами и блаженством, когда вы страстно рыдаете над

своей жертвой, не зная, чем бы еще выразить ей свою ненависть и любовь, — вот про какие сны я хотел бы с вами поговорить. Они вам снятся?

— Мои сны о рыбах как раз такие сны, — умудренно задумавшись на мгновение, определил Йоссариан.

Майор Сэндерсон отшатнулся, словно ему дали пощечину.

— В общем конечно, — с натужным безразличием согласился он, и Йоссариан сразу заметил мгновенно вспыхнувшую в нем недоверчивую враждебность. — Но мне-то нужно, чтобы вам приснился именно такой сон, о котором я говорил, — нам необходимо выяснить, как вы к нему отнесетесь. Ну, и на сегодня, я думаю, достаточно. До следующего нашего собеседования постарайтесь найти ответы на заданные вам вопросы. Эти собеседования, знаете ли, не менее тягостны для меня, чем для вас.

— Тут главное Дэнбар, — сказал Йоссариан.

— Дэнбар?

— Ну да, поскольку он все это затеял. Сон-то его.

— Ах его? — ухмыльнулся майор Сэндерсон, и к нему вернулась прежняя уверенность. — Дэнбар, насколько я понимаю, тот самый злостный ин-

дивид, чьи похабные художества приписывают обычно вам. Я угадал?

— Ну, не такой уж он злостный.

— А вы, значит, готовы отстаивать его до последнего вздоха?

— Ну нет, до последнего не готов.

Майор Сэндерсон ядовито улыбнулся и записал в своем блокноте — «Дэнбар».

— Почему это вы хромаете? — желчно спросил он, глядя, как Йоссариан ковыляет к двери. — И с чего вдруг обмотали ногу бинтом? Вы что — спятили или отроду не в себе?

— У меня на ноге рана. Из-за нее-то я и попал в госпиталь.

— Нет у вас никаких ран! — злорадно возразил майор Сэндерсон. — А в госпиталь вы попали из-за камней в слюнной железе. Вам бы поостеречься, а то, глядишь, доумничаетесь до желтого дома. Вы вон и так уже не помните, с чем вас поместили в госпиталь.

— С раной на ноге, — уперся Йоссариан.

— Ладно, передайте привет вашему Дэнбару, — заглушив ехидным хихиканьем его реплику, проговорил майор Сэндерсон. — И скажите ему, что я просил его почаще видеть ваш сон.

Однако Дэнбара теперь постоянно мучили го-

ловокружения и тошнота, а голова у него болела еще с прежних времен, и ему было не до майора Сэндерсона. Обжору Джо опять начали терзать ночные кошмары, потому что он совершил шестьдесят боевых вылетов и ждал очередной раз отправки домой, но, заглянув однажды в госпиталь, чтобы навестить Йоссариана и Дэнбара, он отказался делиться с майором Сэндерсоном своими кошмарными снами.

Йоссариан приставал ко всем знакомым, упрашивая их рассказать ему хоть какой-нибудь сон для майора Сэндерсона.

— Мне ужасно не хочется его расстраивать, — говорил он. — Ему и так уже мерещится, что он отверженный.

— С тех пор как вас ранили, — признался капеллан, — мне постоянно снятся очень странные сны. Я вижу, к примеру, во сне, что моя жена умирает или ее убивают, а наши дети задыхаются до смерти, подавившись вполне доброкачественной пищей. Или вот еще сон: я плыву над бездонной глубиной, а голодная акула вгрызается мне в левую ногу — именно там, где у вас повязка.

— Замечательный сон, — сказал Дэнбар. — Готов поспорить, что он понравится майору Сэндерсону.

— Чудовищный сон, — сказал майор Сэндерсон. — В нем чувствуется извращенность, жажда страданий и тяга к смерти. Вы наверняка увидели его, чтобы мне досадить. И я, признаться, даже не уверен, что вас можно оставить на военной службе с такими патологическими снами.

Йоссариан внезапно увидел проблеск надежды впереди.

— Вы правы, сэр, — хитроумно поддакнул он. — Меня, по-видимому, следует отстранить от полетов и отправить в Штаты.

— Скажите, а вам никогда не приходило в голову, что вы непрерывно гоняетесь за женщинами ради подавления подсознательного страха перед своей сексуальной недееспособностью?

— Так оно, безусловно, и есть, сэр.

— А тогда зачем же вы это делаете?

— Ради подавления подсознательного страха перед своей сексуальной недееспособностью, сэр.

— А почему бы вам не завести себе какое-нибудь хобби? — участливо спросил майор Сэндерсон. — Вы могли бы заняться, к примеру, рыбной ловлей. Неужели вас действительно привлекает мисс Даккит? Мне бы на вашем месте показалось, что она чересчур костлявая. Костлявая и квелая.

Вроде рыбы.

— Я, знаете ли, к ней не приглядывался.

— Но ведь за разные-то места вы ее хватали? Неужели только потому, что они у нее есть?

— Да не хватал я ее за разные места! А вот Дэнбар…

— Опять та же дурацкая песня? — с ядовитым сарказмом воскликнул майор Сэндерсон и раздраженно бросил карандаш. — Вы что — всерьез надеетесь уйти от ответственности, прикидываясь не самим собой? У меня иссякла всякая симпатия к вам, Фортиори. Понимаете? Иссякла всякая симпатия.

Йоссариан почувствовал, как могильный ветерок понимания шевелит у него на макушке волосы.

— Я не Фортиори, сэр, — смущенно пробормотал он. — Я Йоссариан.

— Кто-кто?

— Йоссариан, сэр. Моя фамилия Йоссариан. Меня поместили в госпиталь с раной на левой ноге.

— Ваша фамилия Фортиори, — воинственно возразил майор Сэндерсон. — И вас поместили в госпиталь из-за камней в слюнной железе.

— Уймитесь, майор! — взорвался Йоссариан. — Мне-то уж как-нибудь известно, кто я такой.

— А у меня есть ваша госпитальная карта, где черным по белому написано — **Фортиори!** — прорычал майор Сэндерсон. — Возьмите себя в руки, пока не поздно, Фортиори. То вы Дэнбар. То Йоссариан. Если так пойдет и дальше, то на днях вам покажется, что вы Вашингтон Ирвинг. Знаете, в чем ваша беда? У вас раздвоение личности, вот в чем ваша беда.

— Возможно, вы и правы, сэр, — дипломатично согласился Йоссариан.

— Не возможно, а очевидно. У вас мания преследования. Вам кажется, что люди хотят сжить вас со света.

— Да ведь так оно и есть, сэр.

— Видите? У вас нет никакого уважения к старшим традициям и священным по званию — решительно никакого! Вы опасный и растленный тип, вас надо вывести отсюда и расстрелять!

— Что это с вами, сэр?

— Вы враг народа!

— Окончательно спятил! — рявкнул Йоссариан.

— Я-то не спятил! — сипло заорал, думая, что говорит шепотом, Доббз, пришедший навестить Йоссариана. — Обжора Джо видел их собственными глазами! Вчера, когда летал на транспортном

самолете в Неаполь за кондиционерами с черного рынка для фермы полковника Кошкарта. Там расположен перевалочный центр, где ждут отправки в Штаты сотни пилотов, бомбардиров и стрелков. У них всего по сорок пять боевых вылетов, а у некоторых, награжденных за ранения медалью «Пурпурное сердце», и того меньше. Пополнения приходят во все полки, кроме нашего. Ты что — газет не читаешь? Есть приказ, чтобы все военнослужащие, даже из административных отделов, были посланы, хотя бы на короткое время, в действующую армию. Нам обязательно надо его убить.

— Тебе ведь осталось всего два боевых вылета, — принялся негромко урезонивать Доббза Йоссариан. — Ну на кой ты будешь рисковать?

— А в боевом вылете я, по-твоему, не рискую? — срывающимся от страха и злости голосом прохрипел Доббз. — Мы сможем прикончить его прямо завтра утром, когда он будет возвращаться со своей фермы. Я и пистолет захватил.

Йоссариан испуганно вытаращился на Доббза, который вынул из кармана пистолет и поднял его высоко в воздух, чтобы показать Йоссариану.

— Ты что — псих? — остервенело зашипел Йоссариан. — Спрячь его немедленно! И прекрати

орать!

— Да ты-то чего психуешь? — с видом оскорбленной невинности возмутился Доббз. — Нас же никто не слышит.

— Вы когда-нибудь заткнетесь? — рявкнул кто-то из дальнего угла палаты. — Неужели человек и в госпитале не может спокойно поспать?

— Сам заткнись, умник позорный! — зарычал, вскакивая, Доббз, готовый к драке. Он сжал кулаки, но, прежде чем Йоссариан успел его одернуть, начал громоподобно чихать и оглушительно чихнул шесть раз подряд, переваливаясь из стороны в сторону на своих пружинисто-крепких ногах и вздергивая кверху локти в тщетной попытке сдержаться. Веки на его влажных от слез глазах покраснели и вспухли. — Он думает, он кто? — судорожно шмыгая носом и утирая его тыльной стороной ладони, проворчал Доббз. — Надзиратель в тюрьме или, может, полицейский?

— Он обэпэшник, — спокойно уведомил Доббза Йоссариан. — У нас их тут уже трое, и, говорят, скоро им пришлют пополнение. Да ты не бойся, — утешил он Доббза. — Они ищут человека по имени Вашингтон Ирвинг. До убийц им сейчас дела нет.

— А кто говорит про убийц? — возмущенно

вскинулся Доббз. — Это из-за того, что мы хотим опередить полковника Кошкарта…

— Да тише ты, так тебя и не так! — прошипел Йоссариан. — Неужели ты не можешь разговаривать шепотом?

— Я шепотом! У меня…

— Опять орешь!

— Да не ору я! У меня…

— Вы заткнетесь там наконец или нет? — завопили несколько человек с разных коек.

— Я вот сейчас ВАМ заткну ваши смрадные глотки! — зарычал Доббз, вскакивая с пистолетом в руке на шаткий стул. Йоссариан ухватил его за руку и стащил вниз. Доббз опять начал чихать. — У меня аллергия, — извиняющимся тоном объяснил он, пытаясь утереть слезы и сопли.

— То-то вот и плохо. Если б не твоя аллергия, ты, может, стал бы великим человеком.

— Полковник Кошкарт убийца, — жалобно сказал Доббз, пряча в карман скомканный сопливый платок цвета хаки. — Он постепенно убьет нас всех, если дать ему волю.

— А может, он больше не будет увеличивать норму вылетов. Может, угомонится на шестидесяти.

— Не угомонится он, и ты знаешь это лучше,

чем я. — Доббз в свирепом нетерпении наклонился к Йоссариану, его мощные челюсти плотно сомкнулись, а на щеках под бронзовой от загара кожей заиграли твердые желваки. — Скажи, что это хорошее дело, и завтра утром все будет кончено. Ты понимаешь, про что я говорю? Причем шепотом говорю, заметь.

— Да какого дьявола ты не сделаешь все это молча и один? — пряча глаза от его огненно-раболепного взгляда, запротестовал Йоссариан. — Зачем тебе нужна трепотня?

— Один я боюсь. Один я ни на что не могу решиться.

— Ну а я тебе не помощник. В моем положении надо спятить, чтобы спутаться с психом вроде тебя. Моей ране на ноге цены, можно сказать, нет. Меня же теперь отправят домой.

— А сам-то ты не спятил? — изумленно воскликнул Доббз. — Это же пустяковая царапина. Как только ты отсюда выпишешься, тебе дадут в зубы «Пурпурное сердце» и посадят на боевой самолет.

— Вот тогда-то я его и убью, — торжественно поклялся Йоссариан. — Найду тебя, и мы это обстряпаем.

— Нам надо обстряпать это завтра утром, а то

будет поздно! — умоляюще воскликнул Доббз. — Капеллан сказал, что Кошкарт опять выставил наш полк на добровольную бомбардировку Авиньона. Меня же собьют, пока ты тут лежишь. Я не способен вести самолет. Посмотри, как у меня трясутся руки. Я полностью выдохся, понимаешь?

Йоссариан не решился на окончательный ответ.

— Надо сначала посмотреть, как оно все обернется, — сказал он.

— Твоя беда в том, что ты не хочешь ничего делать, — ожесточенно прохрипел Доббз.

— Я делаю все, что могу, — мягко сказал Йоссариану капеллан, когда разъяренный Доббз ушел. — Я обращался даже в санчасть, к доктору Дейнике, с просьбой вам помочь.

— Понятно. — Йоссариан заставил себя улыбнуться. — И что же там произошло?

— Они вымазали мне десны чем-то лиловым, — смущенно сказал капеллан.

— Пальцы на ногах они ему тоже вымазали, — возмущенно добавил Нетли. — И вдобавок накормили слабительным.

— Но сегодня утром я опять туда ходил, — сказал капеллан.

— И они опять вымазали ему десны, — сообщил

Нетли.

— Зато мне все же удалось поговорить с доктором Дейникой, — как бы оправдываясь, принялся рассказывать капеллан. — Он, похоже, совсем отчаялся. Ему кажется, что кто-то хочет заслать его на Тихоокеанские острова. Он сам собирался обратиться ко мне за помощью. И очень удивился, когда я сказал, что мне нужна его помощь. «А разве у капелланов нет своего капеллана, — говорит, — который должен им помогать?» — Капеллан терпеливо молчал, пережидая, пока Йоссариан с Дэнбаром отхохочутся, и потом в унынии продолжил: — Раньше я думал, что отчаиваться грешно. — Он как бы жаловался вслух наедине с самим собой. — А теперь уж не знаю, что и думать. Мне хотелось сказать в это воскресенье проповедь о греховности отчаяния, но теперь вот я думаю: может ли священник с лиловыми деснами совершать богослужебный обряд? Подполковник Корн сурово пенял мне на мои лиловые десны.

— Послушайте, капеллан, а почему бы вам не лечь в госпиталь, чтобы спокойно отдохнуть? — предложил ему Йоссариан.

Его предложение сразу привлекло капеллана именно своей откровенной греховностью — но

всего лишь на секунду или две.

— Да нет, это невозможно, — с трудом преодолев мгновенное искушение, отказался он. — Мне нужно побывать в Италии и поговорить с писарем из армейского штаба по фамилии Уинтергрин. Доктор Дейника утверждает, что он сумел бы — если б ему, конечно, захотелось — вам помочь.

— Уинтергрин, пожалуй, самый влиятельный в нашей армии человек. У него ведь есть, кроме всего прочего, доступ к армейскому мимеографу. Только вот не захочет он никому помогать. Из-за этого-то ему, в частности, и обеспечен успех на жизненном пути.

— А все-таки я с ним поговорю. Должен же вам кто-нибудь помочь.

— Поговорите с ним о Дэнбаре, капеллан, — покровительственно наказал ему Йоссариан. — Меня-то теперь выручит моя бесценная рана на ноге. Или здешний психиатр, Сэндерсон, который считает, что мне в армии не место. Так ли, этак ли, а от боевых полетов я буду освобожден.

— Это *мне* в армии не место, — ревниво захныкал Дэнбар. — Сон-то приснился мне.

— Сон тут ни при чем, — возразил Йоссариан. — Сон, по мнению Сэндерсона, естественный и прекрасный. Тут дело во мне. У меня, на его

взгляд, раздвоение личности.

— Ваша личность равноценно раздвоена, — объяснил Йоссариану майор Сэндерсон, гладко припомадивший для этого визита тускло-черные волосы и даже завязавший шнурки на своих неуклюжих солдатских башмаках. Он широко улыбнулся, чтобы выглядеть заботливым и разумным. — Я говорю это не из жестокости или желания вас оскорбить, — с жестокой и оскорбительной улыбкой продолжал он. — Не по ненависти или ради мщения. Не потому, что вы безжалостно ранили мои чувства. Я медик, и мой диагноз строго беспристрастен. Но вам он может показаться ужасным. Вы достаточно мужественный человек, чтобы отнестись к нему спокойно?

— Избави меня бог! — возопил Йоссариан. — Разумеется, нет!

— Можете вы хоть раз в жизни выслушать собеседника без выкрутасов? — злобно взъерепенился майор Сэндерсон, долбанув обоими кулаками по своему столу и багрово набрякнув лицом, как перезревшая свекла. — Ваша беда в том, что вы ставите себя выше социальных обычаев. Вы, чего доброго, и на меня смотрите свысока, из-за того что я немного запоздал в половом развитии. А о себе вам что-нибудь известно?

Так вот, вы — несостоятельный, закомплексованный, недоразвитый и дистоничный юнец с неудовлетворенными тенденциями в становлении личности! — Настроение майора Сэндерсона неуклонно повышалось по мере перечисления уничижительных определений.

— Да, сэр, — осторожно согласился Йоссариан. — По-видимому, вы правы.

— Не по-видимому, а совершенно точно. У вас нет способности к адаптации. Вы не сумели адаптироваться к войне.

— Вы правы, сэр.

— У вас патологически выраженный страх смерти и маниакальная ненависть к реальному бытию. Вы, насколько я понимаю, отвергаете военную реальность и тот факт, что вас могут в любую секунду убить.

— Не просто отвергаю, а отвергаю с яростью, сэр.

— У вас ажитированная тревога и болезненное желание выжить. Вы не любите нуворишей и неофитов, святых и святош, громил и проныр, сумасшедших, бесноватых и людей себе на уме. Вам свойственна подсознательная ненависть к очень многим людям.

— Сознательная, сэр, исключительно созна-

тельная. Я ненавижу их вполне осознанно.

— Вы страдаете гипертрофированным отвращением к возможности быть ограбленным, обобранным, обманутым и униженным. Нищета вас угнетает. Коррупция возмущает. Невежество ужасает. Насилие оскорбляет. Жадность отвращает. Гонения подавляют. Трущобы удручают. Преступления терзают. Словом, нормальная жизнь вызывает у вас депрессивное состояние. И я ничуть не удивлюсь, если выяснится, что вы страдаете маниакально-депрессивным психозом.

— Возможно, так оно и есть, сэр.

— Не пытайтесь это опровергать.

— Я и не пытаюсь, сэр, — сказал Йоссариан, обрадованный сверх всякой меры их удивительным взаимопониманием.

— Значит, вы признаете, что вы псих?

— Псих? — возмутился Йоссариан. — Это о чем же вы толкуете, сэр? Выходит, я, по-вашему, спятил? Нет уж, сэр, если кто-нибудь из нас двоих псих, так это, безусловно, вы.

Майор Сэндерсон опять побагровел и долбанул себя обоими кулаками по бедрам.

— Вот-вот, вам диктуют ваши слова садистский комплекс и осложненный параноидной реак-

цией депрессивный психоз! — брызжа слюной, завопил он. — Вы законченный псих!

— А тогда почему же вы не отсылаете меня домой?

— Отошлю, не беспокойтесь!

— Меня отсылают домой! — ликующе объявил, дохромав до палаты, Йоссариан.

— Меня тоже! — радостно сообщил ему Э. Фортиори. — Мне только что об этом сказали.

— А меня? — нахально спросил у врачей Дэнбар.

— Вас? — безжалостно переспросили врачи. — Вас отправят вместе с Йоссарианом. Обратно в полк.

И отправили их обратно в полк. Взбешенный Йоссариан сразу же приковылял за справедливостью к доктору Дейнике, который мрачно посмотрел на него с презрением и печалью.

— Несправедливо? — в гневном раздражении воскликнул он, и яйцеподобные мешки у него под глазами укоряюще набрякли — Вечно ты думаешь только о себе. А пойди-ка вот посмотри, что произошло с линией фронта, пока ты отлеживался в госпитале.

— Мы отступаем? — испуганно спросил Йоссариан.

— Отступаем? — горестно вскричал доктор Дейника. — Да с тех пор, как мы захватили Париж, все, к чертовой матери, рушится! А впрочем, я-то заранее это предвидел. — Он умолк, и его мрачное уныние преобразилось в черную меланхолию, а брови страдальчески сошлись к переносице, словно бы немо обвиняя Йоссариана в грязном предательстве. — Американские войска вступили на германскую территорию. Русские заняли Румынию. Греки из Восьмой армии захватили Римини. Немцы на всех фронтах перешли к пассивной обороне. — Доктор Дейника опять умолк и подкрепил свои горестные сетования глубоким вздохом. — У них нет больше авиации! — простонал он. Его глаза увлажнились от непролитых слез. — Готская линия того и гляди будет разодрана в клочья.

— Понятно, — сказал Йоссариан. — И что же тут плохого?

— Что тут плохого? — слезливо воскликнул доктор Дейника. — Да ведь, если положение в ближайшее время не изменится, Германия может капитулировать! И нас всех пошлют на Тихий океан.

— Ты что — спятил? — очумело вытаращив глаза, спросил Йоссариан. — Ты хоть сам-то по-

нимаешь, о чем лопочешь?

— Тебе хорошо смеяться! — криво осклабился, чтобы не разрыдаться, доктор Дейника.

— Какой уж там, к чертовой матери, смех!

— У тебя все же есть надежда с этим разделаться. Ты полетишь на бомбардировку, и тебя, возможно, собьют. А каково мне? У меня нет ни малейшей надежды спастись!

— Совсем одурел! — яростно вскричал Йоссариан и ухватил его за ворот рубахи. — А коли одурел, так слушай! Заткни свое идиотское хайло и слушай, что я тебе скажу!

— Не смей так со мной разговаривать! — заголосил, вырываясь, доктор Дейника. — Я дипломированный врач!

— Стало быть, заткни свое дурацкое дипломированное врачебное хайло и слушай, что мне сказали в госпитале! Я псих. Понимаешь? Псих!

— Ну и что?

— Настоящий псих.

— Ну и что?

— Я тронутый. Чокнутый. Понимаешь? Помешанный. Но вместо меня послали домой другого — по ошибке. В госпитале есть дипломированный психиатр, и он осмотрел меня и поставил официальный диагноз. Я действительно сумасшедший!

— Ну и что?

— Как это ну и что? — Йоссариана сбивала с толку непонятливость доктора Дейники. — Теперь же все очень просто! Теперь ты можешь безбоязненно освободить меня от полетов и отправить домой. Не пошлют же они психа на убой?

— Так нормальный-то разве согласится, чтоб его послали на убой?

Глава двадцать восьмая
Доббз

Маквот, впрочем, согласился, а Маквот психом не был. Согласился и Йоссариан, хотя к израненной психике у него теперь прибавилась еще и рана на ноге; но когда, согласившись два раза, он узнал, что ему грозит, судя по слухам, повторная бомбардировка Болоньи, он решительно приковылял однажды под вечер туда, где стояла палатка Доббза, вошел в нее, прижал палец к губам и осторожно прошипел:

— Тссс!

— Чего это ты тсыкаешь? — спросил его Кроха Сэмпсон, который чистил передними зубами мандарин, а правой рукой листал книгу комиксов. — Мы же оба молчим.

— Сгинь, гнида, — указав большим пальцем через плечо на вход, скомандовал ему Йоссариан.

Кроха Сэмпсон понимающе вздернул свои белесые брови, так что каждая переломилась в середине наподобие островерхой крыши, неспешно встал, со свистом дунул четыре раза в свои вислые прокуренные усы, послушно вышел из па-

латки и умчался на зеленоватом раскореженном мотоцикле, который он приобрел по случаю у перекупщика несколько месяцев назад. Йоссариан терпеливо молчал, обшаривая взглядом палатку, пока рев мотора окончательно не заглох. Палатка показалась ему какой-то странно нежилой. В ней было слишком чисто и пусто. Доббз курил толстую сигару и посматривал на Йоссариана со спокойным любопытством. Теперь, когда Йоссариан окончательно решился быть смелым, его донимал смертельный страх.

— Ну что ж, — сказал он. — Давай убьем полковника Кошкарта. Я согласен действовать с тобой на пару.

— Тссссс! — в ужасе вскакивая со своей койки, засипел Доббз. — Как это — убьем полковника Кошкарта? О чем ты толкуешь?

— Тише! — испуганно зашипел Йоссариан. — Ты же орешь на всю Пьяносу! У тебя сохранился твой пистолет?

— Ты спятил или отроду псих? — заорал Доббз. — Зачем я буду убивать полковника Кошкарта?

— Как это зачем? — недоверчиво окинув его злым взглядом, удивился Йоссариан. — Как это зачем? Ты же сам предлагал мне его убить. При-

ходил в госпиталь и канючил, чтоб я тебе помог.

— Тогда у меня было всего пятьдесят восемь боевых вылетов, — неспешно усмехнувшись, разъяснил Йоссариану Доббз и с наслаждением пыхнул сигарой. — А сейчас я уже упаковал вещички и жду отправки домой. Мои шестьдесят вылетов позади.

— Подумаешь, — отозвался Йоссариан. — Он же опять увеличит норму.

— Может, на этот раз не увеличит.

— Он всегда ее увеличивает, и ты знаешь это лучше, чем я. Что с тобой, Доббз? Ты спроси-ка у Обжоры Джо, сколько раз он сидел на чемоданах.

— А я все-таки хочу сперва посмотреть, как оно все обернется, — упрямо сказал Доббз. — Это ж надо быть законченным психом, чтобы ввязываться в такое дело, когда тебя освободили от боевых полетов. — Он стряхнул с сигары пепел. — Послушайся моего совета, Йоссариан. Отлетай положенное, как мы, и посмотри потом, чем оно все обернется.

Йоссариан холодно подавил горячее желание плюнуть ему в самодовольный глаз.

— Вряд ли я дотяну до шестидесяти, — с покорной, бьющей на жалость горечью сказал

он. — Ходят слухи, что Кошкарт опять выдвинул нас в добровольцы на бомбардировку Болоньи.

— Это ведь пока только слухи, — веско обронил Доббз. — Советую тебе не очень-то доверяться слухам.

— Оставь свои советы при себе.

— Потолкуй с Орром, — посоветовал Йоссариану Доббз. — Его опять сбили над морем после повторной бомбардировки Авиньона. Может, он уже так отчаялся, что согласится убить с тобой Кошкарта.

— У Орра никогда не хватит мозгов, чтоб отчаяться.

Орр опять совершил вынужденную посадку в море — так нежно и бережно посадил неподалеку от Марселя свой искалеченный самолет на голубую гладь лениво вздыхающей воды, что никто из шести человек его экипажа даже не ушибся. И передний и задний аварийные люки успели открыть заблаговременно, и, пока зеленовато-белесая от пены вода неистово бурлила, медленно заглатывая самолет, люди выбрались наружу в оранжевых, зловеще дряблых спасательных жилетах, которые без всякой пользы повисли у них на плечах. Жилеты были дряблые, потому что Мило Миндербиндер использовал баллончики

с двуокисью углерода, автоматически надувающие в случае аварии жилеты, для приготовления мороженого с газированным фруктовым соком, которое подавалось в офицерских столовых на десерт, причем баллончики он заменил аккуратными записочками с оттиснутым на мимеографе текстом, который гласил, что «Расцвет предприятия „М и М“ способствует расцвету родины». Орр выбрался из тонущего самолета последним.

— Жаль, что вы его не видели, — рассказывал Йоссариану, заходясь от хохота, сержант Найт. — Другого такого крохотного чудилу мученика вы никогда в жизни, я думаю, не встретите. Наши спасательные жилеты обвисли у нас на плечах, как мокрые тряпки, потому что Мило спер из аварийного комплекта баллончики для их автоматической надувки, чтобы снабжать вас, оглоедов, десертом в офицерских столовых. Но оказалось, к счастью, что это не беда. Плавать у нас в экипаже не умел всего один человек, и мы помогли ему спуститься на спасательный плотик, как только Орр подтянул его за веревку к фюзеляжу, пока самолет еще держался на плаву. Этот чертов чудильник, я про Орра говорю, он здорово навтыкался управляться с такими делами. Ну а второй плотик мы по своему расхлебайству

упустили, и нам всем пришлось ютиться, согнувшись в три погибели, на одном, да так тесно, что если б кто-нибудь из нас неосторожно или резко повернулся, то его сосед наверняка бы плюхнулся в воду. Ну и вот, а самолет, значит, пошел ко дну — секунды, наверно, через три после того, как мы взгромоздились на плот, — и, когда он утонул, мы для интересу скрутили колпачки с баллончиков на наших жилетах и нашли Миловы писульки, где он говорит, что его, дескать, процветание пойдет на пользу всем нам. Ох и сволочуга же этот Мило Миндербиндер, ох и материли же мы его на все корки — мы-то материли, а ваш чудильник знай себе ухмыляется, будто ему и в самом деле кажется, что если Мило процветает, то и нам всем должно быть хорошо.

Да, очень жаль, что вы не видели, как он сидел на низком бортике плота, вроде он капитан корабля, а мы все глазели на него и ждали, когда он скажет, чем же нам теперь заняться. Он хлопал себя ладонями по коленям, размеренно этак хлопал, через каждые несколько секунд, будто у него тик или колотун, хлопал, хихикал и повторял: «Вот и ладненько, ребятки, вот и ладненько», хлопнет, хихикнет и говорит: «Вот и ладненько, ребятки, вот и ладненько» — чудик, он чудик и

есть. И если бы нам не на кого было пялиться, мы бы там все с ума, наверно, посходили, особенно от этих проклятых волн, которые окатывали нас каждую минуту, а то и смывали кой-кого в воду, так что им приходилось карабкаться обратно на плот, пока следующая волна не унесла их черт-те куда. Короче, смеху там было столько, что лучше б его не было, такого смеху. И все время кого-нибудь смывало с плота, да не одного, а двух-трех сразу, и они карабкались, как мартышки, обратно. А парень, который не умел плавать, он лежал у нас пластом в самой середке плота, но он даже и там, бедолага, чуть не захлебнулся, потому что воды на плоту было по щиколотку и она плескала ему прямо в морду. И смех, и грех!

А Орр, значит, начал обшаривать разные кладовочки плота, ну, и тут уж начался такой смех, что мы животики себе понадорвали. Перво-наперво он отыскал шоколадные конфеты и принялся их нам раздавать, и мы, значит, сидели под солеными брызгами и ели эти подсоленные шоколадные конфеты, а волны то и дело стаскивали кого-нибудь из нас в море. Потом он нашел бульонные кубики и алюминиевые стаканчики и намешал нам в них бульону. Потом отыскал пакетики с чаем. И ведь приготовил, чудила, чай! Представ-

ляете? Мы, значит, сидим на плоту задницами в воде, а он раздает нам чай. Тут уж я без всяких волн свалился с плота — просто от хохоту. Да и все мы хохотали как ненормальные. А у него глазенки самые что ни на есть серьезные, будто он участвует в каком-нибудь важном деле, да только вот с хихиканьем со своим он ничего поделать не мог и к тому же ухмылялся, а ухмылка вроде как у психа. Чудик, одно слово — чудик! И ведь все, что ни находил, пускал в дело. Нашел, к примеру, репеллент против акул — и давай опрыскивать им воду вокруг плота. Потом нашел краску для маркерного маяка и тоже выплеснул ее за бортик. А потом отыскал леску с сухой наживкой — и тут уж расцвел, будто увидел спасательный катер, который поспешает нас подобрать, пока мы не загнулись от голода, жары и жажды или пока немцы не выслали из Специи моторку, чтобы захватить нас в плен или просто отправить на тот свет пулеметным огнем. А Орр разматывает, значит, эту леску, забрасывает ее с наживкой в воду, а сам распевает на все лады — ровно радостный жаворонок по весне. «Ну и что же вы собираетесь выловить, лейтенант?» — говорю. «Треску», — отвечает, и видно, что не шутит, а и правда собирается выловить. Но, слава богу, не

успел, а то и сам бы наверняка начал ее жевать, прямо сырую, и нас бы всех за милую душу накормил, потому что он нашел там книжонку, где расписывается, как хорошо, мол, эта самая треска идет в пищу чуть ли даже не живьем.

Дальше, гляжу, вытаскивает откуда-то весло размером с походную ложку и, уж конечно, начинает грести, чтобы, значит, доставить всех нас, шестерых здоровых мужиков, этой ложечкой до берега. Представляете? Нашел крохотный компас и большую карту в непромокаемом прозрачном чехле, расстелил карту на коленях, положил сверху компас и гребет. Тем и занимался, покуда минут через тридцать нас не подобрал спасательный катер, — на коленях карта и компас, в руках весло, за кормой леска с наживкой, а сам знай себе гребет, будто собирается догрести этой голубой ложечкой аж до Мальорки, чудик царя небесного!

Сержант Найт, так же как и Орр, знал о Мальорке почти все, потому что Йоссариан частенько рассказывал им про замечательные убежища вроде Испании, Швейцарии или Швеции, где американских летчиков могут интернировать и потом содержать в райских условиях вплоть до конца войны, если они туда доберутся. Вся

эскадрилья считала его ведущим специалистом по интернированию, и, летая в северные районы Италии, он каждый раз думал о вынужденной посадке в Швейцарии. Вообще-то ему больше нравилась Швеция с ее высоким уровнем интеллекта и свободными нравами, где он смог бы ежедневно нежиться голым на пляже среди прелестных обнаженных девушек с притворно застенчивыми низкими голосами, а главное, производить на свет целые табунчики незаконнорожденных йоссарианочек и йоссарианчиков, твердо зная, что правительство возьмет заботу о них на себя и не станет клеймить его позором… но Швеция была чересчур далеко, и ему оставалось мечтать о том, что где-нибудь над Итальянскими Альпами у него будет поврежден при зенитном обстреле один мотор и он получит возможность сделать вынужденную посадку в Швейцарии. Его пилот ни о чем бы не догадался до самого последнего мгновения. Гораздо надежнее, правда, было бы заранее сговориться с каким-нибудь пилотом, которому он полностью доверял, и объявить по радио, что у них вышел из строя мотор, а потом упразднить следы сговора, приземлившись в Швейцарии на брюхо, но единственный пилот, которому он полностью доверял, здравомысля-

щий псих Маквот, прекрасно чувствовал себя и здесь, на войне, получая высшее удовольствие от полетов почти впритирку к земле над палаткой Йоссариана или над купальщиками у песчаной косы, где ветер от винтов его машины разводил в море мелкую темную рябь и взвихривал вверх радужное облачко водяной пыли, оседавшее на воду мельчайшими брызгами еще несколько секунд после того, как он с бешеным ревом скрывался из глаз.

Про Доббза и Обжору Джо не могло быть в этом смысле и речи, так же как и про Орра, который опять упорно возился с форсункой от печки, когда унылый Йоссариан вернулся в палатку, не сумев подбить Доббза на задуманное им же самим дело. Печка, сработанная Орром из перевернутого кверху дном старого котла, возвышалась в центре палатки на цементном полу, и пол этот тоже, конечно, был трудовым достижением Орра. А сам он и сейчас прилежно трудился, стоя перед печкой на коленях. Йоссариан подошел к своей койке и, стараясь уверить себя, что ему нет до Орра никакого дела, сел на нее с протяжным кряхтеньем вконец измученного человека. Остывающие капли пота неприятно холодили ему лоб. Доббз вогнал его в депрессию. Доббз и доктор Дейника.

Доббз, доктор Дейника и Орр, который внушил ему, когда он на него посмотрел, предчувствие неминуемой беды. То там, то сям ощущал он в теле какую-то пакостную дрожь. Дергалась на виске жилка, пульсировала у запястья вена, и почти физически тряслись раздрызганные нервы.

Орр глянул через плечо на Йоссариана, и тот увидел под его чуть вздернутой верхней губой по-заячьи крупные зубы. Орр протянул к тумбочке руку, вынул оттуда бутылку теплого пива, откупорил ее и передал Йоссариану. Никто из них не произнес ни слова. Йоссариан слизнул вспузырившуюся над горлышком пену и запрокинул голову. Орр следил за ним, коварно ухмыляясь. Йоссариан смотрел на него настороженным взглядом. Орр негромко, с присвистом хмыкнул и отвернулся к печке. Йоссариан встревоженно напрягся.

— Не начинай! — умоляюще предостерег он Орра. — Не начинай возню со своей печкой.

— Да я уже почти кончил, — чуть слышно хихикнув, отозвался Орр.

— Не кончил, а собираешься начать.

— Видишь? Форсуночка. Почти собранная.

— А ты примеряешься ее разобрать. Думаешь, я не изучил тебя, починяльное отродье? Ты же

тыщу раз меня этим доводил.

— Да она, понимаешь ли, здорово текла, — ликующе встрепенувшись, объяснил ему Орр. — А теперь только слегка подтекает.

— Не могу я на тебя смотреть, — тусклым голосом сказал Йоссариан. — Если б ты возился с какой-нибудь большой штуковиной, меня бы это не донимало. А у твоей форсунки столько малюсеньких фигушечек, что я не могу без дрожи смотреть, как ты всаживаешь всю свою энергию в эти треклятущие, никому не нужные крохотулины.

— Зря тебе кажется, что раз они маленькие, то уж никому и не нужны.

— А по мне — один черт!

— Это то есть как?

— А так, что выдрючивайся со своей печкой без меня. Тебе, счастливому недоумку, никогда не понять, что значит чувствовать себя, как я сейчас. Когда ты колдуешь над этими мелкими фиговинами, со мной начинает твориться что-то непонятное. Мне становится трудно тебя выносить. Ты вроде бы ничего плохого не делаешь, а я еле-еле перебарываю искушение хряснуть тебя бутылкой по башке или всадить тебе в спину вот тот охотничий нож. Ты меня понимаешь?

— Я не буду разбирать сейчас форсунку, — понимающе кивнув, пообещал Орр и принялся ее разбирать — с такой неспешной, терпеливой, неустанной, упорной и кропотливой тщательностью, с такой безгранично отрешенной миной на топорном деревенском лице, что ему, казалось, даже и не надо было думать о своем занятии.

— Какого черта ты так торопишься с этой идиотской печкой? — злобно прокляв Орра и поклявшись себе не замечать его, но мгновенно нарушая свою клятву, спросил Йоссариан. — Ведь тут сейчас пекло жарче некуда. Мы, возможно, пойдем чуть позже купаться. Так с чего ты вдруг начал думать о холодах?

— Дни укорачиваются, — философски заметил Орр. — Мне хочется управиться с этой работой, пока у меня есть время. Когда я кончу, ты сможешь обогреваться самой лучшей в эскадрилье печкой. Автоматическая подача топлива позволит тебе жечь ее всю ночь, а эти металлические пластины будут равномерно распределять жар по всей палатке. Если ты поставишь перед сном каску с водой на это вот место, то, проснувшись, сможешь умыться горячей водой. Замечательное удобство, верно? А если тебе захочется сварить яйца или суп, ты просто поставишь на печку

котелок и зажжешь огонь.

— Почему это у тебя на языке только я один? Ты-то куда собираешься сгинуть?

— А кто ж его знает! — радостно встряхнувшись, воскликнул Орр и нелепо заклацал зубами в дребезжащем смешке. Потом, все еще посмеиваясь, невнятно добавил: — Если меня будут по-прежнему то и дело сбивать, один только бог знает, где я в конце концов окажусь.

— Послушай, Орр, — сочувственно сказал Йоссариан, — а почему ты не попытаешься освободиться от боевых вылетов? У тебя есть серьезные основания этого добиваться.

— Так у меня же всего восемнадцать вылетов.

— Но тебя почти все время сбивают. Ты же чуть ли не каждый раз или топишь самолет в море, или совершаешь вынужденную посадку на материке.

— Да я не против. Мне даже нравится. Ты бы попробовал как-нибудь, когда тебя не назначат ведущим бомбардиром, полететь на боевое задание со мной. Просто ради шутки. Для смеха. — Орр снова хихикнул и весело покосился на Йоссариана.

— Меня постоянно назначают ведущим, — пряча глаза, сказал Йоссариан.

— Ну а когда не назначат? Знаешь, что ты сделал бы, если б у тебя правильно работали мозги? Ты пошел бы к Птичкарду с Краббсом и попросился бомбардиром в мой самолет.

— Чтоб ты меня грохнул об землю или утопил? Нет, не нравятся мне такие шутки.

— У нас в полку никто лучше меня не совершает вынужденных посадок. Я бы на твоем месте обязательно попробовал. Просто для практики.

— Для какой такой практики?

— А разве тебе не нужно попрактиковаться в вынужденных посадках? Кхи-кхи-кхик!

— Есть у тебя еще бутылка пива? — угрюмо спросил Йоссариан.

— Чтобы хряснуть меня по башке?

— Как та шлюха в римском борделе? — рассмеявшись, спросил Йоссариан.

— А что, хочешь, я расскажу тебе, почему она долбила меня туфлей по башке? — похотливо хихикнув, осведомился Орр.

— Да я и сам знаю. Мне рассказала шлюха Нетли.

— Не могла она тебе рассказать, — хихикая, как курлычет в дождь водосточная труба, возразил Орр.

Йоссариану стало его жалко. Он был такой

уродливый и крохотный! Кто его защитит, если он останется жив? Кто защитит этого бесхитростного и душевного чудика от наглых грубиянов и здоровенных самодуров вроде Эпплби, у которых темно от чванства в глазах и которые растопчут его на своем пути с жестокой радостью или просто не заметив? Йоссариан часто тревожился за Орра. Кто оградит его от мошенничества и злобы, от вражды и самодовольного хамства, от презрительного и барского снобизма — особенно при встречах с женами важных шишек — или от приятельского надувательства местного мясника, который будет подсовывать ему в своей лавочке низкосортное мясо? Орр был веселый и доверчивый простачок с кудрявой шапкой густых пегих волос, разделенных на прямой пробор. Он же почти младенец, игрушка для них для всех, подумал Йоссариан. Они выцыганят у него деньги, совратят жену, затравят детишек. Йоссариана охватила волна сочувственной нежности.

Орр был чистоплотный крохотный чудик с грязными помыслами или, пожалуй, чудесный гномик с золотыми руками, которые неминуемо обрекут его, как считал Йоссариан, на полунищенское существование. Орр умел орудовать паяльником и запросто мог сбить две доски, не

расщепив их и загнав гвозди с одного удара. Он искусно сверлил дыры и коловоротом, и дрелью. Ему удалось великолепно обуютить их палатку, пока Йоссариан был в госпитале. Он продолбил или загодя оставил, когда делал пол, траншейку в цементе, чтобы упрятать туда тонкую трубку для подачи топлива, которая тянулась к печке от бака на высокой подставке за стенкой палатки; он смастерил из стабилизаторов от бомб металлический ящичек для дров к камину и положил туда толстенькие березовые полешки; он изготовил деревянные рамочки, покрасил их и вставил туда фотографии пышногрудых девиц в соблазнительных позах из иллюстрированных журналов, а потом повесил эти обрамленные фотографии над камином. Орр умел открывать банки с красками, умел разводить краски, смешивать их и даже, если понадобится, смывать. Он умел пользоваться рулеткой, умел колоть дрова и разжигать огонь. Он умел рыть ямы и мог удивительно ловко, то есть почти не пролив, принести в полной до краев кружке питьевую воду из цистерны, установленной возле офицерской столовой. Он был способен без устали предаваться какой-нибудь пустячной, но кропотливой работе много часов подряд, оставаясь при этом невозмутимым, спо-

койным и молчаливым, как древний древесный пень. Он превосходно знал законы дикой живой природы, не испытывая ни малейшего страха перед собаками и кошками, жуками, комарами и мошками или пищей вроде требухи и трески.

Йоссариан утомленно вздохнул и принялся размышлять о слухах насчет повторной бомбардировки Болоньи. Форсунка, над которой колдовал Орр, состояла из тридцати семи, не считая корпуса, деталек, в большинстве своем настолько крохотных, что Орру, когда он с ними возился, приходилось подцеплять их ногтями; разбирая, как сейчас, форсунку, он укладывал детальки на пол в строгом соответствии с порядком разборки, и его движения часами не теряли спокойной методичности и углубленной размеренности, прерываясь на мгновение, только когда он скашивал маниакально озорной глаз в сторону Йоссариана. Йоссариан старался на него не смотреть; он сосчитал детальки и понял, что через секунду его охватит буйное безумие. Он зажмурился и отвернулся, но от этого ему стало еще хуже, потому что теперь до него доносились лишь бесплотные звуки — едва слышное и вместе с тем совершенно отчетливое, неумолчное и раздающееся через равные промежутки време-

ни позвякивание почти невесомых железочек, шуршащий шорох орровских движений да его монотонное, с чуть заметной хрипотцой, убийственно ненавистное сейчас для Йоссариана дыхание. Йоссариан сжал кулаки и глянул на охотничий нож мертвеца из их палатки, висящий в ножнах над его койкой. Решив прирезать Орра, он мгновенно успокоился. Мысль об убийстве этого чудика представилась ему столь несуразной, что он завороженно и всерьез отдался ей, как бы под действием необоримого наркотика. Его взгляд плотоядно прильнул к орровскому затылку, где у человека, насколько он знал, расположен мозжечок. Легчайшее движение ножа, и Орр будет убит, что автоматически упразднит их обоюдные, часто мучительные для обоих претензии друг к другу.

— Это больно? — словно бы по велению защитного инстинкта, неожиданно спросил Орр.

— Ты о чем? — пристально глядя на него, спросил в ответ Йоссариан.

— Да ходить с раной на ноге, — загадочно усмехнувшись, проговорил Орр. — Ты вон до сих пор немного прихрамываешь.

— Наверно, просто по привычке, — во второй раз с облегчением вздохнув, отозвался Йоссари-

ан. — Пора, пожалуй, отвыкать.

Орр неуклюже выпростал из-под себя ногу и, вставши на одно колено, повернулся лицом к Йоссариану.

— А помнишь, — мешкотно и как бы с трудом припоминая, начал он, — помнишь ту девицу, которая охаживала меня в Риме туфлей по голове? — Досадливое восклицание Йоссариана вызвало у него удовлетворенный смешок. — Я ведь заключил тогда с тобой сделку. Мы договорились, что если ты ответишь мне на один вопрос, то я расскажу тебе, почему она била в тот день меня по голове.

— Какой еще вопрос?

— Хотелось бы мне узнать, спал ли ты с девицей Нетли.

— Я? — удивленно хмыкнув, переспросил Йоссариан. — Нет, конечно. А теперь скажи, из-за чего та девка била тебя по башке.

— Так вопроса-то я тебе еще не задал, — победно откликнулся Орр. — Я просто сказал, что мне интересно, спал ли ты с девицей Нетли. По ее поведению выходит, что вроде бы спал.

— Не было этого. А как она себя ведет?

— Так, будто ты ей здорово не нравишься.

— Ей, по-моему, никто не нравится.

— Ей нравится капитан Гнус.

— Он всегда показывает, что она для него вроде грязной подстилки. Так, я думаю, любую девку можно завоевать.

— Ты видел у нее на ноге рабский браслет? Там выгравировано его имя.

— Он устроил это, чтобы досадить Нетли.

— Она даже отдает ему часть денег, которые платит ей Нетли.

— Послушай, Орр, чего ты от меня хочешь?

— Ты спал с моей девицей?

— С какой такой, к дьяволу, твоей девицей? Разве у тебя есть постоянная девица?

— Конечно, есть. Та, что била меня туфлей по голове.

— Да вообще-то пару раз было, — припомнил Йоссариан. — А с каких это пор она твоя девица? Куда ты, собственно, гнешь?

— Она тоже тебя не любит.

— Нашел о чем думать! Она, по-моему, любит меня примерно так же, как тебя и всех остальных.

— Она когда-нибудь била тебя туфлей по голове?

— Отстань от меня, Орр. Ты мне надоел.

— Иии-хи-хи-хик! Ну а те тощие графини из

Рима, сноха и свекровь, — все настойчивей донимал Йоссариана Орр, — с ними ты когда-нибудь спал?

— Хотелось бы, да не выходит, — честно признался Йоссариан, привычно вспоминая, с какой жадной и разрушительной для него жаждой ласкал он — всегда вприглядку — их вожделенную плоть.

— Они тоже тебя не любят, — резюмировал Орр. — Им нравится Нетли, нравится Аафрей, но только не ты. Тебя все женщины, похоже, не любят. Я думаю, они думают, что ты дурно на них влияешь.

— Все женщины — психопатки, — угрюмо определил Йоссариан, покорно ожидая давно известного ему продолжения.

— Ну а твоя сицилийская девица, — притворно печалясь, продолжал допытываться Орр. — Которая толстая. С плешью. Та потливая лысая толстуха в тюрбане. Она тоже психопатка?

— Я и ей, по-твоему, не нравился?

— Дело не в этом. Мне просто трудно понять, как ты мог лечь в постель с девицей без волос.

— Да как я мог угадать, что у нее нет волос?

— Можно было не сомневаться. Я с самого начала это знал.

— Ты знал, что *она* лысая? — удивленно вскричал Йоссариан.

— Да нет, я знал, что форсунка не будет работать, если при сборке останется лишняя деталь, — ответил Орр, клюквенно пламенея от радости, что опять одурачил Йоссариана. — Будь любезен, дай мне, пожалуйста, вон тот сальничек. Вон он, видишь, рядом с твоей ногой?

— Нет тут никаких сальничков.

— Вон он, голубчик, — любовно проворковал Орр и, подцепив с полу ногтями нечто почти невидимое, поднял руку вверх, чтобы показать Йоссариану. — Придется мне, значит, опять ее разбирать.

— Я убью тебя, если ты начнешь. Пристукну на этом самом месте.

— Почему ты никогда со мной не летаешь? — спросил внезапно Орр и впервые посмотрел Йоссариану прямо в глаза. — Вот какой вопрос я хотел тебе задать. Почему ты никогда со мной не летаешь?

— Я же тебе объяснял, — смущенно отвернувшись, забормотал Йоссариан. — Меня почти всегда назначают ведущим бомбардиром.

— Не в этом дело, — покачав головой, возразил Орр. — Просто ты пошел после первой бомбарди-

ровки Авиньона к Птичкарду с Краббсом и сказал, чтоб они больше не назначали тебя бомбардиром в мой самолет. Верно я говорю?

— Никуда я не ходил, — чувствуя, что у него горят щеки, соврал Йоссариан.

— Ходил, — спокойно сказал Орр. — Ты попросил их не назначать тебя бомбардиром ко мне, Доббзу и Хьюплу, потому что, мол, не доверяешь нам как пилотам. А Птичкард с Краббсом отказались выполнить твою просьбу, сказав, что это было бы несправедливо по отношению к тем парням, которым придется с нами летать.

— Вот, стало быть, и незачем рассуждать, ходил я к ним или не ходил, — облегченно подхватил Йоссариан.

— Да они ведь с тех пор так больше ни разу тебя ко мне и не назначали. — Орр уже снова опустился на оба колена и повернулся к печке, а голос у него озвучился грустной приниженностью, которая ранила Йоссариана гораздо больней, чем естественная в таком случае обида или горечь, хотя говорил Орр все еще посмеиваясь, как если бы они обсуждали что-нибудь забавное. — А все же зря ты отказался со мной летать. Я, знаешь ли, очень неплохой пилот и вполне смог бы позаботиться о твоей безопасности. Меня и правда

много раз сбивали, но ведь не по моей же вине, и никто из моего экипажа ни разу не пострадал. Так-то, сэр. И знаете, что вы сделали бы, сэр, будь у вас на месте мозги? Вы немедленно отправились бы к Птичкарду с Краббсом и попросили б их назначать вас бомбардиром в мой самолет.

— Ты пытаешься мне о чем-то намекнуть? — пригнувшись на своей койке и пристально глядя Орру в глаза, спросил Йоссариан, но увидел перед собой только странную маску, словно бы озаренную изнутри противоречивыми чувствами.

— Иии-хи-хи-хик! — заперхал Орр. — Я пытаюсь тебе рассказать, почему та здоровенная девица в Риме лупила меня туфлей по башке. Да ты не желаешь слушать.

— Ну так расскажи толком.

— А ты попросишься ко мне в самолет?

— Чтоб тебя опять сбили над водой? — рассмеявшись, спросил Йоссариан.

Орра в самом деле опять сбили над водой — когда слухи о повторной бомбардировке Болоньи обернулись правдой, — и он опять умело шмякнул свой самолет в пенисто белесые волны, над которыми собирались, будто перед атакой, черные грозовые тучи. Он едва успел выбраться — как всегда, последним — из самолета, и его

плот, на котором он оказался один, сразу же стало относить ветром от плота с экипажем, и, когда за ними приспел, продравшись сквозь пелену редкого косого дождя, спасательный катер, его уже не было видно. Орровский экипаж добрался до расположения эскадрильи только к ночи. А про самого Орра никто ничего не знал.

— Зря вы психуете, — утешал всех Кроха Сэмпсон, кутаясь под огромным дождевиком в одеяла, которыми он разжился на спасательном катере. — Его уже, наверно, подобрали, если он не успел утонуть — шторм-то раскачало порядочный. Так что долго это не протянется. Его должны доставить сюда с минуты на минуту.

Йоссариан побрел в палатку и разжег там печку, чтобы, когда с минуты на минуту появится Орр, встретить его уютом и теплом. Печка работала превосходно, и пламя горелки послушно регулировалось форсункой с краником, которую починил наконец-то Орр. Шел небольшой дождь, капли приглушенно барабанили по палатке, по листве деревьев и сырой земле. Йоссариан разогрел для Орра банку консервированного супа и выхлебал суп сам, потому что иначе он бы остыл. Потом сварил для Орра несколько яиц и тоже съел их сам. А потом съел всю порцию чеддера

из сухого пайка.

Всякий раз, как его начинала томить тревога за Орра, он напоминал себе, что тот может справиться с чем угодно, и беззвучно смеялся над картиной, которую набросал ему в своем рассказе сержант Найт: Орр деловито и сосредоточенно склоняется над компасом с картой, жует, ухмыляясь, одну за другой солоноватые от морской воды шоколадные конфеты, а руки у него умело орудуют бесполезным крошечным веслом, и он плывет, куда надо, сквозь расхлеставшийся шторм, волоча за кормой плота длинную леску с наживкой для трески. Йоссариан не сомневался в способности Орра выжить, что бы с ним ни стряслось. Если на эту идиотскую наживку можно поймать какую-нибудь рыбину, то Орр ее, безусловно, поймает, и если он решит поймать треску, то поймает именно треску, пусть даже до сих пор никому ее здесь изловить не удавалось. Йоссариан разогрел на печке еще одну банку консервированного супа и снова выхлебал суп сам. Когда поблизости хлопала дверца автомобиля, он с широкой улыбкой поворачивал голову ко входу в палатку и старался услышать шорох приближающихся шагов. Он был уверен, что Орр может явиться в любое мгновение: войдет эта-

кий щекастый гномик с крупными, как у зайца, зубами и огромными, влажно сияющими то ли от счастья, то ли от дождика глазами, похожий на веселого торговца устрицами из Новой Англии, — желтая клеенчатая шляпа, громадный, размеров на десять больше, чем ему нужно, дождевик, а в руке зажата, на радость и удивление Йоссариану, гигантская снулая треска, которую ему удалось выловить по дороге к спасению.

Но Орр не явился.

Глава двадцать девятая
Долбинг

На следующий день никаких известий об Орре тоже не поступило, и сержант Уиткум, проявив похвальную расторопность, записал в свой блокнот напоминание самому себе послать, когда истекут контрольные девять суток, официальное письмо за подписью полковника Кошкарта ближайшим родственникам пропавшего без вести Орра. Между тем одно известие, хотя и не об Орре, они из штаба армии все же получили, и Йоссариан прочитал его у палатки КП под угрюмый гомон ничего не понимающих офицеров и солдат, столпившихся, кто в шортах, а кто просто в плавках, возле доски приказов. Подойдя поближе, Йоссариан услышал слова Обжоры Джо, обращенные, как он понял, к Белому Овсюгу.

— А чем, интересно, отличается ЭТО воскресенье от всех других? — сварливо допытывался Обжора Джо. — Почему, собственно, нам объявляют, что у нас не будет марш-парада именно в ЭТО воскресенье, если его не бывает никогда?

Йоссариан протолкался к доске приказов и,

прочитав немногословное объявление, испустил мучительно протяжный, длившийся чуть ли не целую минуту, стон. Объявление гласило:

ПО НЕ ЗАВИСЯЩИМ ОТ МЕНЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ МАРШ-ПАРАД В ЭТО ВОСКРЕСЕНЬЕ НЕ СОСТОИТСЯ.

ПОЛКОВНИК ШАЙСКОПФ

Доббз оказался прав: в действующую армию решено было отправить всех военнослужащих, даже бывшего лейтенанта, а ныне полковника Шайскопфа, который противился этому изо всех своих сил и явился к генералу Долбингу с докладом о прибытии в самом мрачном расположении духа.

Генерал Долбинг выслушал доклад, лучезарно улыбаясь, и сказал, что очень рад новому полковнику. Теперь, на его взгляд, он имел право добиваться пополнения своего штата двумя добавочными майорами, четырьмя добавочными капитанами, шестнадцатью добавочными лейтенантами и бесчисленным множеством добавочных писарей, письменных столов, сейфов, автомобилей и прочего насущного инвентаря, что должно было неимоверно повысить его престиж и убойную силу, потребную для реша-

ющего сражения с генералом Дридлом. У него в распоряжении было теперь два полковника, а у генерала Дридла — всего пять, причем четверо из них командовали полками и, значит, не могли, по занятости, бороться с полковниками генерала Долбинга. Без всяких ухищрений генерал Долбинг получил возможность удвоить свою дружину. Да и пил теперь генерал Дридл все больше. Короче, генерал Долбинг с бодрой уверенностью смотрел вперед и встретил нового полковника ослепительной улыбкой.

В серьезных делах генерал Д. Д. Долбинг был, как он обычно говаривал, когда собирался публично обругать своих товарищей по оружию, *сугубым реалистом.* Пятидесятитрехлетний, розовощекий и статный, он держался с небрежной непринужденностью и носил сшитую на заказ форму. Слегка близорукий, серебристо-седой, проницательно восприимчивый и утонченно фальшивый, с тонкими, но выпяченными вперед чувственными губами, он чутко подмечал любые человеческие слабости, кроме своих собственных, и почитал всех людей, за исключением себя самого, смехотворно недальновидными. Мельчайшие детали стиля и вкуса приобретали в глазах генерала Долбинга величайшее значение.

Незначительных событий, по его мнению, на свете не существовало, а будущие неизменно преображались у него в *предстоящие.* Он не объявлял приказов, имеющих целью повысить его авторитет и натолкнуть окружающих на мысль о необходимости расширить его полномочия, вплоть до руководства боевыми операциями, — он *составлял реляции.* А реляции всех других офицеров оказывались, на его взгляд, *ходульными, напыщенными* или *двусмысленными.* Чужие ошибки он всегда именовал *прискорбными*, про инструкции говорил, что их следует *принимать к исполнению*, а про собственные сведения утверждал, что они *суть безусловно достоверные. Под давлением обстоятельств* ему часто приходилось упоминать о *посягательстве на его прерогативы*, хотя делал он это исключительно *по велению возложенного на него долга,* и не устно, а непременно *изустно,* постоянно помня при этом, что *ни белого, ни черного цвета в природе не существует*, и обильно цитируя Платона, Ницше, Монтеня, Теодора Рузвельта, маркиза де Сада и Уоррена Гардинга. Новый слушатель вроде полковника Шайскопфа был воистину счастливой находкой для генерала Долбинга, который получил великолепную возможность излить на него

вдохновенные потоки искрометных эпиграмм и остроумных каламбуров, тонких намеков и глубоких суждений, изысканных умолчаний, язвительных замечаний и клеветнических утверждений. Любезно улыбаясь, он сразу же принялся знакомить полковника Шайскопфа с его новым окружением.

— Мои недостатки, — добродушно, но внимательно следя за реакцией слушателя, начал генерал Долбинг, — суть мои же пресуществленные достоинства.

Полковник Шайскопф даже не усмехнулся, и это поставило генерала Долбинга в тупик. Тяжелые предчувствия омрачили его радость. Он начал с одного из своих блистательнейших, неоднократно проверенных на практике парадоксов, но полковник Шайскопф выслушал его с абсолютно непроницаемым лицом, которое вдруг напомнило ему — как по фактуре, так и по цвету — желтоватый пористый ластик для мягкого карандаша. Возможно, он просто еще не обвыкся в новой обстановке после долгого пути, утешил себя генерал Долбинг. Он относился к своим подчиненным, будь то солдаты или офицеры, с покровительственной снисходительностью, утверждая, что если они сделают хотя бы один

шаг ему навстречу, то остальную часть пути он одолеет сам; но никто пока не сделал этого шага, саркастически усмехаясь, добавлял он. Генерал Долбинг считал себя утонченным интеллектуалом и, когда люди с ним не соглашались, призывал их к объективности.

Памятуя, что надо быть объективным, он ободряюще глянул на полковника Шайскопфа и, великодушно простив его, продолжил свои наставления.

— Вы прибыли как раз вовремя, Шайскопф, — сказал он. — Наше летнее наступление захлебнулось из-за плохого руководства, и мне катастрофически не хватало мужественного, опытного и думающего офицера, вроде вас, чтобы помочь нам в составлении реляции, которая, как мы надеемся, убедит людей, что наше подразделение не жалело усилий для достижения победы. Вам, надо полагать, неоднократно приходилось писать реляции, не так ли?

— Я военный, а не писатель, — угрюмо обронил полковник Шайскопф.

— Пусть это вас не беспокоит, — беззаботно махнув рукой, сказал генерал Долбинг. — Поручите работу кому-нибудь из ваших подчиненных, и дело с концом. У нас это называется распреде-

лением обязанностей. Где-то на низших уровнях в моем превосходно субординированном подразделении всегда находятся люди, которые добросовестно выполняют приказы, когда те до них доходят, и все устраивается в наилучшем виде без особых усилий с моей стороны. Я, видите ли, хороший администратор — это во-первых. А во-вторых, деятельность нашего подразделения не назовешь чересчур важной, и у нас не бывает особой спешки. Хотя, с другой стороны, люди должны считать, что мы делаем важное дело. Дайте мне знать, если вам понадобится подкрепление. Я уже написал рапорт о предоставлении нам двух дополнительных майоров, четырех капитанов и шестнадцати лейтенантов, которые поступят в ваше распоряжение. Наша деятельность, повторяю, не слишком важна, но важно, чтобы люди видели плоды нашего труда. Вы согласны?

— А как насчет марш-парадов? — спросил полковник Шайскопф.

— Каких марш-парадов? — удивился генерал Долбинг, начиная подозревать, что все его красноречие пропало впустую.

— Разве я не смогу проводить каждое воскресенье марш-парады? — раздраженно осведомился

полковник Шайскопф.

— Что вы! Конечно, нет! А откуда у вас такая идея?

— Мне говорили, что смогу.

— Кто вам говорил?

— Офицеры, которые отправляли меня в действующую армию. Они утверждали, что я смогу устраивать марш-парады хоть каждый день.

— Вас обманули, полковник.

— Но это же нечестно, сэр!

— Мне очень жаль, Шайскопф. Я готов помогать вам решительно во всем, чтоб вы чувствовали себя у нас как дома, но о парадах говорить, увы, не приходится. Наше собственное подразделение чересчур малочисленно для достойного марш-парада, а боевые части неминуемо взбунтуются, если мы потребуем, чтобы они занимались маршировкой. Нет, Шайскопф, вам придется подождать, пока мы возьмем кормило правления в свои руки. И тогда уж вы сможете делать все, что вам заблагорассудится.

— А как насчет моей жены? — с брюзгливой подозрительностью спросил полковник Шайскопф. — Ее-то я смогу сюда вызвать?

— Вызвать сюда жену? Да зачем вам это нужно?

— Муж и жена должны жить вместе.

— Об этом сейчас тоже говорить не приходится.

— Но мне сказали, что я смогу ее вызвать!

— Вас и тут обманули.

— Они не имели права меня обманывать! — с повлажневшими от негодования глазами воскликнул полковник Шайскопф.

— Имели, — холодно отрезал генерал Долбинг, решив сразу же проверить нового подчиненного на испуг. — Не будьте ослом, Шайскопф! Люди имеют право делать все, что не запрещено законом, а закона, который запрещал бы вас обманывать, насколько мне известно, нет. Зато **Я** запрещаю вам впредь отнимать у меня время на подобную чепуху! Ясно?

— Так точно, сэр, — промямлил полковник Шайскопф.

Он трусовато сник, и генерал Долбинг благословил судьбу, пославшую ему в подчиненные размазню. О человеке с твердым характером среди офицеров АСОРа он опасался даже подумать. А сейчас, победив, сразу же смягчился. У него не было привычки унижать своих подчиненных.

— Если ваша жена служит в Женском вспомогательном батальоне, — милостиво сказал

он, — ее, пожалуй, можно сюда вызвать. Но ЖВБ — непременное условие вызова.

— У нее есть подруга из Женского вспомогательного батальона, — с надеждой припомнил полковник Шайскопф.

— Боюсь, что этого недостаточно. Если б миссис Шайскопф пожелала вступить в ЖВБ, то я, по всей вероятности, смог бы ее вызвать. А сейчас, дражайший полковник, давайте-ка займемся, если у вас нет возражений, нашими боевыми делишками. — Генерал Долбинг встал и подошел к вращающейся стойке с огромными цветными картами. — Обстановка, коротко говоря, такова…

— Но мы ведь не будем участвовать в боях? — побледнев от ужаса, выкрикнул полковник Шайскопф.

— Конечно, нет, — снисходительно сказал генерал Долбинг и компанейски усмехнулся. — Вы все же должны хотя бы немного мне доверять. Именно поэтому мы и расквартированы пока в Риме. Флоренция устроила бы меня гораздо больше — из-за близости к рядовому экс-первого класса Уинтергрину, — однако чересчур близкая линия фронта препятствует нам сейчас туда передислоцироваться. — Генерал Долбинг поднял деревянную указку с резиновым наконечником

и широким волнистым движением перечеркнул Италию от побережья до побережья. — Здесь, видите ли, укрепились немцы, Шайскопф. Они вгрызлись в эти горы, создав необычайно прочную, так называемую Готскую, линию обороны, которую нам не удастся прорвать, по моим расчетам, до начала лета, хотя близорукие увальни из нашего строевого командования и попытаются, вероятно, это сделать, совершив, как всегда, прискорбную ошибку. Таким образом, наша спецслужба имеет в распоряжении около девяти месяцев для решения стоящих перед нами задач. А главная наша задача — захватить все бомбардировочные соединения военно-воздушных сил США. Ведь если бомбардировку врага с неба не именовать спецслужбой, — сказал генерал Долбинг и отрепетированно раскатисто рассмеялся, — то совершенно непонятно, как ее тогда именовать. Вы согласны? — Полковник Шайскопф ничем не выразил своего согласия, однако генерал Долбинг был уже слишком заворожен собственным красноречием, чтобы это заметить. — Наше положение следует назвать превосходным. К нам постоянно прибывают пополнения — и вы, в частности, тому пример, — а времени у нас для тщательной разработки

стратегии больше чем достаточно. Наша первоочередная цель вот здесь. — Генерал Долбинг сместил кончик указки к югу и многозначительно упер его туда, где возле острова Пьяноса было выведено гримировальным карандашом четкое, написанное печатными буквами слово — ДРИДЛ.

Полковник Шайскопф сощурился, подошел к карте почти вплотную, и на его дубоватом лице, впервые с тех пор, как он появился в комнате, проступило тусклое подобие мысли.

— Кажется, я начинаю понимать! — воскликнул он. — Да-да, я, безусловно, вас понял. Наша первоочередная цель — захватить Дридла, попавшего в руки врагов. Так?

— Нет, Шайскопф, — со снисходительной усмешкой ответствовал генерал Долбинг. — Дридл не попал в руки врагов и воюет на стороне союзных войск, однако он враг. Под его командованием сражается в настоящее время четыре бомбардировочных полка, которые мы просто обязаны захватить, чтобы продолжить наше наступление. Победа над генералом Дридлом даст нам в руки авиацию, равно как и некоторые другие жизненно важные средства, для последующих операций. Притом победа эта, можно

сказать, уже одержана. — Снова негромко рассмеявшись, генерал Долбинг прошествовал к окну, облокотился на подоконник и по-наполеоновски скрестил на груди руки, вполне довольный своим тонким умом, глубоким знанием дела и дерзновенной решительностью. Искусно подбираемые слова в этой острой беседе наполняли его приятным возбуждением. Генерал Долбинг получал огромное удовольствие от своих разговоров, особенно когда он говорил о себе самом. — Генерал Дридл решительно не умеет со мной бороться, — похвастал он. — Я постоянно вмешиваюсь в дела, относящиеся к его компетенции, анализируя и критически освещая события, которые не имеют к моим обязанностям ни малейшего отношения, а ему никак не удается мне противостоять. Когда он утверждает, что я плету против него интриги, мне ничего не стоит объяснить мои действия по выявлению его прискорбных ошибок заботой об оптимизации наших военных усилий путем устранения досадных просчетов. Притом я объявляю, что действую исключительно по велению возложенного на меня долга, и невинно спрашиваю, есть ли у него возражения против оптимизации наших военных усилий. Он, конечно, ворчит и злится, свирепеет и рычит, а

возразить-то ему нечего. Он безнадежно отстал от жизни. Его песенка, как говорится, спета. Совершенно очевидно, что генералом он стал по недоразумению. У него нет стиля, решительно нет стиля. Но теперь-то долго он, слава богу, не протянет. — Генерал Долбинг, испытывая веселое удовлетворение, самодовольно усмехнулся и плавно выплыл к своей излюбленной высокоинтеллектуальной шутке. — Я, знаете ли, порой напоминаю себе Фортинбраса, — он приятно хохотнул, — персонажа из пьесы Уильяма Шекспира «Гамлет», который осторожно кружит, поджидая удобного момента, пока все препятствия на пути к задуманному им предприятию не рассыплются в прах, а потом пожинает все лучшие плоды. Уильям Шекспир…

— Я не разбираюсь в пьесах, — туповато отрубил полковник Шайскопф.

Генерал Долбинг оторопел. Никогда еще его ссылка на шекспировский шедевр не была столь грубо оборвана и растоптана. Он встревоженно подумал, что за дуболома навязал ему Пентагон.

— А в **чем** вы разбираетесь? — едко спросил он.

— В маршировке, — бодро ответил полковник Шайскопф. — Вы разрешите мне прислать вам

мои заметки о марш-парадах?

— Разрешу, — все еще хмурясь и усаживаясь за свой стол, сказал генерал Долбинг, — если вы не будете вставлять марш-парады в график работы. И если они не помешают вам заниматься вашими прямыми обязанностями — составлением реляций о необходимости расширения полномочий нашей спецслужбы, вплоть до руководства боевыми операциями.

— А могу я вставлять их в график работы, а потом отменять?

— Прекрасная идея! — мгновенно оживившись, воскликнул генерал Долбинг. — Только отменяйте их сразу, без предварительного включения в график. Это внесет неизмеримо больше путаницы. — Генерал Долбинг уже опять излучал дружелюбную сердечность. — Да, Шайскопф, — сказал он, — мне кажется, что вы набрели на замечательную мысль. Ну кто в самом деле, будь он хоть трижды боевой генерал, сможет возразить против извещения о том, что марш-парад не состоится? Мы просто подтвердим общеизвестную истину. Но подспудный смысл этого извещения далеко не прост. Да, Шайскопф, у вас, видимо, светлая голова. Ведь наше извещение таит в себе утверждение, что мы могли бы и не

отменить марш-парад. Вы положительно начинаете мне нравиться, Шайскопф. Не забудьте уведомить полковника Каргила, когда будете ему представляться, какая на вас возложена задача. Думается, вы найдете друг с другом общий язык.

Минуту спустя в кабинет генерала Долбинга ворвался напуганный и возмущенный полковник Каргил.

— Я служу здесь дольше, чем полковник Шайскопф! — удрученно запротестовал он. — Почему вы не поручили извещать об отмене парадов мне?

— Потому что у него есть опыт по части маршпарадов, а у тебя нет. Однако ты можешь извещать о несостоявшихся выступлениях АСОРов. Представь себе, сколько мест не посещают наши АСОРы в каждый данный момент. Подумай, где только не смогут побывать наши славные артисты! Да, Каргил, это удачная мысль. Перед нами открывается воистину широчайшее поле деятельности. Скажи полковнику Шайскопфу, что я поручаю ему работать над этой темой под твоим руководством. И пошли его снова ко мне, когда дашь ему необходимые инструкции.

— Полковник Каргил утверждает, что вы поручили мне работать под его руководством над

проектом нерассылки АСОРов, — удрученно запротестовал полковник Шайскопф.

— Напрасно он это утверждает, — отозвался генерал Долбинг. — Откровенно говоря, Шайскопф, меня не очень устраивает полковник Каргил. Он властолюбив и нерасторопен. Присмотритесь к нему и подумайте, не удастся ли вам взять часть его работы на себя.

— Он все время сует нос в мои дела, — ворчливо пожаловался полковник Каргил, — и постоянно мешает мне закончить начатую работу.

— Да, у него немало странностей, — раздумчиво согласился генерал Долбинг. — Присмотрись к нему и постарайся понять, что он замышляет.

— Он лезет в мои дела, — плаксиво пожаловался полковник Шайскопф.

— Пусть это вас не беспокоит, Шайскопф, — сказал ему генерал Долбинг, с гордостью думая, как искусно включил он полковника Шайскопфа в свою обычную систему руководства людьми. Полковники уже едва разговаривали друг с другом. — Он завидует вашим прекрасным достижениям на поприще марш-парадов и боится, что я назначу вас ответственным за модельное бомбометание.

— А что это такое? — навострив уши, спросил

полковник Шайскопф.

— Что такое модельное бомбометание? — повторил, искрясь усмешливым самодовольством, генерал Долбинг. — Модельное бомбометание — это термин, который я изобрел пару месяцев назад. Он ничего не значит, и, однако, его поразительно быстро подхватили чуть ли не все. Мне удалось убедить самых разных людей, что главное в бомбометании — модельная кучность, неплохо украшающая аэрофотоснимки. На Пьяносе, к примеру, есть один полковник, который теперь почти не озабочен при бомбардировке поражением цели. Надо, пожалуй, к нему сегодня слетать, он занятный человек. Это превосходно распалит зависть Каргила, а генерал Дридл, как сообщил мне Уинтергрин, отбывает на Сардинию. Он, я думаю, просто спятит от ярости, узнав, что я инспектировал один из его полков, пока он инспектировал другой. Мы можем успеть туда к предварительному инструктажу. Они собираются стереть с лица земли не прикрытую зенитной защитой деревеньку. Я узнал от Уинтергрина — он теперь, кстати, экс-сержант, — что этот налет никому не нужен. Его запланировали, чтобы задержать подход германских пополнений, когда у нас даже не намечается наступления. Вот что

бывает, если к власти пробираются посредственности. — Генерал Долбинг указал вялым жестом на огромную карту Италии. — Эта деревенька в горах настолько незначительна, что картографы не сочли необходимым обозначить ее на карте.

Прилетев к полковнику Кошкарту, они узнали, что предварительный инструктаж уже закончен, и услышали, как майор Дэнби упрямо твердит:

— Да есть она, есть, говорю же вам, есть!

— Где это она тут есть? — нагло наседал на него Дэнбар, притворяясь, что ничего не видит.

— Вот она, здесь, где дорога делает плавный поворот. Вы же видите поворот?

— Не вижу, — упирался Дэнбар.

— А я вижу, — объявил Хавермейер и ткнул пальцем на карте Дэнбара в то место, где дорога делала поворот. — Притом на снимках отлично видна и сама деревушка. Мне все понятно. Мы должны разбомбить эту деревушку, чтобы обломки скатились на дорогу и образовали завал, который немцам придется разбирать. Верно?

— Совершенно верно, — подтвердил майор Дэнби, вытирая носовым платком вспотевший лоб. — Наконец-то хоть один из вас понял. Две бронетанковые дивизии, перебрасываемые немцами из Австрии в Италию, пойдут по этой

дороге. А деревушка притулилась на таком крутом склоне, что все обломки домов, которые вы разрушите, обязательно скатятся на дорогу.

— Ну и что из того? — не сдавался Дэнбар, воодушевляемый взволнованно льстивым взглядом Йоссариана. — Немцы расчистят дорогу за пару дней, так что наша бомбардировка ни черта не изменит.

— Так-то оно так, — примирительно пробормотал майор Дэнби, явно не желая продолжать спор, — но в штабе думают по-другому. Иначе они не послали бы нас на это задание.

— А жители деревушки предупреждены? — спросил Маквот.

— Боюсь, что нет, — промямлил майор Дэнби, испуганный больше всего тем, что и Маквот примкнул к оппозиции.

— Неужто им не могли сбросить листовки с предупреждением, что их собираются бомбить? — поддержал Маквота Йоссариан. — Или если уж нельзя с официальным предупреждением, то хотя бы с намеком?

— Боюсь, что нет, — повторил майор Дэнби, снова взмокнув от пота и растерянно пряча взгляд. — Немцы ведь могли бы тоже догадаться и выбрать другую дорогу. А в общем я ничего не

знаю. Это только мои предположения.

— Они даже не станут прятаться, — с горечью сказал Дэнбар. — Увидят наши самолеты и выскочат всей деревней на улицу — мальчишки, собаки, старики, — чтобы приветственно нам помахать. Господи, ну почему мы не можем оставить их в покое?

— А почему бы нам не устроить завал на дороге где-нибудь в другом месте? — спросил Маквот. — Зачем бомбить деревушку?

— Да не знаю я! — затравленно воскликнул майор Дэнби. — Не знаю, понимаете? Но ведь должны же мы хоть немного доверять нашему командованию, верно? Там знают, что делают, когда дают нам приказы.

— Черта с два они знают, — сказал Дэнбар.

— Ну? В чем дело? — лениво поинтересовался подполковник Корн, неспешно протолкавшись к ним по инструктажной — руки засунуты в карманы брюк, а желтовато-коричневая рубаха пузасто встопорщена.

— Да нет, все в порядке, — нервически отозвался майор Дэнби, думая утаить их спор.

— Они не желают бомбить деревню, — выдавая его, с ухмылкой ответил Хавермейер.

— Ну, ублюдок! — сказал Йоссариан Хавер-

мейеру.

— Оставьте Хавермейера в покое! — осадил Йоссариана подполковник Корн, но, сразу же вспомнив, что именно Йоссариан цеплялся к нему по пьяной лавочке в офицерском клубе накануне первой бомбардировки Болоньи, посчитал за благо переключить свое раздражение на Дэнбара. — Почему вы отказываетесь бомбить деревню? — спросил он его.

— Потому что это жестоко, вот почему.

— Жестоко? — с холодной насмешкой переспросил подполковник Корн, преодолев секундный испуг при виде откровенной враждебности Дэнбара. — А не жестоко будет пропустить в Италию эти две бронетанковые дивизии, чтоб они ударили по нашим наземным частям? Среди них ведь окажутся и американцы. Вы хотите, чтобы пролилась американская кровь?

— Она и так все время льется. А жители этой деревушки никого не трогают. Так какого дьявола мы не можем оставить их в покое?

— Вам-то, конечно, легко тут разглагольствовать, — язвительно сказал подполковник Корн. — Вы здесь на Пьяносе отсидитесь в полной безопасности. Вас не страшит их удар, верно я говорю?

Дэнбар покраснел и, словно бы защищаясь, спросил:

— Да почему мы не можем устроить завал где-нибудь в другом месте? Почему должны разбомбить деревню?

— Вы предпочли бы слетать еще разок на Болонью? — Подполковник Корн задал свой вопрос отнюдь не громко, однако он прозвучал как оглушительный выстрел, и в инструктажной воцарилась тревожная, зловещая тишина. Йоссариан, стыдясь самого себя, молил всевышнего, чтобы Дэнбар промолчал. Тот опустил взгляд, и подполковник Корн понял, что одержал победу. — Значит, нет? — с откровенной издевкой продолжал он. — Так вот, имейте в виду, что полковнику Кошкарту и мне очень нелегко было выбить для вас этот плевый налет. А если вам больше хочется слетать на Болонью, Специю или Феррару, то мы это легко устроим. — Глаза у него за стеклами очков без оправы опасно блеснули, а землисто-серые челюсти угрожающе сжались, резко очертив квадратно каменный подбородок. — Только скажите.

— А что? Я бы слетал, — самоуверенно ухмыльнувшись, похвастался Хавермейер. — Мне нравится тянуть неизменным курсом над Боло-

ньей: уткнешься в прицел и слушаешь музыку взрывов. А больше всего мне нравится наблюдать и слушать после бомбардировки, как меня поносят наши герои. Даже нижние чины настолько храбреют, что ругают меня потом на чем свет стоит и обещают переломать мне все кости.

Подполковник Корн ласково потрепал Хавермейера по подбородку и, ничего ему не ответив, обратился с ледяной безучастностью в голосе к Йоссариану и Дэнбару:

— Клянусь вам, что полковник Кошкарт и я — мы оба глубоко удручены судьбой этих вшивых итальяшек в горах. Mais c'est la guerre.[25] Помните, что войну начала Италия, а не мы. Что агрессорами следует называть итальянцев, а не нас. И что наша жестокость только бледное подобие той жестокости, с которой все эти итальянцы, немцы или, скажем, китайцы относятся к самим себе. — Подполковник Корн дружелюбно положил руку на плечо майору Дэнби и без всякого дружелюбия сказал: — Заканчивайте инструктаж, Дэнби. И не забудьте разъяснить им всем особую важность модельной кучности при бомбардировке именно сегодня.

---

[25] Примечания: 25
Но война есть война *(франц.)*.

— Что вы, подполковник! — удивленно выпалил майор Дэнби. — Здесь же кучность не нужна. Я приказал им класть бомбы с интервалом в шестьдесят футов, чтобы устроить завал на дороге по всей длине деревни. Завал получится гораздо надежней при рассеянном сбросе бомб.

— До завала нам дела нет, — холодно сообщил ему подполковник Корн. — Полковнику Кошкарту нужны аэрофотоснимки, которые не стыдно послать начальству. Помните, что ко всеобщему инструктажу сюда прибудет генерал Долбинг, а вам должно быть известно его отношение к моделированию бомбометания. И, кстати, поторапливайтесь-ка, Дэнби, чтобы сгинуть отсюда до его прибытия. Он вас не выносит.

— Вы ошиблись, подполковник, — услужливо доложил ему майор Дэнби. — Меня не выносит генерал Дридл.

— Генерал Долбинг тоже вас не выносит. Вы, скажу вам по секрету, абсолютно невыносимы. Так что закругляйтесь, Дэнби, и катитесь отсюда. Я сам проведу инструктаж.

— А где майор Дэнби? — спросил полковник Кошкарт, прибывший вместе с генералом Долбингом и полковником Шайскопфом на общий инструктаж.

— Он попросил разрешения уйти, как только увидел вашу машину, — ответил подполковник Корн. — Ему кажется, что генерал Долбинг его не выносит. Да я, впрочем, так и так собирался провести инструктаж сам. У меня это получается гораздо лучше.

— Прекрасно, — сказал полковник Кошкарт. — Ни в коем случае, — сказал он секунду спустя, вспомнив, *как* хорошо это получилось у подполковника Корна при генерале Дридле перед первым налетом на Авиньон. — Я сам проведу инструктаж.

Полковник Кошкарт, пришпоренный уверенностью, что он один из любимцев генерала Долбинга, лихо повел инструктаж, хрипло, с благодушной грубостью выхаркивая подчиненным безапелляционные приказы, как это делал обыкновенно генерал Дридл. Он был уверен, что прекрасно смотрится на дощатом возвышении в своей распахнутой у ворота форменной рубахе, со своими волнистыми, коротко подстриженными, серебрящимися сединой волосами и богато инкрустированным мундштуком в правой руке. Он бойко выгавкивал инструктажные банальности, умело имитируя даже некоторые характерные для генерала Дридла неправильности произно-

шения, причем его нисколько не смущал новый полковник, приехавший вместе с генералом Долбингом, — пока ему внезапно не пришло в голову, что генерал Долбинг ненавидит генерала Дридла. Он дал петуха, и его уверенность мигом улетучилась. Говорить он машинально продолжал, но все время запинался, сжигаемый унизительным страхом, который внушал ему теперь полковник Шайскопф. Новый полковник означал нового соперника, нового ненавистника и врага. А характер у него был, по всей вероятности, непреклонно дубовый. И вдобавок полковника Кошкарта опалило кошмарное подозрение: а вдруг полковник Шайскопф уже подкупил всех его офицеров, чтоб они начали охать, как во время инструктажа перед первым налетом на Авиньон? Тогда их утихомирил генерал Дридл, а что сможет сделать он? Ох, не оказался бы этот проклятый инструктаж опасней всех прочих застрявших у него в горле костей! Он так испугался, что едва не позвал на помощь подполковника Корна. Однако все же справился с собой и приступил к синхронизации часов. А когда синхронизация была завершена, опасность почти миновала, поскольку он мог теперь закончить инструктаж в любую минуту. Ему удалось одолеть беду, и он почти победил. Ему

хотелось расхохотаться полковнику Шайскопфу в лицо — мстительно, издевательски и победно. Он с честью выдержал испытание и вдохновенно завершил инструктаж на мастерской, по его глубочайшему убеждению, ноте, явив аудитории пример красноречивой тактичности и утонченной любезности.

— А теперь, парни, — провозгласил он, — я рад напомнить вам, что нас посетил высокоуважаемый гость, начальник армейского спецуправления генерал Долбинг, благодаря которому мы смотрим выступления АСОРов, в изобилии получаем бейсбольные биты и прекрасные книги комиксов. Я хочу посвятить наш боевой вылет ему. Отправляйтесь на бомбардировку, парни, — за меня, за бога, за отечество, а главное, за великого американца генерала Долбинга — и смоделируйте бомбометание так, чтобы все ваши бомбы легли, как пули в «десятку» у меткого стрелка.

Глава тридцатая
Дэнбар

Йоссариану было теперь наплевать, куда лягут его бомбы, однако он действовал все же осмотрительнее, чем Дэнбар, который сбросил бомбы, только улетев за несколько сот ярдов от деревни, и мог попасть под военный трибунал — если бы командование сумело доказать, что он сделал это намеренно. Не сказав ни слова даже Йоссариану, он решил пощадить мирных жителей деревушки, чтобы остаться совершенно чистым. Падение с койки в госпитале то ли прочистило, то ли окончательно затуманило ему мозги, думал Йоссариан, не зная, на какой версии остановиться.

Дэнбар почти перестал смеяться и казался конченым человеком. Он злобно дерзил командирам и угрюмо богохульствовал при капеллане, который начал его бояться и тоже казался конченым человеком. Паломничество к Уинтергрину обернулось бесплодным унижением — еще одно святилище опустело, и капеллан утратил едва ли не последнюю надежду на высшую справедливость. Сам Уинтергрин был слишком занят, чтобы

принять капеллана. А его нахальный помощник, одарив посетителя ворованной зажигалкой, снисходительно объяснил ему, что, целиком поглощенный делами военного времени, Уинтергрин просто не может уделять внимание таким пустякам, как норма боевых вылетов в одном из полков. Капеллан боязливо беспокоился за Дэнбара и тревожно жалел Йоссариана — особенно с тех пор, как пропал без вести Орр. Прекрасно зная, каково приходится одному в просторной палатке, которая напоминала ему по ночам склеп, капеллан не мог поверить, что Йоссариан действительно хочет жить один.

А Йоссариан, снова назначенный ведущим бомбардиром, опять получил в пилоты Маквота, и это его немного утешило, хотя он по-прежнему чувствовал себя почти не защищенным от смерти. У него не было возможности защищаться. Он не видел даже пилотов со своего места в носу кабины у бомбардировочного прицела. Он видел только Аафрея, и его самодовольное круглое, как полная луна, лицо становилось ему порой до того омерзительным, что он мечтал, сжигаемый яростью и отчаянием, снова потерять звание ведущего бомбардира и опять оказаться в ведомом самолете, но не у прицела, который был ему

теперь мучительно ненавистен, а у пулемета с круговым обстрелом — у мощного, скорострельного, крупнокалиберного пулемета, — чтобы мстительно расстрелять всех терзающих его демонов: дымные вспышки зенитных разрывов, похожие, как ему казалось, на омерзительно живые плотоядные цветы; немецких зенитчиков, которых он никогда не видел и, вероятно, не смог бы причинить вреда, даже если б успел открыть по ним огонь; а прежде всего Эпплби и Хавермейера в ведущем самолете за их выполненный точно по инструкции боевой курс при третьей бомбардировке Болоньи, когда снаряд, выпущенный одним из ста двадцати четырех замаскированных там зенитных орудий, подорвал в последний раз у Орра мотор и ему пришлось совершить вынужденную посадку на воду где-то между Генуей и Специей незадолго до короткого, но бурного шторма.

Хотя на самом-то деле Йоссариан ничего не смог бы изменить в своей судьбе, даже окажись у него в руках этот мощный крупнокалиберный пулемет, — ему удалось бы только зарядить его да сделать несколько пробных очередей. От пулемета было так же мало проку, как от бомбардировочного прицела. Он, правда, мог бы

отстреливаться из него от атакующих истребителей, но истребители у немцев давно перевелись, и ему даже не удалось бы повернуть пулемет внутрь самолета, чтобы приказать, под угрозой расстрела, беспомощным Доббзу и Хьюплу возвращаться на базу, как он приказал однажды Крохе Сэмпсону, пригрозив размозжить ему за ослушание башку, и как он хотел приказать Доббзу с Хьюплом, внезапно оказавшись при первом, воистину гибельном, налете на Авиньон в шестерке Эпплби и Хавермейера с Хьюплом и Доббзом за штурвалами своего ведомого самолета. Доббз и Хьюпл? Хьюпл и Доббз? Да почему он должен был вверять им свою судьбу?! И что за бешеное, оглашенное сумасшествие загнало его вверх, на двухмильную высоту, где его иллюзорно защищали от смерти фиговые листочки самолетной обшивки да два скудоумных, чокнутых чужака, якобы умеющие управлять самолетом, — безусый юнец по фамилии Хьюпл и давно потерявший голову Доббз, который однажды по-настоящему спятил, вырвал штурвал у щуплого Хьюпла и бросил машину в гибельное пике, так, что Йоссариан припечатался головой к прозрачному колпаку передней кабины, выдрав штекер переговорного устройства из пружинного

гнезда на приборной доске, а когда Хьюпл все же выровнял самолет, их опять накрыл зенитный огонь, от которого они удрали до этого вверх. И потом он услышал, что еще один чужак — стрелок-радист по фамилии Снегги — замерзает до смерти в хвосте самолета. Трудно было решить, Доббз ли его убил, поскольку Йоссариан, вставив штекер в гнездо, сразу услышал, как опсихевший Доббз умоляет, чтоб кто-нибудь спас бомбардира. И сразу же подключился умирающий Снегги. «На помощь! На помощь! Мне холодно! Мне холодно!» — чуть слышно звучал в наушниках его голос. Йоссариан медленно прополз по туннелю, пробрался над бомбовым отсеком в хвост — мимо коробки с санитарной сумкой, за которой ему предстояло вернуться, чтоб умело и быстро наложить жгут, поспешно выбрав неверную рану — кровоточащую, глубокую и широкую траншею, зияющую на внешней стороне бедра, в которой шевелились, как слепые змеи, каждая на свой особый манер, несколько не разорванных осколком мышц, хотя разорванные тоже шевелились, а верней, конвульсивно и вразнобой дергались, — эта нафаршированная рваными мышцами рана, протянувшаяся в длину почти что на фут, вселила в Йоссариана сочувственный ужас, и его едва

не стошнило на Снегги. А рядом со Снегги лежал без сознания хвостовой стрелок с побелевшим лицом, и Йоссариан ринулся сначала к нему.

Да, при прочих равных условиях летать с Маквотом было гораздо безопасней, однако с Маквотом ему постоянно грозила гибельная опасность, потому что Маквот слишком любил летать и волочил Йоссариана в каких-нибудь нескольких дюймах от земли, возвращаясь на бреющем полете с учебного полигона, куда их посылали, чтобы натаскать нового бомбардира из экипажа пополнения, затребованного полковником Кошкартом после пропажи Орра. Полигон был устроен на противоположном от расположения их эскадрильи берегу Пьяносы, и, возвращаясь оттуда, Маквот медленно тянул почти вплотную к склонам горного хребта, делившего остров напополам, а когда вскарабкался — именно вскарабкался! — наверх, сразу же вывел двигатели на полную мощность, накренил самолет в крутом вираже на крыло и, отдав штурвал вперед, помчался, к ужасу Йоссариана, вниз, весело покачивая крыльями и удерживая тяжелую, гулко рычащую машину в нескольких дюймах от скалистого склона, так что они дрыгались вроде обезумевшей чайки над бурыми волнами,

да только вот под ними-то вместо морских волн дыбились зазубренные твердокаменные скалы. Йоссариан оцепенел. Губы нового бомбардира растянулись в застывшей, завороженной улыбке, но он ухитрялся при этом еще и радостно присвистывать — фьиу!.. фьиу!.. фьиу!.. — вызывая у Йоссариана бешеное желание размозжить кулаком его идиотскую морду, которое, однако, он все не успевал осуществить, потому что непрерывно отшатывался от несущихся ему навстречу утесов и скал или вдруг нависающих над ним ветвей, тут же ныряющих каким-то чудом под кабину. Никто не имел права подвергать его жизнь такому страшному риску!

— Вверх, вверх, круто вверх, выродок, вверх! — истошно заорал он Маквоту, мгновенно проникшись к нему ядовитой ненавистью, но Маквот, жизнерадостно напевая — его растреклятая песенка звенела в наушниках Йоссариана, — очевидно, не слышал. Йоссариан, сжигаемый злобой и мучительной — почти до рыданий — жаждой мщения, ужом ввинтился в тесный туннель, с трудом преодолел увеличенную крутым спуском силу тяжести, вылез из туннеля в центральном отсеке, вспрыгнул на приподнятый пол пилотской кабины и подскочил, трясясь от ярости, к

Маквоту. Ему бы сейчас пистолет мертвеца — увесистый исчерна-серый пистолет сорок пятого калибра, — чтобы, заслав патрон в ствол, сладострастно прижать его к затылку Маквота. Но пистолета у него не было. Не было и охотничьего ножа или какого-нибудь другого оружия, которым он мог бы полоснуть по открытой шее, а еще лучше — пырнуть в затылок Маквота, поэтому он ухватил его за ворот комбинезона, изо всех сил встряхнул и заорал, чтобы он шел, паскудина, вверх, вверх, круто вверх! Утесы, скалы и ветви деревьев по-прежнему неслись со всех сторон им навстречу, ускользая в последний момент под кабину. Маквот оглянулся на Йоссариана и радостно засмеялся, как бы предлагая ему разделить с ним его кретинскую радость. Пальцы Йоссариана скользнули вниз, он обхватил ими шею Маквота и злобно сдавил ее. Маквот напрягся.

— Вверх! — отчетливо, угрожающе и негромко приказал ему сквозь зубы Йоссариан. — Придушу, сволочь! Вверх!

Стараясь не шевелиться, Маквот плавно потянул штурвал на себя, и машина стала медленно набирать высоту. Пальцы Йоссариана разжались, руки соскользнули с плеч Маквота и обессиленно повисли. Он уже не злился. Ему было стыдно.

Когда Маквот ввел самолет в набор высоты, Йоссариану мгновенно опротивели собственные руки, и он очень захотел очутиться где-нибудь за тридевять земель, чтобы их похоронить. Они казались ему мертвыми.

Маквот испытующе посмотрел на Йоссариана, и во взгляде его не было ни малейшего дружелюбия.

— Да, парень, — холодно сказал он, — ты, видать, дошел.

Тебе пора домой.

— Так кто ж меня отпустит? — выговорил, опуская глаза, Йоссариан и попятился.

Спустившись из пилотской кабины в средний отсек, Йоссариан сел на пол и сокрушенно понурил голову. Все его тело покрывала испарина.

Маквот взял курс на аэродром. Йоссариан тоскливо думал, отправится ли, приземлившись, Маквот в оперативную палатку к Птичкарду с Краббсом, чтобы попросить никогда не назначать его в один экипаж с Йоссарианом, как сделал тайком он сам, попросив не назначать его в один экипаж с Доббзом, Хьюплом и Орром, а потом — правда, уже безуспешно — и с Аафреем. Он ни разу раньше не видел, чтоб Маквот был чем-нибудь раздражен, тот всегда пребывал в прекрасней-

шем расположении духа, и он тоскливо думал, что потерял, наверно, еще одного друга.

Однако, приземлившись и вылезая из самолета, Маквот ободряюще ему подмигнул, а потом, когда они ехали в джипе к расположению своей эскадрильи, весело подшучивал над доверчивыми новичками, пилотом и бомбардиром, хотя все же ни разу не обратился прямо к Йоссариану, пока, после сдачи парашютов, они не остались вдвоем. И вот тут-то, шагая рядом с Йоссарианом к их палаткам, Маквот вдруг весело расхохотался, его загорелое, угловато-веснушчатое лицо покрылось лучиками смешливых морщинок, и он шутливо ткнул Йоссариана кулаком в ребра.

— Ну так что, злыдень, — посмеиваясь, сказал он, — ты и правда собирался меня придушить?

— Да нет, — покаянно улыбнувшись, отозвался Йоссариан. — Конечно, нет!

— Я не знал, что тебе так худо... И мне, признаться, даже непонятно — почему ж ты об этом никому не говорил?

— Миллион раз всем говорил. Что с тобой? Неужто ты никогда не слышал?

— Так я думал, ты не всерьез.

— А тебе самому разве не страшно?

— Да в том-то и дело, что вроде бы нет.

— Даже на боевом курсе?

— У меня, наверно, не хватает мозгов, чтобы бояться, — смущенно признался Маквот.

— Мне со всех сторон угрожает смерть, — сказал Йоссариан, — а тут еще и ты выискиваешь, как бы меня угробить.

— Стало быть, я должен здорово тебя пугать, когда «брею» твою палатку, а? — еще раз усмехнувшись, предположил Маквот.

— Ты пугаешь меня до полусмерти. Я же тысячу раз тебе говорил.

— Да мне, понимаешь ли, казалось, что ты жалуешься только на рев двигателей, — смиренно пожав плечами, сказал Маквот. — Двум смертям не бывать, на одну наплевать, — пропел он. — И все же надо это, видимо, прекратить.

Однако Маквот был неисправим и, оставив в покое палатку Йоссариана, по-прежнему летал при каждом удобном случае почти впритирку к морю и песку над берегом с купальщиками из их эскадрильи, проносясь, будто пугающе низкая молния, за которой катился оглушительно рокочущий гром, над плотом и уединенной низинкой между дюн, где Йоссариан укромно полеживал с мисс Даккит или играл в карты с Нетли, Дэнбаром и Обжорой Джо.

Йоссариан и мисс Даккит встречались, когда были свободны после обеда, почти каждый день, а встретившись, отправлялись на пляж и сидели там в уютной низинке, отделенные грядой дюн чуть ниже человеческого роста от песчаной косы, где резвились голые купальщики. Иногда к Йоссариану с мисс Даккит присоединялись Нетли, Дэнбар и Обжора Джо. Маквот появлялся немного реже, зато Аафрей притаскивался почти каждый день — пухлый, чопорный и в полной военной форме, причем даже на берегу он снимал только фуражку и башмаки, а в воду вообще никогда не лазил. Остальные сидели на песке в плавках — из уважения к мисс Даккит и мисс Крэймер, которая тоже ежедневно приходила на пляж и надменно сидела ярдах в десяти от компании Йоссариана. Никто из них, кроме Аафрея, не обращал внимания на голых купальщиков за грядой дюн, принимавших солнечные ванны или прыгавших в воду с огромного плота, который покачивался, колеблемый ленивыми волнами, на пустых бочках из-под горючего неподалеку от песчаной косы. Мисс Крэймер сидела в гордом одиночестве, потому что не любила Йоссариана и осуждала мисс Даккит.

Медсестра Сью Энн Даккит с трудом выносила

Аафрея, и это была одна из многих ее особенностей, очень нравившихся Йоссариану. Ему нравились ее длинные белые ноги и полные округлые бедра; он часто забывал, что от талии и выше она была стройной и хрупкой, а поэтому слишком крепко сжимал ее порой в объятиях. Ему нравилась ее спокойная покорность, проявлявшаяся, когда они оставались на берегу после наступления сумерек вдвоем. Рядом с нею он почти всегда ощущал необычное для него умиротворение. Ему постоянно хотелось притронуться к ней, почувствовать ее физическую близость. Играя в карты, он легонько обхватывал пальцами ее лодыжку или машинально поглаживал собственнической, но почтительной рукой хрупкие, словно раковинки, позвонки ее спинного хребта… Она без смущения, даже немного нарочито показывала при всех свою преданность ему, и это постоянно подогревало его любовь. Обжоре Джо тоже хотелось физически ощутить ее близость, и Йоссариану нередко приходилось унимать его подчеркнуто предостерегающим взглядом. Мисс Даккит флиртовала с Обжорой Джо, чтобы он не остывал, и, когда Йоссариан резко тыкал ее локтем под ребра, в светло-карих глазах у нее вспыхивали озорные искорки.

Карты лежали обычно на полотенце, нижней рубахе или одеяле, и, пока мужчины играли, мисс Даккит лениво тасовала запасную колоду, привалившись спиной к теплому откосу дюны. Когда ей надоедало тасовать карты, она принималась подкрашивать свои слегка загнутые кверху рыжеватые ресницы, заглядывая в маленькое карманное зеркальце и наивно полагая, что если их постоянно подкрашивать, то они непременно станут длиннее. Изредка ей удавалось подтасовать основную колоду или спрятать несколько карт, а когда, обнаружив каверзу, игроки с остервенением швыряли карты на песок, чтобы надавать ей тумаков, она радостно смеялась, испытывая веселое оживление и от их тумаков, и от шутливо-ругательных прозвищ, которыми они ее награждали, и от предупреждений, что в следующий раз она у них всерьез поплатится за свои дурачества. Но едва они снова углублялись в игру, она начинала лепетать всякую несуразицу, и ее щеки покрывал румянец приятного возбуждения, как только они опять начинали тузить ее, хором уговаривая прекратить свои штучки и заткнуться. Мисс Даккит наслаждалась их общим вниманием и шаловливо встряхивала своей короткой каштановой челкой, если ей уда-

валось сосредоточить на себе, хотя бы ненадолго, взгляды всех игроков. А кроме того, ее приятно волновало соседство множества обнаженных молодых мужчин. Стоило ей немного вытянуть шею или под каким-нибудь предлогом подняться на ноги, и она могла увидеть за цепочкой невысоких дюн двадцать, а то и сорок раздетых мужчин, играющих в волейбол или праздно нежащихся на солнцепеке. Ее собственное тело было настолько знакомым ей и, по ее мнению, невзрачным, что она восхищенно изумлялась, думая, какое глубокое счастье может оно доставить мужчинам… Она не понимала, чем вызывает у Йоссариана его яростную страсть, но ей нравилось верить, что она ее вызывает.

Когда вечерами Йоссариана одолевало желание, он снова уводил мисс Даккит на берег, прихватив для удобства два своих одеяла, и вечера, проведенные с нею, доставляли ему гораздо больше радости, чем ночи в римских борделях, даром что девицы там были куда энергичней, опытней и по-своему свободней мисс Даккит. Но иногда, и это случалось довольно часто, Йоссариан с мисс Даккит просто лежали, обнявшись, между двумя одеялами, как бы защищая друг друга от знобкой, сырой и ветреной ночной про-

хлады. Чернильно-черные ночи становились все холодней, а звезды в небе казались редкими льдинками. Лунная дорожка туманно освещала подрагивающий на мелких волнах плот, и Йоссариану с мисс Даккит чудилось, что плот уплывает. В прозрачном воздухе явственно ощущалась близость зимы. Летчики из эскадрильи Йоссариана начали сооружать у себя в палатках печи и, заглядывая к нему, восхищались искусно сработанной печкой Орра. Мисс Даккит испытывала горделивое возбуждение, замечая, что Йоссариану постоянно хочется притронуться к ней, но не разрешала ему распускать руки, когда их кто-нибудь мог увидеть, даже если их могла увидеть только мисс Крэймер, которая сидела, навострив свой осуждающий нос, по другую сторону дюны и притворялась слепой.

Мисс Крэймер перестала разговаривать со своей лучшей подругой мисс Даккит из-за ее связи с Йоссарианом, однако по-прежнему всюду ходила за ней, потому что она была ее лучшей подругой.

Когда Йоссариан и мисс Даккит вставали, чтоб искупаться, мисс Крэймер тоже вставала и шла купаться, строго соблюдая обычную десятиярдовую дистанцию и молча осуждая их даже в воде. Если они хохотали и брызгались, она тоже

хохотала и брызгалась; если они ныряли, ныряла и она; если они подплывали к песчаной косе, чтобы отдохнуть на песке, она тоже подплывала к песчаной косе и отдыхала. А когда, вволю наплававшись, они вылезали на берег, она тоже вылезала на берег и, вытерев полотенцем плечи, снова садилась в отчужденном отдалении на свое обычное место — спина прямая, как доска, а светлые волосы под солнечными лучами напоминают серебристый нимб. Мисс Крэймер собиралась опять заговорить с мисс Даккит, как только та раскается и попросит у нее прощения. Мисс Даккит предпочитала ничего не менять. Пока мисс Крэймер не объявила ей бойкот, она постоянно боролась с желанием легонько треснуть ее, чтобы она заткнулась.

Мисс Даккит восторгалась Йоссарианом и уже приступила к его перевоспитанию, надеясь коренным образом изменить. Она любила наблюдать, как он дремлет, обняв ее за плечи и уткнувшись щекой в песок, или угрюмо смотрит на бесконечные ряды волн, взбегающих, словно веселые щенята, на отлогий песчаный берег и с шорохом скатывающихся обратно в море. Ее не беспокоило его частое молчание. Она знала, что ему с ней хорошо, и прилежно маникюрила

ногти, пока он спал или мрачно о чем-то размышлял, а изредка налетающий с моря теплый послеполуденный ветерок успокоительно шуршал, пересыпая сухой прибрежный песок. Ей нравилось смотреть на его мускулистую, покрытую ровным бронзовым загаром широкую спину, нравилось видеть, как он моментально воспламеняется, когда она вдруг прихватывает губами его ухо, нравилось несговорчиво мучить его до прихода темноты и становиться потом ласково покорной. А когда, утомленный ее ласками, он устало лежал рядом с нею на спине, она любовно целовала его, наслаждаясь блаженством, которое сумела ему даровать.

Йоссариан никогда не чувствовал одиночества наедине с чуткой, прекрасно умевшей молчать, не похожей на других женщин мисс Даккит. Его завораживал и ужасал безбрежный океан. Он мрачно думал, сидя возле мисс Даккит, которая беспечно полировала ногти, о людях, принявших смерть под водой. Их наверняка уже набралось больше миллиона. Где они? Какие существа поживились их плотью? Он представлял себе тяжкую толщу воды, не пропускающую в легкие воздух. На горизонте то появлялись, то исчезали малюсенькие рыбачьи лодки и военные катера,

казавшиеся ему нереальными, словно далекий мираж: трудно было поверить, что в них сидят не кукольно крохотные, а самые обычные, торопящиеся куда-то люди. Он смотрел на едва заметную, как отдаленный риф, каменистую глыбу Эльбы, и его взгляд машинально обшаривал смыкающееся с морем небо в поисках призрачного полупрозрачного облачка, проглотившего Клевинджера. А за Эльбой лежала Италия, у берегов которой сгинул Орр. Клевинджер и Орр. Что с ними сталось? Однажды, стоя ранним утром на пристани, Йоссариан заметил в отдалении обросшее водорослями, подгоняемое волнами к берегу небольшое бревно, обернувшееся, когда он внимательнее всмотрелся, утопленником с бледно-лиловым одутловатым лицом — это был первый увиденный им воочию мертвец. Обуреваемый жаждой жизни, он жадно обнимал в минуты подобных воспоминаний мисс Даккит, чтобы ощутить под руками ее живую плоть. Он глядел на воду, готовый увидеть страшные останки Клевинджера или Орра, готовый к любым ужасам, кроме того, который преподнес ему в конце концов Маквот, когда его самолет, внезапно вспугнув спокойную тишину, возник словно бы ниоткуда над кромкой прибоя и со

зловещим, устрашающе грохочущим ревом устремился вдоль берега к плоту, на котором бледный и костлявый, даже если смотреть издалека, Кроха Сэмпсон дурашливо подпрыгнул, чтобы дотянуться до самолета рукой, как раз в тот момент, когда из-за капризно вздохнувшего ветерка или мимолетного просчета Маквота самолет провалился вниз ровно настолько, чтобы рассечь лопастью винта подпрыгнувшего Кроху Сэмпсона напополам.

Даже у тех, кого не было тогда на берегу, отчетливо и навеки отпечаталось в памяти, что случилось потом. Кратчайшее и почти неслышное, но словно бы плотоядное тссс! заглушило вдруг на мгновение, как почудилось очевидцам, оглушительно грохочущий гул, и две ноги Крохи Сэмпсона — тощие, белые, скрепленные вверху ярко-красным лоскутом — застыли у края плота без отсеченного от них туловища на целую минуту, если даже не на две, а потом почти без брызг опрокинулись в воду, чтобы тут же всплыть и подрагивать на мелкой зыби двумя нетонущими, алебастрово-белыми, чудовищными из-за растопыренных пальцев подошвами Крохи Сэмпсона.

Пляж превратился в одержимый паникой ад. Внезапно возникшая рядом с Йоссарианом мисс

Крэймер истерически рыдала у него на груди, а он обнимал ее рукой за плечи, пытаясь успокоить. Другой рукой Йоссариан поддерживал сотрясаемую рыданиями мисс Даккит с мертвенно-белым, еще более угловатым и длинным, чем обычно, лицом. Те, кого смерть Сэмпсона застала на берегу, неистово метались по пляжу, и крики мужчин звучали словно женские вопли. Голые купальщики судорожно хватали свои вещи, с ужасом косясь в сторону моря и как бы ожидая, что очередная волна вынесет на прибрежный песок омерзительный, окровавленный, оторванный от живого тела человеческий орган вроде печени, почки, легкого или желудка. А те, кого смерть Сэмпсона застала в воде, яростно рвались к берегу, но, забыв от страха, что по мелководью можно плыть, мучительно медленно продирались вперед бегом, то и дело отбрасываемые назад упругими, клейкими, вязкими, как им казалось, волнами. Кроха Сэмпсон окропил вокруг всех и вся. Заметив у себя на руке или ноге каплю крови, люди с ужасом и отвращением отшатывались от своих конечностей, словно хотели выпрыгнуть, вывернуться из собственной кожи. Постепенно толпа полуобезумевших голых людей отхлынула, неуклюже спотыкаясь

и оступаясь, в лес, но и там каждый из беглецов очумело, затравленно, непрерывно оглядывался назад, и шелестящие листвой лесные заросли полнились одышливыми, истошными воплями. Йоссариан нетерпеливо подталкивал вперед шатающихся, нетвердо ковыляющих к лесу женщин, а потом, коротко матюгнувшись, ринулся обратно на пляж, чтобы помочь запнувшемуся о футляр своего фотоаппарата или запутавшемуся в одеяле, которое он тащил, Обжоре Джо — тот упал на подходе к ручью лицом в грязь и не подымался.

Когда Йоссариан добрался наконец до расположения эскадрильи, там уже все было известно. Люди в форме метались между палатками и бессмысленно орали или неподвижно стояли, как доктор Дейника и сержант Найт, задрав головы к небу и завороженно глядя на преступный, отчаявшийся, одинокий самолет, кругами уходивший вверх.

— Кто? — не успев перевести дух, крикнул Йоссариан, подбегая к доктору Дейнике и ощущая, что ему жжет глаза едкая горестная влага. — Кто в самолете?

— Маквот, — ответил ему сержант Найт. — Он совершал с двумя пилотами из пополнения тре-

нировочный полет. И доктор Дейника тоже там.

— Я не там, а здесь, — встревоженно возразил доктор Дейника, скосив на сержанта Найта испуганный взгляд.

— Почему он не приземляется? — в отчаянии крикнул Йоссариан. — Почему лезет вверх?

— Боится, я думаю, — отозвался сержант Найт, не отрывая мрачного взгляда от подымающегося все выше самолета. — Он ведь знает, как его встретят на земле.

А Маквот продолжал полет, постепенно набирая в пологом вираже высоту, и, когда он шел по витку спирали на юг, его самолет почти терялся из глаз, а когда возвращался с моря и шел на север, то пролетал все выше над желтовато-бурыми холмами Пьяносы и взлетно-посадочной полосой аэродрома. Вскоре уже больше пяти тысяч футов отделяло его от земли. Шум двигателей превратился в шепотный шорох. Внезапно, когда самолет опять проходил над взлетной полосой, под ним вспыхнул светлый купол парашюта. Спустя несколько секунд раскрылся второй парашют и стал снижаться вслед за первым к поляне аэродрома. Самолет ушел на юг и через полминуты появился снова, сделав, как и предполагали стоявшие внизу люди, очередной виток быстро

сужающейся спирали, а потом опять лег на крыло в крутом, но изящном вираже.

— Там еще двое, — сказал сержант Найт. — Маквот и доктор Дейника.

— Я не там, а здесь, — уныло возразил доктор Дейника. — Меня в самолете нет.

— Почему они не прыгают? — громко спросил себя сержант Найт. — Почему не прыгают?

— Это же бессмыслица, — пробормотал доктор Дейника. — Явная бессмыслица, — повторил он и закусил губу.

Но тут Йоссариан внезапно понял, почему не прыгает сам Маквот, — понял, почему он **не будет** прыгать, — и помчался за самолетом, махая руками, умоляюще вопя, чтобы он приземлился, *ради бога, Маквот,* но никто его не слышал — во всяком случае, не слышал Маквот, — и он, задыхаясь, прерывисто застонал, когда Маквот опять развернулся, качнул на прощание широкими крыльями, окончательно решил, что двум смертям не бывать, а на одну наплевать, и врезался в гору.

Полковника Кошкарта так удручила смерть Крохи Сэмпсона и Маквота, что он повысил норму боевых вылетов до шестидесяти пяти.

Глава тридцать первая
Миссис Дейника

Услышав, что доктор Дейника тоже погиб в самолете Маквота, полковник Кошкарт увеличил норму боевых вылетов до семидесяти.

Первым, кто понял, что доктор Дейника безвозвратно погиб, был сержант Боббикс, узнавший от дежурных контрольно-диспетчерского пункта, что его имя внесено в маршрутный лист, который заполнил перед вылетом Маквот. Сержант Боббикс смахнул слезу и вычеркнул доктора Дейнику из списков личного состава эскадрильи. Закусив дрожащие губы, он нехотя отправился поведать об его печальной участи Гэсу и Уэсу, но для этого ему предстояло пройти мимо жилой палатки врача, разбитой между палатками санчасти и КП, и он шагал, предусмотрительно глядя прямо перед собой, чтобы не вступать в беседу с угрюмо сидящим возле своей палатки тщедушным человечком по фамилии Дейника, ярко освещенным лучами предвечернего солнца. Сержант Боббикс мрачно размышлял о своем будущем, поскольку у него на руках оказалось теперь два мертвеца

— Трупп из палатки Йоссариана, который не числился в списках эскадрильи, но, безусловно, погиб, и доктор Дейника, новый мертвец, который в списках числился, но погиб весьма условно, а значит, угрожал сержанту Боббиксу даже более серьезными административными осложнениями, чем Трупп.

Гэс и Уэс выслушали сержанта Боббикса со стоическим недоумением, но переживали свою утрату молча и никому о ней не говорили, пока к ним не пожаловал через полчаса сам погибший, чтобы они поставили ему — уже в третий раз за этот день — градусник, а потом измерили кровяное давление. Температура у него и всегда-то была немного пониженной, а теперь вдруг упала еще на полградуса ниже его обычной нормы. Безучастные взгляды помощников представились вдруг ему бесчувственными и совершенно бессмысленными.

— Что с вами творится? — едва сдерживая накипевшую злобу, выкрикнул он. — Вам вроде должно быть известно, что постоянно пониженная температура и вечно заложенный нос — ненормальное явление для живого человека! — Горестно фыркнув, он понуро подошел к шкафчику, где хранились медикаменты, чтобы

отыскать там, во-первых, таблетки аспирина и сульфазила, а во-вторых, аргирол для лечения горла. Его маленькая головка с унылым лицом напоминала жалкую головенку шелудивого воробья, и он все время потирал собственные руки. — Посмотрите, какой я холодный! Вы уверены, что ничего от меня не скрываете? — подозрительно спросил он.

— Вы покойник, сэр, — признался ему один из помощников.

— Что-что? — в злобном негодовании вскинув голову, переспросил доктор Дейника.

— Вы покойник, сэр, — повторил второй помощник диагноз первого. — Вот, наверно, почему вы всегда такой холодный.

— Истинная правда, сэр, — подхватил первый помощник. — Вы, наверно, давно уже покойник, да мы не сумели вовремя поставить верный диагноз.

— Что за чушь вы тут порете, черт бы вас обоих подрал! — вскрикнул доктор Дейника, испуганно ощущая приближение гибельной беды.

— Это вовсе не чушь, сэр, — возразил ему второй помощник. — Документы удостоверяют, что вы взлетели в самолете Маквота для начисления вам летных часов. А поскольку вы не выбросились из

самолета с парашютом, то, значит, разбились.

— Истинная правда, сэр, — подтвердил первый помощник. — Вам надо радоваться, что у вас и вообще-то есть температура.

— Вы что — спятили? — чувствуя, что сходит с ума, возопил доктор Дейника. — Я подам на вас рапорт сержанту Боббиксу о неподчинении своему командиру!

— Именно от сержанта Боббикса мы и узнали о вашей смерти, сэр, — объяснил ему один из помощников. — Он уже отправил рапорт в Военное министерство, чтобы оттуда послали похоронное извещение вашей жене.

Доктор Дейника протестующе взвизгнул и побежал объясняться к сержанту Боббиксу, который неприязненно посоветовал ему как можно меньше попадаться кому бы то ни было на глаза, пока не будет получено распоряжение о его останках.

— Послушай-ка, а он ведь и правда погиб, — уважительно отправил его на тот свет один из помощников. — Я, пожалуй, буду по нему скучать. Он все же был замечательный хмырь, верно?

— Это уж точно, был, — с похоронным вздохом отозвался второй. — Да только я-то, признаться, рад, что этому выродку пришел конец. Мне, знаешь ли, осточертело все время мерить ему

кровяное давление.

Жену доктора Дейники отнюдь не обрадовало, что ее мужу пришел конец, и, когда ей вручили извещение о его гибели при исполнении воинского долга, она огласила вечернюю тишину Стэйтен-Айленда пронзительными воплями горестной скорби. Соседки кинулись ее утешать, а их мужья нанесли ей визиты соболезнования и втайне утешили себя надеждой, что она вскоре переберется в другой район, избавив их от необходимости выражать ей каждый день свое сочувствие. Почти неделю несчастная женщина была вне себя от горя. Однако с помощью героических усилий она пришла через неделю в себя и принялась размышлять о будущем, чреватом, как ей казалось, бедственными трудностями и для нее самой, и для ее детей. А когда она почти смирилась со своей тяжкой потерей, почтальон принес ей письмо из-за океана, подписанное фамилией доктора Дейники, который заклинал ее не верить плохим новостям. Письмо огорошило миссис Дейнику как гром среди ясного неба. Дату на письме она разобрать не смогла. Почерк был торопливый и малопонятный, однако стиль письма сразу же напомнил ей по жалобному тону прежние письма мужа, хотя в

этот раз он жаловался и жалел себя даже горше, чем всегда. Осчастливленная до исступленных рыданий, миссис Дейника не меньше тысячи раз поцеловала замызганный и мятый конверт. Она сразу же написала мужу благодарное письмо с просьбой рассказать ей о происшествии во всех подробностях и телеграфно известила Военное министерство, что произошла досадная ошибка. Из Военного министерства очень быстро пришел официозно сварливый ответ, в котором сообщалось, что возможность ошибки у них полностью исключена и что миссис Дейника стала, по всей вероятности, жертвой психопата-садиста, склонного к патологическим шуткам, из эскадрильи ее мужа. А потом она получила свое нераспечатанное письмо к мужу с пометкой «Погиб в бою».

Миссис Дейника овдовела еще раз, но теперь ее печаль была отчасти смягчена официальным сообщением из Вашингтона, что она является единственной и полноправной наследницей страхового полиса для военнослужащих, оформленного на ее мужа, и может получить десять тысяч долларов в любое удобное для нее время. Отступление маячившей впереди голодной смерти вызвало на ее лице мужественную улыбку, вызвавшую в свою очередь ответную улыбку

судьбы. На следующий же день ей пришло письмо из Управления по делам бывших военнослужащих с уведомлением, что она будет получать пожизненную пенсию, а сейчас может получить единовременное пособие на похороны мужа. В письмо был вложен чек Государственного банка на двести пятьдесят долларов. Улыбка судьбы расцветала постепенно все ярче. Не прошло и недели, как миссис Дейника получила письмо из Комитета общественного обеспечения, в котором говорилось, что по закону тысяча девятьсот тридцать пятого года о пенсионном страховании престарелых она будет получать ежемесячное пособие, пока младшему из ее детей не исполнится восемнадцать лет, а сейчас ей полагается разовая безвозвратная ссуда в двести пятьдесят долларов на похороны мужа. Со всеми этими письмами, удостоверяющими насильственную смерть, она обратилась в страховую компанию, где на доктора Дейнику было оформлено три страховых полиса по пятьдесят тысяч долларов каждый; страховая компания выплатила ей деньги сочувственно, уважительно и без всяких проволочек. Почти каждый новый день приносил новые дары. Ключ от индивидуального банковского сейфа открыл ей доступ к восемна-

дцати тысячам долларов наличными деньгами, о которых ничего не знало, а поэтому не могло потребовать соответствующих отчислений, налоговое управление, и к четвертому страховому полису на пятьдесят тысяч долларов. Братство студентов-медиков предоставило вдове доктора Дейники бесплатный кладбищенский участок для могилы, а какое-то другое братство, в котором состоял доктор Дейника, прислало ей чек на двести пятьдесят долларов с извещением, что это деньги на похороны ее мужа. Из местной Ассоциации врачей тоже пришел двухсотпятидесятидолларовый чек на похороны погибшего коллеги.

Мужья ее ближайших подруг начали всерьез ухаживать за ней, и она покрасила волосы. Ее благосостояние продолжало расти, и ей приходилось постоянно напоминать себе, что все эти сотни тысяч долларов ничего не стоят без мужа, с которым она могла бы разделить свою счастливую судьбу. Ей было совершенно непонятно, почему так много самых разных организаций озабочены похоронами доктора Дейники, а он мучительно боролся на Пьяносе за жизнь, преисполненный мрачных предчувствий насчет мертвого молчания жены в ответ на его отчаянное письмо.

Никто о нем не печалился, больше того — все летчики матерно проклинали его память за потворство полковнику Кошкарту в непрерывном повышении нормы боевых вылетов. Переписка о его смерти размножалась, как саранча, и каждый новый рапорт или ответ на него безапелляционно подтверждал или удостоверял предыдущие. Ему прекратили выдавать и денежное, и вещевое, и пищевое довольствие, так что он полностью зависел теперь от милосердия сержанта Боббикса и Мило Миндербиндера, считавших его мертвецом. Полковник Кошкарт отказался с ним разговаривать, а подполковник Корн пригрозил ему через майора Дэнби, что он моментально кремирует его вонючие останки, если он, мертвец несчастный, покажется в штабе полка. Кроме того, майор Дэнби сообщил ему по секрету на свой страх и риск, что в штабе ненавидят бортврачей из-за доктора Стаббза — неряшливого, патлатого и брыластого врача с дряблым двойным подбородком из эскадрильи Дэнбара, — который не таясь подстрекал летчиков к мятежу, официально освобождая по состоянию здоровья от несения службы всех пилотов, навигаторов, бомбардиров и стрелков, совершивших по шестьдесят боевых вылетов, что вызывало в штабе полка бурю негодования

и ответные приказы, возвращавшие летчиков в строй. Боевой дух эскадрильи угасал на глазах, и за Дэнбаром учредили негласную слежку. Так что смерть доктора Дейники, одного из четырех полковых бортврачей, приняли в штабе с искренним удовлетворением и не собирались просить о замене.

Даже капеллан не мог в таких обстоятельствах вернуть к жизни доктора Дейнику. Его тревога сменилась покорной тоской, а внешностью он все больше напоминал хилую крысу. Мешки у него под глазами сморщились и почернели, а тело казалось бесплотным, как у затравленного призрака, — особенно при вечернем освещении или в лесу. Даже капитан Флум с ужасом отшатнулся, когда он отыскал его среди лесных чащоб, чтобы обратиться к нему за помощью. Гэс и Уэс безжалостно спровадили его из медпалатки, даже не поставив ему для утешения градусник, — и вот тут-то он наконец понял, что почти погиб и что спасти его могут только самые решительные, а главное, молниеносные действия.

Никто не мог помочь ему, кроме жены, и он нацарапал ей второпях паническое письмо с мольбой обратить внимание Военного министерства на его безысходное положение, а самой

обратиться к полковнику Кошкарту — и верить только ему — за подтверждением, что он в самом деле ее муж, а не покойник или самозванец. Миссис Дейника была потрясена глубиной отчаяния, заключенного в этих неразборчивых каракулях. Ее замучило сочувствие, и она уже собиралась начать борьбу за его жизнь, но на следующий день почтальон принес ей письмо полковника Кошкарта, верить которому призывал ее сам отчаявшийся проситель.

«Ув. миссис, мистер, мисс или мистер и миссис Дейника, — так начиналось письмо, — слова не могут выразить всю глубину моей скорби при мысли о том, что ваш муж, сын, отец или брат погиб, ранен или пропал без вести…»

Сбитая с толку, обескураженная, испуганная или ошалевшая миссис Дейника отшвырнула недочитанное письмо, быстро собрала вещички и переселилась в мичиганский городок Лесинг, не пожелав, испугавшись, позабыв или не потрудившись оставить на старой квартире свой новый адрес.

Глава тридцать вторая
Йо-йо и его соседи по палатке

Орровская печка безотказно согревала палатку Йоссариана, когда наступили холода и китоподобные туши синевато-серых туч закрыли выцветшее небо, словно бронированные армады бомбардировщиков дальнего действия, базирующихся в Италии, при налете на Южную Францию для поддержки наступления союзнических войск, начавшегося двумя месяцами раньше. Всем было известно, что тощие ноги Крохи Сэмпсона выкинуты прибоем на пляж и лежат там, разлагаясь, подобно вилочной грудной кости с остатками гнилого мяса когда-то убитой, но не найденной охотником птицы. Все, включая Гэса с Уэсом и работников госпитального морга, считали, что прибрать их должен кто-нибудь другой, а не они, и уверили себя, что эти частичные останки Крохи Сэмпсона унесены волнами на юг, так же как полностью унесенные останки Клевинджера и Орра. А с наступлением холодов никто уж больше не прокрадывался, тайно и в одиночку, к берегу, чтобы удовлетворить свое патологическое

любопытство, мимолетно глянув сквозь ветви прибрежных кустов на раздутые гнилостными газами ступни.

Солнечные дни кончились вместе с летом. А вместе с ними кончились и безопасные налеты. Начались ледяные дожди, наползли тусклые туманы, и они летали на боевые задания не чаще чем раз в неделю, когда вдруг ненадолго иссякал обложной дождь. По ночам над палатками угрюмо завывал ветер. Корявые низкорослые деревья скрипели и стонали, неумолимо напоминая по утрам полупроснувшемуся Йоссариану о ногах Крохи Сэмпсона, гниющих на мокром песке под холодными каплями октябрьского дождя, который наполнял непроглядную, ветреную и волглую ночную тьму тиканьем часового механизма с бесконечным заводом. Вспомнив ноги Крохи Сэмпсона, Йоссариан против воли возвращался мыслями к Снегги, замерзавшему до смерти на дюралевом полу в хвосте самолета и хранившему свою сокровенную тайну под застегнутым бронежилетом, пока Йоссариан обнажал, дезинфицировал и бинтовал его разодранное осколком бедро, а потом выплеснувшему ее на льдистый пол. Ночами, пытаясь уснуть, Йоссариан устраивал в уме перекличку всем знакомым

ему мужчинам, женщинам и детям, которые уже отправились на тот свет. Он старался припомнить всех военных и просто всех взрослых людей, которых он знал в детстве: всех теток и дядьев, родителей и соседей, дедов, бабок, прабабок и прадедов, и собственных, и виденных в домах у друзей, всех жалких, обманутых судьбой и жизнью владельцев мелких лавочек, бессмысленно прикованных к своим прилавкам с раннего утра до позднего вечера. Все они тоже уже отправились на тот свет. Мертвецов становилось все больше и больше. А немцы продолжали сопротивляться. Смерть неотвратимо надвигалась, и он, похоже, попал в безысходную западню.

Йоссариана спасала от холода замечательная печка Орра, и он мог бы неплохо жить в своей теплой палатке, если б его не терзала память об Орре и банда жизнерадостных соседей по палатке, которые явились к нему однажды утром, после того как полковник Кошкарт затребовал — и меньше чем через двадцать четыре часа получил — четырех летчиков из экипажей пополнения, чтобы заменить ими Кроху Сэмпсона и Маквота. Йоссариан чуть не задохнулся от своего хрипатого, злобно протестующего стона, когда увидел их, устало притащившись после боевого

вылета в свою палатку.

Эта четверка психовато ликовала, устраиваясь на новом месте и расставляя койки. Они топотали и ржали, как стоялые жеребцы. Увидев их, Йоссариан мгновенно понял, что они невыносимы. Искристая, кипучая энергия била в них через край, а дружили они чуть ли не с рождения. Терпеть их было невозможно. Это были шумные, самонадеянные, пустоголовые юнцы чуть за двадцать. До войны они учились в колледжах и были помолвлены с миловидными, чистыми девушками, чьи фотографии уже красовались на грубой каминной доске из цемента, сформованной Орром. Родительские деньги позволяли им играть в теннис, ходить на яхтах и заниматься верховой ездой. Один из них переспал с женщиной старше, чем он. Даже не зная друг друга, они были знакомы через своих знакомых в самых разных штатах, а учились с кузенами и кузинами своих друзей. Они слушали по радио репортажи о бейсбольных состязаниях и всерьез интересовались результатами футбольных матчей. Их радовала затянувшаяся война, давшая им возможность узнать, что такое настоящий бой. Они уже почти распаковались, когда Йоссариан выкинул их вон.

Он твердо объявил сержанту Боббиксу, что даже и разговаривать о них не желает, однако тот передал ему с унылой миной на своем желтовато-бледном лошадином лице приказ из штаба полка о вселении новых летчиков к Йоссариану, который жил в шестиместной палатке один. Новую палатку сержанту Боббиксу выдать отказались.

— Я живу вовсе не один, — хмуро возразил Йоссариан. — У меня есть сосед. Его фамилия Трупп.

— Вы же знаете не хуже меня, сэр, — устало сказал сержант Боббикс, косясь на столпившихся у входа в палатку новых офицеров, которые остолбенело слушали их удивительный диалог, — что Труппа сбили над Орвиетой. Вы знаете это даже лучше, чем я. Его машина шла рядом с вашей.

А почему ж вы не забираете у меня из палатки его вещи?

— Потому что он их не мог у вас оставить. Его нет в списках нашей эскадрильи. Прошу вас, капитан, не заводите опять этот разговор. Вы можете переселиться к лейтенанту Нетли. Я привел нескольких рядовых, и они перенесут, если понадобится, вещи.

Но бросить палатку Орра значило бросить самого Орра на посмешище и унижение этим безусым балбесам, которые ждали, развесив уши, когда им

разрешат войти. Справедливость требовала, чтоб Йоссариан отстоял лучшую в полку палатку от зарившихся на все готовенькое необстрелянных молокососов. Но приказ есть приказ, как сказал ему сержант Боббикс, и он пустил их, ограничившись ненавистно извиняющимся взглядом да несколькими покаянными советами старожила, а они весело воспользовались его дисциплинированностью и быстренько расположились в чужом жилище как у себя дома.

Никогда еще Йоссариан не сталкивался с такими тяжелыми людьми. Их легкое отношение к жизни постоянно подавляло его. Им все время хотелось хохотать. Они игриво называли своего мрачного соседа Йо-Йо и, возвращаясь вечерами в палатку под мухой, всякий раз будили его, потому что их попытки вести себя тихо неизменно кончались громыханием уроненных в темноте вещей и сдавленным хихиканьем, а когда он просыпался и, сев на койке, начинал их материть, они разражались лошажьим ржанием и по-ослиному громогласными воплями самой нежной дружбы. В такие минуты он с наслаждением зарезал бы всех четверых. Они побаивались его и беспрестанно терзали проявлениями искреннего добросердечия, пытаясь как-нибудь ублажить.

Они были беспечными, легкомысленными, дружелюбными, бесцеремонными, наивными и самонадеянными. Безмозглая бесшабашность позволяла им не жаловаться на жизнь. Они восторгались полковником Кошкартом и считали подполковника Корна мудрым остроумцем. Они побаивались Йоссариана и не боялись нормы в семьдесят боевых вылетов, уготованной им полковником Кошкартом. Привлекательные и чокнутые, они сводили Йоссариана с ума. Ему никак не удавалось объяснить им, что он старомодный и престарелый чудак двадцати восьми лет из иной эпохи и другого мира, что приятное времяпрепровождение не прельщает, а только утомляет его — да и они тоже надоедливо утомляют. Он не мог заставить их умолкнуть, они были хуже женщин. У них не хватало мозгов, чтобы тревожиться и мрачно воспринимать жизнь.

Вскоре к ним повадились шляться их дружки из трех других эскадрилий, превратив палатку Йоссариана в постоянное место для своих сборищ. Часто случалось так, что ему некуда было вечером деться. А главное, он не мог приводить к себе мисс Даккит. И на пляж не мог с ней ходить, потому что с утра до ночи лил холодный дождь. Об этом бедствии он вовремя не подумал,

и теперь ему хотелось размозжить своим соседям их безмозглые головы или ухватить — каждого по очереди — за шиворот и мотню брюк, чтобы выкинуть раз и навсегда из палатки в мокрые заросли неистребимо вечнозеленых сорняков, или как они тут назывались, разросшихся между его личным писсуаром в виде ржавой кастрюли с дырчатым, пробитым гвоздями, дном и будкой общего сортира, вроде пляжной кабинки для переодевания, сколоченного из суковатых досок неподалеку от его палатки.

Но он не размозжил им всем головы, а поплелся однажды, надев калоши и черный дождевик, приглашать к себе на жительство Белого Овсюга в надежде, что его угрозы и скотские привычки разгонят на все четыре стороны этих четверых ублюдочно утонченных чистюль и он заживет по-прежнему. Занырнув из пронизанной колкой моросью тьмы в палатку к Белому Овсюгу, Йоссариан почти сразу понял, что ничего у него не выйдет, поскольку Белого Овсюга била знобкая дрожь и он собирался залечь в госпиталь, чтобы умереть там от воспаления легких. Чутье подсказывало ему, что время настало. У него болела грудь, и он постоянно кашлял. Даже виски его теперь не согревало. К тому же капитан Флум

вернулся в их трейлер. Это было знамение, смысл которого представлялся Белому Овсюгу совершенно ясным.

— Ему поневоле пришлось вернуться, — настойчиво убеждал Белого Овсюга Йоссариан, тщетно пытаясь подбодрить приунывшего индейца с могучей, как дубовая бочка, грудью и топорным, словно бы из мореного дуба вытесанным лицом, которое, однако, уже приобрело зловещий сероватый оттенок и казалось безжизненно ветхим. — Он бы просто загнулся от холода, если б остался при такой погоде в лесу.

— Да нет, на погоду этому бледнозадому выродку наплевать, — уверенно опроверг Йоссариана Вождь Белый Овсюг и постучал себя, как человек, осененный идеей свыше, по серовато-бурому лбу. — Нет уж, сэр. Он, видать, кое-что учуял. Он учуял, что мне пора помереть от воспаления легких. Да только индейца не проведешь: я враз по его виду учуял, что это для меня знак.

— А что говорит доктор Дейника?

— Мне ничего теперь не велено говорить, — пожаловался из темного угла, где он сидел на своей высокой табуретке, доктор Дейника, и его маленькое, гладкое, конусообразное лицо показалось Йоссариану зеленовато-багровым

в колеблющихся отблесках свечного пламени, тускло освещающего пропахшую плесенью палатку. Лампочка перегорела у них несколько дней назад, но они так и не собрались до сих пор ее заменить. — Мне не велено заниматься врачебной практикой, — скорбно добавил доктор Дейника.

— Он мертвяк, — с утробным ржанием объявил Вождь Белый Овсюг. — Здорово все повернулось, верно?

— Меня даже сняли с довольствия, — пожаловался доктор Дейника.

— Здорово все повернулось, верно? — повторил Вождь Белый Овсюг. — Ругал, ругал мою печенку да и окочурился. Мертвяк, одно слово — мертвяк. А все от жадности.

— Жадность тут ни при чем, — спокойно и безучастно возразил ему доктор Дейника. — В жадности ничего плохого нет. Меня прикончил треклятый Стаббз, который восстановил против бортврачей полковника Кошкарта и подполковника Корна. Из-за его вшивых принципов на всю медицину легла грязная тень. Он добьется, что Ассоциация врачей запретит ему и частную практику, и работу в больницах.

Вождь Белый Овсюг упаковывал пожитки. Он

перелил виски в три бутылки из-под шампуня и засунул их в свой вещевой мешок.

— Послушай, — сказал Йоссариан, — а ты не заглянешь по пути ко мне в палатку, чтобы врезать по носу одному из этих выродков? Их там четверо, а вечерами всегда целая толпа, и они скоро выживут меня оттуда ко всем чертям.

— Нас однажды всем племенем выжили ко всем чертям с нашей земли, — напомнил ему Вождь Белый Овсюг и, сев на свою койку, удовлетворенно заржал. — А ты попроси капитана Гнуса, чтоб он их выгнал. Капитану Гнусу самое удовольствие кого-нибудь куда-нибудь выгнать.

Йоссариан мрачно скривился при упоминании о капитане Гнусе, который и так всячески травил новых летчиков, когда они являлись к нему в разведпалатку за картами или маршрутными данными. Вспомнив про капитана Гнуса, Йоссариан почувствовал себя защитником и покровителем своих соседей по палатке. Они ведь не виноваты, что еще не успели состариться и помрачнеть, думал он, освещая тропинку пляшущим над травой лучом карманного фонаря. Он сам с удовольствием стал бы веселым и молодым. Ну можно ли винить их за то, что они храбрые, уверенные в себе и беззаботные юнцы?

Надо набраться терпения и подождать, когда одного-двух из них убьют, а остальных ранят и они станут самыми обычными парнями. Он поклялся себе, что будет с ними доброжелательным и терпимым, но, войдя в палатку с намерением радикально подобреть, обнаружил, что печка пылает ярким живым огнем, и едва не задохнулся от злобного изумления. Они сжигали орровские березовые полешки, вот почему в печке полыхал уютный живой огонь! Он глянул на беспечные распаренные лица этих четверых ублюдков, и ему захотелось обложить их самыми черными проклятьями. Он с наслаждением размозжил бы им друг об дружку их поганые черепа, но вместо этого беспомощно слушал, как они радостно приветствуют его и предлагают полакомиться жареными каштанами и печеной картошкой. Ну что он мог с ними сделать?

А на другой день они избавились от мертвеца! Вытравили его дух из палатки, бестрепетно выкинув принадлежащие ему вещи. Унесли их, вместе с койкой, к ближайшим кустам да и швырнули там на землю, а потом вернулись, весело потирая руки, в палатку, как после прекрасно выполненного дела. Йоссариан просто обомлел от их бесцеремонной решительности и практич-

ной расторопности. За каких-нибудь пять минут они разрешили задачу, над которой Йоссариан и сержант Боббикс безуспешно бились несколько месяцев. Сначала Йоссариан просто обомлел, а потом угрюмо встревожился, понимая, что им так же легко будет избавиться и от него самого; он поспешно взял увольнительную и улетел на почтовом самолете Обжоры Джо от этих мрачных мыслей в Рим, где на следующий день любимая шлюха Нетли, хорошо выспавшись, проснулась преисполненная любви.

Глава тридцать третья
Шлюха Нетли

Йоссариан очень скучал в Риме по мисс Даккит. Обжора Джо улетел с почтой на Пьяносу, а он так истомился в одиночестве по мисс Даккит, что помчался сломя голову на поиски Лючаны, чей жизнерадостный смех и невидимый шрам запечатлелись у него в памяти навеки, а не найдя ее, решил отыскать распутную, распатланную, расстегнутую чуть ли не до талии девицу в атласной блузке, которая выбрала, пьяная идиотка, Аафрея и выбросила по его настоянию кольцо с нагими фигурками из окна своей машины. Йоссариан безумно жаждал обеих. Он искал их повсюду, но так и не нашел. Ему исступленно хотелось доказать им свою любовь и бешено не хотелось верить, что он никогда их больше не увидит. Его мучило отчаяние. Изводили полусумасшедшие видения. Донимали любовные воспоминания о мисс Даккит. От полной безнадежности он решил утешиться с тощей проституткой, которая подцепила его возле гостиницы, но не смогла дать ему настоящего утешения, и тогда он ринулся в

солдатскую квартиру, чтобы успокоиться на радушной, как горная вершина, служанке с вечной шваброй или тряпкой, не сумевшей, однако, пробудить в нем на этот раз ни малейшего желания. Он лег спать рано и один. Проснувшись поутру голодным и несчастным, он подкатился после завтрака к оставленной кем-то из предыдущих отпускников толстухе, но она оказалась уныло пресной, и он снова завалился спать. Проспав до обеда, он отправился за подарками для мисс Даккит и заодно купил шарф радушной служанке из солдатской квартиры, которая так благодарно его обняла, что он истошно затосковал по мисс Даккит и опять помчался искать Лючану. Вместо Лючаны ему повстречался Аафрей, который оказался в Риме одновременно с Дэнбаром, Доббзом и Нетли, прилетевшими на самолете Обжоры Джо, но, когда они все вместе к вечеру как следует поднабрались, Аафрей не пожелал идти выручать шлюху Нетли, замученную в шикарном гостиничном номере важными армейскими шишками лет под пятьдесят, потому что она, по их мнению, неправильно говорила «сдаюсь».

— Не желаю я ради нее рисковать, — заносчиво объявил Аафрей. — Только не передавайте Нетли мои слова. Объясните ему, что у меня назначена

встреча с весьма влиятельным членом нашего Студенческого братства.

А важные армейские шишки лет под пятьдесят не выпускали шлюху Нетли из номера, потому что она не желала сказать на их лад слово «сдаюсь».

— Скажи «сдаюсь», — говорили они ей.

— Сдаюсь, — говорила она.

— Да нет, не так. Ты скажи сама, без нашей подсказки.

— Сдаюсь, — говорила она.

— Нет, не понимает.

— Неужели ты не понимаешь? Мы не можем заставить тебя добровольно сказать «сдаюсь», если ты сама не хочешь сказать «сдаюсь». Понимаешь? Не говори «сдаюсь», когда я говорю, чтоб ты сказала «сдаюсь». Ладно? Скажи «сдаюсь».

— Сдаюсь, — сказала она.

— Да не говори же ты по приказу! Скажи по своей воле.

Она промолчала.

— Прекрасно!

— Великолепно!

— Так-так, начало есть. Ну а теперь скажи «сдаюсь».

— Сдаюсь, — сказала она.

— Ну вот, опять!

— Опять она взялась за свое! Ей на нас наплевать. Ну какая нам радость, когда она говорит «сдаюсь», если ей наплевать, потребовали мы от нее, чтоб она сказала «сдаюсь», или нет?

— Вот-вот, ей определенно наплевать. Скажи «нога».

— Нога.

— Видали? Она на нас плюет. Мы для нее все равно что пешки. Тебе до нас дела нет, верно?

— Сдаюсь, — сказала она.

Ей не было до них дела, а им это было невтерпеж. Каждый раз, как она зевала, они принимались ее злобно трясти. Ей так все обрыдло, что она даже не испугалась их угрозы выбросить ее в окно. Они были важные армейские шишки, а она — усталая, равнодушная и сонная проститутка. Ей пришлось работать двадцать четыре часа подряд и очень хотелось, чтоб ее отпустили вместе с двумя другими проститутками, которые отработали свое и ушли. Она не понимала, почему им хочется, чтоб она смеялась, когда смеются они, и получала удовольствие, доставляя удовольствие им. Ее все это очень удивляло и казалось до омерзения скучным.

Она не понимала, чего от нее хотят. Всякий

раз, как она клевала носом, непроизвольно закрыв глаза, они трясли ее и требовали сказать «сдаюсь». А когда она говорила «сдаюсь», раздраженно пугались. Ей бы хоть понять, на кой им ее «сдаюсь», думала она, устало и сутуло сидя на тахте. Ее одежда валялась беспорядочной грудой в углу комнаты на полу, а сама она с огромным трудом таращила смыкающиеся от недосыпа глаза и тупо гадала, сколько еще времени эти голые люди будут суетиться вокруг нее в элегантном гостиничном номере из нескольких комнат, призывая сказать «сдаюсь», — сидела покорная и равнодушная, пока давняя подружка Орра не привела вечером ей на помощь спасательную команду, состоящую из Нетли, Йоссариана, Дэнбара и Обжоры Джо, которые столь пылко ее обнимали, что она чуть не задохнулась по дороге в жарких объятиях упившихся спасателей от собственного хихиканья.

...С трудом оторвав Йоссариана от их проводницы, Нетли втолкнул его в голубую гостиную, где Дэнбар выбрасывал все, что попадалось ему под руку, в окно, а Доббз крушил мебель тяжелой подставкой для пепельницы — металлическим трехногим прутом. Внезапно дверь, ведущая во внутренние комнаты, распахнулась, и перед

спасателями предстал голый человек со смущенно розовеющим аппендицитным шрамом на животе. Сразу же ощутив свою смехотворную нелепость при нескольких офицерах в полной форме, но без знаков различия — на них были кожаные пилотские куртки, — он тем не менее начальственно рыкнул:

— Это что это тут такое творится?

— А ноги-то у тебя грязные, — сообщил ему Дэнбар.

Голый человек прикрыл ладонями срам и поспешно скрылся за дверью. Дэнбар, Доббз и Обжора Джо с новой энергией принялись выбрасывать все, что попадалось им под руки, в окно, радостно ухая от молодецки разгулявшихся сил. Когда они повыбрасывали всю одежду, валявшуюся на виду, и подступили к платяному шкафу, дверь, ведущая во внутренние комнаты, распахнулась опять, и на пороге возник царственно представительный от шеи и выше, но тоже голый и босоногий человек.

— Это что за безобразие? — гаркнул он. — Немедленно прекратить!

— А ноги-то у тебя грязные, — сообщил ему Дэнбар.

Человек прикрыл ладонями срам и торопливо

ретировался.

Нетли двинулся вслед за ним, но дорогу ему преградил предыдущий голый человек: он выскочил в гостиную, тяжко топоча босыми пятками и загораживаясь подушкой, будто исполняющая стриптиз танцовщица с плохо надутым воздушным шаром.

— Эй, вы, — взбешенно прорычал он. — А-а-а-тставить!

— Эй, вы, — отозвался Дэнбар. — А-а-а-тставить!

— Это я говорю «отставить»! — утвердил себя командиром голый человек.

— Это я говорю «отставить», — отозвался Дэнбар.

— Вы что — намеренно повторяете мои приказы? — раздражительно притопывая пятками, но быстро теряя начальственную спесь, вопросил голый человек и закрылся подушкой, словно стриптизница — полуспущенным шаром.

— Вы что — намеренно повторяете мои приказы? — отозвался Дэнбар.

— Да я сейчас дух из тебя повыбью! — Стриптизник поднял кулак.

— Да я сейчас дух из тебя повыбью, — холодно отозвался Дэнбар. — Ты германский шпион и

будешь расстрелян.

— Я германский шпион? Я полковник американской армии!

— А по-моему, ты вислобрюхий голяк с подушкой, — сообщил ему Дэнбар. — Где, интересно, твоя форма, если ты американский полковник?

— Вы только что выбросили ее в окно.

— Значит, так, парни, — сказал Дэнбар. — Арестуйте этого придурочного ублюдка. Выведите его на улицу и заприте в полицейском участке, а ключ выбросьте куда глаза глядят. Ясно?

— Вы что — спятили? — испуганно выкрикнул голый полковник. — Где ваши знаки различия?.. Эй! Ты куда?

Однако он спохватился слишком поздно, и Нетли, который внезапно увидел в щелку приоткрытой двери свою сидящую на тахте возлюбленную, молниеносно проскочил за его спиной в соседнюю комнату. Остальные спасатели повалили следом. Они оказались перед толпой важных армейских шишек в чем мать родила. Обжора Джо, лиловея от истерического хохота, стал показывать на каждого из них трясущимся пальцем и бить то в ладоши, то ладонями себя по бокам. Два особенно мясистых человека угрожающе двинулись вперед, но сразу же остановились,

приметив тусклый блеск угрюмой враждебности в глазах у Дэнбара и Доббза, который к тому же по-прежнему сжимал, словно двуручный мяч, металлический прут в обеих руках. Нетли торопливо присел возле своей возлюбленной. Несколько секунд она смотрела на него, не узнавая. Потом обессиленно улыбнулась, глаза у нее закрылись, и она уронила голову ему на плечо. Его обуял безумный восторг — до этого мгновения она никогда ему не улыбалась.

— Филпо, — негромко сказал, даже не встав при появлении незнакомцев, поджарый, как бы пресыщенный жизнью и явно уверенный в себе, но тоже безнадежно голый человек. — Ты не выполнил мой приказ. Я приказал тебе выгнать их вон, а ты явился вместе с ними сюда. Улавливаешь разницу?

— Они выбросили наши вещи в окно, мой генерал, — доложил ему Филпо.

— Так-так. И форму, конечно, тоже? Смышленые, видно, ребята. Без формы мы не сумеем их убедить, что они должны нам подчиняться.

— Надо записать их фамилии, Лу, и потом…

— Уймись, Нед, — с умело подчеркнутой терпимостью сказал генерал. — Ты, возможно, неплохо командуешь бронетанковыми дивизиями, но в

мелких общественных конфликтах от тебя толку мало. Рано или поздно мы, разумеется, доберемся до нашей одежды, и тогда им придется нам подчиняться, а пока… Так они действительно ее выбросили? Великолепный тактический ход.

— Они все выбросили, мой генерал.

— Из шкафа тоже?

— Они и шкаф тоже выбросили, мой генерал. Про этот грохот мы и подумали, что кто-то взламывает дверь, чтобы нас убить.

— Я и тебя сейчас выброшу, — пообещал Дэнбар.

— Чего это он взбеленился? — слегка побледнев, спросил Йоссариана генерал.

— У него, между прочим, слова с делами не расходятся, — сказал Йоссариан. — Так что советую вам отпустить девушку, и поскорей.

— Господи, да забирайте ее хоть сию секунду! — облегченно воскликнул генерал. — Она уже почти доказала нам, что мы ничего не стоим. Даже разозлиться или обидеться на нас не пожелала за наши сто долларов. Никаких чувств, будто мы для нее не люди. А ваш привлекательный юный друг очень, я вижу, к ней привязан. Гляньте-ка, что он делает, помогая ей одеваться…

Нетли, застигнутый врасплох, виновато покрас-

нел и стал одевать возлюбленную с удвоенной быстротой. А она уже по-настоящему спала, и ее спокойное дыхание напоминало легкий храп.

— Надо хоть под конец расшевелить ее, Лу, — настойчиво предложил один из голых офицеров. — У нас больше сил, и мы могли бы окружить…

— Утихни, Билл, — со вздохом перебил его генерал. — Ты, быть может, неплохо руководишь операциями по окружению и захвату в клещи крупных войсковых соединений на ровной местности среди бела дня, когда у противника исчерпаны резервы, но при всех других обстоятельствах от тебя проку мало. Да и зачем она нам?

— Мой генерал, у нас решительно не обеспечены тылы. Представляете, каково придется тому, кто будет вынужден спуститься голым по лестнице и выйти на улицу за нашей одеждой?

— Да, Филпо, ты прекрасно разобрался в обстановке, — сказал генерал. — А поэтому на тебя-то я и возлагаю операцию по доставке одежды. Вперед, Филпо, за одеждой шаго-о-о-ом марш!

— Без всякого прикрытия, сэр? Прямо голым?

— Можешь прикрыться подушкой. И раздобудь сигарет, когда подберешь наше барахло.

— Я пришлю вам одежду, — пообещал Йоссариан.

— Он пришлет нам одежду, — с облегчением подхватил Филпо. — Значит, мой рейд отменяется, сэр.

— Ох и балбес же ты, Филпо! Неужели тебе не ясно, что он врет?

— Вы врете?

Йоссариан кивнул, и уверенность Филпо увяла. Посмеиваясь, Йоссариан помог Нетли вывести возлюбленную на лестницу и войти с нею в лифт. Они вели ее под руки, а она блаженно улыбалась во сне — ей, видимо, снилось что-то очень приятное, — доверчиво положив голову Нетли на плечо. Дэнбар и Доббз выскочили из подъезда первыми, чтобы поймать такси.

Когда машина остановилась, возлюбленная Нетли приподняла голову и открыла глаза, а карабкаясь по узкой крутой лестнице к своей бордельной квартире — они и тут вели ее под руки, — несколько раз как бы сглотнула застрявший в горле сухой комок, но снова крепко уснула, еще до того, как Нетли раздел ее и уложил в постель. Она проспала восемнадцать часов, а он все утро метался по квартире, яростно шикая на каждого, кто открывал рот, чтобы заговорить, и

в конце концов завоевал ее любовь — для этого, оказывается, нужно было только дать ей хорошенько отоспаться.

Проснувшись, она благожелательно улыбнулась ему, томно потянулась под шуршащими простынями и нетерпеливо поманила его к себе. Он был так счастлив, что даже почти не разозлился, когда в комнату ворвалась, по своему всегдашнему обыкновению, ее младшая сестра и лишила его заслуженной награды. Старшая закатила младшей звонкую оплеуху и громко обругала ее, но тоже почти без злости. А счастливый Нетли принялся строить брачные планы. Девочку, когда она подрастет, думал он, надо будет определить в первоклассный колледж — Смит, Рэдклиф или Брин Мор, — он обязательно позаботится об этом. Ему не сиделось на месте, и он выскочил в гостиную, чтобы восторженно проорать своим друзьям о чудесной перемене в его судьбе. Он пригласил их к своей возлюбленной и захлопнул у них перед носом дверь, как только они подошли, вспомнив, что его возлюбленная раздета.

— Одевайся, — скомандовал он ей, мысленно вознося себе хвалу за свою рыцарскую бдительность.

— Perché? — с любопытством спросила она.

— Perché? — снисходительно переспросил он. — Да потому что я не могу позволить им пялиться на тебя, когда ты раздета.

— Perché no?[26] — поинтересовалась она.

— Perché no? — изумленно переспросил он. — Да потому что это нехорошо.

— Perché no?

— Потому что нехорошо! — в отчаянии рявкнул он. — Не смей со мной спорить! Я мужчина, и ты должна меня слушаться! Отныне и впредь я запрещаю тебе выходить из комнаты неодетой! Понятно?

Ей показалось, что он спятил.

— Ты спятил? Che succede?[27] — воскликнула она.

— Не смей со мной спорить! — завопил он.

— Tu sei pazzo! — возмущенно крикнула она и выскочила из постели. А потом, что-то невнятно бурча, натянула трусики и шагнула к двери.

Нетли сурово выпрямился и мужественно приосанился.

— Я запрещаю тебе выходить из комнаты в

---

[26] Примечания: 26
Почему нет? *(итал.)*

[27] Примечания: 27
Что случилось? *(итал.)*

таком виде, — холодно сказал он ей.

— Tu sei pazzo! — выкрикнула она и, выйдя за дверь, изумленно покачала головой. — Idiota! Tu sei un pazzo imbecille![28]

— Tu sei pazzo! — провозгласила ее тщедушная младшая сестра, надменно выплывая в коридор следом за старшей.

— А ну вернись! — приказал ей Нетли. — Тебе-то я раз и навсегда запрещаю разгуливать по квартире в таком виде.

— Idiota! — крикнула она ему из-за двери. — Tu sei un pazzo imbecille!

Нетли растерянно покрутился на месте, а потом помчался в гостиную, чтобы запретить своим друзьям смотреть на его возлюбленную, которая жаловалась им, стоя перед ними в одних трусиках, что он спятил.

— А почему не смотреть? — спросил Дэнбар.

— Почему? — возмутился Нетли. — Да потому что она теперь моя девушка, и будет нехорошо, если вы увидите ее без одежды.

— А почему нехорошо? — спросил Дэнбар.

— Спятил, — сказала, пожав плечами, его де-

---

[28] Примечания: 28
Идиот! Сумасшедший кретин! *(итал.)*

вушка. — Lui è pazzo![29]

— Si, è molto pazzo,[30] — эхом отозвалась ее младшая сестра.

— Так прикажи ей одеться, если не хочешь, чтоб мы видели ее без одежды, — проворчал Обжора Джо. — А к нам-то ты какого дьявола привязался?

— Да она меня не слушается, — смущенно признался Нетли. — Поэтому вы должны закрывать глаза или смотреть в другую сторону, когда она выходит из комнаты в таком виде. Понимаете?

— Madonn'![31] — гневно вскричала его девушка и ушла.

— Madonn'! — вскричала ее младшая сестра и ушла вслед за ней.

— Lui è pazzo, — добродушно хмыкнув, сказал Йоссариан. — Приходится с ними согласиться.

— Ты что — действительно спятил или просто опупел? — ошарашенно спросил его Обжора Джо. — Может, ты и на панель запретишь ей выходить?

---

[29] Примечания: 29
Он сумасшедший! *(итал.)*

[30] Примечания: 30
Да, жутко сумасшедший *(итал.).*

[31] Примечания: 31
Мадонна! *(итал.)*

— Отныне и впредь, — объявил Нетли своей девушке, которая вернулась в гостиную, — я запрещаю тебе выходить на панель.

— Perché? — с любопытством спросила она.

— Perché? — в отчаянии выкрикнул он. — Да потому что это нехорошо!

— Perché no?

— Потому что нехорошо! Нехорошо, когда хорошая девушка ищет на улице мужчин, чтобы с ними спать. Я в достатке обеспечу тебя деньгами, и ты сможешь бросить свой дурной промысел.

— А что же я буду весь день делать?

— Как это что? То же, что делают твои подруги.

— Мои подруги ищут весь день мужчин, чтобы с ними спать.

— Значит, заведи себе других подруг! Ты не должна якшаться с девицами вроде этих. Заниматься проституцией дурно, понимаешь? Это известно всем, даже ему. — Нетли уверенно повернулся к многоопытному старику. — Вы согласны?

— Ни в коем случае, — ответил старик. — Проституция дает ей возможность встречаться с людьми. Благодаря своему промыслу она бывает на свежем воздухе, не ведет сидячий образ жизни, который вредит здоровью, и держится в стороне

от всякого рода извращенцев, которые могли бы ее погубить.

— Отныне и впредь, — поворачиваясь к своей девушке, твердо объявил Нетли, — я запрещаю тебе иметь дело с этим распущенным стариком.

— Va fongul![32] — воскликнула его девушка, изнеможенно вскидывая взгляд к потолку. — Чего ему от меня надо? — выкрикнула она, потрясая сжатыми кулаками. — Lasciami![33] — напустилась она на Нетли. — Stupido![34] Если мои подруги такие плохие, скажи своим друзьям, чтоб они не лезли к ним в постель!

— Отныне и впредь, — сказал Нетли своим друзьям, — вы не должны лезть в постель к ее бывшим подругам. Пора вам наконец остепениться.

— Madonn'! — воскликнули его друзья, изнеможенно вскидывая взгляды к потолку.

Нетли обезумел. От требовал, чтоб они немедленно влюбились и обзавелись женами. Дэнбар мог жениться на бывшей шлюхе Орра, а Йосса-

---

[32] Примечания: 32
Да пошел ты! *(итал.)*

[33] Примечания: 33
Отцепись! *(итал.)*

[34] Примечания: 34
Болван! *(итал.)*

риану следовало окончательно влюбиться в мисс Даккит или жениться на любой другой девушке, которая ему приглянется. После войны им всем предоставит работу его отец, так что они смогут жить, растя детей, в том благопристойном пригороде, где жил он сам. Ему ясно рисовалась эта безумная, на их взгляд, картина. Счастливая любовь превратила Нетли в романтического идиота, и друзья спровадили его к возлюбленной, которая ушла в свою комнатенку, где он принялся пререкаться с ней насчет капитана Гнуса. Она пообещала больше не продаваться ему и даже не отдавать полученные от Нетли деньги, но зато наотрез отказалась раздружиться с безобразным, развратным, беспринципным и разнузданным стариком, который презрительно относится к расцветающему роману Нетли и нагло отказывался признать Конгресс величайшим совещательным органом в мире.

— Отныне и впредь, — сурово объявил своей возлюбленной Нетли, — я категорически запрещаю тебе даже разговаривать с этим омерзительным стариком.

— Да за что ты на него взъелся? — обескураженно завопила она. — Perchè no?

— Ему не нравится Палата представителей.

— Mamma mia![35] Да что с тобой стряслось?

— E pazzo, — философски заметила ее младшая сестра. — Вот что с ним стряслось.

— Si, — согласилась старшая, горестно дергая себя за длинные каштановые пряди. — Lui è pazzo.

Однако она скучала по Нетли, когда ему приходилось возвращаться в полк, и навеки возненавидела Йоссариана, который отправил его в госпиталь, сломав ему нос.

---

[35] Примечания: 35
Ох, мамочка! *(итал.)*

Глава тридцать четвертая
День благодарения

Йоссариан сломал Нетли нос по вине сержанта Найта, а случилось это в День благодарения, когда почти все наконец изнемогли, обожравшись благодаря Мило Миндербиндеру чудовищно обильным обедом, который продолжался до вечера, и опившись дешевым виски, выдаваемым по приказу Мило в непочатых бутылках каждому желающему без каких бы то ни было ограничений всю ночь напролет. Еще до наступления темноты молодые солдаты с одутловато-бледными лицами начали выворачиваться от рвоты наизнанку и потом засыпали мертвецким сном в ближайших кустах. Воздух тошнотно провонял перегаром. Кое-кто, однако, продержался на ногах до ночи, а некоторые через несколько часов проспались, и буйное, бессмысленное, пьяное пирование нескончаемо продолжалось, превратившись мало-помалу в безумную, дикую, страшную и похабную вакханалию, захлестнувшую не только лес вокруг офицерского клуба, но и близлежащие холмы от госпиталя до зенитных

батарей у аэродрома. В эскадрилье Йоссариана то и дело вспыхивали кулачные потасовки, а один раз дело дошло и до поножовщины. Капрал Колодный, забавляясь в разведпалатке с заряженным пистолетом, прострелил себе ногу, так что его пришлось отправить на машине «Скорой помощи» в госпиталь, а по дороге ему вымазали десны и пальцы на ногах лиловым раствором горечавки, чтобы унять хлещущую из раны кровь. Люди с порезанными пальцами, разбитыми головами, желудочными коликами и вывихнутыми конечностями покаянно тащились в медпалатку, где Гэс и Уэс без устали мазали им десны и пальцы на ногах раствором горечавки, а потом потчевали слабительным, от которого следовало избавиться как можно быстрей. Громогласное гульбище бушевало почти до утра, и ночную тьму беспрерывно вспарывали удалые пьяные вопли, ликующие заздравные клики, звон разбиваемых об камни бутылок, угрожающие крики дерущихся, истошные проклятия избитых и утробные стоны упившихся до рвотной дурноты. Откуда-то издали доносились похабные песни. Эта оргия перещеголяла даже буйное ночное пьянство в сочельник.

Зная повадки однополчан, Йоссариан на вся-

кий случай рано лег спать, и вскоре ему приснилось, что он мчится с дробным стуком каблуков по бесконечной деревянной лестнице вниз. А проснувшись, обнаружил, что кто-то стреляет в него из пулемета. Он чуть не задохнулся от подступивших в горлу страдальческих рыданий. Сначала ему почудилось, что Мило Миндербиндер опять заключил с немцами контракт и его самолеты поливают их эскадрилью с бреющего полета пулеметным огнем; он соскочил на пол, проворно закатился под койку и свернулся там в мокрый от холодного пота клубок, сотрясаемый тяжкими ударами бьющегося, словно взбесившийся кузнечный молот, сердца. Однако вместо рева самолетных двигателей он услышал гомерический пьяный хохот. «С Новым годом, с новым счастьем!» — жизнерадостно выкрикивал откуда-то сверху знакомый ему голос между короткими, оглушительно резкими пулеметными очередями, и он быстро сообразил, что озверевшие шутники забрались в пулеметное гнездо, которое оборудовал на холме после своего налета Мило Миндербиндер, приставив к нему для круглосуточного посменного дежурства команду из своих людей.

Сообразив, что его превратили в хнычущий,

жалко трясущийся полуживой комок животного ужаса пьяные гуляки, Йоссариан ощутил нестерпимую, бешеную ненависть. Он жаждал крови, жаждал убийства. Столь чудовищный приступ злобы обуял его первый раз в жизни, он меньше злобился, даже собираясь придушить Маквота. Пулемет заработал опять. Потом раздался торжествующий вопль: «С новым счастьем в Новом году!», а за ним вдогонку покатился с холма издевательский хохот, расколовший ночную тишину, словно цокот бесовских копыт. Сунув ноги в тапочки, Йоссариан схватил свой пистолет, выскочил из палатки, вколотил на бегу в рукоять обойму, оттянул ствол, заслал патрон в патронник и щелкнул предохранителем, чтобы стрелять, когда наступит секунда вожделенного мщения, без всякой подготовки. Сзади кто-то испуганно выкрикнул его имя, и он узнал голос Нетли, который, видимо, хотел помешать ему насладиться праведной местью.

С черного холма над полковым автопарком снова застрочил пулемет, и гибельная морзянка оранжевых трассирующих пуль едва не срезала темные верхушки палаток. Между отрывистыми пулеметными очередями ночную тишь оглашали раскаты пьяного хохота. Злоба в груди у

Йоссариана клокотала, как кипящая кислота, — эти проклятые ублюдки тоже покушались на его жизнь! Почти слепой от злобно застилающей ему глаза ненавистной решимости, Йоссариан проскочил между палатками, миновал автопарк и уже бежал, тяжело пыхтя, по узкой извилистой тропе к вершине холма, когда его нагнал с умоляющим криком: «Йо-Йо! Йо-Йо! Подожди! Подожди!» — до отчаяния встревоженный Нетли. Он ухватил Йоссариана за плечи, пытаясь остановить. Йоссариан вырвался и, повернувшись к Нетли, который снова сунулся ему навстречу, чтобы как-нибудь задержать, долбанул его изо всех сил по милому юношескому лицу, коротко матюгнулся хотел второй раз, но не успел: Нетли с коротким стоном повалился на землю, и в следующее мгновение Йоссариан увидел его у своих ног — он лежал, вроде зашибленного щенка, на каменистой тропе, болезненно уткнув лицо в поджатые к животу колени и обхватив обеими руками голову, а из-под пальцев у него сочилась кровь. Йоссариан резко повернулся и не оглядываясь побежал вверх.

Вскоре он увидел пулеметное гнездо. Два черных силуэта отскочили от пулемета и удрали с насмешливым хихиканьем в темноту прежде,

чем ему удалось приблизиться к ним для верного выстрела. Он опоздал. Шаги беглецов затихли, и перед ним немо пузатились в холодной лунной тишине только мешки с плеском. Он удрученно огляделся. Издали еще раз послышался приглушенный расстоянием глумливый хохот. И вдруг поблизости хрустнула ветка! Йоссариан, дрожа от радостного возбуждения, присел на колено и вскинул к бедру пистолет. За мешками негромко шуршали листья — кто-то осторожно шел, — и Йоссариан встретил его двумя почти слитными выстрелами. В ответ прогремел один, но этого было достаточно — Йоссариан понял.

— Дэнбар? — крикнул он.

— Йоссариан?

Они двинулись навстречу друг другу и встретились возле окольцованного мешками с песком пулемета — у обоих в опущенной правой руке пистолет, оба запыхавшиеся и угрюмо разочарованные. Морозный воздух уже пронизывал их знобкой дрожью.

— Сбежали, ублюдки, — сказал Йоссариан.

— Они отняли у меня десять лет жизни! — воскликнул Дэнбар. — Мне почудилось, что этот паскудник Миндербиндер опять устроил налет. Я, по-моему, никогда еще так не пугался. Хотелось

бы мне узнать, кто они, эти ублюдки!

— Один из них сержант Найт.

— Пойдем скорей, надо его убить! — щелкая зубами, рявкнул Дэнбар. — Никто не давал ему права так нас пугать!

Однако у Йоссариана пропала всякая охота кого-нибудь убивать.

— Надо сначала помочь Нетли, — сказал он. — Я, наверно, здорово его пришиб, когда он сунулся ко мне у подножия холма.

Нетли, как выяснилось, исчез, потому что Йоссариан легко отыскал место, где он лежал, по крови на камнях, но его самого там уже не было. В свою палатку он тоже не вернулся, и они нашли его только на следующее утро, когда определились в госпиталь как пациенты, узнав, что он поступил туда накануне вечером со сломанным носом. Их ввела к нему в палату мисс Крэймер, и, пока она указывала новым пациентам их койки, он следил за ними с боязливо-радостной улыбкой. Вокруг обоих глаз у него вспухли черные круги, а сломанный нос скрывала белая марлево-гипсовая нашлепка. Ничего от смущения не понимая, он мучительно покраснел и застенчиво сказал, что, наверно, сам во всем виноват, когда Йоссариан стал извиняться перед ним за свой

зверский удар. Йоссариану было стыдно до слез, он не мог без горестного раскаяния смотреть на изуродованное лицо друга, который выглядел столь комично, что губы Йоссариана кривила непроизвольная ухмылка. А Дэнбара невыносимо удручала их щенячья, как он выразился, сентиментальность, и все трое очень обрадовались, когда в палату ворвался Обжора Джо со своим дорогим фотоаппаратом, чтобы снимать, как Йоссариан тискает мисс Даккит, и выдуманным приступом аппендицита, чтобы оказаться в этот момент рядом. Однако и его и Йоссариана ожидало разочарование. Мисс Даккит решила выйти замуж за врача — любого врача, они все прекрасно делали деньги, — и не желала рисковать добрым именем при своих потенциальных мужьях. Обжору Джо грызла безутешная тоска, пока однажды к ним в палату не привели — вот уж кого ни один из них не предполагал здесь увидеть! — капеллана в бордовом вельветовом халате и с такой сияющей улыбкой на радостно-самодовольном лице, что она бросалась в глаза, словно яркий луч зажженного ночью маяка. Его послали на лечение с болями в области сердца, хотя, по мнению врачей, он страдал от желудочных газов, а жаловался при отправке в госпиталь

на запущенный висконсинский лишай.

— Что же это, интересно, за болезнь, — уважительно спросил Йоссариан, — висконсинский лишай?

— Вот и врачам тоже очень интересно! — горделиво воскликнул капеллан и радостно расхохотался. Никогда еще не видели они его таким оживленным и веселым. — Нету на свете такой болезни — висконсинский лишай! Понимаете? Я солгал. Мне удалось заключить с врачами сделку. Я пообещал им, что сам их оповещу, когда мой лишай пройдет, если они твердо пообещают мне его не лечить. Я никогда раньше не лгал. Замечательно, правда?

Капеллан согрешил, и грех обернулся для него истинным добром. Здравый смысл подсказывал ему, что лгать и уклоняться от выполнения долга грешно. С другой стороны, всем было известно, что грех — это зло, а от зла нелепо ждать добра. И однако оно обернулось добром — он чувствовал себя прекрасно. Следовательно, исходя из элементарной логики, ложь и уклонение от велений долга нельзя было называть грехами. Чудесное прозрение мгновенно вооружило капеллана богатейшим арсеналом безукоризненных защитных силлогизмов, и он упоенно благодарил

судьбу за свою удивительную находку. Свершилось истинное чудо. Ему теперь ничего не стоило преобразить бессилие в смирение, алчность в бережливость, леность в умеренность, грубость в прямоту, богохульство в мудрость, неправду в истину, порок в добродетель, жестокость в патриотизм, а садизм в справедливое правосудие. Для таких преобразований не требовалось ума, их мог совершить кто угодно. Тут нужна была лишь строго безнравственная последовательность. Капеллан почти мгновенно достиг всеобъемлющей аморальности под изумленным взглядом зачарованно оцепеневшего на своей кровати Нетли, который считал, что вокруг него собралась редкостная, уникальная банда безумцев, и ожидал появления сурового судьи с безапелляционным приказом выкинуть их всех вон как свору взбесившихся от наглости симулянтов. Ничего подобного не случилось. Вечером они отправились жизнерадостной толпой смотреть шикарную голливудскую кинопошлятину, а когда их жизнерадостная толпа вернулась после просмотра шикарной голливудской кинопошлятины обратно в палату, на пустовавшей до их ухода койке уже лежал солдат в белом, и Дэнбар, теряя рассудок, завопил:

— Он опять здесь! Опять здесь! Опять!

Йоссариан, холодея, замер: его одинаково ужаснул и пронзительный, леденящий душу вопль Дэнбара, и устрашающий, знакомый до мельчайших подробностей гипсово-марлевый кокон солдата в белом, мертвенно покоящийся на койке для недужных, но все же живых. Странное дрожащее клокотание гулко закурлыкало у Йоссариана в глотке.

— Он опять здесь! — истошно выкрикнул Дэнбар.

— Он опять здесь! — как бы заразившись его страхом, заорал пациент, поступивший на лечение за несколько дней до них в горячечном бреду.

Палату захлестнуло суетливое сумасшествие. Больные и увечные метались взад-вперед по проходу, бессвязно вопя, наподобие людей, оказавшихся в здании, которое охватил пожар. Одноногий пациент скакал по палате с одним костылем, испуганно выкрикивая:

— Что это? Что? Пожар? Мы горим?

— Он опять здесь! — гаркнул кто-то ему в ответ. — Ты что — не слышал? Он здесь! Он здесь!

— Кто здесь? Кто? — взвизгнул другой пациент.

— В чем дело? Что нам делать?

— Пожар? Налет?

— Бежать надо! Бежать! Они всех тут уморят!

Теперь уже все пациенты повскакали со своих коек и начали бегать взад-вперед по палате. Один из обэпэшников торопливо искал пистолет, чтобы пристрелить второго обэпэшника, который чуть не выбил ему локтем глаз. Палата напоминала взбунтовавшийся сумасшедший дом. Пациент в горячечном бреду, судорожно соскочив с койки, едва не сбил одноногого, а тот раздавил ему черным резиновым наконечником своего единственного костыля несколько пальцев на босой ноге. Пациент в горячечном бреду грохнулся под ноги слепо мечущимся людям и горячечно выл от боли, когда об него запинались.

— Он здесь! Он здесь! — хныкали, причитали, бормотали и завывали обезумевшие пациенты. — Он здесь! Он здесь!

— Успокойтесь! Ну пожалуйста, успокойтесь! — слезливо причитала мисс Крэймер, которая вбежала в палату, чтобы их утихомирить — с таким же успехом самонадеянный полицейский мог бы утихомиривать голыми руками взбесившиеся автомобили, — а когда ее вконец затолкали, беспомощно разрыдалась. — Успо-

койтесь! Ну пожалуйста, успокойтесь! — крупно сотрясаясь от рыданий, умоляла она.

Бледный, как призрак, капеллан решительно ничего не понимал. Не понимал и Нетли, теснившийся поближе к Йоссариану — он даже ухватился за его локоть, — и Обжора Джо, который подозрительно, с испуганным лицом озирался вокруг, настороженно сжав свои костлявые кулаки.

— Эй, в чем дело? — пугливо бормотал он. — Что тут происходит, черт бы вас расподрал?

— Это тот же самый! — тревожно крикнул ему Дэнбар, перекрыв на мгновение общий визгливый гул. — Неужто не понимаешь? Это тот же самый!

— Тот же самый! — услышал собственный выкрик Йоссариан, пробираясь вслед за Дэнбаром к койке солдата в белом и тщетно пытаясь подавить свою мрачную взбудораженность.

— Не психуйте, ребята, — доброжелательно увещевал их патриотично настроенный пухлый техасец с растерянной улыбкой на бледных губах. — Ну что в нем такого страшного? Чего вы все распсиховались?

— Это тот же самый! — принялись бормотать, причитать и выкрикивать остальные пациенты.

Внезапно среди них возникла мисс Даккит.

— Что тут происходит? — решительно спросила она.

— Он опять здесь! — взвизгнула мисс Крэймер, спрятав лицо у нее на груди. — Он опять здесь! Опять!

Да, это был тот же самый человек. Он слегка укоротился и стал чуточку толще, но Йоссариан мгновенно узнал его по размухренной черной дыре в белой маске надо ртом и четырем негнущимся, массивным, бесполезным конечностям, почти перпендикулярно задранным к потолку с помощью туго натянутых тросов и длинных свинцовых противовесов, угрожающе застывших над его горизонтальным туловом в гипсово-марлевом коконе. Он практически ничуть не изменился. Те же цинковые трубки у задранных вверх задних конечностей, нисходящие плавной дугой к прозрачному сосуду возле койки внизу, тот же прозрачный сосуд наверху, капельно питающий его прозрачной жидкостью через отверстия в гипсовом панцире передних конечностей на уровне локтей. Йоссариан узнал бы его где угодно. И ему очень хотелось выяснить, кто он такой.

— Там никого нет! — внезапно взревел у него над ухом Дэнбар.

— Ты о чем? — ощутив сердечный сбой и слабость в ногах, заорал Йоссариан, с ужасом глядя на искорки бесноватого страха в безумно остекленевших глазах Дэнбара. — У тебя что — не все дома? Как это так — никого нет?

— Его украли! — рявкнул Дэнбар. — Он внутри полый, вроде шоколадного солдатика. Его вынули и принесли сюда только гипсовую оболочку.

— Да зачем бы им это делать?

— А зачем они выделывают все свои штучки?

— Ложитесь на свои койки, — упрашивала Дэнбара с Йоссарианом мисс Даккит и обессиленно пихала Йоссариана в грудь. — Ну пожалуйста, ложитесь!

— Ты спятил! — злобно крикнул Дэнбару Йоссариан. — Кто тебе сказал, что он полый?

— А кто его видел? — глумливо отпарировал Дэнбар.

— Ты ведь его видела? — с надеждой спросил у мисс Даккит Йоссариан. — Скажи Дэнбару, что он там есть!

— Там лейтенант Шмулкер, — сказала мисс Даккит. — У него обожжена вся кожа.

— А сама-то она его видела?

— Ты ведь его видела?

— Его видел врач, который оказывал ему

первую помощь.

— Ну и где он, этот врач? Можете вы его привести?

— Так он же не из нашего госпиталя! — внезапно встревожившись, воскликнула мисс Даккит. — Пациента обработали в полевом лазарете.

— Вот видишь! — вскрикнула мисс Крэймер. — Там наверняка никого нет!

— Там никого нет! — возопил, притопывая ногами, Обжора Джо.

Оттолкнув его, Дэнбар вспрыгнул на койку и прижал свой остекленело блестящий глаз к темному зеву в белой голове у гипсового кокона. Он все еще топырился на четвереньках, пытаясь что-нибудь разглядеть в непроглядно черной дыре, под которой предполагался рот, когда объединенный отряд врачей и военных полицейских вбежал в палату, так что Йоссариан с их помощью оттащил наконец Дэнбара от койки солдата в белом. У врачей болтались на поясах пистолетные кобуры. Военные полицейские с карабинами в руках расчистили прикладами узкий проход между нечленораздельно гомонящими пациентами, санитары подкатили к солдату в белом каталку, сноровисто погрузили на нее неподвижный белый кокон со всем его

снаряжением и быстро увезли — операция была проведена в течение нескольких секунд. Врачи и военные полицейские вышли вслед за санитарами из палаты, наскоро уведомив обомлевших пациентов, что все в порядке.

Мисс Даккит украдкой дернула Йоссариана за руку и коротко шепнула ему, что хочет встретиться с ним в кладовой неподалеку от их палаты. Йоссариан очень обрадовался. Он решил, что ей понадобилось любовное утешение, и не стал терять времени, закрывши за собой дверь кладовой, но мисс Даккит сурово оттолкнула его, и ему пришлось умерить свой пыл. У нее были чрезвычайные вести про Дэнбара.

— Его собираются исчезнуть, — прошептала мисс Даккит.

— Ис… чего? — удивленно глядя на нее, спросил Йоссариан и тревожно хихикнул. — Что это, по-твоему, значит?

— Понятия не имею. Я ведь просто подслушала их разговор.

— Чей разговор?

— Понятия не имею. Я же их не видела. Просто подслушала у двери, как они говорили, что Дэнбара надо исчезнуть.

— За что?

— Понятия не имею.

— Это же бессмыслица! Так и сказать-то нельзя. Ну как, объясни ты мне, пожалуйста, можно кого-нибудь исчезнуть?

— Понятия не имею.

— Ничего себе спасительница, — язвительно пробормотал Йоссариан.

— И не стыдно тебе насмешничать? — прошептала, всхлипнув, мисс Даккит. — Я же хочу помочь! Разве это моя вина, что они решили его исчезнуть? Я даже не имела права передавать тебе их разговор.

— Прости меня, — покаянно шепнул Йоссариан. Он нежно ее обнял, уважительно поцеловал в щеку и помчался предупреждать Дэнбара. Но разыскать его не смог.

Глава тридцать пятая
Мило-воитель

Первый раз в жизни Йоссариан возносил молитву. Он встал на колени и молил Нетли выбросить из головы мысль о дополнительных боевых вылетах, когда тот выполнил семидесятиразовую кошкартскую норму и, не посоветовавшись с Йоссарианом, попросился на должность Белого Овсюга, который умер-таки в госпитале от воспаления легких. Но мольба Йоссариана была гласом вопиющего в пустыне.

— У меня… н-нет… д-д-другого выхода, — с кривой улыбкой признался, запинаясь, Нетли. — Если я откажусь летать, они отправят меня в Штаты.

— Ну и что?

— Я не хочу возвращаться без нее домой.

— Она так много для тебя значит?

— Мне ведь потом едва ли удастся ее найти, — удрученно кивнув, сказал Нетли.

— Да летать-то тебе зачем? — с тревожной мольбой воскликнул Йоссариан. — Норму ты выполнил, а летная надбавка к жалованью тебе

не нужна. Попросись на должность Белого Овсюга — терпел же он капитана Гнуса, вытерпишь как-нибудь и ты.

— Не назначат меня в разведотдел, — покачав головой и застенчиво краснея за свое грустное смирение, сказал Нетли. — Я уже разговаривал с подполковником Корном, и он прямо объявил мне, что, если я откажусь летать, меня отправят домой.

— Подонки, — злобно выругавшись, проворчал Йоссариан.

— Да ничего, я думаю, со мной не случится. За семьдесят вылетов меня ведь не угробили, не угробят, будем надеяться, и за несколько дополнительных.

— Ну так подожди по крайней мере, пока я кое с кем потолкую, — заключил их разговор Йоссариан и отправился за помощью к Мило Миндербиндеру, который немедленно отправился после этого к полковнику Кошкарту с просьбой помочь ему принимать участие в боевых вылетах.

Слава Мило Миндербиндера постоянно ширилась, углублялась и крепла. Он бестрепетно стремился навстречу опасностям — бесстрашно шел, можно сказать, в каждом бою на таран, —

продавая Германии горючее и подшипники, чтобы получать хорошие барыши и уравновешивать силы противоборствующих сторон. Его хладнокровие под огнем обвинений было абсолютно непробиваемым и воистину безграничным. Самоотверженно выполняя свой долг, он так взвинтил цены в столовых, что солдаты и офицеры отдавали ему для поддержания жизни все свое жалованье. Правда, пользуясь правом свободного выбора — Мило Миндербиндер неустанно и громогласно выступал против принуждения, — они могли свободно предпочесть голодную смерть. Когда волна их сопротивления грозила смести его с лица земли, он беззаветно защищался, не жалея ни репутации, ни сил, под прикрытием дальнобойного закона о предложении и спросе. А если силы для наступления и позиционной обороны у него истощались, он отступал к своей абсолютно неприступной твердыне исторического права запрашивать с людей столько, сколько они могут, по его расчетам, дать, чтобы выжить.

Однажды он был пойман с поличным на грабеже соотечественников, и в результате его акции вознеслись на недосягаемую высоту. Он доказал бесценную верность своему слову, когда

тощий, как скелет, майор из Миннесоты скорчил мятежную гримасу и потребовал свою долю, обеспеченную, по утверждению Мило Миндербиндера, каждому члену синдиката. Мило принял вызов с праведным презрением и, написав на первом подвернувшемся ему под руку клочке бумаги слово ДОЛЯ, вручил эту долю мятежному угрюмцу, чем заслужил изумленное восхищение почти у всех соперников, соратников, завистников, защитников и просто знакомых. Он был в зените славы, и полковник Кошкарт, знавший список его боевых достижений как никто, почти испуганно взирал на прославленного воителя, когда тот явился в штаб полка с почтительной просьбой о еще одном — а на самом-то деле даже вовсе и не одном — опасном задании.

— Ты хочешь, чтоб тебя назначали в боевые вылеты? — задохнувшись от удивления, спросил его полковник Кошкарт. — Да зачем?

— Я хочу честно выполнять свой воинский долг, сэр, — опустив со сдержанным смирением голову, ответствовал Мило Миндербиндер.

— Послушай, Мило, ты же и так блестяще выполняешь свой долг, — сказал полковник Кошкарт и раскатисто, весело расхохотался. — По-моему, никто въедливей тебя не заботится

о личном составе полка. Вспомни хотя бы свой хлопок в шоколаде!

— Видите ли, полковник, — печально сказал Мило Миндербиндер и грустно покачал головой, — для истинного патриота недостаточно быть всего лишь начальником военной столовой, когда идет война.

— Совершенно достаточно, Мило, успокойся! Какая муха тебя укусила?

— В том-то и дело, что недостаточно, сэр, — с почтительной твердостью возразил Мило Миндербиндер и многозначительно вскинул на полковника Кошкарта подобострастный, но непреклонный взгляд. — Кое-кто уже открыто начал об этом говорить.

— И только-то? Назови мне их фамилии, Мило. Назови мне их фамилии, а за опасными заданиями у нас дело не станет.

— Нет, полковник, боюсь, что они правы, — снова опустив голову, сказал Мило Миндербиндер. — Меня послали сюда как пилота, и боевым полетам я должен уделять гораздо больше времени, чем военным столовым.

— Что ж, Мило, — по-прежнему удивленный, но с искренним желанием помочь, согласился полковник Кошкарт, — если ты настаиваешь, это,

я думаю, нетрудно устроить. Сколько времени ты здесь служишь?

— Одиннадцать месяцев, сэр.

— А сколько у тебя боевых вылетов?

— Пять.

— Пять? — переспросил полковник Кошкарт.

— Пять, сэр, — подтвердил Мило Миндербиндер.

— Так, значит, пять? — задумчиво потирая щеку, сказал полковник Кошкарт. — В самом деле нехорошо.

— В самом деле, полковник? — снова вскинув на него взгляд, отрывисто спросил Мило Миндербиндер.

— А почему, собственно, нехорошо? — трусливо отступил полковник Кошкарт. — По-моему, вполне хорошо. Во всяком случае, неплохо.

— Нет, полковник, — с продолжительным и меланхолическим вздохом возразил Мило Миндербиндер. — Хорошего тут мало. Но я, конечно, не забуду вашей доброты.

— Да ведь оно и правда вовсе не плохо, Мило. Особенно в свете других твоих достижений. Так ты говоришь, пять? Всего пять?

— Всего пять, сэр.

— Значит, всего пять. — Полковник Кошкарт

пал духом, безуспешно пытаясь понять, куда гнет Мило Миндербиндер и не застрянет ли у него в горле этот разговор, как острая кость. — А ведь это неплохо, Мило, совсем неплохо, — с надеждой сказал он. — Ты же почти регулярно вылетал на боевые задания каждые два месяца. И наверняка не включил в свой список бомбардировку нашего полка.

— Да нет, сэр, включил.

— Включил? — с мягким удивлением переспросил полковник Кошкарт. — Но ты же был на аэродроме. Если память мне не изменяет, мы бок о бок стояли в диспетчерском пункте.

— И все же выполнял это боевое задание именно я, — сказал Мило. — Без моих самолетов и боеприпасов оно осталось бы невыполненным. Я организовал налет и лично руководил людьми.

— Конечно, Мило, конечно. У меня нет возражений. Я просто хотел проверить, правильно ли ты подсчитал. А налет на Орвието, когда мы заключили с тобой договор о бомбардировке моста, ты тоже учел?

— Что вы, сэр, у меня нет оснований вносить эту операцию в свой послужной летный список. Ведь я руководил при налете на Орвието заградительным огнем.

— А какая разница, Мило? Это тоже был твой налет. И дьявольски удачный, надо заметить, налет. Мост мы, правда, не разбомбили, но бомбометание смоделировали превосходно. Генерал Долбинг, помнится, это отмечал. Да, Мило, логика, безусловно, требует внести операцию у Орвието в число твоих боевых вылетов.

— Ну если так, то конечно, сэр.

— Да, Мило, именно так. И теперь — давай-ка прикинем, — теперь у тебя ровно шесть боевых вылетов, а это чертовски здорово, Мило, иначе просто не скажешь. Шесть вылетов означают увеличение боевых заданий в твоем послужном списке на двадцать процентов, а это уже просто великолепно, Мило, или, во всяком случае, весьма неплохо.

— У многих наших летчиков уже по семьдесят боевых вылетов, сэр, — напомнил полковнику Кошкарту Мило Миндербиндер.

— Но никто из них не создал хлопка в шоколаде. Ты с лихвой отрабатываешь свою долю, Мило!

— А им предоставлены все возможности завоевывать себе и геройство, и славу. — В голосе Мило Миндербиндера прозвучал надрывный укор. — Сэр, я хочу воевать, как все остальные! Вот почему я здесь. Я тоже хочу завоевывать награды!

— Да-да, Мило, конечно. Нам всем хочется участвовать в боях. Но люди вроде нас с тобой служат родине иначе. Возьми, к примеру, мой собственный послужной список. — Полковник Кошкарт искательно усмехнулся. — Не думаю, что это всем известно, но у меня на счету только четыре боевых вылета.

— Всем известно, сэр, — отозвался Мило Миндербиндер, — что у вас на счету только ДВА боевых вылета. Причем в один из них вас втравил Аафрей, когда вы отправились на черный рынок в Неаполе за охладителем для питьевой воды и он сбился с курса.

— Ладно, Мило, — неприязненно покраснев, сказал полковник Кошкарт, сразу же решивший, что разговор слишком затянулся. — Если это так для тебя важно, я прикажу майору Майору позаботиться о пополнении твоего боевого багажа, и, когда ты совершишь еще шестьдесят четыре боевых вылета, у тебя тоже будет их семьдесят.

— Благодарю вас, полковник, благодарю вас, сэр! Вы не представляете себе, что это для меня значит!

— Пустяки, Мило, я прекрасно представляю себе, что это для тебя — да и не только для тебя — значит.

— Нет, полковник, едва ли вы это себе представляете, — многозначительно возразил Мило Миндербиндер. — Это значит, в частности, что кто-то должен взять на себя заботу о синдикате, причем безотлагательно. Управлять синдикатом очень непросто, а я теперь могу погибнуть в любую минуту.

Полковник Кошкарт алчно возрадовался и невольно потер руки.

— Что ж, Мило, думается, мы с подполковником Корном сумеем освободить тебя от этого бремени. — Он старался говорить небрежно и подавил желание облизнуться. — Наши операции на черном рынке — я имею в виду помидоры — обогатили нас кое-каким полезным опытом. С чего надо начать?

— Благодарю вас, сэр, вы очень добры. — Мило Миндербиндер бесхитростно, благодарно и благосклонно смотрел на полковника Кошкарта. — Начните с бессолевой диеты для генерала Долбинга и безуглеводной для генерала Дридла.

— Минуточку, Мило, я возьму карандаш. Стало быть, две диеты. Что еще?

— Кедры, сэр.

— Кедры?

— Ливанские, сэр.

— Ливанские?

— Кедры из Ливана надо доставить на лесопильную фабрику в Осло, чтобы отправить кедровый гонт подрядчику на Кемп-Коде. ОПД. И горошек.

— ОПД и горошек?

— ОПД — это оплата при доставке. А горошек сейчас в море, на пути из Атланты в Голландию, мы поставляем его туда за тюльпаны, которые отправлены в Женеву, чтобы оплатить сыр, предназначенный для Вены. По ПО.

— Папэо?

— По предварительной оплате, полковник. У Габсбургов положение шаткое.

— Мило!..

— И не забудьте про электролитический цинк на складах Флинта. Четыре вагона электролитического цинка следует отправить из Флинта франко-бортом через Калькутту в Дамаск — прибытие восемнадцатого, суточная просрочка два процента, ПКМ.

— ПКМ?

— Платеж в конце месяца. За «мессершмитт», груженный коноплей, надо дать полтора бомбардировщика фиников из Хартума, которые мы уже всучили немцам по ПД. ПД — это предварительная договоренность. Используйте деньги,

вырученные от продажи португальских анчоусов — мы торгуем ими в Лисабоне, — для оплаты египетского хлопка, когда его возвратят нам из Мамаронека, и для покупки максимального количества испанских апельсинов. За наранхи всегда платите наличными.

— За наранхи?

— Так у испанцев называются апельсины, а мы покупаем их в Испании. И не забудьте про палеолитика…

— Кого-кого?

— Палеолитика из Пилтдауна, его полное имя Пилтдаунский Человек. Наша цена за второго Пилтдаунского Человека пока что не по карману Смитсонианскому институту, но они там с надеждой ждут смерти одного богатого жертвователя…

— Мило!..

— А Франция охотно скупает у нас оптом всю петрушку, и это, безусловно, в наших интересах, поскольку нам нужны франки, чтобы обменивать полученные за них лиры на марки для покупки фиников, когда их пришлют нам обратно. Кроме того, я заказал в Перу огромную партию бальзового дерева, которое надо разместить на паях среди всех столовых синдиката.

— Да зачем столовым бальзовое дерево?

— Хорошее бальзовое дерево, полковник, не так-то легко достать в наши дни, и упустить подобную возможность было бы неразумно.

— Понятно, Мило, я думаю, это весьма разумная покупка… — облик полковника Кошкарта наводил на мысль о морской болезни, — особенно если по сходной цене.

— Цену они заломили непомерную. Чудовищную, я сказал бы, цену. Но поскольку древесину мы купили у подконтрольной нам компании, то деньги от нас не уйдут. Что же касается шкур…

— А разве у бальзовых деревьев шкуры вместо коры?

— Да нет, шкуры у торговцев из Буэнос-Айреса.

— Из Буэнос-Айреса?

— Из Буэнос-Айреса. Только не бойтесь агентов Сикайреса. Их надо отдубить.

— Отдубить агентов?

— Да нет, агентов надо подкупить. А шкуры — отдубить. На Ньюфаундленде. И отправить в Хельсинки БПО до наступления весны. Все, что складируется в Финляндии до наступления весны, идет БПО.

— То есть без предварительной оплаты?

— Совершенно верно, полковник. У вас врожденный дар финансиста. И норка…

— Это ты про мою ферму?

— Да нет, норка с аукционов Нью-Йорка запродана по ПО в магазины Лондона для скупки губки на рынках Алжира, чтобы обменять ее на сало из Йоркшира для поставщиков швейцарского сыра, который пойдет в уплату за масло, посланное из Дании шахтерам Ньюкасла…

— Мило!..

— Ничего не поделаешь, сэр, у нас есть шахты в Ньюкасле.

— Хватит, Мило, — взмолился, подняв руки, полковник Кошкарт. — Ты, как и я, абсолютно незаменим! — Он взволнованно отбросил карандаш и вскочил на ноги. — Мило, тебе решительно противопоказаны боевые вылеты, причем не только шестьдесят четыре, но даже хотя бы один-единственный. Если с тобой что-нибудь случится, вся система неминуемо рухнет.

— Так вы запрещаете мне участвовать в боевых вылетах, сэр? — лучась почтительным самодовольством, спокойно спросил Мило Миндербиндер.

— Я категорически запрещаю тебе участвовать в боевых вылетах, Мило! — с непреклонной твердостью отрубил полковник Кошкарт.

— Но это несправедливо, сэр, — печально за-

протестовал Мило Миндербиндер. — Ведь мой послужной список останется пустым. Другие, значит, будут завоевывать себе и медали, и славу, а меня за добросовестное отношение к своему долгу ждет только полная безвестность и каторжный труд?

— Да, Мило, это в самом деле несправедливо. Но я не вижу, что тут можно изменить.

— А почему нельзя, чтобы кто-нибудь совершал мои боевые вылеты вместо меня?

— А и правда, почему нельзя, чтобы кто-нибудь совершал твои боевые вылеты вместо тебя? — удивился полковник Кошкарт. — Ведь можно затребовать, к примеру, забастовщиков с шахт Пенсильвании и Западной Виргинии.

— Их слишком долго пришлось бы обучать летному делу, сэр, — сказал Мило Миндербиндер, отрицательно покачав головой. — Но ведь можно и у нас в полку найти нужных людей. Разве я стараюсь не для них? Так почему бы им не отплатить мне тем же?

— А и правда, ведь у нас в полку действительно можно найти нужных людей! — воскликнул полковник Кошкарт. — Разве ты стараешься не для них? Они вполне могли бы отплатить тебе тем же.

— Что справедливо, то справедливо, сэр.

— Что справедливо, то справедливо, Мило.

— Они могли бы летать по очереди, сэр.

— В том-то и дело, что они могли бы летать за тебя по очереди, Мило.

— А кому слава и честь?

— Кто числится в полете, тому, естественно, слава и честь. За выдающиеся заслуги при бомбардировке медаль, безусловно, дадут тебе.

— А кому раны и смерть?

— Тот, кто летает, всегда, естественно, рискует быть раненым или убитым. Что справедливо, Мило, то справедливо. Только вот…

— Вам придется увеличить норму боевых вылетов, сэр.

— Я, конечно, мог бы ее увеличить, Мило, но не уверен, что мой приказ заставит их летать. Они еще и сейчас ярятся на меня за увеличение нормы до семидесяти. Правда, если хотя бы один из кадровых офицеров подчинится моему приказу, остальные, я думаю, последуют его примеру.

— Лейтенант Нетли наверняка не будет возражать против повышения нормы, сэр, — сказал Мило Миндербиндер. — Мне недавно сообщили строго по секрету, что он хочет остаться здесь из-за девицы, с которой у него любовь, и ради

этого готов на все.

— Лейтенант Нетли наверняка не будет возражать против повышения нормы! — с радостью объявил полковник Кошкарт и победно хлопнул в ладоши. — Да, лейтенант Нетли возражать не будет. И на этот раз я увеличу норму сразу до восьмидесяти вылетов, чтобы наше патриотическое достижение прочно заткнуло глотку генералу Дридлу. Да и этот вонючий Йоссариан снова начнет летать на боевые задания, а там, глядишь, и угробится.

— Йоссариан? — Бегучая рябь глубокого беспокойства мимолетно исказила бесхитростное, сикось-накось вырубленное лицо Мило Миндербиндера, и он задумчиво поскреб буроватый ус.

— Вот-вот, Йоссариан. Он, как я слышал, везде похваляется, что раз норма вылетов у него выполнена, то воевать ему, дескать, больше не придется. Свою-то норму он, может, и выполнил. Да зато не выполнил твою, верно я говорю? Ха-ха! Его ждет великолепный сюрприз!

— Йоссариан — мой друг, сэр, — хмуро сказал Мило Миндербиндер. — Мне бы очень не хотелось, чтоб из-за меня его снова заставили летать на боевые задания. Я ему многим обязан. Вы не могли бы сделать для него исключение, сэр?

— Нельзя, ни в коем случае нельзя! — напыщенно закудахтал полковник Кошкарт, гневно ужаснувшись предложению Мило. — Мы не можем заводить себе любимчиков среди подчиненных. Объективность по отношению к людям — наш святой долг!

— Я бы с радостью отдал Йоссариану все, что должен, — самоотверженно решил Мило. — Но я ведь не должен ему все, а поэтому не могу и отдать, верно? Значит, придется ему рисковать наравне с другими, иного выхода нет, — покоряясь обстоятельствам, заключил Мило Миндербиндер.

— Что справедливо, Мило, то справедливо.

— Да, сэр, что справедливо, то справедливо, — согласился Мило Миндербиндер. — Йоссариан ничуть не лучше своих однополчан, и у него нет права требовать для себя особых привилегий.

— Ты, безусловно, прав. Мило. Что справедливо, то справедливо.

У Йоссариана не было времени, чтобы сбежать в госпиталь, или еще раз попытаться убедить Нетли больше не летать, или хотя бы сговориться с Доббзом насчет убийства полковника Кошкарта, поскольку тот объявил свой приказ об увеличении нормы боевых вылетов под вечер в

тот же день, а на другое утро, с первыми лучами зари, полк подняли по тревоге, летчиков кое-как накормили сухим пайком, загнали в грузовики, привезли на бешеной скорости в инструктажный барак для молниеносного, инструктажа и сразу же отправили на аэродром, где громыхающие бензовозы еще перекачивали в самолетные баки горючее, а мечущиеся вокруг оружейники торопливо загружали на глазах у летчиков тысячефунтовые фугасные бомбы в бомбовые отсеки. Спешка была чудовищная, и, едва перекачка топлива закончилась, механики начали прогревать моторы.

По данным армейской разведки, немцы решили вывести из дока ремонтирующийся там итальянский крейсер, чтобы затопить его на рассвете у берегов Специи в узкой горловине залива, лишив таким образом союзнические войска глубоководного порта, где могли бы швартоваться их крупные суда, когда город будет взят. Вопреки обыкновению данные армейской разведки оказались на этот раз верными. Крейсер действительно уже вывели из дока, когда они с моря вышли на цель, и его накрыли — прямыми попаданиями — бомбы всех до единого звеньев, так что он был разбит и разметан, а летчиков

наполняла коллективная гордость, пока они не попали, всем коллективом, под ожесточенный обстрел заградительных батарей, спрятанных по ущельям меж скалистых холмов, обступивших полукольцом подкову залива. Тут уж даже невозмутимейший Хавермейер, увидев, как долго ему предстоит выбираться из-под гибельного огня прибрежных зениток, судорожно пустился во все тяжкие трюки защитных маневров по уходу от цели, и Доббз, шедший пилотом в его шестерке, повернул вправо при команде «Влево!», наткнулся на внешний ведомый самолет и снес ему крылом хвостовое оперенье. Крыло, разрубившее хвост, отломилось, машина сразу же сорвалась в штопор и почти мгновенно провалилась вниз. Не было ни огня, ни дыма, ни взрыва. А целое крыло, сверкая на солнце, неистово дергалось, тряслось и крутилось, как лопасть взбесившейся бетономешалки, пока самолет, на бешеной скорости, не ткнулся носом в лазурную воду, которая побелела, наподобие лилии с раскинутыми на синих волнах лепестками, а потом, бесшумно проглотив свою жертву, взметнулась к небу зеленоватым гейзером. Все завершилось в две-три секунды. Над морем не появилось ни одного парашюта. А в бесхвостом самолете угробился Нетли.

Глава тридцать шестая
Каземат

Смерть Нетли едва не убила капеллана. Сидя в очках над отчетной писаниной у себя в палатке, он услышал телефонный звонок, поднял трубку, и ему сообщили из диспетчерского пункта на аэродроме о столкновении самолетов. Все его внутренности мгновенно усохли в мертвенный прах. Когда он клал трубку, рука у него дрожала. Потом задрожала вторая рука. Несчастье было слишком страшным, чтоб о нем думать. Двенадцать жертв — это казалось ему сатанинским наваждением, сумасшедшим кошмаром. Его страх быстро набрал силу. Он привычно вознес богу молитву об избавлении своих друзей от смерти, но сразу же покаянно осудил себя, сообразив, что желает им остаться в живых за счет других, совершенно незнакомых ему молодых людей. Да и поздно было молиться, однако ничего иного он делать не умел. Стук собственного сердца слышался ему как оглушительный грохот откуда-то снаружи, и он понимал, что отныне самая обычная автомобильная авария или даже вид хи-

ургических инструментов, неожиданный крик в ночи или даже зуд бормашины всегда будут вызывать у него такое же отчаянное сердцебиение, как сейчас, напоминая ему о неминуемой смерти. Он знал, что не сможет отныне смотреть на кулачную потасовку без боязни упасть в обморок и разбить себе голову об асфальт, а то и умереть от инфаркта или кровоизлияния в мозг. Он опасался, что никогда больше не увидит жену и троих детишек. При этом он не мог решить, хочет ли теперь ее увидеть, потому что, наслушавшись разговоров капитана Гнуса, глубоко сомневался в женской порядочности и не понимал, способен ли верить жене. На свете существовало столько мужчин, с которыми ей могло быть гораздо лучше, чем с ним! Думая о смерти, он теперь всегда вспоминал жену, а вспоминая жену, думал, что потеряет ее.

Через несколько минут капеллан заставил себя встать и зайти в палатку к сержанту Уиткуму. Сержант Уиткум сел за руль своего джипа, и они поехали на аэродром. Руки у капеллана дрожали; он сжал кулаки, плотно стиснул челюсти и старался не слушать радостное стрекотание сержанта Уиткума, для которого трагическое событие — гибель двенадцати человек — означало

двенадцать новых писем соболезнования родственникам погибших за подписью полковника Кошкарта, что могло, как он полагал, подвигнуть издателей «Сатэрдэй ивнинг пост» на публикацию статьи о полковнике Кошкарте в пасхальном номере журнала.

Над аэродромом застыла тяжелая тишина, лишившая, подобно зловещему заклятью, все живое возможности шелохнуться. Почти двести летчиков — усталых, удрученных, угрюмых — неподвижно стояли с парашютными сумками в руках возле инструктажного барака, и каждый из них старался не встречаться взглядом с остальными. Они словно бы не хотели никуда идти, не могли заставить себя пошевелиться. Приближаясь к ним, капеллан отчетливо слышал шорох собственных шагов. Его взгляд лихорадочно обшаривал молчаливую массу пасмурных и понурых фигур. Увидев Йоссариана, он ощутил в первое мгновение жаркую радость, но, всмотревшись внимательней, почувствовал, что челюсть у него безвольно отвисла, а душа навеки заледенела от ужаса — такое безумное, неистовое отчаяние застыло на осунувшемся, омертвелом и словно бы осененном изнутри черной тоской лице его друга. Капеллан мгновенно догадался —

стараясь тем не менее отринуть, отогнать от себя эту чудовищную догадку, он даже отрицательно затряс головой, — что Нетли погиб. Страдальческие спазмы сдавили ему горло. Он зашелся в безмолвном рыдании, ноги у него онемели, и он подумал, что сейчас упадет. Нетли погиб. Надежда на ошибку сразу же заглохла в нечленораздельном гомоне, клубящемся, как темный туман, над угрюмой толпой, — капеллан только сейчас услышал этот негромкий гомон, — и как яркие зарницы предвещают в тусклом тумане ночную грозу, так имя Нетли, явственно рассекавшее невнятный гомон, оповестило капеллана, что надежды нет. Мальчик погиб, умер, его безжалостно убили. У капеллана задрожала челюсть, из глаз потекли слезы, он судорожно всхлипнул и заплакал. А потом шагнул к Йоссариану, чтобы разделить, стоя с ним рядом, его немую тоску. Но в этот момент кто-то грубо схватил капеллана за руку и требовательно рыкнул:

— Капеллан Тапмэн?

Оглянувшись, капеллан увидел начальственно бесцеремонного, плотно сбитого и слегка обрюзгшего крупноголового полковника с густыми длинными усами на испещренном красными прожилками холеном лице. Он никогда его рань-

ше не встречал.

— Да, — удивленно сказал он, — я капеллан Тапмэн. А в чем дело? — Пальцы полковника больно защемили кожу на его руке, и он попытался вырваться, но не смог.

— Пройдемте-ка со мной, — приказал полковник.

— Куда пройти? Зачем? Кто вы, собственно, такой? — боязливо и недоуменно пробормотал капеллан.

— Советую вам подчиниться, отец, — сказал ему худой майор с хищным, как у ястреба, лицом, который, оказывается, стоял возле него с другой стороны. — Мы представители закона. Нам надо задать вам кое-какие вопросы. — В голосе майора капеллану послышалось почтительное сочувствие.

— Вопросы? — переспросил капеллан. — А в чем дело?

— Вы капеллан Тапмэн или нет? — рявкнул обрюзгший полковник.

— Да он это, он, — ответил полковнику сержант Уиткум.

— Выполняйте приказ, капеллан, — глумливо и злорадно ухмыляясь, каркнул капитан Гнус. — Садитесь в машину и поезжайте с ними, чтоб не

было хуже.

Капеллана ухватили под обе руки и повели к машине. Он хотел было позвать на помощь Йоссариана, но тот стоял слишком далеко и едва ли услышал бы его зов. А летчики, теснившиеся поблизости, уже с любопытством косились в их сторону. Пристыженно покраснев и пряча глаза, капеллан покорно подошел к штабной машине и без возражений притулился на заднем сиденье — между обрюзгшим усастым полковником и худым, елейно вкрадчивым майором. Он протянул своим конвоирам руки и не удивился бы в эту секунду даже наручникам. На переднем сиденье их ждал в машине третий офицер. За рулем сидел высокий капрал из военной полиции; на голове у него был белый шлем, а на запястье — цепочка со свистком. Капеллан не решался поднять взгляд, пока закрытая машина, отъехав от аэродрома, не выбралась на ухабистое черное шоссе.

— Куда вы меня везете? — робко и чуть слышно из-за смутного ощущения какой-то неопределенной вины спросил капеллан, по-прежнему не глядя на своих конвоиров. Ему вдруг почудилось, что его собираются обвинить в столкновении самолетов и смерти Нетли. — Что я такого сделал?

— Ты вот чего, парень, ты пока заткни свое

хайло, — предложил ему полковник, — и обожди наших вопросов, идет?

— Не надо с ним так разговаривать, — сказал майор. — Зачем нам его унижать?

— А тогда пусть заткнет свое хайло и молчит, пока ему не начали задавать вопросы.

— Вы пока заткните ваше хайло, отец, — благожелательно посоветовал капеллану майор. — Так будет лучше.

— Меня не надо называть «отец», — сказал капеллан. — Я не католик.

— Я тоже, отец, — сообщил ему майор. — У меня просто такая привычка — называть всех божьих служителей титулом «отец», потому что я набожный.

— Он небось даже не верит, что у нас в окопах есть атеисты, — насмешливо глянув на капеллана, сказал полковник и по-приятельски ткнул его кулаком в бок. — Ну-ка просвети их насчет атеистов, отец. Есть они у нас в окопах?

— Не знаю, сэр, — отозвался капеллан. — Я никогда не бывал в окопах.

— Вы и на небесах не бывали, — брюзгливо сказал ему, оглянувшись с переднего сиденья, третий офицер. — Так вам ведь не приходит в голову, что небес нет?

— Или приходит? — спросил полковник.

— Вы совершили очень серьезное преступление, отец, — объявил капеллану майор.

— Какое преступление?

— Этого мы пока не знаем, — сказал полковник. — Но обязательно узнаем. А вот что оно серьезное — это мы уже знаем.

Они съехали с шоссе у здания штаба полка и, почти не снижая скорости — шины при повороте пронзительно заскрипели, — обогнули автостоянку перед главным входом, потом само здание и остановились перед небольшой дверью. Три офицера вылезли из машины и поманили за собой капеллана. Затем отомкнули дверь, спустились гуськом по узкой деревянной лестнице с шаткими ступенями и ввели капеллана в сырую сумрачную подвальную комнату с низким бетонным потолком и неоштукатуренными каменными стенами. Все углы комнаты были затянуты паутиной. Большая мокрица быстро уползла при их появлении за влажную водопроводную трубу. Конвоиры посадили капеллана на жесткий деревянный стул с прямой спинкой, который стоял перед небольшим голым столом.

— Располагайся как дома, парень, — предложил капеллану полковник, включив яркую лампу и

направляя ее слепящий отражатель ему в лицо. Он положил на стол коробку спичек и кастет. — Нам надо, чтобы ты расслабился.

Не совсем веря, что все это творится с ним наяву, капеллан в ужасе таращил слезящиеся глаза. Зубы у него дробно постукивали, а руки и ноги как бы отнялись. Эти люди могли сделать с ним все, что захотят; они могли избить его до смерти, и никто не пришел бы ему на помощь — никто, кроме, быть может, набожного доброжелательного майора с хищным лицом, который подошел к раковине и открыл кран, так что подвальная тишина наполнилась шумным плеском разбивающейся об раковину струи, а потом вернулся к столу и положил на него рядом с кастетом массивный резиновый шланг длиной примерно с человеческую руку.

— Все будет в порядке, капеллан, — ободрительно сказал он. — Вам нечего бояться, если вы невиновны. Почему у вас такой испуганный вид? Вы ведь, наверно, невиновны?

— Это он-то невиновен? — удивился полковник. — Еще как виновен, сучье отродье!

— В чем я виновен? — спросил капеллан, решительно не представляя себе, как тут с ним поступят и к кому из них взывать о милосердии. У

третьего офицера не было знаков различия, и он стоял где-то в отдаленье. — Что я такого сделал?

— Это вот нам и предстоит выяснить, — ответил полковник, пододвигая капеллану бумагу и ручку. — Напиши-ка свою фамилию, парень. Собственным почерком.

— Собственным почерком?

— Во-во, собственным. Бумаги, надеюсь, тебе хватит? Пиши в любом месте. — Когда капеллан написал свою фамилию, полковник вынул из папки еще один лист и показал оба листка майору, который подошел к нему и с озабоченным видом склонился над столом.

— Почерки на первый взгляд разные, — сказал он.

— Его работа, как я и говорил.

— Какая работа? Что я такого сделал? — спросил капеллан.

— Этого я от вас не ожидал, — с мрачной горечью упрекнул его майор.

— Чего не ожидали?

— Таких преступных фокусов, отец.

— Каких фокусов? — с нарастающей тревогой вскричал капеллан. — Что я такого сделал?

— А вот что, — ответил майор и, словно бы преодолевая омерзение, пододвинул к нему по

столу листок бумаги с его фамилией. — Это же не ваш почерк, отец.

— Как так не мой? — Капеллан изумленно сморгнул несколько раз подряд.

— Так вот и не ваш, отец. Вы опять лжете.

— Да ведь я только что это написал! — гневно вскрикнул капеллан. — У вас на глазах!

— В том-то и дело, — ядовито подтвердил майор. — Вы писали у меня на глазах. И теперь не сможете отрицать, что писали собственной рукой. Человек, способный солгать насчет собственного почерка, способен лгать бесконечно.

— Да как я солгал насчет своего почерка? — со злобой выкрикнул капеллан, забывший от возмущения даже про страх. — Может, у вас парный психоз? О чем вы оба толкуете?

— Мы предложили вам написать вашу фамилию собственным почерком. А вы этого не сделали.

— Как так не сделал? Чьим же я почерком, по-вашему, писал?

— Чьим-то чужим.

— Чьим-то чужим?

— А вот это мы вскорости выясним, — с угрозой сказал полковник.

— Выкладывайте все начистоту, капеллан.

— Это мой почерк! — горячо, даже почти горячечно выкрикнул капеллан, в недоумении глядя то на одного своего мучителя, то на другого. — Где тогда, по-вашему, мой почерк, если это не мой?

— А вот он, — с видом глубокого превосходства отозвался полковник и пододвинул капеллану фотокопию солдатского письма, из которого было вымарано все, кроме обращения «Дорогая Мэри», а внизу кто-то приписал: «Тоскую по тебе безумно. Э. Т. Тапмэн, капеллан ВВС США». Капеллан покраснел, и полковник, презрительно глядя на него, спросил: — Ну так что, парень? Ты знаешь, чей это почерк?

— Нет, — после мучительной паузы ответил капеллан, узнавший почерк Йоссариана.

— Ты ведь грамотный парень, верно я говорю? — едко осведомился полковник. — А потому должен понимать, что выдал себя с головой, указав свою фамилию и должность…

— Фамилия-то здесь моя…

— …которую никто, кроме тебя, написать не мог. Что и требовалось доказать.

— Я ее не писал. И почерк здесь не мой.

— То есть ты его подделал, — холодно заключил полковник, пожав плечами. — И здесь тоже подделал.

— Это, наконец, невыносимо! — теряя от злости голову, заорал капеллан. Он вскочил на ноги и сжал кулаки. — Я этого не потерплю! Слышите? Не потерплю! Только что погибло двенадцать человек, а я вынужден тратить время на ваши дурацкие вопросы! У вас нет никакого права держать меня здесь, и я этого не потерплю!

Полковник молча ткнул капеллана в грудь, и тот рухнул на стул, обессиленный и перепуганный больше прежнего. Майор взял со стола резиновый шланг и принялся многозначительно похлопывать им себя по ладони. Полковник ухватил спичечный коробок, вынул оттуда спичку и, приготовившись чиркнуть ею, посмотрел на капеллана в предвкушении новых признаков бунта. Бледный от страха капеллан оцепенел. Слепящая лампа заставила его преодолеть оцепенение, и он отвернулся; плеск воды в гулкой раковине раздирал ему барабанные перепонки. Он хотел теперь одного — узнать, что им надо от него услышать, и во всем признаться. Он с тревогой смотрел на третьего офицера, который, по знаку полковника, отделился от стены, неторопливо подошел к нему и небрежно сел в нескольких дюймах от него на угол стола — лицо бесстрастное, а взгляд пронзительный и холодный.

— Выключите лампу, — негромко сказал он, глядя капеллану в глаза. — Она мешает.

— Благодарю вас, сэр, — улыбнувшись ему бледной улыбкой, пролепетал капеллан. — И воду, пожалуйста.

— Пусть течет, — сказал третий офицер. — Она мне не мешает. — Он поддернул на коленях брюки, как бы опасаясь помять остро отглаженные складки. — Назовите мне ваше вероисповедание, капеллан, — безучастно предложил он.

— Я анабаптист, сэр.

— Очень подозрительная религия, верно?

— Подозрительная? — простодушно удивился капеллан. — Почему, сэр?

— Потому что мне о ней ничего не известно. Против этого трудно возразить, правильно я говорю? А разве это не делает ее чрезвычайно подозрительной?

— Н-н-не знаю, сэр, — дипломатично пробормотал капеллан. Отсутствие знаков различия сбивало его с толку, он даже не был уверен, что должен говорить «сэр». Какой у него чин? И кто дал ему право вести допрос?

— Капеллан, когда-то я изучал латынь. Мне кажется, было бы несправедливо по отношению к вам умолчать об этом перед моим следующим

вопросом. Скажите откровенно, разве слово «анабаптист» не значит просто-напросто, что вы не баптист?

— О нет, сэр. Оно значит гораздо больше…

— Вы баптист?

— Нет, сэр.

— Стало быть, если выразить вашу мысль во всей ее полноте и простоте, вы *не баптист*, верно?

— Простите, сэр?

— Не пытайтесь уйти от ясного ответа, капеллан. Вы ведь, по существу, уже ответили, хотя и не пожелали полностью назвать вещи своими именами. Однако отрицание некоего факта еще не определяет вашу сущность. Будучи не баптистом, вы можете быть кем угодно, кроме баптиста, так? — Офицер слегка принагнулся, показывая всем своим видом, что переходит к главному. — Вы, например, вполне можете быть, — многозначительно и проницательно сказал он, — Вашингтоном Ирвингом, верно?

— Вашингтоном Ирвингом? — с удивлением переспросил капеллан.

— Не виляй, Вашингтон! — раздраженно вклинился обрюзгший усастый полковник. — Пора бы уже сделать чистосердечное признание. Нам

точно известно, что ты украл этот помидор.

Капеллан на мгновение замер, а потом нервозно, но с облегчением хихикнул.

— Ах вот вы о чем! — воскликнул он. — Теперь я начинаю понимать. Мне дал этот помидор полковник Кошкарт, сэр. Я его не крал. А если мои слова вызывают у вас недоверие, спросите полковника Кошкарта.

Дверь в противоположной стороне отворилась, и оттуда, словно из стенного шкафа, вышел полковник Кошкарт.

— Привет, полковник. Полковник, он утверждает, что вы дали ему помидор. Это так?

— А почему я должен давать ему помидор? — спросил полковник Кошкарт.

— Благодарю, полковник. У меня все.

— Не стоит благодарности, полковник, — отозвался полковник Кошкарт и вышел за дверь, в которую вошел.

— Ну, парень? Что ты скажешь теперь?

— Он сам мне его всучил! — яростно, как испуганный кот, прошипел капеллан. — Он сам мне его всучил!

— Надеюсь, вы не хотите назвать своего командира лгуном, капеллан?

— Почему ваш командир должен давать вам

помидор, капеллан?

— Ну а зачем ты пытался навязать помидор сержанту Уиткуму? Хотел замести следы?

— Да нет же! Да нет! Неужели вы не понимаете? — жалобно затараторил капеллан. — Я предложил его сержанту Уиткуму, потому что мне он был не нужен.

— А для чего вы украли его у полковника Кошкарта, если он был вам не нужен?

— Да не крал я его у полковника Кошкарта!

— А почему у вас такой испуганный вид, если вы его не крали? Почему вы чувствуете себя виновным?

— Я невиновен!

— А с какой, интересно, стати мы стали бы тебя допрашивать, если ты невиновен?

— Откуда же я знаю? — прижимая костяшки пальцев к коленям и качая опущенной исстрадавшейся головой, откликнулся капеллан. — Откуда я знаю?

— Он думает, у нас есть время на пустую болтовню, — возмутился майор.

— Капеллан, — неторопливо и как бы подводя итог, проговорил офицер без знаков различия, — у нас имеется письменное свидетельство полковника Кошкарта, в котором он утверждает, что

вы украли у него помидор. — Офицер вынул из папки желтоватый листок бумаги с машинописным текстом, показал его капеллану и положил текстом вниз на правую сторону открытой папки. Потом поднял второй листок, лежавший раньше под первым. — А это, — продолжал он, — официальное показание сержанта Уиткума, где сообщается, что помидор, насколько ему известно, был краденый, так как в противном случае вы не стали бы навязывать ему этот помидор.

— Не крал я помидор, клянусь вам, сэр, — едва сдерживая слезы, измученно пролепетал капеллан. — Богом клянусь, не крал!

— Вы веруете в бога, капеллан?

— Конечно, сэр. Конечно, верую.

— Это очень странно, капеллан, — сказал офицер, вынимая из папки еще один желтоватый листок с машинописным текстом, — потому что у нас есть заявление полковника Кошкарта, в котором он сообщает о вашем отказе совершать в инструктажной молебны для личного состава перед вылетом на очередное боевое задание.

— Да ведь он сам отказался от этой идеи, сэр, — немного помолчав, чтобы точнее припомнить, оживленно начал объяснять капеллан. — Он отказался от этой идеи, когда узнал, что нижние

чины и офицеры молятся одному богу.

— Он… что? — недоверчиво вскричал офицер без знаков различия.

— Ну и бредовина! — проворчал краснолицый полковник откинувшись на спинку стула с оскорбленным достоинством и непритворным отвращением.

— Он что — думает, мы поверим в эту чушь? — изумленно вскричал майор.

— Не слишком ли вы завраліись, капеллан? — едко хмыкнув поинтересовался офицер без знаков различия и со снисходитель ной, но суровой усмешкой воззрился на капеллана.

— Но я же говорю правду, сэр! Клянусь вам, сэр!

— Это, впрочем, неважно, — равнодушно сказал офицер без знаков различия, — поскольку у меня имеется еще одно письменное свидетельство полковника Кошкарта, в котором он утверждает, что вы однажды объявили атеизм вполне законным явлением. Припомните, капеллан, делали вы при ком-нибудь подобное заявление?

Капеллан без всяких колебаний утвердительно кивнул головой, считая, что выбрался наконец на твердую почву.

— Да, сэр, — уверенно сказал он. — Я сделал

такое заявление. Я сделал его, потому что это правда. Атеизм не противозаконен.

— Что едва ли может аттестовать вас как правоверного священнослужителя, когда вы делаете подобные заявления, — едко проговорил офицер и, нахмурившись, вынул из папки еще один листок с машинописным текстом. — А вот здесь у меня заверенное должным образом свидетельство сержанта Уиткума, где он клянется под присягой, что вы всячески противились его попыткам ввести в обиход письма соболезнования родственникам убитых и раненых при исполнении ими воинского долга. Это правда?

— Да, сэр, я противился его попыткам, — ответил капеллан — И горжусь этим, сэр. Сержант Уиткум собирался писать лицемерные и безнравственные письма. Он поставил перед собой цель прославить полковника Кошкарта, ничего другого ему было не нужно.

— Ну и что? — удивился офицер. — Так или иначе, а эти письма служили бы утешением и поддержкой родственникам пострадавших. Разве нет? Мне, признаться, непонятен ход ваших мыслей, капеллан.

Капеллан почувствовал, что загнан в тупик и возразить не сможет. Он понурил голову, ощущая

себя безъязыким простаком.

Обрюзгшего полковника осенила тем временем вдохновенная идея.

— А почему бы нам не повыбить ему мозги? — с воодушевлением предложил он остальным.

— Да-да, мы вполне можем повыбить ему мозги, — поддержал полковника хищнолицый майор. — Он ведь всего-навсего анабаптист.

— Нет-нет, сначала мы должны признать его виновным. — Офицер без знаков различия вяло взмахнул рукой, словно отстраняя идею коллег. Потом легко соскочил на пол и обошел стол, чтобы встать с другой стороны, прямо напротив капеллана, — немного сгорбившись и плотно прижав ладони к столешнице. Взгляд у него был угрюмый и суровый, а лицо властное и решительное. — Капеллан, — грозно объявил он, — мы обвиняем вас как Вашингтона Ирвинга в своевольном присвоении себе звания военного цензора и противозаконном досмотре писем личного состава. Признаете ли вы себя виновным?

— Я невиновен, сэр! — Капеллан облизал сухим языком сухие губы и встревоженно съехал на краешек стула.

— Виновен, — определил полковник.

— Виновен, — поддержал его майор.

— Значит, виновен, — подытожил офицер без знаков различия и написал какое-то слово на листе бумаги в своей папке. Снова посмотрев на капеллана, он сказал: — Мы также обвиняем вас в преступлениях и проступках, которых еще не сумели выявить. Признаете ли вы себя виновным?

— Простите, сэр, — промямлил капеллан, — но как я могу признать себя виновным, если вы не предъявляете мне конкретных обвинений?

— А как мы можем вам их предъявить, если вы их скрываете?

— Виновен, — решил полковник.

— Безусловно, виновен, — поддержал полковника майор. — Раз у него есть преступления и проступки, значит, он наверняка их совершил.

— Итак, виновен, — заключил офицер без знаков различия и отошел в сторону. — Он ваш, полковник.

— Благодарю, — сказал полковник. — Прекрасная работа. — Он повернулся к капеллану. — Ну, капеллан, все кончено. Иди.

— Куда? — с испугом спросил капеллан.

— К чертовой матери! — прорычал полковник, показывая через плечо большим пальцем на дверь. — Катись отсюда, ублюдок!

Капеллана потрясли откровенная грубость

полковника и собственная досада при радостном известии о свободе, обретать которую ему, по каким-то внутренним таинственным импульсам, явно не хотелось.

— Вы не собираетесь меня карать? — со сварливым удивлением спросил он.

— Собираемся, будь уверен, дьяволово отродье! Да только тебе незачем знать, как и когда. А поэтому катись отсюда. Живо!

— Вы отпускаете меня? — неуверенно поднявшись и сделав несколько шагов к двери, спросил капеллан.

— На сегодня ты свободен. Только не вздумай удирать с острова. Мы тебя под землей найдем, ясно? Помни, ты у нас под наблюдением двадцать четыре часа в сутки.

Капеллан не надеялся добраться до двери. Он робко шел вперед, ожидая каждую секунду приказа вернуться или смертельного удара по голове. Но его выпустили. Поблуждав по сырым, затхлым, тускло освещенным коридорам, он отыскал какую-то лестницу и поднялся, к своему удивлению, в ротонду штабного вестибюля. Его пошатывало, и дышал он с трудом. Однако, оказавшись на свежем воздухе, ощутив свободу, он почувствовал тяжкое и праведное негодование.

Никогда еще жизненные невзгоды не опаляли его так жестоко, как сегодняшние унижения. Он размашисто шагал по громадной гулкой ротонде, и каждый шаг отдавался у него в душе жгучей, жаждущей мщения обидой. Нет, больше терпеть нельзя, говорил он себе, ему надоело беспрекословно сносить издевательства, и отныне его никто не заставит их сносить. Дойдя до парадной двери, он с едкой радостью увидел подполковника Корна, который подымался по широкой лестнице на второй этаж. Глубоко для храбрости вздохнув, капеллан ускорил шаги, чтобы его перехватить.

— Подполковник, я больше не намерен это терпеть! — мужественно воскликнул он, и сердце у него ушло в пятки, потому что подполковник Корн продолжал неспешно трусить вверх, не обращая на него ни малейшего внимания. — Подполковник! — упавшим голосом выкрикнул капеллан.

— В чем дело, капеллан? — молча повернув и спустившись вниз, поинтересовался подполковник Корн; рубаха у него, как всегда, топорщилась на животе пузырем, и коротконогое туловище казалось пузатой бочкой.

— Подполковник, я хочу поговорить с вами об

утреннем столкновении самолетов. Это страшное происшествие, воистину страшное, сэр!

— Да, капеллан, это страшное происшествие, — немного помолчав, сказал с циничной усмешкой подполковник Корн. — Мы до сих пор не решили, как написать о нем рапорт, чтобы не повредить своей репутации в глазах начальства.

— Я говорю вовсе не об этом! — без всякого страха и срываясь на скандальный крик, выпалил капеллан. — Кое-кто из погибших уже отлетал положенное и был освобожден от боевых вылетов.

— А что, — ядовито спросил его подполковник Корн, — по-вашему, это происшествие оказалось бы не таким страшным, если б в нем участвовали только новички?

Капеллан опять наткнулся на неодолимый барьер. Безнравственная логика непрерывно загоняла его в безысходные тупики. Дрогнувшим голосом и уже без прежнего напора он сказал:

— Вы творите несправедливость, сэр, заставляя наших летчиков совершать по восемьдесят боевых вылетов, когда в других полках людей отпускают домой после пятидесяти или пятидесяти пяти бомбардировок.

— Мы учтем ваше мнение, — равнодушно пообещал подполковник Корн и сделал шаг вверх.

— Как мне вас понимать, сэр? — с визгливыми нотками в голосе выкрикнул капеллан.

— А так, падре, что мы подумаем об этом, — презрительно откликнулся подполковник Корн. Он снова остановился и добавил: — Вы, надеюсь, не потребуете от нас, чтоб мы действовали не подумав?

— Н-н-нет, сэр. Но разве вы не думали об этом?

— Думали, падре, думали. И все-таки, чтоб доставить вам удовольствие, подумаем еще, а когда до чего-нибудь додумаемся, сразу же поставим вас в известность — вы первый узнаете, если мы придумаем что-нибудь новенькое. Adios, Padre.[36] — С этими словами подполковник Корн затрусил по лестнице вверх.

— Подполковник Корн! — выкликнул капеллан. Подполковник Корн опять остановился. Но теперь он повернул только голову — неприязненно и нарочито замедленно, но явно не собираясь задерживаться надолго. Капеллан нервически, на одном дыхании протараторил: — Я прошу вашего разрешения, сэр, обратиться к генералу Дридлу! Мне необходимо, чтоб мой протест рассмотрели в штабе бригады!

---

[36] Примечания: 36
Прощайте, отец *(исп.)*.

— У меня нет возражений, падре, — злорадно ухмыльнувшись, отозвался после небольшой паузы подполковник Корн. Он ответил не сразу, чтобы подавить ехидный смешок — челюсти у него напряглись, и взгляд остался бесстрастным, но губы все же искривились в ухмылке. — Я разрешаю вам обратиться к генералу Дридлу, капеллан.

— Благодарю вас, подполковник. И я считаю своим долгом сказать вам, сэр, что имею, как мне кажется, некоторое влияние на генерала Дридла.

— Спасибо за предупреждение, падре. А я со своей стороны считаю своим долгом сказать вам, капеллан, что вы не обнаружите генерала Дридла в штабе бригады. — Злорадную ухмылку сменил издевательский хохот. — Генерала Дридла убрали. Его заменил генерал Долбинг. У нас теперь новый командир бригады.

— Генерал Долбинг? — потерянно переспросил капеллан.

— Совершенно верно, падре. Вы имеете влияние на генерала Долбинга?

— Так я с ним даже незнаком, — жалко промямлил капеллан.

— Весьма прискорбно, падре! — снова хохотнув, гаркнул подполковник Корн. — Потому

что полковник Кошкарт знаком с ним очень хорошо. — Глумливо похохатывая, он сверлил капеллана садистским взглядом, но вскоре резко оборвал хохот и сказал: — Кстати, учтите, капеллан, — его голос озвучился нотками холодного предостережения, и он даже ткнул капеллана пальцем в грудь, — ваша сделка с доктором Стаббзом провалилась. Мы прекрасно знаем, что это он послал вас сюда сегодня жаловаться.

— Меня послал сюда доктор Стаббз? — тупо повторил капеллан. — Да я даже не видел сегодня доктора Стаббза. А привезли меня сюда три совершенно незнакомых мне офицера, и они загнали меня в подвал и без всяких оснований допрашивали и всячески оскорбляли.

— Вы чертовски хорошо знаете, — сказал подполковник Корн и еще раз ткнул капеллана пальцем в грудь, — что доктор Стаббз безответственно трепался у себя в эскадрилье про какое-то липовое право летчиков не летать на бомбардировки больше семидесяти раз. Ну так вот, падре, — подполковник Корн опять скрипуче хохотнул, — им *придется* летать больше семидесяти раз, поскольку мы переводим доктора Стаббза на Тихий океан. А теперь adios, Padre. Adios!

Глава тридцать седьмая
Генерал Шайскопф

Дридла убрали. Его заменил генерал Долбинг, и генерал Долбинг обнаружил, что его доблестная победа обернулась позорным поражением, как только переместился в кабинет генерала Дридла.

— **Генерал** Шайскопф? — ничего не подозревая, переспросил он сержанта, когда тот передал ему полученный утром приказ. — Вы, наверное, хотели сказать — **полковник** Шайскопф?

— Нет, сэр, генерал Шайскопф. Ему присвоили звание генерала сегодня утром, сэр.

— Стало быть, Шайскопф теперь генерал? Занятно, очень занятно. А какого ранга?

— Генерал-лейтенант, сэр, и он…

— Генерал-лейтенант?

— Так точно, сэр, и он передал вам, сэр, чтоб вы представляли ему на одобрение все ваши приказы.

— Это ж можно очертенеть! — огорошенно пробормотал генерал Долбинг, выругавшись вслух, быть может, первый раз в жизни. — Каргил, ты слышал? Шайскопфу дали сразу генерал-лей-

тенанта, перескочив через генерал-майора. Я уверен, что это звание предназначалось мне и его присвоили Шайскопфу по ошибке.

— А почему, интересно, он шлет нам приказы? — почесывая свой массивный подбородок, спросил полковник Каргил.

— В самом деле, сержант, — проговорил, удивленно нахмурившись, генерал Долбинг, и его холеное аристократическое лицо напряженно застыло, — почему он шлет приказы из своего тылового спецуправления в боевую бригаду?

— Это еще одна новость, которую объявили нам сегодня утром, сэр. Теперь все боевые подразделения подчинены спецуправлению. Генерал Шайскопф — наш новый командующий, сэр.

— Господи боже мой! — хрипло проблеял генерал Долбинг, мигом утратив свою всегдашнюю нарочито подчеркнутую сдержанность. — **Шайскопф?** — Он испуганно прижал к глазам кулаки. — Каргил, соедини меня с Уинтергрином! **Шайскопф?** Нет-нет, только не он!

Неожиданно начали звонить все телефоны. В кабинет вбежал капрал.

— Сэр, вас хочет видеть какой-то капеллан с докладом о несправедливости полковника Кошкарта, — вскинув руку в официальном при-

ветствии, доложил он.

— Отошлите его! Отошлите его! У нас тут несправедливость похлеще! Где Уинтергрин?

— Сэр, вас вызывает по телефону генерал Шайскопф. Он хочет поговорить с вами немедленно.

— Скажите ему, что меня еще нет! Господи! — воскликнул генерал Долбинг, изнемогая под тяжестью свалившихся на него в первый же день бедствий. — Шайскопф? Да ведь он слабоумный! Я распекал этого болвана по нескольку раз на дню, и теперь он мой командир! О боже! Каргил! Каргил, не бросай меня! Где Уинтергрин?

— Сэр, вас вызывает по телефону экс-сержант Уинтергрин. Он пытался дозвониться вам все утро.

— Генерал, я не могу прорваться к Уинтергрину! — заорал полковник Каргил. — У него все утро занят телефон.

Мокрый от испарины, генерал Долбинг схватил телефонную трубку.

— Уинтергрин?

— Долбинг, так вас и не так…

— Уинтергрин, вы слышали, что они устроили?

— …вы понимаете, идиот, что вы устроили…

— Они назначили Шайскопфа главнокоманду-

ющим боевыми подразделениями.

— ...рассылая везде свои треклятые реляции? Из-за них Шайскопфа назначили главнокомандующим боевыми подразделениями!

— Ох, нет, только не это! — громко простонал генерал Долбинг. — Из-за моих реляций? Из-за моих реляций Шайскопфа назначили главнокомандующим? А почему не меня?

— Потому что вас перевели на должность командира бригады, а Шайскопфа назначили командиром АСОРа. И знаете, что этот выродок собирается сделать?..

— Сэр, вы бы поговорили с генералом Шайскопфом, — нервозно обратился к генералу Долбингу сержант. — Он требует, чтоб ему кто-нибудь ответил.

— Каргил, поговори за меня с Шайскопфом! Я не в состоянии. Спроси, что ему от нас нужно.

Полковник Каргил взял телефонную трубку и, слушая генерала Шайскопфа, медленно побледнел.

— Господи Иисусе Христе! — проблеял он и выронил трубку. — Знаете, что он собирается сделать? Он собирается ввести повсеместно марш-парады с обязательным участием всего личного состава боевых подразделений!

Глава тридцать восьмая
Младшая сестра

Йоссариан ходил задом наперед и отказывался летать. Он пристегнул к поясу кобуру с пистолетом и ходил задом наперед, потому что почти все время пятился, высматривая, не подкрадывается ли к нему сзади враг, и постоянно оглядывался в ожидании опасности со спины. Любой шорох позади был зловещим, каждый встречный мог оказаться убийцей. Он постоянно держал руку на рукояти пистолета и никому, кроме Обжоры Джо, не улыбался. Он сказал капитану Птичкарду с капитаном Краббсом, что летать больше не будет. Капитан Птичкард с капитаном Краббсом исключили его из списков очередного вылета и доложили о создавшемся положении в штаб полка.

— Как это, дьявольщина, не будет летать? — спокойно усмехнувшись, осведомился у капитана Птичкарда и капитана Краббса подполковник Корн, а полковник Кошкарт молча отступил в угол, чтобы разрешить наконец зловещую загадку фамилии Йоссариан, чреватой для него

бесконечными бедами. — Почему это не будет?

— Его приятель Нетли гробанулся при столкновении самолетов над Специей. Так, может, поэтому.

— Он думает, он кто — Ахиллес? — поинтересовался подполковник Корн и, весьма довольный своим определением, мысленно отметил, что надо повторить его при генерале Долбинге. — Ему все равно придется летать. Выбора у него нет. Сообщите ему, что, если он будет упорствовать, вы доложите о его отказе нам.

— Мы уже сказали ему, что доложим, сэр. Это на него не подействовало.

— А что говорит майор Майор?

— Мы никогда не видим майора Майора, сэр. Он как бы исчез.

— Нам бы самим его исчезнуть! — сварливо проворчал из своего угла полковник Кошкарт. — Как исчезли в госпитале Дэнбара.

— У нас есть немало способов управиться с ним, полковник, — самоуверенно сказал подполковник Корн. А потом, обратившись к капитану Птичкарду и капитану Краббсу, продолжил: — Для начала пойдите ему навстречу. Пошлите в Рим, чтоб он пару дней отдохнул. Возможно, смерть друга действительно немного его рас-

строила.

Смерть Нетли едва не отправила Йоссариана на тот свет, потому что, когда он сказал, оказавшись в Риме, его возлюбленной, что Нетли убит, та горестно вскрикнула и попыталась пырнуть Йоссариана ножом для чистки картошки.

— Bruto![37] — озлобленно взвыла, задыхаясь от ярости, возлюбленная Нетли, когда Йоссариан заломил ей руку за спину и выкручивал ее, пока нож не упал на пол. — Bruto! — Она молниеносно разодрала ему щеку свободной рукой с длинными и острыми, как у кошки, ногтями, а потом злобно плюнула в лицо.

— Да ты что? — скривившись от боли, ошеломленно выкрикнул он и отшвырнул ее. — Я-то тут при чем?

Она снова метнулась вперед, неистово молотя по воздуху кулаками, и разбила ему губу, прежде чем он изловчился схватить ее за руки и остановить. Волосы у нее превратились в дико растрепанные патлы, по щекам двумя ручьями текли слезы, глаза ненавистно сверкали, и она бешено, с неодолимой, словно у сумасшедшего, силой вырывалась, визгливо проклиная его и

---

[37] Примечания: 37
Скотина! *(итал.)*

злобно выкрикивая «Bruto! Bruto!» всякий раз, как он пытался ей что-нибудь сказать. Ее поразительная для женщины сила проявилась так неожиданно, что он едва не упал. Она была почти одного с ним роста, и несколько секунд, страшных, как в кошмарном сне, он боялся, что она сумеет его свалить, долбанет головой об пол и беспощадно раздерет на куски в безумной решимости отомстить за гнусное преступление, которого он не совершал. Ему до отчаяния хотелось позвать кого-нибудь на помощь, потому что их одышливая, с хриплым хаканьем, лютая — рука в руке — борьба могла длиться, как он опасался, вечно. Однако силы у нее наконец иссякли, и, отступив на шаг, он попытался объяснить ей, клятвенно уверить ее, что не имеет к смерти Нетли ни малейшего отношения, что тот погиб вовсе не по его вине. Она снова плюнула ему в лицо, и он отшвырнул ее, ощутив гнев и беспомощную горечь от бесполезности человеческих слов. Отброшенная назад, она мгновенно нагнулась за картофельным ножом. Он прыгнул на нее сверху, и они несколько раз перекатились по полу друг через друга, прежде чем ему удалось вырвать у нее нож. Когда он вставал, она остервенело дернула его за ногу, выдрав клок брюк и до кро-

ви располосовав ногтями кожу. Он доковылял, прихрамывая от боли, до окна и выбросил нож на улицу. Ему ничто больше не угрожало, и он с облегчением вздохнул.

— А теперь успокойся наконец, и я тебе все объясню, — умоляюще сказал он, думая, что говорит умудренно, уравновешенно и убедительно.

Она пнула его в пах. Ххух! — выдохнул он воздух, одрябнув, как лопнувший мяч, и упал с утробным воем на бок, а потом несколько раз нелепо перекувырнулся с прижатыми к животу коленями, не в силах умолкнуть и перевести дыхание от жгучей, нестерпимой, выворачивающей внутренности муки. Шлюха Нетли выбежала из комнаты. Йоссариан, пошатываясь, встал — и вовремя, потому что она уже прибежала обратно с длинным хлебным ножом. Издав испуганный стон, прижав обе ладони к раздираемой болью, страдальчески пульсирующей, словно полураздавленное живое существо, мошонке, Йоссариан всей своей тяжестью обрушился вниз на ее голени, так что она упала рядом с ним, громко стукнувшись локтями об пол. Нож отлетел в сторону, и он загнал его ударом ладони под кровать. Она нырнула вслед за ножом, но Йоссариан, вставая, резко дернул ее вверх. Тогда она опять

попыталась пнуть его в пах, и он, грязно выругавшись, яростно отбросил ее к противоположной стене. Она шмякнулась об стену, свалив при этом стул, который задел туалетный столик, так что расчески и щетки для волос, баночки с кремом и разноцветные флакончики посыпались на пол. Картина в рамочке под стеклом, висевшая на дальней стене, тоже упала, и стекло зигзагообразно треснуло.

— Чего тебе от меня надо? — жалобно злобясь, выкрикнул Йоссариан. — Ведь не я же его убил!

Она запустила ему в голову тяжелую стеклянную пепельницу. Он сжал кулак и решил было садануть ее, когда она набросится на него снова, в солнечное сплетение, но побоялся искалечить. Аккуратный удар в челюсть, и она отключится, подумал он, однако сразу сообразил, что по челюсти не попадет — слишком резко металась перед ним цель, — и лишь отступил на шаг в сторону, когда, бросившись вперед, она уже не могла изменить направление, пропустил ее мимо себя, мощно подтолкнул в спину, и она грохнулась об стену. Зато стояла она теперь у двери, и выскочить из комнаты он не мог. Она швырнула в него большую вазу. А потом, прежде чем он успел опомниться, подскочила к нему с полной бутыл-

кой вина и трахнула его точнехонько в висок, так что он, полуоглушенный, рухнул на одно колено. В ушах у него дребезжал надтреснутый звон, а лицо онемело. И все же он был больше ошарашен, чем испуган и разозлен. Почему она хочет его убить? Он решительно не понимал, в чем дело и что ему делать. А впрочем, надо было спасать жизнь, и, когда она снова подняла бутылку, он, резко оттолкнувшись коленом от пола, двинул ее с маху головой в живот, так что она не успела его ударить, и он по инерции таранил ее, а она отступала, пока не наткнулась на кровать, — все это произошло за секунду или две, — и ноги у нее подогнулись, и она свалилась на спину, а он, съехав по ней вперед, упал, голова к голове, на нее. Она вцепилась ему в шею ногтями, но он, не обращая на это внимания, тянулся и тянулся, придавив ее всей своей тяжестью к кровати, за бутылкой, которую она по-прежнему держала в правой руке, и наконец дотянулся, крепко сжал ее и вырвал. Обезоруженная, плотно придавленная к кровати, она все же пыталась ударить его коленом, бешено проклиная и свирепо царапаясь. Потом хотела укусить, и ее белые зубы обнажились под полными, чувственными пересохшими губами, как у голодного плотоядного зверя. Сей-

час, лежа под Йоссарианом, она ничего не могла ему сделать, но он тревожно думал, что едва ли сумеет вскочить, не попав под ее пинок. В нем вдруг проснулось желание, и ему стало стыдно. Ее молодое, плотное, упругое тело билось под ним, словно волнуемое шквалистым ветром море, и он ощущал неодолимое искушение, тем более что и она уже не старалась высвободиться из-под него, а крепко обняла за шею левой рукой, и по ее телу пробежала дрожь, глаза затуманились, губы привычно приоткрылись… а правой рукой она предательски шарила у кровати по полу, стараясь нащупать нож, и в конце концов нащупала его. Йоссариан едва успел среагировать. Она все еще жаждала убийства! Его ошарашила ее порочная, двойственная жажда, но руку с ножом он сумел перехватить и, вырвав нож, вскочил на ноги. Лицо у него горело от изумления и разочарования. Он не понимал, чего ему хочется — удрать к чертовой матери, пока у него есть такая возможность, или опять свалиться рядом с ней на кровать, отдавшись в жалкой покорности на ее милость. Однако она избавила его от этого мучительного выбора, неожиданно разрыдавшись. Он остолбенел.

На этот раз она плакала горько, тоскливо и

безутешно, полностью забыв о его присутствии. В ее скорбной позе — она машинально села на кровати — чувствовалась неподдельная печаль, ее буйная, но всегда горделиво безучастная, а сейчас дико распатланная и все же красивая голова была безнадежно опущена, плечи ссутулились, она казалась обессиленной и беззащитной. Ее душили и сотрясали страдальческие рыдания. Она больше не думала об Йоссариане, он для нее просто не существовал. Ему сейчас ничего не стоило уйти. Но он решил остаться, чтобы хоть как-то скрасить ей горе, хоть как-нибудь утешить ее.

— Ну пожалуйста, — невнятно пробормотал он, положив руку ей на плечи и опечаленно, горестно вспоминая, как столь же невнятно и беспомощно бормотал он в самолете «Ничего, ничего», когда после бомбардировки Авиньона Снегги жаловался, что ему холодно, холодно, а он ничем не мог ему помочь или хотя бы утешить и только растерянно повторял в ответ на его жалобы «Ничего, ничего». — Ну пожалуйста, — утешительно повторил он. — Ну пожалуйста.

Она припала к его груди и плакала, плакала, пока не обессилела до того, что не могла уже и плакать, а потом, не глядя на него, взяла предложенный ей носовой платок. Она вытерла платком

щеки и с едва заметной улыбкой благодарности возвратила его, вежливо прошептав «Grazie, grazie»,[38] как благонравная невинная девочка, а когда он клал платок в карман и руки у него были заняты, она, как кошка, попыталась выдрать ему глаза, и это ей почти удалось.

— Вот тебе! Assassino![39] — яростно прошипела она и ринулась за ножом.

Полуослепший, он вскочил и неуклюже бросился за ней. Скрип двери заставил его оглянуться, и он с ужасом увидел — только этого ему не хватало! — ее младшую сестру со вторым длинным хлебным ножом.

— Ох, господи, — простонал, содрогнувшись, он и выбил у девчонки нож резким ударом кулака сверху по руке. Он совсем одурел в этой кошмарно бессмысленной свалке. Не зная, кто нападет на него в следующую секунду с третьим длинным хлебным ножом, он сграбастал упавшую на пол младшую сестру Нетлиевой шлюхи, швырнул ее в Нетлиеву шлюху и, выскочив из комнаты, а потом из квартиры, помчался по лестнице вниз. Обе мстительницы выбежали вслед за ним, и он

---

[38] Примечания: 38
Спасибо, спасибо *(итал.).*

[39] Примечания: 39
Убийца! *(итал.)*

слышал, как они дробно топали вверху по деревянным ступеням, но вскоре их шаги затихли, и лестничная клетка размножила гулким эхом негромкое рыдание. Подняв голову, он увидел шлюху Нетли, которая сидела возле перил на ступеньке и плакала, уткнувшись в ладони, похожая снизу на кучку мятого тряпья, а ее неугомонная дикарка сестра, опасно перевесившись через перила, орала «Bruto! Bruto!» и жизнерадостно размахивала своим длинным хлебным ножом, словно это была новая занимательная игрушка, которую ей очень хотелось поскорее освоить.

Погоня прекратилась, но Йоссариан то и дело оглядывался. Прохожие посматривали на него как-то странно, и ему становилось еще тревожней. Он торопливо шел по улице, пытаясь сообразить, что в его облике приковывает внимание людей. Коснувшись ладонью саднящего лба, он ощутил, что пальцы у него слиплись от крови, и все понял. Он промокнул лицо и шею носовым платком. Куда бы платок ни прикасался, на нем оставались кровавые следы. У Йоссариана было расцарапано все лицо. Он поспешно двинулся к зданию Красного Креста, спустился по двум крутым маршам беломраморной лестницы в мужскую уборную, промыл там под краном хо-

лодной водой с мылом рваные царапины на лице, поправил ворот рубахи и причесался. Он никогда еще, пожалуй, не видел такого расцарапанного и распухшего лица, как свое собственное, глядящее на него из зеркала изумленными и запуганными глазами. Ну что, спрашивается, ей было от меня нужно, с озлобленным раздражением подумал он.

Когда он вышел из уборной, она уже поджидала его в засаде у стены неподалеку от лестницы и, как только он появился, бросилась на него сверху, словно коршун, со сверкающим ножом для бифштексов в правой руке. Он выбил у нее нож, ударив снизу по запястью локтем, а потом легонько тюкнул ее кулаком в челюсть. Закатив глаза, она начала оседать, и он ухватил ее за плечи и бережно посадил на ступеньку. Путь был свободен, и он взбежал по лестнице, выскочил из здания и следующие три часа метался по Риму в поисках Обжоры Джо, чтобы улететь на Пьяносу, пока она не выследила его снова. Он почувствовал себя в безопасности, только когда самолет оторвался от земли. Шлюха Нетли, замаскированная зеленым комбинезоном под механика, ждала его на Пьяносе точно в том месте, куда вырулил, приземлившись, Обжора Джо, и он

остался жив лишь благодаря ее туфлям с кожаной подошвой да гравию полевого аэродрома, потому что, метнувшись вперед, чтобы всадить ему в грудь свой нож, она неожиданно поскользнулась и промахнулась. Пораженный до глубины души, Йоссариан мгновенно загрузил ее в самолет и неподвижно держал на полу, заломив ей обе руки за спину, пока Обжора Джо запрашивал у дежурных в диспетчерском пункте разрешение на обратный рейс и тянул до Рима. В Риме он выкинул ее прямо на рулежную дорожку, и Обжора Джо, даже не сбросивший во время этой процедуры обороты двигателей, немедленно взлетел курсом на Пьяносу. Едва дыша и напряженно вслушиваясь в малейший шорох, Йоссариан подозрительно рассматривал каждую встречную фигуру, пока они добирались с Обжорой Джо до палаток их эскадрильи. Обжора Джо пытливо посматривал на него.

— Послушай, — не выдержал он в конце концов, — а тебе не примерещилась вся эта история?

— Примерещилась? А сам-то ты разве не видел? Не возвращался из-за нее в Рим?

— Так может, она и мне тоже примерещилась. С чего бы ей вдруг понадобилось тебя убивать?

— Она всегда меня не любила. Ей, к примеру, было известно, что я сломал Нетли нос. А может, она возненавидела меня просто потому, что никого другого рядом не оказалось. Как ты думаешь, она вернется?

Йоссариан отправился в офицерский клуб и просидел там до глубокой ночи. Подходя к своей палатке, он опасливо косил во все стороны глазами. Она пряталась именно возле палатки — стояла под прикрытием веток у входа с тяжелым мясницким ножом в руке, закамуфлированная одеждой под пьяносского фермера, — и Йоссариан, сделав большой круг, а потом подкравшись к ней на цыпочках сзади, цепко ухватил ее со спины за обе руки.

— Caramba![40] — взвыла она, когда вдруг попалась сама, и сопротивлялась, как дикая кошка, пока Йоссариан затаскивал ее в палатку и укладывал, все еще бешено сопротивляющуюся, между коек на полу.

— Эй, что тут творится? — сонно поинтересовался один из соседей Йоссариана по палатке.

— Держи ее до моего прихода! — стащив его с койки и наваливая на нее, скомандовал ему

---

[40] Примечания: 40
Дьявольщина! *(исп.)*

Йоссариан. — Да смотри не упусти!

— Дайте мне его убить, и я вас всех обслужу, — пообещала она.

Остальные соседи Йоссариана тоже пососкакивали со своих коек, и каждый из них постарался не упустить этот чудесный случай, а Йоссариан помчался будить Обжору Джо, который спал в своей палатке как невинный младенец. Йоссариан снял с его лица кошку Хьюпла и торопливо растолкал. Обжора Джо быстро оделся. Запихав ее в самолет, они взяли курс на север, миновали линию фронта и далеко в Северной Италии, когда под ними проплывали пологие холмы, нацепили на нее парашютную сбрую, дернули вытяжное кольцо и выкинули ее в аварийный люк. Йоссариан был уверен, что на этот раз отделался от нее по-настоящему, и ощущал приятную успокоенность. Когда, уже на Пьяносе, он подходил к своей палатке, в зарослях возле тропинки прорисовалась смутная фигура, и ему стало плохо. Он сел на землю в ожидании смертельного удара, почти благословляя его за тот истинный покой, который он должен был ему принести. Вместо удара он почувствовал, что ему помогает подняться чья-то дружеская рука. Это был летчик из эскадрильи Дэнбара.

— Как дела? — шепотом спросил он.

— Прекрасно, — ответил Йоссариан.

— Я увидел, как вы сели на землю, и подумал, не случилось ли чего.

— Мне что-то стало плохо.

— У нас в эскадрилье ходят слухи, что вы заявили начальству об отказе летать на бомбардировку.

— Это правда.

— А потом к нам пришли из штаба полка и сказали, что слухи, дескать, ложные и вы, мол, просто валяли дурака.

— Это вранье.

— Как вы думаете, они вас отпустят?

— Не знаю.

— А что они с вами сделают?

— Не знаю.

— Как вы думаете, отдадут они вас под военный трибунал за дезертирство на линии огня?

— Не знаю.

— Ладно, будем надеяться, что все обойдется, — сказал летчик из эскадрильи Дэнбара и скрылся в ночи. — Дайте мне знать, как у вас дела, — донесся напоследок до Йоссариана из темноты его голос.

Йоссариан посмотрел ему вслед и шагнул к

своей палатке. Где-то впереди раздалось призывное покашливание, а потом из чащи вынырнул Эпплби.

— Как дела? — спросил он.

— Прекрасно, — ответил Йоссариан.

— Я слышал, они говорили, что припугнут тебя военным трибуналом, — сказал Эпплби, — с обвинением в дезертирстве на линии огня. Но только припугнут, а до суда доводить не станут, потому что не знают, удастся ли им доказать твою вину. И потому что это может повредить им в глазах нового начальства. Так или эдак, а ты не испугался второго захода над Феррарой, и, значит, тебя иначе как великим героем не назовешь. По-моему, ты чуть ли не величайший герой у нас в полку. И я думал, тебе будет приятно узнать, что они просто блефуют.

— Спасибо, Эпплби.

— Только поэтому я с тобой и заговорил — чтобы предупредить.

— Понимаю, Эпплби.

— Жаль, что мы подрались тогда в офицерском клубе, — смущенно ковыряя землю носком башмака, пробормотал Эпплби.

— Да брось, Эпплби, не вспоминай.

— Но драку-то начал не я. Все, по-моему, вышло

из-за Орра, который звезданул меня ракеткой по лицу. С чего бы это он?

— Ты у него выигрывал.

— Так это потому, что я лучше играю, верно? Ну а теперь, когда он погиб, разницы уже нет, лучше я играю или не лучше, правда?

— Наверно.

— И мне жаль, что я устроил всю эту суетню с атабринными таблетками на пути сюда. Ведь, если ты хочешь подхватить малярию, это твое личное дело, правильно я говорю?

— Да брось, Эпплби, не вспоминай.

— Но я ведь просто пытался выполнить свой долг. Мне не хотелось нарушать приказ. Меня всегда учили беспрекословно подчиняться приказам.

— Да брось, Эпплби, не вспоминай.

— Ты знаешь, я сказал полковнику Кошкарту с подполковником Корном, что им не следует посылать тебя на боевые задания, раз ты отказываешься летать, а они сказали, что очень разочарованы во мне.

— Так оно наверняка и есть, — грустно усмехнувшись, откликнулся Йоссариан.

— А мне плевать. Какого черта, ты уже совершил семьдесят один боевой вылет. Этого,

по-моему, вполне достаточно. Как ты думаешь, они тебя отпустят?

— Вряд ли.

— Ну а если все-таки отпустят, то получится, что они и нас тоже должны отпустить, верно?

— Поэтому-то они меня и не отпустят.

— А что они с тобой сделают?

— Не знаю.

— Как ты думаешь, отдадут они тебя под военный трибунал?

— Не знаю.

— Ты боишься?

— Боюсь.

— И согласишься летать?

— Не соглашусь.

— Ладно, будем надеяться, что все обойдется, — прошептал Эпплби. — Я уверен, что обойдется, — убежденно добавил он.

— Спасибо, Эпплби.

— Мне тоже не очень-то нравится до бесконечности летать на бомбардировку — особенно сейчас, когда мы почти победили. Я дам тебе знать, если услышу что-нибудь важное.

— Спасибо, Эпплби, — сказал Йоссариан и шагнул вперед.

— Эй, — раздался самоуверенный, опасливо

приглушенный голос из чащобы мелкорослого, по пояс человеку, кустарника, разросшегося возле палатки. Там сидел на корточках Хавермейер. Он жевал козинак, и его прыщи и громадные поры с угрями вокруг носа казались темными шрамами. — Как дела? — спросил он, когда Йоссариан подошел.

— Прекрасно.

— Ты собираешься летать?

— Нет.

— А если они попытаются тебя заставить?

— Откажусь.

— Дрейфишь?

— Конечно.

— Они отдадут тебя под военный трибунал?

— Похоже на то.

— А что говорит майор Майор?

— Он давно не показывается.

— Так они его исчезли?

— Не знаю.

— Что ты сделаешь, если они решат исчезнуть и тебя?

— Постараюсь им не даться.

— Они предлагали тебе какие-нибудь сделки, чтоб ты согласился летать?

— Птичкард и Краббс обещали назначать меня

только в безопасные полеты.

— Послушай, а ведь это прекрасная сделка, — оживившись, заметил Хавермейер. — Я бы на такую согласился. Ты небось рад?

— Я отказался.

— Ну и дурак. — Туповато бесчувственное лицо Хавермейера покрылось морщинами хмурого удивления. — Но вообще-то такая сделка была бы несправедливой по отношению к остальным. Ведь, если тебя назначать только в плевые налеты, нам достанется твоя доля опасных, так?

— Это верно.

— Да, похабные штучки! — воскликнул Хавермейер и, возмущенно вскочив, упер руки в бока. — Очень даже похабные! Они, значит, готовы подло меня облапошить, потому что ты дрейфишь летать?

— Обсуди это с ними, — сказал Йоссариан и обхватил на всякий случай рукоять пистолета.

— Да нет, я тебя не виню, — сказал Хавермейер, — хотя ты и поганец. Мне, знаешь ли, тоже не улыбается до бесконечности летать. Как бы от этого избавиться, а?

— Нацепляй пистолет и присоединяйся ко мне, — с насмешливой ухмылкой посоветовал ему Йоссариан.

— Нет, это для меня не выход, — задумчиво покачав головой, отказался Хавермейер. — Я опозорю жену и сына, если буду вести себя как трус. Трусов никто не любит. А кроме того, мне хочется остаться офицером запаса после окончания войны. Запасникам платят пятьсот долларов в год.

— Тогда продолжай летать.

— Да, видимо, придется. Послушай, а как ты думаешь, могут они освободить тебя от полетов и отправить домой?

— Вряд ли.

— А все же, если отправят и предложат выбрать еще одного человека, чтоб отправить вместе с тобой, выбери меня, ладно? Не выбирай всяких типов вроде Эпплби. Выбери меня.

— Да с чего вдруг они мне такое предложат?

— Ну мало ли. Ты, значит, помни, что я первый к тебе обратился, ладно? И дай мне знать, как у тебя дела. Я буду сидеть тут в кустах каждый вечер. Может, если они тебя не затравят, я тоже откажусь летать. Договорились?

Весь следующий вечер темнота материализовала перед Йоссарианом людей, интересующихся, как у него дела, и выпытывающих с изможденными тревогой лицами сокровенные сведения о нем, потому что их, оказывается, объединяло

родство душ, о котором он никогда не подозревал, усиленное болезненным любопытством к его судьбе. Малознакомые ему люди из его эскадрильи материализовались перед ним словно бы ниоткуда, чтобы спросить, как у него дела. Даже летчики из других эскадрилий таились в темноте у тропинок, по которым он ходил, чтобы материализоваться перед ним с теми же вопросами. Куда бы он ни отправился после заката солнца, перед ним то и дело материализовались люди, чтобы спросить, как у него дела. Они выныривали из лесной чащи и кустов, из канав и высокой травы, из-за палаток и машин. Однажды даже его сосед по палатке материализовался перед ним с вопросом, как дела, и просьбой не говорить остальным соседям по палатке, что он к нему обращался потихоньку от них. Йоссариан медленно приближался к материализующимся во тьме фигурам — опасливо настороженный силуэт с рукой на пистолете, — никогда не зная, какая из них попредательски обернется шлюхой Нетли или, еще того хуже, здоровенным посланцем полковых штабистов, которому поручено измордовать его до потери сознания. Постепенно становилось ясно, что они должны как-то с ним расправиться. Они не хотели отдавать его под военный три-

бунал, обвинив в дезертирстве на линии огня, потому что, во-первых, полк, размещенный за сто тридцать пять миль от линии фронта, трудно было приравнять к боевым подразделениям на линии огня, а во-вторых, именно Йоссариан разбомбил мост у Феррары при втором заходе на цель, угробив Крафта — он, кстати, почему-то почти никогда не вспоминался Йоссариану среди убитых. Но так или иначе, а начальству надо было как-то разделаться с ним, и его однополчане угрюмо ждали какой-нибудь зверской расправы.

Днем они все его сторонились, даже Аафрей, и он понял, что на свету вместе они совсем иные, чем порознь и в темноте. Ему было наплевать на них, и он по-прежнему ходил задом наперед, не выпуская из рук пистолет, в ожидании новых посулов, уговоров и угроз, когда капитан Птичкард и капитан Краббс возвращались после очередного чрезвычайного совещания из штаба полка, куда их систематически вызывали полковник Кошкарт и подполковник Корн. Обжора Джо почти не появлялся в расположении эскадрильи, и единственным человеком, который разговаривал днем с Йоссарианом, был капитан Гнус, ядовито именовавший его Герой-гроза-врагов и рассказавший ему однажды после поездки в Рим,

что шлюха Нетли бесследно сгинула. Йоссариан воспринял это известие с горьким раскаянием и тоскливой печалью. Он скучал по ней.

— Сгинула? — глухо переспросил он.

— Во-во, сгинула, — ответил, похохатывая, капитан Гнус. Глаза у него устало слезились, и он утомленно тер обоими кулаками подглазные мешки на своем заостренном худом лице, поросшем, как всегда, рыжевато-белесой двухдневной щетиной. — Я хотел было побаловаться с этой безмозглой телкой, раз уж мне довелось оказаться в Риме, — просто чтобы вспомнить добрые старые деньки. И чтобы Нетли пропеллером покрутился на том свете, у-ху-ху-ху-хо! Здорово мне удавалось допекать его насчет этой телухи, помнишь? Но ее уже там не было.

— А кто-нибудь знает, где она? — спросил Йоссариан, постоянно коривший себя за те невзгоды, которые ей наверняка пришлось из-за него пережить, и почти скучавший по ее непримиримо свирепой ненависти к нему.

— Там никого не осталось, — весело объяснил Йоссариану капитан Гнус. — Неужто не понимаешь? Они все сгинули. Их притон погорел.

— Погорел?

— Ну да, погорел. А их выкинули на улицу. —

Капитан Гнус жизнерадостно расхохотался, и кадык у него на шее под щетинистой кожей резво задрыгался вверх и вниз. — Про них пронюхала военная полиция, и курятник распотрошили, а курочек поразогнали. Во смеху-то, наверно, было, а?

— Да за что? — воскликнул Йоссариан, и его охватила тревожная дрожь.

— А нам-то какое дело? — откликнулся капитан Гнус и широким жестом отстранил от себя эту чепуху. — Их всех повыкинули на улицу. А гадюшник прикрыли.

— И куда же делась девчонка — ну, сестренка Нетлиевой шлюхи?

— Выкинули, — ответил, хохоча, капитан Гнус. — Вместе с остальными пропадлами. На улицу.

— Да она же еще ребенок! — возмущенно вскрикнул Йоссариан. — И никого во всем городе не знает! Как же она теперь?

— А как хочет, — равнодушно пожав плечами, ответил капитан Гнус, но потом с радостным любопытством посмотрел на Йоссариана. — Эй, в чем дело? Ишь ведь как тебя проняло! А я, дурак, сразу не рассказал, чтоб ты жрал, оглоед, чего дают. Ну так жри сейчас. Да куда ты? Куда? Жри,

тебе говорят, здесь, а я на тебя погляжу!

Глава тридцать девятая
Вечный город

Йоссариан летел без всяких документов в самоволку на самолете Мило Миндербиндера, который сидел за штурвалом в кресле первого пилота — самолет шел курсом на Рим — и, благочестиво поджав губы, укоряюще покачивая головой, с набожным смирением говорил Йоссариану, что ему за него стыдно. Йоссариан устраивает недостойный спектакль, разгуливая задом наперед по расположению эскадрильи с пистолетом на боку и отказываясь летать, сказал Мило Миндербиндер. Йоссариан кивнул. Это неуважение к однополчанам и предательство по отношению к командирам. Да и самого Мило он ставит в очень неловкое положение. Йоссариан кивнул. Люди начинают ворчать. Это же безнравственно — думать только о своей безопасности, когда настоящие патриоты вроде Мило, полковника Кошкарта, подполковника Корна и Уинтергрина не щадят усилий для приближения победы над врагом. Летчики, совершившие по семьдесят боевых вылетов, начинают ворчать,

поскольку им необходимо дотянуть до восьмидесяти, и есть опасность, что кое-кто из них, зараженный дурным примером, тоже привесит к поясу кобуру с пистолетом и примется шастать по расположению эскадрильи задом наперед. На моральную стойкость личного состава гибельно действует безнравственность Йоссариана. Страна в опасности, а он к тому же ставит под угрозу неотъемлемое право американских граждан на свободу и независимость, пытаясь им воспользоваться.

Йоссариан согласно кивал, сидя рядом с Мило в кресле второго пилота, и старался не обращать внимания на его трепотню. Он думал о Крафте, Орре, Нетли, Дэнбаре, Крохе Сэмпсоне и Маквоте, обо всех несчастных, глупых и затравленных людях, которые встречались ему в Италии, Аравии и Северной Африке или бедствовали на пороге гибели в других районах мира, где он никогда не бывал, а Снегги и младшая сестра Нетлиевой шлюхи особенно тяготили его совесть. Он решил, что понимает, почему шлюха Нетли хотела убить его в отместку за смерть Нетли. Да, она имела право ему мстить. Ведь именно мужчины правили делами мира, и ей вместе со всеми женщинами было естественно винить его вместе со всеми

мужчинами за те бедствия, которые сыпались на них как из рога изобилия; она имела основания ставить ему в вину злосчастную участь своей малолетней сестры и всех других детей, хотя он был ненавистен ей главным образом из-за Нетли. Кто-то должен иногда совершать поступки, взяв на себя заботу обо всех. Все преступники оказывались одновременно жертвами преступлений своих жертв, и кто-то должен был разомкнуть этот дьявольский, унаследованный от предков порочный круг. В некоторых областях Африки взрослые работорговцы крали детей и продавали их другим взрослым на мясо. Йоссариана поражали дети, которых приносили в жертву чудовищной свирепости людей. Да нет, часто думал он, дети добровольно обрекали себя на эту жертву — скрывая страданья, без всякого страха, — а иначе столь варварский обычай уже давно бы исчез, потому что даже жажду бессмертия или наживы люди не стали бы утолять, отнимая жизнь у детей.

Он старается потопить корабль, сказал Мило Миндербиндер, и Йоссариан опять согласно кивнул. Он паршивая овца в стаде, сказал Мило Миндербиндер. Йоссариан кивнул и стал слушать, а Мило сказал, что если ему не нравится,

как полковник Кошкарт и подполковник Корн командуют полком, то он должен отказаться от американского гражданства. Йоссариан удержался и не сказал, что если Мило Миндербиндеру, полковнику Кошкарту и подполковнику Корну не нравится, как он воспринимает их командование полком, то они сами могут отказаться к чертям собачьим от американского гражданства. Полковник Кошкарт и подполковник Корн всегда старались помочь Йоссариану, сказал Мило Миндербиндер; разве не дали они ему медаль, не произвели в капитаны после налета на Феррару, когда он не сумел в первый раз точно выйти на цель? Йоссариан кивнул. Разве они не кормят его, не выдают ему каждый месяц прекрасное жалованье? Йоссариан кивнул. Мило был уверен, что они милосердно простят его, если он придет к ним с повинной и согласится совершить восемьдесят боевых вылетов. Йоссариан сказал, что подумает, и, затаив дыхание, возносил молитву об удачной посадке, пока Мило Миндербиндер приземлялся и уводил самолет с взлетно-посадочной полосы. Его самого поражало, как люто возненавидел он полеты.

Рим лежал в руинах. Аэропорт разбомбили восемь месяцев назад, и высокие валы каменного

крошева громоздились, наваленные бульдозерами, с обеих сторон дороги, ведущей к воротам при въезде на аэродром, который опоясывала изгородь из колючей проволоки. Колизей, правда, уцелел, но Арка Константина была разрушена. А в квартире с тремя коридорами, где жила раньше шлюха Нетли, царил страшный разгром. Девицы сгинули, осталась только старуха. Окна были выбиты, и старуха, по-видимому, натянула на себя все свои кофты и юбки, а голову укутала в темную шаль. Она сидела, скрестив руки на груди, возле включенной электроплитки и кипятила в помятой алюминиевой кастрюле воду. Когда Йоссариан вошел, она громко разговаривала сама с собой, а увидев его, начала слезливо причитать.

— Сгинули, — простонала она, не дожидаясь вопроса и уныло раскачиваясь взад-вперед на скрипучем стуле.

— Кто?

— Все. Все несчастные девочки.

— Куда?

— Прочь. Их всех прогнали. Все сгинули. Все несчастные девочки.

— Кто их прогнал?

— Злые здоровенные солдаты в твердых белых

шапках и с дубинами. Да еще наши carabinieri.[41] Солдаты с дубинами прогнали бедных девочек на улицу. Им не дали даже как следует одеться. Бедные они, несчастные! Их выгнали, прямо в чем они были, на мороз.

— Они арестованы?

— Да нет, их просто выгнали. Выгнали, и все.

— Да почему они это сделали, если не хотели их арестовать?

— Я не знаю, — горестно всхлипнула старуха. — Я ничего не знаю. Кто теперь позаботится обо мне, когда всех бедных девочек выгнали и они сгинули? Кто обо мне позаботится?

— Да ведь должна же быть какая-то причина! — настаивал Йоссариан. Он ударил кулаком по ладони и сказал: — Не могли же они просто ворваться сюда без всякой причины и выгнать всех на улицу!

— Не было никакой причины, — стонала старуха. — Не было никакой причины.

— А по какому праву они явились?

— По двадцать второму.

— Что-что? — Йоссариан испуганно замер, и по спине у него поползли тревожные мурашки. —

---

[41] Примечания: 41
Полицейские *(итал.).*

Повтори точно, что они сказали!

— Они сказали, у них есть такое особое право номер двадцать два, — как бы подтверждая кивками головы свои слова, повторила старуха. — Да-да, номер двадцать два. Они сказали, у них есть право делать что угодно, а мы не имеем права им мешать. Потому что это Поправка двадцать два.

— О чем ты мне тут плетешь? — яростно заорал сбитый с толку Йоссариан. — Кто, дьявольщина, тебе сказал про Поправку двадцать два? Откуда ты о ней знаешь?

— Солдаты в твердых белых шапках и с дубинами. Девочки плакали. «Разве мы делаем что-нибудь незаконное?» — говорят. А солдаты говорят «нет» и пихают их дубинами к дверям. «Так за что вы нас выгоняете?» — плачут девочки. А солдаты им говорят: «Поправка двадцать два». Девочки их спрашивают: «Какая такая поправка?» А солдаты опять: «Поправка двадцать два». Выгоняют, а сами твердят: «Поправка двадцать два, Поправка двадцать два». Что это хоть такое значит? Почему «Поправка двадцать два»?

— Они вам показали ее, эту Поправку двадцать два? — растерянно и злобно расхаживая по комнате, спросил у старухи Йоссариан. — Дали вам

ее прочитать?

— Они сказали, им не надо давать нам ее читать. Они по закону не обязаны.

— По какому закону?

— Они сказали, по двадцать второму. Дескать, Поправка двадцать два.

— Чтоб им всем провалиться, бандюгам! — горько выкрикнул Йоссариан. — И ведь у них наверняка не было никакого документа. — Он остановился и беспомощно огляделся. — А где старик?

— Сгинул, — проскулила старуха.

— Куда?

— На тот свет, — объяснила старуха и, похлопав себя ладонью по голове, добавила: — Чего-то у него тут лопнуло. То был живой, живой, а через минуту гляжу, он уже мертвый.

— Да не мог он умереть! — упрямо заспорил было Йоссариан, однако сразу сообразил, что это правда, притом логичная правда: старик, по своему обыкновению, примкнул к большинству.

Йоссариан отвернулся от старухи и хмуро, с мрачным любопытством побрел по квартире, заглядывая в комнаты. Солдаты с дубинами вдребезги разбили все стеклянное. Разодранные занавески и скатерти валялись на полу. Стулья,

столы и комоды были перевернуты или сломаны. Все, что можно искорежить и разрушить, было искорежено и разрушено. От обстановки квартиры не осталось почти ничего. Большего разгрома не смогли бы учинить даже самые свирепые дикари. Стекла были выбиты, и ночь заглядывала в окна призрачными черными зрачками. Йоссариан представил себе тяжелую поступь военных полицейских — на головах белые шлемы, в руках массивные дубинки, глаза фанатично полыхают сознанием своей священной правоты и вожделенного, раз навсегда присвоенного права ломать, крушить, истреблять и уничтожать. Все несчастные девочки сгинули кто куда, старик отправился на тот свет, и осталась только старуха, укутанная с головы до ног в древние тряпки, которая тоже здесь долго не протянет.

— Сгинули, — горестно заквохтала она, как только Йоссариан вернулся после своего обхода квартиры. — Кто теперь обо мне позаботится?

— А подружка Нетли? — пропустив ее жалобу мимо ушей, спросил Йоссариан. — Не было от нее каких-нибудь вестей?

— Сгинула.

— Я понимаю. Но, может, кто-нибудь слышал про нее? Может, знает, где она сейчас?

— Сгинула.

— А ее сестра? Что случилось с сестрой?

— Сгинула, — монотонно повторила старуха.

— Да ты понимаешь, про кого я спрашиваю? — резко выкрикнул Йоссариан и заглянул старухе в глаза, опасаясь, что она бредит. — Что случилось с ее младшей сестрой, с девчонкой?

— Сгинула, сгинула, — раздраженно пожав плечами, чуть громче захныкала старуха, разозленная его придирчивой настырностью. — Ее выгнали вместе со всеми на улицу. Выгнали, в чем она была, прямо на мороз.

— Ее кто-нибудь увел?

— Я не знаю. Я не знаю.

— О ней кто-нибудь позаботится?

— А обо мне кто-нибудь позаботится?

— Она ведь вроде никого здесь в городе не знает?

— Кто обо мне позаботится? Кто обо мне позаботится?

Йоссариан положил ей на колени пачку лир и, мимолетно подумав, что с помощью зла — а разве деньги не зло? — вполне можно творить добро, вышел из квартиры. Спускаясь по лестнице, он злобно проклинал Поправку-22, хотя понимал, что ее не существует. Поправки-22 не существова-

ло, он давно понял, что она выдумана, да только это не имело ни малейшего значения, поскольку, с одной стороны, все верили в ее существование, а с другой — тут-то и таилась подлая поправка ко всем человеческим законам, — не существовало реального документа, текст которого можно было бы отвергать или опровергать, изменять, критиковать или поносить, уничтожать, ненавидеть, пригвождать к позорному столбу, растаптывать ногами или раздирать в клочья и сжигать.

Стояла холодная темная ночь; промозглая пелена тумана окутывала улицы, постепенно оседая мельчайшими каплями на шершавые стены домов и пьедесталы памятников. Йоссариан вернулся к Мило Миндербиндеру и покаялся. Он признал себя виновным и, понимая, что лжет, пообещал летать на боевые задания до самого конца войны, если Мило согласится найти для него с помощью своих влиятельных знакомых младшую сестру Нетлиевой шлюхи, которая, как он надеялся, болталась на улицах Рима.

— Она двенадцатилетняя невинная девочка, Мило, — взволнованно объяснил Йоссариан, — и мне обязательно надо отыскать ее, пока не поздно.

— Так у меня есть для тебя прелестная двена-

дцатилетняя девственница, — выслушав его с благосклонной улыбкой, весело объявил Мило Миндербиндер. — Ей всего тридцать четыре года, причем растили ее очень строгие родители на безбелковой диете, и она начала жить…

— Мило, я говорю о ребенке! — в отчаянии перебил его Йоссариан. — Неужели ты не понимаешь? Она нужна мне вовсе не для постели. Я хочу ей помочь. У тебя ведь есть дочери, ты должен понять. Это маленькая девочка, о которой некому позаботиться, и она бродит одна-одинешенька по улицам Рима. Я хочу ее спасти! Неужели ты не понимаешь, про что я толкую?

Мило Миндербиндер понял и был глубоко тронут.

— Йоссариан, я горжусь тобой! — проникновенно воскликнул он. — В самом деле горжусь. Ты даже не представляешь себе, как мне отрадно видеть, что грубая похоть не подорвала твоих нравственных устоев. Да, у меня есть дочери, и я понимаю, про что ты толкуешь. Мы найдем эту девочку, можешь не сомневаться. Поедем со мной, и мы ее найдем, даже если нам понадобится перевернуть вверх тормашками весь город. Поехали, живо!

Йоссариан и Мило поехали в штабной машине

с буквами «М и М» на дверцах в главное полицейское управление Рима, где их встретил смуглый и неопрятный комиссар с узенькими черными усиками и в расстегнутом кителе, лениво любезничавший до их прихода с дородной, украшенной бородавками и двойным подбородком дамой. Увидев Мило, он разразился такими радостно подхалимскими приветствиями, будто перед ним стоял по меньшей мере элегантный маркиз.

— Ах, marchese,[42] Мило! — воодушевленно воскликнул он, равнодушно выпроваживая раздосадованную дородную даму за дверь. — Почему ж вы меня не предупредили, что собираетесь прийти? Я бы устроил грандиозный прием в вашу честь. Входите, входите, marchese. Вы что-то совсем нас забыли.

— Привет, Луиджи, — зная, что нельзя терять ни секунды, пренебрежительно, даже почти грубо сказал Мило Миндербиндер. — Мне нужна ваша помощь. Мой друг хочет найти девочку.

— Девочку, marchese? — неторопливо почесывая щеку, переспросил комиссар. — В Риме сколько угодно девочек. У американского офицера с этим не должно быть затруднений.

---

[42] Примечания: 42
Маркиз *(итал.).*

— Да нет, Луиджи, вы не поняли. Речь идет о двенадцатилетней девственнице, которую он должен найти как можно скорей.

— Так-так, теперь понятно, — проницательно отозвался комиссар. — Девственницу придется немного поискать. Но если ваш друг постоит на конечной остановке автобуса, куда приезжают девочки, чтобы найти работу, я…

— Луиджи, вы опять не поняли, — бесцеремонно оборвал комиссара Мило Миндербиндер, чем заставил его испуганно вскочить с побагровевшим лицом и сначала вытянуть руки по швам, а потом попытаться застегнуть китель. — Это именно девочка, старинная подруга семьи, и мы хотим ей помочь. Она еще ребенок. Она бродит одна по улицам города, и нам надо ее найти, пока она не попала в беду. Теперь-то вы понимаете? Мне очень важно ее найти. У меня есть дочь того же возраста, и мне сейчас важней всего на свете спасти несчастного ребенка, пока не поздно. Вы нам поможете, Луиджи?

— Да, marchese, теперь я понял, — сказал комиссар. — И сделаю все, что в моих силах. Только вот свободных людей у меня сегодня почти нет. Сегодня почти все мои люди брошены на операцию по пресечению подпольной торговли

контрабандным табаком.

— Контрабандным табаком? — заинтересовался Мило Миндербиндер.

— Мило! — умоляюще вскричал Йоссариан, чувствуя, что все погибло.

— Да, marchese, — ответил комиссар. — Барыши от подпольной продажи табака такие огромные, что перекрыть пути контрабанде почти невозможно.

— В самом деле огромные? — уточнил Мило Миндербиндер, и его рыжевато-ржавые брови алчно изогнулись, а ноздри жадно втянули воздух.

— Мило! — тревожно воскликнул Йоссариан. — Не забывай о нашем деле!

— Да, marchese, — подтвердил комиссар. — Доходы фантастические. Контрабанда превратилась в национальное бедствие, это воистину национальный позор.

— Вы уверены? — с озабоченной улыбкой спросил Мило Миндербиндер и, словно в трансе, двинулся к двери.

— Мило! — завопил Йоссариан и бросился ему наперерез. — Мило, ты же обещал мне помочь!

— Контрабандный табак, — завороженно объяснил ему Мило Миндербиндер, продвигаясь к

выходу. — Пропусти меня. Мне необходимо его перехватить.

— Подожди немного, нам же надо ее найти! — взмолился Йоссариан. — Ты перехватишь его завтра!

Мило Миндербиндер, будто оглохнув, стремился вперед — спокойно, но безостановочно и непреклонно, — он взмок от пота, в глазах у него мерцала слепая одержимость, а на подергивающихся губах блестели капельки слюны. Он протяжно, как от привычной боли, пристанывал и машинально повторял: «Контрабандный табак, контрабандный табак». Йоссариан понял, что разговаривать с ним бесполезно, и покорно отступил. Мило мгновенно исчез. Комиссар расстегнул китель и презрительно посмотрел на Йоссариана.

— Что вам здесь надо? — холодно спросил он. — Вы хотите, чтоб я вас арестовал?

Йоссариан вышел из кабинета и спустился по лестнице на темную, как склеп, улицу, а дородная дама с бородавками и двойным подбородком, увидев, что он уходит, вернулась в кабинет. Мило, разумеется, уже скрылся. Вокруг не светилось ни одного окна. Безлюдная, мощенная булыжником улица всползала на крутой холм. Через несколь-

ко кварталов она упиралась в ярко освещенный широкий проспект. Полицейское управление располагалось почти на дне низины; лампочки у входа потрескивали, будто сырые факелы. Сеялся мелкий холодный дождь. Йоссариан побрел по улице вверх. Вскоре его взгляду открылся небольшой уютный ресторан с красными бархатными шторами на окнах и голубой неоновой вывеской над дверью: РЕСТОРАН ТОНИ. ОТМЕННЫЕ НАПИТКИ И ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ЗАКУСКИ. ВХОД ВОСПРЕЩЕН. Странная вывеска почти не удивила Йоссариана. В той извращенной действительности, которая окружала его, любые отклонения от нормы казались ему нормальными поправками. Черные, расчерченные косой моросью стены домов причудливо дрожали, и чудилось, что вся улица качается и дробится в промозглой тьме. Йоссариан поднял воротник и зябко запахнул свою теплую шерстяную куртку. Из темноты вынырнул босой мальчишка в тонкой рубашке и тонких драных штанах. У него были черные волосы, и он давно нуждался в стрижке, не говоря уж о носках и башмаках. На его болезненно-бледном лице застыла маска угрюмой печали. Он как бы нарочито с громким хлюпаньем чавкал босыми подошвами по лужам, и Йоссариан ощу-

тил такую щемящую жалость к его несчастной нищенской доле, что ему захотелось размозжить ударом кулака, вышвырнуть из реальной жизни это печальное, бледное, болезненное лицо, которое напоминало о печальных, бледных, болезненных лицах всех итальянских мальчишек — несчастных, нестриженых и босых, — застигнутых непогодой в непроглядной ночи. Он заставил Йоссариана подумать про увечных, продрогших и голодных бродяг, про лишенных крова, бессловесных и верных матерей с безжизненно застывшими взглядами и младенцами на руках, которые жадно теребили голодными губами их безропотно обнаженные, мокнущие под льдистой моросью груди. Йоссариан подумал, что они переносят лишения с терпеливой покорностью коров, и сразу же, точно вызванная его раздумьями из небытия, перед ним вдруг возникла женщина с грудным ребенком, завернутым в черные лохмотья, на руках, и его обуяло желание размозжить голову и ей, потому что она напомнила ему о босоногом мальчишке в тонкой рубашке и тонких драных штанах, о дрожащей, замордованной, исстрадавшейся нищете, затопившей мир, способный предоставить кров, пропитание и справедливость лишь горстке бес-

совестных ловкачей. Господи, что за пакостный мир! Йоссариан попытался представить себе, сколько бедняков мается от голода и холода даже в его собственной процветающей стране, сколько жилищ надо назвать жалкими трущобами, сколько мужчин по-скотски напились, скольких жен беспощадно избили отчаявшиеся мужья, скольких детей запугали, замордовали и бросили. В скольких семействах не было сегодня ужина? Сколько сердец было разбито? Сколько людей покончит к утру жизнь самоубийством, сколько сойдет с ума? Сколько тараканов расплодится и сколько домовладельцев обогатится за счет погибающих бедняков? Сколько удач обернется неудачами, сколько победителей потерпит поражение и сколько богатых встанут утром бедняками? Сколько праведников окажется преступниками, мудрецов — дураками, храбрецов — трусами, честных людей — лжецами, верных — предателями, а хороших — плохими? Сколько высокопоставленных избранников народа продаст за гроши свою душу подонкам и у скольких вообще не окажется души? Сколько счастливых историй завершится несчастьем? Сколько прямых путей превратится в окольные тропы? Сколько уважаемых семей оскандалится, а креп-

ких — развалится? Где искать хорошего человека? Если все это должным образом сложить, вычесть и подытожить, то хорошими окажутся только дети и, возможно, Альберт Эйнштейн да старый скрипач или скульптор где-нибудь в дремучей глухомани. Йоссариан угрюмо подымался по темной улице, страдая от мрачного одиночества и мучительного воспоминания о бледном босоногом мальчишке, пока не вышел на светлый проспект, где увидел группу военных из самых разных стран. Шестеро из них навалились на молодого лейтенанта с бледным мальчишеским лицом, который бился в падучей, и старались удержать ему руки, ноги, голову — каждый одну из частей тела, — чтобы лейтенант не покалечился. Он дергался и стонал и нечленораздельно мычал сквозь стиснутые зубы, а зрачки у него закатились под верхние веки. «Не давайте ему откусить себе язык», — мудро посоветовал самодеятельной команде спасателей стоявший рядом с Йоссарианом низкорослый сержант, и седьмой помощник бросился в общую кучу, чтобы спасти лейтенанту язык. Внезапно спасатели одолели эпилептические корчи и недоуменно уставились друг на друга, не понимая, что же им теперь делать с окостенело вытянувшимся на тротуаре

лейтенантом. Их тупо недоуменные взгляды как бы взаимно генерировали во всех семерых паническую дрожь. «А почему бы вам не положить его на капот машины?» — подал им неспешный совет стоявший сзади Йоссариана капрал. В этом был смысл, и семеро спасателей положили молодого лейтенанта на капот автомобиля, плотно прижимая к тонкому железу дергающиеся в эпилепсии части тела. Справившись с этой задачей, они снова вопросительно уставились друг на друга. «А внизу-то ему было лучше», — снова выручил их стоявший за спиной Йоссариана капрал. Мысль была верная, и семерка спасателей принялась перекладывать лейтенанта с капота на тротуар, но, прежде чем они закончили эту операцию, к ним подъехал джип со слепящей поворотной фарой и двумя военными полицейскими на переднем сиденье.

— Что за свалка? — рявкнул водитель.

— У него припадок эпилепсии, — объяснил полицейским один из спасателей. — Мы не даем ему изувечиться.

— Он, стало быть, под арестом, — заключил полицейский.

— А что нам с ним теперь делать?

— Держите его под арестом, пока не опомнит-

ся! — гаркнул в ответ полицейский и, сипло расхохотавшись над своей шуткой, стремительно укатил.

Йоссариан вспомнил, что у него нет отпускного свидетельства, и, решив больше не задерживаться у этой слишком заметной группы, пошел дальше, навстречу смутным голосам, доносящимся из пасмурной тьмы. Широкий, затянутый серой сеткой мороси проспект освещали через каждые полквартала укрепленные на низких столбах фонари, вокруг которых клубилось жутковато сизое марево, слепо глохнущее в пелене бурого тумана. Откуда-то сверху, из окна, до Йоссариана донесся испуганно молящий женский голос: «Пожалуйста, не надо! Пожалуйста, не надо!» Хмурая молодая женщина в черном плаще и с пышной черной шевелюрой вынырнула ему навстречу из темноты и прошла, не подняв головы, мимо. Впереди, у здания министерства внутренних дел, пьяный молодой солдат притиснул пьяную молодую женщину к одной из коринфских колонн, а трое его пьяных товарищей по оружию сидели чуть ниже на широких ступенях с бутылками вина между ног. «Пжалшта, не надо, — уговаривала солдата молодая женщина. — Пжалшта, не надо, мне пора домой». Йоссариан посмотрел на

них, и один из сидящих солдат, злобно выругавшись, запустил в него сверху бутылкой. Бутылка упала довольно далеко и с коротким приглушенным звоном разбилась об асфальт. Не меняя темпа и не вынимая рук из карманов, Йоссариан продолжал неспешно и вяло шагать вперед. «Подожди, курочка, — раздался сзади голос пьяного солдата, — теперь моя очередь». «Пжалшта, не надо, — просила его женщина. — Пжалшта, не надо». На следующем углу Йоссариан вдруг услышал звук лопаты, сгребающей снег, — этот совершенно невозможный здесь звук донесся до него из простроченной плотной моросью тьмы, в которой тонула узкая кривая улица, выходящая на проспект. Ритмично размеренный, будто в такт затрудненному от работы дыханию, скрежет металла об асфальт напугал его своей неуместностью до мурашливой дрожи; он торопливо пересек темную боковую улицу и быстро шел вперед, пока навязчивый, знакомый с детства металлический скрежет не заглох в отдалении у него за спиной. Теперь он наконец понял, куда попал: если идти не сворачивая, вперед, проспект вскоре выведет его к бездействующему фонтану в маленьком сквере; а потом, миновав еще семь домов, он доберется до офицерской квартиры.

Внезапно ночную черную тишину взрезали пронзительные нечеловеческие вопли. Йоссариан подошел к перекрестку; фонарь на углу не горел, и контуры домов казались призрачно размытыми. На другой стороне поперечной улицы какой-то человек избивал дубиной собаку, мгновенно напомнив Йоссариану крестьянина из сна Раскольникова, зверски избивавшего кнутом свою лошадь. Йоссариан безнадежно силился ничего не видеть и не слышать. Собака, прижавшись к асфальту, пронзительно скулила, то бессмысленно дергая веревку, то обессиленно извиваясь под ударами, и ни разу не попыталась огрызнуться, но человек все бил, и бил, и бил ее по спине своей массивной, овального сечения дубиной. Вокруг стояла небольшая толпа зрителей. Приземистая женщина сделала шаг вперед и попросила его, чтобы он, пожалуйста, перестал. «Иди-ка ты…» — грубо рявкнул он, подымая дубину выше обычного, как бы с угрозой ударить женщину, которая униженно, без всякого протеста отступила в толпу. Йоссариан почти побежал, чтобы скорее оказаться подальше. Слякотная ночь полнилась нескончаемым ужасом, и Йоссариан подумал, что может себе представить, с каким чувством ходил по земле Христос, ощущая горестное отчаяние

психиатра среди буйнопомешанных или тоскливое смятение человека, который предожидает кровавое злодеяние, уготованное ему людьми, а его водят по тюрьме для особо жестоких злодеев. Что за чудесное отдохновение должен он был испытать, встретив безобидного прокаженного! Еще через квартал Йоссариан увидел, как взрослый мужчина избивает худого мальчонку под взглядами других взрослых людей, явно не желающих вмешиваться. Йоссариан отпрянул, как если бы он столкнулся со смутно знакомым кошмаром. Ему почудилось, что он уже видел эту страшную сцену. Déjà vu? Зловещее совпадение потрясло его и напугало. То же самое он видел на предыдущем перекрестке, хотя здесь вроде бы все было иное. Во что превратился мир? Выйдет ли сейчас из толпы приземистая женщина с просьбой к мужчине, чтобы он, пожалуйста, перестал? Подымет ли тот руку, будто собираясь ударить и ее? Никто не пошевелился. Мальчонка монотонно скулил. Мужчина гулко бил его открытой ладонью по голове, и мальчонка падал, а он рывком подымал его и бил снова. Зрители угрюмо ежились, но ни один из них, похоже, не считал, что за истязаемого, почти потерявшего сознание мальчонку надо вступиться. На вид ему

было не больше девяти лет. Какая-то женщина безмолвно всхлипывала, уткнувшись лицом в грязное посудное полотенце. У чахлого, давно не стриженного мальчонки текла из обоих ушей ярко-красная кровь. Йоссариана замутило, и, чтобы избавиться от этого жуткого зрелища, он поспешно пересек бесконечный проспект, вступил на тротуар и обнаружил у себя под ногами человеческие зубы, лежащие в лужицах слегка загустевшей крови, которую рябили, словно проворные остренькие пальцы, капли мелкого, но частого дождя. Осколки резцов и клыков, ослепительно белые на мокром черном асфальте, устрашающе захрустели. Йоссариан в ужасе отскочил, обошел на цыпочках эту отвратительную россыпь и, подняв голову, увидел в подъезде темного дома плачущего солдата с прижатым к лицу платком, которого поддерживали под руки два других солдата, нетерпеливо поджидая машину военной «Скорой помощи», проехавшую, однако, мимо и остановившуюся кварталом дальше, где несколько полицейских окружили одного штатского итальянца. Полицейские с пистолетами, дубинками и наручниками тесно сгрудились вокруг безоружного человека, который прижимал к груди пачку книг и, отчаянно сопротивля-

ясь, истошно кричал. Глаза у него лихорадочно блестели, веки с длинными ресницами беспорядочно хлопали, будто крылья летучей мыши, а мучнисто-белое, оттененное черными волосами лицо кривилось гримасой безнадежного страха, но дюжие полицейские, не обращая внимания на его вопли, привычно схватили его за руки и за ноги и подняли вверх. Книги беспорядочной грудой ссыпались на мокрый асфальт. «Помоги-и-и-и-ите!» — захлебываясь в собственном вопле, надрывался итальянец, пока полицейские, распахнув задние дверцы, деловито запихивали его в «Скорую помощь».

«Помогите! Полиция! Помогите!» — выкрикнул последний раз итальянец, а потом дверцы захлопнулись, и машина с воем умчалась. Вопль окруженного полицейскими человека, взывающего к полиции о помощи, звучал смехотворно, однако отнюдь не смешно. У криво усмехнувшегося было Йоссариана пополз по хребту тревожный холодок, когда он вдруг осознал, что нелепый зов на помощь звучал весьма двусмысленно и предназначался, вполне вероятно, вовсе не полицейским с пистолетами, дубинками и наручниками, а героически предостерегал из могилы тех, кому следовало опасаться полиции, — если,

правда, увезенный итальянец не просил помощи у другой, дружественной ему банды полицейских с пистолетами, дубинками и наручниками. Короче, крик: «Помогите! Полиция! Помогите!» — мог быть предупреждением об опасности, и Йоссариан, сочтя за благо понять его именно так, решил потихоньку скрыться. Он сошел с тротуара и едва не наступил на ногу массивной женщине лет сорока, которая двигалась ему наперерез, воровато и шкодливо оглядываясь на ковылявшую вслед за ней старуху лет под восемьдесят с толстыми, много раз обмотанными бинтом лодыжками. Сомневаться не приходилось — сорокалетняя удирала от восьмидесятилетней, и удирала весьма успешно: когда старуха подошла к краю тротуара, та была уже на середине широкого проспекта. Злорадная, глумливо опасливая и подлая ухмылка змеилась по ее губам. Йоссариан знал, что ему не составило бы труда помочь старухе: стоило ей горестно вскрикнуть, оповестить его о своей беде, и он в два прыжка настиг бы убегающую женщину, чтобы задержать ее до прибытия очередной банды полицейских. Но старуха проковыляла мимо со страдальчески злобным ворчанием, даже не заметив его, и вскоре сорокалетнюю скрыла сырая темень, а ее преследовательница беспо-

мощно и одиноко остановилась, не понимая, в какую сторону ей идти. Йоссариан отвернулся и поспешил прочь, презирая себя за то, что не помог несчастной старухе. Теперь он сам воровато и шкодливо оглядывался, убегая от своего стыда и опасаясь, что старуха пустится за ним вдогонку, а поэтому благословляя пронизанную колючей моросью и почти непроглядную ночную тьму с бандой драных туч над крышами домов. Банды, повсюду банды, весь мир задавлен всевластием банд. Банды с дубинками подмяли под себя решительно все.

Воротник и плечи его куртки напитались ледяной влагой, а носки промокли и неприятно холодили ноги. Следующий фонарь не горел, осколки его стеклянного колпака тускло серебрились под моросящим дождем у подножия столба. Дома и безликие силуэты людей проплывали мимо Йоссариана, словно бы уносимые в никуда могучим неостановимым потоком. Вот навстречу ему вынырнул высокий монах, его лицо и даже глаза скрывал грубошерстный серый капюшон. Потом послышались хлюпающие по лужам шаги, и Йоссариан тревожно напрягся, опасаясь увидеть еще одного босого мальчишку. Но мимо него проскользнул иссиня-бледный изможденный

человек со звездообразным шрамом на щеке и уродливо глянцевой впадиной на виске величиной не меньше куриного яйца. Потом прошла молодая женщина в промокших плетеных босоножках, и лицо у нее, от шеи почти до глаз, было обезображено недавно зарубцевавшимся радужно-розоватым шрамом от ожога. Йоссариана передернуло. Она уже ни у кого не вызовет любви, горестно подумал он, и ему захотелось оказаться в постели с девушкой, которая любовно взволновала бы его, утешила и усыпила. На Пьяносе его поджидала банда с дубинками. А все девушки сгинули. Оставались, правда, две графини, сноха и свекровь, но они ему теперь не подходили: он стал слишком старым для них и у него не было времени на ухаживание. Лючана сгинула — возможно, даже умерла или вот-вот умрет. Распутная и распатланная девка Аафрея тоже исчезла, выбросив предварительно из окна машины свое скабрезное кольцо, а мисс Даккит не хотела иметь с ним дела, потому что он покрыл себя позором, отказавшись летать, и в любую минуту мог вызвать скандал. Единственной девушкой, с которой ему, быть может, светило сегодня переспать, была бесцветная служанка из офицерской квартиры, на которую

никто ни разу не польстился. Звали ее Микаэла, но офицеры-отпускники вечно присваивали ей ласковыми голосами похабные клички, а она, не зная английского, думала, что с ней заигрывают, и по-детски радостно хихикала. Все их дикие выходки вызывали у нее очарованное восхищение. Она была счастливой работящей простушкой, которая с трудом выводила при надобности свою фамилию и не умела читать. Волосы у нее напоминали подмокшую солому, глаза близоруко щурились, а тускло-шершавая кожа начисто убивала желание с ней переспать, но в тот день, когда Йоссариан мотался по Риму, надеясь найти младшую сестру Нетлиевой шлюхи, Аафрей изнасиловал ее, продержал до позднего вечера в стенном шкафу — ему пришлось чуть ли не два часа зажимать ей рот — и выпустил, только когда сирены возвестили комендантский час, так что она уже не могла выйти на улицу.

Выпустил и выбросил в окно. Ее труп еще лежал на тротуаре, когда Йоссариан подошел к офицерской квартире и вежливо протолкался сквозь толпу соседей по дому, которые сгрудились вокруг Микаэлы с тусклыми фонарями и угрюмо отшатывались от Йоссариана, ядовито показывая на окно вверху, и приглушенно, осуждающе, но

так, чтобы он не услышал, толковали между собой о случившемся. Йоссариан в ужасе посмотрел на окровавленное, с перебитыми костями тело и, ощущая тревожную жалость, поднялся наверх, где его встретил беспокойно слоняющийся по квартире Аафрей. Он, как всегда, самодовольно ухмылялся, но на этот раз ухмылка у него была кривоватая, а пальцы, когда он возился с трубкой, слегка дрожали, хотя ничего особенного, по его утверждению, не случилось и волноваться не стоило.

— Я ее только разик, — объяснил он Йоссариану.

— Да ведь ты убил ее, Аафрей! — оторопело вскричал Йоссариан. — Ты убил ее!

— А что мне, по-твоему, оставалось делать? — с чванливой снисходительностью спросил Йоссариана Аафрей. — Не мог же я позволить ей трепаться про всякие насилия в офицерской квартире нашего полка!

— Так на кой ты и вообще-то к ней прикасался? — возмутился Йоссариан. — Мало тебе, подлому выродку, продажных девок? Улицы ломятся от проституток!

— Ну нет, мне проститутки, знаешь ли, не подходят, — высокомерно сказал Аафрей. — Я

никогда в жизни за это не платил!

— Ты обезумел, Аафрей! — почти лишившись дара речи, пробормотал Йоссариан. — Ты же **убил** ее! Тебя посадят в тюрьму!

— Ну нет, — силясь усмехнуться, запротестовал Аафрей. — Мне это, знаешь ли, не подходит. Да и кто захочет сажать меня в тюрьму? Нет-нет, старого доброго Аафрея не станут сажать из-за какой-то вшивой итальянки.

— Но ведь ты выбросил ее в окно! Она лежит на улице мертвая!

— Не может она там лежать. Ей запрещается после комендантского часа ошиваться на улице.

— Ну, кретин! Неужели тебе непонятно, что ты натворил? — Йоссариану хотелось ухватить его за жирные, мягкие, словно плоть у гусеницы, плечи и как следует встряхнуть, чтобы он наконец понял. — Ты убил человека! И тебя обязательно посадят в тюрьму! А может, и повесят.

— Да нет, едва ли, — беспечно ухмыльнувшись, возразил Аафрей, но было заметно, что его беспокойство растет. Набивая трубку, он сыпал табак мимо чубука. — Нет-нет, со стариной Аафреем такого не сделают. — Он коротко рассмеялся. — Она же всего-навсего прислуга. И к тому же итальянка. Вряд ли кто-нибудь станет подымать шум

из-за нищей итальянки, когда ежедневно гибнут тысячи людей. Как ты считаешь?

— Слушай! — почти обрадованно воскликнул Йоссариан, наблюдая за бледнеющим лицом Аафрея и вслушиваясь в отдаленный вой сирен — полицейских сирен, — который внезапно превратился в пронзительный, надрывный, яростный рев, захлестнувший квартиру, словно всесокрушающий какофонический обвал. — Это за тобой, Аафрей! — сочувственно заорал, чтобы быть услышанным, Йоссариан. — Сейчас тебя арестуют. Пойми, Аафрей, нельзя безнаказанно отнять у человека жизнь, даже если это нищая служанка. Теперь тебе ясно? Ты убедился, что я прав?

— Да нет, — деланно рассмеявшись и кривя губы в искусственной ухмылке, возразил Аафрей. — Это не за мной. Старина Аафрей еще погуляет на свободе.

Болезненно побледнев и опустившись на стул, он обессиленно, в дрожащем оцепенении съежился, и его пухлые руки с дряблыми ладонями, которые он положил на колени, мелко затряслись. Машины резко затормозили у подъезда. Слепящие поворотные фары мгновенно высветили их окно. Громко просвиристел полицейский

свисток. Отрывисто рявкнули хриплые голоса. Аафрей позеленел. Он машинально, с застывшей улыбкой качал головой и еле слышно твердил, что это не за ним, нет-нет, старина Аафрей еще погуляет, он пытался не верить происходящему, даже когда лестничная площадка загудела от тяжкого топота и на дверь обрушилось четыре зловещих, непреклонно властных удара. Потом дверь распахнулась, и в квартиру вступили два высоких широкоплечих полицейских из военной полиции — взгляды у них были такие же безулыбчиво твердые, как массивные, плотно сжатые челюсти с каменными подбородками, — печатая шаг, они вошли в комнату и арестовали Йоссариана.

Они арестовали Йоссариана за пребывание в Риме без отпускного свидетельства.

Они извинились перед Аафреем за вторжение, взяли Йоссариана под руки — хватка у них была стальная — и вывели его на площадку. Спускаясь по лестнице, они не сказали ни одного слова. Еще два военных полицейских в твердых белых шлемах и с дубинками ждали их возле закрытой машины. Они посадили Йоссариана на заднее сиденье, и машина, с ревом вспарывая слякотную тьму, доехала за несколько минут до

полицейского участка. Там Йоссариана заперли на ночь в камеру с голыми каменными стенами. Наутро ему дали бадью, чтобы он помочился, и отвезли в аэропорт, где еще два могучих военных полицейских ждали его около самолета с уже прогретыми, судя по каплям конденсата на зеленых обтекателях, двигателями. Полицейские не обменялись ни единым словом. Даже не кивнули друг другу. Йоссариан никогда не видел таких твердокаменных лиц. Самолет взял курс на Пьяносу. Еще два полицейских присоединились к его конвоирам, когда самолет сел. Теперь их было восемь. Они молча, как бы выполняя четкие команды, разместились в двух машинах и, на предельной скорости миновав палатки всех четырех эскадрилий, остановились возле здания полкового штаба. Здесь их ждали еще два военных полицейских. Десятеро конвоиров — решительных, безмолвных, могучих — отгородили его от мира высокой плотной стеной и повели к штабу. Их тяжелые, строго синхронные шаги с громким хрустом печатались на гравийной дорожке. Ему казалось, что само время неуклонно ускоряет свой ход. В нем подымался обессиливающий страх. Любой конвоир мог выбить из него дух одним ударом. Им было достаточно сомкнуть

строй, чтобы их массивные, твердые, как гранитные утесы, плечи раздавили его, словно червяка. О спасении нечего было и думать. Он даже не видел, кто из десятерых ведет его под руки между двумя рядами марширующих друг другу в затылок полицейских. Их шаги звучали все чаще, и ему чудилось, что он летит, не касаясь ногами ступеней, когда они поднимались по мраморной лестнице на второй этаж, где еще два громадных полицейских с безучастно непроницаемыми лицами присоединились к ним, чтобы препроводить его на галерею, протянувшуюся вдоль стены над круглой гулкой ротондой. Их маршевый шаг оглушительно гремел, подобно все учащающимся раскатам зловещего грома, пока они вели его, постоянно наращивая темп, по выложенному обшарпанной плиткой каменному полу, и он с трепетом ощущал дующий ему в уши ветер беспощадной судьбы, а потом настало последнее мгновение, и дверь кабинета открылась, и он увидел, что на служебном столе полковника Кошкарта по-хозяйски сидит подполковник Корн, который сказал ему с добродушной улыбкой:

— Мы решили отправить вас домой.

Глава сороковая
Поправка-22

Но была, конечно, одна поправка к этому простому решению.

— Поправка двадцать два? — спросил Йоссариан.

— Конечно, — весело ответил подполковник Корн, отпустив могучих конвоиров небрежным взмахом руки, и чуть презрительно кивнул — откровенно довольный, как всегда, когда он мог быть откровенно циничным. Квадратные, без оправы стекла его очков мерцали коварным блеском. — Ведь мы не можем просто отпустить вас домой, потому что вы отказались летать, а всех других по-прежнему держать здесь, правильно я говорю? Это едва ли было бы справедливо по отношению к ним.

— В том-то все и дело, черт бы его побрал! — рявкнул полковник Кошкарт, неуклюже топоча по кабинету вроде запыхавшегося и злобно фыркающего быка. — Я бы с удовольствием засовывал его связанным по рукам и ногам в самолет, чтобы он не пропускал у меня ни одной бомбардировки.

С огромным бы удовольствием!

— Видите ли, — знаком попросив полковника Кошкарта помолчать, сказал подполковник Корн, — вы очень усложнили жизнь командиру полка. — Подполковник Корн нагловато усмехнулся, словно бы радуясь усложнению жизни у командира полка. — Люди встревожены, и боевой дух в полку начал угасать. А виноваты в этом вы.

— Люди встревожены, потому что у нас все время повышается норма боевых вылетов, — сказал Йоссариан. — И винить за это надо вас, а не меня.

— Нет, виноваты вы, потому что отказались летать, — резко возразил подполковник Корн. — Люди спокойно воевали, пока знали, что нашу норму необходимо выполнить и другого выхода у них нет. А вы показали им сомнительный выход, и теперь их обуяла тревога.

— Пора бы ему понять, что идет война, — мрачно проворчал, не глядя на Йоссариана, полковник Кошкарт, расхаживающий из угла в угол.

— Я думаю, он давно это понял, — сообщил полковнику Кошкарту подполковник Корн. — А иначе зачем бы ему отказываться летать?

— И это его не смущает?

— Вас это не смущает? — имитируя с насмеш-

ливой серьезностью тон полковника Кошкарта, осведомился у Йоссариана подполковник Корн.

— Нет, сэр, — едва не ухмыльнувшись ему в ответ, сказал Йоссариан.

— Так я и думал, — тяжело вздохнув, сказал подполковник Корн и удовлетворенно сцепил пальцы рук на своем гладком, широком, смуглом и блестящем черепе. — А ведь ради справедливости вы должны признать, что относились мы к вам неплохо, верно я говорю? Мы кормили вас, регулярно платили жалованье. Мы наградили вас медалью и даже произвели в капитаны.

— Мне не следовало давать ему звание капитана, — удрученно сказал полковник Кошкарт. — Мне надо было отдать его под военный трибунал за головотяпство при бомбардировке Феррары.

— Я советовал вам не давать ему капитана, — сказал подполковник Корн, — но вы никогда меня не слушаете.

— Как это — советовали? Ну да, именно советовали дать ему капитана. Разве нет?

— Конечно, нет. Но вы никогда не прислушиваетесь к моим советам.

— Да, на этот раз надо было прислушаться.

— Вы никогда меня не слушаетесь, — наставительно сказал подполковник Корн. — И вот вам

результат.

— Ладно, хватит! Перестаньте зудеть. — Полковник Кошкарт засунул руки в карманы брюк, угрюмо ссутулился и отвернулся. — Вы вот, вместо брюзжания, лучше сформулируйте, что мы собираемся с ним сделать.

— Я думаю, мы собираемся послать его домой. — Весело посмеиваясь, подполковник Корн отвернулся от полковника Кошкарта и посмотрел на Йоссариана. — Вы отвоевались, Йоссариан. Мы собираемся послать вас домой. Вы такого благодеяния, разумеется, не заслужили, поэтому-то, в частности, я и готов пойти вам навстречу. Нам сейчас невыгодно рисковать, пытаясь управиться с вами как-то иначе, и мы решили отправить вас домой. Разрабатывая сделку…

— Какую еще сделку? — с оскорбительным недоверием перебил подполковника Корна Йоссариан.

— Паскудную сделку, можете не сомневаться, — уверил его подполковник Корн и, запрокинув голову, удовлетворенно рассмеялся. — Сделка пакостная. Но вы ее, безусловно, примете.

— Так-таки и безусловно?

— Безусловно, Йоссариан, хотя от нее разит мерзостью за десять миль. Да, кстати, у меня к

вам вопрос. Вы говорили кому-нибудь, что отказались летать?

— Нет, сэр, — без запинки ответил Йоссариан.

— Прекрасно, Йоссариан. — Подполковник Корн с одобрением кивнул. — Мне нравится, как вы лжете. Вы далеко пойдете в этом мире, если в вас проснется здоровое честолюбие.

— Пора бы ему понять, что идет война! — внезапно гаркнул полковник Кошкарт и мрачно дунул в свой изящный мундштук.

— Я думаю, он давно это понял, — едко сказал подполковник Корн, — тем более что вы ему уже об этом сообщили. — Подполковник Корн, как бы ища у Йоссариана сочувствия, утомленно нахмурился, и его глаза за стеклами очков блеснули почти нескрываемым презрением. Он оперся обеими руками о столешницу и задвинул свой дряблый зад поглубже, так, что угол стола оказался у него между ляжками, а короткие ноги свободно болтались над полом. Он слегка постукивал каблуками по массивной тумбе желтоватого дубового стола, и было видно, что его бурые носки без резинок съехали к щиколоткам, поразительно тонким и белым. — Вы знаете, Йоссариан, — как бы размышляя, проговорил он дружелюбно, слегка насмешливо и почти

искренне, — я, можно сказать, вами восхищаюсь. При вашем недюжинном интеллекте и твердых нравственных принципах вы избрали позицию, которая требует основательного мужества. А я, как человек с кое-каким интеллектом и без всяких принципов, имею возможность по достоинству это оценить.

— У нас очень трудное время! — раздражительно буркнул из дальнего угла полковник Кошкарт, не обратив никакого внимания на разглагольствования подполковника Корна.

— Очень трудное, — со спокойным кивком подтвердил подполковник Корн. — Нам сменили командование, и мы не можем выставить себя в неблагоприятном свете перед генералом Долбингом и генералом Шайскопфом. Вы об этом, полковник?

— Неужели у него нет патриотизма?

— Вы готовы сражаться за свою страну? — спросил Йоссариана подполковник Корн, умело подражая брюзгливо самодовольному, всегда уверенному в собственной правоте полковнику Кошкарту. — Готовы отдать жизнь за меня и командира полка?

— Что-что? — настороженно воскликнул Йоссариан. — А вы-то с полковником Кошкартом тут

при чем? Моя страна и вы — это вовсе не одно и то же.

— Мы нерасторжимы со страной, — хладнокровно и чуть насмешливо возразил подполковник Корн.

— Вот именно! — пылко вскричал полковник Кошкарт. — Вы или за нас, или против. Ничего другого быть не может.

— Боюсь, что он вас поймал, — сказал подполковник Корн. — Вы или за нас, или против своей страны. Третьего, как говорится, не дано.

— Э, нет, подполковник. На такое я не клюю.

— Я, признаться, тоже, — невозмутимо сказал подполковник Корн. — Но все остальные глотают вместе с крючком.

— Вы позорите свое воинское звание! — впервые обратившись прямо к Йоссариану, гневно взвыл полковник Кошкарт. — И как это вам удалось пролезть в капитаны?

— Неужели забыли? — подавив довольный смешок, мягко напомнил полковнику Кошкарту подполковник Корн. — Вы же сами дали ему это звание.

— Да, просчитался, что и говорить.

— А я вас предостерегал, — сказал подполковник Корн. — Но вы никогда меня не слушаете.

— Ну ладно, хватит! — вскипел полковник Кошкарт. Он уставился на подполковника Корна, подозрительно нахмурившись и уперев руки в бока. — Вы-то сами на чьей стороне?

— На вашей, полковник, на вашей, успокойтесь.

— А тогда перестаньте склочничать. Что это вы ко мне цепляетесь?

— Я на вашей стороне, полковник. Меня переполняет патриотизм.

— Вот и не забывайте об этом. — Полууспокоенный полковник Кошкарт опять принялся мерять шагами кабинет, вертя в руках свой длинный, из слоновой кости и оникса мундштук. — Ладно, давайте-ка с ним кончать. — Он ткнул большим пальцем в сторону Йоссариана. — Я-то знаю, как ему можно вправить мозги. Его надо вывести и расстрелять. Генерал Дридл наверняка бы так и сделал. Безмозглого только могила исправит.

— Генерал Дридл больше у нас не командует, — сказал подполковник Корн, — поэтому мы не можем вывести его и расстрелять. — Теперь, когда полковник Кошкарт перекипел, подполковник Корн снова чувствовал себя свободно и опять начал постукивать каблуками по тумбе стола. Он повернулся к Йоссариану. — Итак, мы решили

отправить вас домой. Это решение пришло не сразу, но в конце концов нам удалось разработать веселенький планчик, при котором ваш отъезд не вызовет слишком сильного неудовольствия у ваших однополчан. Вы рады?

— Какой такой планчик? Я вовсе не уверен, что он меня обрадует.

— Он вас возмутит, — посмеиваясь, объявил подполковник Корн и умиротворенно сцепил руки на лысой голове. — Вы будете его проклинать. Он действительно гадостный, и ваша совесть наверняка взбунтуется. Но вам придется его принять. Вам придется его принять, потому что он предусматривает ваше возвращение домой недельки через две, а иначе вы домой вообще не попадете. Иначе вы попадете под военный трибунал, так что выбирайте сами.

— Бросьте блефовать, подполковник, — с усмешкой сказал Йоссариан. — Вы не посмеете отдать меня под суд за дезертирство на линии огня. Это выставит вас в дурном свете перед вашим новым начальством, да и дезертиром суд меня может не признать.

— Самоволки во время войны тоже, знаете ли, не поощряются, а от этого обвинения вам не отвертеться. И если вы немного подумаете, то сами

согласитесь, что нам просто необходимо отдать вас под суд. Мы не можем допустить вашего открытого неповиновения. Если вас не наказать, другие летчики тоже откажутся от боевых полетов. Так что выбирайте, повторяю, сами. Или сделка, или военно-полевой суд, который мы обязательно доведем до нужного нам конца, хотя он вызовет массу неприятных для нас вопросов и надолго застрянет в горле у полковника Кошкарта, как горькая кость.

При слове «кость» полковник Кошкарт вздрогнул и злобно швырнул свой изящный мундштук на письменный стол.

— Господи Иисусе! — возопил он. — Я ненавижу этот треклятый мундштук! — Мундштук отскочил от столешницы, ударился об стену, скользнул вдоль подоконника и упал под ноги полковнику Кошкарту. Тот глянул на него с застарелой ненавистью. — Может, он мне только вредит!

— Он для вас подарок судьбы, если говорить о генерале Долбинге, и кость в горле, когда речь идет про генерала Шайскопфа, — с коварным простодушием объяснил ему подполковник Корн.

— А кому я должен угождать?

— Обоим.

— Да как же им обоим угодишь? Они же нена-

видят друг друга! Понравишься одному — вроде бы получишь лакомый дар судьбы, но если об этом узнает другой, лакомый дар застрянет у тебя в горле, как острая кость!

— Мундштук и марш-парады, полковник, — вот что обернется двойным подарком судьбы.

— Правильно! Только этим их и можно ублажить. — Полковник Кошкарт уныло скривился. — Тоже мне, генералы! Они позорят свое звание! Если такие люди дослуживаются до генералов, то мне сам бог велел получить генеральский чин.

— Вы далеко пойдете, полковник, — со скрытой насмешкой пообещал ему подполковник Корн и презрительно расхохотался, когда, посмотрев на Йоссариана, увидел его недоверчиво враждебное удивление. — Вот вам суть ситуации, — сказал он. — Полковник Кошкарт хочет стать генералом, а я — полковником, и поэтому нам придется отправить вас домой.

— А зачем ему становиться генералом?

— Зачем? Затем, чтобы подыматься. И по той же причине я хочу стать полковником. Жизнь учит нас стремиться наверх. Генерал — это ступенька вверх для полковника, а полковник — для подполковника. Мы оба хотим подняться повыше — вы правильно все рассчитали, и я уверен, что

наше стремление вверх тоже учли.

— Не делал я никаких расчетов! — отрубил Йоссариан.

— Да, мне положительно нравится, как вы лжете, Йоссариан. Но скажите по совести, разве вам нечем будет гордиться, если вашему командиру присвоят звание генерала и у вас в полку на каждого летчика придется больше боевых вылетов, чем во всех других? Разве вы не хотите заслужить побольше благодарностей и боевых отличий? Помните про esprit de corps,[43] Йоссариан. Короче, ответьте мне — я спрашиваю вас последний раз, — соглашаетесь вы летать, чтобы внести свою лепту в наш общий послужной список? Да или нет?

— Нет.

— Значит, вы приперли нас к стенке… — беззлобно начал подполковник Корн.

— Стыд и позор!

— …и нам придется отправить вас домой. Вы должны сделать очень немногое, чтобы…

— Какое такое немногое? — грубо оборвал его с недобрыми предчувствиями Йоссариан.

— О, сущие пустяки! Мы предлагаем вам весьма

---

[43] Примечания: 43
Здесь: честь мундира *(франц.)*.

выгодную сделку. Мы издаем приказ об отправке вас в Штаты — причем сами добиваемся его утверждения, — а вы за это…

— Ну? Что я должен сделать?

— Полюбить нас, — коротко хохотнув, ответил подполковник Корн.

— Полюбить вас?

— Именно, — сказал подполковник Корн, наслаждаясь ошалелым недоумением Йоссариана. — Полюбить нас. Воспылать к нам дружескими чувствами. Хорошо отзываться о нас, пока вы здесь, и потом в Штатах. Короче, стать нашенским парнем. Одним из нас. По-моему, это не слишком дорогая плата, как вы считаете?

— Значит, вы хотите, чтоб я хорошо о вас отзывался? И больше ничего?

— И больше ничего.

— Так-таки ничего?

— Так-таки ничего, Йоссариан.

— А у вас и правда небольшие запросы, — ухмыльнулся Йоссариан и едва не расхохотался подполковнику Корну в лицо, когда понял, что тот действительно не хитрит.

— Мы запрашиваем даже меньше, чем вам сейчас кажется, — ничуть не обескураженный ехидством Йоссариана, весело уверил его под-

полковник Корн. — Вы и представить себе не можете, как легко поддерживать с нами добрые отношения, вступивши однажды на этот путь. — Подполковник Корн поддернул свои мешковато необъятные брюки. Темные морщины, идущие у него от крыльев носа к массивному подбородку, раздвинула похожая на оскал улыбка. — Видите ли, Йоссариан, мы хотим вывести вас в люди. Мы присвоим вам звание майора и даже дадим еще одну медаль. Капитан Флум уже готовит материал для прессы о вашей доблести при бомбардировке Феррары, о глубокой и непоколебимой преданности своему полку и воинскому долгу. Все это, кстати, цитаты из будущих репортажей. Мы собираемся прославить вас и послать домой как героя, затребованного Пентагоном для выступлений перед народом и укрепления патриотизма. Вы будете жить лучше всякого миллионера. Вас будут носить на руках. Вы будете принимать парады и произносить речи, призывая людей покупать облигации военного займа. Перед вами откроются великие возможности, когда вы станете нашим парнем. Заманчивая судьба, не так ли?

— Я не уверен, что хочу произносить речи, — внимательно выслушав подробности будущей

сделки, сказал Йоссариан.

— Так забудьте о речах! Гораздо важнее, что вы будете говорить здесь. — Подполковник Корн согнал с лица улыбку и, нагнувшись к Йоссариану, многозначительно отчеканил: — Мы посылаем вас домой отнюдь не из-за вашего отказа летать — вот что вы должны говорить летчикам. А генералу Долбингу и генералу Шайскопфу незачем знать о наших, так сказать, трениях, ясно? Именно на этом будет держаться наша дружба.

— А что мне говорить людям, которые спрашивают, почему я отказался летать?

— Говорите им, что вам сообщили по секрету про приказ о вашей отправке домой и вы не хотели рисковать жизнью накануне отъезда. Просто легкие недоразумения между своими, понимаете?

— И думаете, мне поверят?

— Разумеется, поверят, когда увидят, какие мы друзья, и прочитают в газетах ваши панегирики полковнику Кошкарту и мне. Не беспокойтесь о летчиках, Йоссариан. Мы быстренько приструним их, как только вас отправят домой. Они склонны проявлять строптивость, только пока вы здесь. Хороший сорняк, как говорится, из поля вон, — заключил со здравой иронией подпол-

ковник Корн. — Больше того — и это будет самое замечательное, — ваша судьба, вполне вероятно, вдохновит их на дополнительные боевые полеты.

— Ну а если я надую вас, когда вернусь в Штаты?

— После того, как вы согласитесь получить медаль, звание майора и молча примете все наши славословия? Вам никто не поверит, а Пентагон позаботится, чтоб вы не ерепенились… да и зачем вам ерепениться? Вы же собираетесь стать одним из наших, не забывайте. Вас ждут неисчислимые привилегии, богатая и шикарная жизнь, преуспеяние, могущество и слава. Надо быть дураком, чтоб отвергнуть все это ради моральных догм, а вы вовсе не дурак. Ну как — подходит вам наша сделка?

— Трудно сказать.

— Или сделка, или трибунал, Йоссариан.

— Но это ведь подлость по отношению к нашим парням, верно?

— Гнусная подлость, — оживленно подтвердил подполковник Корн и безучастно умолк, с тайным удовольствием поглядывая на Йоссариана.

— А, собственно, какого черта? — взъярился Йоссариан. — Если они не хотят летать, пусть

открыто упрутся, как я, и дело с концом.

— Совершенно верно, — согласился подполковник Корн.

— Я не обязан рисковать ради них жизнью, правильно?

— Совершенно правильно.

Йоссариан решительно улыбнулся.

— Ну, так, значит, по рукам! — ликующе воскликнул он.

— Вот и прекрасно, — откликнулся подполковник Корн — гораздо, впрочем, сдержанней, чем ожидал Йоссариан, — и соскочил со стола. А потом, расправив кое-как складки своих всегда мятых брюк, протянул Йоссариану вялую руку. — Добро пожаловать в наши ряды, — сказал он.

— Благодарю, подполковник. Я…

— Зови меня Блеки, Джон. Мы ведь теперь свои.

— Ладно, Блеки. А меня приятели зовут Йо-Йо. Я…

— Приятели зовут его Йо-Йо, — сообщил полковнику Кошкарту подполковник Корн. — Почему бы вам не поздравить нашего друга с разумной сделкой, которую он заключил?

— Ты заключил разумную сделку, Йо-Йо, — сказал полковник Кошкарт, неуклюже, но воодушев-

ленно пожимая ему руку.

— Благодарю, полковник. Я…

— Зови его Чак, — сказал подполковник Корн.

— Да-да, зови меня Чак, — нелепо расхохотавшись, сказал полковник Кошкарт.

— Ладно, Чак.

— Уходят, улыбаясь, — прокомментировал подполковник Корн, положив им руки на плечи и подталкивая их к двери.

— Загляни как-нибудь к нам поужинать, — гостеприимно пригласил Йоссариана полковник Кошкарт. — Например, сегодня. В штабную столовую. Договорились?

— Благодарю вас, сэр. Я…

— Чак, — укоряюще поправил его подполковник Корн.

— Верно, сэр, Чак. Я пока не привык.

— Привыкай, друг.

— Ладно, друг.

— Ну, спасибо, друг.

— Да чего там, друг.

— Пока, друг.

Йоссариан по-дружески махнул новым приятелям рукой, вышел на галерею и едва на запел от радости, как только остался один. Он добился своего — прошиб лбом стену, — и ему некого было

стыдиться. Весело и бодро зашагал он к лестнице. Какой-то солдат в зеленом рабочем комбинезоне приветственно вскинул руку к лицу. Йоссариан ответил на приветствие, с любопытством вглядываясь в заслоненное рукой лицо солдата. Его облик показался ему странно знакомым. Прежде чем он сам опустил поднятую для ответного приветствия руку, солдат, оказавшийся шлюхой Нетли, стремительно ринулся вперед и всадил ему в бок столовый нож. Йоссариан с пронзительным криком осел на пол и, увидев, что шлюха Нетли заносит нож для нового удара, в ужасе закрыл глаза. Он был уже без сознания, когда полковник Кошкарт с подполковником Корном выскочили из кабинета и спасли ему жизнь, потому что спугнули шлюху Нетли.

Глава сорок первая
Снегги

— Режь, — сказал один из врачей.

— Режь ты, — сказал другой.

— Я вам обоим сейчас врежу, — с трудом ворочая неуклюжим языком, сказал Йоссариан.

— Это надо же! — удивился второй врач. — А я-то думал, сельский округ уже отголосовался. Так будем мы оперировать или нет?

— А зачем ему операция? — удивился первый. — Рана-то у него маленькая. Надо просто остановить кровотечение, продезинфицировать ее и наложить крохотный шов — два-три стежка.

— Да мне, понимаешь, ни разу не удалось кого-нибудь пооперировать. Где у них тут скальпель? Это, что ли, скальпель?

— Нет, скальпель вон. Ну что ж, начинай, если ты собираешься начинать. Режь.

— Здесь?

— Да нет, вот здесь, балбес. Режь.

— Я сам вам обоим сейчас врежу, — сказал Йоссариан, уловив сквозь отступающий туман

беспамятства, что двое каких-то чужаков собираются его резать.

— Смотри-ка, опять голосует сельский округ, — едко удивился один из врачей. — Он что — так и будет трепаться, пока ему делают операцию?

— Вы не имеете права начинать операцию, пока я его не приму, — сказал дежурный.

— Ты не имеешь права его принимать, пока я не проверю, кто он такой, — сказал обрюзгший, мордастый и усастый полковник, который склонил свое багровое лицо над Йоссарианом, обдавая его, как раскаленная сковорода, нестерпимым жаром. — Где ты родился, парень?

Обрюзгший мордастый полковник напомнил Йоссариану обрюзгшего мордастого полковника, который допрашивал капеллана и признал его виновным, напомнив Йоссариану обрюзгшего усастого полковника из летного училища. В глазах у Йоссариана мутилось. Густые пары алкоголя и формалина освежали воздух.

— На поле брани, — ответил он.

— Да нет, я говорю про штат.

— Меня тогда еще не зачислили в штат.

— Да нет, ты не понял.

— Сейчас он у меня все поймет, — сказал еще один человек с обликом стервятника — тонкими,

злобно поджатыми губами, глубоко посаженными глазами и пронзительным взглядом. — Ты что — умник или, может, псих? — спросил он Йоссариана.

— У него бред, — сказал один из врачей. — Почему вы не даете нам зарегистрировать его и привести в себя?

— Пусть лежит здесь, раз у него бред. Авось выболтает что-нибудь криминальное.

— Ему надо остановить кровотечение. Вы что — не видите? Он может умереть от потери крови.

— Туда ему и дорога.

— А то больно зажился, — сказал обрюзгший мордастый полковник. — Давай-ка, парень, выкладывай. Нам надо знать правду.

— Все зовут меня Йо-Йо.

— Не упрямься, Йо-Йо. Мы твои друзья, и ты должен нам доверять. Мы хотим тебе помочь. Помочь, а не навредить, понимаешь?

— А может, нам засунуть пальцы ему в рану да и разодрать ее, чтоб он не умничал, а отвечал на вопросы? — предложил человек с лицом стервятника.

Йоссариан закрыл глаза в надежде, что его сочтут потерявшим сознание.

— Он потерял сознание, — раздался голос одно-

го из врачей. — Почему вы не даете нам увезти его и оказать ему помощь? Он действительно может умереть.

— Ладно, черт с ним, увозите. Но лучше б вы не мешали этому выродку умереть.

— У вас нет оснований оказывать ему помощь, пока я его не зарегистрировал, — сказал дежурный.

Йоссариан лежал, закрыв глаза, и притворялся мертвым, пока дежурный его не зарегистрировал; тот пошуршал какими-то бумажками, и через несколько минут Йоссариана ввезли в душную комнату с яркими лампами под потолком — он по-прежнему не открывал глаза, но понял, что лампы светят сверху, — в этой комнате запах формалина и алкоголя чувствовался еще сильней. Пряная вонь — тут еще и с примесью эфира — приятно пьянила его. Послышалось приглушенное звяканье стаканов. Йоссариан с тайным удовольствием слушал хриплое дыхание врачей. Ему нравилось, что они не знают о его притворстве и он может слушать их разговоры. Все это казалось ему глуповато-смешным, но вдруг один из врачей сказал:

— Думаешь, стоит возвращать его к жизни? Они ведь, похоже, нам этого не простят.

— Давай-ка сделаем ему операцию, — предложил второй. — Вскроем его, чтоб уж разобраться с ним раз и навсегда. Он вечно жалуется на свою печень. Да она у него и правда какая-то слишком маленькая на рентгеновском снимке.

— Это поджелудочная железа, охламон. А печень вот здесь.

— Ничего подобного. Это сердце. Я уверен, что правильно определил, где печень. А впрочем, сейчас мы его вскроем и все выясним. Как ты думаешь, руки вымыть надо?

— Я сам вас обоих сейчас вскрою, — открыв глаза и пытаясь сесть, сказал Йоссариан.

— Опять этот сельский округ голосует, — раздраженно сказал один из врачей. — Как бы нам заставить его умолкнуть?

— Мы можем дать ему общий наркоз. Вон стоит эфир.

— Я сам сейчас устрою вам обоим общий наркоз, — сказал Йоссариан.

— Правильно, надо дать ему общий. Он отключится, и мы сможем делать с ним все, что нам нужно.

Они отключили Йоссариана, дав ему общий наркоз. Он проснулся в одноместной палате, мучимый жаждой и запахом эфира. Возле его

кровати спокойно сидел на стуле подполковник Корн в мешковатой шерстяной рубахе защитного цвета и мятых брюках. На буром, поросшем щетиной лице у него застыла, будто приклеенная, равнодушно льстивая улыбка, и толстыми ладонями он любовно поглаживал свой шишковатый, глянцево лысый череп. Когда Йоссариан открыл глаза, он, посмеиваясь, наклонился к нему и приветливо сказал, что их сделка остается в силе — если он, конечно, не умрет. Йоссариана вырвало, а подполковник Корн, вскочив при первых рвотных спазмах на ноги, с омерзением удрал, и Йоссариан, снова проваливаясь в душное забытье, подумал, что худа без добра действительно не бывает. Потом чья-то рука с жесткими, как клещи, пальцами грубо растолкала его, и, открыв глаза, он увидел странного человека с угрюмым лицом, который округлил губы в зловещей усмешке и угрожающе рыкнул:

— Твой приятель попался, парень. Как миленький попался.

Йоссариан похолодел и потерял сознание, а придя в себя, задрожал от холодной испарины и спросил у капеллана, в которого превратился подполковник Корн:

— Кто мой приятель?

— Может быть, я? — предположил капеллан.

Но Йоссариан не услышал его слов и закрыл глаза. Кто-то дал ему напиться и вышел на цыпочках за дверь. Йоссариан уснул и, проснувшись, прекрасно себя чувствовал, пока не повернул голову, чтобы улыбнуться капеллану, а увидел вместо него Аафрея. Хихикнув, Аафрей спросил его, как он себя чувствует, и ему стало тошно, лицо у него страдальчески искривилось, и он болезненно застонал, но все же поинтересовался, почему Аафрей не в тюрьме, чем очень того озадачил. Йоссариан закрыл глаза, чтобы Аафрей сгинул. Когда он их открыл, на месте Аафрея сидел капеллан. Увидев его радостную улыбку, Йоссариан от всей души расхохотался и весело спросил, чему это он так радуется.

— Я радуюсь за вас, — искрясь чистосердечным счастьем, ответил ему капеллан. — Мне сказали в штабе полка, что вы тяжело ранены и что, если вам удастся выкарабкаться, вас отправят домой. Подполковник Корн опасался за вашу жизнь. Но здесь я узнал от какого-то врача, что рана у вас легкая и вы, возможно, через день-другой выпишетесь. Неплохо, верно?

— Да просто хорошо! — выслушав капеллана с огромным облегчением, воскликнул Йоссариан.

— Да, — сказал смущенно раскрасневшийся от бескорыстной радости капеллан, — да, это хорошо.

Йоссариану сразу вспомнилась их первая встреча, и он снова расхохотался, а потом сказал:

— Мы ведь первый раз встретились с вами в госпитале, помните? И вот я опять оказался в госпитале. Что-то мы последнее время только в госпитале и видимся. Где это вы пропадаете?

— Я теперь много молюсь, — неловко пожав плечами, признался капеллан. — И редко выхожу из своей палатки. Правда, молюсь я, только когда сержант Уиткум куда-нибудь уезжает — мне не хотелось бы, чтоб он застал меня за молитвой.

— И хорошо вам от этого?

— Молитва помогает избавиться от тяжелых мыслей, — снова пожав плечами, ответил капеллан. — Ну, и дает какое-то занятие.

— Так это же хорошо!

— Да-да, — с воодушевлением подхватил капеллан, как будто Йоссариан неожиданно открыл ему удивительную истину, — да, это, наверно, хорошо! — Он порывисто пригнулся вперед и с неуклюжей заботливостью спросил: — Йоссариан, может, вам что-нибудь нужно, пока вы здесь лежите, может, я что-нибудь могу вам принести?

— Вроде сигарет или конфет… или, к примеру, игрушек? — весело поддразнил его Йоссариан.

— Да нет, я не про это, — застенчиво зардевшись, проговорил капеллан и уважительно добавил: — Я про книги… или… ну, в общем, про что-нибудь серьезное. Эх, Йоссариан, как бы мне хотелось хоть чем-то вас порадовать! Мы ведь все по-настоящему вами гордимся!

— Гордитесь?

— Конечно! Вы же рисковали жизнью, когда преградили дорогу этому нацистскому убийце. Вы поступили воистину благородно!

— Какому еще нацистскому убийце?

— Тому, который пробрался сюда, чтобы убить полковника Кошкарта и подполковника Корна. А вы их спасли. Он же мог вас прикончить, когда вы схватились с ним на галерее! Слава богу, что вам повезло остаться в живых.

— Да не было там никакого нацистского убийцы, — хмуро пробормотал, сообразив наконец, о чем речь, Йоссариан и криво ухмыльнулся.

— Как это не было? Подполковник Корн все нам рассказал.

— Это была девица Нетли. И она хотела прирезать меня, а вовсе не Кошкарта и Корна. Она охотится за мной с тех пор, как я выложил ей про

смерть Нетли.

— Да не может этого быть! — оскорбленно возразил сбитый с толку и возмущенный до глубины души капеллан. — Они оба видели, как он удирал, — и полковник Кошкарт, и подполковник Корн. В официальном рапорте черным по белому написано, что вы спасли их от нацистского убийцы.

— Да не верьте вы официальным рапортам, — кисло сказал Йоссариан. — Они входят в нашу сделку.

— Какую такую сделку?

— Ту самую, которую я заключил с полковником Кошкартом и подполковником Корном. Они отправят меня домой как великого героя, если я буду их везде прославлять и никому не скажу, что они заставляют моих однополчан летать на боевые задания, пока их не угробят.

— Но это же ужасно! Это постыдная, возмутительная сделка! — испуганно полупривскочив со стула, вскрикнул капеллан. Он был мятежно разгневан и смятенно потрясен.

— Гнусная сделка, — уточнил Йоссариан, тупо глядя в потолок. — Кажется, мы с подполковником Корном назвали ее именно так.

— Да как же вы могли на нее согласиться?

— В случае отказа меня ждал военный трибунал.

— О боже! — с горестным раскаянием воскликнул капеллан, в ужасе прижав тыльную сторону ладони ко рту. Он опять неловко присел на стул. — Я не должен был вас упрекать, — проговорил он.

— Они загнали бы меня в тюрьму, чтоб я сидел там с уголовниками и бандитами.

— Д-д-да… Вы, конечно, должны поступить, как считаете правильным. — Капеллан кивнул головой, словно завершая сам с собой немой спор, и страдальчески умолк.

— Не печальтесь, капеллан, — грустно рассмеявшись, сказал после паузы Йоссариан. — Сделка не состоится.

— Да нет, вам необходимо на нее пойти, — настойчиво возразил капеллан и в тревоге склонился к Йоссариану. — Действительно необходимо. У меня нет никакого права вас упрекать. Или хотя бы давать советы.

— Так вы меня и не упрекали. — Йоссариан повернулся на бок и с мрачной самоиздевкой покачал головой. — Господи, капеллан, ну можно ли придумать грех страшней, чем спасение жизни полковнику Кошкарту? Вот уж за такое

преступление в моем послужном списке я проклял бы себя навеки.

— Ну а что же вам делать? — раздумчиво и серьезно сказал капеллан. — Вы не должны позволить им засадить вас в тюрьму!

— Придется, наверно, летать. А впрочем, я, возможно, дезертирую и дам им себя поймать. Они, я думаю, будут рады.

— И упекут вас за решетку. Вы же не хотите сидеть в тюрьме, правда?

— Значит, буду летать до конца войны. Ведь кто-то из нас должен все-таки выжить?

— Но вас могут убить.

— Значит, не буду летать.

— А что же вам остается?

— Не знаю, капеллан.

— Так, может, согласиться на отправку домой?

— Я не знаю, капеллан. Что-то здесь очень жарко. Видно, жаркая тут у них зима.

— Да нет, Йоссариан, погода стоит очень холодная.

— А знаете, капеллан, — сказал Йоссариан, — со мной произошел странный случай… или, может, мне пригрезилось? У меня такое ощущение, что сюда явился недавно какой-то тип и сказал мне, что мой приятель попался. Интересно все же

— пригрезилось или нет?

— Думаю, что нет, — решил капеллан. — Вы начали мне о нем рассказывать, когда я был у вас в прошлый раз.

— Ах вон что? Стало быть, не пригрезилось. Он сказал: «Твой приятель попался, парень. Как миленький попался». Более злобной морды я, пожалуй, в жизни своей не видел. Так про кого, интересно, он говорил?

— По-моему, про меня, — с робкой искренностью предположил капеллан. — Я ведь и правда по-настоящему попался — как кролик удаву. Они все обо мне знают, они день и ночь за мной следят, я целиком и полностью в их власти, Йоссариан. Вон что они сказали мне на допросе.

— Нет, капеллан, вряд ли он говорил про вас, — возразил Йоссариан. — Я думаю, он имел в виду кого-нибудь вроде Нетли или Дэнбара, кого-нибудь погибшего на этой войне — Клевинджера, Орра, Доббза, Кроху Сэмпсона или Маквота. — Йоссариан с трудом перевел дыхание и покачал головой. — Как же я раньше-то не понимал? — удивился он. — Они же все попались, все мои друзья. Нас осталось только двое — я да Обжора Джо. — Капеллан побледнел, и Йоссариан задрожал от страха. — Что с вами, капеллан?

— Обжора Джо тоже…

— О господи! Сбит при бомбардировке?

— Он умер во сне, и возможно, от кошмара. Его нашли мертвым с кошкой Хьюпла на лице.

— Бедный ублюдок, — пробормотал Йоссариан и заплакал, стараясь прикрыться плечом. Капеллан молча ушел, он даже не решился сказать ему «до свидания». Йоссариан нехотя поел и уснул. Чья-то рука грубо вытряхнула его среди ночи из сна. Он открыл глаза и увидел костлявого, как скелет, человека в госпитальной одежде, который склонился над ним и, самодовольно ухмыляясь, прокаркал:

— Твой приятель попался, парень! Как миленький попался.

— Что за дьявольщину ты тут несешь? — панически всхрипнул Йоссариан.

— Скоро узнаешь, парень. Скоро узнаешь.

Йоссариан вскинул руку, чтобы схватить ночного мучителя за горло, но тот легко уклонился и со зловещим хихиканьем выскочил в коридор. Йоссариана сотрясал бешено бьющийся пульс. Тело покрылось липкой ледяной испариной. Кем же был его приятель? Сонный госпиталь затопила темная тишина. У Йоссариана не было часов, чтобы определить время. Сон безнадежно ушел,

и он понимал, что ему предстоит томиться, как узнику ночи, прикованному цепью бессонного бессилия к своей койке, целую вечность, пока его не спасет рассвет. Ознобная дрожь всползала по его ногам к животу и спине. Ему стало холодно, и он вспомнил Снегги, который не был его приятелем — он и в знакомые-то ему не навязывался, замерзая до смерти на дюралевом полу в лужице слепящего солнечного света, безжалостно озарявшего его бледное лицо, когда Йоссариан, по мольбе Доббза: «Помоги стрелку, пожалуйста, помоги!», оказался, пробравшись над бомбовым отсеком, в хвосте самолета, где лежал Снегги. При взгляде на Снегги ему стало худо, и он, не в силах справиться с отвращением, замер на четвереньках у рифленой коробки, в которой хранилась санитарная сумка. Снегги безжизненно лежал на спине, словно бы придавленный к серебристому полу громоздкими доспехами летного снаряжения — бронежилетом и спасательным жилетом, в котором не было баллончиков для надувки, парашютной сбруей и тяжелой каской. Неподалеку от Снегги, тоже на полу, лежал мелкорослый хвостовой стрелок — и тоже без всяких признаков жизни. У Снегги на внешней стороне бедра зияла огромная глубокая рана, куда поместился

бы футбольный мяч, как почудилось в первое мгновение Йоссариану. Пропитанные кровью клочья комбинезона ничем не отличались от оголенных мышц.

Морфина в санитарной сумке не оказалось, но сначала Снегги спасало от боли мертвящее онемение, вызванное раной. Вместо двенадцати ампул морфина в картонной коробочке лежала записка: «Благо для предприятия „М и М“ — это благо для родины. Мило Миндербиндер». Матерно проклиная вездесущего Мило, Йоссариан отыскал среди лекарств аспирин и приложил две таблетки к пепельным губам Снегги, но тот даже и не попытался их разлепить. Это уже было, впрочем, потом, а сперва Йоссариан стал прилаживать жгут, поскольку, ошалев от страха и отвращения, помнил, однако, что главное — расторопность, а у него беспомощно путались мысли, и он боялся окончательно растеряться. Снегги следил за ним безмолвно и безучастно. Артерия на ноге задета не была, но Йоссариан торопливо накладывал жгут, целиком углубившись в это занятие, потому что умел накладывать жгуты. Он трудился быстро и нарочито прилежно, все время ощущая тусклый взгляд Снегги. Накладывая жгут, он почти успокоился, а поэтому сразу же его и ослабил,

чтобы уменьшить опасность гангрены. Теперь голова у него совсем прояснилась, и он понимал, как действовать дальше. Требовалось поскорее отыскать ножницы.

— Мне холодно, — чуть слышно сказал Снегги. — Мне холодно.

— Ничего, все у тебя наладится, парень, — улыбнувшись ему, отозвался Йоссариан. — Все у тебя наладится, парень, не беспокойся.

— Мне холодно, — болезненно повторил Снегги, жалуясь, как ребенок. — Мне холодно. Мне холодно.

— Ничего, ничего, — отозвался Йоссариан беспомощно и растерянно. — Ничего, ничего.

— Мне холодно, — пожаловался Снегги. — Мне холодно.

— Ничего, ничего. Ничего, ничего.

Йоссариан встревоженно заспешил всерьез. Нашарив ножницы, он осторожно примерился и начал вкруговую резать штанину — выше наложенного жгута, у паха. Плотный габардин разрезался ровно. Хвостовой стрелок приоткрыл глаза, увидел Йоссариана и потерял сознание. Снегги медленно перекатил голову, чтобы не напрягаясь наблюдать за спасителем. Мысль теплилась у него в глазах едва заметно тлею-

щим угольком. Йоссариан старался на него не смотреть. Вкруговую отрезав штанину у паха, он принялся резать вдоль внутреннего шва — к жгуту и ране, — медленно, осторожно. Вскоре открылось багровое зияние — кость это, что ли, подумал Йоссариан, глядя на розовато-белую трубку под рябью дергающихся вразнобой волоконец во влажной дыре, — прерывающиеся струйки, похожие на вешнюю капель с сосулек, только необычайно алые и тягучие, образовывали быстро густеющие лужицы. Разрезав штанину комбинезона до башмака, Йоссариан развернул ее и выпустил из рук. Густо пропитанный кровью габардин шмякнулся на пол, как мокрая тряпка, обнажив штанину серо-зеленых трусов с проступающими на боку темно-красными пятнами — ткань, словно в жажде, напитывалась кровью. Йоссариана замутило: бледная нога, будто бы вылепленная из воска и неживая, но сплошь поросшая белесым пушком — от икры до бесстыже обнаженной ляжки, — представилась вдруг ему непристойно голой и особенно омерзительной из-за кудрявившегося пуха. А рана, когда он ясно ее увидел, оказалась не круглой, как футбольный мяч, а широкой и длинной, размером с руку, и слишком страшной, чтоб на нее глядеть или, тем

более, определять глубину. Порванные мышцы в кровавой траншее шевелились наподобие ожившего фарша. Йоссариан содрогнулся от рвотных спазм, однако потом с облегчением вздохнул: рана явно не была смертельной. Кровь подсыхала, и Йоссариан поверил, что с парнем и правда все будет в порядке, если он умело наложит повязку и заставит его неподвижно лежать, пока самолет не дотянет до Пьяносы. Йоссариан вынул из санитарной сумки несколько пакетиков с сульфаниламидом. Когда он бережно обхватил Снегги, чтоб повернуть его на бок, тот болезненно вздрогнул.

— Больно?

— Мне холодно, — пожаловался Снегги.

— Ничего, ничего, — сказал Йоссариан. — Ничего.

— Мне холодно, — пожаловался Снегги. — Мне холодно.

— Ничего, ничего. Ничего, ничего.

— Мне больно! — вскрикнул неожиданно Снегги и страдальчески сморщился. — Мне больно! Мне больно!

Вот тут-то Йоссариан и обнаружил вместо морфина записку Мило о благе для родины; он матерно его проклял, нашел аспирин и попы-

тался дать две таблетки Снегги. Но воды он ему предложить не мог. Снегги отказался принимать аспирин, едва приметно мотнув головой. Лицо у него было отечным и бледным, бесцветные веки бессильно полузакрылись. Йоссариан осторожно снял с него каску и опустил ему голову на дюралевый пол.

— Мне холодно, — чуть слышно сказал Снегги. — Мне холодно.

Йоссариан заметил, что уголки его губ зримо подернула бледная синева. Теперь ему стало по-настоящему страшно. Он глянул на вытяжное кольцо парашюта, прикидывая, не будет ли Снегги теплей, если его накрыть парашютным шелком. В хвостовом отсеке было тепло. Снегги на секунду приоткрыл глаза, улыбнулся Йоссариану вымученной улыбкой и чуть-чуть повернулся, чтоб тому было легче обрабатывать ему рану сульфаниламидом. К Йоссариану снова вернулась уверенность, и он энергично принялся за дело. Самолет провалился в воздушную яму, и Йоссариана кольнула опасливая мысль, что его-то парашют черт знает где. Ничего не поделаешь, смирился он и начал сыпать кристаллический порошок — пакет за пакетом — на кровавую рану. Когда последние кровавые пятна скрылись под

ровной белой дорожкой, он глубоко, со страхом вздохнул, набрал в грудь воздуху и стиснул зубы, чтобы прикоснуться голой ладонью к подсохшим лохмотьям разодранной плоти. Судорожно набросив их сбоку на рану, он пришлепнул сверху ватный тампон и как можно быстрее отдернул руку. Нервическая усмешка искривила ему губы — страшное испытание благополучно завершилось. Да оно оказалось не таким уж и страшным: ему даже удалось убедить себя в том, что надо дотронуться до тампона еще раз, потом еще раз, потом еще — правда, уже пальцами, а не всей ладонью, — но в собственном мужестве он окончательно уверился.

Теперь оставалось закрепить тампон, и, бинтуя бедро, при втором витке, Йоссариан обнаружил еще одну ранку, уже на внутренней стороне бедра, — видимо, входное отверстие осколка, круглое, с небольшую монетку отверстие, рваные края которого посинели, а в центре чернела запекшаяся кровь. Присыпав сульфаниламидом и вторую рану, Йоссариан обматывал бедро бинтом, пока не решил, что теперь уж с тампоном при любых обстоятельствах ничего не случится. Потом он отрезал бинт от рулона, разрезал его на повязке вдоль — чтоб с двух сторон обхватить

бедро, — а потом завязал концы бинта морским узлом, и работа была закончена. Йоссариан, все еще сидя на корточках, распрямил спину, расправил плечи, вытер бинтом вспотевший лоб и снова дружески улыбнулся Снегги.

— Мне холодно, — пожаловался Снегги. — Мне холодно.

— Ничего, все у тебя наладится, парень, — уверил его Йоссариан и похлопал по руке, чтоб немного приободрить. — Все, что надо, я сделал.

Но Снегги снова шевельнул головой, и его подбородок чуть дернулся вниз — видимо, чтоб Йоссариан глянул ему под мышку. Йоссариан нагнулся и, всмотревшись, заметил странное, постепенно темнеющее пятно над нижней кромкой проймы бронежилета. Сердце у Йоссариана вдруг дало сбой, а потом заколотилось так отчаянно и тревожно, что ему полминуты не удавалось вздохнуть. Он поспешно расстегнул на Снегги бронежилет и почти оглох от собственного вопля, а глаза его видели, как внутренности Снегги расползаются в обе стороны влажными кучами на полы распахнутого бронежилета. Осколок снаряда больше трех дюймов вошел в него — чуть сверху и сзади — через пройму бронежилета, пропахал тело и теперь вывалил сквозь громадную

дырку, которую он выломал в нижних ребрах, целые килограммы крапчатых внутренностей и вместе с ними вывалился сам. Йоссариан издал второй дикий вопль и прижал ладони к зажмуренным глазам. Зубы у него оглушительно клацали. Он заставил себя посмотреть на Снегги. Да, много у нас всего внутри, просто чертова прорва, горько подумал он, глядя на то, чем недавно был Снегги, — печень, почки, легкие, сердце, обломки ребер и тушеные помидоры, которые дали им в тот день на обед. Йоссариан ненавидел тушеные помидоры, он отвел глаза, и его стало рвать, а глотку ему жгла нестерпимая боль. Пока Йоссариан, прижав руки к горлу, выблевывал на пол тушеные помидоры, хвостовой стрелок приоткрыл глаза, увидел его и потерял сознание. Когда Йоссариана полностью вывернуло, он — чуть живой от страха и отвращения — опять опасливо повернулся к Снегги, который дышал теперь прерывисто, но чуть слышно, лежа с помертвевшим лицом на спине. Йоссариан думал, как же его спасать.

— Мне холодно, — пожаловался Снегги. — Мне холодно.

— Ничего, ничего, — машинально сказал Йоссариан неслышным голосом. — Ничего, ничего.

Ему было холодно, его била дрожь. Тело покрывали знобкие пупыри. Он угрюмо рассматривал сокровенную сущность, выплеснутую на пол замерзающим Снегги. Сущностью человека была плоть, материя. Выбрось его в окно, и он упадет. Привяжи над костром, и он сгорит. Зарой его в землю, и он сгниет — как любая неодухотворенная материя. Плоть, материя без духа — прах, вот что открыл Йоссариану Снегги. А рожденье и созреванье несет в себе смерть.

— Мне холодно, — пожаловался Снегги. — Мне холодно.

— Ничего, ничего, — отозвался Йоссариан и дернул кольцо. — Ничего, ничего. — Он накрыл прах — то, чем был Снегги, — раскрывшимся парашютом, словно шелковым саваном.

— Мне холодно. Мне холодно.

— Ничего, ничего.

Глава сорок вторая
Йоссариан

— Подполковник Корн просил меня передать вам, — с лицемерно радушной улыбкой сказал майор Дэнби, — что сделка остается в силе.

— Какая еще сделка?

— Ваша сделка, — словно бы вскипая от собственного радушия, энергично продолжал майор Дэнби. — Девица, которая вас чуть не убила, была послана нам как добрый подарок судьбы. Все идет прекрасно, и ваша сделка только укрепилась.

— Я не собираюсь идти на сделки с подполковником Корном.

— Но вы ведь заключили сделку, разве нет? — Кипучий оптимизм майора Дэнби вспузырился у него на лбу капельками пота и мгновенно иссяк. — Вот она и остается в силе.

— Я передумал.

— Как же так? Вы ведь обо всем договорились и дали честное слово!

— Я беру свое слово назад.

— Н-да… — Майор Дэнби вздохнул и принялся суетливо, без всякого успеха промокать себе

лоб аккуратно сложенным белым носовым платком. — Но почему, Йоссариан? Они же предложили вам очень выгодную сделку!

— Это постыдная сделка, Дэнби. Гнусная сделка.

— Н-да… — Майор Дэнби еще раз, теперь уже тревожно, вздохнул и начал машинально вытирать ладонью свои темные, коротко подстриженные щетинистые кудри, которые промокли от пота.

— Ну а по-вашему-то, Дэнби, разве она не гнусная?

Дэнби немного помолчал.

— Гнусная, конечно, — неохотно признал он. В его слегка выпученных круглых глазах застыла испуганная растерянность. — Да зачем же вы на нее согласились, если она вам так не нравится?

— Я заключил ее в минуту слабости, когда слишком сильно захотел жить, — уныло сострил Йоссариан.

— А теперь вы не хотите жить?

— Очень даже хочу, поэтому и отказываюсь летать.

— Так пусть они отошлют вас домой, и вам больше не придется летать.

— Пусть они отошлют меня домой на закон-

ном основании, — сказал Йоссариан. — Не из-за девки, которая пырнула меня ножом, и не из-за моего оголтелого упрямства, а потому что я честно отлетал свою норму.

— Им пришлось бы тогда отправить домой чуть ли не весь полк, — с искренним испугом покачав головой, сказал майор Дэнби. — Ведь у нас почти все летчики отлетали положенное. Если полковник Кошкарт затребует пополнение, чтобы заменить весь летный состав полка, обязательно начнется расследование. Он угодит в собственную западню.

— Меня это не касается.

— Касается, Йоссариан, — озабоченно возразил майор Дэнби, — еще как касается! Если вы нарушите сделку, они отдадут вас под военный трибунал сразу же после вашего возвращения в полк.

— Черта с два! — самоуверенно отозвался Йоссариан и показал майору Дэнби «нос». — Ничего у них не получится, да они и пытаться даже не станут. Зря вы меня пугаете, Дэнби.

— Почему бы это? — удивленно спросил майор Дэнби.

— А потому, что их поднимут на смех. Они же составили официальный рапорт, где говорится,

что меня пырнул нацистский убийца, когда я пытался их спасти.

— Господи, Йоссариан, да они же составили и другой официальный рапорт, где говорится, что вас пырнула невинная девушка, которую вы пытались вовлечь в незаконные махинации на черном рынке, включающие саботаж и продажу немцам наших военных тайн.

— Как это — другой официальный рапорт? — испуганно и удивленно пробормотал Йоссариан.

— Ох, Йоссариан, да они могут составить сколько угодно официальных рапортов и выбрать тот, который им сейчас нужен. Неужели вы этого не понимаете?

— Н-н-нда… — в мрачном унынии протянул побледневший Йоссариан. — Действительно.

— Соглашайтесь-ка вы на их сделку, и пусть они отправляют вас домой, — склоняясь к Йоссариану с видом доброжелательного лиса, посоветовал ему майор Дэнби. — Так будет лучше для всех.

— Так будет лучше только для меня, Кошкарта и Корна.

— Для всех, — упрямо повторил майор Дэнби.

— В том числе и для тех летчиков, которым придется летать на боевые задания?

Майор Дэнби в замешательстве отвернулся и

несколько секунд неловко молчал.

— Йоссариан, — после паузы сказал он, — вы никому не поможете, если дадите возможность полковнику Кошкарту притянуть вас к суду, который неминуемо подтвердит все его обвинения. Вы на долгие годы попадете в тюрьму и безнадежно испортите себе жизнь.

— А какие он выдвигает против меня обвинения? — с нарастающим беспокойством спросил Йоссариан.

— Постоянное нарушение дисциплины, преступная халатность при бомбардировке Феррары, невыполнение приказов командира на линии огня и дезертирство.

— Так они ведь и раньше могли меня в этом обвинить, разве нет? А вместо обвинения дали за Феррару медаль. Как же им удастся теперь доказать мою преступную халатность?

— Аафрей покажет под присягой, что вы с Макботом написали лживый рапорт.

— Этот может, что и говорить.

— Кроме того, они обвинят вас в попытке изнасиловать невинную девушку, махинациях на черном рынке, саботаже и выдаче за деньги военных тайн врагу.

— Обвинят-то ладно, а как докажут? Я ведь

ничего подобного не делал.

— Они найдут свидетелей, которые будут утверждать, что вы все это делали. И найти таких свидетелей вовсе не трудно, убедив их предварительно, что вас надо изолировать для блага страны. Причем в каком-то смысле они были бы правы.

— В каком же это смысле? — подперев голову рукой, враждебно спросил Йоссариан.

— Видите ли, Йоссариан, — снова выпрямившись на своем стуле и промокая платком лоб, начал Дэнби. Ему было неловко, и он слегка запинался. — Развенчание полковника Кошкарта и подполковника Корна нанесет нашей боевой мощи немалый урон. Ведь если смело смотреть правде в глаза, Йоссариан, то придется признать, что наш полк, независимо от личных качеств командира, эффективно выполняет свой воинский долг. А если трибунал признает вас невиновным, репутация полковника Кошкарта будет подмочена, и другие летчики тоже, вполне возможно, откажутся летать, что пагубно отразится на боеспособности нашего полка. Вот в каком смысле было бы правильно осудить вас, хотя вы и невиновны.

— Да, ловко вы разложили все по полочкам, —

едко пробормотал Йоссариан.

— Напрасно вы на меня сердитесь! — протестующе воскликнул майор Дэнби, однако покраснел, смущенно нахмурился, а потом и вовсе отвел взгляд. — Мне-то что? Я просто пытаюсь объективно взглянуть на вещи и найти выход из гибельного для всех тупика.

— А я, между прочим, никого в тупик не заводил.

— Зато могли бы вывести. Да вы и сами сможете выбраться из него только вместе со всеми. Летать-то вы не хотите.

— Я могу сбежать.

— Сбежать?

— Дезертировать. Скрыться. Плюнуть на все и удрать.

— Куда? — с возмущенной озабоченностью спросил майор Дэнби. — Куда вы можете удрать?

— Ну хоть в Рим, это, сами понимаете, нетрудно. А там спрячусь.

— И будете непрерывно трястись от страха, что вас найдут. Нет-нет, Йоссариан, нет и нет! Это было бы слишком опасно и постыдно. Если спрятать голову в песок, тучи над ней не развеются. Я же хочу вам помочь, Йоссариан, помочь, а не навредить, понимаете?

— Вот-вот, именно так сказал и обэпэшник, предлагая своему напарнику разодрать мне рану, — ядовито сказал Йоссариан.

— Я не обэпэшник! — оскорбленно вскинулся майор Дэнби и опять покраснел. — Я университетский профессор с обостренным восприятием хорошего и дурного, мне незачем вам лгать. Я вообще никому не лгу.

— А что вы скажете, если кто-нибудь спросит вас об этом разговоре?

— Я ему солгу.

Йоссариан ехидно расхохотался, а майор Дэнби, все еще красный от негодования, облегченно откинулся на спинку стула, как бы предполагая, что, добившись перелома в настроении Йоссариана, сумеет отыскать и выход из опасного тупика. Йоссариан смотрел на него с презрительной жалостью. Он сел, прислонился к спинке койки и, закурив сигарету, сочувственно разглядывал со снисходительной полуулыбкой затаившийся в глазах майора Дэнби ужас, который охватил того — и, по-видимому, навеки, — когда генерал Дридл приказал вывести его перед бомбардировкой Авиньона из инструктажной и расстрелять. Морщины страха, словно темные шрамы, навсегда взрезали ему лицо, и Йоссариану было

немного жалко этого немолодого, деликатного, совестливого идеалиста — так же, как многих других людей с безобидными прегрешениями и несерьезными бедами.

— Послушайте, Дэнби, — благожелательно сказал он, — как вы можете работать с кошкартами и корнами? Неужели вас от них не мутит?

— Я работаю для блага родины, — искренне удивившись вопросу, будто ответ на него был самоочевиден, сказал майор Дэнби. — Полковник Кошкарт и подполковник Корн мои командиры, и, только выполняя их приказы, я могу приблизить победу над врагом. Ну а кроме того, — негромко добавил он и смущенно опустил взгляд, — я и вообще-то покладистый человек.

— Да ведь мы уже фактически победили, — по-прежнему без всякой враждебности сказал Йоссариан, — и теперь, выполняя их приказы, вы же работаете только на них.

— Я стараюсь об этом не думать, — откровенно признался майор Дэнби. — Мне важна главная цель, а их преуспеяние меня не волнует. Я стараюсь убедить себя, что они просто не имеют значения.

— А у меня так не получается, — раздумчиво и дружелюбно сказал Йоссариан. — Я, может,

и хотел бы жить, как вы, но стоит мне увидеть, что к идеалу присосались типы вроде Долбинга с Шайскопфом или Кошкарта с Корном, и он для меня сразу тускнеет.

— Не стоит обращать на них внимания, — с настойчивой симпатией посоветовал ему майор Дэнби. — И уж во всяком случае, нельзя пересматривать из-за них свою систему ценностей. Идеалы всегда прекрасны, а люди — далеко не всегда. Надо уметь возвыситься над мелочами, чтобы видеть главное.

— Куда бы я ни посмотрел, мне везде видна лишь погоня за наживой, — скептически покачав головой, сказал Йоссариан. — Где они, ваши горние высоты, ангелы и святые? А людям все равно: им любой благородный порыв, любая трагедия — только средства для наживы.

— Старайтесь об этом не думать, — упорно увещевал его майор Дэнби. — И уж во всяком случае, пусть это вас не угнетает.

— Да это-то меня и не угнетает. Меня угнетает, что я в их глазах глупый простофиля. Себя они считают мудрыми ловкачами, а всех остальных — убогими дураками. И знаете, Дэнби, сейчас мне вдруг первый раз стало ясно, что они, возможно, правы.

— Старайтесь не думать и об этом, — упрямо стоял на своем майор Дэнби. — Старайтесь думать только о процветании родины и человеческом достоинстве.

— Оно конечно.

— Я серьезно, Йоссариан. Это вам не первая мировая война. Вы должны помнить, что мы воюем с агрессорами, которые всех нас уничтожат, если сумеют победить.

— Я помню! — отрубил Йоссариан, чувствуя, что в нем опять подымается волна сварливой враждебности. — А вы-то помните, что мне дали медаль, которую я честно заслужил, хотя Кошкарт с Корном наградили меня из своих шкурных соображений? Я семьдесят раз летал на бомбардировку, будь она проклята! И нечего мне толковать про спасение родины! Я долго дрался, чтоб ее спасти. А теперь намерен драться за спасение собственной жизни. Теперь не родине — теперь моей жизни угрожает смертельная опасность.

— Но война ведь еще не кончилась. Немцы подступили к Антверпену.

— Немцев разобьют через пару месяцев. А потом, еще через пару месяцев, разобьют и японцев. Так что если я пожертвую сейчас жизнью, то не ради родины, а ради Кошкарта с Корном. Хватит,

пусть посидят у моего бомбового прицела другие. Отныне я буду думать только о себе!

— Послушайте, Йоссариан, — снисходительно и свысока улыбаясь, проговорил майор Дэнби, — а что, если бы каждый начал так рассуждать?

— Ну, тогда-то я был бы просто полным кретином, если б рассуждал иначе, разве нет? — Йоссариан сел попрямее и ухмыльнулся. — Вы знаете, у меня такое ощущение, что я уже с кем-то вел похожий разговор. Я сейчас чувствую себя вроде капеллана, которому часто чудится, что у него в жизни все повторяется дважды.

— Капеллан пытается убедить их, чтоб они отправили вас домой.

— Где уж ему!

— Н-да… — Майор Дэнби вздохнул и с опечаленным разочарованием покачал головой. — А он опасается, что повлиял на ваше решение.

— Куда ему! Кстати, знаете, что я могу сделать? Мне ничего не стоит укорениться на койке в госпитале до конца войны, чтобы вести растительную, так сказать, жизнь. Я буду лежать тут на боку вроде пузатой тыквы, а решения пусть принимают другие.

— Вам все равно придется принимать решения, — возразил майор Дэнби. — Человек не

может вести растительную жизнь.

— Это почему?

Но глаза у майора Дэнби вдруг засветились мечтательной завистью.

— А чудесная это, наверно, штука — растительная жизнь, — сказал он.

— Особенно если в перегное из дерьма, — добавил Йоссариан.

— Нет, я серьезно, — сказал майор Дэнби. — До чего же хорошо, живи себе и живи, как огурчик, — без всяких сомнений и стрессов.

— Как горький огурчик или нормальный?

— Нет уж, лучше, пожалуй, как нормальный.

— Чтоб вас изрезали на салат?

Лицо майора Дэнби омрачилось.

— Ну, тогда как горький.

— А горький сорвали бы и сгноили, чтоб сделать из него перегной для нормальных.

— Что ж, придется, видно, отказаться от растительной жизни, — печально смирился майор Дэнби.

— Послушайте, Дэнби, — уже без всяких шуток спросил его Йоссариан, — так соглашаться мне, чтоб они отправили меня домой?

— Таким образом вы наверняка спасете свою жизнь, — пожав плечами, ответил тот.

— И потеряю себя. Вам-то это должно быть понятно.

— У вас будет много радостей.

— Не хочу я никаких радостей! — отрезал Йоссариан. А потом, с яростью и отчаянием долбанув кулаком по матрацу, воскликнул: — Будь оно все проклято, Дэнби! На этой дьявольской войне поубивали моих друзей. Не могу я вступать после их смерти в гнусную сделку!

— И вы согласились бы, чтоб вас упрятали за решетку?

— А вы согласились бы на их сделку?

— Конечно, согласился бы! — убежденно объявил майор Дэнби. — Да, скорей всего, согласился бы, — добавил он, уже менее убежденно, через несколько секунд. — В общем, наверно, согласился бы, — мучительно поколебавшись, заключил он, — если бы мне пришлось оказаться на вашем месте. — А потом с отвращением тряхнул головой, отвел взгляд в сторону и безнадежно сказал: — Разумеется, я согласился бы, чтоб они отправили меня домой! Но я такой позорный трус, что не мог бы оказаться на вашем месте.

— Ну а если б вы не были трусом? — допытывался Йоссариан. — Если б у вас хватило храбрости не подчиняться их приказам?

— Тогда я не согласился бы, чтобы они отправили меня домой! — клятвенно воскликнул майор Дэнби. — Но и не допустил бы, чтоб отдали под суд.

— Короче, стали бы летать?

— Ни в коем случае! Это же была бы полная капитуляция. И ведь меня могли бы убить.

— Так, значит, удрали бы?

Майор Дэнби разинул рот, собираясь провозгласить что-то гневно величественное, но сразу же немо сомкнул челюсти и только лязгнул зубами. А потом устало распустил губы и сказал:

— Похоже, что тогда мне пришлось бы отказаться от надежды выжить, верно?

У него опять увлажнился лоб и нервически заблестели чуть выпученные глаза. Он скрестил на коленях тонкие запястья и, едва дыша — Йоссариан не слышал его дыхания, — уставился в пол с видом человека, поневоле признавшего свое полное поражение. Темные тени оконных переплетов чуть вкось перечеркивали стену напротив окна. Йоссариан не отводил хмурого взгляда от собеседника, и оба они даже не пошевелились, когда возле госпиталя послышался скрип тормозов, щелкнула дверца машины и лестница загудела от дробота торопливых шагов.

— Да нет, пожалуй, все-таки не пришлось бы, — медленно стряхивая уныние, решил Йоссариан. — Мило Миндербиндер вполне мог бы вам помочь. Он гораздо могущественней полковника Кошкарта и многим мне обязан.

— Мило Миндербиндер и полковник Кошкарт стали теперь близкими приятелями, — безучастно покачав головой, сказал майор Дэнби. — Мило сделал полковника Кошкарта своим заместителем по управлению трестом и пообещал предоставить ему после войны весьма высокую должность.

— Тогда нам поможет Уинтергрин, — все еще не теряя надежды, объявил Йоссариан. — Он их обоих люто ненавидит и зверски разозлится, когда обо всем узнает.

— Мило и Уинтергрин объединили на прошлой неделе свои торговые дела, — еще раз мрачно покачав головой, сказал майор Дэнби. — Они теперь неразлучные партнеры.

— Значит, никакой надежды у нас нет?

— Значит, нет.

— Совсем-совсем никакой?

— Совсем никакой. — Майор Дэнби поднял на Йоссариана взгляд и сокрушенно пожелал: — Эх, исчезли бы они нас, как многих других, чтоб мы

избавились наконец от наших тяжких забот, правда, Йоссариан?

Йоссариан не захотел, чтоб его исчезли. Майор Дэнби, не настаивая, снова понурил голову, и они сидели вдвоем без всякой надежды, пока их радостно не обнадежил счастливый капеллан, который сначала возвестил о своем приближении торопливым топотом в коридоре, а ворвавшись к ним, заорал так взволнованно и восторженно, что понять его первые несколько минут было совершенно невозможно. На глазах у капеллана блестели счастливые слезы, а на губах звонко дрожала фамилия Орра, и, когда Йоссариан понял, в чем дело, его словно ветром сдунуло с кровати.

— В Швеции? — заорал он.

— Орр! — гаркнул капеллан.

— Орр? — вскричал Йоссариан.

— В Швеции! — завопил капеллан, по-лошажьи мотая вниз-вверх головой и прыгая вокруг Йоссариана, как ошалевший жеребец. — Это чудо! Понимаете? Чудо! Я опять уверовал в бога! Уверовал, клянусь вам! Нет, вы только представьте себе! Его выбросило — живого! — на шведское побережье! После стольких дней в море! Это истинное чудо!

— Черта лысого — выбросило! — радостно

заорал Йоссариан, а потом, ликующе хохоча, исступленно топоча и восторженно крича, пояснил — стенам, полу, потолку, капеллану и майору Дэнби: — Черта с два его выбросило! Он сам туда выгребся! Сам выгребся! Сам!

— Выгребся?

— Он все запланировал! Он намеренно уплыл в Швецию!

— Ну и слава богу! — еще восторженней завопил капеллан. — Это чудо — чудо человеческого разума и воли! — Он с размаху сжал обеими руками голову и перегнулся от хохота напополам. — Нет, вы только представьте его себе! — изумленно воскликнул он. — Представьте себе, как он сидит на этом желтом плоту и гребет в ночной темноте к Гибралтару крохотным, как чайная ложечка, голубым веслом…

— А за ним тянется леска с наживкой, и он жует сырую треску и готовит к обеду чай…

— Я его прямо вижу! — снова начал свои славословия капеллан, умолкший на минуту, чтобы перевести дух. — Это же чудо человеческой стойкости! Ну, нет, отныне и меня больше не свалишь! Я выстою, непременно выстою! Слышите?

— Он с самого начала прекрасно знал, что делает! — радостно надрывался Йоссариан, вскинув

руки вверх и победно сжав кулаки, будто хотел выжать из воздуха всеобъемлющую истину. Он повернулся к Дэнби и на мгновение замер. — Дэнби, олух царя небесного, у нас, оказывается, есть-таки надежда! Понимаете? Есть! Может, даже и Клевинджер таится где-нибудь в своем облачке, поджидая безопасного момента, чтоб явиться на свет…

— О чем вы толкуете? — ошалело взорвался майор Дэнби. — О чем вы оба толкуете?

— Достаньте мне арбузик, Дэнби, арбузик и дыньку! Бегите, Дэнби, отыщите мне дыньку с арбузиком, пока не поздно, да и для себя обязательно прихватите!

— Арбузик? Дыньку? Да зачем они вам?

— Чтоб засовывать их вместо камня за пазуху, Дэнби! — Йоссариан опять возвел руки к потолку, на этот раз в неистовом и покаянном самобичевании. — Господи, ну почему я ему не доверял? Почему, как дурак, затыкал уши?

— Послушайте, вы что — рехнулись? — обеспокоенно вскричал майор Дэнби. — Объясните мне наконец, о чем вы оба орете?

— Дэнби, он же все это запланировал, понимаете? Он запланировал это заранее и подставлялся для тренировки под зенитные снаряды. Он трени-

ровался при каждом боевом вылете. А я не хотел с ним летать! Господи, ну почему я его не слушал? Он звал меня к себе бомбардиром, а я, видите ли, нос воротил! Дэнби, достаньте мне где-нибудь заячьи зубы и форсуночку, чтоб ее починять, а главное, раздобудьте мне маску невинного простака, чтоб никто не заподозрил под ней мудреца. Мне это совершенно необходимо! Теперь-то я понимаю, о чем он пытался мне намекнуть! Я понял даже, почему та девка била его по голове.

— Почему? — сразу же вклинился капеллан.

Йоссариан стремительно повернулся к нему, цепко ухватил за ворот рубахи и просительно, пылко потребовал:

— Капеллан, помогите мне! Умоляю вас, помогите! Добудьте мою одежду. Только быстренько, ладно? Она нужна мне до зарезу и прямо сейчас!

— Конечно, Йоссариан, конечно, добуду, — откликнулся, деловито срываясь с места, капеллан. — А где она? Как ее добыть?

— Как угодно, капеллан, — посулами, угрозами, даже силой! Ради бога, добудьте! Она должна быть где-то здесь, в госпитале. Умоляю вас, голубчик, добейтесь своего хотя бы раз в жизни!

— Не беспокойтесь, Йоссариан, — решительно расправив плечи и мужественно сомкнув челю-

сти, отозвался капеллан. — Я добуду вашу форму. Но все же скажите, почему та девица била Орра туфлей по голове? Ну пожалуйста, скажите!

— Да потому что он ей за это платил. А она так и не стукнула его по-настоящему, и ему пришлось уплыть в Швецию. Капеллан, голубчик, раздобудьте поскорей мою форму, чтоб я мог отсюда удрать. Попросите помощи у мисс Даккит. Она вам поможет. Она поможет кому угодно в чем угодно, лишь бы избавиться от меня.

— Куда это вы собрались? — встревоженно спросил Йоссариана майор Дэнби, когда капеллан торопливо выкатился из палаты. — Что вы собираетесь сделать?

— Я собираюсь удрать! — жизнерадостно и звонко объявил Йоссариан, расстегивая пижаму.

— Ох, нет, Йоссариан, только не это! — простонал майор Дэнби и принялся суетливо, обеими руками стирать с лица пот. — Вам нельзя сейчас удирать! Куда вы удерете? Где спрячетесь?

— В Швеции.

— В Швеции? — растерянно переспросил майор Дэнби. — Вы собираетесь удрать в Швецию? Вы с ума сошли!

— Орр-то удрал.

— Ох, нет, Йоссариан, нет, нет и нет! — умоля-

ющe воскликнул майор Дэнби. — Вы же туда не доберетесь! Вам нельзя удирать в Швецию! Вы и грести-то наверняка не умеете!

— Первым делом я доберусь до Рима и, если совесть позволит вам промолчать, попытаюсь найти попутный рейс. Вы меня не выдадите, Дэнби?

— Вас же найдут! — в отчаянии выкрикнул майор Дэнби. — Найдут, доставят обратно и покарают еще суровей!

— Им придется дьявольски упорно трудиться, чтоб меня отыскать.

— Они будут дьявольски упорно трудиться, чтобы вас отыскать! Но предположим, вы сумеете от них спрятаться — подумайте, Йоссариан, какую жизнь вам предстоит вести! Вас ждет полнейшее одиночество! Вы никогда не найдете искренних единомышленников и всегда будете опасаться предательства!

— Я и сейчас так живу.

— Йоссариан, вы не можете просто плюнуть на свой долг и удрать, — гнул свое майор Дэнби. — Это дурно. Это же, наконец, измена!

— Дело в том, Дэнби, — Йоссариан презрительно, но весело усмехнулся и покачал головой, — что мне как раз и не хочется плевать на свой

долг. Я хочу его выполнить — спасти собственную жизнь. Разве это дурно? А изменниками, с вашего позволения, следует называть вовсе не Орра или меня.

— Капеллан, подействуйте на него! Он собирается дезертировать. Удрать в Швецию.

— Замечательно! — воскликнул капеллан, горделиво швыряя на койку наволочку с одеждой Йоссариана. — Удирайте в Швецию, Йоссариан! А я останусь тут и выстою. Да-да, меня теперь не свалишь! Я буду изводить и травить Кошкарта с Корном при каждой встрече. Мне теперь ничуть не страшно! Я и генерала Дридла могу приструнить!

— Генерала Дридла убрали, — напомнил ему Йоссариан, поспешно натянув брюки и заправляя в них рубаху. — Его заменил генерал Долбинг.

— Я и генерала Долбинга могу приструнить, и даже генерала Шайскопфа! — наслаждаясь своей многословной храбростью, похвастал капеллан. — А знаете, что еще я собираюсь сделать? Я собираюсь при первой же встрече врезать по носу капитану Гнусу. Надо только, чтобы вокруг было много народу, и тогда он не сможет дать мне сдачи.

— Вы что — оба рехнулись? — протестующе

завопил майор Дэнби, и его всегда немного выпученные от страха глаза выпучились в гневном ужасе еще сильней. — Оба спятили? Послушайте, Йоссариан…

— Это чудо, говорю вам, чудо! — ликуя, воскликнул капеллан и, ухватив майора Дэнби за талию, подняв, словно для вальса, локти, принялся вертеть его вокруг себя, будто дряблый мешок. — Это истинное чудо! Если Орр смог добраться до Швеции, я непременно восторжествую над Кошкартом и Корном, мне надо только выстоять…

— Капеллан, будьте любезны, помолчите хоть минутку, — вежливо попросил капеллана, вырвавшись из его объятий, майор Дэнби. Ему все время приходилось вытирать дрожащей рукой вспотевший лоб. Он нагнулся к Йоссариану, который надевал башмаки, и сказал: — А как насчет полковника…

— Наплевать на полковника!

— Но это фактически…

— Пусть катятся оба ко всем чертям!

— …поможет им преуспеть, — упрямо закончил майор Дэнби свою мысль. — Об этом вы подумали?

— Пускай, выродки, преуспевают, мне наплевать, раз я не могу им помешать, но меня все же

радует, что я хоть как-то их ущемлю, если благополучно удеру. А по-настоящему меня заботит теперь только долг по отношению к самому себе. Мне обязательно нужно добраться до Швеции.

— Вы не доберетесь, Йоссариан. Это невозможно. Это географически, так сказать, невозможно — добраться отсюда до Швеции.

— Типун вам на язык, Дэнби, хоть я и сам это прекрасно понимаю. А все-таки попытаюсь. Тем более, что где-то в Риме болтается девчонка, которую мне хотелось бы спасти, если я сумею ее разыскать. Она отправится со мной в Швецию, если я смогу ее разыскать, так что вам даже не удастся обозвать меня оголтелым эгоистом.

— Это сумасшествие! Да вас и совесть потом загрызет.

— Так я не против, — со смехом отозвался Йоссариан. — Жизнь без мучительных угрызений совести ничего не стоит, правильно, капеллан?

— Я врежу капитану Гнусу по носу при первой же встрече, — с одышкой похвалялся капеллан, неуклюже нанося по воздуху два коротких прямых левой и потом нокаутирующий в корпус правой. — Вот так!

— А бесчестье? — спросил майор Дэнби.

— Бесчестье? Его и тут вполне хватает. — Йос-

сариан туго завязал на втором башмаке шнурок и встал. — Что ж, Дэнби, я готов. Так как вы решили? Позволит вам ваша совесть молчать, пока я ищу попутный рейс?

Майор Дэнби рассматривал Йоссариана с необычной для него сосредоточенно-печальной улыбкой. Он уже не потел и казался совершенно спокойным.

— А что вы сделаете, — насмешливо и грустно спросил он, — если я попытаюсь вам помешать? Пристукнете?

— Разумеется, нет, — оскорбленно удивившись, ответил Йоссариан. — С чего это вы взяли?

— Я, я вас пристукну, — пообещал капеллан, подступая в бое с тенью к майору Дэнби почти вплотную. — Вас и капитана Гнуса и, может быть, даже капрала Уиткума. Представляете, как будет чудесно, если мне не придется больше бояться капрала Уиткума?

— Так вы собираетесь мне помешать или нет? — внимательно глядя на майора Дэнби, спросил Йоссариан.

Тот молча отступил, чтоб его не задел кулаками капеллан, и, поколебавшись еще несколько секунд, облегченно выпалил:

— Что вы, конечно, нет! — А потом с яростной

щедростью замахал обеими руками, показывая на дверь. — Конечно же, конечно, нет! Удирайте, ради бога, да поворачивайтесь попроворней, ладно? Деньги вам нужны?

— У меня немного есть.

— Возьмите на всякий случай еще. — Майор Дэнби с радостным воодушевлением выхватил из кармана толстую пачку лир, сунул ее Йоссариану и крепко обхватил его руку обеими ладонями — чтоб унять дрожь собственных пальцев и подбодрить беглеца. — А хорошо, наверно, сейчас в Швеции, — грустно пробормотал он. — Красивые девушки, передовые взгляды…

— До свидания, Йоссариан! — воскликнул капеллан. — Желаю вам удачи! А я останусь тут и непременно выстою, и мы обязательно встретимся после войны!

— Счастливо, капеллан. Спасибо вам, Дэнби.

— Как вы себя чувствуете, Йоссариан?

— Великолепно. Боюсь до смерти.

— Прекрасно, Йоссариан, — сказал майор Дэнби. — Значит, жизнь из вас еще не ушла. Вам будет нелегко: шутить с вами не будут.

— А это уже облегчение, мне, знаете ли, обрыдли их шутки, — отозвался Йоссариан, делая шаг к двери.

— Я серьезно, Йоссариан. Вы будете под угрозой и ночью и днем, как летчик в горящем самолете. Они и землю и небо вздернут на дыбы, чтобы вас поймать.

— Я им не дамся.

— Вам придется быть начеку, как в горящем самолете перед командой командира «Прыгай!» — секунда промедления, и даже парашют уже не поможет.

— Я буду начеку, — сказал Йоссариан, открывая дверь.

— Прыгай! — рявкнул майор Дэнби.

Йоссариан прыгнул. За дверью таилась шлюха Нетли. Мелькнувший нож чуть не вспорол Йоссариану рубаху, и он скрылся за углом коридора.